

ISSN 1998-0817

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета
имени Н.А. Некрасова

2

2016

ВЕСТНИК
КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
имени Н.А. НЕКРАСОВА

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Выходит с 1995 года

2016 **Том 22**

№ 2
Март – Апрель

VESTNIK
OF NEKRASOV
KOSTROMA
STATE UNIVERSITY

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL JOURNAL
Appears since 1995

2016 **Volume 22**

№ 2
March – April

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В ПЕРЕЧЕНЬ РЕЦЕНЗИРУЕМЫХ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ,
В КОТОРЫХ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОПУБЛИКОВАНЫ ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДИССЕРТАЦИЙ
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА НАУК,
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА НАУК

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ (РИНЦ)
С 2003 ГОДА

16+

ISSN 1998-0817

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ Н.А. НЕКРАСОВА»**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе
КГУ им. Н.А. Некрасова

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КИРПИЧНИК АНАТОЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ
кандидат психологических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

АНДРЕЕВА ВАЛЕРИЯ ГЕННАДЬЕВНА
кандидат филологических наук,
КГУ им. Н.А. Некрасова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БЕЛОВ АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

БЕРЕЗОВИЧ ЕЛЕНА ЛЬВОВНА

доктор филологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник

Институт русского языка им. В.В.Виноградова (г. Москва)
Уральский государственный университет (г. Екатеринбург)

БИБИКОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

доктор юридических наук, профессор,

Ивановский государственный университет (г. Иваново)

БОРОДКИН ЛЕОНИД ИОСИФОВИЧ

доктор исторических наук, профессор,

заведующий кафедрой исторической информатики,
научный руководитель Центра экономической истории
исторического факультета Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова
действительный член РАЕН, председатель Научного
Совета РАН по проблемам российской и мировой
экономической теории (г. Москва)

БУРЫКИН АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

доктор филологических наук, доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник ИЛИ РАН

Институт лингвистических исследований

Российской Академии наук (г. Санкт-Петербург)

ГАНЦОВСКАЯ НИНА СЕМЕНОВНА

доктор филологических наук, профессор,

КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

ДЕФЬЕ ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ

доктор филологических наук, профессор, Московский
педагогический государственный университет (г. Москва)

ЕРМАКОВА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА

доктор филологических наук, профессор,

Тюменский государственный университет (г. Тобольск)

ЗАХАРОВА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,

Институт мировой литературы

им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ИЗОТОВА НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЯНОВНА

доктор филологических наук, профессор,

директор института филологии, журналистики
и межкультурной коммуникации

Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

КАПУСТИН НИКОЛАЙ ВЕНАЛЬЕВИЧ

доктор филологических наук, профессор,

Ивановский государственный университет (г. Иваново)

**THE EDITORIAL BOARD
OF THE JOURNAL
“VESTNIK OF NEKRASOV
KOSTROMA STATE UNIVERSITY”**

EDITOR-IN-CHIEF

VLADISLAV VLADIMIROVICH GRUZDEV
Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor,
prorector of science
Nekrasov Kostroma State University

ASSOCIATE EDITOR-IN-CHIEF

ANATOLIY GRIGORIEVICH KIRPICHNIK
Candidate of Psychological Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

EXECUTIVE SECRETARY

VALERIYA GENNADIEVNA ANDREEVA
Candidate of Philological Sciences,
Nekrasov Kostroma State University

EDITORIAL BOARD STAFF

ANDREY MIKHAYLOVICH BELOV
Doctor of Historical Sciences, Professor
Nekrasov Kostroma State University

ELENA L'VOVNA BEREZOVICH

Doctor of Philological Sciences, Professor,
leading scientific associate,

Vinogradov Russian Language Institute (Moscow)
State University of the Urals (Yekaterinburg)

ALEKSANDR IVANOVICH BIBIKOV

Doctor of Juridical Sciences, Professor,

Ivanovo State University

LEONID IOSIFOVICH BORODKIN

Doctor of Historical Sciences, Professor,

head of Department of Historical Informatics,
principal investigator of Economic History Centre of Historical
Faculty of Lomonosov Moscow State University
Russian Natural Sciences Academy full member,
chairman of scientific council of Russian Academy
of Sciences on the issues of Russian
and world economics (Moscow)

ALEKSEY ALEKSEYEVICH BURYKIN

Doctor of Philological Sciences, Doctor of Historical Sciences,
leading scientific associate,

Linguistic Investigations Institute

of Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg)

NINA SEMYONOVNA GANTSOVSKAYA

Doctor of Philological Sciences, Professor,

Nekrasov Kostroma State University

OLEG VIKTOROVICH DEFYE

Doctor of Philological Sciences, Professor,

Moscow Pedagogic State University

ELENA NIKOLAEVNA ERMAKOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor,

Tobolsk State University

NATALIYA VLADIMIROVNA ZAKHAROVA

Candidate of Philological Sciences,

Senior Scholar, A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

NATALIYA VALERIYANOVNA IZOTOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor,

director of Philology, Journalism

and Intercultural Communication Institute,
Southern Federal University (Rostov-on-Don)

NIKOLAY VENALIYEVICH KAPUSTIN

Doctor of Philological Sciences, Professor,

Ivanovo State University

КОМАРОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор юридических наук, профессор, заведующий
кафедрой теории государства и права им. Г.В. Мальцева,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

КОПТЕЛОВА НАТАЛИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

КОЧЕШКОВ ГЕННАДИЙ НИКОЛАЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Почетный работник Высшего профессионального
образования РФ, заведующий кафедрой
отечественной истории Ярославский государственный
педагогический университет
имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

КУДИНОВ ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

КУЧИНА ТАТЬЯНА ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой иностранных литератур и языков
Ярославский государственный педагогический
университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

ЛЕБЕДЕВ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

МАЛЬКО АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации
директор Саратовского филиала Института государства
и права Российской академии наук (г. Саратов)

МЫЗНИКОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ
доктор филологических наук, главный научный сотрудник,
заведующий Словарным отделом ИЛИ РАН
Институт лингвистических исследований
Российской Академии наук (г. Санкт-Петербург)

НЕНАРОКОВА МАРИЯ РАВИЛЬЕВНА
доктор филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ПЕТРОВИЧЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор исторических наук, профессор
директор Гуманитарного института
Владимирский государственный университет
им. Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых (г. Владимир)

ПОЛЫВЯННЫЙ ДМИТРИЙ ИГОРЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
почетный работник высшего образования,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

ПОЛИЩУК НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Академия права и управления Федеральной службы
исполнения наказаний России (г. Рязань)

РОМАНОВСКАЯ ВЕРА БОРИСОВНА
доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой теории и истории государства
и права Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)

ТИХОМИРОВ ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

SERGEY ALEKSANDROVICH KOMAROV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
head of Mal'tsev Department of State and Law Theory,
Russian Academy of National Economy
and Career Service under
the President of the Russian Federation (Moscow)

NATALIYA GENNADIEVNA KOPELOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

GENNADIY NIKOLAEVICH KOCHESHKOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation
head of Department of Russian History,
Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

VLADIMIR ANDREEVICH KUDINOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

TATIANA GENNADIEVNA KUCHINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
head of Department of Foreign Writings and Languages
Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University

YURIY VLADIMIROVICH LEBEDEV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

ALEKSANDR VASILIEVICH MAL'KO
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
honoured science worker of the Russian Federation,
director of Saratov branch of State and Law Institute
of Russian Academy of Sciences

SERGEY ALEKSEEVICH MYZNIKOV
Doctor of Philological Sciences, principal scientific associate,
head of Dictionary division,
Linguistic Investigations Institute
of Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg)

MARIYA RAVIL'YEVNA NENAROKOVA
Doctor of Philological Sciences,
Senior Scholar, A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

ELENA MIKHAYLOVNA PETROVICHEVA
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Director of the Institute for the Humanities,
Aleksandr Grigoriyevich
and Nikolay Grigoriyevich Stoletovs
Vladimir State University

DMITRIY IGOREVICH POLYVYANNYY
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ivanovo State University

NIKOLAY IVANOVICH POLISHCHUK
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Academy of Federal
Penitentiary Service (Ryazan)

VERA BORISOVNA ROMANOVSKAYA
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
head of Department of State and Law Theory,
Lobachevsky Nizhny Novgorod State University

VLADIMIR VASILIEVICH TIKHOMIROV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

ТОКАРЕВ ГРИГОРИЙ ВАЛЕРИЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой документоведения и стилистики
русского языка Тульский государственный университет
им. Л.Н. Толстого (г. Тула)

ТОПОРОВА АННА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ТРЕТЬЯКОВА ИРИНА ЮРЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

ТЮЛЕНЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой теории литературы
и русской литературы XX в.

Ивановский государственный университет (г. Иваново)

УСМАНОВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Ивановский государственный университет,
заведующий кафедрой церковной и общей истории
Свято-Алексеевская Иваново-Вознесенская
Православная Духовная семинария (г. Иваново)

ФОКИНА МАДИНА АЛЕКСАНДРОВНА
доктор филологических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

ХАЛТРИН-ХАЛТУРИНА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук,
доктор философии (PhD in English),
старший научный сотрудник, Институт мировой
литературы им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕКАЛОВ КИРИЛЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор филологических наук,
заведующий отделом классических литератур
Запада и сравнительного литературоведения ИМЛИ РАН,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕРКАСОВ КОНСТАНТИН ВАЛЕРЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой административного, финансового
и информационного права Нижегородского института
управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Нижний Новгород)

ШАЛУМОВ МИХАИЛ СЛАВОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
судья Верховного суда Российской Федерации (г. Москва)

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

ЙОСИФОВА ТАНЯ НИКОЛОВА
доктор права,
руководитель кафедры «Частно-правовые науки»
Университет национального
и мирового хозяйства (г. София, Болгария)

КОНТ ФИЛИПП
профессор современного русского языка и литературы
Парижский университет, Сорбонна, (г. Париж, Франция)

РОЗОВСКИЙ БОРИС ГРИГОРЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор
Заслуженный юрист Украины
Институт экономико-правовых исследований
Национальной Академии наук Украины (г. Луганск)

GRIGORIY VALERIEVICH TOKAREV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
head of Department of Documentation Scientific Discipline
and Russian Language Stylistics
Leo Tolstoy Tula State University

ANNA VLADIMIROVNA TOPOROVA
Doctor of Philological Sciences,
Senior Scholar, A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

IRINA YURIEVNA TRET'YAKOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

ELENA MIKHAYLOVNA TYULENEVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
head of Department of Literature Theory
and the 20th Century's Russian Literature,
Ivanovo State University

SERGEY MIKHAYLOVICH USMANOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Ivanovo State University
head of Department of Church and Worldly History,
Saint Alexius Orthodox
theological seminary (Ivanovo)

MADINA ALEKSANDROVNA FOKINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

ELENA VLADIMIROVNA HALTRIN-KHALTURINA
Doctor of Philological Sciences,
Doctor of Philosophy (the USA)
Senior Scholar, A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KIRILL ALEKSANDROVICH CHEKALOV
Doctor of Philological Sciences,
head of the Department of Western Classic Literature
and Comparative Litera Studies,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KONSTANTIN VALERIEVICH CHERKASOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
head of Department of Administrative,
Financial and Informational Law, Nizhny Novgorod
Management Institute – branch of Russian Academy
of National Economy and Career Service
under the President of the Russian Federation

MIKHAIL SLAVOVICH SHALUMOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
judge of Supreme Court of the Russian Federation

EDITORIAL BOARD FOREIGN STAFF

TANYA NIKOLOVA JOSIFOVA
Doctor of Law,
head of Department of Individual Right
University of Economy for the Bulgarian Nation and World,
Sofia, Bulgaria

PHILIPPE COMTE
Professor of modern Russian language and literature
Pantheon-Sorbonne University, Paris, France

BORIS GRIGORIEVICH ROZOVSKIY
Doctor of Juridical Sciences, Professor
Honoured lawyer of the Ukraine
Institute of economical and legal research
National Academy of Sciences of Ukraine (Lugansk)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

- 9 **Тюленев В.М.**
Между монастырем и миром:
Эннодий о монашестве и аскезе
- 14 **Кабатов С.А., Курочкина С.А., Алибеков С.Я.**
Использование естественно-научных методов
при анализе керамического материала селища Вёжи
- 21 **Майоров А.А.**
К вопросу локализации летописного Дедославля
- 25 **Федотов В.Е.**
Киево-Могилянская академия после Петра Могила
- 29 **Менщиков В.В., Тетюева О.В.**
Влияние ссыльных декабристов
на социокультурное пространство города Кургана
- 32 **Павлушков А.Р.**
Плавающие тюрьмы для несовершеннолетних и роль
религии в исправлении нарушителей: к вопросу
об использовании зарубежного опыта в России
- 37 **Касаткина С.В.**
Роль дворян в возникновении общественных библиотек
во второй половине XIX – начале XX века
(на примере Костромской и Владимирской губерний)
- 42 **Иванова О.А.**
Поддержка детей вдов как одна из форм государственной
благотворительности в России в XIX в.
- 46 **Шурбаев К.К.**
Проведение 7-й частной мобилизации на территории
Оренбургского края во время Русско-японской войны
1904–1905 годов
- 49 **Крайнова А.Е.**
Особенности проведения второго этапа столыпинской
аграрной реформы на Урале (1911–1916 гг.)
- 52 **Майорова Н.С.**
Вскрытие мощей Сергия Радонежского и кампания по
ликвидации мощей во всероссийском масштабе
- 57 **Князев А.С.**
Иваново-Вознесенское губернское
архивное бюро 1918–1920 гг.:
к вопросу об учреждении и деятельности
- 60 **Зарубин С.А.**
Доктрина «третьего пути» Хуана Перона
во внешней политике Аргентины в 1946–1955 гг.
- 64 **Сазонов Д.И.**
Смысловое содержание приходской административной
системы в 1961 и его изменение в 1988 г.
- 69 **Лучников А.В., Хасин В.В.**
Идентификация советских немцев на «исторических
Родинах» (ФРГ и Поволжье): мифологизация этниче-
ского конструкта в 1980-е – начале 1990-х годов
- 74 **Довгиленко Г.А.**
Британо-германские противоречия
в контексте европейского строительства (1992–1997 гг.)

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- 79 **Топорова А.В.**
Тема покаяния у средневековых итальянских авторов:
жизнь и литература
- 84 **Склизкова А.П.**
«Пиппа пляшет» –
танцевальная, игровая драма Г. Гауптмана
- 88 **Чекалов К.А.**
Доктор Каррель и «Ваятели человеческой плоти»
в творчестве Гастона Леру
- 95 **Лебедев Ю.В.**
О религиозных мотивах
в «Войне и мире» Л.Н. Толстого

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

- 9 **V.M. Tyulenev**
Between the monastery and the world: Magnus Felix
Ennodius on monasticism and asceticism
- 14 **S.A. Kabatov, S.A. Kurochkina, S.Ya. Alibekov**
Using methods of science of natural history while
analysing ceramic material of Vyozhni remainings
- 21 **A.A. Mayorov**
On the issue of localisation of annalistic Dedoslavl
- 25 **V.Ye. Fedotov**
Kyiv Mohyla Academy after Peter Mogila
- 29 **V.V. Menshchikov, O.V. Tetyuyeva**
The influence of exiled Decembrists on the social and
cultural medium of the City of Kurgan
- 32 **A.R. Pavlushkov**
Floating prisons for minors and the role of religion
in their correction: on the question of using foreign
experience in Russia
- 37 **S.V. Kasatkina**
Role of the nobility in appearance of public libraries in the
second half of the 19th – the 20th century
(on the example of the Kostroma and Vladimir provinces)
- 42 **O.A. Ivanova**
Support of widows' children as a form of public charity in
Russia in the 19th century
- 46 **K.K. Shurbayev**
Conduct of the 7th partial mobilisation
in Orenburg Land's territory during 1904–1905
Russian-Japanese War
- 49 **A.Ye. Kraynova**
Pyotr Stolypin's agrarian reforms' second stage conduction
peculiarities in terms of the Urals (1911–1916)
- 52 **N.S. Mayorova**
Unsealing of hallows of Sergius of Radonezh and
campaign of hallows' liquidation in all-Russia scale
- 57 **A.S. Knyazev**
Ivanovo-Voznesensk provincial archival bureau
of 1918–1920: the question
of the establishment and activities
- 60 **S.A. Zarubin**
Juan Perón's doctrine of the Third Position
in Argentine's foreign policy in 1946–1955
- 64 **D.I. Sazonov**
The semantic content of the parish administrative system in
1961 and its modification in 1988
- 69 **A.V. Luchnikov, V.V. Khasin**
Identification of the Soviet Germans in the "historic
homeland" (FRG and the Volga region): mythologising of
ethnic construct in the 1980s—early 1990s
- 74 **G.A. Dovgilenko**
British-German opposing views in the context of the
European Union construction (1992–1997)

SCIENCE OF LITERATURE

- 79 **A.V. Toporova**
The theme of repentance among Medieval Italian authors:
life and literature
- 84 **A.P. Sklizkova**
Symbolic meaning of a dance in Gerhart Hauptmann's play
"And Pippa Dances"
- 88 **K.A. Chekalov**
Doctor Alexis Carrel and the "sculptors of human flesh" in
the works of Gaston Leroux
- 95 **Yu.V. Lebedev**
On religious motifs in "War and Peace"
by Leo Tolstoy

- 101 Капустин Н.В.**
Творчество А.Н. Островского в гендерном аспекте: комедия «Волки и овцы»
- 106 Ермолаева Н.Л.**
Русская критика середины XIX века о народной и дворянской культуре в пьесе А.Н. Островского «Не в свои сани не садись»
- 112 Ильина Н.К.**
Ритмика речи персонажей-актеров в пьесах А.Н. Островского
- 116 Тихомиров В.В.**
История одной дружбы (взаимоотношения М.Е. Салтыкова-Щедрина и П.В. Анненкова по письменным источникам)
- 121 Ларионова А.Н.**
«Культурное пространство» как историко-литературная категория (на примере автобиографической прозы А.А. Григорьева)
- 125 Федотова А.А.**
Античные цитаты в повести Н.С. Лескова «Заячий ремиз»
- 129 Налегач Н.В.**
Поэтика экфрасиса в стихотворениях И. Анненского «К портрету...»
- 134 Смирнов В.А.**
Проблема космозации личности в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева»
- 140 Рейнбах О.Е.**
Рукопись «Нашедшего подкову» О. Мандельштама: особенности работы автора над созданием свободных стихов
- 143 Гримова О.А.**
«Интрига слова» в романе М.П. Шишкина «Взятие Измаила»
- 148 Левицкая Н.Е.**
Образный уровень картины мира автора в пейзажном дискурсе лирики О. Чухонцева
- ЯЗЫКОЗНАНИЕ**
- 153 Яковлева Е.В., Агаджанян Р.В.**
Лингвистический конформизм: модель стилистического приема и ее характеристики
- 156 Громова Н.С.**
Специфика интерпретации многокомпонентного креолизованного текста
- 161 Девель Л.А.**
Лексикографическая поддержка международного сотрудничества в сфере сохранения культурного наследия (реставрация)
- 166 Величко А.В.**
Фразеологированные предложения. Текстовый анализ
- 169 Звягинцева А.В.**
Интонация как маркер ассоциативных связей слов информационной структуры текста (парадигматический и синтагматический план)
- 173 Кишалова Л.В.**
Влияние объема выборки текста на результат вычисления его основного слога-акцентного обертита
- 179 Баженов Н.Ю.**
Зооморфные образы, моделирующие речь, в русских говорах (на материале словарей)
- 184 Крюкова К.С.**
Особенности трансформации пословиц с оппозитивной структурой (на примере пословицы *не было бы счастья, да несчастье помогло*)
- 187 Азизова З.Т.**
Языковые средства репрезентации лингвокультурной информации в историческом романе Василия Яна «Чингисхан»

- 101 N.V. Kapustin**
Gender aspect in Alexander Ostrovsky's creative work: the comedy "Wolves and Sheep"
- 106 N.L. Yermolayeva**
Russian literary criticism of the mid 19th century on the folk culture and the culture of the nobility in the play "Stay in Your Own Sled" by Alexander Ostrovsky
- 112 N.K. Il'ina**
Rhythmics of speech of actors as heroes performing plays by Alexander Ostrovsky
- 116 V.V. Tikhomirov**
History of a friendship (relations of Mikhail Saltykov-Shchedrin and Pavel Annenkov according to pen written sources)
- 121 A.N. Larionova**
The cultural space as a historical and literary category (on the example of autobiographical Apollon Grigoryev's prose)
- 125 A.A. Fedotova**
The antique quotes in Nikolai Leskov's story "The March Hare"
- 129 N.V. Nalegach**
The poetics of the ekphrasis in Innokenty Annensky's poems "To the portrait..."
- 134 V.A. Smirnov**
Personality cosmisation in Ivan Bunin's novel "The Life of Arseniev"
- 140 O.Ye. Reinbakh**
Manuscript "The Horseshoe Finder" by Osip Mandelstam. Particularities of the author's working on free verses creation
- 143 O.A. Grimova**
"Intrigue of word" in Mikhail Shishkin's novel "The Taking of Izmail"
- 148 N.Ye. Levitskaya**
Imaginative author level of world picture of discourse in the landscape lyrics by Oleg Chukhontsev
- SCIENCE OF LANGUAGE**
- 153 Ye.V. Yakovleva, R.V. Agadzhanian**
Linguistic conformism as a stylistic device: characterising the pattern
- 156 N.S. Gromova**
Specifics of interpretation of multicomponent creolised text
- 161 L.A. Devel'**
Heritage lexicography as supporting tool for the international cooperation (conservation)
- 166 A.V. Velichko**
Phraseologised sentences. Textual analysis
- 169 A.V. Zvyagintseva**
Intonation as a marker of word associations of the information structure of the text (paradigmatic and syntagmatic levels)
- 173 L.V. Kishalova**
Text size selection influence on basic syllable-accent overrhythm calculation results of prose
- 179 N.Yu. Bazhenov**
Zoomorphic images, modelling speech, in Russian patois
- 184 K.S. Kryukova**
Features of transformations of proverbs with opposition in structure (on the material of the proverb there would be no happiness but unhappiness helped)
- 187 Z.T. Azizova**
Linguistic means of representation of linguistic information in the historical novel by Vasily Yan "Genghis Khan"

190 Малинская Т.В.

Языковая личность и темпоральный код языка
(на материале произведений И.А. Бунина)

194 Егорова О.С.

Коммуникативно-синтаксическая организация
французского предложения: диахронический аспект

199 Галлямова М.С., Кленовая Н.В.

Приемы перевода при работе с аббревиатурами
в рамках делового письма

202 Константинова М.В.

Американизация европейских языков как угроза
утраты идентичности (на примере современного
русского и французского языков)

207 Щербатых Е.Ю.

Способы модификации оценки и их реализация
в репликах-интеракциях журналиста
(на материале современных англоязычных интервью)

211 Перцева В.Г.

Словари языка политиков в контексте
английской лексикографии

216 Косоногова О.В.

Неофициальные наименования учреждений законода-
тельной, исполнительной и судебной ветвей власти
в странах с англо-американской правовой системой

221 Копцов А.Н.

Языковая эклектика как жанровая черта современного
«русского шансона»: на материале песенно-поэтиче-
ского творчества Елены Ваенги (Статья первая)

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ**226 Стельмах В.Ю.**

Некоторые процессуальные аспекты взаимодействия
следователя и эксперта при назначении и производстве
судебной экспертизы

231 Смирнов С.В.

Проблемы правового регулирования организации
муниципальной власти на современном этапе реформи-
рования местного самоуправления в России

236 Нигметзянов Т.И.

Муниципальные выборы в Костроме в единый день
голосования 13 сентября 2015 года: избирательная
система и избирательный процесс

240 Сасенко С.И.

Развитие понятийно-категориального аппарата
теории нормы административного права
в Российской империи

245 Серова Е.Б., Душкин С.В.

Организация прокурорского надзора за законностью
производства дознания и предварительного следствия
по уголовным делам о незаконном обороте наркотиков

249 Артюшина О.Н.

Отдельные вопросы деятельности
юридических клиник в России

251 Широков А.М.

К вопросу о разработке криминалистического обе-
спечения уголовного преследования, осуществляемого
прокурором по делам о причинении имущественного
ущерба путем обмана и злоупотребления доверием
в сфере жилищно-коммунального хозяйства

255 Шацкая А.В.

Аудиопротоколирование как обеспечительный элемент
соблюдения разумных сроков в районных судах

259 Глушков В.В.

Пойдет ли судебная реформа дальше

263 Иванова О.В., Сиверская Л.А.

Эволюция научных взглядов на развитие
принципа разумного срока уголовного
судопроизводства

190 T.V. Malinskaya

Linguistic personality and temporal language code
(on material of works by I.A. Bunin)

194 O.S. Yegorova

Communicative and syntactic organization
of the French sentence: a diachronic aspect

199 M.S. Gallyamova, N.V. Klenovaya

Translation techniques while dealing with abbreviations
within business correspondence translation

202 M.V. Konstantinova

“Americanization” of European languages
as the threat of loosing identity (on the example of modern
Russian and French languages)

207 Ye.Yu. Shcherbatykh

Means of modifying evaluation and their realisation in
the journalist’s utterances-interactions (on the material of
modern British interviews)

211 V.G. Pertseva

The dictionaries of politicians’ language in the context of
English lexicography

216 O.V. Kosonogova

Informal names of legislative,
executive and judicial branches
of power in Anglo-American systems of law

221 A.N. Koptsov

Language eclecticism as a feature marking the modern
genre of “Russian Chanson” as reflected in the creative
song poetics of Elena Vaenga

JURAL SCIENCES**226 V.Yu. Stel'makh**

Some procedural aspects of the interaction between the
investigator and expert in the appointment and manufacture
of judicial examination

231 S.V. Smirnov

Problems of legal regulation of the organisation of
municipal power in the present stage of the reform of local
self-government in Russia

236 T.I. Nigmatzyanov

Kostroma municipal elections
on the single voting day September, 13, 2015:
electoral system and electoral process

240 S.I. Sayenko

The development of conceptual-categorical apparatus
of the theory norms of administrative law
in the Russian Empire

245 Ye.B. Serova, S.V. Dushkin

The organisation of Prosecutor’s supervision over the
legality of the inquiry and preliminary investigation in
criminal cases involving drug trafficking

249 O.N. Artyushina

Selected questions concerning the activities of legal
clinical education in Russia

251 A.M. Shirokov

On the issue of development of provision of criminal
prosecution carried out by an attorney concerning cases
of infliction of property damage under false pretence
and misuse of confidence in the scope of housing and
communal services

255 A.V. Shatskaya

Audio recording as a security element of the observance of
reasonable time in the district courts

259 V.V. Glushkov

Will the court reform go further in Russia

263 O.V. Ivanova, L.A. Siverskaya

The evolution of scientific views
on the development of the principle of reasonable time
of criminal proceedings

- 267 Коваленко Т.С.**
Исторический генезис судебной власти
- 273 Жданов С.П., Кузнецова Н.В.**
К вопросу о лоббизме и лоббистской деятельности
- 277 Беспалько В.Г.**
Принцип талиона
в Моисеевом уголовном законодательстве
- 281 Рошин Б.Е.**
Развитие законодательства о социальной защите
российских трудящихся в 1918 году

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 287 Усманов С.М.**
Интеллигент и власть: Михаил Погодин и император
Николай I накануне Крымской войны
- 290 Едошина И.А.**
Сравнительные жизнеописания в русской культуре:
Михаил Погодин (1800–1875) и Михаил Катков
(1817–1887)
- 295 Панкратова О.Б., Турыгин А.А.**
Михаил Погодин в воспоминаниях современников
и исторических исследованиях
- 300 Павлов А.В.**
К истории «молодой редакции» «Москвитянина»
- 304 Сизинцева Л.И.**
«Путевые записки» М.П. Погодина
о Костромской губернии

309 SUMMARY

330 ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

- 267 T.S. Kovalenko**
The historical genesis of judicial power
- 273 S.P. Zhdanov, N.V. Kuznetsova**
On the question of lobbying and lobbying activities
- 277 V.G. Bespalko**
The talion law
in old Testament criminal law
- 281 B.Ye. Roshchin**
Development of the legislation on social protection
of the Russian workers in 1918

UNIVERSITY SCIENTIFIC LIFE

- 287 S.M. Usmanov**
An intelligent person and the authorities: Mikhail Pogodin
and Emperor Nicholas I on the eve of the Crimean War
- 290 I.A. Yedoshina**
Russian lives:
Mikhail Pogodin (1800—1875)
and Mikhail Katkov (1817—1887)
- 295 O.B. Pankratova, A.A. Turygin**
Mikhail Pogodin in memoirs of contemporaries
and historical researches
- 300 A.V. Pavlov**
On the issue of the “young eds” of “The Muscovite”
- 304 L.I. Sizintseva**
“Travel notes” by Mikhail Pogodin
about Kostroma Province

309 SUMMARY

330 REQUIREMENTS TO REGISTRATION OF MANUSCRIPTS

МЕЖДУ МОНАСТЫРЕМ И МИРОМ: ЭННОДИЙ О МОНАШЕСТВЕ И АСКЕЗЕ

В статье анализируются представления Эннодия, римского аристократа и миланского диакона рубежа V–VI вв., о монашеском служении и аскетическом выборе. Доказывается, что, с одной стороны, Эннодий высоко оценивал служение в монастыре, по его мнению, превосходящее не только духовное служение в миру, но и пустынножительство. С другой стороны, сохранение нравственной чистоты и исполнение христианского долга в миру кажется ему более серьезным испытанием для души, чем уход человека в монастырь. Эннодий стремится примирить аскетический идеал, столь значимый для христиан Южной Галлии, с реалиями италийской жизни конца V – начала VI в., времени, когда аристократ вполне мог избрать светскую карьеру и добиться успеха на этом поприще. На специфику взглядов Эннодия мог оказать влияние ряд факторов: слабость италийских монастырей по сравнению с Южной Галлией, большая вовлеченность италийских митрополий в политическую жизнь, «ренессанс» гражданско-политических структур Италии времен Теодориха, который открывал дополнительные возможности для аристократии.

Ключевые слова: позняя Античность, Эннодий, монашество, аскетизм, римская аристократия.

Среди вопросов, которые неизбежно волнуют историка, изучающего период перехода от Античности к Средневековью, не последнее место занимают те, что связаны с появлением и утверждением новых форм жизни и социальных практик. В V в. благодаря проникновению восточных идей, а также деятельности отдельных подвижников (в частности, Мартина Турского и особенно Иоанна Кассиана) на Западе постепенно утверждаются христианские аскетические практики. Этому мощному социокультурному процессу посвящены сотни исследований, и нет смысла в рамках отдельной статьи возвращаться к нему. В то же время представляется недостаточно изученным вопрос о том, как сам «уход от мира» воспринимался современниками, насколько идеи новой жизни сочетались с существовавшими в то время традициями и нормами жизни. В настоящей статье мы попробуем проанализировать то, как представлял себе выбор в пользу аскезы Эннодий, италийский аристократ и диакон миланской церкви рубежа V–VI вв., и как он соотносил его с традициями аристократической жизни.

Об Эннодии известно, что он был выходцем из Южной Галлии. Он родился примерно в 474 г. в Арелате в семье благородных родителей [3, s. 398–400; 4, p. 5–8]. Расположенный в относительной близости от средиземноморского побережья Арелат имел тесные контакты с Леринским монастырем, и епископом этого города стал основатель этой обители Гонорат, а его преемник Аларий некоторое время был насельником этого монастыря. Наконец, Цезарий, современник и адресат Эннодия, также начал свою духовную карьеру с монашеского служения. Сам Эннодий по смерти своих родителей был вынужден покинуть Арелат, перебраться в Италию и осесть сначала в Тицине (Павии), а затем в Медиолане (Милане). Тем не

менее контакты Эннодия с Арелатом, где у него оставались родственники, продолжали быть достаточно интенсивными, о чем свидетельствуют его письма. Из 297 своих писем тридцать четыре Эннодий адресует 19 галльским корреспондентам.

Получивший грамматическое и риторическое образование Эннодий в конце V в. оставил мирское служение и вступил на путь церковной карьеры. Уже в ее начале (494 г.) в качестве секретаря он вместе с тицинским епископом Епифанием отправился в Галлию ко двору бургундского короля для переговоров о выкупе пленных. Возвращаясь из этого путешествия, епископ, а с ним и Эннодий посетили Леринский монастырь (*Ennod. Vita Epirh.* 93). Не известно точно, насколько этот визит повлиял на мировоззрение Эннодия, но он неоднократно поднимает в своих ранних произведениях тему смирения и аскезы.

Судя по ранним письмам Эннодия, отказ от карьеры ритора, выбор в пользу церковного служения сознавался им как шаг от мира и мирских страстей в направлении аскезы [8, s. 64–68]. Он неоднократно подчеркивал свое желание отгородиться от мирской славы, которая несла с собой риторика. В своем письме к Флориану Эннодий, объясняя своё нежелание поддерживать переписку, пояснял: «...давно уже случилось так, что любовь к молитве отдала меня от фигур речи и я не могу быть в плену цветущих слов, поскольку зов служения влечет меня к стомам и мольбам» (*Ennod. Ep. I.16.4*). Именно в безмолвии или молчании (*silentium*) Эннодий видел важную составляющую своего смирения (*humilitas*).

Примерно в 506 г. Эннодий, уже будучи диаконом медиоланской церкви, написал «Житие монаха Антония Леринского», ставшее его единственным произведением, в котором напрямую говорится о монашеском служении. Именно в этом небольшом

сочинении можно обнаружить отношение Эннодия к выбору монашеского пути и к жизни в монастыре. Герой жития – Антоний – уроженец Паннонии, по происхождению аристократ, под влиянием обстоятельств делает выбор в пользу Пустыни. Прославившийся пустынножительством Антоний в конце концов отправляется в Леринский монастырь, где и завершает в славе свой земной путь.

Из построения текста и данных Эннодием характеристик очевидно, что для автора «Жития монаха Антония Леринского» служение монахов в монастыре превосходит не только духовное служение в миру, но и пустынноительство [2, р. 206]. Эннодий явно противопоставляет святость отдельного отшельника силе монашеской братии. Дьявол, постоянно атаковавший праведника, стал бояться к нему приблизиться, когда тот оказался среди множества монахов (*Ennod. Vita Ant. 37*).

Представляется крайне важным рассмотреть также лексику Эннодия и те образы, которые он использует для характеристики монастыря и монашеского служения. В латинской литературе V в. уже утвердилось представление о монастыре как о земном рае. Подобный взгляд можно встретить у Евхерия Лионского, который так описывает Леринскую обитель: «Орошаемый ключевой водой, украшенный зеленью, усеянный цветами, радующий глаз картинами природы, наполненный восхитительными ароматами, остров представляется обитателям образом неба, к которому устремлены их помыслы» (*Euch. De laude heremi 42*). «Земным раем» называет Леринский монастырь и Гонорат Массилийский, автор «Жития Илария Арелатского» (*Honor. Mass. Vita Hilar. Arelat. 7*). И сам Эннодий, описывая посещение Епифанием, епископом Тицинским, Стойхадов, Леры и Лерина, обращается к этому же литературному топосу: «...на каждом [острове епископ] срезал *побеги* [добродетельной] жизни, которые он *привил* себе в качестве доброго черенка и довел до времени зрелости, словно *дерево* с небесными плодами» (*Ennod. Vita Epiph. 93*; курсив в цитатах наш. – В.Т.). Используемая в данном случае лексика, как видно, вновь возвращает читателя к образу монастыря-сада.

В то же время монастырь воспринимается в латинской литературе V в. и как убежище, укрытие от мирских страстей и опасностей. Этот образ монастыря как оплота, защиты использует и Эннодий в «Житии Антония». Для него Леринский монастырь – прежде всего крепость, где идет сражение за души самих монахов. Эннодий использует для характеристики монастыря термин *arx*, который можно перевести и как «вершина», и как «убежище», «крепость», «твердь», «твердыня». Кроме того, Эннодий активно использует в «Житии» военную лексику, называя братию не просто «закаленным в сражениях войском» (*instructa proeliis acies illa*), но и «знаменитой когортой Леринско-

го острова» (*illam Lirinensis insulae cohortem*). Он упоминает «звуки горна» (*classsicum stridentum*), предупреждающие об атаках дьявола, пишет о триумфах монахов (*Ennod. Vita Ant. 37*). Очевидно, что монастырь для Эннодия – своеобразная крепость, внутри которой монахи противостоят врагу рода человеческого.

К этому образу монастыря-крепости Эннодий обращается также в письме к своей родственнице Аркотамии, жившей в Арелате. Как видно из послания, ее сын, чье имя Эннодий не называет, оставил мир и стал насельником Леринского монастыря. Сама же Аркотамия продолжала жить в миру (письмо датируется примерно 508 г., то есть временем, когда в Арелате еще только организовывалась Цезарием женская обитель [5, р. 106]). Обращаясь к Аркотамии, Эннодий стремится противопоставить уход от мира христианскому служению в миру. Эннодий хвалит выбор, сделанный сыном Аркотамии в пользу монастыря, называет юношу «сиянием нашего рода», но при этом подчеркивает, что больше заслуживают похвалы те, кто преодолевают мир (*saeculum*) в борьбе, а не бегут от мира: «Бегство от битвы обнаруживает страх... Проявление силы не слишком согласуется с убежищем: избирать уединение – все равно что обнаруживать робость» (*Ennod. Ep. VII.14.4*). Этот пассаж ясно показывает, что аскетическая жизнь с монастыре, с точки зрения Эннодия, уступает деятельному служению в миру. В подобной апологии мирского служения можно, конечно, видеть простое заискивание Эннодия перед арелатской родственницей. Однако, как следует из этого же письма, Эннодий уверен, что долг аскета, ушедшего в пустынь, вернуться в мир. Характеризуя Аркотамию, Эннодий вновь использует военную лексику, именуя свою родственницу воительницей (*dux gloriosa*), ведущей борьбу. Он призывает ее, оставаясь в миру, продолжать сражение и выражает надежду, что и сын ее, леринский монах, вернется на «поле боя этого мира... зрелым [бойцом]» (*Ennod. Ep. VII.14.6*). Подобная надежда Эннодия на возвращение монаха в мир совершенно не должна вызывать удивление, если помнить, какое множество служителей церкви, прославившихся в роли епископов и пресвитеров, вышло из стен Лерина.

Итак, очевидно, что Эннодий высоко оценивал аскетизм, но он оценивал его в контексте активной жизни. Подобное отношение к аскетизму было распространено в Италии рубежа V–VI вв., которая еще не могла похвастаться серьезными монастырскими центрами, а основанный Амвросием Медиоланским недалеко от императорской резиденции монастырь, по существу, еще ничем себя не проявил. Кадры италийской церкви также формировались, как правило, вне монастырских стен. Если в Галлии наряду с такими выходцами из светских аристократических кругов, как Сидо-

ний Аполлинарий Клермонский, Герман Осерский, Симплиций Буржский, епископами становились мужи, прошедшие через монастырь (прежде всего Леринский) [2, р. 203], то в Италии такой практики не сложилось. Ни Епифаний, епископ Тицина, чье житие составил Эннодий, ни преемник Епифания Максим, ни сам Эннодий, ставший епископом в 513 г., ни духовный патрон Эннодия Лаврентий Медиоланский не были монахами. По крайней мере, очевидно, что Италия не имела в числе своих епископов фигур, которые бы подобно многим галльским коллегам прославились до рукоположения монашеским служением.

С точки зрения Эннодия, аскетический образ жизни призван дополнять активную жизнь в миру. Это особенно заметно при анализе «Жития Епифания, епископа Тицинского». Как пишет Эннодий, тот, став епископом, «составил для себя законы, чтобы следовать им в жизни. Прежде всего он установил, что он не будет мыться, чтобы бани, весьма открытые неблагопристойностям, не лишили душу блеска и не лишили внутреннее состояние твердости [interioris hominis fortitudinem]. Затем он определил, что ему совершенно не следует принимать пищу до полудня, но, чтобы никакое принуждение гостей не привело к нарушению принятого решения и чтобы его намерение не было приписано тщеславию или жадности, он окончательно установил не совершать трапезу по полудни, так что изменение часа [трапезы] предусматривало, что он лишь один раз в день будет позволять себе пополнить силы» (*Ennod. Vita Epiph.* 47). Перечисление обетов и правил, которые указывают на аскетический образ жизни епископа Епифания, Эннодий продолжает и дальше. Мы это перечисление пропустим и обратимся к финальной части пассажа: «Он принял на себя такую заботу о помощи нуждающимся, будто верил, что он сам принес боль несчастным, по нерадению своему попустив, чтобы кто-то причинил её этим [беднякам]... Такие вот установил он [для себя] правила жизни и принципы поведения, возложил их на себя, следовал им и исполнял их» (*Ennod. Vita Epiph.* 50). Как видно из построения отрывка (а он формально и семантически завершен), каритативная деятельность пастыря, с точки зрения Эннодия, является необходимой составляющей частью его поведения, так же как и посты, всенощные бдения и пр. Весь рассказ о жизни Епифания – это повествование об участии епископа в дипломатических миссиях, направленных на примирение воюющих сторон, о выкупе пленных, о заступничестве за паству перед светской властью.

Не известно, читал ли Эннодий при этом «Собеседования» Иоанна Кассиана. Во всяком случае, он на них ни разу не ссылается, хотя, если судить по Кассиодору, «Собеседования» были известны в Италии (*Cassiod. Inst.* I.29.2). Однако образ Епи-

фания вполне укладывается в модель поведения, сконструированную Иоанном Кассианом в 14-м собеседовании, где он рассуждает о созерцании и деятельном совершенстве (правда, монахов, а не клириков вообще) и указывает на разные виды деятельной жизни, в том числе на попечение о больных, ходатайство о бедных, угнетенных (*Iohan. Cass. Coll.* XIV.4). Вполне возможно, что за несколько десятилетий идеи Иоанна Кассиана обрели свою популярность не только в Южной Галлии, но и Италии и нашли отклик, в частности, в образе жизни Епифания Тицинского и нарративе Эннодия.

Не исключено, что подобного рода идеи оказались близки Эннодию благодаря сохранявшимся связям с Арелатом. В частности, он был знаком с одним из наиболее ярких писателей того времени, Юлианом Померием. В корпусе писем Эннодия есть лишь одно его послание, адресованное этому знаменитому грамматiku и церковному теоретiku (503 г.). В этом письме Эннодий оказывается даже большим защитником аскетического образа жизни, чем автор сочинения «Об умозрительной жизни». Он отвергает критику своих риторических способностей со стороны арелатского коллеги и в конце послания позволяет себе выпад в адрес корреспондента, призывая его выступить не наставником в грамматике и риторике, а духовным учителем (*Ennod. Ep.* II.6.6).

Известно, что в своем сочинении *De vita contemplativa* («Об умозрительной жизни») Юлиан Померий подчеркивал значимость монашеского выбора. Для него мирская жизнь – лишь путешествие, вершиной же совершенства является монашеская жизнь. Но в то же время в своей книге Померий рисует идеал «добротного пастыря», который сочетает в себе смирение, аскетизм, целомудрие, любовь с деятельным служением и участием в судьбах мирян: с помощью бедным, пленникам, с проповедью. Померий полагал важной роль епископов, которые обеспечивают связь паствы с Богом. Они – слава Церкви, они – врата вечного города, через которые входят ко Христу все, кто в Него верит (*Jul. Pomer. De vit. cont.* II.2.1). Именно такое деятельное участие епископа Епифания в жизни мира становится предметом восхищения и прославления у Эннодия.

Однако подобная близость позиций Эннодия и Померия, скорее всего, формальна. Итальянские служители церкви явно уступали своим коллегам из Галлии в разработке теологических вопросов. Если Галлия в V в. погрузилась в споры вокруг божественной благодати и свободной воли, если южногалльская церковь в лице Иоанна Кассиана предложила альтернативу Августину, если Галлия в начале VI в. стояла на пороге нового витка этой дискуссии, то итальянские церковные писатели этого времени практически безмолвствовали. Эннодий в данном случае не исключение. Его совер-

шенно не интересуют теологические вопросы. Его главный полемический труд – «В защиту Синода» (*Libellus pro synodo*), написанный в защиту собора 501 г., на котором были сняты обвинения, в свое время выдвинутые в адрес папы Симмаха, – совершенно лишен теологической составляющей. Вся аргументация Эннодия носит формально юридический характер. Судя по сохранившимся текстам, в разработке теологических вопросов в Италии начала VI в. преуспели вовсе не такие священнослужители, как Эннодий, а такие светские мыслители, как Боэций, написавший сочинение «Против Евтихия и Нестория».

Если рассматривать монашеское движение V в. на Западе с точки зрения судеб аристократии, то уход в монастырь в Галлии ее представителей связан, как правило, с конфликтом поколений. Значительное число галльских аристократов отказалось от своих мирских социальных связей; многие из них выбрали монастырь, будучи еще молодыми людьми. Будущий основатель Леринской обители Гонорат и его брат Венанций еще юношами отреклись от мира (*Hil. Arel. Vita Honor.* 8.1; 9.1), Иларий, будущий епископ Арелатский, также отправился в Лерин еще молодым человеком (*Honor. Mass. Vita Hilar.* 6–7). Случай Евхерия Лионского, который оставил мир, имея уже двух сыновей, скорее исключение из правил. Италия V – начала VI в. практически не дает нам подобных примеров. Молодые италийские аристократы, как правило, следовали примерам своих предков, выбирая светское служение. Идеей следования примеру отцов пронизаны все рассуждения Эннодия на педагогические темы [1, с. 43]. Большинство молодых людей, обращавшихся к Эннодию за протекцией, в будущем видели себя на государственной службе. Единственный раз, когда к нему обратились за протекцией по поводу юноши, посвятившего себя церкви, связан с сыном его родственницы Камиллы. Как следует из письма Эннодия, этот юноша уже был «украшен религиозным званием» (*Ennod. Ep.* IX.9.1). Но необходимо помнить, что сама Камилла проживала не в Италии, а в Арелате, поэтому случай с ее сыном скорее иллюстрирует положение в Галлии, а не на Апеннингах.

Тем не менее очевидно и то, что аскетические формы поведения находили отклик среди италийской аристократии рубежа V–VI вв. В этой связи можно вспомнить двух корреспондентов Эннодия: Аратора и Максима. Аратор получил от Эннодия три письма; кроме того, Эннодий посвятил ему ряд риторических сочинений. Максим получил от Эннодия шесть писем, а также эпиталаму по случаю вступления в брак. Оба молодых человека продолжали жить в миру, но при этом стремились ограничить свою жизнь строгими правилами.

В первом письме к Максиму Эннодий восхищается его нравственной чистотой и просит, чтобы

Максим, которого Эннодий называет «святейшим» (*sanctissime*), прервал свое «пифагорейское безмолвие» и открыл ему те правила, по которым этот молодой человек живет: «Напиши, какой строгостью достигается подобное золоту нравственное совершенство, по какой тропе можно удалиться от безобразной скупости, каким образом можно избежать постылого мрака лжи. Одним словом, скажи без утайки, по каким правилам ты живешь. Особенно, будь добр, утоли мою жажду узнать то, следуя какому религиозному ограничению можно отвергнуть прелести невесты и вообще мира» (*Ennod. Ep.* VII.20.2). В стихотворных строках, которыми завершается следующее письмо, Эннодий призывает Максима сохранять девство и служить примером для окружающих (*Ennod. Ep.* VII.21.3). Однако, как следует из содержания четвертого письма, Максим вскоре оставил безбрачие и женился. Эннодий, реагируя на этот поступок своего друга, уже называет брак необходимостью и говорит о том, что брак не нарушает принципов, по которым Максим жил (*Ennod. Ep.* VII.23). Известно, что в связи с бракосочетанием Максима Эннодий составил эпиталаму, подражая при этом языческим писателям и сочетая христианские образы с языческими [4, р. 50–52].

Вопрос об отказе от девства и о браке, по всей видимости, продолжал волновать и Эннодия, и Аратора. Аратор, судя по посланию Эннодия, направленному ему, оставался тверд в намерении сохранять девство, поэтому неприязненно встретил решение Максима вступить в брак. Эннодий упрекает Аратора в том, что тот осудил брак Максима, и призывает Аратора проявить свое красноречие и поздравить друга, даже если не разделяет его шага. И уже после этого письма и составленной эпиталамы Эннодий еще раз в послании Максиму возвращается к вопросу о его браке. Он выражает надежду, что Максима, по соизволению Божьему, не оставят «ни плоды чистоты... ни дары брака»: «Да пусть даровано тебе будет в браке основание совершенной любви, а в тебе – сохраненная целомудренность. Познай, что предназначенная тебе – единственная, для кого ты сохранял себя, как если бы ты не был причастен нечистотам мира» (*Ennod. Ep.* VIII.10.1). Обращаясь далее к ветхозаветным примерам и образам, Эннодий, по сути, оправдывает брак.

По всей видимости, вопрос о браке со временем встал и перед Аратором. В одном из последних писем к Аратору Эннодий убеждает своего корреспондента в том, что законный брак не только не противоречит нравственным правилам, но и, напротив, препятствует греху: «...не связывай горечь с временами законной любви. Я не хочу, чтобы ты следовал необходимости и превращал в печаль потребности, благодаря которым природа произвела род человеческий. Тот, кто не сможет проявлять воздержание, должен избрать брак, иначе будет

грех на нем... Не допускает греха тот, кто не уклоняется от природы и от закона. Стало быть... обрати себя к заботе о продолжении рода» (*Ennod.* Ер. IX.1.2–3). Очевидно, что в душе Аратора шла сложная внутренняя борьба, которая, по мнению Ричарда Бартлетта, в условиях Галлии наверняка завершилась бы уходом Аратора в монастырь [2, р. 208]. Между тем известно, что Аратор (видимо, не без влияния и участия диакона Эннодия) стал государственным чиновником (после 526 г. он фигурирует в источниках в качестве комита частного имущества), после чего стал служителем церкви (в 544 г. он был уже диаконом в Риме) [7, р. 127].

Судя по всему, несмотря на то что Эннодий был выходцем из Арелата, он воспринял отношение к аскезе, которое в большей степени было характерным для Италии, нежели для Галлии, и призывал своих корреспондентов к аскетическим практикам, которые следовало воспринимать как часть их мирской жизни (без оставления семьи для духовной карьеры). По всей видимости, он понял, что Италия заметно отличалась от Галлии и не предпринимал попыток переносить галльский опыт на Апеннины. В Италии аристократы не чувствовали потребность продолжить духовную карьеру до такой степени, как их галльские коллеги. Но это не означает, что они были не заинтересованы вопросами, касающимися церкви; но в отличие от галльских аристократов у них было больше возможностей участвовать в духовной жизни, оставаясь в миру.

Библиографический список

1. Тюленев В.М. Идеи образования и воспитания в сочинениях Эннодия // *CURSOR MUNDI. Человек Античности, Средневековья и Возрождения*. Вып. 7. – Иваново: Изд-во ИвГУ, 2015.
2. *Bartlett R. Aristocracy and Asceticism: The Letters of Ennodius and the Gallic and Italian Churches // Society and Culture in Late Antique Gaul: Revisiting the Sources / eds. R. W. Mathisen, D. Shanzer. – Aldershot, 2001.*
3. *Fontaine J. Ennodius // Reallexikon für Antike und Christentum / hrsg. von T. Klauser. Bd. 5. – 1962.*
4. *Kennell S. A. H. Magnus Felix Ennodius: a gentleman of the church. – Ann Arbor: University of Michigan Press, 2000.*
5. *Klingshirn W. Caesarius of Arles. The making of a Christian Community in Late Antique Gaul. – Cambridge, 2004.*
6. *Köpke J. Die italischen Bischöfe unter ostgotischer Herrschaft (490–552 n. Chr.). Prosopographische Untersuchungen zur Stellung des italienischen Episkopats zwischen Antike und Mittelalter. – Hamburg, 2006.*
7. *Martindale J. R. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. II. AD 395–527. – Cambridge: Cambridge University Press, 1980.*
8. *Schröder B. Bildung und Briefe im 6. Jahrhundert: Studien zum Mailänder Diakon Magnus Felix Ennodius. – Berlin, 2007.*

Кабатов Сергей Александровичкандидат исторических наук, доцент
Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова
kabatov74@mail.ru**Курочкина Светлана Александровна**кандидат исторических наук, доцент
Министерство культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл, г. Йошкар-Ола
kurochkina-sveta@bk.ru**Алибеков Сергей Якубович**доктор технических наук, профессор
Поволжский государственный технический университет, г. Йошкар-Ола
kmitm@volgategatech.net

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ МЕТОДОВ ПРИ АНАЛИЗЕ КЕРАМИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА СЕЛИЩА ВЁЖИ

С проведением ежегодных археологических исследований и, как следствие, появлением новых данных назрела реальная необходимость пересмотра, дополнения и уточнения существующей классификации костромского керамического комплекса. Для этого при помощи методики технико-технологического анализа была обработана серия керамического материала (сосуды VIII, X (X', X''), XI типов костромской гончарной керамики), соотносимая с периодом бытования 6–8 строительных горизонтов селища Вёжи (XV–XVII вв.). Здесь определялись технологические признаки: уровень РФК, вид начина, программа и конструирование полого тела, способы дополнительной обработки поверхности изделия. Для анализа исходного глинистого сырья, естественных и искусственных примесей использованы естественно-научные методы: обжиг в муфельной печи, метод бинокулярной микроскопии, рентгенофлуоресцентный анализ, макроскопический анализ.

Результаты указанного анализа дополняют друг друга и подтверждают полученные выводы: основу ассортимента гончаров составляли кухонные горшки, корчаги, миски, крышки; это стандартная керамика XV–XVIII вв., которая повсеместно встречается в русских городах. В это время гончарство на селище Вёжи было уже ремесленным производством. В результате проведенных технико-технологического и естественно-научных анализов керамического материала мы получили более подробную информацию о технологических особенностях изготовления глиняной посуды на селище Вёжи в XV–XVII вв.

Ключевые слова: селище Вёжи, керамический материал, классификационная схема, технико-технологический метод, обжиг в муфельной печи, метод бинокулярной микроскопии, рентгенофлуоресцентный анализ, макроскопический анализ.

На сегодняшний день керамический комплекс селища Вёжи насчитывает 23 259 единиц массового материала¹, из них 7 729 единиц выявлено на раскопе I. Порядка 98–99% всего массового материала составляет керамический комплекс. В большинстве своем это керамика местного производства, о чем говорят находки гончарного инвентаря. В вопросе хронологической идентификации часто используется общепринятая классификация костромской гончарной керамики, в основу которой легла схема, разработанная Г.П. Смирновой для новгородской посуды [10, с. 228–248]. Первые попытки соотнести керамику г. Костромы с указанной новгородской схемой были предприняты С.И. Алексеевым [1, с. 57–59]; позже данная схема была доработана и уточнена, а также соотнесена с материалами сельских поселений (с учетом использования дополнительных датированных находок) С.А. Кабатовым. [5, с. 7–25].

В целом керамический материал Вёжи (XII – начало XIX вв.) делится на 4 группы: красноглиняная, мореная, чернолощенная, белоглиняная поливная поздняя. По морфологическим особенностям и технологическим признакам выделяются 11 основных типов, внутри которых возможны изменения формы венчика (варианты).

Для уточнения данной схемы и, возможно, получения новых результатов была обработана серия керамического подъемного материала, собранная в 2015 г. на участке размывающейся береговой линии о. Вежи. Данный материал соотносится с керамическим материалом, который встречается на 6–8 строительных горизонтах и датируется периодом не ранее начала второй трети XV в. – не позднее конца XVII в. [6, с. 36–46, 49]. Хотя в данный временной отрезок бытовала посуда нескольких типов, в подъемном материале присутствуют сосуды трех типов (и их вариантов): VIII, X (X', X''), XI (табл. 1; рис. 1–6).

Для получения более полной информации при обработке керамического материала было решено использовать несколько методов, которые взаимно дополняют друг друга и подтверждают полученные выводы:

- 1) методика технико-технологического анализа;
- 2) естественно-научные методы²:

- термическая обработка: обжиг в муфельной печи;
- метод бинокулярной микроскопии;
- химический рентгенофлуоресцентный анализ;
- макроскопический анализ.

Ниже нами представлены результаты, полученные в ходе проведенных анализов.

**Подъемный керамический материал с. Вёжи
(по материалам 2015 г.)**

Группы и типы керамики	Число фрагментов	Итого, %
<i>Красноглиняная керамика</i>		
венчики сосудов, в том числе:		
– тип VIII	4	
– тип X ²	2	
– тип XI	3	
донца сосудов	6	
стенки сосудов	8	
миски	1	
крышки	3	
грузила	2	
<i>Всего</i>		<i>29 – 51,7</i>
<i>Мореная керамика</i>		
венчики сосудов, в том числе:		
– тип VIII	1	
– тип X	1	
– тип X ²	1	
– тип X ³	1	
– тип XI	2	
донца сосудов	8	
стенки сосудов	3	
миски	1	
грузила	3	
<i>Всего</i>		<i>21 – 37,5</i>
<i>Чернолощенная керамика</i>		
донца сосудов	1	
стенки сосудов	4	
грузила	1	
<i>Всего</i>		<i>6 – 10,8</i>
ИТОГО		56

При помощи методики *техничко-технологического анализа*, разработанной А.А. Бобринским и Ю.Б. Цетлиным, определялись технологические признаки, такие как уровень РФК, вид начина, программа и конструирование полого тела, способы дополнительной обработки поверхности изделия [3, с. 114–241], [12, с. 49–126].

Прежде чем перейти к технической характеристике изделий, необходимо было определить состав формовочной массы (исходное глинистое сырье, естественные и искусственные примеси).

В качестве пластичного сырья гончары применяли глины, которые, скорее всего, использовались во влажном состоянии. Для определения степени ожелезненности природного глинистого сырья был произведен *обжиг в муфельной печи* по методике Ю.Б. Цетлина всех 56 фрагментов керамики [12, с. 422]. Образцы керамики были обожжены в муфельной печи SNOI при температуре 850 °С, после чего они приобрели кирпично-красный цвет. Такой цвет фрагментам придает железосодержа-

щая глина. Таким образом, для всех изделий была использована ожелезненная глина (рис. 1).

Для анализа исходного глинистого сырья (оценки степени его запесоченности) и входящих в состав формовочной массы примесей был использован *метод бинокулярной микроскопии* (микроскоп МБК-10). В настоящее время по вопросу о степени запесоченности глины, естественной или искусственной примеси песка в ней, нет общепринятой точки зрения; каждый исследователь применяет свои собственные критерии [3, с. 89; 8, с. 48].

В изученных образцах присутствует мелкий пылевидный песок, сочетающийся с отдельными крупными окатанными частицами; мелкий окатанный песок; просматриваются мелкая рельефность и зернистость излома. Практически во всех образцах – глина среднезапесоченная.

В изученных образцах в качестве естественных примесей присутствуют единичные включения бурого железняка, известковой крошки, раковины,

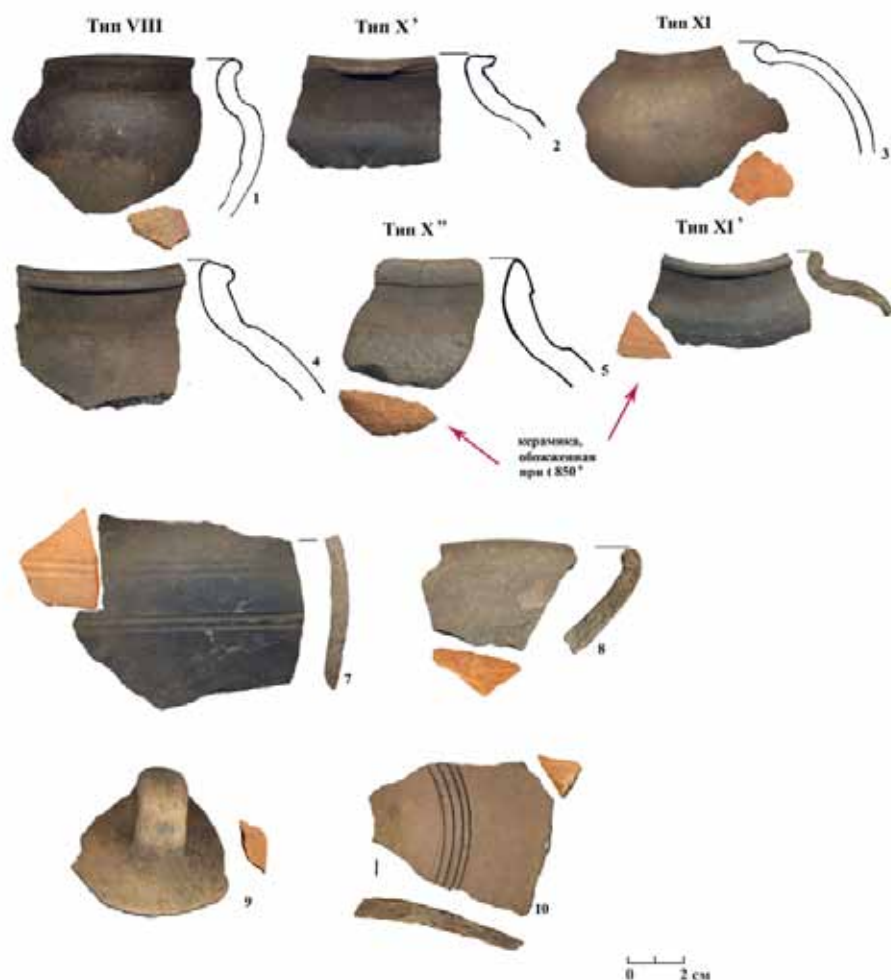

Рисунок 1. Керамический материал с. Вёжи:
 1–6 – венчики сосудов; 7 – стенка сосуда; 8 – миска; 9–10 – крышки;
 1–3, 9–10 – красноглиняная керамика; 7 – чернолощеная керамика; 4–6, 8 – мореная керамика

Таблица 2

Естественные и искусственные примеси в керамическом материале с. Вежи

Примеси в керамике	Число фрагментов	Итого, %
<i>Естественные примеси:</i>		
песок	13	23,21
песок, бурый железняк, известковые включения, органика, ракушка	8	14,28
песок, бурый железняк, органика	9	16,07
песок и бурый железняк, песок и органика, песок и известковые включения	21	37,52
<i>Всего</i>	<i>51</i>	<i>91,06</i>
<i>Искусственные примеси:</i>		
песок	2	3,57
дресва	3	5,35
<i>Всего</i>	<i>5</i>	<i>8,92</i>

органики, а также окатанный разнокалиберный, многоцветный кварцевый песок (табл. 2).

Данные включения хорошо просматриваются на представленных макрошлифах (рис. 2).

В рассмотренных материалах можно выявить 1 простой и 2 сложных рецепта формовочных масс:

1) простой: глина без искусственных примесей (51 фр. – 91,06%);

2) сложные: глина + песок (2 фр. – 3,57%); глина + дресва (3 фр. – 5,35%).

Исходя из вышесказанного можно отметить, что в среде вежских гончаров имел массовое рас-

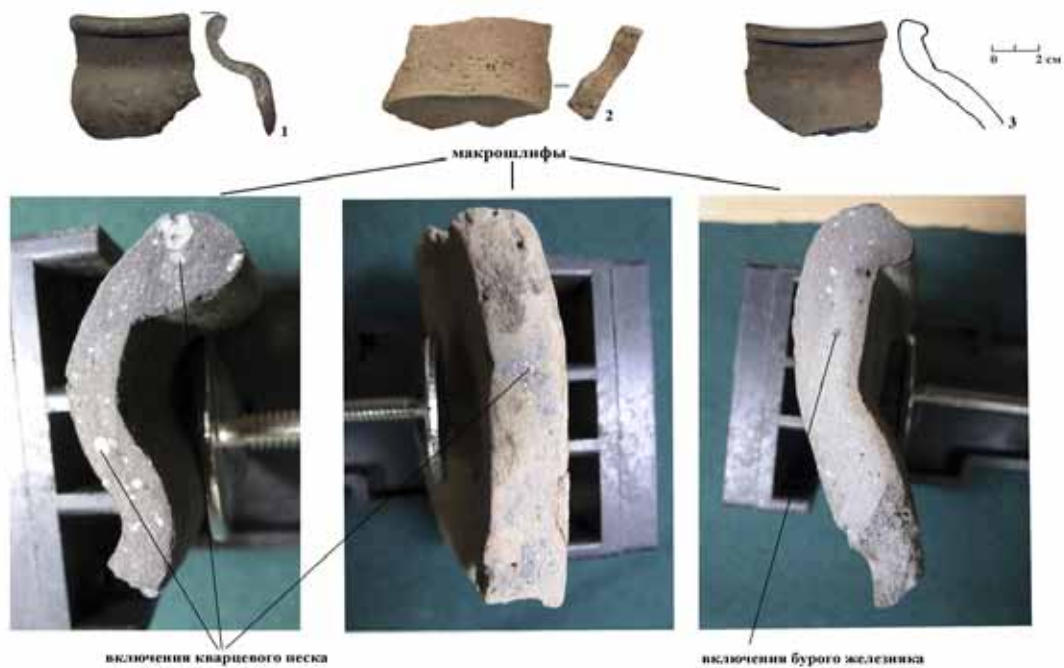

Рисунок 2. Фотофиксация естественных примесей на макрошлифах керамических изделий:
1–2 – красноглиняная керамика; 3 – мореная керамика

Таблица 3

Химический состав глин по данным рентгенофлуоресцентного анализа (с. Вежи)

№ п/п	№ образца	Элемент, %										Глина
		Al	Si	Fe	Mn	P	S	Ti	Sn	Zn	Mg	
1	№ 39 грузило красноглиняное	42,50		43,45	1,15			5,59	3,06		2,36	жирная глиноземная
2	№ 34 крышка красноглиняная	41,88		44,16				5,26	3,58	1,65	2,03	жирная глиноземная
3	№ 44 стенка красноглиняная	1,02	74,50	13,94		6,92	1,21	2,25				тощая кремнеземная
4	№ 49 венчик мореный	5,32	68,60	19,56	0,95	1,20	0,68	2,15				тощая кремнеземная
5	№ 46 венчик мореный	4,29	64,95	23,43	0,69	1,27	0,51	2,91				тощая кремнеземная
6	№ 37 грузило мореное	3,73	61,96	23,44	0,92	3,47	0,78	3,03	2,44	1,32	6,5	тощая кремнеземная
7	№ 35 крышка красноглиняная	5,08	58,95	27,41	1,49	1,66	1,02	2,66				тощая кремнеземная
8	№ 43 венчик красноглиняный	4,05	54,03	28,03	1,59	2,03	4,16		1,96			тощая кремнеземная
9	№ 45 венчик мореный	2,51	41,14	39,97		9,32	2,41	1,87				тощая кремнеземная

пространение прием изготовления керамики из одной глины – среднезапесоченной железненной без искусственных добавок. Наличие естественных примесей бурого железняка, известковой крошки, раковины, органики и концентрации естественного кварцевого песка позволили предположить использование гончарами как минимум 2–3 разных сырьевых источников. Данный вывод подтверждают результаты, полученные в ходе *химического рентгенофлуоресцентного анализа*.

Данный анализ был использован для получения более полной информации об исходном глинистом сырье, так как в данном случае определяется химический состав глин (табл. 3)³.

Исходя из химического анализа, глины с. Вежи делятся на две группы:

1) кремнеземные: в них больше оксида кремния SiO₂ (7 фр., 77,8%);

2) глиноземные: в них больше оксида алюминия Al₂O₃ (2 фр., 22,2%).

В свою очередь по содержанию глинозема глины селища делятся на жирные (в керамическом фрагменте содержится более 30% Al) и тощие (в керамическом фрагменте содержится до 10% Al). Данный вывод позволяет предположить, что гончары селища использовали как минимум 2 разных сырьевых источника.

Для более полной характеристики макроструктуры изделия был проведен *макроскопический анализ*, цель которого:

- определить макроструктуру изделия (то есть его зернистость);
- определить пористость изделия (форма, глубина пор и их внутренняя структура);
- проследить форму и состав включений (макрошлиф четко показывает форму кристаллов песка, полевого шпата, бурого железняка, кальцитового цемента (известковые включения), биотита, мусковита);

– определить структурные несовершенства (дефекты, трещины и т. п.)

С использованием шлифовальной машинки и металлографической бумаги (от № 50 до № 100) приготовлены макрошлифы, которые затем были сфотографированы с 10-кратным увеличением при искусственном освещении (рис. 3).

Таким образом, используя результаты естественно-научных методов, мы более точно определили состав формовочной массы (исходное глинистое сырье и примеси естественные и искусственные) изделий с. Вежи. Вероятно, гончары использовали жирные глиноземные и тощие кремнеземные глины как минимум из 2–3 сырьевых источников. Хотя более 90% гончаров изготавливали керамику из одной глины (запесоченной железненной без искусственных добавок), в качестве искусственных примесей фиксируются песок и дрова.

Далее мы переходим к технической характеристике изделий, используя методику *технико-технологического анализа*.

Из 15 донцев сосудов только для 5 мы можем зафиксировать донно-емкостную программу конструирования начина (составной, высота начинов от 1,3 до 2,0 см). Остальные – это небольшие фрагменты, которые подверглись сильному внешнему воздействию. На поверхности днищ фиксируются: бортик, подсыпка песка, отпечаток поверхности деревянного круга, следы от оси диска.

На сегодняшний день можно достоверно выделить только один способ конструирования полого тела: спиральный налеп из жгутов.

Сосуды, изготовленные способом скульптурной лепки, подвергались профилированию с частичным вытягиваем на гончарном круге (тулово + пле-

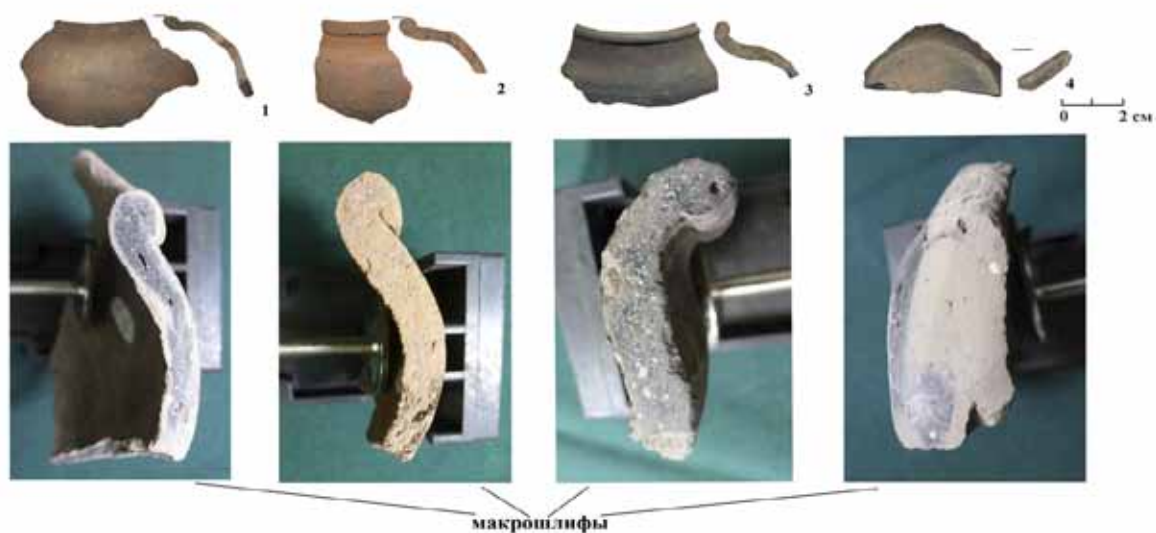

Рисунок 3. Макрошлифы керамических изделий: 1–2 – красноглиняная керамика; 3–4 – мореная керамика

Сравнительный анализ керамического материала с. Вёжи

Показатели	Описание керамического материала (до проведенных анализов)	Описание керамического материала (после проведенных анализов)
Исходное сырье	Тощая ожелезненная глина	Ожелезненная глина, среднезаспесоченная. Естественные примеси: бурый железняк, известковая крошка, раковина, органика, песок. Также есть включения других минералов. Использовалась во влажном состоянии. Глины кремнеземные и глиноземные (жирные и тощие).
Формовочные массы	Могли вводить в качестве искусственной примеси песок, дресву, органику	Рецепты: 1) простой: глина без искусственных примесей; 2) сложные: глина + песок; глина + дресва. Массовое распространение приема изготовления керамики из среднезаспесоченной ожелезненной глины без искусственных добавок.
Программа конструирования начинов	Донно-емкостная (составной)	Донно-емкостная (составной, спиральный налеп). На поверхности днищ фиксируются: бортик, подсыпка песка, отпечаток деревянного круга, след от оси диска.
Конструирование полого тела	Спирально-жгутовой налеп	Спирально-жгутовой налеп
Формообразование	РФК не выше 3-4, 5-6 (для мисок и светильников)	РФК-(3)4, реже 5
Обработка поверхности	Заглаживание рукой, деревянным инструментом	Заглаживание деревянным ножом и пальцами гончара, обтачивание, лощение полосчатое и сплошное
Орнамент	Горизонтальные и волнистые линии, насечки	Врезные горизонтальные полосы
Придание изделиям прочности	Обжиг в русской печи	Мог использоваться прием неполной выдержки изделий при температурах калений больше 650–700°. Распространен обжиг в окислительной среде; мог быть сквозным равномерным, но встречаются фрагменты с темными прослойками. Вероятно, для обжига использовались печи.

чико + венчик). Данные признаки соответствуют РФК-(3)4 и реже РФК-5 (в данном случае больше для мореной и чернолощеной керамики).

Обработанный материал позволяет говорить, что вежские гончары применяли следующие приемы обработки поверхности: заглаживание (деревянным ножом и пальцами), обтачивание, лощение полосчатое и сплошное.

Орнамент встречен только на двух фрагментах: стенка чернолощеного сосуда (сдвоенные врезные горизонтальные линии) и крышка красноглиняная (рис. 1, образцы 7 и 10).

Скорее всего, гончары использовали прием неполной выдержки изделий при температурах калений больше 650–700°. Причем на селище был распространен обжиг в окислительной среде; 55,4% керамики (31 фр.) показывает обжиг сквозной и равномерный (красноглиняная, мореная и чернолощеноя), 44,6% (25 фр.) имеет в изломе темные прослойки (с четкой или размытой границей), что является признаком неполного прокаливания. Но пока не проведены дополнительные исследования, мы не можем сказать точно, при какой именно температуре обжигалась керамика в с. Вёжи. Для этого необходимо провести дополнительные исследования.

На сегодняшний день мы можем только сказать, что вежские гончары обжигали свою посуду в пе-

чах. Горновых устройств или специальных печей для обжига керамики при археологических раскопках селища Вёжи пока не найдено.

Основу ассортимента вежских гончаров составляли кухонные горшки, корчаги, миски, крышки и т. д. Это стандартная керамика XV–XVIII вв., которая повсеместно встречается в разных русских городах: Москве, Новгороде, Владимире, Нижнем Новгороде, Царевококшайске [4, с. 38–39; 9, с. 28–38; 10, с. 228–248; 7, с. 126–129].

В рассматриваемый временной период гончарство на селище Вёжи было уже ремесленным производством, а традиции местных мастеров похожи на традиции гончаров других русских центров. Сравнительный анализ керамического материала до и после проведенных анализов представлен в таблице 4.

Итак, в результате проведенных технико-технологического и естественно-научных анализов керамического материала мы получили более подробную информацию о технологических особенностях изготовления глиняной посуды на селище Вёжи в XV–XVII вв.

На основании проведенного химического анализа нами выделены два сорта глин: кремнеземные и глиноземные, которые гончары селища Вёжи использовали при изготовлении своих изделий. Также установлено, что все изученные образцы произ-

ведены из ожелезненных глин, причем содержание Fe в них составляет от 20% до 45%.

Примечания

¹ Раскопы I–II [2, с. 11], с учетом исследований 2015 г.

² Все исследования с применением естественно-научных методов были проведены в лаборатории Поволжского государственного технического университета д. т. н. С.Я. Алибековым.

³ Для анализа был использован портативный рентгенофлуоресцентный спектрометр (анализатор) S1 TINAN Series.

Библиографический список

1. *Алексеев С.И.* Археологические источники в контексте формирования территории г. Костромы в XII–XVIII вв. // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. – 1999. – № 2. – С. 57–59.

2. *Алексеев С.И.* Отчет об археологических раскопках селища Вёжи Костромского района Костромской области в 2001 г. / сост. С.А. Кабатов. – КГУ им. Н.А. Некрасова, 2001. – 138 с.

3. *Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы: Источники и методы изучения. – М.: Наука, 1978. – 278 с.

4. *Бойцов И.А.* Московская красноглиняная керамика XIV – начала XVI вв. и возникновение Гончарной слободы в Москве // Материалы и исследования по археологии Москвы. – М.: Институт археологии АН СССР, 1991. – Т. 5: Московская керамика: Новые данные по хронологии. – С. 33–41.

5. *Кабатов С.А.* Сельская керамика Костромского Поволжья XIII–XVII вв. // Российская провинция в динамике исторического развития: взгляд из XXI века: сб. статей XI межрегиональной научной конференции: в 2 ч. Ч. 2. Новейшие археологические исследования в Российской провинции. Работы молодых исследователей провинции как социокультурного феномена. – Кострома, 2004. – С. 7–25.

6. *Кабатов С.А.* Отчет об археологических раскопках селища Вёжи Костромского района Костромской области в 1999 г. / сост. С.А. Кабатов. – КГУ им. Н.А. Некрасова, 1999. – 138 с.

7. *Кабатов С.А.* Отчет об археологических раскопках селища Вёжи Костромского района Костромской области в 2004 г. / сост. С.А. Кабатов. – КГУ им. Н.А. Некрасова, 2004. – 198 с.

8. *Кабатов С.А.* Отчет об археологических раскопках селища Вёжи (раскоп II) Костромского

района Костромской области. Т. 3. / сост. С.А. Кабатов. – Кострома: КГУ имени Н.А. Некрасова, 2008. – 141 с.

9. *Кабатов С.А.* Отчет об археологических исследованиях на селище Вёжи в 2009 г.: в 2 т. / сост. С.А. Кабатов. – Кострома: КГУ имени Н.А. Некрасова, 2009. – Т. 1. – 171 с.; Т. 2. – 124 с.

10. *Кабатов С.А.* Научный отчет по итогам археологических исследований (раскопок) объекта археологического наследия «селище Вёжи», расположенного по адресу: Костромская область, Костромской район, Шунгенская с/а / сост. С.А. Кабатов. – Кострома: КГУ имени Н.А. Некрасова, 2014. – 220 с.

11. *Кабатов С.А.* Научный отчет по итогам археологических исследований (раскопок) в 2015 г. объекта археологического наследия «селище Вёжи», расположенного по адресу: Костромская область, Костромской район, Шунгенская с/а, остров Вёжи / сост. С.А. Кабатов. – Кострома: ООО «Историко-археологическое общество “Кострома”», 2015. – 259 с.

12. *Курочкина С.А.* Керамика города Царевококшайска (по материалам раскопок 2008–2010 гг.) // Развитие гуманитарных исследований в Республике Марий Эл: материалы научной конференции, посвященной 90-летию Республики Марий Эл и 80-летию МарНИИЯЛИ. – Йошкар-Ола: МарНИИ языка, литературы и истории им. В.М. Васильева, 2011. – С. 125–131.

13. *Лопатина О.А., Каздым А.А.* Естественная примесь песка в древней керамике (к обсуждению проблемы) // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения. – М.: ИА РАН, 2010. – С. 46–57.

14. *Розенфельдт Р.Л.* Московское керамическое производство XII–XVIII вв. – М.: Изд-во «Наука», 1968. – 124 с. – (Археология СССР: свод археологических источников. Вып. Е 1-39).

15. *Смирнова Г.П.* Опыт классификации керамики древнего Новгорода (по материалам раскопок 1951–1954 гг.) // Материалы и исследования по археологии СССР. Труды новгородской археологической экспедиции. – № 55. – Т. 1. – М., 1956. – С. 228–248.

16. *Цетлин Ю.Б.* Об определении степени ожелезненности исходного сырья для производства глиняной посуды // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. – Самара: Изд-во «Научно-технический центр», 2006. – С. 421–425.

17. *Цетлин Ю.Б.* Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. – М.: ИА РАН, 2012. – 430 с.

Майоров Анатолий Александрович
кандидат исторических наук
Орловский государственный институт культуры
aamajorov@rambler.ru

К ВОПРОСУ ЛОКАЛИЗАЦИИ ЛЕТОПИСНОГО ДЕДОСЛАВЛЯ

В российской исторической литературе в течение XIX–XX вв. сложилась традиция, локализирующая летописный Дедославль в районе современного села Дедилово Тульской области и определяющая его в качестве претендента на роль «столицы» земли вятичей. Важность решения вопроса об установлении реального политического и религиозно-культурного центра вятичского этнополитического образования вызвана необходимостью исследования историко-географических причин его формирования и длительного существования. Возможная ошибочность локализации привела ряд крупных исследователей к поспешным и недостаточно достоверным выводам. Методы, использовавшиеся для локализации, представляются недостаточно полными и доказательными. Объективный анализ имеющихся в настоящее время письменных источников и археологических данных показывает отсутствие явных и убедительных доказательств данной гипотезы, за исключением созвучия наименований. Ряд археологических объектов, не связанных с современным селом Дедилово, имеет значительно более серьёзные доводы для их локализации в качестве летописного Дедославля. Вопрос поиска и установления реального политического и религиозного центра вятичей нуждается в новой проработке на основе объективных археологических данных.

Ключевые слова: Дедославль, локализация, вятичи, верховской (верхнеокский) регион.

Одной из всегда актуальных проблем исторической науки является недостаточная локализация исторических объектов. В случае непрерывного существования и письменной фиксации у исследователей вопросов обычно немного. Если же объект своё существование прекратил либо его название не является уникальным маркером, позволяющим точно осуществить привязку исторического сообщения к географическим реалиям, возможно возникновение ситуаций, изрядно запутывающих историческое исследование и повествование. К числу такого рода объектов можно весьма обоснованно отнести вятичский Дедославль.

Возникновение и существование так называемой Верховской историко-географической провинции находятся в центре научных интересов автора настоящей статьи [4; 5]. Вследствие этого обстоятельства прояснение отдельных неопределённых либо спорных моментов истории легендарной земли вятичей, бывшей, по мнению исследователя, одним из наиболее ярких и интересных этапов существования названной выше историко-географической единицы, является одной из наиболее важных задач, стоящих перед ним.

Проблема локализации летописного Дедославля, рядом исследователей признаваемого центром вятичского этнополитического объединения, до сих пор не нашла своего окончательного разрешения. Впервые он упоминается в Ипатьевской летописи под 1146 г. в связи с борьбой за первенство между Ольговичами и Давыдовичами. «Стославль же перебравъ дружиною. и хоте ехати Белозеръци на Дѣвдичю къ Дедославлю». И несколько далее там же: «она (вероятно, дружина. – А. М.) же слышавша оже Гюрги прислалъ к нему в помощь и не сместа ити. но съзваша Вятиче и реша имъ. се есть ворогъ нама и вамъ. а ловите его на поль вама. и тако възвратистася. ис Дедославля в то же веремя поидоста Гюргевича Ростиславль» [7, стб. 334].

Второй раз в том же своде Дедославль фигурирует как место, куда через некоторое время пришел Святослав и где он встретился со своими союзниками Токсобичами: «Стославль же приде к Дедославлю и тоу придоуша к нему друзии Половце» [7, стб. 342].

Воскресенская летопись практически полностью повторяет изложение хода событий, единственным отличием следует считать намек на Давыдовичей как авторов обращения к вятичам: «Слышавше же Давыдовича. Оже присла Юрью помочь Святославу. И не сместа по немъ ити, но съзваша Вятичи и реста им...» [8, с. 38]. Других заметных упоминаний Дедославля, помимо описанного исторического эпизода, в летописях практически нет.

Тексты летописей позволяют локализовать Дедославль в черниговской волости Вятичи, по всей видимости, к югу от р. Оки. Соседними по отношению к нему населёнными пунктами должны были быть (согласно данным летописей) Козельск, Колтеск, Осетр и (в отдалении) Лобынск в устье р. Протвы. Кстати, летописцы нигде не обозначили каких-либо точных географических объектов, соотносимых с точкой нахождения рассматриваемого места.

Летописный текст нигде прямо не определяет Дедославль в качестве места какого-либо систематического сбора вятичей либо в качестве сколько-нибудь значимого для локальной политической жизни центра. Всё, что имеется по этой тематике, – краткое сообщение, что некто «съзваша Вятиче и реша имъ».

Безусловно, само название Дедославль может дать весьма богатую основу для построения гипотез. Судя по всему, оно восходит к понятию «место прославления (поминовения) предков (дедов)». В этой связи вспоминается популярный до сих пор в современной Беларуси и западных областях России праздник Дедов («Дзяды»), под которыми (де-

дами) подразумеваются все семейные предки либо прародители.

Лаврентьевская летопись таким образом описывает языческий («поганый» в соответствии с терминологией своего автора) ритуал прощания с умершими: «[и] аще кто оумряше творяху трызно надъ нимъ. и по семь творяху кладу велику и възложакуть и накладу мртвѣа. сожьжаху. и посемя собравше кости. вложакуть в судину малу. и поставяху на столпе на путех еже творять Вятичи и ныне. си же творяху обычая Кривичи. [и] прочии погани. не вѣдуще закона Бжя. но творяще сами себе законъ» [6, с. 13–14].

Почитание ушедших предков вполне чётко можно соотносить с понятием «прославления дедов». Учитывая же редкость находок славянских святилищ на территории проживания восточных славян (вятичское же святилище представляет собой ещё большую редкость), а также до сих пор сохранившееся почитание священных мест и природных явлений, свойственное как самим восточным славянам, так и ассимилированным славянами балтам и финно-уграм, следует полагать, что весьма вероятными местами сосредоточения культовой жизни вятичей и современных им языческих соседей должны были быть священные рощи, камни, источники и (или) места упокоения предков – «могилы», что, в случае вятичей, приводит к однозначной локализации – курганным могильникам.

В русле такого рода гипотезы следует рассматривать Дедославль не только как легитимный центр культа предков, но и как не менее легитимный центр (вероятно, не единственный) общественной, культурной и, вполне возможно, политической жизни вятичского племенного объединения.

Достаточно давно утвердилось отождествление летописного Дедославля с с. Дедиловом современного Киреевского района Тульской области. Что интересно, никаких доказательств тождества этих двух объектов (за исключением сходства названий летописного Дедославля и поставленного во второй половине XVI в. Дедилова) нет ни у М.П. Погодина, ни у Н.С. Арцыбашева, ни у Н.П. Барсова. А.Н. Насонов аргументирует такое тождество соседством с перечисленными в летописях городами, не поясняя – в чём недостаток иных обследованных вятичских городищ, расположенных по соседству [4, с. 224].

По всей видимости, эта локализация основывалась на приемах, весьма точно описанных А.К. Зайцевым: «Их можно охарактеризовать как ориентировочный и условно-топонимический прием. При отсутствии прямого указания на местоположение по данным источника приблизительно определялся район нахождения города и затем по карте или спискам населенных мест XIX–XX вв. находился топоним, созвучный или тождественный летописному» [3, с. 21]. Недостатки подобной

методики, в условиях частой повторяемости восточнославянских топонимов и отсутствия каких бы то ни было доказательств преемственности древнего и современного названий, очевидны и не нуждаются в дополнительных пояснениях.

Единственным авторитетным автором, кто подкрепил свои суждения чем-либо материальным, стала Т. Никольская. В классической работе «Земля вятичей», сославшись на археологические данные, она упомянула крупное городище с обломками домонгольской и средневековой керамики [5, с. 131]. Значительно более современная «Археологическая карта России. Тульская область» сообщает лишь о разрушении Дедиловского городища, а имеющийся неподалеку курган, не упомянутый Никольской, атрибутирует как не имеющий датировки [1, с. 129, 268].

Рядом крупных исследователей соседство топонимического названия (возможно, ойконима) с фактом «созывания вятичей» было воспринято как точная локализация постоянного места пребывания самого собрания. В частности, Б.А. Рыбаков сформулировал в работе «Киевская Русь и русские княжества в XII–XIII вв.» весьма комплиментарную, относительно вятичей и их гипотетического центра Дедославля, гипотезу. Согласно ей, Дедославль мог быть и «геометрическим центром вятичей» и даже вятичской столицей. Он отождествляется с Дедиловской слободой (позднее Дедилов) [9, с. 261–262]. На основании восточных источников Рыбаков даже описал вятичское «полюдь», которое «...должно было начинаться в столице, например, в Дедославле...» [9, с. 278].

Очень аккуратно обозначил своё отношение к рассматриваемому вопросу А.В. Шеков: «...Дедославль традиционно соотносился исследователями с городищем у с. Дедилова» [10, с. 72].

Следует указать на то обстоятельство, что прямых и достоверных доказательств тождества ныне утерянного городища у с. Дедилова с Дедославлем, кроме частичного совпадения названий, не существует. Объективный анализ позволяет усомниться в полном отождествлении Дедиловского городища и Дедославля.

Безусловно, Дедиловское городище удовлетворяет требованиям «удаленного соседства» с упомянутыми ранее Козельском, Колтеском, Осетром и (в отдалении) Лобынском. Но данным требованиям также вполне соответствуют и множество других городищ, выявленных в ходе археологических раскопок на территории современной Тульской области.

Летописи никак не акцентируют городской характер Дедославля, а потому нет никакой уверенности в том, что это именно город, а не название местности, где происходило «прославление предков». Подобный факт вполне отмечен неподалеку: будучи давно известной как заселённая и освоённая

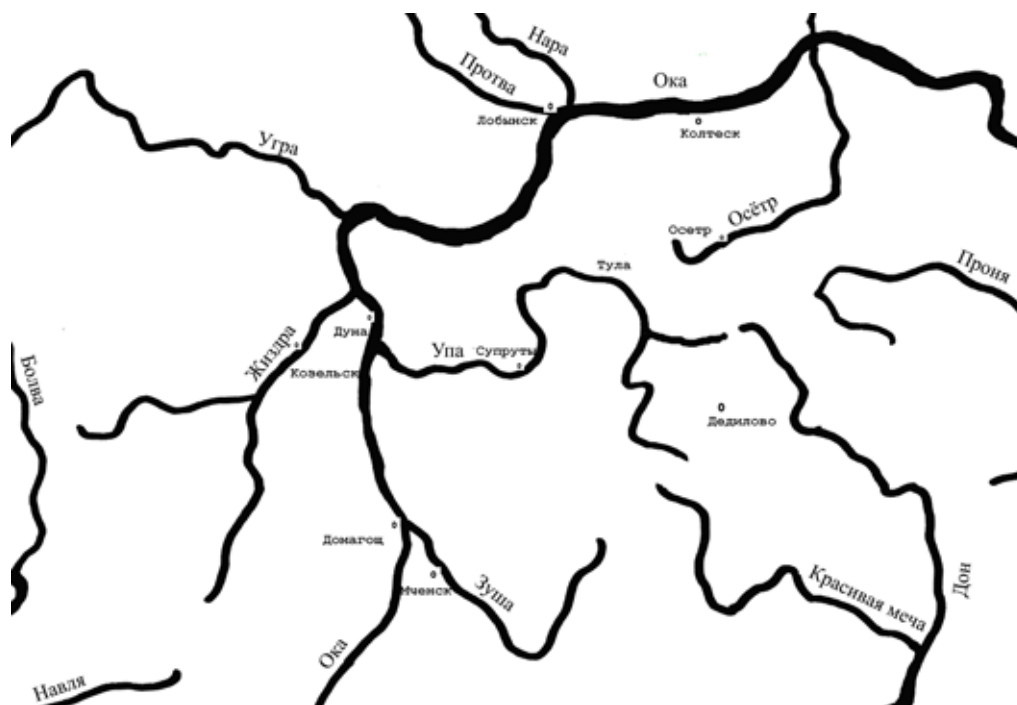

Рисунок. Территория верхней Оки в XI–XII вв. (рисунок автора)

ная местность, Тула фиксируется в качестве города лишь через несколько столетий после первого упоминания, в 1382 г.

Допущение существования города Дедославль в качестве некоего политического центра требует его размещения значительно ближе к основным транспортным магистралям того времени: на р. Оке либо её притоке. Относительно маловодный приток впадающей в Оку р. Упы – р. Шиворонь (на берегу которого располагается Дедиловское городище) – не выглядит подходящей для старого племенного центра транспортной артерией.

Сравнительный анализ ойконима (если принять городскую версию) Дедославль показывает безусловную древность данного названия. Исследователями отмечалось, что ойконимы, имеющие окончание в виде суффикса «-ск», располагались на территории Руси весьма компактно, а «все компактные скопления соответствующих летописных “градов” отвечают основным направлениям “окняжения” Русью так называемых “племенных территорий” славян и их ближайших соседей» [11, с. 206]. Практически все упомянутые летописцем предполагаемые соседи Дедославля несут эту печать «окняжения» (Мченск, Лобынск, Козельск и т. п.), в отличие от рассматриваемого нами. Дедославль явно выглядит старше перечисленных населенных пунктов и не несёт признаков «окняжения» в своем названии.

Ойконимы с корнем «дед-», отсылающие к культу почитания предков, весьма распространены в восточнославянском ареале. В частности, Барсов отмечает в указанный период в соседней Смоленской земле как минимум два населенных пункта (Дедичи и Дедогостици) с явно похожими названи-

ями [2, с. 70–71]. В современной Тульской области, помимо с. Дедилова, наличествуют в разных районах Житово-Дедово и Дедиловские Выселки. Соседняя Калужская область имеет в своем составе Дедово-Петровичи, Дедное и Дедню. Смоленская область предьявляет Деденки, целых два Дедово, Дедково, Дедюрево, Белодедово и Дедешино. Московская область: Деденево, Дедлово, Домодедово, Дедово-Талызино, Дединово, Дедешино. Настоящее перечисление является весьма грубым, не учитывает исчезновения и переименования различных населенных пунктов, но тем не менее весьма ярко иллюстрирует количество возможных альтернативных вариантов для локализации.

Древность происхождения и причастность к исполнению обрядов «прославления предков», по всей видимости, должны предполагать наличие мест упокоения означенных предков, на что указывает приведенный в начале данной статьи отрывок летописи, описывающий особенности отправления вятичами их религиозных обрядов. В этом случае обязательным признаком Дедославля (вне зависимости от его городского либо храмового статуса) должно быть наличие значительного числа вятичских курганов и, возможно, иных культовых сооружений (храмов, алтарей, капищ и т. п.), чего в окрестностях с. Дедилова не наблюдается.

Выполнение указанных требований, означающих относительно долгое существование и безусловное проведение поминальных религиозных обрядов и церемоний, вполне прослеживается на территории современного Суворовского района Тульской области вдоль р. Оки и впадающей в нее р. Упы (курганный могильник Доброе, городище Дуна в Чекалине, курганный могильник Запад-

ное), в Веневском районе того же региона (селища и курганные могильник у д. Бельково, обширный археологический комплекс Городище), а также в результатах археологических исследований нескольких десятков только роменско-боршевских городищ и селищ VIII–X вв., выявленных и обследованных на территории Тульской области.

При этом, в случае определения Дедославля не в качестве города, а как сакральной местности либо храмового комплекса, отсутствует необходимость в опровержении прежде определенного иного ойконима (т. е. выявленное название города, не совпадающее с Дедославлем, никак не противоречит возможности так именоваться округе в целом).

Таким образом, можно весьма обоснованно утверждать, что традиционная локализация летописного Дедославля в районе современного села Дедилово Тульской области основывается не столько на объективных исторических и археологических источниках и данных, сколько на сложившейся традиции освещения данного вопроса в исторической литературе. Помимо прочего, утверждение о выполнении летописным Дедославлем неких центральных административных, политических или религиозных функций до сих не подкреплено какими-либо достоверными источниковыми либо археологическими аргументами.

Библиографический список

1. Археологическая карта России. Тульская область. Ч. 2. / под ред. А.В. Кашкина. – М.: Институт археологии РАН, 2002. – 272 с.
2. Барсов Н. Материалы для историко-географического словаря России. Ч. 1. Географический словарь русской земли (IX–XIV ст.). – Вильна: Тип. А. Сыркина, 1865. – 220 с.
3. Зайцев А.К. Домагощ и границы «Вятичей» XII в. / Историческая география России. XII – начало XX в. – М.: Наука, 1975. – С. 21–31.
4. Майоров А.А. Древние вятичи и их особое место среди восточнославянских племен IX–XI вв. // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2015. – Т. 21. – № 6. – С. 8–12.
5. Майоров А.А. Призвание Вятки (к вопросу о создании вятичского племенного союза) // Вестник Брянского государственного университета: Педагогика. Психология. История. Право. Литературоведение. Языкознание. Экономика. Точные и естественные науки. – 2015. – № 3 (26). – С. 101–104.
6. Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства: историко-географическое исследование. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 262 с.
7. Никольская Т.Н. Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. – М.: Наука, 1981. – 296 с.
8. Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. – 2-е изд. – Л.: Изд-во АН СССР, 1926–1928. – 540 с.
9. Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. – 2-е изд. – СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1908. – 574 с.
10. Полное собрание русских летописей. Т. 7. Летопись по Воскресенскому списку. – СПб.: Тип. Э. Праца, 1856. – 354 с.
11. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества в XII–XIII вв. – М.: Наука, 1982. – 599 с.
12. Шеков А.В. Верховские княжества. Середина XIII – середина XVI в. – М.: Квадрига, Русская панорама, 2012. – 364 с.
13. Щавелев С.П. Археологические реалии жития Феодосия Печерского // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Казань: Отечество, 2014. – Т. 3. – С. 203–207.

КИЕВО-МОГИЛЯНСКАЯ АКАДЕМИЯ ПОСЛЕ ПЕТРА МОГИЛЫ

Статья посвящена развитию Киево-Могилянской академии. Первые успехи учебного заведения были связаны с именем киевского митрополита Петра Могилы, который основал данное заведение и поднял уровень образования до такой степени, что он не уступал многим ведущим западным учебным заведениям. После смерти митрополита Коллегия так же процветала и достигла выдающихся успехов как на Украине и всей тогдашней Российской империи, так и в Европе. Академия еще со времен Петра Могилы копировала самое лучшее у западноевропейских школ в плане образования и науки. Её воспитанниками были ученые, будущие государственные деятели. Киево-Могилянская академия выпустила немало образованных иерархов – епископов, митрополитов, архимандритов, духовных писателей. Среди них были и такие, которые своей праведной жизнью, духовностью, высокими христианскими благочестиями, просветительской деятельностью заслужили признание их по смерти Святыми Православной церкви.

Ключевые слова: Пётр Могила, Киево-Могилянская академия, Киево-Могилянская коллегия, образование, наука, культура.

Из стен Киевской коллегии, которая была создана киевским митрополитом Петром Могилой в 1632 году, вышло немало будущих знаменитостей, среди которых ученые, церковные служители, политики и другие деятели разных ипостасей. Киево-Могилянская коллегия добилась значительных успехов, благодаря чему в конце XVII столетия стала называться Академией. В данной статье мы предпринимаем попытку анализа деятельности Академии после Петра Могилы и показываем результат её работы.

Большую историографию и особое внимание к вопросу реформирования богословской школы на Украине времен Петра Могилы мы находим в работе А. Колодного и Л. Филипович [11]. Исследователи отмечают, что киевский митрополит поставил перед собой цель: овладеть католическими методами теологической аргументации, использовать их для православного вероисповедания, одновременно оставляя неприкасаемым его догматическую суть. Вследствие подобного стремления и была создана Могилянская коллегия, где впервые на украинской земле началось преподавание богословия как науки [11, с. 47–60].

Почти все исследователи считали и считают, что Киево-Могилянская академия стала главным достижением в жизни Петра Могилы. Заслуга его заключается в том, что после объединения Лаврской школы с Братской он превратил её в такое учебное заведение, которое год спустя стало образцом для всех духовных школ. Со временем оно было преобразовано в коллегию, которая некоторое время спустя в честь Петра Могилы была названа Киево-Могилянской академией [4, с. 11].

Характеризуя деятельность этого учебного заведения, Макарий (Булгаков) писал: «Академия сия, по своему происхождению, служит живым памятником трех важнейших в истории событий. Она напоминает нам великую эпоху пробуждения Европы к просвещению и вместе с тем первое участие России в умственной Европейской жизни; она служит памятником деятельного сознания потре-

ности просвещения народа Русского после удручающего его татарского ига, и дружелюбного участия в сем деле великого Княжества Литовского или частнее Малороссии; памятником, наконец, первой явной опасности для Западной России лишиться православия и вместе памятником особенной ревности Киевлян к православной вере» [4, с. 87].

Стоит также отметить, что еще не имевшую титула Коллегию современники именовали Академией. Вот лишь несколько примеров. Пребывая в начале 30-х годов XVII столетия в Киеве, французский инженер и картограф Гийом Левасар Де Боплан записал, а потом поместил в своей книге «Київ» слова: «У Києві, на Подолі, при Братській церкви є Універсітет, або Академія» [11, с. 28].

В польских правящих кругах также прекрасно понимали, что Киевская коллегия является высшим учебным заведением. Об этом свидетельствует ряд документов, где Коллегия именуется не иначе как Академия. Так, например, Мьясковский, который входил в состав королевского посольства, направленного к Богдану Хмельницкому, стал свидетелем торжественной встречи гетмана в 1648 году в Киеве после победы под Замостьем. В своем дневнике он писал: «Весь народ, который вышел из города, вся беднота поздравляли его. Академия поздравляла его овациями и декламациями, как Моисея» [2, с. 118].

В новых политических условиях, когда Украина вступила в союзные отношения с Россией, Академия при поддержке гетмана Ивана Мазепы и митрополита Варлаама Ясинского послала в Москву своих послов во главе с ректором Иосифом Кроковским с целью получить подтверждение своего материального и правового статуса. Вернулся ректор с царской грамотой, по которой учебное заведение с 26 сентября 1701 года было названо «Академией» и по которой Киевскому митрополиту судить студентов, а не гражданскому начальству [12, с. 252]. Кстати, даже сам государь посещал Академию.

Киево-Могилянская академия выпустила немало образованных иерархов – епископов, митрополитов, архимандритов, духовных писателей.

Среди них были и такие, которые своей праведной жизнью, духовностью, высокими христианскими благочестиями, просветительской деятельностью заслужили признание их по смерти Святыми Православной церкви. Это Дмитрий (Туптало), митрополит Ростовский; Иван (Максимович), митрополит Тобольский; Иннокентий (Кульчицкий), епископ Иркутский; Иосиф (Горленко), епископ Белгородский; Феодосий (Углицкий), архиепископ Черниговский и, естественно, Пётр (Могила), митрополит Киевский и Галицкий.

Академия была долгое время единственным высшим учебным заведением и для всей православной Восточной Европы. Уже в 40-х годах XVII столетия в Академии стала обучаться молодежь из разных городов России, даже таких отдаленных, как Чебоксары, Царицын, Тобольск, Арзамас. Среди россиян, которые закончили Академию в XVII столетии, был Порфирий Зеркальников, который выполнял дипломатические поручения царя во время Освободительной войны, приезжал с тайными грамотами к Богдану Хмельницкому, принимал участие в переговорах между Россией и Украиной, занимался научной деятельностью, подготовив к печати «Лексикон славяно-греко-латинский» Епифания Славинецкого, с которым сотрудничал в Москве. Свое отношение к Академии Зеркальников выразил, когда, уезжая в Москву, подарил ей свой дом, купленный за 300 злотых во время учения, «в ознаменование любви своей, за восприятие премудрости на том месте святом Киево-Могилянском» [8, с. 200].

Также академию закончили: Карион Истомирин, автор первого иллюстрированного русского «Букваря» и «Малой грамматики», работавший справщиком печатного двора; Канон Зотов, известный военный деятель, автор первой русской книги по технике корабельного управления «Разговор у адмирала с капитаном о команде»; Борис Шереметьев, сподвижник Петра I, и многие другие.

Могилянцы были основателями ряда школ в России и в Белоруссии. Так, Епифаний Славинецкий, ученый, педагог, лингвист, писатель, переводчик, философ и богослов, открыл в Чудовом монастыре первую в Москве греко-латинскую школу. Рафаил Заборовский работал в Московской славяно-греко-латинской академии, был избран епископом и членом Синода, открыл в Пскове славяно-латинскую школу. Симеон Полоцкий, просветитель, ученый, поэт, писатель, проповедник, открыл в Спасском монастыре школу, которая стала предшественницей Славяно-греко-латинской академии. Полоцкий был благосклонно принят царем Алексеем Михайловичем, был поселен в монастыре, чтобы «начать немедленно обучение молодых людей “по латыням” – “по Алвару” (учебнику латинского языка)» [5, с. 10–11]. Причем всё происходило по воле государя, помещение было

выстроено на средства царя. Выпускник киевского учебного заведения, Полоцкий стал передавать свой опыт, расширять первоначальное образование, приобретенное путем книжного чтения, что входило в желания царя, поскольку прежним уровнем получения знаний молодым поколением он не был доволен [5, с. 13].

«Училищный порядок, существовавший в Коллегии, можно видеть еще и ныне, хотя с некоторыми изменениями, в духовных наших училищах и даже низших училищах светских. Ибо Московская академия, а вслед за нею все другие училища, заимствовали его собственно из Академии Киевской...», – пишет иеромонах Макарий [4, с. 11].

Полный курс обучения в Киево-Могилянской академии продолжался 12 лет. Однако, несмотря на то, что она была высшей школой, студенты имели право учиться в ней столько, сколько считали нужным, без годовых ограничений. Студентов и начальных, и средних, и старших классов (курсов) никогда не карали и не отчисляли за то, что они не выучили уроки, не подготовились к диспуту или вообще не могли овладеть необходимым материалом, потому что причиной тому могли быть болезнь, голод, холод, нехватка одежды, учебников и т. д. Более того, всем предоставлялась возможность при желании оставаться на второй или даже на третий год в том же классе, чтобы подтвердить свое основание обучаться в этом учебном заведении.

Всего в академии было 8 так называемых ординарных классов, но количество предметов достигало 30 и более. Первый класс был, по сути, подготовительным. В следующих трёх классах Академии изучались языки: церковно-славянский, греческий, украинский, латынь и польский, а также арифметика, геометрия, нотное пение и катехизис. Знание классических языков – греческого и латинского – было в то время не только признаком образованности человека, но и открывало ему путь к познанию античного культурного наследия, а также современной европейской литературы и науки. Латынь была языком науковедов, писателей, поэтов, судебного дела, международного общения. Ведь преподавание в университетах Европы велось именно на латинском языке. Все высшие науки, начиная с поэтики, в Киево-Могилянской академии также преподавались на латыни [8, с. 77].

Еще в 1649 году иерусалимский патриарх Паисий, посетивший Киевскую коллегию, писал, что она имеет учителей «высокого искусства», которые обучают греческую молодежь «славянскому языку как собственному и латинскому, как необходимому...» [6, с. 190–191].

По словам иеромонаха Макария, «с радостью, еще при жизни своей, видел Пётр Могила плоды от всей Коллегии для Церкви Божией и просвещения, хотя из тех людей ученых и благочестивых, которые и тогда уже умножились, по словам его,

ни один не предал потомству своего имени. Как же бы возрадовалось сердце его, если бы ему суждено было пожить еще полвека или более и узреть всех питомцев устроенного им училища, которые по своему образованию были долгое время украшением не только Малороссии, но и всей России и из коих некоторые доселе еще остаются украшением отечества!» [4, с. 87]

Русский и украинский языки со временем стали завоевывать всё больший простор в Академии и в обществе. Их использовали при написании научных, художественных и политических трактатов, летописей, судебных актов, гетманских универсалий, на них совершали проповеди.

В Академии изучалась поэтика и риторика, которые были любимыми предметами студентов, особенно интересовавшихся видами поэзии, имевшими практическое применение [8, с. 84]. Это канты и элегии, которые можно было посвятить уважаемым людям, провозгласить их на общественных, церковных, академических праздниках. Не менее популярными были и выступления – поздравительные, прощальные, именные, а также на случай рождения или смерти, победы, судебного акта, церковного праздника и др. Красноречивые студенты всегда были желанными гостями на разных торжествах, за что получили искреннюю благодарность и материальное вознаграждение.

В Академии стали проводиться традиционные поэтические соревнования – чтение стихотворений разных эпох (в том числе и собственных), на разных языках, преподавателям и студентам; происходило увенчание искусных стихотворцев лавровыми венками с присвоением звания «лавроносного поэта» (лауреата). Вообще ни один академический праздник, ни одно знаменитое событие в Академии или городе не происходило без поэтов.

Благодаря любви к поэтическому слову, которая прививалась студентам Киевской академии, мы имеем сегодня бесценное «Слово о полку Игореве». В рукописи, сделанной со списка XVI столетия, «Слово...» сохранилось в библиотеке воспитанника академии Ивана (Иоилия) Быковского. Как и большинство других могилянцев, он был вызван в Россию, работал в Шляхетском кадетском корпусе, позже стал архимандритом Спасо-Ярославского монастыря и ректором Ярославской семинарии. И везде с Быковским была его библиотека, которой он любезно позволял пользоваться всем книголюбам. Так, «Слово...» оказалось в руках хорошего знакомого архимандрита – оберпрокурора Синода Алексея Мусина-Пушкина.

В Киево-Могилянской академии зародился и стал профессиональным театр. В народе же особенно большой популярностью пользовались вертеп и интермедия. Студенты сами готовили интермедии, драмы, разучивали канты и песни, приготовляли всё необходимое для вертепа. На

ярмарках, в селах – возле церквей, на площадях, кладбищах – студенты разыгрывали свои действия. Слушатели и зрители с радостью и увлечением воспринимали нехитрые студенческие постановки и щедро награждали «тружеников науки».

Киево-Могилянская академия была центром философской мысли на Украине. Особенное место среди философов в Академии принадлежало профессорам: Иннокентию Гизелю, Иосифу Конановичу-Горбацкому, Стефану Яворскому, Григорию Сковороде, Феофану Прокоповичу, который заложил основы преподавания в Академии (и во всей тогдашней Российской империи) высшей математики. Впоследствии он был вызван Петром I в Петербург, где осуществлял деятельность, направленную на развитие просвещенности в России, реформирование государства и церкви. Григорий Козицкий стал впоследствии преподавателем филологии и языкознания в Санкт-Петербургской академии наук.

Примером получения хороших знаний в области архитектуры может служить деятельность известного выпускника Академии Ивана Григоровича-Барского, киевлянина, архитектора и строителя, который является архитектором более 30 сооружений в Киеве. Среди них: ротонда «Самсон», церкви – Николая Набережного, Покровская, Надвратная в Кирилловском монастыре.

В Академии стали преподавать естественные науки – астрономию, биологию, минералогия, зоологию и другие, которые постепенно стали отделяться от философии.

В Киево-Могилянской академии формировалась историческая наука. Достаточно упомянуть, что летописцы Роман Ракушка Романовский (Самовидец), Самойло Величко, Григорий Грабянка обучались в Академии. Их «Козацкие летописи» являются прообразом современных исторических работ. Академия дала и таких известных историков, как Пётр Симановский, автор «Краткого описания о казацком малороссийском народе»; Василий Рубан, который издал «Краткую летопись Малой России» с дополнением «Землеописание Малой России» (1777 г.); Николай Бантыш-Каменский – ученый, историограф, управляющий московским государственным архивом; Максим Берлинский – археолог и историограф Киева.

В Академии студентов обучали разным приёмам рисования, графике и живописи. Здесь же стала составляться одна из больших художественных и гравёрных школ.

Среди воспитанников Академии были и знаменитые иконописцы, творцы монументальной и портретной живописи. Художественная школа Киева влияла на весь православный мир от Москвы до Балканских стран.

Широкого развития в Академии достигло музыкальное искусство. С середины XVII столетия

в академии существовала хоровая школа. Хоры академический и Братского монастыря насчитывали одно время до 300 и более мальчиков. Оба оставались лучшими среди всех киевских хоров, соревнования между ними проводились каждый год на Контрактовой площади Подола. Музыка органично вплеталась в академическую жизнь. Студенческий хор и оркестр обязательно приглашались на майские рекреации и летние гуляния, которые проводились на Борщаговке, Шулявке, Глыбочце, возле Кирилловского монастыря, а зимою в трапезной Братского монастыря и большом диспутном зале. Все торжества – встречи гостей, религиозные праздники, именины ректора и профессоров, день поминания Петра Могилы, диспуты – все сопровождалось музыкою и хоровым пением.

Уникальной была коллекция книг Киевской академии, которая формировалась на протяжении двух столетий. Начата эта работа была, очевидно, еще в Братской школе. Пётр Могила передал Коллегии всю свою библиотеку – 2 131 отечественных и зарубежных изданий [3, с. 149–181]. Так сложилась традиция дарить Академии книги. Библиотека пополнялась также за счет закупок, поступлений из украинских типографий. Там были книги издательств России, Украины, Белоруссии, Амстердама, Гамбурга, Галле и других. Кроме печатных книг в библиотеке сохранились многочисленные рукописи – хроники, летописи, воспоминания, дневники, а также лекции профессоров, конспекты студентов, документы минувших лет и текущая документация.

Киево-Могилянская академия была всесловным заведением. Статус академии предполагал, что в ней имели право обучаться все желающие – дети украинской аристократии, казацкой старшины, казаков, мещан, священников и селян. С основанием Академии уже не в зарубежные университеты, а именно в Киев направляли своих детей известные украинские семьи.

Воспитанниками Киево-Могилянской академии были будущие гетманы: Юрий Хмельницкий, Иван Выговский, Пётр Дорошенко, Павел Тетеря, Иван Брюховецкий, Иван Мазепа, Филипп Орлик, Данила Апостол, Иван Скоропадский, Павел Полуботок. В Академии формировалась общность казацких старшин, готовились кадры для ведущих украинских сословий, в их числе писари, судьи, полковники, сотники, а также дипломаты, переводчики. Это были образованные граждане, деятели, роль которых особенно усилилась во время гетманства Ивана Мазепы.

Культурные связи Академии выходили далеко за пределы нашей страны. Здесь учились молдаване, сербы, боснийцы, черногорцы, болгары, греки и даже итальянцы.

Подводя итоги, стоит подчеркнуть, что Киево-Могилянская академия внесла огромный вклад

в развитие науки не только Украины, но и тогдашней Российской империи. Стоит согласиться с теми историками, которые обратили внимание на то, что Академия еще со времен Петра Могилы копировала самое лучшее у западноевропейских школ в плане образования и науки. Её воспитанниками были ученые, будущие государственные и церковные деятели, которых специально вызывали в Москву для участия в создании Заиконоспасского монастыря и Греко-латинской академии. Со временем выпускники Киево-Могилянской академии направлялись и в Санкт-Петербург для распространения опыта образования в тогдашней российской столице.

Библиографический список

1. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. Т. 4. 1657–1659. – СПб., 1863. – 276 с.
2. Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы: в 3 т. Т. 2. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953.
3. Духовное завещание Петра Могилы, 22 декабря 1646 г. // Памятники, изданные временною Комиссиею для разбора древних актов, высочайше учрежденною при Киевском военном, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Т. 2. – Киев, 1846. – С. 777.
4. *Иеромонах Макарий (Булгаков)*. История Киевской Академии. – СПб: Тип. К. Жернакова, 1843.
5. *Ковалёв А.* Историческое описание Ставропигиального второклассного Заиконоспасского монастыря в Москве, на Никольской улице. – М.: Тип. Л. и А. Снегиревых, 1887. – С. 132.
6. Памятники, изданные временною Комиссиею для разбора древних актов, высочайше учрежденною при Киевском военном, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Т. 2. – Киев, 1846. – 777 с.
7. *Панибратцев А.В.* Философия в Московской славяно-греко-латинской академии (Первая четверть XVIII века). – М.: ИФРАН, 1997.
8. *Хижняк З.И.* Киево-Могилянская академия. – Киев, 1988. – 264 с.
9. Гадяцька угода // Записки Наукового товариства ім. Тараса Шевченка. – Львів, 1909. – Т. 8, 9.
10. *Гійом Левассер де Боплан*. Опис України. – Київ, 1990.
11. *Колодний А., Филиппович Л.* Петро Могила – фундатор української богословської думки // П. Могила: богослов, церковний і культурний діяч. – Київ: Дніпро, 1997. – 216 с.
12. Краткое сведение о начале Киевской Академии, её прежних учреждениях, обыкновениях, порядке и переменах // Митрополит Євгеній Болховітін. Вибрані праці з історії Києва. – Київ, Либідь – ІСА, 1995.
13. *Хижняк З.І., Маньківський В.К.* Історія Києво-Могилянської Академії. – Київ: КМ Академія, 2003. – С. 76.

Менщиков Владимир Владимирович
доктор исторических наук, профессор
Курганский государственный университет
vmen1@yandex.ru

Тетюева Ольга Владимировна
Курганский институт железнодорожного транспорта,
филиал Уральского государственного университета путей сообщения, г. Курган
tetyeva_1009@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ССЫЛЬНЫХ ДЕКАБРИСТОВ НА СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА КУРГАНА

Статья посвящена комплексному анализу городской среды как социокультурного пространства на примере города Кургана. Авторы представляют попытку оценки влияния ссыльных декабристов на жизнь города Кургана. Особое внимание в работе уделено взаимоотношениям ссыльных «курганских» декабристов с местным населением, представителями интеллигенции и администрации в социокультурном пространстве города Кургана. Авторы дают обобщенную характеристику городской среды Кургана, основных направлений деятельности декабристов в городе Кургане (сельскохозяйственной, медицинской, культурной, хозяйственной, а также развития просвещения).

Значительное внимание уделяется изучению писем Е.П. Нарышкиной, адресованных матери А.И. Коновницыной, которые были написаны на протяжении всех лет пребывания в Сибири. Благодаря субъективным источникам – письмам Елизаветы Петровны Нарышкиной о проходивших в городе ярмарках, праздниках, светском «курганском» обществе, встречах в их доме с другими декабристами – можно увидеть не только повседневную жизнь сосланных декабристов, но и жизнь самого провинциального общества. На основе анализа историографических, архивных материалов, авторы делают вывод о том, что городская среда Кургана в первой половине XIX века представляла размеренную провинциальную жизнь с ее особенностями, на которую значительно повлияла разнообразная деятельность ссыльных декабристов.

Ключевые слова: декабрист, ссылка, поселение, просвещение, культура, жизнь и основные направления деятельности декабристов, Отечественная война 1812 года.

Уездный город Курган в первой половине XIX века представлял собой место поселения ссыльных декабристов. В период с 1830 г. по 1857 г. в Курган было сослано тринадцать декабристов (И.Ф. Фохт, В.Н. Лихарев, И.С. Повало-Швейковский, В.К. Кюхельбекер, Н.И. Лорер, А.Ф. Бригген, П.Н. Свистунов, М.М. Нарышкин, А.Е. Розен, Д.А. Щепин-Ростовский, М.А. Назимов, Ф.М. Башмаков, Н.В. Басаргин). Ссыльные декабристы являлись представителями дворянской интеллигенции, образованными людьми с собственным мировоззрением, взглядами на действительность, культуру, литературу и т.п.

Социокультурное пространство уездного города представляло собой общий комплекс взаимодействия местного населения Кургана, администрации и прибывших на поселение ссыльных декабристов в первой половине XIX века. Исторический анализ данного пространства включает в себя изучение отдельных фактов жизни декабристов в Кургане, а также влияние ссыльных декабристов на сложившуюся провинциальную жизнь города с ее традициями, обычаями, нормами поведения, морали и др. [9, с. 173–177]. В результате подобного анализа пребывания декабристов в Кургане нами были определены три составляющие: личностные характеристики «курганских» декабристов [10, с. 184–189], практическая деятельность декабристов и помощь местному населению [11, с. 26–27], влияние мировоззрения (взглядов и идей) ссыльных декабристов на образ мыслей курганцев [12, с. 74–75].

Декабристы вызывали у курганского общества интерес, так как являлись представителями дворянской интеллигенции, проживавшей долгое время в столице, имеющей прекрасное образование и, конечно, со своим мировоззрением, которое было не совсем понятно жителям уездного Кургана.

Практическая деятельность декабристов представляла собой помощь местному населению, которая была направлена на основные сферы жизни провинциального общества (сельскохозяйственную, медицинскую, культурную и хозяйственную), также она способствовала развитию просвещения. Заслугой декабристов М.М. Нарышкина и А.Е. Розена являлось выведение новых сортов вишни, семян [8, с. 273–286], а также применение А.Е. Розеном золы в качестве удобрения. Ссыльные декабристы И.Ф. Фохт, М.А. Назимов, семьи Нарышкиных и Розена, а также Н.В. Басаргин, И.С. Повало-Швейковский бесплатно лечили бедных и раздавали им лекарства, хотя необходимо отметить, что ни один из них не был профессиональным врачом [7, с. 367–398]. Эта помощь, несомненно, оказалась связующим звеном между ними и местным населением. Кроме того, горожане почувствовали защиту, так как декабристы помогали в написании жалоб и прошений.

С пребыванием ссыльных на поселение стала более разнообразной и культурная жизнь Кургана. По четвергам декабристы собирались у Нарышкиных и устраивали творческие вечера, где обсуждались последние новости из Центральной России, известные декабристам из писем родных

и близких. Вместе с письмами они получали книги и журналы. В.К. Кюхельбекер по случаю дня рождения А.С. Пушкина организовал праздник, на котором присутствовали не только его друзья – ссыльные декабристы, но и представители местной интеллигенции, жители города Кургана [6, с. 374]. П.Н. Свистунов отмечал, что в Кургане концерты приезжавших артистов были нечастыми.

Находясь на поселении в Кургане, ссыльные декабристы старались держаться вместе. Они постоянно собирались в доме Нарышкиных, что подтверждает хозяйка дома Елизавета Петровна в своих письмах: «Николай обедает каждый день с нами, остальные мужчины часто, за исключением Розена, у которого своя семья. <...> Два раза в неделю мы заезжаем к Розен, там мы беседуем немного или играем с детьми, которые большие друзья Мишеля» [3, Письмо от 8 декабря 1833 г.].

В первой половине XIX века просвещение и образование в Кургане было представлено уездным училищем с библиотекой, которая включала в себя небольшое количество книг, журналов и других изданий. Однако декабристы пополнили библиотеку столичными и иностранными журналами, привезенными с собой или выписанными уже в Кургане. Часть своих книг декабристы также подарили библиотеке.

Хозяйственная деятельность курганских декабристов – это составление планов домов, церквей (М.А. Назимов), составление прошений (Н.И. Лорер) и написание жалоб (М.М. Нарышкин, Д.А. Щепин-Ростовский), защита интересов крестьян в Курганском окружном суде (А.Ф. Бригген).

О жизни декабристов на поселении мы узнаем из воспоминаний, записок самих декабристов. Не менее ценными являются письма жен декабристов, разделивших с ними участь пребывания в ссылке и на поселении. В Кургане совместно со ссыльными декабристами находились жены А.В. Розен и Е.П. Нарышкина. Ценнейшим историческим источником жизни декабристов, а также описанием городской среды Кургана являются письма Е.П. Нарышкиной, адресованные матери А.И. Коновницыной, которые были написаны ей на протяжении всех лет пребывания в Сибири.

Сложность изучения писем как исторических источников состоит в субъективности автора писем, а также сокрытии информации, так как все письма подлежали проверке и проходили через серьезный надзор со стороны местной администрации под контролем III Отделения.

Из воспоминаний жены декабриста Н.Н. Нарышкина Елизаветы Петровны очевидно, что в Кургане проходили ярмарки: «Эти дни наш маленький городок был очень оживленный из-за ярмарки» [3, Письмо от 27 октября 1833 г.]. При этом она также отмечает, что «все обыватели Кургана, все кухарки, наконец, все здешние жители – всех

слоев общества, имеют привычку одеваться во всякое тряпье, обматывать себе лицо платком в виде масок да бегать по всему городу, во все время праздника...» [4, Письмо от 4 января 1834 г.], то есть умеют веселиться.

Е.П. Нарышкина пишет в письмах матери не только о ярмарках, проходивших в Кургане, но и о светском «курганском» обществе, которое её окружает. Этому аспекту уделено одно из центральных мест в переписке Елизаветы Петровны с матерью: «Мы встаем между пятью и шестью часами, и я уверяю вас, что во всем Кургане нет ни одной души, которая лучше бы пользовалась хорошим временем года, чем мы. Жители остаются всегда в своих домах, и это только в праздничные дни, когда видишь так называемое светское общество города, выходящее очень поздно вечером на наши улицы, полные пыли, не думая пройтись в окрестные поля, что было бы гораздо более приятно... Все женщины горят желанием выставить свои наряды и казаться светскими женщинами, – весьма мало оправданная претензия, которая подкрепляется с помощью разного рода жеманства, а также боязнью загореть на солнце... Они (жители Кургана) ведут образ жизни самый скучный и унылый, как правило» [5, Письмо от 2 июля 1837 г.]. Елизавета Петровна высказывает в письмах к матери свое отношение к местному светскому обществу, определяя для себя важнейшие ценности – здоровье и душевную гармонию, а светскому обществу, по ее мнению, необходимы вечерние прогулки по улицам, полным пыли.

Особый интерес семьи Нарышкиных и всех сосланных декабристов прикован к почте и приходившим из Центральной России письмам, журналам и книгам. В дни прибытия почты декабристы посещали друг друга. «...Мы живем очень тихо, день прибытия почты является для нас тем днем, который мы предпочитаем всем остальным, и тем днем, в который мы все никогда не упускаем случая посещать друг друга, чтобы узнавать о том все ли вести полученные от родных благополучны» [3, Письмо от 22 июня 1833 г.]. Мы можем достоверно говорить о тех книгах и журналах, которые Нарышкины получали из Центральной России («...произведения Бальзака, «Британское обозрение» [3, Письмо от 28 декабря 1833 г.]»).

Письма Е.П. Нарышкиной дают нам возможность посмотреть на жизнь в Кургане ее глазами, так как она после столичной жизни, отправившись за мужем в ссылку, затем следует за ним на поселение в уездный город Курган. Комплекс писем Е.П. Нарышкиной представляет собой подробный материал о жизни на поселении: о лишениях, редких праздниках, доме и саде и т.д. Следует отметить, что в своих письмах к матери она делится своими первыми впечатлениями, пишет о сложности быта, о людях, которые ее окружают (как ссыльные

декабристы, так и местное население) и, конечно, о климате, который важен ей по состоянию здоровья. Благодаря письмам Е.П. Нарышкиной, мы можем посмотреть на провинциальную жизнь первой половины XIX века через систему ее ценностей и отношение горожан к происходившим событиям. Повседневность, которая кажется рядовому обывателю естественной и обычной, по мнению Елизаветы Петровны, расходится с ее мировоззрением. В своих письмах она дает субъективную оценку жизни Кургана. Также благодаря письмам Елизаветы Петровны Нарышкиной мы можем увидеть не только повседневную жизнь сосланных декабристов, но и жизнь самого провинциального общества. Жена ссыльного декабриста М.М. Нарышкина выступила как сторонний наблюдатель, находящийся внутри данного общества.

Таким образом, городская среда Кургана в первой половине XIX века представляла собой размеренную провинциальную жизнь с ее особенностями, на которую значительное влияние оказывала культура ссыльных декабристов. Благодаря разнообразной деятельности они стремились изменить сложившееся уездное общество, благотворно воздействовать на жизнь уездных жителей.

Библиографический список

1. Восстание декабристов: документы. Т. 14. Дела Верховного уголовного суда и Следственной комиссии / ред. М.В. Нечкина. – М.: Наука, 1976. – 489 с.
2. ГАКО. – Ф. Р-1747. – Оп. 1. – Д. 47. – Л. 66–81.
3. ГАКО. – Ф. Р-2380. – Оп. 4. – Д. 145. Е.П. Нарышкина. Письма матери А.И. Коновницыной. Машинописные копии. 1833. на 107 л.
4. ГАКО. – Ф. Р-2380. – Оп. 4. – Д. 146. Е.П. Нарышкина. Письма матери А.И. Коновницыной. Машинописные копии. 1834. на 13 л.
5. ГАКО. – Ф. Р-2380. – Оп. 4. – Д. 149. Е.П. Нарышкина. Письма матери А.И. Коновницыной. Фотокопии. Перевод с фр. А. Булыгина. 1837. на 24 л.
6. История Курганской области (города Южно-го Зауралья в досоветский период). Т. 3. – Курган: ГИПП «Зауралье», 1998. – 469с.
7. *Роцевский П.И.* Декабристы в тобольском изгнании. – Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1975. – 167 с.
8. *Свободин А.* Первая колония декабристов в Кургане // На земле курганской: Литературно-художественный сборник. – 1956. – № 4. – С. 273–286.
9. *Тетюева О.В.* Возможности использования методов социокультурного анализа в жизни ссыльных декабристов в Кургане // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 8 (46): в 2-х ч. Ч. 1. – С. 173–177.
10. *Тетюева О.В.* Личностные характеристики курганских декабристов (Апробация типологии «человека – декабриста» на примере жизни и деятельности декабристов, сосланных на поселение в город Курган) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2012. – № 6 (20): в 2-х ч. Ч. 1. – С. 184–189.
11. *Тетюева О.В.* Социокультурный портрет курганского декабриста // Природа, техника, общество, культура: Сборник научных трудов аспирантов и соискателей Курганского государственного университета. – Курган: КГУ, 2013. – Вып. XV. – С. 26–27.
12. *Тетюева О.В.* Социокультурное влияние «курганских» декабристов на жизнь уездного города Кургана // Зыряновские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции «XI Зыряновские чтения». – Курган: КГУ, 2013. – С. 74–75.

ПЛАВУЧИЕ ТЮРЬМЫ ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И РОЛЬ РЕЛИГИИ В ИСПРАВЛЕНИИ НАРУШИТЕЛЕЙ: К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА В РОССИИ

В статье рассматриваются вопросы исторической реконструкции организации исправительных учреждений для малолетних преступников на кораблях английского флота второй половины XIX – начала XX в. Особое внимание уделяется религиозному фактору, который раскрывается через сопоставление деятельности отечественных и западных исправительных учреждений. Актуальность темы связана как с недостаточной изученностью исторической наукой карательной политики российского государства в данный период, так и с поиском эффективных методов борьбы с детской преступностью, что заставляет современное государство обращаться к зарубежному и отечественному историческому опыту исправительных учреждений.

В первой части статьи анализируются социально-политические причины пристального внимания тюремного ведомства России к борстальскому пенитенциарному эксперименту второй половины XIX столетия. Делается вывод о закономерном решении Главного тюремного управления России отправить специальную делегацию в Англию. Во второй части исследуется процесс и содержание организации деятельности плавучих тюремных учреждений для несовершеннолетних преступников. Различие в подходах к исправлению преступников, отличное видение роли церкви послужили причиной отказа Главного тюремного управления от внедрения английской воспитательной методики в российскую пенитенциарную практику. Автор не только сопоставляет характер и содержание системы организации исправления в России и Англии, но и делает вывод о невозможности полного заимствования локальных пенитенциарных практик по внутренним, более глубинным причинам, связанным прежде всего с ценностными различиями православия и протестантизма. В силу этого зарубежные исправительные методики применялись локально и выборочно, с учетом национально-религиозного контекста.

Ключевые слова: *зарубежный пенитенциарный опыт, корабли для несовершеннолетних преступников, религиозное воспитание, церковь, реформатории, борстальский эксперимент, подходы к исправлению преступников, исправительные учреждения.*

Последняя четверть XIX столетия знаменовалась мощной модернизацией, затронувшей все сферы российского общества. Серьезные изменения произошли и в тюремном ведомстве: сформировалось централизованное управление, оформились черты новой пенитенциарной системы, более прогрессивным стало уголовное и уголовно-исполнительное законодательство, начала складываться наука о тюремном деле. Вместе с тем в конце XIX столетия отечественная тюремная система стала «задыхаться» под прессом огромных государственных задач. Дефицит финансирования, переполненность арестных помещений и тюрем, нехватка профессиональных кадров являлись свидетельством «запоздалого продолжения Великих реформ» [3, с. 20]. Особенно сложно складывалась ситуация с детскими исправительными приютами, которых с учетом территориальных масштабов страны явно не хватало. Подростковая преступность стала серьезной государственной проблемой [5]. Одним из путей ее решения было изучение и использование пенитенциарных практик европейских государств с учетом уже сложившегося отечественного опыта [1, с. 3].

Интерес российского правительства к изучению британского опыта по использованию плавучих тюрем был продиктован несколькими причинами.

Во-первых, Россия являлась морской державой, обладавшей большим потенциалом военных и гражданских судов. Списанные корабли можно

было переоборудовать под плавучие тюрьмы. Последние могли решать не только карательные задачи, но и обучать различным военным ремеслам. Ресурсы и технические возможности страны обладали значительным потенциалом.

Во-вторых, существовал практический опыт использования судов в качестве средств для наказания преступников. В карательных целях в XVIII в. применялась ссылка на галеры, введенная Артикулом воинским (1715 г.) за некоторые уголовные преступления, но в дальнейшем утратившая свое значение. В исправительных целях во второй половине XIX в. была создана плавучая тюрьма в Севастополе, переделанная из военного корабля и поставленная на «мертвые якоря» [9, т. 3, № 1498]. На плавсредствах располагались лазареты для арестантов, совершалась их транспортировка в места отбывания наказания. Следовательно, некоторый собственный практический опыт позволял быстрее адаптироваться к зарубежным пенитенциарным новациям.

В-третьих, в России существовала острая потребность в тюремных и исправительных учреждениях. Рост преступности шел опережающими темпами по сравнению с обеспеченностью местами лишения свободы. Переполненность тюрем (в ряде регионов она составляла 300%) [4, с. 139] создавала серьезную социальную угрозу, являлась фактором политической нестабильности. Об этом говорит рост побегов заключенных и убийств тю-

ремной администрации. Так, с 1899 по 1907 г. из мест лишения свободы бежало 14 176 человек, было совершено 1 252 убийств и насилий над чинами тюремного надзора [19, с. 667, 669].

Ситуация с исправительными учреждениями для детей была еще хуже. В 1906 г. с учетом прибывших и выбывших в российских тюрьмах находилось 549 несовершеннолетних, из них только 228 содержались в специальных изолированных помещениях. Из 2 767 поступивших в тюрьмы несовершеннолетних 456 содержались совместно со взрослыми из-за нехватки помещений. Они были разбросаны по 82 тюрьмам. Кроме того, 640 подростков были размещены в 76 арестных домах и также содержались совместно со взрослыми. Только 40% из них были охвачены школьным образованием [4, с. 141–142]. Цифры красноречиво свидетельствовали о необходимости строительства специальных учреждений для малолетних преступников и реорганизации принципов работы с ними.

В-четвертых, в условиях активного реформирования тюремное ведомство искало новые подходы к работе с осужденными. Особую озабоченность вызывала организация исправительной работы с несовершеннолетними преступниками [1, с. 8]. Они требовали большего внимания, знания педагогики и обязательного сочетания наказания с приобретением ремесла. Прежние методы содержания несовершеннолетних преступников в монастырях устарели [11] и не давали желаемых результатов [9, т. 17, № 14233, ст. 416, 476]. В 1881 г. Государственный совет рекомендовал заменять ссылку несовершеннолетних заключением в исправительных арестантских отделениях. Срок наказания уменьшался. Разрешалось применять по отношению к подросткам и иные (более щадящие) санкции.

На решение этих задач были ориентированы земледельческие колонии и ремесленные приюты, где подростков обучали садоводству, огородничеству, пчеловодству, сапожному и гончарному делу. Деятельность этих учреждений патронировалась Обществом земледельческих колоний и ремесленных приютов, стремившихся расширить свою деятельность, в том числе путем внедрения новых воспитательных методик [10]. Однако в целом ситуация по борьбе с подростковой преступностью оставляла желать лучшего. Только 6% подростков в начале 1890-х направлялись в исправительные приюты, 82% – заключались в тюрьму [18, с. 19–20]. К 1917 г. количество подростков, отсылаемых в исправительные заведения, увеличилось до 10%. В целом исправительных заведений не хватало. Они строились точно на основе заимствования европейских методик [14, с. 20–62].

Свидетельством практического интереса к зарубежным достижениям в тюремном деле стало активное знакомство с деятельностью мест заключения на страницах официального ведом-

ственного журнала «Тюремный вестник», а также анализ пенитенциарных практик на предмет дальнейшего использования [13; 21]. А.П. Печников отмечал, что за короткий период «российскими чиновниками была проделана огромная аналитическая работа по изучению зарубежных пенитенциарных систем... с целью приспособления к российской тюремной действительности» [12, с. 17]. На международных тюремных конгрессах также уделялось пристальное внимание вопросам совершенствования работы с несовершеннолетними преступниками и создания учреждений нового типа [2, с. 70]. Научно-практический интерес к этим проблемам не ослабевал на протяжении последней трети XIX столетия. На Стокгольмском тюремном конгрессе 1878 г. предлагалось более дифференцированно подходить к созданию исправительных заведений для малолетних [7]. В решениях Антверпенского конгресса 1894 г. особо подчеркивалась необходимость исправления, а не наказания малолетних преступников в условиях изоляции [21, с. 306–308].

Коренные преобразования в организации тюремного дела в России стали поводом для целенаправленного изучения английских пенитенциарных методик. К концу XIX столетия в Англии был сформирован кадровый состав работников тюремных учреждений, включая надзирателей, который удовлетворял высоким требованиям «образовательного, нравственного и гигиенического ценза». Служба в английском тюремном ведомстве стала почетной, репутация тюрем выросла в общественном сознании [22, с. 458]. В Англии благодаря внедрению новых пенитенциарных подходов удалось значительно уменьшить количество несовершеннолетних преступников. По сравнению с 1897 г. их число в 1906 г. уменьшилось в 2 раза (724 несовершеннолетних преступника) [6].

Благодаря этим обстоятельствам желание Главного тюремного управления познакомиться с английским опытом по использованию плавсредств в качестве исправительных учреждений было вполне логичным. Отметим, что частные пенитенциарные практики Англии уже были предметом критического осмысления российскими правоведами [15; 16]. Использование карательно-репрессивных методов, непроизводительного механического труда в английских тюрьмах вызывало негативную реакцию у российской общественности [21, с. 90–91].

Однако нельзя было отрицать и успехи Англии по организации учреждений нового типа для несовершеннолетних преступников [17, с. 76–77]. Особенно успешным был борстальский эксперимент, официально одобренный правительством в 1908 г. Суть его состояла в организации особых учреждений (школ-реформаториев), в которых применялись специальные воспитательные методики

с целью подготовить несовершеннолетнего к выходу на свободу и для быстрой адаптации в социальном пространстве. Они основывались на применении знаний педагогики [20] и прогрессивной системе, когда молодые преступники делились на 3 класса (низший, средний и высший) в зависимости от личных успехов [18, с. 12].

В 1899 г. начальник Главного тюремного управления России М.Н. Галкин-Враской поручил Б. Несслеру собрать сведения о так называемых *training ships* – учебных кораблях для малолетних преступников и беспризорных детей в Англии. В его распоряжение были предоставлены ежегодные парламентские отчеты с 1894 г., справки по реформаториям, документация по организации работы на учебных кораблях. Ему удалось посетить четыре судна: «Shaftesbury», «Exmouth», «Cornwall», стоявшие недалеко от Лондона, и «Akbar» – около Ливерпуля. Еще одно судно – «Кларенс», являвшееся образцом, сгорело незадолго до прибытия российской делегации. Все суда были списаны (средний возраст около 30 лет), но имели хорошее техническое состояние. Из черырёх судов три были парусными.

Корабли относились к различным типам тюремно-исправительных учреждений для несовершеннолетних. Первые два из указанных входили в группу «*industrial schools*» (ремесленные приюты). В них отправляли бездомных и нищенствующих детей, а также малолетних преступников 12 лет, если они не были ранее судимы. Оставшиеся два корабля относились к типу реформаториев, в которых направляли малолетних преступников от 10 до 16 лет по отбытии ими краткосрочного тюремного заключения. Срок пребывания в реформаториях варьировался от двух до пяти лет. Всего на четырех кораблях находилось 1 467 несовершеннолетних. Максимальное количество подростков (600 человек) пребывало на «Exmouth».

Все корабли принадлежали частным благотворительным обществам, получавшим их от морского министерства в бесплатное пользование с условием их страхования. За счет взносов (для членов общества) и пожертвований шло содержание воспитанников. Самые крупные расходы приходились на переоборудование кораблей. Только на «Exmouth» было потрачено 19 тыс. фунтов (примерно 180 тыс. руб. по текущему курсу) – сумма, сопоставимая с общероссийскими расходами на исправительные приюты. Собранных средств не хватало, поэтому ежегодно английская казна предоставляла субсидии в зависимости от численности контингента [8, с. 240–247].

Штаты кораблей были скромными. Например, на 260 воспитанников «Cornwall» приходилось всего шестнадцать кадровых работников, из них: четыре учителя, шесть моряков для обучения морскому делу, два плотника, два повара и один дири-

жёр. Отставные моряки одновременно выполняли и функции воспитателей. Их главной задачей было поддержание дисциплины. Они по своим функциям напоминали российских «дядек» (воспитателей в исправительных учреждениях), набравшихся из числа отставных солдат, но фактически выполнявших надзорные и отчасти карательные функции. К решению педагогических задач они были не готовы. Обслуживающего персонала на корабле не было, уборку помещений выполняли сами воспитанники.

Учебные занятия проводились на самом судне или других более мелких, списанных судах. Их малолетние преступники посещали группами в сопровождении моряка или старшего воспитанника.

Религиозно-воспитательная деятельность священнослужителей имела свои особенности. Священник был приходским. Богослужбная деятельность была целиком подчинена требованиям режима. В среднем у воспитанников было 1–2 часа свободного времени ежедневно. В воскресный день на личное время отводилась вторая половина дня. Но по инициативе начальника во время отдыха преподаватели старались вовлечь подростков в мероприятия. Чаще всего проводились спортивные соревнования и конкурсы профессионального мастерства. В этих условиях роль духовного лица была минимизирована, фактически сводилась к проведению богослужения и при необходимости – бесед с отдельными воспитанниками по просьбе администрации. Распорядок дня учреждения не включал религиозную работу (за исключением коротких молитв, которые воспитанники произносили самостоятельно). Религиозное воздействие нивелировалось светским школьным и профессиональным обучением и воспитанием. На учителей возлагались просветительские задачи. Подчеркнем, что в российских исправительно-воспитательных учреждениях религиозному воздействию уделялось значительно больше внимания.

Связь воспитанников с религией на учебных кораблях проявлялась в соблюдении некоторых культовых требований: всякий раз до еды и после приема пищи совершалась краткая молитва, которая сопровождалась игрой на органе. В воскресные и праздничные дни исполнялось богослужение. Священник имел право присутствовать на советах администрации по тем вопросам, которые касались непосредственно его деятельности, а также по приглашению. Однако воздействие священника на подростков было ограничено как по времени, так по содержанию деятельности.

В отличие от российских тюремных учреждений духовные лица не преподавали религиозные предметы. Учебные занятия были прерогативой светских преподавателей. Не было занятий по церковному пению. Большая часть времени отводилась спортивным занятиям, направленным на

возбуждение духа соревнования. Этому способствовала и система наград, которые в зависимости от уровня подготовки имели разное, но привлекательное материальное выражение. За успехи воспитанников награждали часами, письменными принадлежностями, аксессуарами. Серьезным стимулом для исправления служила система льгот, установленная на судах: право на письма, разрешение увольнения, предоставление краткосрочного отпуска домой и т. д. Даже внешние атрибуты одежды ориентировали подростков на успешную деятельность. Вместе с поощрением выдавались нашивки, которые придавали одежде более привлекательный вид. Из образцовых воспитанников назначались кандидаты на штатные должности: старший унтер-офицер, унтер-офицер, младший унтер-офицер, рассыльный. Им платилось ежемесячное вознаграждение [8, с. 250–256].

На английских кораблях не было ни церквей, ни молельных комнат. Богослужение совершалось в столовых или общих залах, где проводились спортивные занятия. Священники были освобождены от выполнения несвойственных им многочисленных функций, характерных для российских исправительных учреждений (контроль, ведение отчетности, заведование библиотекой и др.). Обязательные религиозные назидательные чтения, которые являлись повсеместным атрибутом российских пенитенциарных заведений, здесь проводились по мере необходимости, но нечасто.

Воспитательная концепция для малолетних преступников, внедренная на английских учебных кораблях, была совершенно иной. Главное внимание было сосредоточено на том, чтобы воспитанник был постоянно занят полезным делом. Три дня в неделю отводилось учебным занятиям по семь часов. В таком же объеме проводились практические занятия по овладению морским ремеслом. В оставшееся время питомцы были задействованы в уборке территории, спортивных занятиях. Профессиональный интерес воспитанников был очевидным, так как после освобождения начальник заведения давал протекцию для найма на гражданские и военные корабли, то есть выступал своеобразным патроном. Контроль за дальнейшей судьбой выражался в том, что он в любой момент мог отозвать бывшего воспитанника, если были известия о его недостатках по службе. Репутация заведений была настолько высокой, что работодатели сами обращались за воспитанниками.

Ничего подобного в России не было. Отечественные исправительно-воспитательные приюты были рассчитаны на несколько десятков человек (значительно меньше, чем в Англии), что давало возможность индивидуализировать работу с подростками. На первое место ставилось религиозное воспитание, а преподавание Закона Божьего было обязательным предметом, которому отводи-

лось значительное количество часов в программе школьного курса. Принципиальное отличие заключалось в том, что оценка исправления в России и Англии строилась на совершенно разных подходах: у нас – на основе сочетания религиозно-нравственного и трудового воспитания, в Англии – на основе школьного, профессионального обучения и дисциплины. Соответственно, в исправительных приютах России критерием исправления считалось соблюдение всех религиозных ритуалов, раскаяние и стремление к покаянию, примерное поведение; в английских реформаториях на кораблях – освоение профессиональных навыков, успеваемость, дисциплина. Тем не менее отдельные элементы английской воспитательной системы (строгая дисциплина в сочетании с военной субординацией) были использованы при создании учреждений для несовершеннолетних преступников и оказали влияние на развитие отечественной пенитенциарной практики.

Подчеркнем, что для самой Англии система воспитания на плавающих учебных кораблях оценивалась как эффективная, так как гармонично вписывалась в господствовавшие ценности протестантской этики. Но Россия была не готова к внедрению исправительной системы плавающих тюрем для несовершеннолетних. Одной из причин постепенного угасания интереса к зарубежному опыту было различие в подходах к воспитанию несовершеннолетних и ограничение религиозного влияния. Были и другие существенные причины отказа от английского опыта: принцип индивидуализации наказания нивелировался в условиях большого количества осужденных, военная дисциплина подменяла воспитательный процесс. Соответственно, российское тюремное ведомство подхватило идею о создании воспитательных приютов на основе обучения ремеслу, но реализации ее шла с учетом собственного национально-религиозного контекста.

Библиографический список

1. *Беляева Л.И.* Воспитание несовершеннолетних правонарушителей в России: в 3 ч. Ч. 1. Учреждения для несовершеннолетних правонарушителей в Российской империи. – М.: МПСИ, 2007. – 400 с.
2. *Беляева Л.И.* Международные пенитенциарные конгрессы и развитие учения о воспитании несовершеннолетних правонарушителей // Вестник института: преступление наказание, исправление. – 2012. – № 1 (17). – С. 69–81.
3. *Зориков А.Н.* Региональные структуры пенитенциарной системы и благотворительно-тюремные общества России на рубеже XIX–XX веков: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Тверь, 1996. – 24 с.
4. Извлечение из отчета по Главному тюремному управлению за 1907 г. / сост. Н. Лучинский // Тюремный вестник. – 1907. – № 2. – С. 132–148.

5. *Кистяковский А.Ф.* Молодые преступники и учреждения для их исправления, с обозрением русских учреждений. – Киев: Универс. тип., 1878. – 213 с.
6. Малолетние преступники в Англии // Тюремный вестник. – 1907. – № 8. – С. 652–653.
7. *Мишле Э.И.* Второй международный тюремный конгресс: Стокгольм, 20–26 авг. 1878 г. – СПб.: Типография П.И. Шмидта, 1878. – 188 с.
8. *Несслер Б.* Учебные корабли для малолетних преступников и беспризорных детей в Англии // Тюремный вестник. – 1900. – № 5. – С. 240–257.
9. Полное собрание законов Российской империи: Собрание третье: [С 1 марта 1881 г. по 1913 г.]: в 33 т. – СПб.; Пг.: Гос. тип., 1885–1916.
10. *Павлушков А.Р.* Использование элементов самоуправления при работе с несовершеннолетними преступниками во второй половине XIX в. // Цели и средства уголовной политики в отношении несовершеннолетних: в 2 ч. Ч. 2. – Вологда: ВИПЭ, 2009. – С. 180–183.
11. *Павлушков А.Р.* К вопросу о пенитенциарной практике монастырей в сфере наказания и исправления несовершеннолетних преступников // Сборник мат-в межвуз. научно-пр. конф. «Актуальные вопросы преступности несовершеннолетних» (Вологда, 14–15 дек. 2000 г.). – Вологда: ВИПЭ, 2000. – С. 25–31.
12. *Печников А.П.* Теория и практика исполнения уголовного наказания в зарубежных странах (конец XVIII – XIX век) // Юридическая наука. – 2012. – № 2. – С. 11–18.
13. *Пушкина В.* Иностранное обозрение // Тюремный вестник. – 1910. – № 5. – С. 796–805.
14. *Селянина В.В.* Социально-историческое развитие воспитательно-исправительных учреждений для несовершеннолетних в России: 1864–1917 годы: дис. ... канд. ист. наук. – М., 2002. – 223 с.
15. *С-в Н.* Тюрьмы Англии и Валлиса и их статистика за 1907–1908 гг. // Тюремный вестник. – 1909. – № 3. – С. 334–357.
16. *С-в Н.* Из иностранной периодической печати // Тюремный вестник. – 1909. – № 2. – С. 223–230.
17. *Тарновский Е.Н.* Уменьшение преступности в Англии за 1876–1895 годы // Журнал Министерства Юстиции. – 1897. – № 8. – С. 63–78.
18. *Тарновский Е.Н.* Преступность несовершеннолетних и малолетних в России // Журнал министерства Юстиции. – 1899. – № 9. – С. 1–42.
19. *Тарновский Е.Н.* Побег арестантов и другие происшествия в местах заключения за 1899–1908 гг. // Тюремный вестник – 1910. – № 5. – С. 686–702.
20. *Тепляшин П.В.* Истоки и эволюция борстальской тюремной системы. – 2009 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.juristlib.ru/book_5473.html (дата обращения: 23.01.2016).
21. Тюремный вестник. – 1898. – № 6, 8–11.
22. *Фон-Шульц И.К.* Уголовное рабство в Англии // Тюремный вестник. – 1909. – № 4. – С. 436–473.

РОЛЬ ДВОРЯН В ВОЗНИКНОВЕНИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ БИБЛИОТЕК ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА (на примере Костромской и Владимирской губерний)

В статье исследуется вопрос создания дворянами общественных библиотек в Костромской и отчасти Владимирской губерниях во второй половине XIX – начале XX века. Отмечается необходимость и закономерность появления этих общественных учреждений в связи с переходом к капиталистическому производству и требованием знаний в разных отраслях жизни. Инициаторами появления общественных библиотек в первую очередь были образованные помещики (А.И. Чихачев, Ф.С. Грибунин, М.М. Поливанов, В.Я. Абрамов, П.В. Калачов, Н.П. Рузский, А.Н. Куломзин, дворяне Катенины, Мяжковы, Перелешины, Греки), которые сами были сторонниками идеи просвещения народа. В основе общественных библиотек нередко находились их частные книжные собрания. В статье исследуются различные формы общественных библиотек, которые основывались при сельских храмах, при учебных заведениях, при земских управах, в усадьбах дворян, при народных домах. Рассматриваются вопросы комплектования библиотек первыми книгами, которые поступали из частных книжных собраний организаторов библиотек – дворян, как пожертвования от известных государственных и общественных деятелей, писателей, издателей. Кроме книг создатели библиотек выделяли денежные средства (завещали часть имений), содержали библиотеки. Отмечается роль общественных библиотек в деле подъема общего культурного уровня огромной массы крестьян и приобщения к книге разных слоев населения. В научный оборот вводятся неизвестные ранее источники Кинешемского земства, воспоминания А.Н. Куломзина.

Ключевые слова: Костромская губерния, Владимирская губерния, общественная библиотека, дворяне, частные книжные собрания, комплектование библиотек, пожертвования, культурный уровень населения.

Во второй половине XIX – начале XX века одним из главных вопросов общественной жизни в России являлся вопрос о доступности образования для всех слоев населения. После отмены крепостного права в результате реформ 1860–1870-х годов создается сеть земских школ, появляются первые общедоступные библиотеки. Эти процессы шли в ногу со временем. Развитие сельскохозяйственного и промышленного производства, строительство частных предприятий, открытие школ, больниц – все это требовало знаний, которые черпались из книг. Книга становилась помощником в практической деятельности, поэтому спрос на нее среди разных групп людей возрос. За вторую половину XIX и первые десятилетия XX века наметился процесс приобщения к книге все более широких кругов читателей. Библиотеки становились всеобщим достоянием. Они открывались в губернских и уездных городах, в том числе в Костромской губернии (см. табл.). Часто инициативу открытия общественных библиотек при храмах, в селах, в учебных заведениях проявляли местные помещики.

Дворяне, воспитанные и получившие образование в пореформенное время, испытывали на себе влияние эпохи, многие были под воздействием идей просвещения народа. Все они, как правило, с детства были знакомы с книгой. В дворянских усадьбах на протяжении нескольких поколений формировались семейные библиотеки, поэтому инициаторами появления общественных библиотек в первую очередь были просвещенные помещики. В основе общественных библиотек нередко находились их частные книжные собрания.

В современной исторической науке одной из актуальных и малоизученных проблем является проблема возникновения в провинции общественных библиотек, их влияния на формирование мировоззрения человека и удовлетворение его духовных запросов. Исследователи этой проблемы – О.И. Захарова [3], Т.Н. Головина [5; 6; 7], О.В. Горохова [8; 9], Е.В. Сапрыгина [12], Л.В. Яблокова [15] – обращались к отдельным примерам создания общественных библиотек.

Задача данной статьи состоит в том, чтобы обобщить и проанализировать известные и малоизвестные факты, касающиеся создания общественных библиотек в Костромской и отчасти Владимирской губерниях, изучить роль дворян в этом процессе, поскольку именно дворяне на протяжении длительного исторического отрезка времени являлись в России самым образованным и культурным сословием нации.

Одной из первых общественных библиотек во Владимирской губернии была библиотека в селе Зименки Ковровского уезда. Основой ее было собрание книг помещика Андрея Ивановича Чихачева.

Появлению общественной библиотеки в селе Зименки посвятила ряд статей Т.Н. Головина [5; 6; 7]. По справедливому замечанию исследователя, «частные библиотеки, очевидно, не удовлетворяли громадную потребность в печатном слове. Утолить «книжный голод» могли только общественные библиотеки. «Не читая, человек не живет – прозябает; без книгохранилища и город словно пустыня», – утверждал А.И. Чихачев» [7, с. 111].

Чихачев задумал приобщить к чтению крестьян. В 1853 году он основал бесплатную сельскую библиотеку в селе Зименки при храме

Перечень общественных библиотек в Костромской губернии

№ п/п	Библиотеки	Год основания
<i>Общественные библиотеки города Костромы</i>		
1	Библиотека при Богоявленском храме	1791
2	Общедоступная библиотека, открытая книготорговцем И.В. Солониновским	1855
3	Библиотека для чтения госпожи Штекенбург	1859
4	Библиотека «Кабинет для чтения 12 января» открыта студентами и выпускниками Московского университета	1861
5	Городская народная читальня имени А.Н. Островского	1896
6	Народная библиотека при читальне имени А.Н. Островского	1898
7	Библиотека-читальня им. А.С. Пушкина в фабричном районе Костромы	1899
8	Библиотека при чайной Попечительства о доме трудолюбия	1899
9	Библиотека в ночлежном доме имени Ф.И. Чернова	1901
10	Библиотека при Ольгинском детском приюте	1902
11	Общественная библиотека-читальня имени В.Ф. Чижова	1913
<i>Общественные библиотеки в уездных городах</i>		
12	Нерехтская городская общественная библиотека	1874
13	Общественная библиотека для чтения посада Большие Соли Костромского уезда	1887
14	Макарьевская городская народная библиотека	1896
15	Пучежская городская библиотека	1896
16	Общественная городская библиотека г. Плеса Нерехтского уезда	1898
17	Унженская городская общественная библиотека Макарьевского уезда	1913
18	Кологривская земская публичная библиотека	1875
19	Публичная земская библиотека в Чухломе – «Катенинская»	1885
20	Юрьевецкая земская публичная библиотека	1883
21	Кинешемская земская публичная библиотека	1894

св. Пророка Илии. Как сообщает Т.Н. Головина, «в 1856 году, по данным отчета Министерства народного просвещения, существовало 49 библиотек, открытых для пользования населения. А сельская бесплатная библиотека была единственной в своем роде» [6, с. 86].

Сам Чихачев передал в библиотеку часть личных книг. Кроме того, он разослал многочисленные письма с просьбами о пожертвованиях, поместил объявления в газетах. Отклики на них последовали незамедлительно [6, с. 85]. В библиотеку поступили дары от императора Александра II, императрицы Марии Александровны. Значительный вклад внесли писатели и издатели [5, с. 119–120]. Библиотека села Зименки бесплатно получала журналы «Отечественные записки», «Современник», «Русский вестник», «Русская беседа», «Лучи», «Звездочка», газеты «Северная пчела», «Молва», «Земледельческая газета» [5, с. 120–121]. К середине 1860-х годов в библиотеке насчитывалось около 6 000 томов. Книгами, журналами, газетами библиотеки пользовались жители не только Ковровского уезда, но и других уездов Владимирской губернии. Это были дворяне, купцы, священники, крестьяне [7, с. 112].

Судьба библиотеки после революции неизвестна. Т.Н. Головина утверждает, что до 1922 года Зименковская библиотека существовала при нардоме,

располагавшемся в Ильинском храме, а затем была соединена с библиотекой соседнего села Колобово. На тот момент в ней находилось 822 книги, а при попечительстве А.И. Чихачева насчитывалось около 6 тысяч. Т.Н. Головиной были обнаружены в Шуйском краеведческом музее тома «Свода законов» с надписями, сделанными рукой А.И. Чихачева [6, с. 86]. Очевидно, что они попали в Шую из библиотеки в Зименках. О.И. Захарова высказала предположение о продаже общественной библиотеки наследниками Чихачевых Кинешемской уездной управе. На основе этих книг была якобы создана земская публичная библиотека в Кинешме [3, с. 78–79]. Но этот факт пока не находит подтверждения в документах.

Есть данные, что основанием Кинешемской земской библиотеки послужили книги, подаренные госпожой А.К. Чихачевой (урожденной Бошняк). По мнению Т.Н. Головиной, возможно, А.К. Чихачева передала полученную в наследство от родителей усадьбную библиотеку в общее пользование [6, с. 86].

В 1883 году в городе Юрьевце Костромской губернии возникла земская общественная библиотека. Источникам комплектования библиотеки посвятила статью О.В. Горохова [8]. Она отмечала, что возникновение общественной библиотеки стало возможным после того, как Юрьевецкое

земство «получило в дар два усадебных собрания приблизительно по 2 000 томов, принадлежавших Федору Семеновичу Грибунину (1841–1884) и Михаилу Матвеевичу Поливанову (1800–1883)» [8, с. 3]. Среди книг были раритеты первой половины XVIII века.

Ф.С. Грибунин, выпускник Лазаревского института восточных языков, предводитель юрьеvecкого уездного дворянства и председатель Юрьеvecкой уездной земской управы в 1875–1883 годах. В 1876 г. по его инициативе была создана библиотечка кружка любителей чтения. Этот кружок объединял земцев, членские взносы которых (10 рублей в год) использовались на приобретение новых изданий.

М.М. Поливанов – воспитанник Московского университетского благородного пансиона и Ярославского Демидовского лицея, почетный смотритель кинешемских и юрьеvecких народных училищ в 1825–1842 годах, член-корреспондент Костромского губернского статистического комитета, историк и экономист.

Третий крупный дар поступил в 1909 году от Вячеслава Яковлевича Абрамова (1845–?), педагога, детского писателя и публициста, учителя Волковского народного училища Санкт-Петербургского уезда в 1871–1896 годах, уроженца усадьбы Большое Первунинское Юрьеvecкого уезда и почетного попечителя Первунинского народного училища своего имени, открытого в честь 25-летия его педагогической деятельности. Дар насчитывал свыше 400 преимущественно детских книг [8, с. 3].

Таким образом, Юрьеvecкая земская публичная библиотека была создана при активном участии местных дворян Ф.С. Грибунина, М.М. Поливанова и В.Я. Абрамова, которые оставили заметный след в земской или педагогической деятельности не только уезда и губернии, но и России. Основу библиотеки составили их дары.

В это же время в Костромской губернии появляются несколько общественных библиотек, инициаторами создания которых выступают дворяне Катенины. Их деятельность в своих статьях рассматривают исследователи Е.В. Сапрыгина [12], О.В. Горохова [9].

К роду Катениных в XIX веке принадлежали библиофилы, располагавшие обширными и разнообразными усадебными книжными собраниями, значительную часть которых владельцы жертвовали чухломским и кологривским учебным и земским публичным библиотекам.

М.И. Катенин, предводитель дворянства Кологривского уезда, председатель попечительского совета, в 1875 году пожертвовал свою библиотеку женской прогимназии в Кологриве. Это книжное собрание стало основой фундаментальной ученической библиотеки [12, с. 68–69].

Кроме этого, М.И. Катенин пожертвовал в 1875 году книги Кологривской земской публич-

ной библиотеке. Основанием библиотеки стали 137 переданных им книг. Библиотека находилась при Кологривской уездной земской управе, которая ежегодно выделяла на ее содержание 250–400 рублей. Возглавлялась библиотека председателями управы и для земских служащих являлась бесплатной. Кологривская библиотека одна из немногих имела печатный каталог, даже не один, а четыре. Последний каталог вышел из печати в 1919 году и охватывал 10 743 тома (без периодических изданий), разделенных на 23 отдела [9, с. 123–124].

Брат М.И. Катенина, Николай Иванович Катенин, завещал Чухломской земской публичной библиотеке книги и журналы. По сообщению О.В. Гороховой известно, что «чухломской уездный предводитель дворянства, М.И. Катенин, 26 марта 1884 года сообщил управе, что после покойного брата его, инженер-капитана Н.И. Катенина, осталось много книг и журналов, которые покойный давно желал передать в земскую управу для устройства земской библиотеки. Исполняя волю его, Михаил Иванович передал в управу означенные книги и журналы, всего более 2500 экземпляров» [9, с. 126]. Земство приняло решение: «изъявить М.И. Катенину глубочайшую признательность за это полезное пожертвование, разрешив управе оторвать библиотеку в память покойного Н.И. Катенина, как бывшего председателя земства, назвать ее “Катенинской”» [9, с. 125].

Катенинская библиотека открылась 1 августа 1885 года в Чухломской земской управе, которая ежегодно выделяла на ее содержание 120–180 рублей, а городская управа – 15 рублей в год. Для земских служащих публичная библиотека была бесплатной, остальные должны были вносить небольшую плату.

Жертвователем Чухломской земской публичной библиотеки являлся и двоюродный брат Николая и Михаила Ивановичей уездный воинский начальник Николай Александрович Катенин [9, с. 127].

Общественные библиотеки возникали в усадьбах передовых помещиков. Одним из подобных примеров является библиотека-читальня имени Н.К. Михайловского в усадьбе Мягковых Селище под Костромой. О ней сообщает исследователь Н.А. Зонтиков [4]. Владельцем усадьбы был Геннадий Васильевич Мягков (1840–1903). В середине 1860-х годов Г.В. Мягков женился на Елизавете Константиновне Михайловской. Ее брат Николай Константинович Михайловский (1842–1904) – литературный критик и публицист, один из идеологов народнического движения – на протяжении нескольких десятилетий – с 1860-х годов и вплоть до начала XX века почти каждое лето проводил в Селище у сестры, с которой он был очень близок. Нередко к нему в Селище приезжали погостить не менее знаменитые его коллеги и друзья из того же народнического круга: Г.И. Успенский, В.Г. Ко-

роленко, Н.Г. Гарин-Михайловский, Д.Н. Мамин-Сибиряк.

Анна Геннадьевна Мягкова (1869–1959) была замужем за А.В. Перелешиним. Ее племянник, Н.Н. Купреянов, писал: «Она была верной ученицей своего дяди, в ранней молодости ходила в народ, работала на холерной эпидемии, устроила в имении библиотеку и больницу для крестьян и в 1907–1910 годах подверглась административной высылке. Она строила жизнь, подчиняясь идеям, и готова была ради них нарушить приличия» [4, с. 102].

После смерти в 1904 году Н.К. Михайловского Мягковы и Перелешины решили устроить в Селище в память о нем библиотеку-читальню. 14 декабря 1904 года по предложению А.В. Перелешина Костромской уездный комитет попечительства о народной трезвости принял постановление об открытии в Селище библиотеки-читальни. 28 апреля 1905 года комитет принял предложение А.Г. Перелешинной о размещении библиотеки в ее собственном доме и официально предложил ей принять на себя обязанности заведующей библиотекой. Губернатор Л.М. Князев разрешил присвоить библиотеке имя писателя-народника, и в первых числах сентября 1905 года библиотека-читальня имени Н.К. Михайловского была торжественно открыта [4, с. 89].

К делу устройства библиотеки А.Г. Перелешинной, остававшейся ее заведующей вплоть до 1918 года, удалось привлечь целый ряд известных писателей, близких Н.К. Михайловскому или сделавших первые шаги в литературе при его помощи: В.Г. Короленко, Д.Н. Мамина-Сибиряка, А.И. Куприна, В.В. Вересаева, М. Горького и других, приславших в Селище книги со своими автографами. Тогда же, в сентябре 1905 года, при библиотеке открылось Селищенское Пантелеимоновское общество трезвости. К концу 1905 года в этом обществе – одном из первых в губернии – числилось 60 человек. Библиотека-читальня имени Н.К. Михайловского и канцелярия Пантелеимоновского общества трезвости разместились в двухэтажном флигеле усадьбы Мягковых, в котором жили А.В. и А.Г. Перелешины.

За короткое время библиотека-читальня стала весьма популярной в округе. Наряду с селищенцами ее читателями стали и жители окрестных селений. Библиотека работала ежедневно по 3 часа, с 17 до 20 часов вечера в будни, и с 12 до 15 часов в праздничные дни. Читальня же, в которой имелся богатый выбор тогдашних газет и журналов, работала ежедневно с 10 часов утра до 10 часов вечера. В библиотеке периодически устраивали чтения с демонстрацией «туманных картин». Так, в 1906 году были публично прочтены «Капитанская дочка» А.С. Пушкина и «Князь Серебряный» А.К. Толстого.

В 1911 году по инициативе А.Г. Перелешинной библиотека была передана в Костромское общество образования, одним из основателей которого был ее муж, А.В. Перелешин. В последующие годы библиотеку содержали общество образования и уездное земство, а А.Г. Перелешина по-прежнему работала в ней заведующей.

Сестра А.Г. Перелешинной Мария Геннадьевна Мягкова (1866–1941) была замужем за представителем старинного костромского дворянского рода Николаем Николаевичем Купреяновым (1861–1925). Их сын, тоже Николай Николаевич (1894–1933), летом 1914 года перевез в Селище из родовой усадьбы Купреяновых Патино в Солигаличском уезде фамильную библиотеку, которая стала частью общественной библиотеки. По сообщению Н.А. Зонтикова, сегодня часть селищенской библиотеки находится в фонде редких изданий костромской областной научной библиотеки им. Н.К. Крупской [4, с. 103].

В начале XX века общественные библиотеки создавались при совместной деятельности земства и дворян. Примером этому может служить библиотека-читальня в селе Есиплево Кинешемского уезда, которая была учреждена в 1901 году. Для постройки здания земство выделило 750 рублей [13, с. 160]. П.В. Калачов, владелец усадьбы в Есиплеве, ежегодно жертвовал для библиотеки 200 рублей. Позднее библиотека-читальня упоминалась как «Библиотека-читальня общества изучения местного края», чему немало способствовал П.В. Калачов. В 1914 году он был в числе учредителей «Общества по изучению местного края» [14, с. 11]. Первый фонд общественной библиотеки составляли книги организатора и первого помощника библиотеки – П.В. Калачова.

В 1917–1918 годах в Кинешемском уезде владелец усадьбы Студеные ключи Н.П. Рузский строил на свои средства в соседнем селе Воздвиженье Дом народного просвещения, где должна была размещаться и общественная библиотека. В Петербурге книги для библиотеки подбирал хороший друг Н.П. Рузского писатель и издатель Н.Ф. Финдейзен. Русские и зарубежные классики, научно-естественная литература, книги по философии – всего для библиотеки Дома просвещения было получено более тысячи изданий. На эти цели только в Петербург было отправлено чеков на сумму свыше 4 000 рублей, а кроме того, поступление книг шло из Москвы. Вкладывая средства в строительство Дома просвещения и его оборудование, Н.П. Рузский в тоже время считал необходимым передать его по окончании строительства в ведение волостной комиссии, о чем он сообщал в своих письмах в конце 1917 года [10, с. 37].

Неоднократно жертвовал книги для общественных библиотек А.Н. Куломзин. В воспоминаниях он писал: «Значительное число книг пожертвова-

ны мною в разные общественные книгохранилища (Томскому университету, Хабаровской публичной библиотеке, Московскому университету, Императорской публичной библиотеке, Кинешемскому реальному училищу). Ввиду бедности наших учебных заведений в книгах, каждый образованный человек должен иметь какое-либо учебное заведение для отсылки полезных заведений книг» [11, л. 2]. В 1906 году А.Н. Куломзин пожертвовал Кинешемскому реальному училищу 521 том, в 1911 году он подарил училищу еще 189 томов редких и ценных изданий [15, с. 75].

О том, что общественные библиотеки пользовались большой популярностью среди населения, говорят следующие факты: в 1906 году библиотеку в Селище регулярно посещало 520 читателей (а всего посещений за год было 11 160) [4, с. 89]; в одном из писем 1917 года создатель библиотеки в селе Воздвиженье Н.П. Рузский писал: «Библиотеку я постепенно сдаю волостной просветительской комиссии <...> В книги мои сограждане прямо впились» [10, с. 37].

Иногда дворяне жертвовали свои владения земству с целью создания общественной библиотеки. Так, например, владелицы усадьбы Высоково в Кинешемском уезде сестры Грек завещали земству «дачу Панькино». Согласно завещанию, имение должно быть продано земством и обращено в деньги, а на эти средства должна быть построена общественная библиотека, которой они хотели присвоить имя брата Анатолия Петровича Грека. В 1913 году стоимость имения была определена в 25–30 тысяч рублей. Кинешемская управа предполагала осуществить размежевание и продажу дачи в 1914 году [1, с. 193–194], но так и не сделала этого из-за последующих событий Первой мировой войны и революции. А.И. Григоров в 1916 году вновь ходатайствовал о продаже дачи с целью организации в Кинешме библиотеки имени Грека, однако безуспешно [2, с. 59–60].

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX века возникают общественные библиотеки: земские, сельские, библиотеки-читальни в усадьбах, библиотеки учебных заведений. Инициаторами создания общественных библиотек часто выступали дворяне, которые являлись земскими деятелями, педагогами, государственными чиновниками. Они передавали в дар свои книги либо специально покупали их на свои средства и формировали библиотеки для крестьян (пример Н.П. Рузского), завещали капиталы для строительства и содержания общественных библиотек. Общественные библиотеки позволяли широкому кругу читателей приобщаться к знаниям и расширять свой кругозор. Создание общественных библиотек способствовало подъему культуры в первую очередь огромной массы крестьянского

населения, формированию общей культуры русской провинции.

Библиографический список

1. Доклады Кинешемской земской уездной управы XLIX сессии 1913. – Кинешма: Типография Кинешемского уездного земства, 1913.
2. Доклады Кинешемской земской уездной управы 42 чрезвычайной сессии 26 марта 1916 года. – Кинешма: Типография Кинешемского уездного земства, 1916.
3. Захарова О.И. Безмездная – значит бесплатная // Библиотека. – 2000. – № 6. – С. 78–79.
4. Зонтиков Н.А. Церковь святых мучеников Александра и Антонины в Селище в Костроме. – Кострома: ДиАр, 2010. – 368 с.
5. Головина Т.Н. Письма литераторов А.И. Чихачеву / вступл. и публ. Т.Н. Головиной // Фольклор и литература Ивановского края. Вып. 1. – Иваново: ИвГУ, 1994. – С. 119–125.
6. Головина Т.Н. Чтение в жизни дворянской усадьбы // Историко-культурный и природный потенциал кинешемского края. Развитие регионального туризма: материалы II региональной краеведческой конференции 24–25 марта 2004 г. – Кинешма, 2004. – С. 82–87.
7. Головина Т.Н. «Чтение – самое лучшее занятие» // Русская усадьба. – 2009. – № 15. – С. 103–114.
8. Горохова О.В. Источники комплектования Юрьевецкой земской публичной библиотеки // Костромская провинция: история, традиции, современность: сборник историко-краеведческих материалов. Вып. 5. – Кострома: Костромской гос. тех. ун-т, 2004. – С. 3–4.
9. Горохова О.В. Библиотеки Катениных // Страницы времен. – 2011. – № 3. – С. 123–124.
10. Касаткина С.В. Усадьбы Заволжья. – М.: Планета, 2012. – 240 с.
11. Российский Государственный Исторический архив (РГИА). – Ф. 1642. – Оп. 1. – Ед. хр. 174. (Куломзин А.Н. Мемуары «Пережитое»).
12. Сапрыгина Е.В. Ревнитель народного просвещения // Краеведческие записки. Вып. 6. – Кострома: ГУК КОИАМЗ «Ипатьевский монастырь», 2003. – С. 68–69.
13. Сборник постановлений Кинешемского земского уездного собрания 1900. – Кострома: Губернская типография, 1900.
14. Устав Кинешемского общества по изучению местного края. 1914. – Кинешма: Типография Кинешемского уездного земства, 1914.
15. Яблокова Л.В. Адрес на карте города (Кинешемское реальное училище) // Историко-культурный и природный потенциал Кинешемского края и развитие регионального туризма: материалы региональной краеведческой конференции. – Кинешма, 22–23 апреля 2003 г. – С. 74–76.

ПОДДЕРЖКА ДЕТЕЙ ВДОВ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ В XIX В.

В статье исследуются меры поддержки детей вдов при вдовьих домах в Санкт-Петербурге и Москве. Характеризуются цель, условия принятия и проживания детей обоего пола при призреваемых в учреждении вдовах-матерях.

Особое внимание в статье уделяется быту Мариинского сиротского отделения для детей личных дворян (Мариинское межевое училище) при Санкт-Петербургском вдовьем доме – учреждения, основанного специально для сирот. В данном отделении обеспечивалось проживание, обучение и воспитание мальчиков с 8 до 16 лет. В статье акцентируется внимание на отличиях и сходствах данного учреждения и других закрытых учебных заведений, причинах открытия и закрытия данного училища, роли Николая I в судьбе Мариинского сиротского отделения, рассматриваются методы и формы образовательного и воспитательного процессов. Делается вывод о том, что данное учебное заведение, ставя целью серьезное религиозно-нравственное воспитание, широкое образование и обучение детей межевой специальности, так и не выполнило поставленные перед ним задачи.

Ключевые слова: благотворительность, сироты, вдовый дом (Санкт-Петербург и Москва), Мариинское сиротское отделение (Мариинское межевое училище).

«Первый предмет, обративший на себя моё внимание, это дети», – писала императрица Мария Федоровна в докладе о работе воспитательных домов и приютов [2, с. 13]. В другом своем письме она упоминала о призрении «страждущих болезнями и ранами... или овдовевших... без достаточного, при старости своей, пропитания...» [8, с. 55]. Именно эти две задачи – попечене вдов и сирот – решались в таком заведении, как вдовый дом. Замысел создания этих учреждений появился еще при Екатерине II, но осуществлен он был лишь императрицей Марией Фёдоровной. В феврале 1803 г. вдовьи дома были учреждены. Это первые в России заведения для призрения вдов, с патриархальным характером во внутренней жизни, рассчитанные на лиц дворянского происхождения.

Целью создания таких домов в Санкт-Петербурге и Москве было попечение «бедных и помощи достойных вдов, которые, оставшись по смерти мужей... по старости и слабости или по каким другим причинам безвинно не имеют никакого содержания и ни от кого и ниоткуда пансион и наградений не получают. В сих домах будут они снабжены всем нужным к пропитанию и содержанию их» [17, л. 40]. Предпочтение оказывалось вдовам офицеров, убитых на войне; женщинам, работавшим в воспитательных заведениях классными дамами не менее 20 лет, вдовам чиновников воспитательного дома. Вдова, вышедшая замуж или постриженная в монахини, выходила из пансиона. Принимали их, как правило, не моложе 40 лет с детьми и не моложе 45 лет – без детей, но бывали и исключения.

Словом, вдовый дом, по мысли его основательницы, должен был представлять собой общину, с выборною настоятельницей и её помощницей или помощниками, которая бы ведала всей внутренней жизнью заведения по образцу монастырскому. Принудительно в учреждении никого не держали, вдовы в любое время по своему желанию

могли покинуть дом. Однако за плохое поведение женщину могли выгнать. Это правило было хорошим стимулом для поддержания дисциплины [7].

Вдовьи дома были основаны специально для помощи нуждающимся дворянкам. Хозяйственно-организационное устройство заведения в XIX в. показывало, что императрица Мария Федоровна позаботилась не только о самих вдовах, но и об их детях.

Женщинам, имевшим двух детей, позволялось брать их с собой, но при матери могли быть приняты лишь те (обоего пола), чей возраст не превышал 8 лет. Те женщины, у которых было больше двух детей, не принимались. Однако действовало и исключение: за плату – до 17 лет платили по 30 р., начиная с 17-летнего возраста по 60 р. в год – разрешалось проживать и взрослым незамужним дочерями (опять же не больше двух). Эти девчонки должны были вместе с матерями обедать и ужинать за общим столом, являться в установленной одежде и подчиняться тому же порядку, который обязаны были соблюдать и их матери. Проживание взрослых дочерей во вдовьем доме, по мнению почетного опекуна, «приучило их к праздности и беззаботной жизни. Они затруднялись найти себе выход из своего положения по смерти матери, а иные из них даже оказывали явное упорство, когда их просили оставить Вдовый дом, так что начальству даже приходилось прибегать к судебной власти» [6, с. 88].

Что касается малолетних детей, то в 1810 г. была внесена поправка в «Правила, предлагаемые для Вдовьих домов», в котором говорилось, что после смерти вдовы-матери малолетних её детей оставляли во вдовьем доме под присмотром смотрительницы до тех пор, пока их не смогут поместить в институты и корпуса на воспитание [6, с. 27].

Для воспитания детей в Санкт-Петербургском доме были устроены «детские номера»: сначала «круглый», под куполом юго-западной башни, затем – «модельное зало» северо-западной башни

и в верхнем этаже над квартирой настоятельницы. Занимались с детьми и готовили их для поступления в учебные заведения сами вдовы, их дочери, а также особые няни и смотрительница. «К ним относились очень внимательно и любовно, и многие из них – Хвалынский, Гольмсдорф, Орловский – впоследствии стали генералами», – писал священник церкви св. Екатерины и историк вдовьего дома отец К. Знаменский [6, с. 28].

Именно образование детей и помещение их в учебные заведения Мария Федоровна считала самым главным. Она определила «...при наступлении наборов в училища представлять в них для приёма дочерей вдов во Вдовьем доме призреваемых, которые по возрасту, по чинам и состоянию родителей могли быть приняты в эти учреждения...», а именно: штаб-офицерских дочерей от 10 до 12 лет в училище св. Екатерины, обер-офицерских от 11 до 13 лет в Мещанское училище [17, л. 49]; природных же дворянок от 8 до 9 лет – в Общество благородных девиц. Если мать не соглашалась отдавать дочь, то она должна была сама пристроить её [5, с. 180; 2]. Точно так же было назначено распределять мальчиков по кадетским корпусам, соответственно их происхождению.

Однако в 1832 г. последовал приказ императора Николая I: «За наполнением кадетских корпусов сверх надлежащей соразмерности, невозможно теперь принимать в кадеты из кандидатов от Вдовьего дома, но буде им долго по возрасту, то можно их поместить в Санкт-Петербургский батальон военных кантонистов» [6, с. 44]. В знак протеста вдовы-матери объявили, что они лучше отдадут своих сыновей на попечение родственников. На следующий год двое сыновей сердобольных вдов были помещены в воспитательный дом в латинские классы.

После этого Николай I приказал основать учебное заведение для дворянских мальчиков в Смольном при вдовьем доме. На докладе министра финансов Е.Ф. Канкрин 26 октября 1834 г. император выразил желание, чтобы «это училище было соединено с управлением воспитательного Общества благородных девиц». Чтобы «обеспечить навсегда существование Мариинского сиротского отделения, император приказывает отчислить из чистых прибылей Воспитательных домов капитал в 1 360 238 р.» [10, л. 6 об. – 7].

В июле 1835 г. Канкрин выработал положение о Мариинском сиротском отделении «при Воскресенском всех учебных заведений соборе». Оно предназначалось для воспитания сыновей только «личных дворян и притом совершенно неимущих» [10, л. 6 об. – 7]. В этом же месяце было утверждено положение об основании Мариинского сиротского отделения для детей личных дворян. Оно было создано для того, чтобы «дать прибежище сиротам, которые остались более года на руках больных матерей или родственников» [10,

л. 6 об. – 7]. Под помещения был отведён левый корпус вдовьего дома, при въезде в ворота перед Смольным собором.

Дети, имеющие право на приём в Мариинское сиротское отделение, были разделены на 4 категории: 1) круглые сироты; 2) лишившиеся отца, а оставшаяся мать не получает пенсии вовсе или получает не свыше 300 р.; 3) сыновья личных дворян, в том случае, когда отец не может воспитывать из-за лишения ума, зрения или паралича; 4) сыновья вдов при вдовьем доме. Для их зачисления нужно было предоставить следующий пакет документов: метрическое свидетельство, свидетельство о здоровье, свидетельство о бедности и благородности их матери и формулярный список о службе отца [9, л. 3].

В отделение принимались мальчики от 8 до 13 лет, поэтому разделение классов и план учения предоставлялся на усмотрение начальства. Занятия начинались с 1 августа. Контроль по учебной части возлагался на одного из учителей [12, л. 7]. Воспитанники, закончившие курс обучения, были не моложе 16 лет. Выпускники должны были свободно изъяснять обязанности христианина по книгам Святого Синода; знать теорию делопроизводства, историю русской литературы, немецкий язык и уметь на нём изъясняться, английский и французский языки, стереометрию, землемерие и как составлять съёмку планов, политическую географию Европы и других частей света, статистику (особенно статистику Российского государства); уметь составлять документы, рисовать с натуры и чертить планы, сравнивать историю своего государства с историей других стран и народов по периодам [11, л. 6, об. – 8]. Иначе говоря, кругозор познаний был довольно широкий: юношам приходилось разбираться во многих областях наук, знать несколько языков и иметь конкретные сведения по специальности.

Первоначальный состав учащихся насчитывал 60 воспитанников. В соответствии с расчётами министра финансов, первый прием состоял из 20 человек, которые составляли первый класс. Через два года они переходили во второй класс, а в первый снова принимали 20. Таким образом, через каждые два года следовал новый прием [16, л. 28].

Мариинское сиротское отделение с трехклассным составом имело шестилетний курс обучения. Целью учебы была подготовка сирот для поступления частью в канцелярскую государственную службу, частью в межевые отделения с сохранением своего состояния [12, л. 6].

Так как воспитанники были сиротами и заведение было закрытого типа, то, естественно, мальчики находились на полном государственном обеспечении. Каждому из них выдавали следующую одежду: зимой – темно-зеленую двубортную куртку со светло-синей вышивкой и желтыми пугови-

цами, фуражку этих же цветов и серые брюки; летом – серую куртку и брюки, фуражку из клеенки.

Через восемь лет Мариинское сиротское отделение было преобразовано в Мариинское межевое училище. 10 июля 1843 г. был выпущен приказ «О приспособлении, особенно к землемерию, курса наук Мариинского сиротского Отделения, с предоставлением воспитанникам этого заведения преимуществ, дарованных Константиновскому Межевому институту» [16, л. 39 об.]. Следовательно, в Российской империи появилось ещё одно учреждение, готовящее обучающихся межевому делу.

Новый устав был утверждён лишь 20 ноября 1843 г. Соответственно, в него и штат введены были некоторые изменения:

1) в категорию лиц, имеющих право на приём, были включены дети, отцы которых подвергались ссылке за преступления;

2) старший надзиратель, старший учитель и экононом были переименованы в директора, инспектора и смотрителя. На них возлагались обязанности по наблюдению за чистотой и порядком в Смольном всех учебных заведений собора;

3) был разрешен прием платных пенсионеров (120 р. в год). Можно было принимать и не сирот из дворян как личных, так и потомственных;

4) добавились новые учебные предметы: агрономия и таксация земель, практическая элементарная гражданская архитектура, краткая российская статистика, французский язык, геометрия, алгебра, тригонометрия, геодезия, межевые законы, черчение планов, рисование (учебные программы подвели к программе учебного курса Константиновского института).

5) число воспитанников ограничивалось 30. В младший класс принимали детей от 10 до 12 лет при условии, что воспитанники умеют читать и писать по-русски, знают 4 правила арифметики. Разрешался прием кандидатов прямо в средний класс, чтобы могли поступать дети старше 12 лет, вплоть до 14 лет.

День общего приема воспитанников был перенесен с 1 августа на 22 июля.

Режим дня во всех государственных учебных заведениях закрытого типа был приблизительно одинаковым [3, с. 33; 4, с. 204]. Время распределялось следующим образом: в 6.00 подъем, одевались, совершали общую молитву и потом занимались приготовлением уроков. С 9.00 до 12.00 – уроки. В 12.00 обед. После обеда до 14.00 часов отдых и прогулка. С 14.00 до 17.00 опять уроки, с 17.00 до 17.30 отдых. Затем с 17.30 до 20.00 приготовление уроков. В 20.00 ужин. И, наконец, в 21.00 вечерняя молитва, после которой воспитанники ложились спать.

При таком режиме система воспитания в отделении была довольно-таки жесткая. В уставе указывалось, что воспитанники должны быть физически развитыми, каждый день бывать на улице

несмотря на погоду, спать не менее 8 часов и т. д. В них воспитывали благочестие, чувство долга, «беспредельную преданность Государю и августейшему его Дому», повиновение начальству, почтительность к родителям, уважение к старшим, благодарность и любовь к ближнему [12, л. 46]. Смотритель следил за выбором книг, которые они читали в свободное время. И конечно же, они должны были хорошо учиться.

Курс обучения сирот где, так же как и в Мариинском сиротском отделении, продолжался шесть лет и распределялся на три класса: низший, средний и высокий. По уставу были определены следующие предметы: Закон Божий, чтение и чистописание, арифметика, российская грамматика и словесность, география, история, статистика, черчение, немецкий язык [16, л. 24]. Закон Божий преподавался священниками Собора всех учебных заведений.

В последние два года обучения они занимались практическим межеванием, сочинением планов и ведением полевых журналов. Для перевода воспитанников из одного класса в другой и до выпуска окончивших курс ученики с апреля месяца сдавали экзамены по всем предметам [14, л. 8]. С 15 июня до 1 августа обучающиеся отправлялись в поле на практику. Важным нововведением было прохождение воспитанниками медицинского осмотра [16, л. 65].

Из числа воспитанников пополнялся церковный хор. К этой форме занятия учеников отношение было неоднозначным. По мнению К. Знаменского, пение отодвинуло занятия на второй план, к тому же стали выбирать воспитанников преимущественно с голосами, а не со знаниями. Ко всему прочему, как писал он, погоня за прибылью от треб привела к увеличению распущенности и пьянству воспитанников [6, с. 47].

Особую роль в сфере организации школьного быта играло поддержание дисциплины [3, с. 34] при помощи мер наказания и поощрения. Так, наказания были следующих видов: замечания, выговоры, стояние у классной доски, недопущение к играм и прогулкам, стояние за штрафным столом, лишение одного или двух блюд и как следствие – «держание на одном хлебе и воде». Телесные наказания разрешались уставом, но в самых крайних случаях. Высшей поощрительной наградой за хорошее поведение и успехи в учебе было написание имени на красной доске. Наказывать и поощрять могли учителя. Помимо них с воспитанниками постоянно находились два дежурных, которые как раз и наблюдали за их учебной деятельностью [12, л. 53–57].

Тем не менее за тем, как исполняется устав и реализуется цель этого учреждения, периодически следил и сам Николай I, так как оно находилось под его патронажем. После одной из таких проверок император пришёл к следующему заключе-

нию: вид у воспитанников «грубый», в чертежной и спальнях беспорядок, строение вдовьего дома запущено, воспитанники чертили посредственно и т. д. [13, л. 3; 9, л. 1].

В делах о Высочайших посещениях Мариинского межевого училища есть строгий письменный выговор директору училища в 1847 г. и приказ о восьмидневном заключении по Высочайшему повелению на гауптвахту в Петропавловскую крепость служащего межевого училища, воспитателя, титулованного советника Пржисецкого за встреченные императором в училище беспорядки при посещениях.

Впоследствии Николай I ещё посещал училище и по-прежнему не был доволен обучением детей [15, л. 1]. В итоге 9 мая 1851 г. последовал указ упразднить Мариинское межевое училище, «соединив его с Гатчинским сиротским институтом» и «употребить занимаемые здания для распространения Санкт-Петербургского Вдовьего дома» [1, с. 3]. Фактически воспитанники Мариинского межевого училища были раскассированы еще в 1850 г. Вдовам, живущим во вдовьем доме, предоставлялось право помещать своих сыновей в Гатчинский сиротский институт без баллотировки.

О том, почему закрыли это заведение, ходило много легенд, одна из них связана с проверкой 1847 г., о которой говорилось выше. Так, например, от стариков, служивших в Смольном, приходилось слышать такое предание. В начале 1847 г., в один из парадов на Преображенском плацу, император Николай I, вероятно осведомленный уже о распушенности и непорядках, царивших в межевом училище, решил посетить его. В училище император долго не мог никого встретить. Наконец обнаружил пьяных воспитанников, затем потребовал директора или воспитателя. Первого он не дождался, а второй явился нетрезвым. После Николай I объявил: «Я вас всех отсюда разгоню» [6, с. 49].

Таким образом, судьба этого филантропического заведения весьма печальна. Желаемого и ожидаемого мужского учебно-воспитательного заведения с качественным образованием и достойным воспитательным процессом создать не получилось. За 15 лет своего существования это заведение ничего, кроме дурной славы, не обрело.

Из этого следует, что вдовьи дома – это универсальное заведение, в котором заботились о вдовах, вдовах-матерях и их детях. Причем поддержка оказывалась в системе: до 8 лет – обеспечение проживания во вдовьем доме, после 8 лет – устройство в образовательное учреждение, а с достижением совершеннолетия – денежная помощь и трудоустройство. Считалось, что пребывание во вдовьем

доме детей вносило в это заведение семейную атмосферу, помогало скрашивать жизнь женщин. В целом же такая система оказывала существенное благо как вдовам, так и сиротам, помогая им «встать на ноги».

Из вышеперечисленных мер поддержки печальным опытом было призрение взрослых дочерей с матерями и создание Мариинского межевого училища для сирот личных дворян. За короткий срок своего существования оно дважды претерпело существенные изменения, но так и не дало ожидаемого результата. Из-за безответственности начальства это отделение погрязло в пьянстве и непристойном поведении воспитанников, в связи с чем и было с позором закрыто.

Библиографический список

1. *Афанасьева Ю.* Вдовый дом // Смена. – 1993. – 30 января.
2. *Беляков В.В.* Сиротские детские учреждения России. Исторический очерк. – М.: Дом, 1993. – 24 с.
3. *Веремченко В.А.* Дети в дворянских семьях России (вторая половина XIX – начало XX в.): моногр. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2015. – 204 с.
4. *Веремченко В.А.* Особенности школьного быта дворян в государственных закрытых учебных заведениях России (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2014. – № 8. – С. 33–36.
5. *Жерихина Е.И.* Смольный. История зданий и учреждений. – СПб.: Лики России, 2002. – 222 с.
6. *Знаменский К.И.* Санкт-Петербургский Вдовый дом с филантропическими отделениями. 1803–1903 гг. – СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1903. – 131 с.
7. *Иванова О.А.* Столичные Вдовьи дома в Российской империи в XIX – начале XX вв. (на примере Санкт-Петербургского Вдовьего дома) // Открытый текст: электронное периодическое издание [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.opentextnn.ru/nooroia/comp-hist-arch/?id=4952>.
8. *Каснарк Н.А.* Столетие Вдовьего дома // Всемирное обозрение. – 1903. – № 7.
9. Российский государственный исторический архив (далее РГИА). – Ф. 758. – Оп. 14. – Д. 40.
10. РГИА. – Ф. 758. – Оп. 14. – Д. 187.
11. РГИА. – Ф. 758. – Оп. 14. – Д. 188.
12. РГИА. – Ф. 758. – Оп. 14. – Д. 199.
13. РГИА. – Ф. 758. – Оп. 14. – Д. 215.
14. РГИА. – Ф. 758. – Оп. 14. – Д. 224.
15. РГИА. – Ф. 758. – Оп. 14. – Д. 233.
16. РГИА. – Ф. 759. – Оп. 8. – Д. 36.
17. РГИА. – Ф. 759. – Оп. 8. – Д. 38.

ПРОВЕДЕНИЕ 7-Й ЧАСТНОЙ МОБИЛИЗАЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ ВО ВРЕМЯ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904–1905 ГОДОВ

После сражения под Ляояном и на р. Шахэ во время Русско-японской войны 1904–1905 в Маньчжурской армии образовался некомплект в личном составе, что заставило Главный штаб провести 7-ю частную мобилизацию, в ходе которой планировалось мобилизовать 250 000 человек, из которых 100 000 человек отправлялись бы на Дальний Восток, а остальные – на комплектование 73 запасных батальонов, формирующихся в Европейской России с целью подготовить и обучить запасных. Из трех запасных батальонов, сформированных на территории Оренбургской местной бригады (в Златоусте, Уфе, Оренбурге), главное внимание в статье уделено 224-му запасному батальону, который формировался в Оренбурге (3 840 человек). Комплектоваться 224-й запасной батальон должен был изначально из бойцов Уфимской и Саратовской губерний. Офицеры прибывали из запаса, из сформированных ранее полков 78-й пехотной дивизии (310-го Стерлитамакского и 312-го Березинского пехотных полков), а также 7 человек – из 81-го Ашиеронского пехотного полка. Однако когда 7-я частная мобилизация началась в Оренбурге, начальник Оренбургской местной бригады генерал-майор Черевко получает измененные сведения о числе офицеров и запасных нижних чинов, где вместо запасных Саратовской губернии и части запасных Уфимской губернии (Бирский уезд), мобилизации подлежат нижние чины Оренбургского уезда (2 044 человека). В данной работе показан процесс формирования 224-го запасного батальона и привлечения для этих целей запасных нижних чинов Оренбургской губернии в период 7-й частной мобилизации. Статья расширяет источниковую и методическую базу в изучении вопроса об участии оренбуржцев в Русско-японской войне 1904–1905 гг.

Ключевые слова: Русско-японская война, частная мобилизация, запасной батальон, нижние чины, Уфимская губерния, Оренбургский край.

Неблагоприятный исход Ляоянского сражения заставил Главный штаб прибегнуть к дополнительному усилению действующей армии. Была объявлена 6-я частная мобилизация, согласно которой были приведены в боевую готовность 16-й армейский корпус, 1-я, 2-я и 5-я стрелковые бригады; первым днем мобилизации было назначено 10 октября [3, т. 7, с. 28]. Однако после сражения на р. Шахэ некомплект в действующей армии достиг угрожающих размеров (80 000 человек), поэтому генерал-адъютант Куропаткин просил военного министра и заместника ускорить пополнение армии, выслав в его распоряжение 195 000 человек (95 000 человек в течение октября – ноября 1904 г., а 100 000 человек – до конца января 1905 г.) [1, л. 870]. 16 октября военный министр сообщал о том, что с 28 октября по 4 ноября начнутся отправки укомплектований для действующей армии в составе 82 200 нижних чинов. Сначала 17 600 человек, находящихся в Сибирских запасных батальонах, сформированных еще в период 5-й частной мобилизации из запасных Одесского военного округа, затем 36 600 человек, находящихся в 27 запасных батальонах, развернутых в период 6-й частной мобилизации, и, наконец, 28 000 человек из запасных батальонов наместничества [2, л. 871].

Вслед за этим 3 ноября 1904 г. Главный штаб извещал о том, что после проведения 7-й частной мобилизации, с середины декабря, можно начать отставку 100 000 человек, 3-ю и 4-ю стрелковые бригады и 4-й армейский корпус. Однако к началу ноября число пополнения, необходимое Маньчжурской армии, увеличилось со 195 000 человек

до 232 000 человек. Можно понять желание главнокомандующего увеличить в тот момент число запасных, так как Маньчжурская армия после каждого сражения находилась в состоянии постоянного некомплекта, поэтому генерал-адъютант Куропаткин хотел получить некоторый излишек укомплектований для устранения в будущем проблем, связанных с обеспечением личным составом тыловых служб и наличием маршевых батальонов в резерве армии [3, т. 7, с. 47].

В период 7-й частной мобилизации Главный штаб планировал мобилизовать порядка 250 000 человек, из которых 100 000 человек отправлялись бы на Дальний Восток, а остальные – на комплектование 73 запасных батальонов, формирующихся в Европейской России с целью подготовить и обучить запасных, прежде чем отправлять их в действующую армию. Однако ввиду того, что некомплект личного состава в действующей армии оставался большим, было решено, что призванные нижние чины будут отправляться на театр военных действий, минуя Сибирские запасные батальоны. Также было решено ускорить комплектование 73 запасных батальонов, для этого было решено при 7-й частной мобилизации охватить все военные округа Европейской России (Московский, Петербургский, Казанский, Киевский, Варшавский, Виленский, Одесский).

30 октября Штаб Казанского военного округа сообщил начальнику Оренбургской местной бригады генерал-майор Черевко о том, что на территории вверенной ему бригады в ходе 7-й частной мобилизации будет сформировано три запасных батальона – в Златоусте, Уфе, Оренбурге (пер-

вые из них по 2 200 человек, последние два – по 3 840 человек) [4, л. 872]. Далее говорилось о том, что запасной батальон в Оренбурге получит наименование 224-й [5, л. 245].

В начале ноября Черевко запрашивал разрешение на самостоятельное назначение при формировании батальона, так как все уездные начальники и офицеры в его распоряжении заняты отправкой новобранцев идущей 6-й частной мобилизации [6, л. 246]. Получив разрешение 14 ноября, Черевко в телеграмме, адресованной Штабу Казанского военного округа, сообщал о назначении на пост делопроизводителя в 224-м батальоне подполковника Стошо, просил разъяснить статус батальона и сообщить сведения о том, откуда придут запасные и офицеры [7, л. 749]. В ответной телеграмме говорилось, что офицеры придут из запаса и из частей западных военных округов, а основная масса запасных нижних чинов – из Уфимской губернии [8, л. 247]. Поэтому требовалось отправить в Белебей, Бирск, Мензелинск делопроизводителей из Орска, Троицка, Верхнеуральска для успешного выполнения отправки запасных чинов при частной мобилизации вслед за призывом новобранцев.

26 ноября генерал-майор Черевко докладывал о назначении офицеров для 224-го запасного батальона – 25 человек (1 командир батальона, 10 офицеров, 14 младших офицеров) из запаса, 11 человек из 310-го Стерлитамакского и 312-го Березинского полков (3 офицера и 8 прапорщиков) [9, л. 308], 7 человек из 81-го Апшеронского полка (3 капитана, 3 штабс-капитана, 1 подпоручик) [10, л. 323]. Перед началом мобилизации согласно мобилизационному расписанию в Оренбург должны были быть отправлены: 778 человек из Белебеевского уезда, 3 052 человек из Бирского уезда (оба – уезды Уфимской губернии) и 10 человек из Петровского уезда Саратовской губернии. Из числа 3 840 запасных в декабре на Дальний Восток планировалось отправить 2 640 человек [11, л. 73].

7 декабря Черевко телеграфировал в Штаб Казанского военного округа о получении приказа о начале 7-й частной мобилизации [12, л. 587]. Уже 8 декабря начинают прибывать первые запасные, вследствие чего гражданская и военная администрации Оренбурга получают приказ о принятии мер по их размещению. 9 декабря из Белебея в сопровождении полковника Мидовского отправляется крупная партия запасных (около 700 человек) [13, л. 455]. В это время Оренбург получает измененные сведения о числе офицеров и запасных нижних чинов [14, л. 433], согласно которым вместо запасных Саратовской губернии и части запасных Уфимской губернии (Бирский уезд) мобилизации подлежат нижние чины Оренбургского уезда (2 044 человек) [15, л. 1–3]. Вместе с этим генерал-майор Черевко сообщает об отправке 104 нижних

чинов Белебеевского уезда в Бугуруслан, где формируется по приказу окружного интендантского управления хлебопекарня для 61-й пехотной дивизии. 20 января 1905 г. хлебопекарня отправляется на Дальний Восток в следующем составе: 3 офицера, 350 нижних чинов (246 человека Бугуруслановского уезда Самарской губернии и 104 человека Белебеевского уезда Уфимской губернии), а также 200 пудов груза [16, л. 166, 172–173, 180, 182, 188].

В начале декабря изменяется численность маршевой команды, которая должна была быть отправлена на пополнение Маньчжурской армии, поэтому Черевко спрашивал у Штаба Казанского военного округа, будет ли пополнен излишек отправляемых людей [17, л. 751]. Так как обмундирования на излишек может не хватить, потому что для обмундирования уже имеющихся запасных были вскрыты последние резервы – цейхгаузы с одеждой, оставленные 241-й Орским и 242-й Белебеевским полками [18, л. 222]. В ответной телеграмме Штаб Казанского военного округа сообщал о том, что излишек восполнен не будет [19, л. 752], приказывал командировать несколько офицеров в Златоуст и Уфу, и назначить двух офицеров (один из действующей армии и один из запаса) для отправки маршевой команды [20, л. 300, 518, 521, 522]. В дальнейшем генерал-майор Черевко отмечал выполнение мобилизационного наряда в полном объеме [21, л. 688].

31 декабря Главный штаб сообщал Штабу Казанского военного округа о высочайшем повелении переименовать 23 запасных батальона, сформированных в Европейской России, в «Восточно-Сибирские» с нумерацией от № 18 по № 40 и отправить их на усиление войск Дальнего Востока. Запасной батальон № 224, который формировался в Оренбурге, был переименован в 40-й Восточно-Сибирский запасной батальон и отбыл на новое место дислокации [22, л. 763].

Таким образом, Оренбургский край, входивший в состав Казанского военного округа, в период 7-й частной мобилизации был одним из центров формирования запасных батальонов. Как видно из архивных документов, в Оренбурге формировался 224-й запасной батальон, а на территории Оренбургской местной бригады формировались еще два запасных батальонов (в Уфе и Златоусте). На их формирование из Оренбургской губернии отправлялись не только запасные нижние чины, но и офицеры, призванные из запаса, а также из действующих полков, находящихся в Европейской России, и из ранее сформированной 78-й дивизии. Когда запасные батальоны стали формироваться из полевых войск, был окончательно разрушен план военного министерства о непривлечении полевых войск западных военных округов к войне с Японией.

Библиографический список

1. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 1720. – Оп. 3. – Д. 32. – Л. 870.
2. РГВИА. – Ф. 1720. – Оп. 3. – Д. 32. – Л. 871.
3. Русско-японская война. Т. 7. Тыл действующей армии. Ч. 1. Организация и деятельность управлений действующей армии. – СПб.: Типография Тренке и Фюсно, 1910. – 599 с.
4. РГВИА. – Ф. 1720. – Оп. 3. – Д. 32. – Л. 872.
5. РГВИА. – Ф. 1720. – Оп. 3. – Д. 32. – Л. 245.
6. РГВИА. – Ф. 1720. – Оп. 3. – Д. 32. – Л. 246.
7. РГВИА. – Ф. 1720. – Оп. 3. – Д. 32. – Л. 749.
8. РГВИА. – Ф. 1720. – Оп. 3. – Д. 32. – Л. 247.
9. РГВИА. – Ф. 1720. – Оп. 3. – Д. 32. – Л. 308.
10. РГВИА. – Ф. 1720. – Оп. 3. – Д. 32. – Л. 323.
11. РГВИА. – Ф. 1720. – Оп. 3. – Д. 32. – Л. 73.
12. РГВИА. – Ф. 1720. – Оп. 3. – Д. 32. – Л. 587.
13. РГВИА. – Ф. 1720. – Оп. 3. – Д. 32. – Л. 455.
14. РГВИА. – Ф. 1720. – Оп. 3. – Д. 32. – Л. 433.
15. РГВИА. – Ф. 7993. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 1-3.
16. РГВИА. – Ф. 1720. – Оп. 3. – Д. 32. – Л. 166, 172–173, 180, 182, 188.
17. РГВИА. – Ф. 1720. – Оп. 3. – Д. 32. – Л. 751.
18. РГВИА. – Ф. 1720. – Оп. 3. – Д. 32. – Л. 222.
19. РГВИА. – Ф. 1720. – Оп. 3. – Д. 32. – Л. 752.
20. РГВИА. – Ф. 1720. – Оп. 3. – Д. 32. – Л. 300, 518, 521, 522.
21. РГВИА. – Ф. 1720. – Оп. 3. – Д. 32. – Л. 688.
22. РГВИА. – Ф. 1720. – Оп. 3. – Д. 32. – Л. 763.

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ВТОРОГО ЭТАПА СТОЛЫПИНСКОЙ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ НА УРАЛЕ (1911–1916 гг.)

В статье рассматриваются особенности проведения второго этапа столыпинской аграрной реформы (1911–1916 гг.) на Урале. Обобщаются результаты начального этапа реформирования сельского хозяйства в первой четверти XX в. (1906–1910 гг.), анализируются недостатки законодательства (законы 1904 и 1909 гг.). Подробно рассматриваются законодательные акты относительно крестьянства, принятые в 1910 и 1911 гг., раскрываются их особенности и основные отличия от законов, принятых на первом этапе столыпинской аграрной реформы. Подводятся итоги проведения второго этапа реформы. Приводятся факты, свидетельствующие об усилении переселенческого движения за Урал среди крестьян; основной акцент делается на том, что значительная часть крестьян-переселенцев, столкнувшись с трудностями в процессе переезда на новое место жительства, предпочитала остаться на территории Башкортостана, а не переселяться в Сибирь. Это было связано, прежде всего, с относительно низкой ценой на землю в Оренбургской и Уфимской губерниях. Также в статье приводится отрывок из воспоминаний Петра Петровича Коляды – участника переселения из Полтавской губернии на территорию нынешнего Курганского района Республики Башкортостан. В конце статьи делается вывод, что, несмотря на ряд недостатков, столыпинская аграрная реформа стала важнейшим шагом царского правительства в развитии сельского хозяйства после отмены крепостного права. В результате проведенных мероприятий значительная часть крестьянства смогла улучшить свое материальное положение, переселившись на новое место жительства.

Ключевые слова: аграрная реформа, крестьяне-переселенцы, малоземелье, миграция населения, разрушение общины.

В России начала XX в. аграрный вопрос стоял особенно остро. Крестьяне были вынуждены перемещаться в восточные районы страны, приобретая земельные наделы на новых территориях, в связи с малоземельем, повышением закупочных и арендных цен на землю. А.А. Кауфман в своем исследовании «К вопросу о заселении казенных земель Самарской, Уфимской и Оренбургской губерний» отмечал, что причина перемещения людей как из среднерусских, так и восточных, заволжских районов – это результат относительного, при данной системе хозяйства и полеводства, переселения и проистекающего из него малоземелья и кризиса существующей в той или иной местности хозяйства и полеводства [4, с. 90–93].

Следует сказать, что миграция населения – это явление, характерное для всех европейских стран, но в России оно имело свои особенности. Так, в отличие от стран Западной Европы миграция населения в России была гораздо меньших масштабов и происходила внутри страны, население, перемещаясь из одних мест жительства в другие, сохраняло связь с центральной властью. В начале XX в. миграция населения в Российской империи из-за пробелов в законодательстве происходила, в большинстве случаев, стихийно.

В целях урегулирования миграционных потоков и освоения новых земель правительство приняло меры по разрушению крестьянской общины, переселению крестьян на неосвоенные земли Сибири, в заволжские, казахские степи и в другие губернии, в том числе в Уфимскую и Оренбургскую. Эти законодательные меры вошли в историю под названием столыпинской аграрной реформы 1906–1917 гг.

Реформу сельского хозяйства первой четверти XX в. условно можно разделить на 2 этапа:

- 1) 1906–1910 гг.;
- 2) 1911–1916 гг.

«Временные правила о добровольном переселении сельских обывателей и мещан-земледельцев» (1904 г.), указ от 9 ноября 1906 г. и закон «Об установлении правил по выдаче ссуд на общественно полезные надобности» (1909 г.), принятые на первом этапе реформы, способствовали разрушению общины и дали толчок массовому переселению крестьян за Урал.

После изменения законодательства вводились дополнительные поощрительные меры для крестьян, упростился механизм получения разрешения на переселение, внутреннее переселение крестьян признавалось совершенно свободным. Крестьяне получали новые права и возможности для занятия земледелием. Согласно вышеупомянутым законодательным актам, крестьяне могли свободно выходить из общины, создавать хутора и отруба, получать в частную собственность имевшиеся наделы, то есть вести единоличное хозяйство. За 1907–1910 гг. было укреплено 2 млн наделов [6, с. 171–180]. Однако следует отметить, что когда нажим местных властей прекратился, процесс укрепления резко сократился. Кроме того, большинство крестьян, желавших продать надел, не возвращаясь к ведению самостоятельного сельского хозяйства, уже сделали это.

В 1907–1910 гг. только 1/10 крестьян, укрепивших свои наделы, образовали хутора и отруба. Проведенный среди крестьян-переселенцев опрос показал, что более трети домохозяев совсем не имеет или имеет меньше одной десятины земли на двор. Половина хозяйств владеет наделом от 1 до 3 десятин, остальные – свыше 3 и до 7 десятин.

Крестьяне указывают на подорожание земли. В среднем стоимость одной десятины земли распределялась следующим образом: в Волынской и прибалтийских губерниях за десятину запрашивают 300–350 руб., в Киевской – 300–400 руб., Подольской – 400–450 руб. Запредельная цена была установлена в Виленской губернии – одна десятина земли стоила до 700 руб. Для сравнения отметим, что стоимость одной десятины земли в Оренбургской губернии колебалась от 29 до 105 руб. [6, с. 171–180].

После 1910 г. правительство было вынуждено признать, что крепкое крестьянство не может возникнуть на многополосных участках. Для этого необходимо было не формальное укрепление в собственность, а экономическое преобразование наделов. Главным направлением реформы стало землеустройство, которое теперь само по себе превращало землю в частную собственность крестьян.

Закон «Об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении», принятый 14 июня 1910 г., стал следующим шагом в деле разрушения традиционной крестьянской общины.

Согласно вышеназванному законодательному акту, все общины, в которых не было общих переделов с момента наделения их землей, признавались общинами с подворным землевладением. Владельцы участков в общинах с подворным землевладением получили права частных собственников. Для оформления права собственности крестьянину нужно было получить удостоверительный приговор сельского схода. Этот приговор сход должен был утвердить в обязательном порядке в течение месяца простым большинством голосов. Если же сход отказывал крестьянину в выдаче приговора, то все документы выдавались земским начальником.

В тех общинах, где переделы проводились, за каждым домохозяйством сохранялось право требовать укрепления земли в частную собственность на условиях, близких к закону 1906 г. Для крестьян, которые хотели получить отрубной участок, правила практически не изменились.

Необходимо отметить, что землеустроительные комиссии не справлялись с резко возросшим объемом заявлений на землеустроительные работы, только в 1910 г. было подано свыше 450 тысяч заявлений [3, с. 150–175]. В связи с этим правительство было вынуждено предпочесть закрепление в собственность чересполосных владений отсрочкам в исполнении заявлений на полное разверстание.

Закон «О землеустройстве» от 29 мая 1911 г. имел ряд отличий от ранее изданных.

Перечислим важнейшие из них:

1) наличие перечня земель, которые не могут быть разверстаны без согласия владельцев (сюда относились земли под виноградниками, разными промысловыми сооружениями и т. п.);

2) возможность производить землеустройство, не ожидая окончания различных судебных споров, связанных с данной землей;

3) возможность принудительного разверстания не только общинных наделных земель, но и чересполосных с ними частных земель;

4) отдельный домохозяин мог требовать выдела себе земли к одному месту только до решения общины о переделе и если это возможно без особых затруднений;

5) если сельское общество состояло из нескольких селений, то каждое из них могло требовать выдела земли;

6) полный передел всех общинных земель с выделением их к одному месту производится по требованию половины домохозяев (при подворном владении) или двух третей домохозяев (при общинном владении);

7) одна пятая домохозяев могла требовать выдела им участков к одному месту в любое время и в любом случае.

На втором этапе (1911–1916 гг.) столыпинской аграрной реформы землеустройство по законам 1910 и 1911 гг. давало возможность получения надела в собственность после создания отрубов и хуторов, без подачи заявления об укреплении в собственность, то есть автоматически.

По закону 1910 г. в общинах, где переделы не проводились с 1861 г., крестьяне автоматически признавались собственниками наделов. Такие общины составляли 30% от их общего числа. В то же время всего 600 тыс. из 3,5 млн членов беспредельных общин запросили документы, удостоверяющие их собственность [3, с. 150–175].

Таким образом, уже к 1916 г. 1,6 млн единоличных хозяйств (хуторов и отрубов) были образованы примерно на 1/3 крестьянской наделной (общинной и подворной) и купленной крестьянами у банка земель [3, с. 150–175].

Росту миграции из западных и центральных районов Российской империи непосредственно способствовало разрушение общины. Так, в 1906–1913 гг. на Украине более 260 тыс. крестьянских семей продали 745 тыс. десятин земли. В период с 1906 по 1912 г. с Украины на восток страны переселилось около миллиона малоземельных [1, с. 125].

Анализируя вопрос о местах выезда мигрантов, можно обратиться к донесениям чиновников, ответственных за переселение. В одном из «Нарядов заведующего передвижением переселенцев по Европейской России» сказано, что основную массу переселявшихся в Степной край составляли выходцы из южной степной полосы России, так как крестьяне обычно искали условия жизни, схожие с существовавшими на их родине. Кроме того, указывалось, что среди направлявшихся в Степной край преобладали уроженцы губерний черноземной зоны Европейской России – Подольской,

Харьковской, Полтавской, Екатеринославской, Воронежской и Киевской губерний [5, с. 82].

Следует отметить, что переселение крестьянства в Уфимскую и Оренбургскую губернии, как и в Сибирь, шло неравномерно. Наибольшее количество переселенцев в Башкирию приходится на 1909–1911 гг., в целом же по России пик переселенческого движения приходится на 1907–1909 гг. Это явление объясняется тем, что здесь цены на землю были относительно низкими. И переселенцы, направлявшиеся в Сибирь, к 1909–1911 гг. предпочитали оставаться на территории Башкортостана.

Но все же неорганизованность и непродуманность столыпинской реформы оставались главными причинами нежелания крестьян следовать в Сибирь. В целях скорейшего избавления от малоземельных и безземельных крестьян местные власти часто отправляли их на новые места жительства, обнадеживая сведениями о подготовленности участков и благополучности переезда. Между тем проходные свидетельства, выдаваемые на земельный участок, часто игнорировались или были недействительными, так как к моменту прибытия переселенцев эти земли могли быть уже проданы. В результате многие крестьяне-переселенцы самостоятельно занимались поиском земельных участков и в большинстве случаев временно арендовали их у башкирского населения, нанимались на работу к старожилам или зажиточным крестьянам.

Из воспоминаний участника тех событий, переселенца из Полтавской губернии Петра Петровича Коляды: «После того, как до Украины дошли слухи о свободных землях на Урале, в 1910 г. община решила послать на разведку трех послов. Государство обещало бесплатный проезд по железной дороге до Уфы и Оренбурга. В конце 1910 г. двинулись в путь, всего было около 20 семей. По дороге несколько человек умерло. Приехали в эти места (сейчас – Куюргазинский район Республики Башкортостан), получили земельные наделы между Бугульчаном и Ковалевкой. Хутор назвали Пятая Ивановка. Но место оказалось неудачным, вода пришла только в один колодец, пришлось переселиться на другое место. Новый хутор назвали Бальза» [2].

Следует отметить, что многие места переселения украинцев в Башкортостане сохранились до

сих пор, как и вышеупомянутая деревня Бальза в Куюргазинском районе.

Отношение к столыпинской аграрной реформе (1906–1916 гг.) в российской исторической науке всегда было неоднозначным. До сих пор среди историков ведутся споры о ее значении для России. В советской историографии существовало мнение о полной неэффективности реформы, так как она в конечном итоге так и не решила окончательно земельный вопрос в Российской империи. Правительство, стремясь не ущемить права крупных землевладельцев, вынуждено было идти на половинчатые меры, действуя подчас непоследовательно. Однако необходимо признать, что столыпинская аграрная реформа – наиболее решительный шаг царизма в области сельского хозяйства после отмены крепостного права 1861 г. Она способствовала массовой миграции населения из западных районов страны, где вопрос малоземелья стоял особенно остро; в результате аграрной реформы значительная часть крестьянства смогла улучшить свое материальное положение, переселившись за Урал. Об этом свидетельствуют очевидцы и исторические документы.

Библиографический список

1. *Бабенко В.Я.* Украинцы Башкирской ССР: поведение малой этнической группы в полиэтничной среде. – Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. – 260 с.
2. Беседа с П.П. Колядой / записала Е.Ф. Коляда; материалы автора. – 1965.
3. *Зырянов П.Н.* Крестьянская община Европейской России 1907–1914 гг. – М.: Наука, 1992. – 256 с.
4. *Кауфман А.А.* К вопросу о заселении казенных земель Самарской, Уфимской и Оренбургской губерний. – М.: Книга по требованию, 2012. – С. 90–93.
5. *Молощенков А.Н.* Переселение украинцев на Южный Урал и проблемы их этнокультурного развития: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Оренбург, 2010. – С. 82.
6. *Утягулов М.М.* Переселенческая политика царизма в Башкирии во второй половине XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Уфа, 2005. – С. 171–180.

ВСКРЫТИЕ МОЩЕЙ СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО И КАМПАНИЯ ПО ЛИКВИДАЦИИ МОЩЕЙ ВО ВСЕРОССИЙСКОМ МАСШТАБЕ

Статья посвящена одному из элементов антирелигиозной политики советской власти – кампании по вскрытию мощей почитаемых Русской церковью святых. Власти возлагали на кампанию большие надежды. Предполагалось, что с ее помощью будет, во-первых, раскрыт «вековой обман» верующих священнослужителями, связанный с феноменом якобы «нетленных мощей», во-вторых, нанесен серьезный удар по престижу Церкви и влиянию духовенства, что в конечном итоге обусловит крах религии в Советской России. Кампания по вскрытию мощей представляла собой грубое вмешательство во внутрицерковные дела, вопреки декретируемым принципам отделения церкви от государства и невмешательства государства в религиозную деятельность церкви. Попытки главы Русской православной церкви обратиться к рассудку и здравомыслию руководителей государства и не допустить кощунственных действий успехом не увенчались. Патриарх Тихон расценил кампанию по вскрытию мощей как оскорбление религиозных чувств верующих и грубое нарушение положений декрета. Успешность кампании была сомнительна. Поток желающих поклониться мощам не только не уменьшился, но и значительно увеличился. Мощи передавались в музеи для всеобщего обозрения, драгоценные раки изымались, а храмы и монастыри закрывались.

Ключевые слова: Русская православная церковь, вскрытие мощей, Сергей Радонежский, Троице-Сергиева лавра, патриарх Тихон, антирелигиозная пропаганда, Наркомюст, декрет об отделении церкви от государства.

Антирелигиозная направленность политики советской власти определилась с первых месяцев ее существования. Не удовлетворяясь декретированием отделения церкви от государства, РКП(б) в новой программе 1918 г. ставила задачу «полного разрушения связи между эксплуататорскими классами и организацией религиозной пропаганды, содействуя фактическому освобождению трудящихся масс от религиозных предрассудков и организуя самую широкую научно-просветительную и антирелигиозную пропаганду» [7, с. 83]. При этом упор делался на недопущении оскорбления чувств верующих, могущем спровоцировать конфликты и привести к закреплению «религиозного фанатизма».

Удобным моментом для организации широкой научно-просветительной и антирелигиозной пропаганды стала кампания по вскрытию мощей почитаемых Русской православной церковью святых. Все проводимые в стране антицерковные кампании в значительной мере преследовали цель дискредитации православных священнослужителей. Представляя духовенство в невыгодном свете, разоблачая «поповские» обманы, показывая, как наживались священники на истинной вере, советская власть пыталась сформировать недоверие к ним со стороны населения, обеспечивая поддержку собственных начинаний (подробнее см.: [8, гл. 2]).

Началом кампании стало вскрытие в процессе учета богослужебного имущества Александрово-Свирского монастыря Петрозаводской губернии раки с мощами Александра Свирского 22 октября 1918 г. В раке была обнаружена восковая кукла. Восьмой (ликвидационный) отдел Народного комиссариата юстиции (Наркомюст, НКЮ) особо подчеркнул, что «это известие, переданное коммунистической прессой во все, даже отдаленные, углы Советской России, естественно, вызвало

крайнее смущение как в стане церковников, так равно и среди масс... Сами же трудящиеся массы начали требовать осмотра содержимого в раках и в других местах» [11, с. 73].

С осени 1918 г. кампания приобрела массовый характер. Но из-за отсутствия определяющего ее ход документа кампания по вскрытию мощей породила у местных властей большое количество вопросов: когда и как производить вскрытие, желательны ли освидетельствование останков специалистами из числа медицинских работников, привлекать ли к акту вскрытия внимание широкой общественности, обеспечивать ли акт вскрытия присутствием воинских частей и т. д. Поскольку делом отделения церкви от государства и руководством отдельными кампаниями в рамках реализации декрета 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» занимался Народный комиссариат юстиции, запросы местных властей направлялись именно в его адрес. Ярославская губчека одной из первых поставила перед Наркомюстом вопрос о дальнейшей судьбе драгоценных рак и «явленных взорам верующих в своем истинном виде» мощей. На специальном заседании коллегии НКЮ 11 февраля 1919 г. было принято постановление о мощах, согласно которому признавалась желательность их передачи в местные музеи, в отделы церковной старины. Сроки хранения мощей в музейных экспозициях оговаривались весьма расплывчато – «до истечения времени, достаточного для убеждения масс в обмане» [10, с. 44]. Ярославская ликвидационная комиссия церковных и монастырских имуществ задавалась вопросом о необходимости участия ее официальных представителей при акте вскрытия. Наркомюст 1 марта 1919 г. сделал пояснение: «Вскрытие мощей, производимое на местах по инициативе самих рабочих, необходимо привет-

ствовать, так как во всех случаях, как того и следовало ожидать, на проверку оказывается, что никаких «мощей» в действительности не существует и при этом ясно для всех вскрывается многовековой обман служителей культов, а также и спекуляция эксплуататорского класса на религиозных чувствах темной и невежественной массы. Уклоняться от вскрытия мощей Комиссии отнюдь не следует» [9, с. 42]. Рекомендовалось привлекать также представителей губернского и городского исполнительных комитетов, губкома РКП(б), рабочих организаций, волостных совдепов и т. д. Участие официальных лиц должно было служить гарантией соблюдения «известного такта» и уважения чувств верующих.

Тверской губисполком ходатайствовал перед Накромюстом об издании циркуляра, который бы регулировал процедурные вопросы, связанные с вскрытием мощей. Коллегией НКЮ было вынесено постановление: «Ввиду установления на местах вполне организованного порядка вскрытия мощей применительно к местным условиям (по постановлению Съездов Советов, Губисполкомов, но всегда в присутствии представителей от служителей культа и врачебного персонала) особого циркуляра по этому поводу не издавать, предоставив инициативу на местах».

С 10 по 20 февраля 1919 г. во Владимирской губернии были вскрыты мощи мученика Авраамия, князей Андрея Боголюбского, Георгия и Глеба в Успенском соборе г. Владимира, преподобного Даниила в Переславле, Петра и Февронии, князя Константина, «чад его» Михаила и Федора, матери Ирины в Муроме, епископов Иоанна и Федора, Евфимия и Ефросиньи Суздальских. Были обнаружены как сохранившиеся полностью останки предполагаемых лиц с кожными покровами, ногтями и волосами, так и матерчатые куклы, свежая вата и др. Управлявший епархией митрополит Сергей 20 февраля предложил Владимирскому епархиальному совету возвратить вскрытые мощи в раки и выставить их для благоговейного преклонения верующих. Предложение митрополита не встретило поддержки местных властей. В результате проведенной работы, по свидетельству прессы, у большинства населения отпала вера в нетленность.

В феврале 1919 г. «Известия Яргубисполкома» опубликовали предложение провести вскрытия мощей ярославских святых, «произвести анализ угодников и этим открыть глаза верующим ярославцам, которые продолжают поклоняться [мощам], класть свои гроши на гробницы святителей» [4]. Мероприятие по времени соотносили с работой VI губернского съезда Советов и тщательно подготовили. Управление милиции приняло меры к охране гражданского и революционного порядка во избежание конфликтов. За вскрытием в Успенском соборе Спасского монастыря наблюдали 4 представителя управления. Повестку явить-

ся для составления акта вскрытия, не дававшую возможности отказаться, получило Ярославское естественно-историческое общество.

В обследовании мощей князей Федора, Давида и Константина, князей Василия и Константина приняли участие все делегаты съезда, представители губисполкома, горездисполкома, губкома партии, рабочих и профессиональных организаций, прессы; врачи – Соловьев, Крылов, Троицкий, Бажанов; от духовенства – епископ Корнелий, притч Успенского собора и Спасского монастыря. Предполагалось установить возраст, пол, древность мощей, состояние мумифицированных клетчаток и средства мумификации, целостность костей и их соединение. В составленном заключении врачи признались, что «производили небывалое врачебное исследование, подвергая анализу предмет, до сих пор неприкосновенный, предмет религиозного почитания многих миллионов верующих в течение многих поколений». Воспринимая совершаемое как насильственное вторжение в совесть людей, врачи ограничились лишь наружным осмотром останков и несколькими измерениями. Было установлено наличие большого количества сохранившихся останков в естественной связи и формах, без следов разложения. При этом выводы комиссии соответствовали жизнеописаниям и изображениям князей [3, л. 4а, 6, 11]. Местные власти отметили отсутствие такого явного обмана, как в других городах. Незначительные мелкие предметы и кусочки не шли ни в какое сравнение с обнаруженными тряпичными куклами. В апреле и сентябре 1919 г. были вскрыты мощи еще восьми святых Ярославской епархии.

Вызывающая опасение активность местных властей в деле вскрытия почти повсеместно сопровождалась возрастанием числа богомольцев как у уже вскрытых, так и ожидающих вскрытия мощей. Расчет на разоблачительную реакцию, которая вызовет праведный гнев верующих, не оправдался. Более того, кампания по вскрытию мощей встретила недоумение, а затем ропот и протесты духовенства и верующих. Широко распространялись слухи об оскорбительном поведении участников акции, в частности, при вскрытии мощей Саввы Сторожевского. Патриарх Тихон неоднократно и весьма четко выражал собственную позицию по отношению к очередным мероприятиям антицерковной политики. 17 февраля 1919 г. патриарх направил епархиальным архиереям указ «об устранении поводов к глумлению и соблазну в отношении св. мощей». Патриарх Тихон подчеркнул, что прежде почитание мощей было исключительно благочестивым народным обычаем и не вызывало соблазнов. «Мощи угодников Божиих открыто почивают в храмах в драгоценных раках-гробницах... Благочестивое усердие верующих, окружая их останки благоговейным усердием, соорудило

и для таких честных мощей драгоценные раки и оправы, иногда по подобию человеческого тела, располагая в них, в подобающих облачениях, кости праведников и другие частицы святых их мощей...» [1, с. 158].

Негативное отношение к кампании высказал и член коллегии Московского отдела народного образования С. Мицкевич в письме к В.И. Ленину от 22 апреля 1919 г.: «Считаю, что ничего более нелепого и вредного для нас, как это пресловутое вскрытие, нельзя и представить. Это никого ни в чем не убеждает, распространяются легенды, что настоящие мощи прячут, а вскрывают поддельные». Параллельно возрастает и озлобление, поскольку «...это ведь, кроме того, является нарушением принципа отделения церкви от государства», возможны и волнения. Вот почему С. Мицкевич настаивал: «...необходимо срочно дать распоряжение о прекращении повсеместно этих актов и вообще против поступков, грубо нарушающих религиозные чувства населения: курение в церкви, нахождение в шапках в алтаре, это проделывают нередко примазавшиеся коммунисты, нередко пьяные» [13, с. 41]. В.И. Ленин обвинил С. Мицкевича в панических настроениях и распорядился продолжать начатое.

Впрочем, власти поводов для выражения протеста не видели. Председатель Тверского епархиального совета Знаменский направил в VIII отдел Наркомюста заявление о ряде нарушений, допущенных местными властями в ходе вскрытия 25 февраля 1919 г. мощей Нила Столбенского. Он также подчеркивал, что вскрытие мощей является актом, оскорбляющим чувства верующих и вступающим в противоречие с решениями высших органов власти. Однако НКЮ противоправных действий тверских властей не выявил, отметив, что вскрытие мощей было произведено «по почину самих же трудящихся масс и везде обнаруживает многовековой обман со стороны церковников и эксплуатацию последними невежества темной толпы». Наркомюст настаивал на том, что «местная Советская власть при совершении самого акта всегда соблюдает известный такт и корректное отношение к религиозным убеждениям граждан, каковы бы эти убеждения ни были, кроме того, самый акт вскрытия всегда производят сами служители культов» [10, с. 44].

И все же, хотя вскрытия мощей производились повсеместно, вплоть до весны 1919 г. продолжали оставаться нетронутыми мощи таких повсеместно почитаемых святых, как Сергей Радонежский, Александр Невский и Серафим Саровский. Решение о вскрытии мощей Сергия Радонежского было инициировано членами РКП(б) и принято на общем собрании Совета рабочих и крестьянских депутатов города Сергиева Посада 1 апреля 1919 г. Информация о возможной акции просочилась в го-

родское общество еще раньше и вызвала серьезное недоумение. Монахи Троице-Сергиева монастыря составили прошение на имя председателя Совета народных комиссаров В.И. Ленина с просьбой запретить кощунственный акт. Среди местного населения, не желавшего допустить посягательства на святыню, был проведен сбор подписей, который поддержало около 5000 человек. Патриарх Московский и всея Руси Тихон также обратился к В.И. Ленину: «По долгу пастырского служения заявляю Вам, что всякое оскорбление религиозного чувства народа вызывает в нем естественную скорбь и справедливое негодование и может волновать его даже в несравненно большей степени, чем все другие невзгоды жизни, а нас обязывает стать на защиту поругаемой святыни» [12, с. 50]. Все просьбы остались без ответа, а позднее на страницах журнала «Революция и церковь» расценивались не иначе как попытки лаврских монахов сохранить свое безбедное существование.

11 апреля 1919 г., согласно сообщению монастырской братии, направленному патриарху Тихону, с трех часов дня территория Троице-Сергиевой лавры была окружена вооруженными солдатами Красной армии, которые взяли под свой контроль колокольню, дабы не допустить набатного звона как призыва к защите лавры, монастырские стены и выходы. К шести часам вечера Троицкий собор заполнили делегаты и технические службы. В присутствии Сергиевского исполкома, представителя НКЮ М.В. Галкина, представителя губисполкома, Наркомата здравоохранения, коммунистов Сергиевского района, членов технической комиссии по вскрытию мощей, представителей волостей, Красной армии, профсоюзов, верующих, врачей – доктора медицины Ю.А. Гвоздикского и доктора П.П. Попова, заместника Троице-Сергиевой лавры архимандрита Крониды, настоятелей Вифанского, Гефсиманского и Черниговского монастырей, благочинного и казначея лавры, монахов лавры с 20 часов 50 минут до 22 часов 50 минут проводилось вскрытие мощей Сергия Радонежского. Собравшиеся были ознакомлены с соответствующим решением исполнительного комитета Сергиева Посада. Архимандрит Кронид высказал предупреждение о том, что «никто из нас не знает, что лежит в святой гробнице. Это религиозная тайна, проникнуть в которую никто не смеет, мощи никогда не свидетельствовались с самого времени их открытия» [13]. В силу внутреннего трепета и нравственных посылов сам заместитель вскрывать раку не стал. По его поручению благочинный лавры иеромонах Иона вместе с игуменом Ананием снял покровы, поднял фигуру и последовательно освободил ее от одежды. В протоколе вскрытия фиксируется: «С головы снимают шапочку, с шеи – бинт фиолетовый, затем голубой. Разрывает иеромонах Иона швы у ног, распарывает ножницами

парчовый голубой мешок. Вынул сбоку вату, распарывает швы, фигура становится плоской, толщиной в четыре пальца, снимает распоротый голубой мешок, под которым обнаруживается полуистлевшая ткань серо-коричневого цвета. Снизу лубок. По снятии шапочки с головы виден человеческий череп, лежащий частью на лубке, частью на весу. Возле черепа справа виден первый шейный позвонок. Длина фигуры соответствует человеку среднего роста» [12, с. 56]. Вся процедура была заснята на кино- и фотопленку. По окончании был составлен протокол вскрытия, подписанный всеми присутствующими.

На следующий день наместник лавры получил постановление исполкома Сергиевского совета: принять меры к сохранению останков преподобного Сергия в должной сохранности и без изменения их расположения, над ними покрывку из зеркального стекла.

10 мая 1919 г., спустя месяц после акта вскрытия мощей Сергия Радонежского, патриарх Тихон обратился в Совнарком с письмом. В нем предполагается закрытие храмов Троице-Сергиевой лавры и возможный вывоз отсюда мощей были названы затрагивающими «самым существенным образом нашу религиозную совесть» и расценены как «вторжение гражданской власти во внутреннюю жизнь и верование Церкви, что стоит в противоречии с декретом об отделении Церкви от государства, с неоднократными заявлениями высшей центральной власти о свободе вероисповеданий» [1, с. 165].

Нередко вскрытие мощей сопровождалось и ликвидацией монастыря. Лавра получила отсрочку в несколько месяцев, но осенью 1919 г. на пленарном заседании исполкома Сергиева Посада было принято решение «о полной ликвидации Троице-Сергиевой лавры как монастыря». Патриарх в очередной раз предпринял попытку встретиться с председателем Совнаркома В.И. Лениным и дать разъяснения о недопустимости закрытия лавры в силу ее не только религиозного, но и исторического значения. В.И. Ленин патриарха не принял ввиду занятости другими, более важными делами. Патриарх Тихон счел своим долгом обратиться к пастве с посланием, которое должно было предотвратить возможные в связи с закрытием Троице-Сергиевой лавры эксцессы. Патриарх писал: «Уже много раз за последнее время терзалось религиозное чувство русских людей, и удар за ударом направлялся на их святыни. Не избегла сей печальной участи наша великая Святыня – Троице-Сергиева лавра. Было начато с вскрытия мощей Преподобного Сергия. Этим думали достигнуть того, что народ перестанет стекаться в лавру и потеряет доверие к своим духовным руководителям. Расчеты, однако, оказались ошибочными. Конечно, при вскрытии не было обнаружено никаких подделок,

а были найдены останки Преподобного, которые всеми верующими благоговейно почитаются как Его св. мощи. Но, как и следовало ожидать, оскорбление мощей Преп. Сергия вызвало великий религиозный порыв, выразившийся в усиленном паломничестве к Его цельбоносной раке...» Патриарх призвал верующих избегать участия в политических партиях и выступлениях, подчиняться распоряжениям советской власти и не подавать никаких поводов, оправдывающих ее подозрительность, до тех пор, пока они не противоречат вере и благочестию [1, с. 163–164].

Во исполнение решения о закрытии Троице-Сергиевой лавры в ночь на 2 ноября (21 октября) 1919 г. иноки были выселены из их келий в гостиницу Черниговского скита. В ходе этой акции было «отобрано сумм лаврских в количестве 39 000 руб.», а также у некоторых монахов реквизировано «лично им принадлежащее имущество» [5, с. 340].

Официальное постановление Совнаркома от 30 июля 1919 г. «О вскрытии мощей во всероссийском масштабе» последовало только тогда, когда кампания набрала обороты и приобрела, пожалуй, необратимый характер. Восьмой (ликвидационный) отдел НКЮ в вопросе о мощах придерживался принципа полной ликвидации этого «старинного, испытанного в течение веков способа гипнотизации и эксплуатации масс» [11, с. 73]. В зависимости от конкретных условий (состав населения, закоренелость предрассудков в силу невежества, сила и авторитетность местных организаций и т. д.) местные власти были обязаны предварить вскрытия правильно поставленной культурно-просветительной работой, широкой агитацией и пропагандой. В целях полной ликвидации мощей надо было действовать решительно и последовательно, опираясь на революционное сознание трудящихся масс и избегая нерешительности и половинчатости. Ликвидационным комиссиям предлагалось соблюдать такт по отношению к сторонникам православия, выбрать благоприятное время, когда нет большого числа молящихся, обязательно приглашать представителей всех отделов губисполкома и врачей для составления заключения. Вскрытие рак, извлечение мощей, их разоблачение от одежд поручали духовенству, представители которого обязательно должны были поставить подписи в заключительном акте. Для пущей убедительности и возможности показать обман как можно большему числу людей рекомендовалось процесс вскрытия запечатлеть на фото- или кинокамеру.

При Костромском губисполкоме была создана ликвидационная комиссия, которая 2 июля 1921 г. вскрыла частицы мощей в храме Скоропослушницы Свято-Троицкого монастыря. Вскрытие было проведено в присутствии верующих с. Телякова Яхнобольской волости. В крестиках, где должны

были находиться частицы святых мощей, оказались кусочки дерева и материи. Газета «Красный мир» написала, что верующие были потрясены увиденным и обратились в ГИК с просьбой о закрытии храма и превращении монастыря в сельскохозяйственную агрономическую школу для просвещения «косного и затуманенного культом края» [6].

Как и другие мероприятия антирелигиозной политики, не миновала перегибов и кампания по вскрытию мощей. 25 апреля 1920 г. в Ростове Ярославском представителями местной советской власти было произведено насильственное вскрытие мощей Исайи, Игнатия, Дмитрия Ростовского, игумена Авраамия и Евфросиньи Полоцкой. Вскрытие сопровождалось «глумлениями и оскорблениями религиозного чувства верующих, курением табака на паперти Соборного храма, прикосновением к частям святых мощей руками неверующих» [2, л. 1]. Епископ Ростовский Иосиф в рапорте митрополиту Агафангелу отметил правонарушения, совершенные властями. К ним епископ отнес искусственное принятие решения о вскрытии через уездный съезд Советов, отказ выслушать мнение верующих. Иосиф расценил эти действия как вмешательство во внутрицерковные дела и нарушение декрета. О вскрытии не предупредили, представители от духовенства и верующих назначены не были.

Кампания велась властями планомерно, со ссылкой во многих случаях на пожелания трудящихся вскрыть вековой обман. Сопротивлений вскрытию, масштабных акций протеста не отмечалось. Вскрытие мощей Серафима Саровского было произведено в декабре 1920 г., Александра Невского – в мае 1922 г. В неприкосновенности вплоть до 1929 г. оставались мощи Иакова Железнодорожского.

Осуществив к концу 1920 г. 63 вскрытия нетленных мощей почитаемых Русской православной церковью святых, власть грубо нарушила один из главных принципов декрета об отделении церкви от государства, вторгнувшись в область канона и отказывая в праве на существование признанному и освященному церковью культу почитания мощей.

Библиографический список

1. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 / сост. М.Е. Губонин. – М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского богословского института, 1994. – 1064 с.
2. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). – Ф. 130. – Оп. 12. – Д. 183. – Л. 1.
3. ГАЯО. – Ф. Р-1363. – Оп. 1. – Д. 21. – Л. 4а, 6, 11.
4. Известия Яргубисполкома. – 1919. – 22 февраля.
5. *Каишев А.Н.* К вопросу о судьбе православных монастырей в первые годы Советской власти // *Нестор*. – 2000. – № 1. – С. 331–342.
6. *Красный мир*. – 1921. – 17 июня.
7. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. – М., 1983.
8. *Майорова Н.С.* Государственно-церковные отношения в 1917–1929 гг. (на материалах Верхнего Поволжья). – Кострома, 2006.
9. Революция и церковь. – 1919. – № 1.
10. Революция и церковь. – 1919. – № 2.
11. Революция и церковь. – 1920. – № 9–12.
12. Революция и церковь. – 1919. – № 6–8.
13. Русская православная церковь и коммунистическое государство, 1917–1941. – М.: БИИ, 1996. – 356 с.

ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКОЕ ГУБЕРНСКОЕ АРХИВНОЕ БЮРО 1918–1920 гг.: К ВОПРОСУ ОБ УЧРЕЖДЕНИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматриваются процессы организации и функционирования Иваново-Вознесенского губернского архивного бюро в период с 1918 по 1920 г., создание и работа которого являются одним из многих фрагментов истории формирования централизованной архивной сети после Октябрьской революции.

Не проведенную в Российской империи архивную реформу пришлось проводить уже в новом государстве. Подпала под её действие и новообразованная (на тот момент) Иваново-Вознесенская губерния, где формирование губернского архивного бюро, задачами которого было выявление, сохранение и централизация архивов, пришлось начинать при отсутствии какой-либо базы в виде краеведческих обществ и архивных комиссий. Общее состояние губернии, отношение местных органов власти к собраниям документов, нехватка финансов, технического обеспечения, личного состава, отсутствие подходящих помещений – все это делало создание архивного бюро и работу по выявлению и сохранению архивов крайне непростой. Несмотря на множество негативных факторов, меры по созданию централизованной сети архивов, предпринятые государством и отдельными энтузиастами, имели определённый успех, вместе с тем выявив огромное количество организационных проблем, преимущественно связанных с общей политической и экономической ситуацией на территории страны в 1918–1920 гг.

Ключевые слова: архивы, реформа, централизация, губернское архивное бюро, Главное управление архивным делом, государственный архив Ивановской области.

20 июня 1918 г. в результате реализации постановления коллегии при народном комиссаре по внутренним делам на карте РСФСР появляется новая административная единица – Иваново-Вознесенская губерния, фактически образованная из частей двух близлежащих губерний – Костромской и Владимирской. Данное постановление завершило процесс объединения экономически однородного региона, начавшийся в январе всё того же 1918 г. со II съезда Советов Иваново-Кинешемского района [7]. Вместе с тем постановление было только началом огромного количества организационных мероприятий, которые следовало предпринять для полноценного функционирования новообразованной губернии. Среди этого рода мероприятий выделялось, в частности, создание Иваново-Вознесенского губернского архивного бюро (губархивбюро).

Архивная система Российской империи конца XIX – начала XX в. была весьма сложной и запутанной, полноценной архивной реформы, подобной зарубежным, проведено не было. Новое государство – РСФСР – унаследовало её от российской империи вместе с достаточно большим количеством проектов по реформированию [1]. Наиболее остро в данных условиях стоял вопрос о централизации архивного дела, сбора разобщённых архивохранилищ в единую сеть.

Новую страницу в истории архивных учреждений открыл 1918 г. 1 июня 1918 г. Совет народных комиссаров (СНК) принимает декрет, положивший начало созданию централизованной сети архивных учреждений и формированию нового органа – Главного управления архивным делом (ГУАД) [6, т. 2, с. 383–385].

Активные действия по исполнению декрета СНК от 1 июня 1918 г. в Иваново-Вознесенске на-

чались только в марте следующего года. 12 марта 1919 г. состоялось заседание инициативной группы в составе Н.Ф. Бельчикова, П.А. Сакулинского и А.В. Стрельцова о создании архивной комиссии. По результатам совещания были установлены контакты с ГУАД. Уполномоченным Главного управления, а также по совместительству заведующим губархивом было предложено назначить П.А. Сакулинского [2, л. 1 б, 3]. В конце июня 1919 г., благодаря переводу в распоряжение архива кредитов из центра и уведомлению из ГУАД об утверждении П.А. Сакулинского в должностях, у Иваново-Вознесенского управления архивным делом появилась возможность начать работу [3, л. 1, 3, 3 об.].

Проблемы, с которым столкнулось Иваново-Вознесенское губархивбюро, были схожи в целом с проблемами всех архивных бюро в стране на тот период, и, в свою очередь, во многом зависели от политической ситуации и экономического положения государства. Первой и основной проблемой являлось отсутствие необходимого помещения. Однако поиски помещения были относительно успешны. Так, уже 30 июня 1919 г., в первый год существования бюро, было получено помещение под канцелярию и архивохранилище, предоставленное жилищно-земельным подотделом городского совета [3, л. 1]. 18 ноября 1919 г. помещения пришлось оставить в связи с дефицитом топлива и, как следствие, невозможностью отапливать площадь. Канцелярия губархивбюро была переведена в жилой дом [2, л. 33–34]. В следующем году, несмотря на то, что ситуация с отоплением не выправилась, помещение по адресу «Торговые ряды, дом 5», было закреплено за архивом.

Нехватка материально-технических и финансовых средств накладывала свой отпечаток на деятельность Иваново-Вознесенского архивного

бюро, но критичной не была, поскольку снабжение из губпродукта (губернского управления по распределению продуктов) и многочисленные обращения к фабрикам и заводам отчасти позволяли справиться с ней [2, л. 5–6, 9, 15]. Губпродукт выделил Иваново-Вознесенскому бюро канцелярские принадлежности, необходимые для работы, а заводы довольно охотно делились ненужной мебелью для канцелярии.

Самой же сложной проблемой являлся постоянно мучивший Иваново-Вознесенское губархивбюро кадровый голод, причинами которого были нехватка финансирования и низкая заработная плата сотрудников бюро. «Штаты служащих по Иваново-Вознесенскому губархиву не утверждались. Губархив руководствуется штатами, установленными положением о губархивах от 31 марта 1919 года», – сообщал П.А. Сакулинский в ГУАД в 1919 г. [4, л. 8]. Штат, устанавливаемый положением, и без того небольшой – заведующий, архивариус, научный сотрудник, делопроизводитель, сотрудник, служитель (итого 6 человек) – оставался неполным. Иваново-Вознесенское губархивбюро представляли два человека: вышеупомянутый П.А. Сакулинский – заведующий губархивом и уполномоченный ГУАД в одном лице и делопроизводитель Н.И. Бородин, занявший эту должность с 1 июля 1919 г. [5, л. 4]. Ранее Бородин был заведующим канцелярией президиума городского совета, но в связи с ликвидацией этой должности 8 июня 1919 г. перевёлся в губархив, его кандидатуру одобрила коллегия Главархива на заседании 23 июня того же года.

Однако дефицит финансирования и, как следствие, низкое жалование, отпугивавшее возможных претендентов на должности в губархивбюро, было только частью кадровой проблемы. Настоящей катастрофой являлось полное отсутствие подходящих кандидатур на должности сотрудников. П.А. Сакулинский из Иваново-Вознесенска докладывал в Москву, в ГУАД, в отчетах о деятельности бюро: «...Что касается приглашения сотрудников на должность архивариуса и научных сотрудников, то за отсутствием подходящих кандидатов эти должности до настоящего времени остаются незамещёнными. Вообще, необходимо отметить значительную трудность в подыскании сотрудников для работ в Губархиве. Не говоря уж об отсутствии в городе Иваново-Вознесенске подходящих кандидатов на должность архивариуса и научных сотрудников, приходится отметить отсутствие подходящих лиц для работ по разборке архивов» [3, л. 1–1 об.]. Последнее, впрочем, легко объяснялось низкой оплатой работы, так как она считалась временной.

Поэтому данная проблема решалась всеми возможными методами. Во-первых, приглашениями людей, относительно сведущих в архивном деле:

«...вынужден обратиться к Вам с просьбой об откомандировании красноармейца Алексея Фёдоровича Опольнова для занятия должности архивариуса Центрального губернского архива. Опольнов в настоящее время служит в комиссии по борьбе с дезертирством, а до мобилизации состоял архивариусом при горсовете, почему и является одним из лучших знатоков архивного дела в Иваново-Вознесенске...» [5, л. 2]; во-вторых, приглашением на временные работы безработных: «...Губернское архивное управление просит биржу труда командировать безработную Сусанну Герасимовну Григорьеву (регистрационная карточка 4304) в качестве временной сотрудницы по разборке дел губархива...» [5, л. 6].

Впрочем, несмотря на многочисленные проблемы, работа в Иваново-Вознесенске двигалась: был разобран и описан ряд архивов, в частности архив городской управы и посадской думы, разосланы опросные листы (в количестве 105 листов) для выяснения положения архивов волостных правлений и волостных судов и «...до настоящего времени получено около 30 листов» [3, л. 1 об.]. Аналогичная процедура была проделана в отношении фабричных архивов – было разослано около 250 листов [3, л. 1 об.]. Эвакуация канцелярии Иваново-Вознесенского бюро в жилой дом с наступлением холодов (18 ноября 1919 г.) преврала всякую работу по разборке архивов, сведя труд губархивбюро к переписке с различными учреждениями и организациями [3, л. 10].

Кадровый голод сказался на Иваново-Вознесенском бюро ещё не раз. Поиск уездных и волостных архивов вёлся в связи с этим крайне медленно, П.А. Сакулинский многое вынужден был делать лично, как и Н.И. Бородин, что сказывалось на темпе работ [3, л. 9]. Помимо всего прочего, бедность провинциальной культурной и просветительской жизни внесла свой печальный вклад – отношение на местах к архивам было крайне равнодушным, особенно на уровне волостей: «...Большинство волисполкомов... смотрели на эти архивы как на никому не нужные вещи», «...нашлись 3–4 волисполкома, которые, возвратив опросные листы незаполненными, сообщили, что они никаких архивов не знают и что архивы – это ничтожное, как старый хлам, годный на растопку печей» [3, л. 9–9 об.]. Подобные обстоятельства, естественно, задерживали сбор анкет, с таким отношением губархивбюро приходилось бороться, разъяснять требования закона и необходимость сохранения архивов.

Общая картина нехватки архивных кадров постепенно начинает меняться только с приходом нового уполномоченного ГУАД, И.И. Власова, в 1920 г. [3, л. 24–24 об., 25]. Вместе с тем Иваново-Вознесенское губархивбюро несёт и «потери» – по требованию губисполкома пришлось от-

править на службу в губисполком Н.И. Бородин. В том же году предпринимаются первые шаги по основанию Иваново-Вознесенского научного общества по изучению местного края – будет создано временное бюро по разработке устава общества [3, л. 9 об. – 10].

Таким образом, меры, предпринятые государством и отдельными энтузиастами по созданию централизованной сети архивов имели определённый успех, но вместе с тем выявили огромное количество организационных проблем, преимущественно связанных с общей политической и экономической ситуацией на территории страны в эти годы.

Библиографический список

1. Аннинский С.А. Первая конференция архивных деятелей Петрограда // Дела и дни: исторический журнал. – Петроград, 1920. – Кн. 1. – С. 372–373.
2. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). – Р. 354. – Оп. 1. – Д. 2.
4. ГАИО. – Р. 354. – Оп. 1. – Д. 3.
3. ГАИО. – Р. 354. – Оп. 1. – Д. 5.
5. ГАИО. – Р. 354. – Оп. 1. – Д. 6.
6. Декреты Советской власти: в 18 т. Т. 2. – М., 1959. – 647 с.
7. Семенов А. От Лухского княжества – к Ивановской губернии // Ивановская газета. – 2013. – 22 июня.

ДОКТРИНА «ТРЕТЬЕГО ПУТИ» ХУАНА ПЕРОНА ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ АРГЕНТИНЫ В 1946–1955 гг.

В статье рассматривается доктрина «третьего пути» аргентинского президента Хуана Доминго Перона и ее влияние на внешнюю политику Аргентины в 1946–1955 гг. Автор исследует данную доктрину в качестве политико-идеологической и философской концепции, которая лежала не только в основе внутренней политики, проводимой Пероном в течение его двух президентских сроков, но и определяла также основные направления внешнеполитического курса. Анализируется процесс зарождения и развития политико-философских идей Перона, которые легли в основу доктрины «третьего пути». Кроме того, автор выделяет основные характеристики данной идеологической концепции и подвергает анализу основные направления внешней политики Аргентины на предмет их соответствия перонистскому «третьему пути». Отмечаются основные успехи аргентинской дипломатии, достигнутые в рамках данной доктрины. Автор приходит к выводу, что идеология «третьего пути» Перона оказывала значительное влияние на внешнюю политику государства, фактически определяя основные направления внешнеполитического курса Аргентины. Более того, автор констатирует, что идеи перонизма оказались популярны и в других странах Латинской Америки, положив начало формированию в регионе мощного антиимпериалистического движения и оставив богатое политико-идеологическое наследие. Следует также отметить, что в статье уделено внимание анализу слабых сторон данной идеологической концепции и некоторых несоответствий между пропагандируемыми Пероном идеями и его действиями на международной арене.

Ключевые слова: внешняя политика Аргентины, идеология, перонизм, хустисиализм, интеграционные процессы в Латинской Америке, послевоенный период.

На протяжении 40-х гг. XX в. на внешнюю политику Аргентины оказывали значительное влияние события Второй мировой войны и ее последствия. Несмотря на частые изменения в правительствах (например, в период с 1938 по 1946 г. у власти в Аргентине находились пять президентов, из которых трое были военными, а двое гражданскими), внешнеполитический курс страны оставался на протяжении долгого периода времени достаточно стабильным. В качестве его основных характеристик можно выделить следующие идеи и принципы [5]: пацифизм, изоляционизм, разрешение конфликтов правовыми способами, морализм, конфронтация с США и европеизм.

Что касается участия Аргентины во Второй мировой войне, все президенты в указанный период поддерживали идею нейтралитета страны. Этой же идеи придерживалась и группа националистически настроенных офицеров аргентинской армии, выражавших недовольство политикой президента Рамона Кастильо и осуществивших военный переворот в 1943 г. Среди пришедших к власти офицеров выделялся полковник Хуан Доминго Перон, который еще более упрочил свое положение в течение 1944 г., когда он занял пост вице-президента при президенте Эдельмиро Фарреле [8, р. 31].

В феврале 1946 г. Перон одержал победу на президентских выборах над оппозиционной коалицией, в состав которой входили представители традиционных для Аргентины партий: радикалы, социалисты, прогрессивные демократы и коммунисты. Победа стала возможной благодаря поддержке консервативно настроенных политических сил и популярности среди народа [4]. Заняв президентский пост, Перон внес некоторые изменения

в политику своих предшественников. Несмотря на поддержку консерваторов, президент проводил отличный от консерватизма политический курс, который содержал в себе некоторые элементы популизма. Политика Перона получила название «перонизм» и была также известна как «хустисиализм» (от исп. «justicia» – справедливость). Идеология перонизма пропагандировала так называемый особый «третий путь» развития Аргентины, который отличался от коммунизма и капитализма. Именно в рамках доктрины «третьего пути» внешнеполитический курс страны получил новое идеологическое содержание.

Используя данную доктрину в качестве идеологической основы внешнеполитического курса, правительство Перона неуклонно придерживалось определенных принципов, таких как пацифизм, разрешение конфликтов правовыми способами и морализм. Что же касается конфронтации с США, Перон выстраивал отношения с Вашингтоном в духе недоверия и враждебности. Если в сфере внешней политики аргентинский президент достиг своей цели, то в области экономики это ему не удалось. Кроме того, Перон не поддерживал изоляционистский курс своих предшественников и выступал за налаживание отношений со странами Латинской Америки.

Что же представляла собой доктрина «третьего пути»? В сфере внутренней политики альтернативный путь между капитализмом и коммунизмом, избранный Пероном, по сути, «означал предоставление государству роли арбитра между капиталом и трудом со значительной преференцией последнему» [1, с. 15]. Если речь идет об области межгосударственных отношений, то наиболее логичным и точным представляется определение,

согласно которому «третий путь» – это политика, направленная на поиск новой модели вовлеченности Аргентины в международные процессы наряду с сохранением независимости, парламентская и дипломатическая деятельность, коммерческая и финансовая активность, попытки укрепления интеграционных процессов, а также поиск альтернативной гуманистической модели, которая бы защищала человека от произвола капиталистического индивидуализма или авторитарного коллективизма [6, р. 57].

«Третий путь» представлял собой отличную от коммунизма и капитализма позицию и носил явный антимарксистский и антилиберальный характер. Одной из его главных целей было развитие экономического и культурного сотрудничества между государствами. «Третий путь» не только предстал в качестве альтернативы политике колониализма и неоколониализма, проводимой бывшими метрополиями и США, но и занимал независимую позицию в отношении СССР, стремившегося расширить зону своего влияния во всех регионах мира. Иными словами, эта доктрина предусматривала независимость от двух сверхдержав, укрепивших свое положение в послевоенный период.

«Третий путь» был политической и даже в некотором смысле философской концепцией. Перон не был согласен с неизбежностью идеологического выбора между капитализмом и коммунизмом. В условиях усиливающейся конфронтации между бывшими союзниками после завершения Второй мировой войны аргентинский президент представил новую идеологическую систему, предполагавшую отказ от присоединения к одной из конфликтующих сторон и проведение независимого внешнеполитического курса.

Теоретическая основа доктрины «третьего пути» не оставалась неизменной, она дополнялась и совершенствовалась на протяжении всего срока нахождения Перона у власти. Аргентинский президент впервые упомянул о ней 26 ноября 1946 г., заявив, что «...третья концепция могла бы стать приемлемым решением, которое бы не привело к государственному абсолютизму и не вернуло бы абсолютный индивидуализм, присущий предыдущему режиму. Она бы стала гармоничным и уравновешенным сочетанием всех сил, представляющих современное государство, чтобы избежать борьбы между ними и ослабления одной из них, пытаясь их примирить и объединить, заставить их действовать сообща для того, чтобы образовать такое государство, в котором власть, капиталистические и рабочие силы... могли бы построить для себя лучшую судьбу без какого либо ущерба для одной из сторон» [6, р. 58].

Окончательно идеи относительно «третьего пути» Аргентины на мировой арене сформировались у Перона в 1947 г., когда он опубликовал свой

труд под названием «Doctrina Peronista: Filosófica, Política, Social». В этой книге аргентинский президент изложил основные принципы, на которых должна основываться внутренняя и внешняя политика государства. Особый интерес вызывает седьмая глава, в которой подробно описана позиция Аргентины в международных делах. По мнению Перона, в основе внешней политики его страны лежали следующие идеи и принципы [7, р. 269–274]:

- разрешение существующих и возможных конфликтов мирными способами;
- стремление к обеспечению мира и безопасности путем соблюдения договоров и международных обязательств;
- добровольный отказ от политической и экономической гегемонии в Латинской Америке;
- готовность твердо отстаивать свой суверенитет и независимость;
- отказ от добровольной изоляции и активное участие в международных процессах.

Таким образом, главной целью Перона было проведение независимого внешнеполитического курса, который был бы свободен от влияния крупнейших мировых держав и обеспечивал бы укрепление позиций страны на международной арене. В отличие от других стран южноамериканского континента перонистская Аргентина выступала против распространения влияния Соединенных Штатов в регионе. Более того, сам Перон неоднократно подчеркивал, что является противником идеи разделения мира на зоны влияния США и СССР.

Тему о новой альтернативной модели внутренней и внешней политики Перон затронул и в своем выступлении перед Законодательной ассамблеей 1 мая 1948 г. В частности, аргентинский президент заявил, что «...наш Третий путь нам позволяет искать и всегда находить необходимые обстоятельства для того, чтобы именно в нем человечество нашло свой путь» [6, р. 58]. Свою доктрину Перон предлагал как альтернативу крайней левой и крайней правой идеологиям, как «средство достижения мира, отличное и от коммунизма, и от капитализма».

17 июня 1948 г. Перон, рассуждая о внешней политике своего правительства, отметил, что «Аргентина поддерживает дружеские отношения со всеми странами мира, она не склоняется к правой или левой гегемонии, потому что имеет вполне определенную линию поведения на международной арене... Необходимо обеспечить внутренний мир и спокойствие, чтобы защитить основы международного мира и безопасности» [6, р. 59].

19 сентября 1953 г. аргентинский лидер, выступая на одной из международных конференций, изложил основы своей идеологической доктрины следующими словами: «...очевидно, что ни одно из этих решений (коммунизм и либерализм. – С. 3.)

не приведет аргентинцев к обретению счастья, которое мы для них желаем. Мы решили создать основы нового третьего пути, который позволил нам предложить аргентинскому народу альтернативный вариант, который бы не означал эксплуатацию и лишения. Одним словом, это был чисто аргентинский путь для аргентинцев, который позволил нам следовать по пути свободы и справедливости... Поэтому Республика Аргентина, свободная от любых идеологических пут, чуждых нашей нации, может свободно говорить со всеми странами мира без каких-либо недомолвок, протягивая свою щедрую и честную руку помощи, потому что наш хустисиализм нам позволяет всегда искать и находить необходимые средства для того, чтобы все народы могли отыскать в данной философии путь для обретения желанной свободы».

Анализируя высказывания Перона относительно доктрины «третьего пути», можно сделать вывод о том, что он видел в ней своего рода гуманистическое средство для решения мировых проблем. Это был призыв к политическому реализму, который привлек внимание многих стран, в особенности тех, которые в той или иной степени пострадали от политики колониализма и неоколониализма со стороны ведущих держав. «Третий путь» подразумевал равенство суверенных и экономически независимых народов, добросовестно исполняющих свои международные обязательства, и отсутствие доминирующих государств, стремящихся подчинить других своему влиянию. В этом и заключается слабость идеологической доктрины Перона, так как она не в полной мере соответствовала реальной обстановке на международной арене и содержала в себе элементы популизма.

В целом, в соответствии со своей идеологической доктриной Перон проводил независимую внешнюю политику, которая, однако, не отвечала экономическим интересам страны. «Третий путь» предполагал отказ от идеологий коммунизма и капитализма, и одними из его главных недостатков были его претензия на универсальность и некоторая противоречивость. Стремясь дистанцироваться от влияния Москвы и Вашингтона, Аргентина тем не менее подписала Чапультепекскую декларацию в 1945 г. и Межамериканский договор о взаимной помощи в 1947 г., которые усиливали влияние США в Латинской Америке. Кроме того, правительство Перона попыталось установить экономические контакты и открыть рынки для своих товаров в Румынии и Чехословакии в 1947 г. и Болгарии в 1949 г., которые принадлежали к социалистическому лагерю и находились в зоне влияния СССР [3].

Среди успехов аргентинской дипломатии при Пероне следует отметить подписание 1 ноября 1951 г. пакта между Аргентиной, Бразилией и Чили. Этот договор соответствовал принципам «третьего

пути», так как был направлен на развитие отношений между тремя государствами, которые исторически соперничали между собой. Кроме того, этот пакт был направлен на ограничение влияния США в регионе. 15 марта 1952 г. к договору присоединились Боливия, Парагвай, Перу и Уругвай, а позднее Эквадор, Венесуэла и Колумбия. Было положено начало развитию политического диалога между государствами-участниками для решения большого спектра задач (от социально-экономических до экологических). Подписание этого договора означало успешность перонистского «третьего пути» и его популярность не только в Аргентине, но и за ее пределами.

Загравивая вопрос о популярности перонизма и «третьего пути» в Латинской Америке, следует отметить, что философско-политические взгляды Перона и достижения аргентинской внешней политики привели к формированию в регионе антиимпериалистического движения, которое с политической точки зрения было достаточно разнообразным. Наиболее характерными чертами этого движения были ярко выраженное негативное отношение к США из-за попыток установить свою гегемонию в регионе, нейтралитет по отношению к событиям в других регионах мира и приверженность к демократическим режимам [2].

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод о том, что политика «третьего пути», проводимая аргентинским президентом Хуаном Доминго Пероном в 1946–1955 гг., была попыткой найти идеологическую альтернативу капитализму и коммунизму, которая носила универсальный характер и подразумевала построение международных отношений на принципах равенства и равноправия. Рассматривая в качестве приоритета развитие экономических и культурных связей со всеми заинтересованными государствами, а также установление и углубление добрососедских отношений со странами Латинской Америки, «третий путь» предполагал отказ от участия в холодной войне на стороне одной из сверхдержав и соответствующего ей разделения мира на сферы влияния между ними. Представленная Пероном идеологическая концепция претендовала на универсальность и, по мнению аргентинского президента, могла стать подходящим вариантом для всего мирового сообщества.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что доктрина «третьего пути» имела некоторые недостатки. Во-первых, проводимый под ее эгидой внешнеполитический курс не всегда отвечал интересам быстроразвивающейся экономики Аргентины. Во-вторых, сама внешняя политика страны не всегда вписывалась в идеологические рамки «третьего пути». В-третьих, претендуя на универсальный характер, доктрина Перона не соответствовала реальной обстановке на международной арене в пол-

ной мере, так как не учитывала специфику межгосударственных отношений в каждом конкретном регионе земного шара. В-четвертых, доктрине «третьего пути» присущи черты политического популизма, явления, весьма распространенного в Латинской Америке.

Несмотря на указанные слабые стороны идеологической доктрины Перона, выстроенная на ее основе внешняя политика помогла стране выйти из международной изоляции после Второй мировой войны, добиться существенного экономического подъема и укрепить отношения с другими государствами Латинской Америки, придав тем самым новый импульс развитию интеграционных процессов в регионе. Кроме того, идеи перонизма оказались популярны не только в Аргентине, но в других странах, что положило начало формированию в регионе антиимпериалистического движения, которое с политической точки зрения было достаточно разнообразным. Таким образом, перонистская доктрина «третьего пути» не только определяла основные направления внешней политики страны в 1946–1955 гг., но и оказала значительное влияние на последующую историю Аргентины, оставив богатое политико-идеологическое наследие.

Библиографический список

1. *Задрожный М.* Историческая анатомия аргентинского кризиса // *Космополис*. – 2007. – № 1 (17). – С. 11–26.

2. *Aguilar E.* Populismo: El peronismo y la Tercera Posición [Electronic resource]. – Режим доступа: <http://www.lacavernadepaton.com/articulosbis/peronismo1.htm> (дата обращения: 24.02.2016).

3. *Cordozo O.* La «tercera posición»: lejos de Washington y de Moscú [Electronic resource]. – Режим доступа: <http://edant.clarin.com/suplementos/especiales/2004/07/01/1-786650.htm> (дата обращения: 24.02.2016).

4. *Escudé C., Cisneros A.* Historia general de las relaciones exteriores de la República Argentina. T. XIII [Electronic resource]. – Режим доступа: <http://www.argentina-gree.com/13/13-008.htm> (дата обращения: 24.02.2016).

5. *Oddone C., Granato L.* El Primer Peronismo y la Tercera Posición: Una visión desde la Autonomía Heterodoxa de Juan Carlos Puig [Electronic resource]. – Режим доступа: http://www.caei.com.ar/sites/default/files/03_0.pdf (дата обращения: 24.02.2016).

6. *Oddone C.* La Unión de los Países del Sur en las propuestas de integración del primer peronismo (1946–1948) // *Cuadernos de Política Exterior Argentina*. – 2008. – № 91. – P. 1–119.

7. *Perón J.* Doctrina Peronista: filosófica, política, social. – Buenos Aires, 1947. – 288 p.

8. *Rapoport M.* Argentina: economía y política internacional. Los procesos históricos // *Diplomacia, Estrategia & Política (DEP)*. – 2009. – № 10. – P. 27–51.

СМЫСЛОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРИХОДСКОЙ АДМИНИСТРАТИВНОЙ СИСТЕМЫ В 1961 И ЕГО ИЗМЕНЕНИЕ В 1988 Г.

В статье прослеживается путь от деградации системы приходского управления, причиной которой стали изменения в церковном законодательстве о приходских общинах, принятые на архиерейском соборе в 1961 году, к восстановлению канонической системы в принятом новом Уставе об Управлении Русской Православной Церкви в 1988 году. Показано, что инициатором неканонических изменений приходской общины стали власти, проводившие антирелигиозную политику вытеснения Церкви из общества. Последствия не замедлили сказаться: были закрыты и варварски разрушены многие храмы, некоторые из которых состояли на учете как памятники архитектуры, ухудшилось и без того плачевное духовно-нравственное состояние вымирающей русской деревни, вековой уклад жизни русского человека. Вопреки всему Церковь в этих условиях не только выжила, но и развивалась. Пришло время, когда коммунистическая система прекратила свое существование, что послужило началом восстановления и возрождения порушенных святынь и православной приходской общины.

Ключевые слова: приход, настоятель, административная система, партия, Церковь, вера.

Основополагающим для канонического устройства и жизненно важным документом для Русской Православной Церкви стал утвержденный на Поместном соборе в 1988 году Устав об управлении РПЦ, принятый вместо существовавшего до этого времени Положения об управлении Русской Православной Церковью 1945 года, которое в 1961 году претерпело изменения в части приходского управления. Именно эти структурные изменения в управлении приходом, утвержденные затем на Поместном Соборе 1971 года, уже в 1988 году характеризовались как «не содержащие в достаточной степени общепринятых в православии законов», которые «не давали ясного представления о правах, обязанностях и ответственности как высшей иерархии, так и рядовых священнослужителей и верующих» [1, с. 265]. В XV главе п. 2 Устав 1988 года отменял действовавшее до принятия настоящего Устава «Положение об управлении Русской Православной Церкви» [13, с. 45].

Положение об административном устройстве прихода 1945 года было разработано митрополитом Ленинградским Григорием (Чуковым) в духе постановления о приходах, выработанного на Поместном соборе 1918 г., где было определено, что хозяйственно-финансовой деятельностью прихода ведал церковный совет во главе с настоятелем, а жизнь прихода, как православной общины, мыслилась как структура Церкви, в которой миряне участвуют в управлении. Но возглавление всей жизни прихода, духовной и хозяйственной, оставалось за настоятелем [5, с. 1012].

В 1961 г. Архиерейский Собор РПЦ под давлением идеологического отдела ЦК КПСС и Совета по делам Русской Православной Церкви внес изменения в приходский устав и поставил священников в полную административную зависимость от приходских «двадцаток», определив пастырское служение священника в область «духовных», в ос-

новном, богослужебных обязанностях. Реформа проводилась под лозунгом «восстановления советского законодательства о культурах», «возвращения к ленинским нормам», к Положению о религиозных объединениях 1929 года, признающему только местные культовые общины, объединенные вокруг храма, и не предусматривающему административной власти клира, что противоречило административному устройству РПЦ, принятому на Соборе 1918 г. По Положению 1929 года участие в хозяйственно-финансовой деятельности общины возлагалась только на исполнительный орган верующих (двадцатку), несущий, согласно законодательству, ответственность перед гражданской властью за сохранность здания и имущества храма. В силу приходской реформы 1961 года, настоятель также был отстранен от руководства приходом, и в целом сведен на роль духовного чиновника, назначенного на приход для совершения богослужений и треб. Формально в приходе устанавливалось двойственное возглавление, что не могло не отразиться пагубно на внутренней жизни общины. По мнению некоторых исследователей, в условиях гонений и притеснения со стороны власти начала 60-х годов, такое разграничение могло иметь положительные последствия. Священнослужители выводились из-под удара атеистических властей и перед законом уже не могли отвечать за финансовое положение своих приходов, тем самым, их труднее становилось привлекать к уголовной ответственности. Однако вряд ли советское правительство потребовало изменения Положения о Церкви, если реформой подразумевалась польза Церкви.

Уступки, предпринятые руководством Церкви под нажимом государственно-партийных органов, и представляемые церковной общественности как принятые с благими побуждениями, обернулись не только административной, но и богословской, экклезиологической катастрофой. Желание церковного руководства выйти из-под удара гражд-

данских властей, развернувших в начале 60-х гг. антирелигиозную кампанию (на памяти у архиереев того поколения были свежи воспоминания о репрессиях 20–30-х годов), смягчить позицию партийной идеологической верхушки, привело к кардинальным изменениям и в самой церковной структуре, искажением ее канонического строя. Последовательно проводя линию партии на вытеснение Церкви из всех сфер общества, на местах, с 1958 года, в массовом количестве проходил процесс принудительного закрытия храмов (за 1960–1964 годы количество церквей уменьшилось на 5457: 01.01.1960 г. – 13008; 01.01.1965 г. – 7873) [8, с. 34], распада и разложения церковных общин, лишения священнослужителей их прямых обязанностей – пастырского возглавления общины, епископов – епархий. «Я не правящий архиерей, а подписывающий», – восклицал Костромской архиепископ Кассиан (Ярославский), яркими словами живописуя свое положение [18, с. 120]. Приведем пример культурного беспредела того времени: «В селе Никола-Ухтома и в с. Погорелово Урицкого сельсовета имеются две церкви. Обе они находятся в аварийном состоянии, кирпичи интенсивно выветриваются, фундаменты под колокольнями дали сильную осадку, колокольня церкви с. Погорелово отошла от основного здания на 5–10 см. Кровли крыш стали ветхими, сводчатые потолки обваливаются, деревянные конструкции гниют. Для сохранения этих зданий требуется большой капитальный ремонт и поскольку эти церкви не имеют никакой архитектурной ценности, их реставрации и восстановления не будет (а кто определял архитектурную ценность церквей? – Д.С.). Церковных двадцаток по этим церквям нет, имущества для совершения обрядов никакого нет. Правление колхоза “Новый путь”, на территории которого находятся эти церкви, обратилось с просьбой в Исполком Совета о передаче этих зданий для оборудования в них мастерской и склада, в связи с приобретением тракторов и других сельскохозяйственных машин». Такое разрешение правлению колхоза дали [3, с. 47]. Вместе с тем, одной из причин закрытия храмов, как это указывается в годовом отчете Костромского Епархиального Управления, непостоянные (читай один-два раза в год – Д.С.) богослужения совершаются в 12 из 68 храмов епархии. Причина – недостаток священнослужителей, из-за сокращения духовных школ, естественной убыли старшего поколения, препятствий, чинимых уполномоченными и партийным руководством на местах. За 1971 год выбыло из числа штатного духовенства 10 священнослужителей. По направлению Учебного комитета направлен 1 человек, прибыло из других епархий 5. Итого – прибыло в епархию 6 человек [2, с. 3].

Антирелигиозную кампанию 60-х годов оправдывали коммунизмом и техническим прогрессом,

которые вытолкнули из общества и сознания людей «пережитки прошлого» – религию. М.Н. Бессонов в своей книге «Православие в наши дни» описывая происходящие в те годы процессы, указывает причину сокращения количества храмов и «сети религиозных обществ», видит ее в «отходе верующих религии под влиянием революционных социалистических преобразований». Виновником губительных для страны и человека последствий конфликта между государством, исповедующим идеологию атеизма и религиозными представлениями верующих он считает Церковь, не смирившуюся с потерей «государственного статуса», запятнавшую себя «сотрудничеством с эксплуататорскими классами». Правда, следует признать, что Бессонов, отчасти признавая роль государства в фактическом уничтожении Церкви, в конце 80-х ссылается на то, что Церковь «вовремя не перестроилась», указывает на некоторые перегибы, которые происходили в прошлом со стороны государства: на «усиление классовой борьбы» определенной заклеяменным на XX съезде партии Сталиным, администрировании на местах в отношении к религиозным организациям и верующим отдельных волюнтаристских командно-административных методов отдельных товарищей, затянувшийся характер приспособления Церкви к новым социалистическим реалиям [1, с. 194, 196].

Оспаривая позицию Бессонова в «вине Церкви», скажем, что государство, в лице идеологического отдела партаппарата, грубо нарушая им же принятые законы и постановления о невмешательстве в дела Церкви, сделало все, чтобы Церковь, с одной стороны, была инструментом государственной политики на международной арене, и, с другой, внутренняя жизнь Церкви полностью находилась под государственным контролем, что законодательно и было закреплено изменениями в Положение об управлении РПЦ 1961 г. Но при этом в ряде исследований, в частности в книге Бессонова, дело представлено таким образом, что сама Церковь в лице Соборов 1961 и 1971 гг. эволюционировала, поменяла идеологический вектор и встала на патриотические позиции, сама изменила свою внутреннюю структуру. В реальности международная деятельность и вовлечение в нее церковных структур была вынужденным шагом (в частности, вступление в ВСЦ, – прим. Д.С.) благодаря которому, имела заинтересованность партийной верхушки, учитывая международную обстановку (с мнением Церкви при этом особенно не считались), прибегать к помощи церковных кадров. В частности после Хельсинских договоренностей 1973 года.

Во внутренней жизни церковных общин с 1961 г. староста стал фактическим хозяином прихода. Он стоит во главе исполнительного органа, практически осуществляет наем и увольнение служащих (в том числе настоятеля, служащих, на-

емных работников), заключает договора с духовенством и контролирует всю приходскую жизнь. При этом он ни в чем, ни с какой стороны, ни в каком отношении, не подчинен церковному начальству. Вот жалоба Патриарху Пимену от прихожан Ивановского Преображенского кафедрального собора: «Староста церкви Вареникин А.А., шофер по профессии, человек неверующий, очень грубый с прихожанами и духовенством <...>. По закону двадцатка должна руководить деятельностью Церкви, но в нашем храме она совершенно никакой роли не играет, и с ее членами не считаются <...>. Вареникин не был избран по результатам голосования членов двадцатки (за него проголосовали 0%), <...> но был утвержден на роль старосты горисполкомом» [9, с. 1, 3].

В экклезиологическом понимании церковной традиции связь между приходом и священником, между пастырем и паствой определяется уровнем духовной и сакраментальной жизни прихода. Священник является совершителем богослужений и таинств Церкви, духовным пастырем Богом вверенной ему паствы. Поэтому ответственность и положение священника, настоятеля прихода, пастыря душ человеческих иное, чем положение и ответственность директора, администратора, хозяина.

Священник должен иметь отношение ко всем сторонам приходской жизни – к благотворительной, к общественной, даже к финансовой. Однако целью этого касательства является не «захват власти», а духовное бодрствование над церковной оправданностью всех проявлений приходской жизни и постоянное вдохновение прихожан к одухотворению и воцерковлению всех этих аспектов приходской деятельности.

Вышеприведенную мысль высказывает протоиерей Ростислав Лозинский в своей докторской диссертации «Пастырь на приходе», указывая на ошибку, свойственную исследователям административного устройства Церкви или приходского управления, которую часто допускают исследователи. Все известные церковные уставы, Кормчие и Номоканы, духовный Регламент, рассматривают Церковь как обычную организацию, но не «принимают во внимание особенность структуры Церкви как установления Богочеловеческого, не учитывается, что главой Церкви является Богочеловек Иисус Христос (Ефес. 1:22)» [11, с. 193]. Далее, он указывает на противоречия, о которых мы упомянули выше, касающиеся написания, истолкования и практической реализации изменений, внесенных на Архиерейском Соборе 1961 года. Внесенные изменения, озвученные и истолкованные Патриархом Алексием I в формате «для умных пастырей», и в духе соборности, как например, в пункте В), звучат вполне безобидно: «приходская община является частью Русской Православной Церкви, а вместе и Вселенской Христовой Церкви,

и имеет самостоятельный характер в управлении хозяйством и финансами» [6, с. 15]. И конечно, как пишет тот же прот. Лозинский: «Только тот приход будет духовно здоровым и жизненно крепким, в котором будут действительно христианские взаимоотношения между причтом и церковным советом, пастырями и всеми членами общины» [11, с. 197]. В Положении записано, что староста действует не самостоятельно, но вместе с членами приходского совета, помощником и казначеем, «избираемым из прихожан правоспособных и доброй христианской нравственности» [6, с. 15]. По мысли прот. Лозинского, староста – слуга прихожан, как и священник, только с иными прямыми назначениями чисто хозяйственно-материального характера. Вмешиваться в духовно-богослужбные вопросы притча, обращаться к народу с амвона, староста не имеет права, о чем записано в пункте «л» измененного Положения, где указано, что «исполнительный орган не вмешивается в распорядок богослужений и в дела взаимоотношений членов притча между собой, а в случае ненормальностей в этих вопросах он обращается к епископу, исключительной компетенцией которого подлежит суждение об этом. При приглашении на работу в храм псаломщиков <...>, вообще лиц так или иначе участвующих в богослужении, исполнительный орган согласует кандидатов на эти должности с настоятелем» [6, с. 17]. Но по существу такого не было. Принятая реформа ломала каноническое и экклезиологическое осмысление соборности и смысла церковной общины. Зная, что в советском обществе, как замечает историк Т.А. Чумаченко, «полностью “растворилась” граница между такими категориями, как закон, постановление, распоряжение, инструкция», трудно было рассчитывать на реальное воплощение написанного. Искажение закона, спущенного на места в виде негласных инструкций, «инструкции для служебного пользования», «рекомендаций», имело силу закона. Налицо было искажение закона, его превратное истолкование. В связи с такой трактовкой законодательства о религии, заключавшейся в «негласных инструкциях», уполномоченные были переориентированы из чиновников по связям между государством и Церковью в орган, имеющий задачу «ограничения влияния церкви на общество» [17, с. 219]. Именно поэтому партийная номенклатура на местах вынуждена была предоставлять показатели уменьшения количества церквей, сокращения обрядов, ликвидацию святых источников и мест поклонения верующих. Эта политика освящалась, направлялась и оправдывалась идеологическими установками коммунистической партии, обязывающими каждого члена партии «вести решительную борьбу с религиозными предрассудками» [13, с. 6].

В защиту канонического устройства Церкви выступили ряд архиереев – архиеп. Гермоген (Го-

лубев), группа «восьми» и некоторые представители духовенства и мирян – священники Н. Эшлиман и Г. Якунин, миряне Б. Таланов и др. Остальные, а их было большинство, внешне смирились с произошедшими изменениями, которые не могли не вызывать сопротивления у православного человека. Но ненормальность положения сказывалась в повседневной жизни прихода, в конфликтах, которые постоянно являлись ответом на искривление первоначально заложенной традиции.

В лице своих лучших представителей – пастырей и мирян, не смирившихся с положением вещей, верующие всех уровней сопротивлялись системе, которая уже была обречена политически и экономически. Об этом подробно пишет Б.А. Филиппов в «Очерках по истории XX век». «В СССР к началу 1980-х гг., по общему мнению специалистов, прежние формы и методы укрепления и реформирования системы исчерпали себя. Проблема выхода из существующей социально-экономической и политической системы как грозный призрак встали перед Юрием Андроповым и Михаилом Горбачевым» [15, с. 575]. Сознавало крах системы не только руководство страны, но местные органы власти и простые граждане [10]. Ю. Андропов не пошел на трансформацию системы. Но уже во времена Горбачева изменения были жизненно необходимы. Весной 1989 года помощник Горбачева А.С. Черняев записал в дневнике о своем шефе: «Концепции к чему идем у него нет. Заявления насчет социалистических ценностей, идеалов Октября <...> звучат иронически для понимающих. За этим ничего нет» [16, с. 15–16].

Возвращение общества к своим традиционным истокам и религиозным ценностям было делом времени. Один из самых авторитетных западных политологов Ральф Дарендорф, в своем докладе, посвященном трансформации социалистической системы, высказал мысль о том, что демократические институты необходимо создавать не только руководствуясь экономическими и рыночными перспективами, но в первую очередь, созданием моральных ценностей [4, с. 6].

Конечно, партийная верхушка вряд ли прислушивалась к мнению авторитетных людей и думала при этом о смене идеологии. Однако в начале 80-х годов началась подготовка к юбилею 1000-летия Крещения Руси, мероприятия которого, по свидетельству многих исследователей, из узко церковных рамок вышли на уровень государственно-церковного торжества, отмечаемого как в стране, так и по всему миру. М.С. Горбачев перед телевизионными камерами всего мира 28 апреля 1988 г. пожал руку Патриарху Пимену и такими словами определил значение крещения Руси в 988 году: «Это знаменательная веха на многовековом пути развития отечественной истории культуры, российской государственности» [12, с. 262]. Благодаря

авторитету эпохального события, особенно подкрепленному указаниям руководства страны, стало возможно изменение отношения между религиозными организациями и государственными органами на местах. Только количество православных общин в 1988 году возросло более чем на 700. На поместном соборе 1988 года стало возможно принятие нового Устава, который, как подчеркнул архиепископ Смоленский и Вяземский Кирилл (его разработавший), явился в преемственной связи с определениями Поместного собора 1917–1918 гг. Представляя Устав, он подчеркнул, что Устав составлен с учетом сложившейся в Русской Церкви практики как тщательно продуманная система управления, находящаяся в полном соответствии с православной экклезиологией, каноническим правом и церковным строем, а также нынешним гражданским законодательством страны [7, с. 19].

В новом Уставе в части VIII уточняется, что приход является частью епархии РПЦ, говорится, что «Община составляет часть епархии, находится под каноническим управлением своего епархиального архиерея и под руководством поставленного им священника-настоятеля» [13, с. 32]. Настоятелю, кроме вверенных ему обязанностей богослужбных, пастырских, возвращаются «административные обязанности, определяемые его должностью», он же возглавляет Приходское собрание (председатель).

Подводя итоги вышеизложенному, можно сделать вывод о том, что под нажимом партийно-государственной номенклатуры, в обстоятельствах того времени, церковная власть не имела возможности сопротивляться, приняла концепцию государства в отношении изменения своего канонического строя и была фактически отстранена от финансово-хозяйственной деятельности, и во многом, от управления приходами. При благоприятных обстоятельствах краха идеологической системы Церковь вернула подлинный смысл своего многовекового устройства и свои традиции. С восстановлением канонической административной системы, Церковь получила возможность возрождения своих институтов и своей миссии в обществе. Стало возможным восстановление истинного содержания принятых государством законов об отделении его от Церкви, при котором два института, государство и Церковь, получили возможность встать на путь продвижения гражданских свобод, и, в первую очередь, свободы совести, что впоследствии было отражено в 4 статье Конституции Российской Федерации.

Библиографический список

1. Бессонов М.Н. Православие в наши дни. – М.: Политиздат, 1990. – 303 с.
2. Годовой отчет по Костромской епархии за 1971 год. Архив Костромского Епархиального Управления. – 8 с.

3. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). – Ф. р-1033. – Оп. 1 – Д. 59. – 52 с.
4. *Дарендорф Р.* Свобода и социальные связи. Размышления над структурой некоей аргументации. – Die liberale Gesellschaft. Castelgondolfo – Gespräche 1992. Kleti-Gotta, Stuttgart, 1993. – 20 р.
5. Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917-1918 годов. Т. 1 (Кн. 2). Предсоборная работа 1917 года. Акты, определявшие порядок созыва и проведения Собора. – М.: Изд-во Новоспасского монастыря. – 1376 с.
6. Журнал Московской Патриархии (ЖМП). – 1961. – № 8. – 80 с.
7. ЖМП. – 1988. – №9. – 80 с.
8. *Одинцов М.И.* Письма и диалоги времен «хрущевской оттепели» // Отечественные архивы. – 1994. – №5. – С. 25–83.
9. Письмо Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Пимену от прихожан Ивановского Преображенского кафедрального собора. Архив Ивановского Епархиального Управления. 1972 г. – 4 с.
10. *Корниенко Г.М.* «Горбачев был готов на все» // Коммерсант – власть. – 2005. – № 10. – 14 марта.
11. *Лозинский Р.Р. прот.* Пастырь на приходе (вопросы пастырской практики). 1934–1974. – Ярославль, 2011. – 336 с.
12. *Никитин В.* Патриарх Пимен: Путь устремленный ко Христу. – М.: Эксмо: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2011. – 320с.
13. Устав об Управлении Русской Православной Церкви Принят Поместным собором Русской Православной Церкви 8 июня 1988 г. // Религия в СССР. – 1988. – № 9 – 46 с.
14. Устав ЦК КПСС // Сборник выступлений, документов и материалов цикла «КПСС в стенограммах, документах и материалах», 1961-10-17-2. – М.: Госполитиздат, 1962 – 608 с.
15. *Филиппов Б.А.* Очерки по истории России. XX век: Учеб. пособие. – М.: Изд-во ОСТГУ, 2009. – 720 с.
16. *Черняев А.С.* 1991. Дневник помощника президента СССР. – М., 1999. – 336 с.
17. *Чумаченко Т.А.* Государство, православная церковь, верующие 1941–1961 гг. – М.: «АИРО-XX», 1999. – 238 с.
18. *Эдельштейн Г., прот.* Записки сельского священника. – М.: РГГУ, 2005 – 369 с.

Лучников Антон Викторович

кандидат исторических наук
Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского
aluchnikov@mail.ru

Хасин Владимир Викторович

кандидат исторических наук
Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского
hasin1@rambler.ru

ИДЕНТИФИКАЦИЯ СОВЕТСКИХ НЕМЦЕВ НА «ИСТОРИЧЕСКИХ РОДИНАХ» (ФРГ И ПОВОЛЖЬЕ): МИФОЛОГИЗАЦИЯ ЭТНИЧЕСКОГО КОНСТРУКТА В 1980-е – НАЧАЛЕ 1990-х ГОДОВ

Феномен советских (российских) немцев рубежа 1980–1990-х годов представляет собой многогранный, требующий внутренней дифференциации национальный конструкт, осложнявшийся тем, что они воспринимали себя как часть двух государственно-институциональных локусов: ФРГ и территории бывшей АССР Немцев Поволжья. Грани конструкта раскрываются в четырех ракурсах: самоидентификация, восприятие населением исторических Родин (ФРГ и Немецкой поволжской республики), а также восприятие в рамках формировавшихся социально-политических образов и аналогий. Следует констатировать, что этничность советских немцев являлась лишь формой рецепции воображаемого конструкта со стороны различных социальных, культурных, национальных групп. Впрочем, их самоидентификация также была подвижной. Граница этничности менялась в зависимости от конъюнктурных колебаний, внутренних и внешних факторов. Этому сопутствовало размывание классических этнодетерминант: лингвистических, социокультурных, географических и даже фенотипических (как результат смешанных браков).

Создававшийся в результате своеобразный миф коррелировался исключительно внешними детерминантами, которые и формировали столь разнообразные границы этничности. Российские немцы являются показательным примером как конструктивистских теорий формирования этничности, так и прикладных подходов инструментализма в сложной системе политических процессов в позднесоветский период.

Ключевые слова: этничность, советские немцы, межнациональные отношения, репатриация, диаспоры, рецепция, перестройка.

Национальная мобилизация на позднесоветском и постсоветском пространстве является как государственно-институциональным, так и социальным конструктом, по сути, заменившим советский традиционализм в сложной системе самопозиционирования индивидов, относящихся к диаспоральным группам, принадлежность к которым не всегда высоко оценивалась в глазах государства и общества. При этом негативное отношение внутри страны замещалось положительным образом успешных исторических Родин (как, к примеру, у евреев и немцев). Этничность выступает в качестве мифологизированного конструкта, граница которого формируется в среде носителей, в среде непосредственного иноэтничного окружения и рецепции населения их национальных государств.

Восприятие советскими немцами собственной этничности. Необходимо детерминировать и терминологически определить понятие «немецости» как важнейшей составляющей идентичности. Важно определить, какой из аспектов здесь превалировал. Это и культурно-исторический, географический маркер (немцы поволжские, российские, часть советского этнического конструкта с территориальной денотацией в виде поволжского региона), но и в такой же степени социобиологическая категория (немцы по крови, идентичные немцам ФРГ).

Действительно, что же являлось для поволжских немцев исторической Родиной – Поволжье

или ФРГ? С одной стороны, существовала реальная история, включающая в себя могилы предков, топонимику, нарративы рождения, очевидную несправедливость рассеяния и диаспоральности собственного статуса, вызванного репрессивными мерами советского правительства. С другой стороны, консолидация и этническая мобилизация советских немцев после начала процесса интеграции ФРГ и ГДР конца 1980-х гг. не в последнюю очередь происходила на фоне отождествления себя с успехами Западной Германии, как этнического центра, что не уникально. Абсолютно схожие процессы происходили и в среде советского еврейства, консолидирующегося на фоне социальных, военных и экономических успехов государства Израиль.

Немецкая нация в основном сформировалась во второй половине XIX – начале XX веков (в контексте формирования политического и культурного феномена Германской империи), а значит, к процессу этностроительства поволжские немцы не имели отношения. Их этническая идентификация в основном была сформирована в советское время, на различных этапах существования республики немцев Поволжья, а эта идентичность не имеет отношения к общенемецкой.

В позднесоветский период размывание этничности усилилось. Языковая общность российских немцев разрушалась вследствие депортации и диаспорального характера проживания. Большинство активных представителей национального движе-

ния либо родились в местах ссылки, либо попали туда в юном возрасте. Немцы оказались в послевоенный период в удивительной этносоциальной ситуации. Данное положение можно охарактеризовать как «диаспора в диаспоре», с дублированной денотацией понятия «историческая Родина». Именно этим и пытались спекулировать в пропагандистских целях противники восстановления автономии, лишая немцев права на патриотизм и обвиняя в космополитизме.

Советские немцы в данный период находились в сложной ситуации конструирования границ национальной идентичности, с чем и связаны, скорее всего, двойственность самоопределения и колебания внутри данных границ. В ряде случаев, связанных с восстановлением государственности, они трактовали себя как поволжские советские (российские) немцы, но также и как часть общегерманского этноса. Особенно показательна в этом плане активная деятельность общества «Возрождение», наиболее радикальная часть членов которого выступала за немедленное возрождение государственности на Волге, умеренная часть стремилась к восстановлению национально-культурных традиций, понимаемых как базис этничности, и в конечном итоге обе эти части сконцентрировались на репатриации.

Умеренная часть движения, структурировавшись впоследствии в виде национально-культурной автономии, вплоть до настоящего времени в большей степени не восстанавливает специфические особенности различных этнических групп российских немцев, а формирует, по сути, общенемецкую идентичность на основании сконструированного в течение полутора веков современного германского национального эталона. Радикалы же, принеся идею национально-культурной идентичности (со всеми ее аспектами: владением языком, знанием традиций, способностью к рецепции культурной и правовой специфики мест нового проживания и т.п.) в жертву социобиологического примордиализма, создали в современной ФРГ т.н. «русские анклавы».

Образ советского немца в социальной рецепции ФРГ. У немецкой политической и культурной элиты образ советского немца ассоциировался с патриархальным прототипом аутентичного немца. Аграрный патриархальный религиозный тип, остававшийся неизменным с начала Нового времени и утраченный немцами Германии в сложный и неоднозначный период становления новой немецкой нации. Апелляция к этническим германцам была дезавуирована нацистской пропагандой, но ее мог вполне заменить пасторальный образ, построенный на основе конфессиональных коммун и занимающий основное место в политической риторике христианских демократов, доминировавших в ФРГ 1980-х годов. Поэтому и советские немцы воспринимались как законсервированные на

бескрайних просторах степной России артефакты истинной немецкости, а немцы ГДР – как наследие прусского юнкерства, а не продукт социалистических экспериментов [15].

Идеи формирования идентичности на основе этнических, а не политических конструкторов были табуированы в поствоенной Западной Германии как пресловутый «наци-комплекс», но в то же время национализм имплицитно признавался неким якорем в глобальных европейских и мировых интеграционных процессах. В этих условиях легитимность этнической самоидентификации советских немцев в контексте их жертвенного статуса была весьма заманчивой и выражала глубинные потребности общегерманского характера.

Встреча немцев из «национальной метрополии» и советских фольксдойче уже происходила – в период Второй мировой войны. Об однозначном и безусловном положительном восприятии «немцами немцев» говорить не приходится. По мере установления на оккупированной территории гражданского управления этнические немцы проходили тщательную проверку. По степени «чистоты крови» и благонадежности они были разделены на 4 группы. К ним относились как к привилегированной этнической группе (но на оккупированной территории), а при наступлении советской армии происходила их репатриация, в том числе и в принудительной форме. Это говорит о том, что немцы воспринимали их как самих себя.

Это происходило в том числе и потому, что германский национализм всегда был в большей степени политическим. Этнические формы еще с момента создания единого германского государства играли в имперском пространстве не сегрегирующую (как в уже существовавших на то время империях), а консолидирующую роль.

Данная традиция перенесется и в новейшее время, в период третьего объединения Германии, когда процесс преодоления политической раздробленности подавался в этнокультурных коннотациях, как воссоединение немецкой нации. До 1988 г. 2000 мигрантов в год не являлись имагологически значимым фактором, и картина восприятия немцами ФРГ советских немцев складывалась в большей степени не на основе реального опыта взаимодействия, а под влиянием других социально-психологических детерминант [12].

Происходила конвергенция всех внегерманских этнических немцев в единое целое. Безусловно, важность воссоединения ФРГ и ГДР в условиях 1980-х годов была первостепенной, и восприятие немцев ГДР подчиняло, растворяло в себе отношение к советским немцам. Амбивалентное восприятие немцев ГДР как братьев-противников распространялось на советских немцев.

Оно настолько подчинило себе данный образ, что корреляция его с другим, вполне устоявшимся

образом, более адекватным (вследствие большей верификации, большего объема опыта, послужившего для его формирования) – образом советского человека, не проводилась. Это подтверждает тезис, весьма популярный в американской историографии социально-психологической истории ФРГ периода Холодной войны, что этнический компонент, пресловутая «кровь» были важнейшим средством не только политической, но и социальной, и культурной консолидации немцев [8, p. 56–57].

В 1990-е этот процесс только развивался, потому что в интеграции и адаптации советских немцев и т.н. «осси» – восточных немцев, наблюдались схожие черты. В январе 1991 г. председатель землячества советских немцев в Штутгарте Франц Уссельман сказал примерно следующее: «Падение железного занавеса многих друзей нас лишило, а во многих заставило разочароваться» [10, p. 15].

Важнейший мотив, который называли немцы по прибытии в ФРГ, это желание воссоединиться с проживающими в ФРГ родственниками, вообще «быть немцем среди немцев». Вторым по важности фактором был религиозный. Немногочисленные (по сравнению с потоком 1990-х годов) прибывавшие в ФРГ советские немцы были идейными патриотами ФРГ, стремясь интегрироваться в ее общественные структуры. Обозначая собственную мотивацию, они инстинктивно отвечали на ожидания немцев ФРГ, видевших в мигрантах торжество этнической памяти.

Имагологические исследования, проводившиеся в 1980-е годы в ФРГ и становившиеся частью государственной модели политики по отношению к переселенцам, акцентировали внимание на том, что максимальная адаптация в культурную среду возможна тогда, когда репатриант испытывает определенные комплексы по отношению к собственной идентичности и хочет максимально быстро от нее отказаться [8]. По сути, так оно и было, советские немцы, «стеснявшиеся» своей советскости, максимально быстро интегрировались в среду, стараясь быть (или хотя бы казаться) даже большими западниками, чем немцы ФРГ. Так, подавляющая часть репатриантов вступала в ХДС/ХСС, а не, казалось бы, более коррелирующую с личным советским опытом СДПГ [14]. Более того, это служило косвенным подтверждением превосходства западногерманской экономической модели над социалистической, что в условиях раскола ФРГ/ГДР было дополнительным аргументом. Кризис модели государства всеобщего благоденствия, ставший особенно явным в 1980-е годы, требовал легитимации иных способов взаимодействия государства и общества. Советские немцы являлись в этом случае очень удобным маркером и аргументом, с одной стороны, это были этнически родные индивиды, с другой – они испытали на себе влияние советской социальной модели, сознательно отка-

завшись от нее в пользу западной стратегии личного успеха.

Важное обстоятельство – для немцев ФРГ было очевидно и не подвергалось сомнению, что все или почти все советские немцы хотят воссоединиться с исторической родиной (впрочем, подобное чувство характерно в риторике и относительно немцев ГДР), мешают им лишь политические обстоятельства [9].

Поток 1990-х – 2000-х годов собственной, чуждой немцам ФРГ, советско-российской идентичности не стеснялся, адаптируясь (если это вообще происходило) гораздо медленнее. Это сразу сказалось на тональности высказываний относительно «аусзидлеров». Логические пары «русский немец / грубость, невежество, хамское поведение и т.п.» в частности стали одними из наиболее встречаемых в региональной прессе земли Северный Рейн-Вестфалия [14].

Сказывалось накопление критической социальной массы, когда репатрианты являлись не немцами среди немцев, а, по сути, диаспорой, «русскоговорящим обществом в обществе» [10]. Русско-немецкий Центр в Нюрнберге в 2000 году констатировал, что 30 тысяч проживающих в округе русских немцев «образуют маленький город в городе» [8]. Тогда же один из министров земли Баден-Вюртемберг охарактеризовал русских немцев как «наиболее сложных переселенцев, образующих крайне закрытую группу» [13]. Наиболее яркой иллюстрацией служит вызвавшее скандал именование в официальном отчете полиции тюрингского городка Титизее-Нойштадт района расселения русских немцев как «Гетто», подразумевающего высочайший уровень преступности при одновременной закрытости [13].

Немцы глазами поволжского населения: формы этнического деконструирования. Рассматриваемый процесс прошел ряд важных этапов. Первым шагом стала терминологическая дефиниция. В повседневный оборот возвращалось название «немцы – колонисты». Они представлялись как иностранцы, которые по заданию правительства колонизировали пространство. Подчеркивался их временный статус людей, не имевших кровной связи с территорией, а невероятные привилегии по сравнению с русским крепостным крестьянством и стали причиной сильно преувеличенных успехов немцев в развитии сельского хозяйства [5]. К началу 1991 г. восприятие временности колонистского статуса станет в глазах поволжского обывателя аксиомой, маркером немцев как иностранцев.

Следующим этапом деконструкта было доказательство неправомочности самого образования государственности немцев на Волге в 1918 году. Появление автономии рассматривалось, как результат жесткого давления Германии на молодое советское государство, оказавшееся в тяжелейшем положе-

нии, и ставилось в прямую зависимость от несправедливого Брестского мира. Немцы (временный статус которых в глазах современников был доказан) безапелляционно отодвинули русских, татар, угрофиннов, казахов – истинное коренное население [1].

Многогранный структурируемый негативный образ немецкого населения (уже не просто «другого», а «чужого») был дополнен характеристикой о народе с несколькими Родинами. Глубоко интегрированный в советский социальный архетип термин «космополит», негативно детерминировал уже не евреев, а немцев. Все это визуально верифицировалось активной эмиграцией немецкого населения (терминологически определенной, как репатриация на историческую Родину). Теперь национальный компонент дефинировался только в контексте общенемецкой парадигмы.

Одной из важных задач этнического деконструкта являлось отделение этнокультурной группы от территории. Большое количество публикаций было посвящено именно этому. Среди них особое место занимают напечатанные в красноармейской «Новой жизни» публикации, касавшиеся 225-летнего юбилея города Красноармейска в 1990 году [2]. Описывая сложные перипетии основания городов, их непростого исторического развития, авторам удалось не упомянуть немцев. Какой-либо вклад или даже связь немецкого этноса с данной территории вообще не рассматривались. Отделив народ от территории, его лишили исторических дефиниций локального этнического мифа.

Последним этапом формирования негативной этнической коннотации стало придание российскому немецкому этносу не просто чуждого, но и отрицательного характера. Период духовного кризиса, идеологического вакуума традиционно компенсировался сакрализацией памяти о Великой Отечественной войне. Важный момент российской истории, когда индивидуальные, семейные героические практики совпадают с институционально-государственными идеологемами. Это один из основных стимулов консолидации общества в единую группу как на общегосударственном (советский, российский народ), так и на этнонациональном уровне.

Очевидно, что у идеи такой сакральной консолидации есть еще и громадный сегрегационный потенциал. В первую очередь, это лишало немцев «жертвенного» статуса. Наоборот, жертвами общенациональной трагедии становились местные жители. Большая часть населения районов прежнего местожительства немцев состояла из беженцев, прибывших с оккупированных германскими войсками территорий, условно говоря, лишенных немцами своей «малой родины». Поэтому в их интерпретации территория бывших немецких поселений была пустыней. И они, приехавшие на пу-

стыри, облагородили землю. При сформированном синкретизме восприятия образов «поволжского немца» и «немца», интегрированном в сакральный контекст событий войны, происходила специфическая визуализация исторических мифов.

Ассоциативный ряд был очевиден и играл важную мотивационную роль. На этом фоне происходила эволюция вербализованных фобий. На митинге в Степном в январе 1990 года были достаточно специфические лозунги: «Нет русской Волги с немецкими берегами» или «Не продадим 20 миллионов погибших за 20 миллиардов марок». Включались аграрные архетипы, такие как «немцы едят русский хлеб». Постепенно мотивация становилась все более жесткой, примером может быть классическая вербализованная фобия «Немцы опаснее СПИДа». Появлялась инверсивная смена позиций «жертвы» и «злодея»: «мало мы пострадали от немцев, мало вам русской крови». Переходной формой трансформации образа становились такие лозунги и фразеологические конструкты как «вы ненавидите Сталина, а мы ненавидим Гитлера». К осени 1991 года появились откровенно агрессивные призывы, как например «Отстояли Сталинград один раз, отстоим и второй», «Вновь сбросим немцев в Волгу». Сравнения напрашивались сами собой.

Борьба с автономией приобретала в глазах населения сакральный характер, случай, когда все действия оправданы. Аберрация исторической памяти совместила два события, включив механизм активного отторжения. Нацистская агрессия в ВОВ стала тождественной возрождению автономии, а борьба против восстановления немецкой государственности приравнивалась к героическим событиям обороны от нацистской Германии, «отстаивание» права на собственное свободное существование. На фоне немецкой проблемы начались далекие от интернационализма попытки этнической мобилизации русских. Так, ответом на гипотетический национализм немцев, в апреле 1990 года стала создание лексически и фонетически близкой организации «За возрождение русской культуры».

Образ немцев в формирующемся социополитическом региональном ландшафте. Положительная рецепция образа немецкого этноса в Поволжье также была мифологизирована. Российские немцы, как и у противников автономии, полностью ассоциировались с немцами ФРГ. Для части населения, ориентированного на «западные» ценности, немцы были олицетворением современного европейского народа, способного создать «маленькую Европу» на архаичном и консервативном пространстве Поволжья, стряхнуть советское мракобесие партийных элит, что являлось абсолютным мифом. Та республика, которую они хотели восстановить, носила традиционный аграрный характер, да и немцы, которые должны были ее восстано-

ливать, тоже в большинстве своем были сельским населением с традиционным менталитетом, стремившимся осесть на землю. Они не были представителями европейского урбанизированного пространства, носителями либеральных политических трендов среднего класса.

Происходила аберрация образа: советский гражданин с немецким именем и фамилией представлялся практически христианским демократом. Естественно, что и политические деятели прозападной демократической направленности видели в немцах и восстановлении их государственности незаменимый инструмент демонтажа советских структур, замены местной политической элиты, интеграцию во власть в новом богатом европейском анклав, цветущем на западногерманские деньги и демонстрирующем очевидные плюсы ориентации на западные ценности. Такое однозначное отношение создало в глазах местного населения образ демократа – предателя национальных интересов [3].

Так, из номера в номер смаковалось в газетах интервью лидера саратовских демократов В.Н. Давыдова, в котором он эмоционально высказывался за немедленное восстановление РНП [6]. Перепечатывались во всех заинтересованных районных газетах различные идеи демократического пронемецкого общества «Солидарность». Это все больше сплачивало общественный ресурс вокруг элит, создавая ощущение осажденной крепости. Следует отметить, что целый ряд представителей демократического движения, непосредственно проживавших в районах предполагаемой немецкой автономии, старались не выделяться в своих предпочтениях из общей массы населения. Так социал-демократ из поселка Степное В. Уткин дистанцировал местных демократов от защитников идеи автономии. Он создал сложный диаспоральный образ немецкого народа, рассеянного по всем странам мира, но считающего своей Родиной лишь Германию [7]. Вообще, немцы часто маркировались привычными и понятными негативными космополитическими чертами. Ориентированная на Запад либеральная общественность детерминировала этничность советских немцев через социально-политические практики этнических немцев из ФРГ.

Этничность советских немцев являлась лишь формой рецепции воображаемого конструкта со стороны различных социальных, культурных, национальных групп. Впрочем, их самоидентификация также была весьма подвижной. Граница этничности менялась в зависимости от конъюнктурных колебаний, внутренних и внешних факторов. Этому сопутствовало размывание классических этнодетерминант: лингвистических, социокультурных, географических и даже фенотипических (как результат смешанных браков).

Библиографический список

1. Остаемся на прежних позициях // Заветы Ильича. – 1990. – 13 ноября.
2. Подготовка к празднованию 225-летия // Новая жизнь. – 1991. – 2 авг.
3. Позиция Давыдова // Знамя. – 1991. – 25 окт.
4. Плева И.П. Еще раз об истории российских немцев // Заря Молодежи. – 1990. – 17 фев.
5. Репортаж с митинга. Содружеству наций да, автономии нет // Заря. – 1990. – 3 фев.
6. Седьмая сессия народных депутатов облсовета против восстановления немецкой автономии и особое мнение депутатов «Дем. России» // Саратовские вести. – 1991. – 9 окт.
7. Я за единую Россию // Знамя победы. – 1991. – 11 июня.
8. Aussiedler in Deutschland: Akkulturation von Persönlichkeit und Verhalten / Hrsg. Von Reiner K. Silbereisen. – Opladen, 1999.
9. Bade Klaus J. Deutsche im Ausland – Fremde in Deutschland. – Muenchen: C.H. Beck-Verlag, 1993.
10. Hilkes P, Dietz B. Integriert oder isoliert? Zur Situation russlanddeutscher Aussiedler in der Bundesrepublik Deutschland. – Muenchen, 1994.
11. Ingenhorst H. Die Russlanddeutschen. Aussiedler zwischen Tradition und Moderne. – Frankfurt/Main: Campus Verlag, 1997.
12. Ipsen-Petzmeier S., Keiser M. Zuhause fremd – Russlanddeutsche zwischen Russland und Deutschland. – Bielefeld, 2006.
13. Kiel S. Wie deutsch sind Russlanddeutsche? Eine empirische Studie zur ethnisch-kulturellen Identität in russlanddeutschen Aussiedlerfamilien. – Muenster: Waxmann; Vogelsang, 2009.

**БРИТАНО-ГЕРМАНСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ
В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА (1992–1997 гг.)**

Данная статья посвящена конфликту между Великобританией и Германией в вопросах, касающихся построения будущего Европейского союза. Германия обладала наиболее сильной экономикой в Европе и являлась наиболее значимым участником процесса европейского строительства. В то же время стремление Германии к централизации Европейского сообщества наталкивалось на противодействие со стороны Великобритании, которая считала это угрозой для своего суверенитета. В исследуемый период у власти в Великобритании находилось правительство Джона Мэйджора. Премьер-министр открыто заявлял о своем стремлении сделать Великобританию «сердцем Европы». С самого начала Джон Мэйджор взял проевропейский курс, подписав Маастрихтский договор. Однако раскол внутри консервативной партии, обусловленный конфликтом между евроскептиками и евроэнтузиастами, вынуждал Джона Мэйджора корректировать свой внешнеполитический курс и риторику в отношении европейского строительства. В статье рассматриваются основные вопросы британо-германских отношений в 1992–1997 гг., в то время, когда у власти находилось консервативное правительство Джона Мэйджора. В исследовании анализируются разногласия, которые возникли между Соединенным Королевством и Германией при создании основных институтов Европейского союза, подробно рассматриваются позиции Германии и Великобритании относительно будущего Союза.

Ключевые слова: Джон Мэйджор, Великобритания, евроинтеграция, Гельмут Коля, Германия, Европейское сообщество, Маастрихтский договор.

После окончания холодной войны в Европе произошли серьезные изменения. Объединение Германии, падение железного занавеса и свержение коммунистических режимов в странах Восточной Европы открыли новые возможности для строительства единой Европы, которое к тому моменту велось полным ходом. Германия и Великобритания играли в этом процессе особенно значимые роли, оказывая существенное влияние на процессы европейского строительства, по поводу которого этими странами существовали серьезные противоречия.

Цель данного исследования – проанализировать противоречия, возникшие между Великобританией и Германией в вопросах европейского строительства в период нахождения у власти в Великобритании консервативного правительства Джона Мэйджора, выявив факторы, лежащие в основе этих противоречий.

С приходом Дж. Мэйджора на пост лидера консервативной партии и премьер-министра Великобритании происходят серьезные изменения в подходе Великобритании к процессу европейского строительства. На выборах в парламент в 1992 г. консервативная партия одержала победу, получив 336 из 650 мест в парламенте.

В то же время у власти в Германии находилось правительство Гельмута Коля, которое продолжало курс, взятый его предшественниками на создание единой Европы. Стоит также отметить открытую поддержку Г. Колям Дж. Мэйджора во время предвыборной кампании 1992 г. [15, с. 102].

Во время избирательной кампании Дж. Мэйджор заявлял о своем стремлении сделать Великобританию «сердцем Европы». В предвыборной программе консерваторы подчеркивали важность членства Великобритании в ERM (Exchange Rate

Mechanism, или механизм обменных курсов), которое через привязку курса фунта стерлингов к немецкой марке способствовало валютной интеграции Великобритании в европейском сообществе [2].

Таким образом, оба правительства были нацелены на активное дальнейшее взаимодействие в процессе европейского строительства. Однако на момент прихода Дж. Мэйджора на пост лидера консервативной партии внутри нее существовал серьезный раскол между евроскептиками и евроэнтузиастами.

После победы консерваторов на выборах Великобритании взяла курс на более плотную интеграцию в Европейское сообщество. Дж. Мэйджором был подписан Маастрихтский договор, однако он смог добиться для Великобритании ряда привилегий, позволивших ратифицировать договор не в полном объеме. Дж. Мэйджор смог провести ратификацию Маастрихтского договора через парламент только летом 1992 г.

Однако в связи с событиями сентября 1992 г. консервативное правительство Дж. Мэйджора серьезно скорректировало внешнеполитический курс относительно европейского сообщества. 16 сентября произошло резкое падение курса фунта стерлингов, которое позже назвали «черной средой» (Black Wednesday), когда резкое падение фунта стерлингов вынудило Великобританию покинуть ERM, что негативно сказалось на британо-германских отношениях.

События «черной среды» стали серьезным ударом по личным отношениям между Дж. Мэйджором и Г. Колям, которые до этого времени были очень хорошими [11, р. 171]. Разногласия усиливали то, что при попытке удержать курс фунта Банк Англии потерял по разным оценкам от 10 до 15 млрд фунтов стерлингов [13, с. 89].

На конференции консервативной партии в октябре 1992 г. на правительство Дж. Мэйджора обрушился шквал критики со стороны евроскептиков. Норман Теббит, один из их лидеров, потребовал от правительства немедленно покинуть Маастрихтский договор [11, p. 162]. Сам Дж. Мэйджор в своей речи уделил много внимания европейской политике, отметив ее важность для страны. Он пообещал, что Соединенное Королевство не собирается терять свою идентичность в единой Европе и раскритиковал европейское сообщество за чрезмерную централизацию.

Таким образом, несмотря на сохранение внешнеполитического курса, направленного на более активное участие Великобритании в процессе европейского строительства, «черная среда» и усилившийся раскол внутри консервативной партии вынудили Дж. Мэйджора более осторожно подходить к вопросам европейской политики.

16 октября на саммите в Бирмингеме странами-участницами сообщества при поддержке Великобритании была принята декларация, в которой содержался призыв добиваться единства без чрезмерной централизации сообщества, а также уважать культуру и традиции каждой нации [12, с. 27].

В то же время правительство Дж. Мэйджора было вынуждено все более осторожно принимать решения по вопросам европейского строительства, поскольку возникла реальная угроза блокирования его решений из-за позиции евроскептиков среди консерваторов. Об этом писали британские газеты. В частности, *The Daily Telegraph* писала о 40 противниках политики правительства среди депутатов-консерваторов, что могло быть достаточным для блокирования принятия решений [3].

В течение 1992–1993 гг. в британском парламенте продолжался процесс ратификации текста Маастрихтского договора. 4 ноября на предварительном слушании по проблеме ратификации была принята резолюция о продолжении дебатов с перевесом всего в три голоса [12, с. 18]. При этом продолжались призывы со стороны евроскептиков о вынесении проблемы ратификации Маастрихтского договора на референдум.

Однако в итоге Дж. Мэйджору и его сторонникам удалось добиться ратификации текста договора в парламенте 3 мая 1993 г. с 292 голосами против 112 [4, 20 May 1993 vol. 225, p. 381–471]. Основным аргументом противников европейской политики правительства было то, что национальный суверенитет намного важнее, чем экономическая интеграция и выгоды от нее. Один из лидеров евроскептиков, Билл Кэш, выступая на одном из заседаний, заявлял о франко-германском сговоре [01 December 1992 vol. 215, p. 168–237]. Эту позицию поддержал и Н. Теббит, добавив, что данный сговор выражает природу сообщества в целом [4, 30 June 1993 vol. 547, p. 872–920].

Сложности, возникшие в процессе ратификации Маастрихтского договора, наглядно показывают разногласия внутри правящей партии Великобритании. Для сохранения внешнеполитического курса в отношении Европы Дж. Мэйджору пришлось идти на компромисс с евроскептиками, что означало ужесточение риторики в отношении национальных институтов Европейского сообщества, которые формировались при активной поддержке Германии.

Большим ударом для имиджа консервативной партии стало поражение на местных выборах в мае 1993 г. К. Тхекстон утверждает, что данное поражение спасло членство Великобритании в Маастрихтском договоре, поскольку консерваторы испугались дальнейшей потери электората [10, p. 212].

Уровень поддержки премьер-министра Дж. Мэйджора, а соответственно и консервативной партии, среди населения, был достаточно низким. *The Daily Telegraph* приводила цифру в 21%, что ниже даже, чем у М. Тэтчер [8]. При этом на февраль 1991 г., до событий «черной среды», его рейтинг составлял 59% – это был один из самых высоких показателей среди премьер-министров Великобритании во второй половине XX века.

Такой низкий рейтинг говорит о непопулярности внешнеполитического курса правительства Дж. Мэйджора, в котором европейского строительство являлось одним из приоритетов.

Многие британские политики опасались усиления франко-германского союза и превращения его в решающий фактор в деле построения единой Европы. Для разрядки ситуации президент Франции Жак Ширак даже публично заявил, что, несмотря на важность франко-германского сотрудничества в процессе построения единой Европы, ее невозможно будет построить без Великобритании [14, с. 93]. Данный конфликт наглядно демонстрирует опасения Великобритании, что усиление Германии после окончания холодной войны приведет к ее доминированию в Европе, о чем не раз упоминали консерваторы.

По вопросам дальнейшего расширения европейского сообщества Великобритания и Германия сходились во мнении, однако имели разные задачи. Так, Германия поддерживала интеграцию новых стран в сообщество для установления на их территории европейских институтов и порядков [9, p. 161].

Великобритания же стремилась путем принятия новых стран в сообщество противодействовать его централизации. В частности, в парламенте неоднократно заявлялось, что включение новых стран, с которыми Великобритания имеет хорошие отношения, в сообщество поможет отстаивать британское видение будущего Европы [4, 11 July 1994 vol. 246, p. 685–761].

Большое недовольство среди британских политиков вызвали также объемы субсидий, которые

получала Германия от Европейского сообщества. Объединение Германии потребовало больших затрат на интеграцию восточной части в единое государство. При этом правительством Германии и Европейским сообществом оказывалась помощь в этом процессе. К тому же Германия обладала сильнейшей экономикой в Евросоюзе и проводила достаточно сильную экономическую политику. Это довольно часто использовалось евроскептиками в качестве аргументов против Европейского сообщества. К примеру, 30 марта 1993 г. Билл Кэш поднял тему того, что Германия вкладывает огромные инвестиции в страны Восточной Европы, что означает наличие у нее денег, в то время как Европейское сообщество вместе с Великобританией оказывает Восточной Германии финансовую помощь [4, 30 March 1993 vol. 222, p. 160–327].

В 1994 г. состоялось увеличение численности Европейского парламента. Великобритания, Франция и Италия увеличили число своих мест на 6, в то время как ФРГ получила 18 новых мест, что обуславливалось увеличением населения Германии на 17 миллионов человек за счет ее объединения с Восточной Германией.

В целом можно заметить, что негативное отношение к германскому видению будущего единой Европы присутствовало у абсолютного большинства членов парламента. Антигерманская риторика активно использовалась для критики правительства со стороны лейбористов, а также внутри самой консервативной партии. В данных условиях правительство Дж. Мэйджора не могло пойти на компромисс с Германией и было вынуждено продвигать альтернативное видение единой Европы.

Многие британские консерваторы были недовольны изменением в системе подсчета голосов, даже несмотря на увеличение численности представителей Великобритании в Европейском парламенте. Сторонники Дж. Мэйджора апеллировали к увеличению численности британских представителей как к большому успеху на переговорах, в то время как противники придерживались мнения, что, несмотря на увеличение численности представителей Великобритании, изменение системы подсчета голосов недопустимо [4, 30 June 1993 vol. 227, p. 985–1069].

При этом особенно острые споры в британском парламенте возникли по вопросам, связанным с валютной интеграцией и созданием центрального банка. Евроскептики утверждали, что правительство Германии имеет серьезное влияние на Бундесбанк, а значит, сможет точно также влиять на европейский центральный банк [4, 24 March 1993 vol. 221, p. 929–1210].

Особенно напряженным моментом в англо-германском конфликте можно считать выборы нового президента Комиссии европейских сообществ. Срок полномочий Жака Люсьена Жан Делора ис-

текал, и немцы продвигали на этот пост кандидатуру бельгийского премьер-министра Жан-Люка Жозефа Мари Дехане, которого британская пресса уже успела раскритиковать за его программу, основанную на передаче частичного контроля над национальной политикой единому правительству в Брюсселе [6]. Дж. Мэйджор имел отличное представление о будущем Европы, в котором каждая страна будет двигаться своим путем и со своей скоростью [11, p. 165].

Результатом конфликта разных видений будущего Европы явилось наложение Великобританией вето на кандидатуру Жан-Люка Жозефа Мари Дехане. Новые выборы были отложены до 15 июля, а решение Дж. Мэйджора получило полную поддержку в британском парламенте. При этом в ходе обсуждения вопроса звучало огромное количество обвинений и резких заявлений в адрес Германии со стороны как консерваторов, так и лейбористов [4, 27 June 1994, vol. 245, p. 553–567].

Стороны были вынуждены пойти на компромисс, и новым президентом Комиссии европейских обществ стал Жак Сантер, которого поддержал и Дж. Мэйджор. Таким образом, Жак Сантер стал той компромиссной фигурой, которая предотвратила ускорение процессов европейского строительства, на которые Германия возлагала надежды.

Необходимо отметить, что незадолго до выборов президента Комиссии европейских сообществ Германией был введен запрет на импорт британской говядины, который был воспринят Великобританией как попытка надавить на нее при голосовании [15, с. 103]. Во время обсуждения данной проблемы в парламенте представители всех парламентских фракций сходились во мнении о злом умысле Германии при наложении эмбарго [4, 25 April 1994, vol. 242, p. 6–8].

После данных событий можно заметить серьезное ужесточение риторики в адрес Германии, что частично было обусловлено выборами лидера консервативной партии, на которые Джон Мэйджор пошел под давлением евроскептиков. На партийной конференции 1995 г. Джон Мэйджор заявил, что если Европа пойдет по пути федерализации, то Великобритания не станет в этом участвовать [7]. При этом он отметил существенные выгоды от нахождения Великобритании внутри сообщества.

В 1995 г. Дуглас Херд ушел с поста министра иностранных дел. Главной причиной отставки было усиление критики со стороны евроскептиков, которые обвиняли его в том, что все его действия направлены на упрочнение власти премьер-министра [10, p. 224]. Вскоре на его место был назначен Мальком Рифкинд, который являлся компромиссной фигурой между двумя другими кандидатами на данный пост – еврофилом Кенетом Кларком и евроскептиком Майклом Говардом [10, p. 233].

Постоянный поиск компромиссов внутри партии не давал Дж. Мэйджору возможности корректировки внешнеполитического курса относительно Европы в пользу поиска компромисса с Германией. Таким образом, внутривластные причины оказывали ключевое влияние на формирование внешнеполитического курса Великобритании.

Евроскептики также подвергли серьезной критике политику правительства. Так, Питер Тапсел даже заявил, что Германия доминирует в Европе и Великобритании нечего этому противопоставить, вследствие чего выход из сообщества является для Великобритании вопросом выживания страны [4, HPD 20 June 1996, vol. 279, p. 1021–1099].

В 1996 г., в результате крупных убытков животноводческой отрасли от германского эмбарго на поставку британской говядины, Дж. Мэйджор объявил о том, что впредь Великобритания будет вступать в споры и по возможности блокировать любые решения европейской комиссии, пока данное решение не будет отменено [5].

Также стоит отметить, что в 1996 г. правительство Дж. Мэйджора окончательно потеряло контроль над парламентским большинством. Вследствие этого решения правительства стали блокироваться большинством голосов [11, p. 173]. Таким образом, незадолго до выборов в парламент раскол в консервативной партии был настолько силен, что сдерживать его уже не получалось даже у компромиссной фигуры Джона Мэйджора.

Во время предвыборной кампании Джон Мэйджор снова уделил большое внимание европейской политике, однако роль, которая отводилась ей во время предвыборной кампании, была намного ниже в сравнении с выборами 1992 г. В предвыборном манифесте консерваторов содержалось признание Великобритании как мирового лидера и европейской страны. Было также заявлено о формировании единого европейского рынка как одного из главных приоритетов внешней политики, а также о стремлении Великобритании стать центром Европы [1].

Однако, несмотря на все усилия, консерваторы на выборах 1997 г. в Великобритании потерпели сокрушительное поражение, получив всего лишь 165 мест в парламенте.

Период с 1992 по 1997 г. начался со сближения Великобритании и Германии, что было обусловлено стремлением руководства обеих стран к более тесному сотрудничеству в рамках европейского строительства. Среди положительных результатов данного сотрудничества можно отметить подписание и дальнейшую ратификацию Великобританией Маастрихтского договора.

После событий «черной среды» раскол внутри консервативной партии оказал серьезное влияние на формирование внешнеполитического курса Великобритании из-за необходимости поиска компро-

мисса внутри партии относительно своей европейской политики. Даже решая вопрос о назначении Малькома Рифкинда министром иностранных дел, Джон Мэйджор был вынужден пойти на компромисс, назначив его вместо Кенета Кларка, который был известен своей полной поддержкой правительства в вопросах европейского строительства.

При этом необходимо отметить разницу между позициями Великобритании и Германии в подходах к будущему единой Европы. Германия стремилась к построению более централизованной Европы, в которой политика сообщества определялась бы из единого центра, которому была бы передана и часть национальной политики. Великобритания, где среди правящей партии было большое количество евроскептиков, не могла принять это и стремилась к созданию Европы, в которой все государства будут сохранять максимальный суверенитет.

Агрессивная риторика британских консерваторов во многом основывалась на страхах перед доминированием Германии в Европе и была во многом обусловлена исторической памятью.

В целом можно заметить, что, несмотря на хорошие отношения между Джоном Мэйджором и Гельмутом Коелем, а также ориентированность обоих правительств на строительство единой Европы, противоречия между странами носили принципиальный характер, а конфликт внутри консервативной партии Великобритании после «черной среды» 1992 г. не давал Джону Мэйджору возможности скорректировать внешнеполитический курс в сторону компромисса.

Библиографический список

1. Маастрихтский договор: трудности ратификации, поиски решений, перспективы. – М., 1994. – 47 с. – (Доклады Института Европы РАН, № 1).
2. Капитонова Н. Приоритеты внешней политики Великобритании (1990–1997 гг.). – М.: Моск. гос. ин-т междунар. отношений (Ун-т); РОССПЭН, 1999. – 141 с.
3. Имангалиев Р. Новая Германия в меняющемся мире. Международное положение и внешняя политика Германии на рубеже XX–XXI вв. – Казань: Новое знание, 2006. – 252 с.
4. Жоров Е. Экономическая модернизация Великобритании: Новый этап (1990–1997 гг.). – Челябинск: Изд-во Челябинского гос. пед. ун-та, 2010. – 388 с.
5. Young J. Britain and European unity 1945–1999. – L.: Macmillan press, 2004. – 237 с.
6. Theakston K. British Foreign Secretaries since 1974. – L.: Routledge, 2004. – 281 с.
7. Prime Mibisters lowest points // The Daily Telegraph. – 1993. – 4 June. – P. 1.
8. Mr Major's Speech to 1995 Conservative Party Conference // The Rt Hon Sir John Major KG CH: John Major official website [Electronic resource]. –

URL: <http://www.johnmajor.co.uk/page1269.html>
(дата обращения 14.12.2015).

9. *Johnson B.* EC summit call isolates Britain // The Daily Telegraph. – 1993. – 3 June. – P. 4.

10. John Major's Speech to the 1996 CBI Conference // The Rt Hon Sir John Major KG CH: John Major official website [Electronic resource]. – URL: <http://www.johnmajor.co.uk/page840.html> (дата обращения: 14.12.2015).

11. Hansard Parliamentary Debate. 1992 vol 215, 1993 vol 221, vol 225, vol 227, vol 547, 1994 vol 242, vol 245, vol 246, 1996 vol 279

12. *George J.* Maastricht vote handing by thread // The Daily Telegraph. – 1992. – November 2 L. 1992. – P. 1.

13. Conservative Party Manifesto. The Best Future for Britain // The Rt Hon Sir John Major KG CH: John Major official website [Electronic resource]. – URL: <http://www.johnmajor.co.uk/page86.html> (дата обращения: 14.12.2015).

14. *Banchoff T.* The German Problem Transformed. Institutions, Politics, and Foreign Policy, 1945–1995. – Michigan: Univ. of Michigan press, 2002. – 217 с.

15. 1997 Conservative Party Manifesto // The Rt Hon Sir John Major KG CH: John Major official website [Electronic resource]. – URL: <http://www.johnmajor.co.uk/page826.html> (дата обращения: 14.12.2015).

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.09"04/16"

Топорова Анна Владимировна

доктор филологических наук, старший научный сотрудник
Институт мировой литературы им. А.М. Горького,
Федеральное агентство научных организаций (г. Москва)
anna.toporova@gmail.com

ТЕМА ПОКАЯНИЯ У СРЕДНЕВЕКОВЫХ ИТАЛЬЯНСКИХ АВТОРОВ: ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРА

В настоящей статье анализируются способы трактовки темы покаяния в итальянской средневековой литературе. Сначала исследуется жанр проповеди, находящийся на периферии литературного пространства, но необыкновенно важный для понимания средневековой концепции покаяния. Сосуществование двух аспектов – богословского и личного – задает перспективу развития этой темы в собственно литературных произведениях. На примере религиозной поэзии Якопоне да Тоди, Гвиттоне д'Ареццо, «Божественной комедии» Данте Алигьери и трактата «Зерцало истинного покаяния» Якопо Пассаванти прослеживается, как изменяется модальность темы покаяния в средневековой итальянской литературе. У Якопоне да Тоди жизнь и литература не разделены. Его стихи являются средством покаяния, сердечного сокрушения и изменения жизни. У Гвиттоне д'Ареццо жизнь и литература разделены, но идут параллельными путями. У Данте очевидна литературно-богословская модальность изображения покаяния, отвечающая жанру его сочинения, являющегося образцом средневековой суммы. Задача Пассаванти ограничивается строго научным представлением темы, как и полагается в богословском трактате и учебном пособии для проповедников, каковым является его «Зерцало». Так постепенно личный, исповедальный, жизненный аспект уступает место литературному, научному, учебному; непосредственное переживание покаяния заменяется его литературным описанием.

Ключевые слова: тема покаяния, жанр проповеди, итальянская религиозная литература, средневековая литература, «Божественная комедия» Данте.

В средневековой религиозной литературе тема покаяния ключевая, она широко представлена в произведениях разных авторов, жанров, стилей. Прежде чем приступить к анализу собственно литературных произведений, обратимся к жанру проповеди, который, хотя и находится на периферии литературного пространства, является исключительно важным для понимания средневековой концепции покаяния¹.

Ранняя проповедь представляла собой весьма простые по форме обращения к народу с призывами к покаянию и любви к Богу и ближнему. Францисканцы, к примеру, рассматривали свою деятельность как продолжение проповеди Христа, и побуждение к покаянию было одной из наиболее важных ее задач. Так, главной темой цикла великопостных проповедей 1231 г. Антония Падуанского было покаяние. Известно, что после окончания проповеди Антоний и его собратья по францисканскому Ордену до самого вечера принимали исповедь у горожан. В этих и других проповедях Антония понятие покаяния является ядром, вокруг которого развиваются прочие идеи и анализируются цитаты из Священного Писания. Для Антония покаяние – это необходимое условие христианской жизни. Христианин должен осознавать, что он пленник греха и бессилен освободиться от него самостоятельно, без божественной помощи. Христос дает ему благодать покаяния, примиряющую его с Богом. Степень покаяния становится критерием действенности проповеди. Антоний говорит, что истинно кающийся и есть настоящий проповедник, ибо своей жизнью он учит окружающих; служение

проповедника в том и заключается, чтобы самому освободиться от грехов и помочь в этом ближнему.

Антоний описывает драматический процесс покаяния как переход от греховной жизни к жизни во Христе. Кающийся находится на границе двух миров: «Он находится на границах. Две границы – это начало и конец жизни. На них он находится, так как на первой падает в своих глазах, на второй себя самого оплакивает. Но глупый обитает не на границах, но в середине между границами. Поэтому в книге Судей говорится: *Что сидишь ты между двумя границами, слушая бляенье стада?* Середина между рождением и смертью – это суета мирская; стада – плотские побуждения, которых бляенье, т.е. приятные ласки, слушает тот, кто дремлет среди суеты мирской. Но кающийся, на границах живущий, возносит око разума и видит покой счастливой славы, которая была бы благой в телесном прославлении, и землю вечного постоянства, которая была бы наилучшей в созерцании Троицы; он преклонил плечи, чтобы нести на них владычество, т.е. ярмо покаяния, через которое владычествует над самим собой и своими искушениями» [1, с. 121].

Антоний представляет механизм борьбы со страстями и покаяния как экзистенциально важный. Покаяние является для него центром человеческой жизни; его рассуждения на эту тему основываются на личном опыте, и, хотя и написаны «ученым», богословским языком, относятся к жизни, а не к литературе.

Другой средневековый проповедник, доминиканец Джордано да Пиза также рассматривает покаяние как средство преодоления греха, анализу

которого посвящено подавляющее большинство его проповедей. Джордано постоянно говорит о высоте и глубине покаяния, о его абсолютном превосходстве (он сравнивает его свойства со свойствами животных, трав, камней). Только покаяние очищает человека и приближает его к Богу. В одной из великопостных проповедей он уподобляет его ремеслу, которое создает совершенные вещи и выправляет искривленные. От восхваления покаяния Джордано переходит к обличению своих слушателей, пренебрегающих этим сокровищем; он сравнивает ниневитян, покаявшихся от проповеди Ионы, с упорствующими в грехах флорентийцами, не забывая при этом подчеркнуть и роль проповедника: «У тебя есть еще и проповедники: сколько проповедников, а ты беспечен! Можешь ожидать великого осуждения. А если мы подумаем, сколько времени длилась проповедь Ионы, всего несколько дней, а нам постоянно проповедуют! Если подумаем, что именно он проповедовал: “Через сорок дней Ниневия погибнет”, и больше он ничего не сказал, а ты слышишь столь высокие и великие вещи об аде и о рае, чего у них не было; ты слушаешь такие длинные проповеди, со множеством рассуждений, исполненные истины; тебе так тонко и высоко излагают вещи, а ты пребываешь в беспечности» [9, с. 72].

Следуя святоотеческой мысли, он рассматривает покаяние в его трех составляющих: сердечное сокрушение, исповедь, искупление делом, – и особенно подробно останавливается на последней. Если грех делает душу темной, замутненной, нечистой, уродливой, то покаяние ее омывает, просвещает, убеждает, делает красивой, исцеляет и оживляет. В качестве средств для исправления жизни Джордано называет пост, милостыню, молитву, добрые дела, размышления о райском блаженстве, с одной стороны, и вечных муках – с другой.

В целом Джордано да Пиза говорит о покаянии в умеренных тонах и вполне традиционно. Мотив изменения жизни в результате покаяния звучит у него приглушенно. Джордано не воспринимает покаяние как решительный перелом, своего рода катастрофу, за которой следует катарсис и новая жизнь. Когда он говорит о противопоставлении мира материального и мира духовного, то обычно это не связано с покаянием, обозначающим переход от одного к другому, а является лишь констатацией их абсолютного различия.

У Джордано личный аспект покаяния отсутствует. Он говорит о грехах и покаянии как бы со стороны, как если бы он сам не был носителем падшей человеческой природы и, соответственно, греха. Некоторые его рассуждения о покаянии напоминают изложение материала по данному вопросу, предлагаемого в пособиях для проповедников. Порой Джордано описывает покаяние как научный объект, анализирует совокупность его

аспектов, указывает на его достоинства, приводит все относящиеся к теме цитаты и ссылки, не забывает и о конкретных примерах. Он стремится убедить слушателей логическими рассуждениями, доказательствами; его слова обращены к разуму, а не к сердцу (вопреки рекомендациям Григория Великого в «Пастырском правиле»). Характерно, что Джордано говорит о покаянии, в первую очередь, как о способе избежать гнева Божия, а не как о возможности примирения и соединения с Богом. Неслучайно тема Страшного Суда и божественного наказания решается Джордано в ветхозаветном ключе: «око за око», или, как он говорит в одной из проповедей: «... prima si conviene combattere, poi s'ha il premio» [9, с. 107] («сначала надо сражаться, потом получаешь награду»). Если человек не борется против греха, его ожидает неминуемое наказание.

Как мы видим, тема покаяния представлена в проповедях в двойной перспективе: как важнейшее понятие религиозной жизни, как требование, которое необходимо выполнять, и как личный опыт, разделяемый с другими верующими. Таким образом, уже в проповедях присутствуют два аспекта – литературный (или теоретический) и личный, которые четко различаются в собственно литературных произведениях. Исследуем с этой точки зрения некоторые тексты итальянской средневековой литературы.

Якопоне да Тоди (1230 / 1236–1306). У Якопоне да Тоди поэзия предстает как исповедь, как осмысление собственной жизни и средство совершенствования души. Его стихи с поразительной полнотой и искренностью раскрывают его духовный путь: греховную жизнь в молодости, когда «еда, питье ... покой и наслаждения» («lo magniare e lo bere è stato 'l mio deletto, e posare e gaudere, e dormire a lo letto» – «Oì me, lascio dolente»²) составляли ее содержание, обращение к Богу после внезапной смерти жены, на теле которой была обнаружена власяница, вступление во францисканский орден и борьбу против конвентуалов на стороне спиритуалов, тюремное заключение после поражения последних, гневные обвинения в адрес папы Бонифация VIII и затем смиренное принятие своей участи. Недаром вслед за В. Де Бартоломеем [8] его лаударий стали называть личным, подчеркивая исповедальный – в терминологическом значении этого слова – характер его поэзии.

Особенно яркий пример этого являет история создания его лауды «O iubelo de core». Как-то во время Поста Якопоне захотел отведать потроха. Устыдившись своего чревоугодия, он повесил их у себя в келье и страдал от зловония испортившегося продукта. Вскоре на запах в его келью пришли другие монахи, стали насмехаться над Якопоне и, в конце концов, поместили его в отхожее место. В этой-то обстановке Якопоне и сочинил мистиче-

ский гимн удивительной силы, воспевающий соединение человеческой души с Богом: «O iubelo de core/ che fai cantar d'amore! / Quando iubel se scalda, / si fa l'omo cantare; / e la lengua barbaglia, / non sa que parlare; / drento no 'l pò celare / (tant' è granne!) el dolzore» – «O iubelo de core» («О ликование сердца, / ты заставляешь петь от любви! / Когда ликование достигло предела, / оно заставляет петь, / и язык лепечет, / не знает, что говорить; / радость не спрятать внутри / (так она велика)»).

Так действенное покаяние привело Якопоне к стяжанию Божественной благодати. Нередко сила конфликта полярных состояний материализуется в творчестве Якопоне в прениях души и тела. Их непрекращающаяся борьба становится объектом неослабевающего внимания со стороны поэта-монаха. Горестная картина помутнения образа Божия в человеке, в самом себе, вызывает у Якопоне глубокое сердечное сокрушение. Ср. постоянные призывы тела к душе, типа «O душа, покаяйся» («O anima, facciamo penitenza»).

Литература и жизнь у Якопоне не разделены. Его стихи являются способом выражения, анализа, осмысления его чувств, мыслей, жизненных ситуаций, в которых он оказался; но в первую очередь – средством покаяния, сердечного сокрушения и изменения жизни.

Гвиттоне д'Ареццо (1235–1294). Жизнь и творчество Гвиттоне д'Ареццо отчетливо разделены обращением, *conversio*, на два этапа. Гвиттоне начинал как куртуазный поэт и очень быстро достиг всеобщего признания. В 1265 г. он переживает глубокий кризис. Находясь на вершине литературной славы и занимая важные позиции в партии гвельфов, он добровольно удаляется в изгнание после гибеллинского переворота, оставляя жену и троих детей, и вступает в орден радующихся братьев, или воинов Пресвятой Девы Марии. С этого времени Гвиттоне подписывается только как «брат Гвиттоне» и сурово осуждает свои прежние любовные стихи, называя их смертельно ядовитыми.

Во второй период творчества Гвиттоне решительным образом меняет ориентацию: порвав с мирской жизнью, он оставляет свои прежние литературные пристрастия, о чем со свойственной ему обстоятельностью заявляет в программной канцоне «Ora parrà s'eo saverò cantare» («Теперь станет ясно, смогу ли я петь»). Некогда воспевавший куртуазную любовь, теперь Гвиттоне провозглашает новые взгляды на жизнь и на литературу. Куртуазное служение даме он рассматривает теперь как душевную низость, противопоставляя ему божественное служение (сонет «O motto vile e di vil cor messaggio»). Об окончательности выбора Гвиттоне свидетельствует его раскаянье: «Vergognar troppo e doler, lasso!, deggio, / poi fui dal mio principio a mezza citate / in loco laido, dezorrato e brutto...»³ – канцона «Ai!, quant' ò che vergogna

e che dogli' aggio» («Увы! Мне подобает стыдиться и скорбеть, / ибо с начала и до середины моей жизни / я пребывал в отвратительном, бесчестном и ужасном месте»).

Если ранее Гвиттоне писал возвышенным стилем куртуазной поэзии, доводя его до невыносимой ранее изощренности и экспрессии, постоянно прибегая к эксперименту и поиску новых форм и комбинаций слов, звуков, рифм, конструкций, то свой новый поэтический стиль он определяет словом «проповедовать» (ср. его канцону «Giustizia predicare a hom fallace» – «Проповедовать праведность падшему человеку»), и, в самом деле, его стихи второго периода представляют собой не что иное, как стихотворные проповеди.

Центральное место среди его религиозных сонетов занимает цикл, посвященный смертным грехам и противоположным им добродетелям. Цикл имеет симметричную структуру. В первой части оплакивается человеческая склонность к греху, обличаются неведение и «плотское знание», перечисляются основные грехи, каждому из которых посвящено по сонету: гордость, скупость, сладострастие, зависть, чревоугодие, уныние, гнев, тщеславие, малодушие, несправедливость. Во второй части восхваляются добродетели и подлинное ведение и перечисляются соответствующие добродетелей: смирение, щедрость, целомудрие, дружба, умеренность, добрая воля, кротость, милосердие, подлинная слава (в Боге), сила духа, справедливость. Завершается цикл тремя сонетами, суммирующими это противопоставление и возводящими его к более общей оппозиции добра и зла, Бога и дьявола, Рая и Ада. Типологически этот цикл сонетов близок к распространенным в Средние века суммам пороков и добродетелей, создаваемых в помощь проповедникам.

Свое поэтическое и жизненное кредо Гвиттоне выразил следующими словами: «Come al lavorator la sappa è data, / è dato el mondo a nnoi, / non per ghaudere, / ma per esso eternal vita 'quistare» – «Vergogno ò, lasso! Ed ò me stesso ad ira» («Как работнику дана мотыга, / нам дан мир / не для того, чтобы веселиться, / но чтобы через него завоевать вечную жизнь»). И важнейшим инструментом этого является покаяние. Именно благодаря ему Гвиттоне из куртуазного поэта превращается в поэта-проповедника, из гражданина и общественно-го деятеля Ареццо – в монаха ордена радующихся братьев. Жизнь и литература разделены, но идут параллельными путями.

Данте Алигьери (1265–1321). В творчестве Данте покаяние становится литературной темой. Хотя не раз упоминалось, что создание «Божественной комедии» было для поэта актом переосмысления собственной жизни, покаяния и очищения, следует, тем не менее, признать, что литературные задачи стоят перед Данте на первом месте.

«Божественную комедию» принято называть энциклопедией или суммой средневековой жизни⁴. Основной раздел дантовской «суммы» – богословско-этический. А вторую кантику «Божественной комедии», «Чистилище», можно рассматривать как своего рода «сумму покаяния» («*summa poenitentiae*»). Процесс покаяния осуществляется через физическую боль и нравственные страдания. Данте делает акцент на нравственных мучениях, вызванных раскаянием в оскорблении Бога, хотя и физические мучения представлены подчас весьма живописно (вспомним глаза завистников, зашитые железной нитью).

В отличие от Якопоне да Тоди и Гвиттоне д'Ареццо, в дантовском «Чистилище» отсутствует личный аспект покаяния. Данте не описывает свой собственный опыт, а предлагает универсальную схему процесса покаяния. Грешники искупают семь смертных грехов, расположенных в соответствии с делением, представленном в «Моралиях» Григория Великого: гордость, зависть, гнев, уныние, скупость, чревоугодие, сладострастие. Данте, персонаж «Комедии», только зритель, свидетель этого процесса, сам же в нем видимым образом не участвует. Если в «Аде» сильное сочувствие грешникам делает Данте почти что их товарищем, разделяющим с ними грех и наказание (ср. реакция типа: «и он упал, как падает мертвец» [2, V, 142]), то в «Чистилище» Данте в большей степени дистанцирован от насельников этого царства, хотя при входе ангел и рисует ему мечом семь букв P (*peccatum* – «грех»), которые будут исчезать по мере восхождения на холм в знак очищения от соответствующих грехов.

Данте воспроизводит и иллюстрирует богословскую систему: как в сочинениях отцов Церкви, в «Чистилище» грехам противопоставлены добродетели (гордости смирение, скупости щедрость, сладострастия целомудрие и т.д.), примеры которых почерпнуты из самых различных источников – из Священного Писания, истории, мифологии, литературы. Вслед за блаж. Августином и Фомой Аквинским Данте дает богословское объяснение греха как любви, имеющей ложную цель, неправильной, то есть любви к злу; как недостаточной любви к истинному благу и как чрезмерной любви к ложным благам («Чистилище», XVII, 91–102).

Сцена исповеди ангелу в девятой песни символическая и, соответственно, безличная. Как отмечает Т. Ди Сальво, в ней нет ничего интимного и болезненного, скорее, она близка к священному представлению в средневековом духе, это своего рода финальный обряд публичной исповеди в день Страшного Суда [6, с. 150].

Таким образом, очевидна литературно-богословская модальность изображения покаяния у Данте.

Якопо Пассаванти (1300–1357). Трактат «Зерцало истинного покаяния» Якопо Пассаванти

представляет собой всестороннее изложение-раскрытие указанного в заглавии богословского понятия. В основу трактата легли проповеди, прочитанные Пассаванти в церкви Санта Мария Новелла Великим постом 1354 г. Отметим, что слово «зерцало» отсылает нас к средневековому жанру суммы (ср. «Великое зеркало» Винсета из Гове), таким образом, автор претендует на масштабное, систематическое, фундаментальное представление материала.

Основная тема трактата – покаяние, которое автор анализирует в мельчайших подробностях. Он рассматривает природу покаяния, объясняет значение самого термина, перечисляет причины, способствующие покаянию, а также говорит о вещах, отвлекающих от него, анализирует его составляющие: сокрушение, исповедь, исправление. Особое место занимают в трактате рассуждения о гордости и смирении, непосредственно связанных с покаянием.

Трактат сугубо литературен, он свидетельствует о большой эрудиции его автора, постоянно цитирующего Ветхий и Новый Завет и ссылающегося как на христианских, так и на античных авторов. Кроме того, сама структура трактата свидетельствует о глубоко укорененном схоластическом образовании его автора, знакомого с правилами построения проповедей, содержащимися в многочисленных *Artes praedicandi*, сочинениях по искусству сочинения проповедей. Трактат отличается продуманностью и стройностью построения, расчлененностью рассуждений, их четко выстроенной последовательностью и обоснованностью. После определения термина «покаяние» и общей характеристики понятия, за ним стоящего, Пассаванти выделяет пять основных аспектов (он называет их определениями, *distinzioni*), раскрывающих суть этого понятия. Каждое из них, в свою очередь, подвергается тщательной дифференциации, «анатомированию».

Теоретические рассуждения «Зеркала» иллюстрируются многочисленными примерами, которые уравнивают написанную сухим «ученым» стилем теоретическую часть, в живой и яркой форме подтверждают верность высказываемых тезисов. Основная идея трактата – необходимость очищения сердца через покаяние – представлена Пассаванти в очень «жесткой» трактовке: Божественная справедливость требует искупления, и если человек не приложит к нему усилий, его ожидает страшный Суд. В примерах же атмосфера страха и страдания нередко оказывается смягченной упованием на милосердие Божие. В одном примере приводится история монахини-ключницы, оставившей монастырь ради нечестивой жизни в миру. Когда же, по прошествии многих лет, она вновь возвращается в монастырь, чтобы принести там покаяние, обнаруживается, что все это время

ее обязанности выполняла Богоматерь, чудотворная статуя которой находилась в монастыре. (Этот сюжет стал широко известным благодаря пьесе Метерлинка «Сестра Беатриса».) Таким образом, милосердие Божие снисходит к человеческому несовершенству.

В трактовке темы покаяния у Пассаванти личный аспект полностью отсутствует. Это одновременно богословский трактат и учебное пособие, предназначенное для проповедников, в первую очередь. Задача автора ограничивается строго научным представлением темы, и не более того [4, с. 42–45].

На примере сопоставления четырех авторов мы видим, как изменяются способы представления темы покаяния в средневековой итальянской литературе, как постепенно личный, исповедальный, жизненный аспект уступает место литературному, научному, учебному; непосредственное переживание покаяния заменяется его литературным описанием.

Примечания

¹ Подробный анализ см. в [3].

² Стихи Якопоне здесь и далее цитируются по [10].

³ Стихи Гвиттоне здесь и далее цитируются по [7].

⁴ В «Комедии» представлены такие характерные черты жанра суммы, как масштабность и четкая классификация материала, опора на «авторитеты», высокая нравственная цель труда. См. об этом [5].

Библиографический список

1. *Антоний Падуанский св.* Проповеди / под ред. В.Л. Задворного. – М.: Изд. францисканцев-братьев меньших конвентуальных, 1997. – 401 с.
2. *Данте Алигьери.* Божественная комедия / пер. М. Лозинского. – М.; Л.: Худ. лит., 1950. – 579 с.
3. *Топорова А.В.* Проповедь и проповедники в Италии: от Средних веков к Возрождению. – М.: Тезаурус, 2011. – 380 с.
4. *Топорова А.В.* «Зерцало истинного покаяния» Якопо Пассаванти: границы жанра средневековой проповеди // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2011. – № 3. – С. 42–45.
5. *Топорова А.В.* Средневековый жанр суммы и «Божественная комедия» Данте Алигьери // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2014. – Т. 73. – № 3. – С. 69–76.
6. *Dante Alighieri.* La Divina Commedia. A cura di T. Di Salvo. – Milano: Zanichelli, 1991. – 2007 p.
7. *D'Avalle A.S.* Concordanze della lingua poetica italiana delle origini. – Milano-Napoli: Riccardo Ricciardi, 1992. – 1148 p.
8. *De Bartolomeis V.* Le origini della poesia drammatica italiana. – Bologna: N. Zanichelli, 1924. – 544 p.
9. *Giordano da Pisa.* Quaresimale fiorentino 1305–1306 / ed. Critica a cura di C. Delcorno. – Firenze: Sansoni, 1974. – 556 p.
10. *Jacopone da Todi.* Laude. A cura di F. Mancini. – Roma-Bari: Laterza, 1974. – 864 p.

«ПИППА ПЛЯШЕТ» – ТАНЦЕВАЛЬНАЯ, ИГРОВАЯ ДРАМА Г. ГАУПТМАНА

В драме Г. Гауптмана танец составляет внутренний сюжет. Танец – особый вид игры, благодаря танцу постигается игровая суть мира и человека. В тексте драмы такая игровая суть проявляется через два танца красивой девочки Пиппы и уродливого старого Гунна. Характер этих танцев различен. В первом сквозит то, что составляет, с точки зрения Г. Гауптмана, саму основу игры – непосредственность, легкомыслие, радость, веселье. Во втором танце главным оказывается напряжение, страдание, сердечная боль. По ходу действия драмы становится ясно, что бытие обоих танцев не является истинным. Главным оказывается предполагаемый третий танец – он нескончаем, подвластен ритму и движениям вселенского мимезиса. Танцующая Пиппа отныне будет сиять в слепых очах своего спутника Гельригера. Девочка не уходит в темноту, в ночь смерти, как полагал Гунн. Напротив, она приобретает новое танцевальное бытие, не нуждается больше в партнере для исполнения танца. Так Гауптман символически репрезентирует танцевальное, игровое деяние вечного мироздания.

Ключевые слова: танец, игра, энергия, моделирование, приглашение.

В пьесе Гауптмана «А Пиппа пляшет» речь идёт о девочке Пиппе, которая исполняет в таверне танец со стариком Гунном, и он, пользуясь всеобщей суматохой (дракой картёжников), похищает её. Молодой человек Михель Гельригель спасает Пиппу, они пытаются перейти через горы, попадают в дом Вана – мифического существа, как сказано о нём в ремарках, где их вновь настигает Гунн. Они с Пиппой вновь исполняют танец, последний для них – Гунн и Пиппа умирают, Михель слепнет и уходит в мир, играя на окарине скорбную песню.

Как видно, пьесу Г. Гауптмана венчают два танца, исполняемые девочкой Пиппой и стариком Гунном. Природа этих танцев в высшей степени разнообразна: весёлый танец в таверне сменяется танцем смерти в хижине Вана. Вполне закономерен в связи с этим круг вопросов: с чем связано подобное танцевальное разнообразие, в чём причина столь противоположного исполнения, наконец, почему именно танец составляет так называемый внутренний сюжет пьесы. Как писал Х. Гадамер, вопросы, задаваемые тексту «нас настигают, спрашиваются, от них невозможно уклониться, <...> они выталкивают в сферу открытого» [1, с. 430–431]. Такой открытой сферой можно считать в данном случае танец.

Танец для Гауптмана – особый вид игры. Игра, укореняясь в самой себе, порождает саму себя, соотносится со своим происхождением и может трактоваться в контексте осмысления подлинности бытия в целом. Таковым становится танец, посредством которого в драме Гауптмана непостижимое (танцующая девочка Пиппа, сделанная из стекла, как уверяет Гунн), обретает плоть и кровь, наполняется зримой красотой, являет себя в качестве творения, создания человеческого духа и в то же время само творит мир красоты и искусства. Благодаря танцу постигается игровая суть мира и человека – малышка Пиппа играет танцуя, моделирует действительность и себя саму. Подобное модели-

рование репрезентируется Гауптманом в качестве вселенского игрового мимезиса, являющего свою уникальную многозначность в драме «Пиппа пляшет» через два танца красивой девочки и безобразного Гуна.

Гауптман подробно описывает танец. Вначале, как и полагается, должно быть приглашение на танец. Гунн (страшное, первобытное существо, весь в лохмотьях, глаза красные, слезящиеся, почти ничего не может говорить, речь как таковая отсутствует, издаёт временами какие-то звуки) смотрит на Пиппу. Он поднимает локти вверх, напоминая при этом орла, покачивающегося на перекладине, как указывает Гауптман в ремарках. Танец-игра делают человека значительным, величественным, недаром Гунн сравнивается с орлом – благородной птицей, любимцем Зевса. Пиппа принимает приглашение на танец, он похож на детскую игру в догонялки. У каждого есть своя роль: Гунн – медведь, он должен поймать бабочку Пиппу, поймать, подчеркивает Гауптман, нечто красивое, замечательное. Задача Пиппы – ускользнуть от Гунна, когда ей это удаётся, девочка смеётся, взвизгивает. Иногда Гунн хватает её, но Пиппа вырывается, вертится вокруг, наматывает на себя свои золотые волосы.

Главное в танце – «ренессансная детскость», как писал немецкий драматург, непосредственность, простое божественное легкомыслие, что и составляет, по Гауптману, саму сущность игры [4, с. 715]. Через божественную легкомысленность танца и происходит трансцендентное включение во всеобщий игровой процесс. Танец Гунна и Пиппы незримо выводит их за пределы таверны, позволяет им внутренне слиться с мировой игровой реальностью. В ней главным оказывается ощущение праздника, который «возвышается как нечто необычное, <...> подобен маяку, озаряющему будни жизни, <...> функция праздника репрезентативная, заменяющая» [4, с. 395]. Действительно, благодаря танцу-игре Пиппы и Гуна неприглядная атмосфера таверны отчасти нарушается. Яркое

танцевальное действо невольно заставляет почти всех приобщиться к праздничному ритму, почувствовать особую жизнь в прекрасных и грациозных телодвижениях Пиппы и Гунна. Как пишет М. Каган, «игра – это очеловечивание человека. <...> В игре происходит становление культурного существа» [2, с. 215]. Такое «очеловечивание» касается как гостей таверны, так и непосредственно участника танца – Гунна. Лишь благодаря танцу с Пиппой он внутренне меняется, его «первобытность» исчезает, он, используя образное сравнение Ф. Ницше, сбрасывает личину льва и становится ребёнком.

Однако и сама прекрасная малышка Пиппа не может плясать одна, для танца ей нужен партнёр, причём именно такой, как страшный Гунн. Лишь с ним, а во многом и благодаря ему, красота и прелесть танца Пиппы проявляют себя более весомо и наглядно. Противоположные игровые танцевальные партии (красота и безобразие, мрак и свет, низшая пещерная первобытность и дивная высочайшая венецианская ренессансность) должны вступить в глубокий и прочный союз. Его сущность танцевально доказывается: через язык жестов и пантомиму соединяется несоединимое – грациозная девочка и неуклюжее существо, лишь отчасти напоминающее человека. Они становятся танцевальными партнёрами, танец не имеет смысла без них обоих, необходимо их общее танцевальное сплочение, лишь тогда танец приобретёт общую игровую всеобщность и смысловую единичность. Задача ребёнка, коим через танец с Пиппой становится и страшный Гунн, – играть, танцуя всю жизнь, иначе произойдёт самое страшное – он выйдет из игры, станет серьёзным, перестанет танцевать. В этом и состояла ошибка Гунна, он привносит серьёзность в игровое танцевальное действо – похищает Пиппу, хочет навсегда сохранить её при себе (по тексту драмы – уносит в свою убогую хижину).

Гунн действует интуитивно, под влиянием минуты, его побуждения спонтанны и хаотичны – воспользовался всеобщей суматохой, дракой гостей в таверне. Тем самым Гунн покидает игровое поле, которое прежде разделял вместе с Пиппой. Девочка не может больше танцевать – она слишком испугана. Гунн тоже не думает больше о танцевальных па, он озабочен сокрытием Пиппы, сохранением её для себя самого. Танец предполагает иное – раскрепощение сознания, своеобразную открытость души, желание через танец понравиться миру и себе самому. Подобное возможно только в игре, в танцевальном ритме, в жестах и хореографии, иными словами, в высококультурных действиях мусического искусства. Оно доставляет радость всем, в первую очередь, участникам танца, партнёрам по танцевальной игре. В тот миг, когда чувство удовольствия исчезает, ему на смену при-

ходит страх и отчаяние, мир меняется, танцевальной игре в нём нет места.

Нетрудно увидеть, что тёмная суть Гунна стремится к духовной светлости Пиппы, не случайно Гауптман определял атмосферу драмы как «движение из глубокой ночи в широкую сферу света» [3, с. 341]. Но столь естественное стремление не может вершиться силой и физическим напором, возвращение из ночи в свет происходит только через игровой порыв, через танцевальную причастность целому. На основании подобной причастности и возможен хрупкий союз противоположных сущностей, их причудливое танцевальное единение, общий ввод и вход во вселенский игровой мимезис.

Г. Коллер, размышляя о сути и значении мимезиса в древней литературе, подчёркивает его теснейшую связь с танцевальным действием. Мимезис исполняется, считает Коллер, представляется посредством танца, иными словами, мимезис – это неразрывное единство, всеобщее действо танца, музыки и слова. Мимезис – это изображение, выражение, глобальное священное действо [6, с. 34]. Кажется, нечто подобное происходит с появлением Михеля Гельригера. Он спасает Пиппу, уводит её от Гунна, благодаря владению особым видом игрового мимезиса – словесному выражению и музыкальному сопровождению. Так, неожиданное появление Гельригера сопровождается, как указывает Гауптман в ремарках, переживаниями музыки («während die Musik noch immer zunehmend ebbt und flutet») [5, с. 120]. Михель играет на окарине, проливается океан света, он начинает струиться с кончиков пальцев Гельригера («..der Lichtozean aus dem heißen, goldenen Krug sich ergießt») [5, с. 127]. В комнате постепенно становится всё светлее, в ремарках сказано, что со светом, вспыхнувшим на кончиках пальцев Гельригера, звучит музыка, она всё более усиливается, как бы подтверждая правильность решения детей – начать новую жизнь, покинуть тёмную хижину Гунна, отправиться в другой мир, обрести широкое, светлое, музыкальное, игровое пространство.

Оно, однако, лишено танцевального ритма. Гельригер сам по себе не может быть танцевальным партнёром Пиппы, отсутствие страшного Гунна сказывается на танце, вернее, на невозможности его осуществления. Гельригер становится спутником Пиппы. Девочка, бесспорно, тянется к Михелю, он ближе ей, понятнее, чем нелепый Гунн. Но его отсутствие парадоксальным образом лишает бытие Пиппы смысла – она не танцует. Гельригер может предложить ей лишь отражение, которое само по себе, конечно, прекрасно, но не может наполнить жизнь Пиппы. Гипнотический сон Михеля, в который его погружает Ван, является ярким тому доказательством.

Гауптман посредством введения гипнотического сна в драму позволяет Михелю осознать все-

общую отражательную функцию мира – увидеть отблеск некоего сада, в котором растут мраморные цветы, отражающиеся в свою очередь вместе с белыми колоннами в бездонной зелёной глубине. Интересен сам процесс гипноза, он проводится Ваном на сказочно-игровом уровне: Пиппа водит пальчиком по краю венецианского кубка, вместе с Ваном они поют песню о пути-дороге («Fahre hin, fahre hin, kleines Gondelschiffchen») [5, s. 146]. В полном согласии с задачами гипнотического сна, в котором главным является внутренняя логика вопросов и ответов, Ван спрашивает Михеля, что он видит, где он, куда плывёт, Гельригер старается рассказывать полно, ярко и красочно. Он воспринимает больше, чем в состоянии постичь человеческая душа («...als eines Menschen Seele je erfassen kann») [5, s. 146]. Гельригер не знает, спускается он на гондолочке – корабле вниз, или поднимается вверх, главное в его путешествии – это сад, в котором Гельригер замечает великолепное отражение мраморных цветов, дрожь белых колонн в зелёной глубине («In blauen Flzten spiegeln Marmorblumen sich, / und weise Säulen zittern im smaragdnen Grund») [5, s. 147]. В данном случае можно вести речь об одном из ключевых понятий драматургии Гауптмана – Фата Моргана. Бесспорно, Фата Моргана связана с иллюзией, является её разновидностью. Однако между ними есть существенная разница. Фата Моргана – это отражение, прекрасная видимость, что и составляет, по Гауптману, смысл человеческого существования, «обволакивает прекрасными грёзами блуждающую душу. <...> Фата Моргана непригодна для того, кто ищет реальный источник, но прекрасна для тех, кто поклоняется силе отражения. Фата Моргана – это возможность самой жизни, возможность духовного становления» [3, s. 350].

Михель Гельригер отныне хочет жить вместе с Пиппой лишь в городе своих снов, в сладкой грёзе с её ослепительным отражательным эффектом. Гельригер считает, что лишь в величии отражения его бытие и бытие Пиппы приобретает значительность. Отчасти это действительно так. Однако отражение, отблеск отблеска, должно, по Гауптману, впитать в себя танцевальный ритм, проникнуться танцем, связать воедино свет и тьму, радость и боль, красоту и безобразие. Гауптман так строит повествование, что становится ясно: образы из гипнотического сна переходят в бодрствующий мир отражений. Доказательством служит второй танец Пиппы и Гуна.

Это танец-страдание, вакхический танец. В последнем действии Гауптман в полной мере демонстрирует всеобщее игровое действие вселенского мимезиса. Он вершится через культ слова, танец и музыку, представляет тем самым истинное праздничное цельное деяние, которое, как писал Карл Кереньи (1897–1973), всегда является вещью

в себе. Благодаря жанровой игровой интенции соединяется то, что доселе было разъединено – слово, музыка, танец. Михель и Пиппа нарушили запрет Вана. Он, оставляя их одних на некоторое время, настоятельно требовал, чтобы Пиппа не танцевала с Гуном, велит Михелю охранять её. Однако охрана малышки Пиппы в данном случае напрямую связана с новым её творением. Танец – это огонь в печи, как говорит Гунн, он, танцует с Пиппой, делает стекло, девочка происходит из стеклоплавильной печи, поэтому она должна плясать, зажигая, чтобы у людей был свет («Ich mache oo Glasla!..ich tanz mit dir! ...d'r Feuerluft rumtanza...daß das Madl aus'm Gloasufa stammt...doab a weng lichter wird...zind uff! zind uff!») [5, s. 156]. Пиппа, пронизанная в тексте Гауптмана световыми, огневыми метафорами, непрестанно развоплощается и воплощается вновь. Для доказательства материального бытия таких разнородных, но единых в своей сущности процессов, девочке необходимо танцевать. Танец – это её суть, её жизнь, невозможность танца влечёт Пиппу в темноту, в мир небытия.

Пиппа невольно устанавливает прежний танцевально-игровой контакт с Гунном – кладёт ему руку на грудь. Подобный жест, хотя и произведённый невольно, может рассматриваться как приглашение на танец. В первом действии подобное приглашение исходило от Гунна, теперь Пиппа не в состоянии противиться внутренней потребности, связанной с желанием танцевать. Танец находится под запретом, Пиппа не должна танцевать, иначе она погибнет, но способ бытия Пиппы – это танец, она не может не танцевать.

Пиппа просит, чтобы Михель плясал вместе с ней, но в то же время удерживал её от танца («Michel, tanze mit mir!... haite mich fest, ich will mich tanzen.. Ich muss tanzen, sonst sterb ich») [5, s. 158]. На взгляд Гельригера в танце не может быть ничего дурного, он не понимает, почему бы Пиппе не танцевать, советует ей наплясаться вволю. Танец важен, как правильно понимает Михель, и самой девочке, и Гунну, находящемуся в данную минуту на пороге смерти («Warum soll man ihm nicht zum Tanze aufspielen?!...Tanze drauflos und tanze dich aus! Es ist noch lange das Schlimmste nicht froh sein mit den zum Tode Betrübten!») [5, s. 159]. Гельригер начинает играть на окарине, придавая тем самым праздничность великому игровому мимезису, в котором противоположности слиты воедино.

Пиппа сейчас танцует иначе, чем раньше. В первом действии, как показывает Гауптман, в танце сквозило радостное возбуждение и божественное легкомыслие, а в последнем танце главным оказывается страдание. Ранее Пиппа легко порхала, теперь же её движения мучительно-плавные, в них сквозит нечто судорожное, божественный танцевальный экстаз сменяется дикой плясовой вакханалией. Во время танца Пиппы и Гунна из недр

земли раздаётся гул, слышны раскаты грома, звон подземных литавр – посредством сильных шумов и страшных звуков раскрывается метафизическая изнанка бытия.

Игра мира, в которую изначально были вовлечены дети и Гунн как первобытное существо, проявляет себя в полной степени. Это игра экзистенциальная, связанная неуловимыми переходами жизни в смерть и смерти в жизнь. Кажется, что Пиппа покидает этот игровой, танцевальный мир – по тексту драмы Гунн умирает, он раздавил стеклянный стакан, говорит, что он делает стекло и разбивает, теперь Пиппа уйдёт с ним в темноту («ich mach se und schloa se wieder azwee! Kumm - mit - mir - eis - Dunkel, - klennes Fünkla») [5, s. 159, 160]. Михель Гёльригер слепнет, его Ван обручает с тенью Пиппы. Подобное обручение далеко не случайно. Танцующая девочка отныне будет вечно сиять в слепых очах Гёльригера. Она не уходит в темноту, как полагал Гунн, напротив, своим вечным танцевальным сиянием рассеивает темноту в слепых очах Гёльригера. Пиппа теперь, на основании своего нового танцевального бытия, не нуждается больше в партнёре для исполнения пляски, она приобретает статус метафизического светового проводника Гёльригера.

Девочка Пиппа и слепой музыкант Михель, окончательно отрешившись от раздражающего воздействия мира физического, перешли в истинный мир Фата Морганы, мир нескончаемого праздничного танца, примкнув тем самым к игровому вечно-

му движению вселенского мимезиса. Михель становится слепым ясновидцем («blinden Sehers») [5, s. 163], он путешествует по миру со своей принцессой Пиппой, играет на окарине скорбные песни и рассказывает всем о своём водяном дворце. Финал пьесы «Пиппа пляшет», вопреки внешней кажущейся очевидности (смерти Пиппы, слепоте Михеля), можно рассматривать, как в высшей степени трансцендентный – жизнь вопреки очевидности представляется светлой и радостной. Подобную жизнь может, считает Гауптман, творить тот, кто интуитивно овладевает искусством вселенского мимезиса, постигает его тайную суть – танцевальную, игровую основу.

Библиографический список

1. Гадамер Х.Г. Истина и метод. – М.: Прогресс, 1988. – 699 с.
2. Каган М.С. Философия культуры. – СПб., 1996. – 415 с.
3. Hauptmann G. Das Buch der Leidenschaft. – Berlin: Fischer Verlag, 1976. – 450 s.
4. Hauptmann G. Tagebuecher 1897–1905. – Frankfurt am Main: Propyläen, 1985. – 790 s.
5. Hauptmann G. Pippa tanzt // G. Hauptmann. Ausgewählte Dramen in vier Bänden. – Berlin: Aufbau-Verlag, 1952. – В. III. – S. 97–163.
6. Koller H. Die Mimesis in der Antike. Nachhmung. Darstellung. Ausdruck. – Berne: Franke, 1954. – 235 s.

Чекалов Кирилл Александрович

доктор филологических наук, профессор
Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН (г. Москва)
ktchekalov@mail.ruДОКТОР КАРРЕЛЬ И «ВАЯТЕЛИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПЛОТИ»
В ТВОРЧЕСТВЕ ГАСТОНА ЛЕРУ*

Лауреат Нобелевской премии в области физиологии и медицины за 1912 год французский хирург Алексис Каррель (1873–1944) прославился в первые годы XX века как автор операций, связанных с трансплантацией человеческих органов. В статье прослеживается воздействие экспериментов Карреля на французскую массовую литературу «прекрасной эпохи», тесным образом связанную со злободневной социально-политической и научной тематикой (запечатленной на страницах тогдашней периодики). К рассмотрению привлекаются остросюжетные произведения крупнейшего мастера популярного чтения начала XX века – Гастона Леру: первые две части романного цикла «Шери-Биби» (1913), роман «Человек, вернувшийся издалека» (1916) и дилогия «Кровавая кукла» и «Машина-убийца» (1923). Однако первопроходцем здесь можно считать Гюстава Леруэжа, автора романа «Таинственный доктор Корнелиус» (1911–1912). Показано, что тема трансплантации органов осмысливается писателями как сквозь призму устойчивых литературных топосов (зомбукулус, вампир, безумный учёный и пр.), так и на фоне характерной для рассматриваемой эпохи апологии рационального научного познания и постепенного вытеснения оккультных интерпретаций проблемы потустороннего мира. В сопоставительном плане к рассмотрению привлекается шокирующий фильм Жоржа Франжю «Глаза без лица» (1959), тесным образом связанный с поэтикой «прекрасной эпохи».

Ключевые слова: Гастон Леру, роман, газета, массовая литература, «прекрасная эпоха», трансплантация, эстетическая медицина, реинкарнация, воскрешение, анорид.

Лауреат Нобелевской премии в области физиологии и медицины за 1912 год французский хирург Алексис Каррель (1873–1944) прославился в первые годы XX века как автор операций, связанных с трансплантацией человеческих органов, переливанием крови и сшиванием сосудов и тканей. На потомка лионских ткачей Карреля в молодые годы произвела сильное впечатление трагическая гибель президента Франции Сади Карно от руки террориста Казерио (июнь 1894 года); тяжело раненного президента не смогли спасти из-за того, что тогдашние медики не владели техникой сшивания сосудов. Тогда Каррель блестяще освоил мастерство шитья, имея в виду перенести соответствующие приемы на хирургию. Свои методы он впервые изложил в 1902 году на страницах журнала «Lyon médical» [8, р. 19]; соответствующая статья принесла ему широкую известность, однако получить место в лионской клинике ему никак не удавалось, и Каррель принял решение отправиться работать в США. Там он работал в рокфеллеровском Институте медицинских исследований; в 1909 году он проделывает операцию с переливанием крови грудной трехдневной девочке и становится еще известнее. В 1912 году Каррель стал вторым из французских, удостоенным престижной премии Нобеля. Между тем, поскольку Каррель трудился тогда в американской лаборатории, возникла любопытная коллизия: американцы сочли премию своей. И всё же газета «Matin» в номере от 11 октября имела все основания озаглавить соответствующую статью «Победа французской науки». (Ранее, в 1908 году, на страницах этой чрезвычайно популярной газеты

печатались записки Джона Рокфеллера, где довольно подробно излагались эксперименты Карреля.)

Призванный во время Первой мировой войны на фронт, Каррель спас жизнь множеству раненых, а в послевоенные годы продолжил работать в Институте Рокфеллера. Во Францию он вернулся лишь в 1939 году; сотрудничество с режимом Виши стоило ему упреков в коллаборационизме (хотя речь шла исключительно об организации медицинских учреждений); начавшееся расследование ускорило уход из жизни знаменитого ученого, который умер 5 ноября 1944 года от инфаркта. Кончина Карреля была встречена многими печатными изданиями не слишком сочувственно; «Юманите» в своем некрологе даже назвала его «шарлатаном от науки», опозорившим французскую интеллигенцию сотрудничеством с «бошами» [9, р. 14].

Не выказывая никаких симпатий ни к нацизму, ни к коммунизму, Каррель в то же время не был чужд философско-политической рефлексии и выпустил книгу «Человек – неизвестная величина» (1935), в которой обнаружил свою приверженность принципам евгеники. Мы встречаем в книге, в числе прочего, следующий пассаж:

«Убийцы, грабители, похитители детей <...> должны быть умерщвлены гуманным и экономичным образом в небольших, предназначенных для эвтаназии учреждениях, где следует использовать соответствующий газ. Подобные же меры могут быть с успехом применены в отношении умственно отсталых лиц...» [4, р. 388].

С учетом такого рода высказываний Каррелю стали вменять в вину профашистские взгляды; на него возлагалась ответственность не только за

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 16-44-93517 «Популярно о популярной литературе. Гастон Леру и массовое чтение во Франции «прекрасной эпохи»).

газовые камеры как средство восстановления «этической чистоты», но и за «карательную психиатрию» вишистского периода [9, p. 13].

С конца 1990-х годов наблюдался процесс интенсивной демонизации образа Алексиса Карреля. Расположенные в разных городах Франции и носившие его имя улицы поменяли название; та же участь в 1996 году постигла медицинский факультет в Университете имени Клода Бернара (Лион) [5, p. 297, n. 14]. Между тем многие французские литераторы проявляли большой интерес к научному наследию Карреля, и среди них столь крупный католический писатель-гуманист, каким являлся Поль Клодель (Клодель и Каррель неоднократно встречались в США). В нашей статье мы касаемся исключительно вклада Карреля в развитие хирургии, не касаясь его специфических воззрений, сформировавшихся уже за пределами «прекрасной эпохи».

В контексте повышенного интереса периодической печати к сенсационным аспектам деятельности Карреля нет ничего удивительного в том, что «ваяние человеческой плоти» привлекло к себе внимание многих представителей французской массовой литературы «прекрасной эпохи». Соответствующая литературная продукция вообще была теснейшим образом связана с периодикой; сказанное относится и к тематике, и к фраппирующей воображение поэтике, и к форме публикации – многие произведения предварительно печатались в виде фельетона в «подвалах» газет, в непосредственной близости от тех самых событий уголовной хроники, которые часто становились основой для тех или иных поворотов сюжета. Весьма интересно также, что 16 января 1913 года газета «Le Temps» опубликовала очередной материал об экспериментах Карреля именно в «подвале» одной из полос, под рубрикой «Фельетон»; тем самым остросюжетный роман с продолжением и научная сенсация как бы уравнивались в правах.

Что касается самого термина «ваятель человеческой плоти» («sculpteur de la chair humaine»), то он связывается в первую очередь с романом Гюстава Леруа – «символиста, перекалфицировавшегося в автора популярных романов» [7, p. 9, n. 2] – «Таинственный доктор Корнелиус» (1912–1913). Первый набросок романа был опубликован еще в 1904 г. и именовался «Похититель лица» [6, p. 98]. Главный герой Леруа – он возглавляет могущественную мафиозную организацию под названием «Красная рука» – с использованием новейших научных теорий и медицинских методик осуществляет своего рода «нео-метемпсихоз», то есть обмен телами между преступником Барухом Джорджелом и благородным Джо Дорганом. Однако операция удаётся не полностью, и постепенно сквозь личину Доргана начинает проступать отвратительная личность Баруха. В свою очередь и Дорган, которого Корнелиус постарался полно-

стью лишить памяти и здравого ума, сохраняет присущее его личности обаяние; засомневавшиеся друзья прибегают к помощи рентгеновских лучей и обнаруживают истину. В итоге Дорган в полном объеме возвращает себе и внешность, и личность; Барух же гибнет от руки пособников Корнелиуса.

Американец Корнелиус, с его хищным ледяным взглядом и вполне респектабельной внешностью, – крупный медицинский авторитет и одновременно авторитет криминальный, в современном значении этого слова; обычным лечением пациентов он не занимается вовсе – он возглавляет институт косметической медицины в Нью-Йорке. Однако это лишь верхняя часть айсберга: святилище Корнелиуса – тайная лаборатория на острове Повешенных, в которой наряду с человеческими органами хранятся и подвергнутые своеобразной гибернации тела.

Мы не станем утверждать, что при создании крайне отталкивающего образа Корнелиуса Леру вдохновлялся Алексисом Каррелем; Корнелиус скорее представлен могущественным, но обреченным в конечном итоге на поражение соперником Карреля. Не случайно антагонист Корнелиуса, французский ученый Проспер Бондонна (оппозиция Старого Света, воплощения патриархальных ценностей, и циничного, чреватого криминалом Нового Света проходит через весь роман), еще не зная о криминальной деятельности американского «коллеги», наивно восклицает: «эти люди ни в чем не уступают доктору Каррелю!».

Интересно, что среди друзей Леруа был врач, чье имя несколько перекликается с именем Карреля: «таинственный доктор Феррале», в прошлом служивший при австро-венгерском дворе и ухаживавший за Габсбургами, а затем изгнанный из Вены, обосновавшийся в Париже и открывший на Университетской улице собственный институт эстетической медицины (в первую очередь занимаясь омолаживанием женщин). О Феррале ходили самые феерические легенды. По свидетельству знавшего его писателя Нино Франка, «таинственный доктор» обладал тяжелым магнетическим взглядом и как-то раз намекнул на свой более чем почтенный возраст – он якобы общался с графом Сен-Жерменом [10, p. 1290].

Упоминание о «бессмертном» авантюристе и алхимике Сен-Жермене в связи с «ваянием человеческой плоти» кажется весьма симптоматичным. Эксперименты Карреля, сделавшись материалом уже не только публицистического, но и собственно литературного дискурса, неизбежно ассоциировались у писателей с уже достаточно давно освоенными европейской словесностью традиционными мифологемами и топосами. Возможность осуществить замену поврежденных или пораженных болезнью человеческих органов, формировать своеобразные банки «запчастей» (термин «pièces de rechange» по отношению не только к конечно-

стям, но и к кровеносным сосудам мы встречаем, в частности, в интервью хирурга Пьера Дельбе, опубликованном 16 января 1909 года еженедельником «Revue hebdomadaire») побуждает писателей вспомнить о весьма почтенном мотиве гомункулуса, полностью сконструированного человекоподобного существа; мотив этот, как известно, был блестяще развит Мэри Шелли в романе «Франкенштейн» (1818). К началу XX столетия данный мотив воспринимался в тесной связи с топосом «безумного ученого», который в своей деятельности фактически бросает вызов самому Создателю, отчасти берет на себя его функции и являет собой угрозу человечеству. Конечно, мы имеем в виду в первую очередь уэллсовского доктора Моро (роман датируется 1896 годом), но у него имелись свои предшественники, в том числе и во Франции. Так, Жюль Верн еще в ранней своей новелле «Фантазия доктора Окса» (1872–1874) предложил юмористическую версию этого топоса: тихий сумасшедший Окс перенасыщает атмосферу маленького фландрского городка кислородом, чем вызывает бурный рост всех организмов. Затем в романе «Пятьсот миллионов бегумы» (1879) писатель запечатлел фанатичного расиста доктора Шульце, основателя города Штальштадт, а в последнем своем прижизненном произведении «Властелин мира» (1904) изобразил ранее уже выведенного им героя, гениального изобретателя Робура, впавшим в паранойю.

Внедряясь в указанный культурный контекст, эксперименты Карреля не могли не стать предметом амбивалентного толкования: восхищаясь новыми возможностями становящейся научно-технической цивилизации, писатели ощущали исходящую от нее угрозу – в том случае, если этими возможностями пользуются для достижения корыстных, патологически окрашенных или попросту преступных целей.

Как представляется, существенным импульсом для имплантации идей Карреля в массовое сознание могла стать заметка директора парижского музея естественной истории Леона Перье «Пересадка человеческих органов», опубликованная на страницах журнала «Je sais tout» в августе 1912 года. Этот выходивший с 1905 года журнал универсального содержания печатал на своих страницах статьи научно-популярного характера, интервью со знаменитостями, мемуары, театральные пьесы и массовую прозу (включая и Конан Дойла, и Мориса Леблана, и Гастона Леру). Издатель журнала Пьер Лафит стремился завоевать популярность у самых широких слоев публики, отдавая при этом предпочтение сенсационным, остросюжетным, а то и шокирующим материалам. Что касается статьи Перье, то в ней содержался краткий общедоступный очерк деятельности Карреля, причем упор был сделан на возможность использования для трансплантации органов недавно ушедших из

жизни людей (при условии их сохранения в надлежащей сыворотке и при низкой температуре). Статья завершается оптимистической рефлексией о продлении человеческой жизни, вплоть до грядущей победы над смертью.

Мы уже упоминали о газете «*Matin*», внесшей большой вклад в пропаганду опытов Карреля во Франции. В то же время «*Matin*» самым подробным образом отслеживала и громкие процессы над анархистами, включая убийцу уже упоминавшегося Сади Карно, Санто Казерио. Именно в этой газете долгое время – не менее тринадцати лет – проработал знаменитый представитель популярного романа Гастон Леру, автор «Призрака оперы» и цикла романов о Рультабийле. Как раз Леру, скорее всего, освещал проходивший в Лионе процесс над Казерио (хотя соответствующие материалы публиковались газетой анонимно). А в упомянутом выше выпуске журнала «*Je sais tout*» параллельно со статьей о Карреле печатались самые впечатляющие, заключительные главы одного из романов писателя, «Супруга солнца».

Общеизвестно, что публицистика Леру тесным образом связана с его романной продукцией. Что же касается экспериментов Карреля, то сам Леру на эту тему статей никогда не писал (его профиль – социально-политическая публицистика и театральная критика), но, разумеется, прекрасно владел соответствующей информацией. В его романах отразилось не только хорошее знание публикаций о Карреле, но и стремление придать деятельности знаменитого ученого собственную интерпретацию.

Очевидно, первое из художественных произведений Леру, где затрагиваются эксперименты доктора Карреля, – «Плавучие клетки» и «Шери-Биби и Сесили», первый и второй романы из обширного цикла «Шери-Биби» (главы «???» <так! – К. Ч. > и «Треска по-испански», впервые опубликованные на страницах газеты «*Matin*» в мае 1913 г.). Уже в газетной версии романа, в сноске, приводится полный текст посвященной Каррелю статьи, опубликованной ранее той же в газете «*Matin*» от 9 июня 1909 года [12, р. 167–168]. В статье рассказывается о докладе, прочитанном в Академии наук известным хирургом профессором Самюэлем Поцци, который посетил лабораторию Карреля в Америке и поведал слушателям об успешных экспериментах, связанных с пересадкой органов собаки (в том числе почки и ноги). Здесь подчеркивается, что Каррель нашел способ поддерживать пересаживаемые органы в превосходном состоянии благодаря погружению их в питательные растворы и охлаждению до близких к нулю температур. При этом Поцци, вслед за Каррелем, призывает с большой осторожностью подходить к возможностям трансплантации и не спешить с экстраполированием результатов, полученных по ходу экспериментов над животными, на людей.

Надо сказать, пространные постраничные сноски встречаются и в других произведениях писателя. Так, уже упоминавшийся роман «Супруга солнца» (1912), посвященный опасным приключениям героев в Перу (и временами несколько напоминающий бестселлер Хаггарда «Дочь Монтесумы»), полон наукообразных отсылок к трудам по истории цивилизации инков. Однако чтобы сноска содержала в себе полный текст газетной статьи – поистине уникальный в творчестве Леру случай.

Доктор Каррель возникает в цикле о Шери-Биби совсем не случайно. Действие первой части разворачивается на судне, которое везет каторжников во Французскую Гвиану; в книге царит неповторимая атмосфера, сочетающая свирепые «гулаговские» нравы с ярмарочной (чтобы не сказать карнавальная; см. [13, р. 76]) стихией. Главный герой романа, несправедливо осужденный каторжник Шери-Биби, принадлежит к наиболее колоритным персонажам Леру; устрашающая внешность и выдающаяся физическая сила сочетаются у него с благородством, и всё же, влекомый собственной «планидой» (его любимое восклицание – *fatalitas!*), он совершает одно за другим кровавые преступления. По ходу сюжета Шери-Биби приходится не раз сменить идентичность: поначалу, в результате вспыхнувшего на борту мятежа, каторжники захватывают судно и разыгрывают настоящий спектакль для спасенных ими жертв кораблекрушения (среди них – заклятый враг Шери-Биби маркиз де Туше, женившийся на пылко любимой каторжником прекрасной Сесили). С ролью командира судна Шери-Биби справляется не очень хорошо: то и дело с его языка срываются шокирующие аристократов арготизмы. Но самое главное впереди. Чтобы избежать каторги, отомстить маркизу и занять его место рядом с Сесили, Шери-Биби решает прибегнуть к трансплантации. Прямо на борту ему пересаживают лицо и кисти рук Максима де Туше. Метаморфоза становится возможной благодаря тому, что формы голов Шери-Биби и маркиза примерно одинаковы; это, впрочем, единственная «медицинская» подробность – никаких других деталей в романе не сообщается. Операцию проводит, под покровом ночи, другой каторжник, отвратительный Канак. Он был осужден на десять лет за ранее осуществленную им чудовищную операцию: Канак вырезал длинные полоски кожи у привязанной к постели жертвы; в этой связи в романе содержатся намеки на каннибализм, которые, впрочем, так и остаются намеками. Помощник кока и верный друг Шери-Биби по прозвищу Фисель именует Канак – как бы перефразируя формулировку Гюстава Леру – «пожирателем человеческой плоти» («*mangeur de la chair humaine*» [12, р. 149]), и трудно понять, идет ли в данном случае речь только о фигуральном выражении.

Не в пример сильно связанному с поэтикой «прекрасной эпохи» режиссеру Жоржу Франжю, создателю знаменитой картины «Глаза без лица» (1959), в одном из эпизодов которой псевдодокументальным образом воссоздана пересадка тканей лица (зрелище, от которого некоторые дамы падали в свое время в обморок), Леру воспроизводит это событие отстраненно, «за кадром». Тем не менее читатель в состоянии понять, что операция оборачивается жуткой пыткой; до подслушивающего происходящее Фиселя доносятся лишь дикие вопли Шери-Биби: «Только не руки! Только не руки!» (едва ли не самая знаменитая цитата из романа, которую Луи Арагон ввел в свой роман «Богатые кварталы»).

Операция Канак вроде бы удалась (в отличие от операции, осуществленной профессором Женессье в фильме Франжю и обернувшейся некрозом трансплантированных тканей). Официально Шери-Биби умер и подвергся «реинкарнации» в образе Максима де Туше; однако Фисель, встречаясь с маркизом, узнает на его лице глаза своего друга. Кроме того, каторжник сохраняет собственный голос, фигура же его приобретает несколько искусственный характер, так что хорошо знавший Максима виконт де Пон-Мари восклицает: «ты ступаешь подобно статуе командора!» [12, р. 194]. И все же благодаря своей «реинкарнации» Шери-Биби наконец-то соединяется со своей возлюбленной Сесили. Но тени прошлого неотступно, как рок, следуют за ним: погибший, казалось бы, Канак воскресает в образе элегантного врача Вальтера, пользующего Сесили; Канак шантажирует Шери-Биби и требует в обмен на свое молчание всё состояние маркиза. Двумя ударами ножа Шери-Биби расправляется с Канак (немаловажная деталь: главный герой романа по профессии мясник), но внезапно выясняется, что именно маркиз де Туше и являлся автором ошибочно приписываемых Шери-Биби преступлений. Теперь, чтобы «спасти свое лицо» перед женой и избавиться от преследования со стороны полиции, герою нужно избавиться от приставшей к нему маски. И тогда он устраивает в имении пожар, имитируя собственную гибель в огне, а на самом деле, подобно Фениксу, воскресает из пепла – уродует себе лицо при помощи купороса, то есть возвращает себе прежнюю идентичность, еще больше сближаясь с архетипическим «чудовищем» (мотив «красавица и чудовище» отыгран в ряде произведений Леру, в том числе и в «Призраке оперы»). По справедливому замечанию Д. Блонда, искусственным образом сконструированное, а затем подвергшееся частичной деструкции тело Шери-Биби становится неким аналогом сюрреалистического коллажа [3, р. 25].

Следует отметить, что Максим де Туше – не последнее перевоплощение Шери-Биби. В последнем романе цикла, «Государственный переворот Шери-

Биби» (1925), он предстает в образе чудаковатого торговца орешками (эта скромная «личина» резко контрастирует с его замыслом совершить в стране революцию и привести к власти собственного сына). Но здесь уже речь идет о вполне традиционном переодевании, расхожем нарративном элементе массовой литературы [3, p. 9].

Как видим, собственно медицинские аспекты сенсационной трансформации Шери-Биби интересуют писателя крайне мало; роман погружен в мифологическую стихию, доводя до степени сублимации прием игры идентичностями. В массовой литературе «прекрасной эпохи» своего рода чемпионами в отношении смены масок становятся Арсен Люпен и Фантомас; Леру, на наш взгляд, отчасти полемизирует с Лебланом и тандемом Сувестр-Аллен, наглядно демонстрируя небезболезненность (как физическую, так и, в особенности, нравственную) и роковую неполноту «волшебных изменений милого лица».

Имя Карреля повторно возникает в другом, не слишком известном романе Гастона Леру «Человек, вернувшийся издалека» (первая публикация – журнал «Je sais tout», июнь 1916 – январь 1917; отдельное издание вышло в 1917). Жанр книги можно охарактеризовать как мистический детектив с рациональной разгадкой; Леру подключается здесь к развенчанию оккультных практик – довольно распространенному в период «прекрасной эпохи» явлению [5, p. 98]. Главный герой романа – владелец замка Ла Розрэ Андре де Лабосьер, руководитель предприятия по производству каминных муфт. Отправившись по делам в Бордо и предварительно поручив своих детей и ведение своих дел брату Жаку, Андре таинственным образом исчезает. Проходит пять лет; брат женится на его вдове Фанни; для раскрытия тайны устраивается спиритический сеанс (гувернантка детей Андре является страстной приверженкой спиритизма), и появившийся призрак сообщает, что стал жертвой убийства. Жак раскрывает жене страшную тайну: именно он – убийца брата (Леру развивает здесь библейский мотив Каина и Авеля); вскоре и Жак гибнет при неясных обстоятельствах, но чудо-доктора делают попытку «воскресить» еще не успевшее остыть тело. Самое удивительное, что им это удается! Но и нанесенный пять лет назад Жаком Андре страшный удар мотыгой, как выясняется, был не смертельным... Вполне рациональное объяснение проникнутых мистицизмом событий представлено лишь в самом конце романа и, по правде говоря, несколько скомканно.

Тема воскрешения из мертвых – центральная тема романа «Человек, вернувшийся издалека»; она поворачивается разными своими гранями – библейскими (одна из глав именуется «Если бы только Лазарь захотел поведать нам...»), философскими, медицинскими. При этом Жак до поры весьма скеп-

тически воспринимает саму возможность подобного воскрешения (он еще не подозревает, что вскоре сам станет его объектом). В ответ доктор Мутье извлекает из бумажника пожелтевшую вырезку из газеты «Matin» от 27 сентября 1901 года. В статье под названием «Обед для ученых» речь идет о дружеской встрече французских и американских врачей в Париже, на которой в числе прочих присутствовал и Алексис Каррель. Здесь обсуждались, в числе прочего, проблемы лечения туберкулеза, желтой лихорадки и других смертельно опасных болезней; возможность «вивисекции» казненных на гильотине; в конечном счете высказывалась надежда на грядущее воскрешение людей медицинскими средствами. Выступая на обеде, Каррель отмечал, что ученым прежде всего надлежит неустанно искать способы консервации органов и тканей и разгадку «тайны их оживления»; его тезисы развил в своем выступлении доктор Тюфье (Теодор Тюфье работал в парижской больнице Бажон и поддерживал с Каррелем дружеские связи; сохранилась их обширная профессиональная переписка).

Между тем в указанном Леру номере газеты «Matin» подобной публикации мы не находим; статья о Карреле была напечатана (за подписью Жана д'Орсэ; известно, что под этим фиктивным именем мог скрываться любой из сотрудников редакции) в номере, опубликованном значительно позже указанной писателем даты (выпуск от 17 июля 1909 г.). Примечательно, что операция, которой подвергается после пулевого ранения в сердце Жак де Лабосьер, описана в романе в полном соответствии с теми сенсационными тезисами, которые формулирует в статье доктор Тюфье: «В том случае, если <...> пуля застряла, например, в желудочке, случается, что околосердечная сумка, иначе именуемая перикардом, раздувается, сжимает сердце, которое при этом перестает биться. В этом случае можно проделать в груди “ставень”, надрезать перикард и осуществить массаж сердца. Прекратившаяся было циркуляция крови мало-помалу возобновится. Застывшая в венах кровь устремляется к сердцу и возобновляет движение к периферии. Умерший было человек воскресает! Он снова жив! Он может исцелиться!» [11, p. 757]. Сопоставление цитаты из романа с текстом статьи показывает, что авторское вмешательство здесь ограничивается расстановкой курсива (курсив, как показано в ряде современных исследований, является весьма существенным элементом поэтики Леру).

Перед нами совершенно уникальный в творчестве Гастона Леру случай, когда газетная публикация не только внедряется в повествовательную ткань, но и оказывается проиллюстрированной наиболее эффектным во всем романе эпизодом – с целью достижения «псевдодокументального» нарративного эффекта (в духе уже упоминавшейся сцены операции в фильме «Глаза без лица»).

Не менее значимы идеи Карреля для еще одного произведения Леру, которое есть все основания относить к одной из вершин его творчества. Правда, это произведение (отчасти предвещающее авантюрно-философскую фантастику XX века [1]) создавалось уже в 1920-х годах, то есть формально оно не вписывается в литературную продукцию «прекрасной эпохи», но сохраняет генетическую связь с ней. Речь идет о дилогии «Кровавая кукла» и «Машина-убийца» (печатались на страницах газеты «Matin» в июле-сентябре 1923 года, отдельное издание вышло годом позже). Считается, что основным импульсом к написанию дилогии стал нашумевший процесс над убившим 11 женщин разного возраста и казненным в феврале 1922 года Анри Ландрю. Кроме того, в романе ощущаются отзвуки мистического романа Вилье де Лиль-Адана «Будущая Ева» (1880).

В центре первой части дилогии – исполненная тайн и недомолвок история скромного парижского переплетчика Бенедикта Массона, отличающегося редкостным уродством и безответно влюбленного в свою соседку, красавицу Кристину. Таинственным образом исчезают одна за другой молодые помощницы, которых нанимал Бенедикт для работы в своем загородном доме; прибывшая к нему Кристина становится свидетельницей кошмарного зрелища – Бенедикт сжигает в печке расчлененный труп одной из девушек. Итак, скромный переплетчик оказывается беспощадным серийным убийцей и насильником.

Однако во второй части дилогии вся картина происшедшего радикальным образом изменяется. Обнаруживается, что отец Кристины, чудаковатый изобретатель, часовщик Норбер, при помощи своего племянника, прозектора Жака Котантена, сотворил из природных и современных ему синтетических материалов красавца-андроида по имени Гавриил (библейские ассоциации в романе присутствуют, но выглядят несколько поверхностно, в соответствии с поэтикой жанра). Между тем Гавриил – «машина, для которой прозектор создал арматуру в виде внутренней сети нервов» [2, с. 190], – оставался всего лишь примитивной куклой, вплоть до того момента, когда после казни Бенедикта в его голову был помещен еще живой мозг переплетчика. Теперь уже демонизации подвергается Гавриил – словно бы новая инкарнация убийцы. В конце концов обнаруживается, что ни Бенедикт, ни Гавриил не повинны в приписываемых им преступлениях: убийцей оказывается современный вампир маркиз де Культерэ, «вечно юный в свои сорок (а может, и в две сотни) лет» [2, с. 157] и прибегающий к хирургическому пистолету для высасывания крови из своих жертв. Гавриилу же удается в последний момент «вырвать» Кристину из когтей зловещего маркиза.

Нетрудно заметить, что в этой дилогии Леру весьма искусно соединяет «франкенштейновский»

мотив с «вампирическим», причем маркиз выступает в роли негативного двойника Гавриила. Андроид, который кажется окружающим воплощением inferнального зла, на поверку оказывается не менее трогательным влюбленным, чем страшный Шери-Биби. Надо сказать, образ андроида вообще обрисован в книге весьма нетривиально и даже полемично по отношению к восходящей к Мэри Шелли традиции. При этом Гавриил (как, впрочем, и маркиз де Культерэ!) подчеркнуто соединяет в себе приметы архаики (он облачен в костюм образца XVIII века; кроме того, Леру не забывает напомнить о его генетической связи со знаменитыми автоматами Вокансона) и модерна (вполне современная технология «изготовления» гомункулуса).

Весьма симптоматично, что в первой главе второй части дилогии деятельность Карреля (Леру в этом случае лишает его одной буквы «р») становится предметом обсуждения со стороны парижских обывателей, собравшихся на традиционное чаепитие у мадмуазель Бареска́. Имя знаменитого хирурга уже закрепилось в их сознании благодаря прессе:

«– Карель! Вы же наверняка слышали о Кареле!

– Ну а как же! О нем ведь писали в газетах!

– Это один из тех, ради кого американцы создали Рокфеллеровский институт! Ну так вот! Ему удалось сохранить живое сердце в стеклянном сосуде... Он погрузил его в какую-то только ему известную сыворотку, и сердце это продолжает жить и поныне» [11, с. 496].

Из дальнейшей беседы следует, что обыватели прогнозируют часовщику Норберу большое будущее: «уверяю вас, в один прекрасный день он оставит позади всех Карелей и Рокфеллеров на целом свете!».

Между тем дилогия завершается в характерном для Леру печально-ироническом ключе: Габриэль, оказавшийся более человеческим, чем иные законные представители рода человеческого, кончает с собой; Кристина благополучно выходит замуж за умеренного и аккуратного Жака Котантена, который предусмотрительно – от греха подальше – уничтожает хранившийся в сыворотке мозг Бенедикта Массона («то, что удалось собрать от Габриэля» [2, с. 255]). Тем самым Гастон Леру подводит выразительную черту под весьма популярным у писателей своего времени сюжетным мотивом. Победа над смертью обернулась прекрасной иллюзией, а сам автор дилогии не дожил и до шестидесяти лет, зато вошел в историю литературы начала XX столетия (не только массовой) как один из самых увлекательных рассказчиков и превосходных стилистов.

Библиографический список

1. Козьмина Е.Ю. Авантюрно-философская фантастика XX века и философская повесть //

Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2015. – № 5. – С. 96–100.

2. *Леру Г.* Роковое кресло. Кровавая кукла / пер. Л.А. Новиковой. – Таллинн: Одамеэс, 1991. – 256 с.

3. *Blonde D.* Les voleurs de visages: sur quelques cas troublants de changement d'identité. – P.: Métailié, 1992. – 167 p.

4. *Carrel A.* L'homme cet inconnu. – P.: Plon, 1935. – 400 p.

5. *Chabot H., Goffette J.* «Les Mains d'Orlac» entre imaginaire, médecine et corps modifié // Renard M. Les Mains d'Orlac. – Lyon: Les moutons électriques, 2008. – P. 289–309.

6. *Couégnas D.* Fictions, énigmes, images: lectures (para?) littéraires. – Limoges: PULIM, 2001. – 228 p.

7. *Desmarets H.* Création littéraire et créatures artificielles: l'«Ève future», «Frankenstein»,

le «Marchand de sable» ou le Je(u) du miroir. – P.: Editions du temps, 1999. – 175 p.

8. *Drouard A.* Une inconnue des sciences sociales: la Fondation Alexis Carrel, 1941–1945. – P.: Editions de la maison des Sciences de l'Homme, 1992. – XXXI, 552 p.

9. *Drouard A.* Alexis Carrel (1873–1944): De la mémoire à l'histoire. – P.: L'Harmattan, 1995. – 262 p.

10. *Frank N.* Un ami de Gustave Lerouge: le mystérieux docteur Ferral // Gustave Le Rouge. Le mystérieux docteur Cornélius. – P.: Laffont, 1986. – P. 1288–1291.

11. *Leroux G.* Aventures incroyables. – P.: Laffont, 1992. – 1219 p.

12. *Leroux G.* Chéri-Bibi. – P.: Laffont, 1990. – 1099 p.

13. *Vareille J.-Cl.* Le roman populaire français (1789–1914): idéologies et pratiques. – Limoges: PULIM-Nuit blanche, 1994. – 349 p.

О РЕЛИГИОЗНЫХ МОТИВАХ В «ВОЙНЕ И МИРЕ» Л.Н. ТОЛСТОГО

В своих религиозно-философских трактатах поздней Толстой, вступивший на путь беспощадной полемики с официальной церковью, отрицал божественное происхождение Иисуса Христа, сомневался в бессмертии человеческой души, произвольно извлекал из четырёх Евангелий лишь заповеди Спасителя, подвергая их весьма вольной трактовке. Фактически он сам отлучил себя от церкви, а Святейший Синод своим постановлением 1901 года лишь подтвердил уже состоявшийся факт.

Но Толстой-художник никогда не переставал любить жизнь высокой духовной любовью. И когда он воспринимал мир глазами художника, влюблённого в жизнь, многие религиозные умствования отступали или подвергались невольному сомнению. На эту особенность творчества Толстого обратил внимание Н.Н. Страхов. В статье раскрыты христианские мотивы в освещении Толстым эволюции характера князя Андрея, центрального героя романа-эпопеи «Война и мир».

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, роман «Война и мир», катафатическое богопознание, христианский пантеизм, духовные искания героя, национальные святыни, христианская любовь.

В художественных произведениях Толстой часто выходил за пределы своего «толстовства». Н.Н. Страхов писал ему 16–23 ноября 1875 года: «Вы не моралист, Вы истинный художник; но нравственное мирозерцание всегда отзывается в художественных произведениях, и я с изумлением и радостью вникаю в Ваши образы, следя за этим мирозерцанием. Может быть, я скажу Вам то, что Вы сами не осознаёте. Отвлечённые нравственные правила всегда узки и односторонни, и в Ваших созданиях выражается гораздо больше, чем кто-нибудь (даже Вы сами) можете формулировать отвлечённым языком» [2, с. 69].

Когда после духовного перелома Толстой обратился к религиозно-философским писаниям, он на собственном опыте пережил непреодолимый конфликт между живой (литературной) и отвлечённой (философской) мыслью. 2 марта 1891 года Софья Андреевна Толстая записала в своём дневнике: «... Лёвочка грустен, я спросила: “Почему?” Он говорит: “Не идёт писание...” – “О чём?” – “О непротивлении”».

Ещё бы шло! Этот вопрос всем и ему самому оскомину набил и перевернут и обсужден он уже со всех сторон. Ему хочется художественной работы, а приступить трудно. Там резонёрство уже не годится. Как пойдёт из него поток правдивого, художественного творчества, – он его уже не остановит, а там вдруг непротивление окажется неудобным, а остановить поток невозможно, вот и страшно его пустить, а душа тоскует!» [8, с. 159].

Перечитывая «Войну и мир», Н.Н. Страхов обращался к Толстому 27 июля 1887 года: «Если бы я теперь писал свои статьи об Вас, то написал бы иначе. Я не видел тогда, что Вы уже тогда выступили мыслителем и нравоучителем, с полным мировоззрением, – так точно, как выступаете теперь. Если Вы давно не читали “Войны и мира”, то убедительно прошу и советую Вам – перечтите внимательно это первое полное выражение стрем-

лений Вашей души; Вы увидите, что, в сущности, они те же, что и теперь, и выражены часто с бесподобною силою и ясностью. Вы вывели на сцену целую толпу людей религиозных, Вы показали, как растёт и живёт в душе религия, и какую силу она даёт людям. Несравненная книга!» [2, с. 355].

Всю свою жизнь Толстой в художественных созданиях славословил Бога в Божьем творении. Это был признанный отцами церкви путь положительного или катафатического богопознания, утверждающего, что весь мир, всё существующее есть некий образ или подобие Божие. Дионисий Ареопагит утверждал: «Мы познаём Бога не из Его природы, которая непознаваема и превышает всякую мысль и разум, но из установленного Им порядка всех вещей, который содержит некие образы и подобия Божественных первообразов...» [9, с. 104]. Это созерцание в образах первообраза, изображённого в изображениях, созерцание Богоприсутствия в мире станет характерной приметой творчества Толстого.

Перед нами особый вид христианского пантеизма, далёкий от пантеизма языческого. «...В образцах христианской пантеистической лирики, – отмечает А.Г. Гачева, – явлено как бы предчувствие будущей “мировой гармонии”, взгляд с любовью обращён к животным, растениям, небу, стихиям дня и ночи, видит внутреннее родство всего сущего, сознаёт и собственную нерасторжимую связь с природой, которая в своих стихиях и тварях уже “не слепок, не бездушный лик”, но “В ней есть душа, в ней есть свобода, в ней есть любовь, в ней есть язык” (Тютчев)» [1, с. 88].

Вспомним, как в «Войне и мире» Толстой исподволь подводит князя Андрея к открытию религиозных ценностей жизни, которых он не понимал и к которым долго был пренебрежителен. Толстой показывает, что самонадеянность князя – родовая черта Болконских, связанная с вольтерьянством и атеизмом эпохи XVIII века. О равнодушии Ан-

дрия к национальной святыне говорит следующий эпизод в самом начале романа-эпопеи. Княжна Марья, обращаясь к уходящему на войну Андрею говорит: «Ты всем хорош, Andre, но у тебя есть какая-то гордость мысли... и это большой грех ... Andre, – сказала она робко после минуты молчания, – у меня к тебе есть большая просьба.

– Что, мой друг?

– Нет, обещаю тебе, что ты не откажешь. Это тебе не будет стоить никакого труда, и ничего недостойного тебя в этом не будет. Только ты меня утетишь. Обещай, Андрюша, – сказала она, сунув руку в ридикюль и в нём держа что-то, но ещё не показывая, как будто то, что она держала, и составляло предмет просьбы и будто прежде получения обещания в исполнении просьбы она не могла вынуть из ридикюля это *что-то*.

Она робко, умоляющим взглядом смотрела на брата.

– Ежели бы это и стоило мне большого труда... – как будто догадываясь, в чём было дело, отвечал князь Андрей.

– Ты что хочешь думай! Я знаю, ты такой же, как и топ реге. Что хочешь думай, но для меня это сделай. Сделай, пожалуйста! Его ещё отец моего отца, наш дедушка носил во всех войнах... – Она всё ещё не доставала того, что держала, из ридикюля. – Так ты обещаешь мне?

– Конечно, в чём дело?

– Andre, я тебя благословлю образом, и ты обещаю мне, что никогда его не будешь снимать... Обещаешь?

– Ежели он не в два пуда и шеи не оттянет... Чтобы тебе сделать удовольствие... – сказал князь Андрей, но в ту же секунду, заметив огорчённое выражение, которое приняло лицо сестры при этой шутке, он раскаялся. – Очень рад, право, очень рад, мой друг, – прибавил он» [4, с. 136–137].

В самом начале романа Андрей предстаёт перед нами человеком самодовольным, чётко определившим свою цель и верящим в свою звезду. Его кумиром является Наполеон. К национальным ценностям и святыням он относится иронически. Князь не шадит религиозные чувства сестры и часто бывает с нею грубоват и неловок.

Мечтая о славе, князь Андрей подчёркнуто обособляет себя от простых людей с их верованиями. В его душевном мире на протяжении всей кампании 1805 года назревает разрыв между горделивым полётом его мечты и реальными буднями воинской жизни. Тушин спас армию в Шенграбенском сражении, логически князь это понимает. Но сердечным своим существом он не может признать в Тушине героя: очень уж скромный, невзрачный и прост этот «капитан без сапог», спотыкающийся о древко взятого в плен у французов знамени.

Вот князь едет в штаб, окрылённый своим проектом спасения армии. Но в глаза ему бросается

беспорядок и неразбериха, царящие в войсках. К нему обращается лекарская жена с просьбой защитить её от притеснений обозного офицера. Он вступается, восстанавливает справедливость, но испытывает при этом оскорбительное для своей гордыни чувство: едет спасать армию, а спасает лекарскую жену. Этот контраст настолько мучителен, что князь с озлоблением смотрит на солдатскую жизнь: «Это толпа мерзавцев, а не войско» [4, с. 210].

И когда в начале Аустерлицкого сражения наступает торжественно-радостная минута, он с благоговением смотрит на знамёна, официальные символы воинской славы, и бежит к своей мечте, к своему «Тулону» впереди всех со знаменем в руках.

Но и эта героическая минута наполняется впечатлениями, далёкими от «орлиных» полётов его мечты. Поверженный, с древком знамени в руках, он увидит над собой небо, «неизмеримо высокое, с тихо ползущими по нём серыми облаками». «Как тихо, спокойно и торжественно, совсем не так, как я бежал, – подумал князь Андрей, – не так, как мы бежали, кричали и дрались; совсем не так, как с озлобленными и испуганными лицами тащили друг у друга банник француз и артиллерист, – совсем не так ползут облака по этому высокому бесконечному небу. Как же я не видал прежде этого высокого неба? И как я счастлив, что узнал его наконец. Да! всё пустое, всё обман, кроме этого бесконечного неба» [4, с. 354].

И когда, обходя поле боя, перед князем Андреем остановился Наполеон, бывший кумир вдруг поблёк и съёжился, стал маленьким и тщедушным. «Ему так ничтожны казались в эту минуту все интересы, занимавшие Наполеона, так мелочен казался ему сам герой его, с этим мелким тщеславием и радостью победы, в сравнении с тем высоким, справедливым и добрым небом, которое он видел и понял, – что он не мог отвечать ему.

Да и всё казалось так бесполезно и ничтожно в сравнении с тем строгим и величественным строем мысли, который вызывали в нём ослабление сил от истёкшей крови, страдание и близкое ожидание смерти. Глядя в глаза Наполеону, князь Андрей думал о ничтожности величия, о ничтожности жизни, которой никто не мог понять значения, и о ещё большем ничтожестве смерти, смысл которой никто не мог понять и объяснить из живущих» [4, с. 369].

Он вспомнил княжну Марью, взглянув на образок, «который с таким чувством и благоговением навесила на него сестра». И «тихая жизнь, и спокойное семейное счастье в Лысых Горах представлялись ему. Он уже наслаждался этим счастьем, когда вдруг являлся маленький Наполеон с своим безучастным, ограниченным и счастливым от несчастья других взглядом, и начинались сомнения, муки, и только небо обещало успокоение» [4, с. 370].

Он вспомнил о жене, «маленькой княгине», и понял, что в своём пренебрежительном отношении к ней часто был несправедлив. Честолюбивые мечты сменились тягой к простой и тихой семейной жизни.

Именно таким, неузнаваемо подобранным, смягчённым, но глубоко разочарованным, возвращается князь Андрей из плена в родное гнездо. Но жизнь мстит ему за его гордость, за высокомерие и самонадеянность. В момент приезда умирает от родов жена, и князь Андрей читает на её застывшем лице вечный укор: «Он вошёл в комнату жены. Она мёртвая лежала в том же положении, в котором он видел её пять минут тому назад, и то же выражение, несмотря на остановившиеся глаза и на бледность щёк, было на этом прелестном, детском личике с губкой, покрытой чёрными волосиками. “Я вас всех люблю и никому дурного не делала, и что вы со мной сделали?” говорило её прелестное, жалкое, мёртвое лицо» [5, с. 45].

Всеми силами души князь пытается теперь овладеть простой жизнью, наполненной заботами о хозяйстве, о родных, об осиротевшем маленьком сыне. Есть трогательная человечность в опростившемся Андрее, когда он, сидя на стуле, капает капли в рюмку у постели больного ребёнка. И в то же время чувствуешь, что эта простота даётся ему с трудом. Князю кажется, что жизнь его кончена в тридцать один год, что сама сущность жизни жалка и ничтожна, что человек беззащитен и одинок.

Из тяжёлого душевного состояния пытается вывести Андрея Пьер. Он навещает друга в счастливую пору своей жизни. Пьер в зените увлечения новым вероучением, он нашёл смысл жизни в религиозной истине. Пьер убеждает князя Андрея, что его суждения безотрадны и грустны, потому что ограничены только земным миром и земным опытом. «Вы говорите, что не можете видеть царства добра и правды на земле. И я не видал его; и его нельзя видеть, ежели смотреть на нашу жизнь как на конец всего. На земле, именно на этой земле (Пьер указал в поле), нет правды – всё ложь и зло; но в мире, во всём мире есть царство правды, и мы теперь дети земли, а вечно – дети всего мира. Разве я не чувствую в своей душе, что я составляю часть этого огромного, гармонического целого? Разве я не чувствую, что я в этом бесчисленном количестве существ, в которых проявляется божество, – высшая сила, – как хотите, – что я составляю одно звено, одну ступень, от низших существ к высшим? Ежели я вижу, ясно вижу эту лестницу, которая ведёт от растения к человеку... отчего же я предположу, что эта лестница прерывается со мною, а не ведёт всё дальше и дальше до высших существ. Я чувствую, что я не только не могу исчезнуть, как ничто не исчезает в мире, но что я всегда буду и всегда был» [5, с. 123].

«Ежели есть Бог и есть будущая жизнь, то есть истина, есть добродетель; и высшее счастье чело-

века состоит в том, чтобы стремиться к достижению их. Надо жить, надо любить, надо верить, – говорил Пьер, – что живём не нынче только на этом клочке земли, а жили и будем жить вечно там, во всём (он указал на небо)» [5, с. 124].

Андрей слушает эти восторженные и сбивчивые доказательства Пьера и спорит с ними. Но происходит парадоксальная вещь. Взгляд его оживляется тем более, чем безнадежнее становятся его суждения. Логический смысл слов и фраз князя начинает расходиться с тем внутренним состоянием, которое он переживает. Упорно доказывая Пьеру, что разобщённость между людьми неизбежна, Андрей самым фактом высказывания этих мыслей опровергает их правоту. Логически расходясь с Пьером в этом споре, душевно князь всё более и более сближается с ним. Поверх логики спора между друзьями происходит живое общение. И когда в разгаре спора Пьер восклицает: «Вы не должны так думать!» – «Про что я думаю?» – неожиданно спрашивает Андрей. Он живёт уже не тем, что выражают его слова [5, с. 121].

«Князь Андрей не отвечал. Коляска и лошади уже давно были выведены на другой берег и заложены, и уж солнце скрылось до половины, и вечерний мороз покрывал звёздами лужи у перевоза, а Пьер и Андрей, к удивлению лакеев, кучеров и перевозчиков, ещё стояли на пароме и говорили» [5, с. 124]. А «выходя с парома», Андрей «поглядел на небо, на которое указал ему Пьер, и в первый раз после Аустерлицы он увидел то высокое, вечное небо, которое он видел, лежа на Аустерлицком поле, и что-то давно заснувшее, что-то лучшее, что было в нём, вдруг радостно и молодо проснулось в его душе» [5, с. 124].

И когда Андрей заезжает потом в Отрадное по своим делам, он лишь внешне тот же, разочарованный и одинокий. По пути в Отрадное князь видит старый дуб, оголённый, корявый посреди свежей весенней зелени. «Таков и я», – думает он, глубоко ошибаясь: и дуб уже напитан изнутри живыми весенними соками, и Андрей пробуждён к возрождению свиданием с Пьером.

Довершает обновление встреча с Наташей и негласное общение с нею лунной ночью в Отрадном. На обратном пути князь с трудом узнаёт старый дуб, позеленевший и помолодевший, и новое ощущение жизни охватывает его: «Нет, жизнь не кончена в тридцать один год, – вдруг окончательно, бесприменно решил князь Андрей. – Мало того, что я знаю всё то, что есть во мне, надо, чтоб и все знали это: и Пьер, и эта девочка, которая хотела улететь в небо, надо, чтобы все знали меня, чтобы не для одного меня шла моя жизнь, чтобы не жили они так, как эта девочка, независимо от моей жизни, чтобы на всех она отражалась и чтобы все они жили со мною вместе!» [5, с. 165].

Если раньше, под небом Аустерлицы, он мечтал жить для других, *отделяя себя* от них, то теперь

в нём проснулось желание жить *вместе с другими*. И князь покидает деревенское уединение, уезжает в Петербург, попадает в круг Сперанского, принимает участие в разработке проекта отмены крепостного права. Жизнь зовёт его к себе с новой силой, но, верный своему характеру, Андрей вновь увлечён деятельностью высших сфер, где планы, проекты и программы горделиво летят поверх сложной и запутанной жизни.

Вначале Андрей не ощущает искусственности тех интересов, которыми одержим кружок Сперанского, он боготворит этого человека. Но является Наташа на первый свой бал. Встреча с нею освежает и очищает душу, проясняет призрачность и фальшь Сперанского и придуманных им реформ. Он «приложил права лиц, которые распределял по параграфам», к своим мужикам, к Дрону-старосте, и ему «стало удивительно, как он мог так долго заниматься такой праздной работой» [5, с. 219].

Князь влюблён и, казалось бы, близок к счастью. Но сразу же предчувствуется и невозможность его. В Отрадном Андрей решил жить «вместе со всеми». Но практика такой жизни даётся ему с трудом. Простота, доверчивость, открытость – все эти качества не под силу его гордому характеру. Не только Наташе загадочен Андрей, но и для Андрея Наташа – загадка. Полное непонимание её он сразу же обнаруживает, отсрочив свадьбу на один год. Какую пытку придумал он для девушки, у которой живой любовью должно быть наполнено каждое мгновение! Своей отсрочкой он спровоцировал катастрофу.

Верный своему гордому характеру, он не смог потом и простить Наташе ошибку. Князь и в мыслях не допускал, что у его любимой невесты могла быть своя, независимая от его расчётов и не похожая на его интеллектуальные замеры жизнь. Князь вообще не обладает даром, которым щедро наделён Пьер, – даром чувствовать чужое «я», проникаться заботами и душевными переживаниями другого человека.

Однако 1812 год многое изменит в Андрее. В разграбленных Лысых Горах он сталкивается с крестьянскими девочками, набравшими в подолы зелёных слив из барской оранжереи. «Князь Андрей испуганно-поспешно отвернулся от них, боясь дать заметить им, что он их видел. <...> Новое, отрадное и успокоительное чувство охватило его, когда он, глядя на этих девочек, понял существование других, совершенно чуждых ему, но столь же законных человеческих интересов, как и те, которые занимали его» [6, с. 130].

В разговоре с Пьером накануне Бородинского сражения князь Андрей глубоко осознаёт народный характер этой войны. «“Поверь мне, – говорит он Пьеру, – что ежели бы что зависело от распоряжений штабов, то я бы был там и делал бы распоряжения, а вместо того я имею честь служить здесь, в

полку вот с этими господами, и считаю, что от нас действительно будет зависеть завтрашний день, а не от них... Успех никогда не зависел и не будет зависеть ни от позиции, ни от вооружения, ни даже от числа; а уж меньше всего от позиции”. – “А от чего же?” – “От того чувства, которое есть во мне, в нём, – он указал на Тимохина, – в каждом солдате”» [6, с. 215].

Далеко ушёл князь Андрей от своих горделивых представлений о творческих силах истории. Если под небом Аустерлица он служил в штабе армии, принимал участие в составлении планов и диспозиций, то теперь он становится боевым офицером, считая, что исход сражения зависит от духа войск, от настроения простых солдат.

Однако стать таким, как они, породниться душою с простыми солдатами князю Андрею не суждено. Не случайно разговору его с Пьером предпослан такой эпизод: в разграбленных Лысых Горах, в жаркий день, князь остановился на плотине пруда. «Ему захотелось в воду – какая бы грязная она ни была». Но, увидев голые, барахтавшиеся в пруду солдатские тела, князь брезгливо морщится. И напрасно Тимохин зовёт его в воду: «То-то хорошо, ваше сиятельство, вы бы изволили!.. Мы сейчас очистим вам» [6, с. 131]. Солдаты, узнав, что «наш князь» хочет купаться, заторопились из воды. Но Андрей поспешил их успокоить: он придумал лучше облиться в сарае, «вздрагивая не столько от холода, сколько от самому ему непонятого отвращения и ужаса при виде этого огромного количества тел, полоскавшихся в грязном пруде» [6, с. 132].

Князь не может переступить через те барьеры, которые легко преодолевает Пьер. После батареи Раевского, после ужасов смерти и разрушения Пьер не может выйти «из тех страшных впечатлений, в которых он жил этот день». Он падает на землю и теряет ощущение времени. Между тем солдаты, притащив сучья, помещаются возле него и разводят костёр. Вопреки всему жизнь продолжается, и мирными хранителями её вечных основ оказываются не господа, а люди из народа. «“Что ж, поешь, коли хочешь, кавардачку!” – сказал солдат и подал Пьеру, обливав её, деревянную ложку. Пьер подсел к огню и стал есть кавардачок, то кушанье, которое было в котелке и которое ему казалось самым вкусным из всех кушаний, которые он когда-либо ел» [6, с. 301].

В роковую минуту смертельного ранения князь Андрей испытывает последний, страстный и мучительный порыв к жизни земной: «совершенно новым завистливым взглядом» он смотрит «на траву и полынь» [6, с. 262]. И потом, уже на носилках, он подумает: «Отчего мне так жалко было расставаться с жизнью? Что-то было в этой жизни, чего я не понимал и не понимаю» [6, с. 264].

Толстой подводит князя Андрея к открытию религиозных ценностей жизни, которых он не пони-

мал. Смертельно раненный, князь находит в финале романа радостную и неожиданную способность простить своего обидчика, узнав «в несчастном, рыдающем, обессилевшем человеке, которому только что отняли ногу», Анатоля Курагина.

«В чём состоит связь этого человека с моим детством, с моею жизнью? – спрашивал он себя, не находя ответа. И вдруг новое, неожиданное воспоминание из мира детского, чистого и любовного, представилось князю Андрею. Он вспомнил Наташу такую, какую он видел её в первый раз на бале 1810 года, с тонкой шеей и тонкими руками с готовым на восторг, испуганным, счастливым лицом, и любовь и нежность к ней, ещё живее и сильнее, чем когда-либо, проснулись в его душе. Он вспомнил теперь ту связь, которая существовала между им и этим человеком, сквозь слёзы, наполнявшие распухшие глаза, мутно смотревшим на него. Князь Андрей вспомнил всё, и восторженная жалость и любовь к этому человеку наполнили его счастливое сердце.

Князь Андрей не мог удерживаться более и заплакал нежными, любовными слезами над людьми, над собой и над их и своими заблуждениями.

“Сострадание, любовь к братьям, к любящим, любовь к ненавидящим нас, любовь к врагам – да, та любовь, которую проповедовал Бог на земле, которой меня учила княжна Марья и которой я не понимал; вот отчего мне жалко было жизни, вот оно то, что ещё оставалось мне, ежели бы я был жив. Но теперь уже поздно. Я знаю это!”» [6, с. 267. Курсив мой. – Ю. Л.].

В полубреду князь Андрей просит у доктора достать ему книгу. «Какую книгу?» – «Евангелие! У меня нет». «Он всё говорил о том, чтобы ему достали поскорее эту книгу и подложили бы её туда. – “И что это вам стоит! – говорил он. – У меня её нет, – достаньте, пожалуйста, подложите на минуточку”, – говорил он жалким голосом» [6, с. 396–397].

Подчиняясь спасительному чувству духовной любви к Богу и людям, князь Андрей впервые осознал свою жестокость по отношению к Наташе: «“Любя человеческой любовью, можно от любви перейти к ненависти; но божеская любовь не может измениться. Ничто, ни смерть, ничто не может разрушить её. Она есть сущность души. А сколь многих людей я ненавидел в своей жизни. И из всех людей никого больше не любил я и не ненавидел, как её”. И он живо представил себе Наташу не так, как он представлял себе её прежде, с одною её прелестью, радостной для себя; но в первый раз представил себе её душу. И он понял её чувство, её страданья, стыд, раскаянье. Он теперь в первый раз понял всю жестокость своего отказа, видел жестокость своего разрыва с нею. “Ежели бы мне было возможно только ещё один раз увидеть её. Один раз, глядя в эти глаза, сказать...”»

И пити-пити-пити и ти-ти, и пити-пити – бум, ударились муха... И внимание его вдруг перенеслось в другой мир действительности и бреда, в котором что-то происходило особенное. Всё так же в этом мире всё воздвигалось, не разрушаясь, здание, всё так же тянулось что-то, так же с красным кругом горела свечка, та же рубашка-сфинкс лежала у двери; но, кроме всего этого, что-то скрипнуло, пахнуло свежим ветром, и новый белый сфинкс, стоячий, явился пред дверью. И в голове этого сфинкса было бледное лицо и блестящие глаза той самой Наташи, о которой он сейчас думал. “О, как тяжёл этот непрерывающийся бред!” – подумал князь Андрей, стараясь изгнать это лицо из своего воображения. Но лицо это стояло пред ним с силою действительности, и лицо это приближалось. Князь Андрей хотел вернуться к прежнему миру чистой мысли, но он не мог, и бред втягивал его в свою область. Тихий шепчущий голос продолжал свой мерный лепет, что-то давило, тянулось, и странное лицо стояло перед ним. Князь Андрей собрал все свои силы, чтобы опомниться; он пошевелился, и вдруг в ушах его зазвенело, в глазах помутилось, и он, как человек, окунувшийся в воду, потерял сознание. Когда он очнулся, Наташа, та самая живая Наташа, которую изо всех людей в мире ему более всего хотелось любить той новой, чистой божеской любовью, которая была теперь открыта ему, стояла перед ним на коленях» [6, с. 399].

Но духовная («божеская») любовь князю в руки не даётся. Как только Наташа появляется перед ним, пробуждается ревность к сопернику Анатолю. Князь Андрей снова чувствует, что не в силах простить его. Глубоко символично, что под Аустерлицем князю открылось отрешённое от жизни голубое небо, а под Бородином – близкая, но не дающаяся ему в руки земля, завистливый взгляд на неё.

Повествование в «Войне и мире» идёт так, что описание последних дней князя Андрея перекликается с жизнелюбивой сущностью духовной любви Платона Каратаева. Чувство связи со всеми, всепрощающую христианскую любовь Андрей испытывает лишь на мгновение, когда, смертельно раненный, он отрешается от жизни. И наоборот, едва лишь в нём пробуждается чувство любви к Наташе, втягивающее его в земную жизнь, как мгновенно исчезает у Андрея милосердие и прощение.

Каратаев, напротив, «любил и любовно жил со всем, с чем его сводила жизнь, и в особенности с человеком – не с известным каким-нибудь человеком, а с теми людьми, которые были у него перед глазами» [7, с. 56]. И «жизнь его, как он сам смотрел на неё, не имела смысла как отдельная жизнь. Она имела смысл только как частица целого, которое он постоянно чувствовал» [7, с. 56]. Что-то приятное и успокоительное видит Пьер в его размеренных «круглых» движениях, в его обстоятельной крестьянской домовитости, в его умении свить

себе гнездо при любых обстоятельствах жизни. Но главное, что покоряет Пьера, – это любовное отношение к миру: «“А много нужды увидали, барин? А?” – сказал вдруг маленький человек. И такое выражение ласки и простоты было в певучем голосе человека, что Пьер хотел отвечать, но у него задрожала челюсть, и он почувствовал слёзы» [7, с. 50].

Исцеляющее влияние Каратаева на израненную душу Пьера скрыто в особом даре любви. Эта любовь без примеси эгоистического чувства, любовь христианская: «Э, соколик, не тужи, – сказал он с той нежно-певучей лаской, с которой говорят старые бабы. – Не тужи, дружок: час терпеть, а век жить!» [7, с. 51].

Примечательна легенда Каратаева о купце, безвинно пострадавшем и скончавшемся на каторге. Купец принимает незаслуженное, по человеческим понятиям, наказание с христианским смирением: «Стали старичка спрашивать: ты за что, мол, дедушка, страдаешь? Я, братцы мои миленькие, говорит, за свои да за людские грехи страдаю. А я ни душ не губил, ни чужого не брал, акромья что нищую братию оделял. Я, братцы мои миленькие, купец; и богатство большое имел. Так и так, говорит... Я, говорит, о себе не тужу. Меня, значит, Бог сыскал» [7, с. 166].

Общение с Платоном Каратаевым приводит Пьера к более глубокому пониманию смысла жизни: «прежде разрушенный мир теперь с новой красотой, на каких-то новых и незыблемых основах, воздвигался в его душе» [7, с. 54]. Не сама легенда о безвинно страдающем купце, «но таинственный смысл её, та восторженная радость, которая сияла в лице Каратаева при этом рассказе, таинственное значение этой радости, это-то смутно и радостно наполняло теперь душу Пьера» [7, с. 167].

И вот переживание последних минут жизни у князя Андрея и Каратаева. Умиравший князь чувствует полную отчуждённость от окружающих его людей. «В глубоком, не из себя, но в себя смотревшем взгляде была почти враждебность, когда он медленно оглянул сестру и Наташу. <...> В словах, в тоне его, в особенности во взгляде этом – холодном, почти враждебном взгляде – чувствовалась

страшная для живого человека отчуждённость от всего мирского» [7, с. 63].

Совершенно иное чувство переполняет умирающего православного мужика Платона. «Каратаев в своей шинельке сидел, прислонившись к берёзе. В лице его, кроме выражения вчерашнего радостного умиления при рассказе о безвинном страдании купца, светилось ещё выражение тихой торжественности. Каратаев смотрел на Пьера своими добрыми, круглыми глазами, подёрнутыми теперь слезою, и, видимо, подзывал его к себе, хотел сказать что-то» [7, с. 168].

Земля, к которой потянулся князь Андрей в роковую минуту, так и не далась ему в руки, уплыла, оставив в его душе чувство тревожного недоумения, неразгаданной тайны. Восторжествовало величественное, отрешенное от земной жизни небо, и вместе с ним наступила смерть. Князь Андрей умер не только от раны. Смерть вызвана особенностями его характера и положения в мире людей. Его поманили, позвали к себе, но ускользнули, оставшись недостижимыми, те духовные ценности, которые разбудил в русских людях 1812 год.

Библиографический список

1. *Гачева Анастасия*. «Нам не дано предугадать, Как слово наше отзовётся...». Достоевский и Тютчев. – М., 2004. – 840 с. – С. 88.
2. Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. – СПб.: Типография Б.М. Вольфа, 1913. – 458 с. – С. 355.
3. *Толстой Л.Н.* Собр. соч.: в 22 т. – Т. 4. – М.: Худ. лит., 1979. – 400 с.
4. *Толстой Л.Н.* Собр. соч.: в 22 т. – Т. 5. – М.: Худ. лит., 1980. – 429 с.
5. *Толстой Л.Н.* Собр. соч.: в 22 т. – Т. 6. – М.: Худ. лит., 1980. – 447 с.
6. *Толстой Л.Н.* Собр. соч.: в 22 т. – Т. 7. – М.: Худ. лит., 1981. – 431 с.
7. *Толстая С.А.* Дневники. – Т. 1. – М.: Художественная литература, 1978. – 470 с.
8. *Флоровский Г.В.* Восточные Отцы V–VIII веков. – М.: Умса-Press, 1992. (Репринтное воспроизведение издания 1933 года.) – 240 с.

Капустин Николай Венальевич
 доктор филологических наук, профессор
 Ивановский государственный университет
 nkapustin@mail.ru

ТВОРЧЕСТВО А.Н. ОСТРОВСКОГО В ГЕНДЕРНОМ АСПЕКТЕ: КОМЕДИЯ «ВОЛКИ И ОВЦЫ»

В статье намечаются линии гендерного изучения драматургии А.Н. Островского и подробно рассматривается его комедия «Волки и овцы» (1875), оригинальность которой – в преодолении привычных представлений, соотносящих «волчье» с мужской, а «овечье» с женской сущностью. По-своему парадоксально, в ключе негативной антропологии, отчасти предписанной жанром, Островский выражает мысль о своеобразном равенстве героев и героинь. Но главным основанием общности оказываются не законы комедийного жанра, а сближение женщин и мужчин в их родовых, общечеловеческих свойствах. В то же время комедиограф не безразличен к поведенческим особенностям социального пола и сложившимся конвенциям (зачастую стереотипам), данные особенности определяющим, – тому, что позднее назовут гендером. Однако своеобразие комедии «Волки и овцы» в первую очередь определяется сближением героев и героинь, которым в равной степени дано быть и «волками», и «овцами».

Ключевые слова: А.Н. Островский, комедия, гендер, гендерное равенство, мужчина, женщина, «волки», «овцы».

В последние годы осуществлялись многочисленные попытки преодолеть стереотипы, сопровождающие восприятие драматургии А.Н. Островского. Однако они не перестают оказывать свое действие. Естественно, что новые наблюдения могут быть сделаны в русле привычных для литературоведения и театроведения исследовательских стратегий (метод в данном случае не имеет решающего значения, к тому же он может и сужать открывающуюся перспективу). Вместе с тем новые подходы, еще относительно робко пробивающие себе дорогу к русской классике, как минимум, способны акцентировать то, что обычно не акцентируется. Это относится и к гендерному прочтению драматургии Островского.

«Если вообразить социологический очерк “Гендерная психология / философия в драмах Островского как выражение национального генетического кода”, – пишет В. И. Мильдон, – картина вышла бы удручающая. Никаких надежд на будущее мужские герои не содержат, ибо материальное, лишенное духовного горизонта, занятое собой, обречено прежде всего в качестве материального».

Только героини Островского дают повод надеяться – именно благодаря сверхлогике, которая, оказывается, и есть логика человечества, т. е. не целиком от мира сего» [5, с. 74].

Выразителями внемирной «сверхлогики», появившимися в поле зрения исследователя, оказываются Катерина («Гроза»), Снегурочка из одноименной пьесы, Лариса («Бесприданница»), Ксения («Не от мира сего»), но этот ряд может быть и значительно расширен, как, впрочем, широким может быть и ряд персонажей-мужчин, в нравственном отношении проигрывающих женщине.

Однако гендерная проблематика в творчестве Островского этим контрастом отнюдь не ограничивается. И дело не только в том, что героини «не от мира сего» – это далеко не полный круг его персонажей-женщин. И даже не в том, что в специальном рассмотрении нуждаются сложности авторской по-

зиции, трактуемой, как правило, в пользу этих героинь. Предстоит внимательно систематизировать все многообразие взглядов персонажей Островского на «мужское» и «женское», осмыслить в этом же плане аксиологические предпочтения его героев, охарактеризовать те случаи, когда «женскими» качествами наделяются персонажи-мужчины, и, наоборот, выявить случаи гендерного равенства (вплоть до комической ситуации вызова женщины на дуэль, какая встречается в комедии «Горячее сердце»). Самым сложным в ряду возможных аспектов изучения будет, вероятно, истолкование авторского взгляда, который как бы надстраивается над голосами и поступками героев, степени свободы / зависимости Островского от гендерных стереотипов, оригинальности его видения, взятого в константах и изменениях. Что касается данной статьи, то она посвящена относительно частному, но выразительному в плане преодоления расхожих представлений случаю, когда Островский написал о своеобразном равенстве мужчин и женщин. Речь пойдет о комедии «Волки и овцы» (1875).

Обычно она воспринимается как сатирическая комедия с антидворянской направленностью. Все это действительно присутствует, но значительно сужает проблематику пьесы, действующие лица которой при всей своей социальной конкретике воплощают общечеловеческие типы.

Основная смысловая оппозиция заявлена уже в названии, разводящем персонажей на «волков» и «овец» с той поправкой, что «четкость противопоставления во многом кажущаяся, категории “волков” и “овец” – колеблющиеся и не раз действующие лица переходят из одной в другую» [3, с. 172]. Это противопоставление (хотя, по-видимому, без отмеченного нюанса) легко заметит любой более или менее вдумчивый реципиент. Но то, что разделение на «волков» и «овец» вырастает у Островского из преодоления оппозиции «мужчина / женщина», обычно либо не замечается, либо – вопреки написанному автором комедии – не воспринимает-

ся как сколько-нибудь значимый момент. В результате существенные смыслы произведения уходят.

В связи с этим никак нельзя пройти мимо того, что в полилоге 11-го явления 5-го акта Островский не разводит мужчин и женщин на разные полюса (как нередко случается в других его пьесах), а объединяет тех и других в качестве «волков» и «овец»:

«Купавина. Да, я все мечтала о свободе... я потом убедилась, что наше женское счастье неразлучно с неволей.

Мурзавецкая. Не клеветчи, матушка, на женщин! Всякие бывают; есть и такие, что не только своим хозяйством, а хоть губернией править сумеют, хоть в Хиву воевать посылай. А мужчины есть тоже всякие: есть вот и такие молодцы (*показывает на Беркутова*), а то видали мы и таких, что своей охотой к бабам в лакеи идут.

Лыняев. Да, на свете волки да овцы, волки да овцы» [6, т. 4, с. 204].

Гендерный стереотип в устах Купавиной («женское счастье неразлучно с неволей») теряет статус непреложной истины, вызывая резкое несогласие Мурзавецкой и замещаясь противопоставлением «волки / овцы» в реплике Лыняева.

Существует мнение, что Островский как автор пьесы не принимает полностью лыняевскую классификацию и что стоящая вне интриг Купавина оказывается вне системы отношений, делящих мир на «волков» и «овец» [3, с. 176]. Однако с этим сложно согласиться. Оставив пока в стороне Купавину, стоит заметить, что слова Лыняева, конечно, перекликаются с авторской концепцией, выраженной в названии комедии, которое в данном случае вовсе не вступает в какое-либо противоречие с ее содержанием и определенно выражает суть изображаемых характеров и отношений.

Итак, главный принцип, организующий действующих лиц комедии, – противопоставление «волков» и «овец» и одновременно объединение тех и других в пределах соответствующих групп. Под действие этого принципа так или иначе попадают все персонажи, исключая тех, кто непосредственно не определяет сюжетного движения (таковы Павлин и Анфуса, которая, впрочем, глупа, как овца). Особенно важно отметить, что разделение на «волков» и «овец» последовательно дается Островским как преодоление привычных представлений, соотносящих «волчьё» с мужской, а «овечьё» – с женской сущностью. Сделано это за счет тематических повторов. Помимо уже рассмотренного полилога с участием Купавиной, Мурзавецкой и Лыняева, важнейшим в этом плане оказывается разговор Лыняева и Мурзавецкой в 10-м явлении 1-го действия:

«Лыняев. Да разве кругом нас люди живут?

Мурзавецкая. Батюшки! Да кто же, по-твоему?

Лыняев. Волки да овцы. Волки кушают овец, а овцы смиренно позволяют себя кушать.

Мурзавецкая. И барышни – тоже волки?

Лыняев. Самые опасные. Смотрит лисичкой, все движения так мягки, глазки томные, а чуть зазевался немного, так в горло и влестится. (*Встает и берет шляпу.*)

Мурзавецкая. Тебе всё волки мерещатся – пуганая ворона куста боится. А меня ты куда ж? Да нет, уж лучше в волки запиши; я хоть женщина, а овцой с тобой в одном стаде быть не хочу» [6, т. 4, с. 134].

Известная противоречивость последней реплики Мурзавецкой (она словно не допускает мысли, что и женщина способна быть «волком») не должна, конечно, вызвать сомнений относительно ее «волчьей» сущности. Пророческими оказываются и слова Лыняева о «барышнях»: пока еще абстрактно нарисованная им картина совсем скоро обретет конкретику в действиях «влестившейся в его горло» Глафиры. При этом и направленная против Купавиной интрига Мурзавецкой, и вся логика поведения Глафиры по отношению к Лыняеву тесно соотносятся со сквозным и многозначным в смысловом плане мотивом охоты. Что же касается тематических возвратов, которые связаны с опровержением расхожих представлений, не допускающих объединения женщин с «волками», то их полемическая природа (один из персонажей не соглашается с другим) – свидетельство того, что Островский преодолевал как чужие, так, возможно, и свои собственные привычные представления о женской сущности. При этом «женская» микротема комедии содержит немало и других любопытных нюансов, обретая характер свободной игры со стереотипами, переводящими их в нужное для реализации драматургического замысла качество.

Уже во 2-м явлении 1-го действия в полемике Павлина и Чугунова начинает звучать тема женского ума. В ответ на слова Павлина «От женского ума порядков больших и требовать нельзя» Чугунов уверенно заявляет: «Ну, не скажи! У Меропы Давыдовны ее женского ума на пятерых мужчин хватит» [7, с. 116]. В 9-м явлении того же действия Мурзавецкая презрительно скажет: «По-моему, всякая баба – дрянь, хоть ты ее золотом осыпь, все ей самой-то цена – грош» [6, т. 4, с. 129]. Эта реплика вступает в кажущееся противоречие со сказанным Мурзавецкой в 5-м акте («Не клеветчи, матушка, на женщин!» и т. д.), однако в действительности противоречия нет, поскольку из обобщения «всякая баба – дрянь» себя она, разумеется, исключает. Что же касается тех качеств ее ума, о которых говорит Чугунов, подразумеваемая практицизм Мурзавецкой, то они вполне проявляются на протяжении всего сюжетного развития комедии. Слабость обнаружится лишь в ситуации с Беркутовым в 5-м явлении 5-го действия, где она на какое-то время окажется «овцой», хотя для победителя-мужчины это не безусловно, во всяком случае, он не хочет

иметь ее среди своих врагов и потому переводит разговор в более спокойную и выгодную для себя плоскость.

Таким образом, Мурзавецкая и Беркутов оказываются персонажами, которые близки друг другу, но не в том смысле, что первая наделяется качествами, обычно соотносимыми с мужчиной. В глазах Островского их объединяет волчья природа, причем многообразие признаков, приписываемых волку в русской и мировой культуре, в комедии редуцировано, по сути, до одного – хищничества, тесно соотносимого с мотивами охоты и власти.

В этом ряду, как уже было отмечено, находится и охотящаяся на Лыняева Глафира, которая, перед тем как вынудить Лыняева жениться на себе, смотрит на него «хищническим взглядом, как кошка на мыш» (кошка, волк и беркут, от которого образована фамилия Беркутова, выступают в пьесе в роли семантических синонимов). Характер отношений Лыняева и Глафиры очень скоро окажется близок тому, как описаны супружеские роли Горичей в комедии Грибоедова «Горе от ума»: в перечне действующих лиц первой названа Наталья Дмитриевна и только потом находящийся при ней (у Грибоедова – «муж ее») Платон Михайлович Горич. Ср. у Островского:

«Глафира. Мы эту зиму будем жить в Париже. Лыняев. Мы в Париже» [6, т. 4, с. 205].

Слишком легким и неверным было бы заключение, что, включая женских персонажей в разряд «волков», а мужских – в разряд «овец», автор комедии наделяет первых исключительно маскулинными, а вторых феминными качествами. Островский избегает такого схематизма, поскольку берет человека в самых разных детерминантах и проявлениях, в той конкретике, которой, среди прочего, присущи различия женского и мужского поведения. Если представить условный диалог, то, как автор комедии «Волки и овцы», он мог бы вполне согласиться с мнением Д. Паркер: «...все мы, как мужчины, так и женщины, кем бы мы ни были, должны восприниматься как человеческие существа...» [1, с. 9]. Однако более близкой оказалась бы ему позиция возразившей Паркер С. де Бовуар (речь, разумеется, идет не о всей системе взглядов, а о данном конкретном случае): «Несомненно, женщина, как и мужчина, является человеческим существом, но подобное утверждение абстрактно, фактом же следует признать, что любое конкретное человеческое существо всегда живет в своей определенной ситуации» [там же]. Несмотря на то что литературным родственником Мурзавецкой является мольеровский Тартюф, а Глафира в родстве и с Тартюфом, и с Глумовым («На всякого мудреца довольно простоты»), и та и другая наделяются особенностями поведения, присущими именно женщине. Наиболее наглядно это выражено не в репликах персонажей (как, например, в словах Павлина о Мурза-

вецкой: «сядут в размышлении и поднимут глазки кверху»), правота которых с точки зрения автора может быть и проблематичной, а в ремарках, отражающих непосредственное авторское видение.

В этом плане обращает на себя внимание развернутая ремарка в 3-м явлении 1-го действия: «*Мурзавецкая одета в черную шелковую блузу, подпоясанную толстым шелковым шнурком, на голове кружевная черная косынка, которая, в виде вуаля, до половины закрывает лицо, в левой руке черная палка с белым, слоновой кости, костылем*» [6, т. 4, с. 118]. Подчеркивая религиозность и статусность Мурзавецкой, Островский сочетает черный цвет с красноречивыми деталями: блуза Мурзавецкой черная, но *шелковая* и подпоясана *шелковым* шнурком, ее черная косынка, в *виде вуаля* до половины закрывающая лицо, – *кружевная* и даже черная палка – с *белым, слоновой кости*, костылем. Отмеченные детали не только знаки аристократизма Мурзавецкой, фамилия которой образована от татарского «мурза» – «князь» (хотя в русском языке это слово имеет и негативный смысл «татарин, басурманин» [7, с. 12]), но и указания на женское кокетство оставшейся одинокой, вероятно уязвленной некогда мужским невниманием старой девы («девицы лет 65», по характеристике Островского), что, кстати, по-своему объясняет ее материнскую любовь к племяннику.

Показательны и ремарки, которые характеризуют Глафиру, в ситуациях, когда она ведет продуманную игру, устраивая охоту на Лыняева: «Одевает Лыняева пледом», «Садится с ногами на лавку и прилегает к Лыняеву», «опять прилегая к Лыняеву», «со вздохом» (3-е действие, 8-е явление), «поднося платок к глазам», «Бросается на шею Лыняеву и закрывает глаза», «открыв глаза», «Закрывает глаза», «Бросается ему на шею и закрывает глаза» (4-е действие, 9-е явление). Весь арсенал этих характеристик дается Островским как присущий именно женскому поведению. Его по-своему дополняет и сопоставление Глафиры с кошкой, хотя «кошачье» в ее поведение, отчасти подкрепляемое характеристиками «прилегает к Лыняеву», «закрывает глаза», подчинено мотиву хищничества («*смотрит на него страстным, хищническим взглядом, как кошка на мыш*») и охоты, соотносимой здесь, прежде всего, с семантикой «волчьего».

К мотиву охоты, хотя и в гораздо меньшей мере, причастна и Евлампия Купавина. Дело не только в том, что она становится наперсницей Глафиры, начавшей свою охоту на Лыняева. Получив от Беркутова замечательное по своей пошлости письмо, в котором тот сожалеет, что не может примчаться к ней «на резвых крыльях амура», Купавина не прочь использовать возникшую ситуацию в своих целях: «Что с ним сделалось? Неужели он думает, что я поверю этим глупостям? Ну, да прекрасно, надо оставить его в этом заблуждении; тем вернее

он попадется» [6, т. 4, с. 155]. Однако к «волкам» ее отнести невозможно, и взятая ею на себя роль охотницы при встрече с Беркутовым фактически сразу же нейтрализуется. Образ Купавиной во многом выстраивается из привычного набора признаков, которые обычно атрибутируются женщине и – если иметь в виду существующие стереотипы – до сих пор сохраняют свою консервативную силу. По-своему характерно, что именно с Купавиной, на протяжении всего сюжетного развития мечтавшей о свободе, соотносится мотив женской участи, что именно ее слова («наше женское счастье неразлучно с неволей») опровергает Мурзавецкая. Примечательны и ограничители, которые Купавина устанавливает для женщины («Чистота дело женское и очень немудреное; а как идет хозяйство у меня, я и не имею понятия»), то пространство (помимо дома), о котором она говорит в финале комедии, невольно добавляя женскую черту и Глафиры: «Нам еще с Глафирой Алексеевной нужно все магазины объездить» [6, т. 4, с. 205]. Наконец, это петербургское пространство жизни, которое определяет не она, а ее будущий муж, Беркутов.

Сохраняя социокультурную и психологическую конкретику в изображении женщин, Островский не отнимает и мужских качеств у попавших в разряд «овец» мужчин (Чугунов, Лыняев, Горецкий, Мурзавецкий). Его художественная логика не в том, чтобы придать им феминные черты «овец», какими на определенном этапе развития сюжета оказываются названные персонажи, но показать происходящие трансформации или даже девальвацию мужского. В этом плане наиболее интересна фигура Аполлона Викторовича Мурзавецкого, комизм которой в значительной мере вызван несоответствием имени / отчества их носителя и его реальной сущности. Виктор, как известно, означает «победитель», а Аполлон – бог греческого пантеона с набором многообразных функций и качеств, ряд из которых (помимо самых общих ассоциаций, определяемых именем), вероятно, осознанно обыгрывал Островский.

Аполлон Мурзавецкий связан с миром охоты, как и его олимпийский прототип, приходящийся братом-близнецом богине охоты Артемиде. Кроме того, античный бог – сам охотник, среди жертв которого отмечен и волк, к тому же он был и «хранителем от волков» [4, с. 53]. Персонаж Островского также позиционирует себя охотником, однако, как выясняется, на первом плане у него иные предпочтения, другое, хотя вполне мужское, пространство. Павлин сетует: «Одно место у них. Просто срам, сударь! В городе-то стыдятся; так возьмут ружье, будто за охотой, да на Раззорихе, в трактире и проклажаются. И трактиришко-то самый что ни есть дрянной, уж можете судить, – в деревне, на большой дороге заведение, на вывеске: “Вот он!” написано. Уж так-то не хорошо, что и сказать нель-

зя. Дня по два там кантуют, ссоры заводят, – и что им там за компания! Барышня уж послали буфетчика Власа, велели их домой привезти» [6, т. 4, с. 119]. Среди прочего обращает на себя внимание и последняя реплика Павлина, представляющая Мурзавецкого объектом чужой воли. Ср. далее: «Барышня хотят их установить и в хороший круг ввести», «Уж не женить ли его хотят?», «Да вот, должно быть, барина привезли» [там же].

Не исключены и другие осознанно сделанные Островским по принципу контраста параллели с античным богом. Если в отдельных источниках греческий Аполлон мыслится «водителем судьбы», то выгнанный из полка «за мелкие гадости» Аполлон Мурзавецкий способен лишь жаловаться на судьбу («Судьба, ма тант, судьба; а судьба – индейка»). На randevу с Купавиной, претендуя поначалу на философские сентенции в духе Хлестакова, но со ссылкой на полкового писаря («Души низкие ищут денег, души возвышенные ищут блаженства, как сказал один полковой писарь» [6, т. 4, с. 147]), он берет у нее «взаймы» пять рублей. Известно, что божественный олимпиец «вступает в связи с богинями и смертными женщинами, но часто бывает отвергнут» [4, с. 52], однако, надо думать, по другим причинам, чем истаскавшийся Аполлон Мурзавецкий, двойником которого в пьесе оказывается его пес Тамерлан – носитель другого громкого имени, но, как и в случае с хозяином, неизмеримо далекий от своего прототипа. По словам Павлина, «нешто такие Тамерланы бывают? Уж много сказать про него, что Глезор, и то честь велика; а настоящая-то ему кличка Шалай», «Окромя что по курятникам яйца таскать, он другой науки не знает» [6, т. 4, с. 121]. Звучащий здесь мотив подмены имени, разумеется, имеет отношение и к Аполлону Мурзавецкому, более того, именно его, опосредованно тонко, и характеризует он в первую очередь.

Итак, логика художественных решений Островского направлена не на то, чтобы придать Мурзавецкому феминные черты, а на то, чтобы девальвировать мужские (охотник, жених), дополнением к чему служат и стандартные, хотя в его огласовке обретающие известное своеобразие, представления о женщинах. Откликаясь на желание тетюшки покорить вдовье сердце, Аполлон заявляет, что более десяти слов с женщинами не произносит, поскольку опасно: «В реки бросаются, что за приятность!» [6, т. 4, с. 147]. Вряд ли в данном случае он вспоминает подсказываемую Островским читателю / зрителю ситуацию «Бедной Лизы» Карамзина. Лаконизм Мурзавецкого, скорее, объясним желанием поскорее принадлежать себе и разрешить вопрос, что лучше выпить: «...ром...ну его! Вреден мне, с мой характером нельзя. Попробую-ка ужо (*целкает пальцем себя по галстуху*) крамбамбулевой заняться. Как бы только вырваться у ма

тант? (*Прячет деньги в карман*)» [6, т. 4, с. 148]. Естественно, что сосредоточенность на такого рода «гамлетовском» вопросе (чаепитие он считает однозначно «бабьим занятием») приводит к предсказанному Павлином исходу, имеющему, конечно, отношение не только к Тамерлану, но и к его двойнику-хозяину: «Близ города, среди белого дня, лучшего друга... Тамерлана... волки съели!» [6, т. 4, с. 207]. Это финал не только комедии, но и мотива девальвации мужского, что наиболее последовательно связано с образом Аполлона Мурзавецкого.

Однако в комедии есть мужчина, который не растерял своих мужских качеств. Если и говорить в данном случае о девальвации, то она касается проявлений не мужского, но человеческого начала. Таков Беркутов, в контексте прозрачной семантики фамилии которого ключевыми словами при его характеристике оказываются «расчет» и «капитал». Точно замечено, что «человек Островского, принадлежащий этому ряду, предстает насквозь “характерным”, насквозь проникнутым социальной психологией, живущим исключительно в “историческом” времени. Его конкретно-историческая и социокультурная “феноменальность” будто съедает его душевный универсализм, уничтожает духовную вертикаль его внутреннего мира» [9, с. 160].

Беркутову уготовано особое место не только среди персонажей-мужчин, но и среди «волков»-женщин. Особое место занимает он и в сюжетно-композиционном движении пьесы: если Мурзавецкая затевает интригу, определяющую действие, то Беркутов ее разрешает, сводит на нет. Как «хищник» он, конечно, крупнее Мурзавецкой, что подтверждают и обращенные к ней слова Чугунова: «За что нас Лыняев волками-то называл? Какие мы с вами волки? Мы куры, голуби... по зернышку клюем, да никогда сыты не бываем. Вот они волки-то! Вот эти сразу помногу глотают» [6, т. 4, с. 206]. Получается едва ли не по П. Бурдые: «...мужчина обладает монополией на господство, потому что он приучен узнавать социальные игры и ставки, где разыгрывается господство» [2, с. 333]. Но с таким вердиктом не стоит торопиться.

Может показаться, что реплика Чугунова, пусть и использующего местоимение «они», характеризует исключительно Беркутова (или тип Беркутовых), тем более что следует за словами Мурзавецкой, сказанными именно о нем: «Вот золотой-то человек! Я его в поминанье запишу» [6, т. 4, с. 206]. В результате логично, казалось бы, заключить, что Островский в данном случае поддается распространенному представлению о преимуществах мужчины перед женщиной и если и не снимает полностью, то ослабляет характер оппозиции «волки / овцы», о которой до этого момента шла речь.

Правильнее, однако, истолковать местоимение «они» как относящееся не к одному Беркутову, а и к Глафире. Действительно, реплика Чугунова

об увезенных из губернии в Париж и Петербург деньгах, предваряющая его слова о «курах и голубях», в равной мере относится к ним обоим. Так же как и обращенные к Мурзавецкому, ставящие точку слова: «Тут не то что Тамерлана, а вот сейчас, перед нашими глазами, и невесту вашу с приданым, и Михаила Борисыча с его именем волки съели, да и мы с вашей тетенькой чуть живы остались» [6, т. 4, с. 207]. «Волки» здесь – это Беркутов и Глафира, два наиболее близких персонажа комедии, пусть и действующие с разным размахом и целями.

Итак, отталкиваясь от существующих стереотипов (в известной мере и от своих привычных решений), Островский относит к «волкам» и «овцам» как мужчин, так и женщин. В этом смысле в пьесе по-своему парадоксально, по преимуществу в ключе негативной антропологии, отчасти предписанной жанром, выражена мысль о своеобразном равенстве героев и героинь. Но главным основанием общности оказываются не законы комедийного жанра, а сближение женщин и мужчин в их родовых, общечеловеческих свойствах. Это не означает, однако, безразличия драматурга к тому, что позднее назовут гендером, к поведенческим особенностям социального пола и тем сложившимся конвенциям (зачастую стереотипам), которые данные особенности определяют. Изображая человека в социально-психологической конкретике, Островский не мог пройти и мимо специфически женских и мужских проявлений характера и поведения. И тем не менее, своеобразии комедии «Волки и овцы» в первую очередь определяется сближением героев и героинь, которым в равной степени дано быть и «волками», и «овцами».

Библиографический список

1. Бовуар С. де. Второй пол. – М.; СПб.: Прогресс, 1997. – 403 с.
2. Бурдые П. Мужское господство // Социальное пространство: поля и практики. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. – С. 284–364.
3. Журавлева А.И. А.Н. Островский-комедиограф. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. – 216 с.
4. Лосев А.Ф. Аполлон // Мифология. – М.: Большая рос. энцикл., 1998. – С. 52–53.
5. Мильдон В.И. Логика и сверхлогика любви в драматургии А.Н. Островского: (набросок на тему «Островский и Достоевский») // Щельковские чтения, 2001: А.Н. Островский. Новые материалы и исследования. – Кострома, 2001. – С. 73–78.
6. Островский А.Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. – М.: Искусство, 1973–1980.
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – М.: Прогресс, 1987. – Т. 3. – 831 с.
8. Шалимова Н.А. Человек в художественном мире А.Н. Островского. – Ярославль: Яросл. гос. театр. ин-т, 2007. – 272 с.

РУССКАЯ КРИТИКА СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА О НАРОДНОЙ И ДВОРЯНСКОЙ КУЛЬТУРЕ В ПЬЕСЕ А.Н. ОСТРОВСКОГО «НЕ В СВОИ САНИ НЕ САДИСЬ»*

В статье осмысливается целый ряд критических отзывов 1850-х – начала 1860-х годов о первой, поставленной на сцене пьесе А.Н. Островского «Не в свои сани не садись», вызвавшей большой интерес у критиков в связи с триумфальным успехом у публики её премьерных спектаклей в обеих столицах. Интерес и симпатии драматурга к русской патриархальности, к народной культуре, предпочтение её культуре полубразованной части дворянского сословия породили резкие критические отзывы со стороны западников и сторонников женской эмансипации П.Н. Кудрявцева, Н.С. Назарова, Н.Ф. Павлова, Н.Г. Чернышевского и др., обвинивших драматурга в защите отсталости и косности. Позицию писателя как глубоко органичную и объективную защищали А.А. Григорьев, П.В. Анненков и другие критики, считавшие, что в его пьесах симпатии к народной культуре не отменяют уважительного отношения к просвещению и дворянской культуре. В отличие от радикалов, представители эстетической и органической критики сумели наиболее адекватно оценить позицию Островского.

Ключевые слова: А.Н. Островский, пьеса «Не в свои сани не садись», народная и дворянская культура, славянофиль и западники, эстетическая, радикальная, органическая критика 1850-х – начала 1860-х годов.

А.Н. Островский – один из тех великих русских художников середины XIX века, которые остро осознавали весь драматизм противостояния миропонимания народа и дворянства в современном обществе. Островский, подобно Грибоедову, мог бы воскликнуть: «Каким чёрным волшебством сделались мы чужие между своими» [6, с. 283], разумея под этим «мы» образованные сословия, прежде всего дворянство. Проблема противостояния народной и дворянской культур оказалась одной из самых актуальных для всего творчества драматурга. В связи с этим важно отметить, что в исследованиях советского периода ей почти не уделялось внимания. Всё то, что касалось противопоставления представителей разных сословий в пьесах Островского, как правило, подводилось под ранжир социальных проблем. Однако в прижизненной критике, особенно в критике 1850-х – 1860-х годов, проблема противостояния народной и дворянской культур была заявлена остро, она стала предметом полемики.

Москвитянинские пьесы драматурга свидетельствуют о том, что он сделал для себя выбор: все его симпатии на стороне народной культуры и её носителей. Впервые вполне определённо эти симпатии заявлены в пьесе «Не в свои сани не садись». Конфликт её можно определить как «драматическое столкновение тысячелетней, общенародной, укоренённой культуры с преломлением новой европейской культуры» [14, с. 88] в сознании полубразованных представителей дворянства. В комедии очевидна личностная несоразмерность персонажей: на фоне Русакова, Бородкина, Дуни, за плечами которых вековая народная духовная культура, дворянин Вихорев – «фитюлька», герой, недостойный серьёзного к себе отношения как по причине его поверхностной приобщённости к европейской

культурной традиции, так и по причине недалёкого ума. Отныне и навсегда у Островского герой-дворянин окажется лишён авторских симпатий.

Критика 1850-х годов незамедлительно откликнулась на такое необычное для современной литературы решение проблемы. Одним из первых указал на различие в духовной культуре героев пьесы И.И. Панаев в журнале «Современник»: «Мысль новой комедии выступает ярко и рельефно. В ней люди грубые, простые, необразованные, но с душой и с прямым здравым смыслом поставлены рядом с людьми полубразованными... <...> Простые и грубые люди – этот Русаков и Бородкин являются у него чуть не гомерическими героями в сравнении с образованным Вихоревым. Как прекрасны эти мужики в своей простоте и как жалок этот Снобе, этот промотавшийся добрый мальчик, в своей наглости и в своих претензиях!» [21, с. 263].

Однако большинству критиков такое противопоставление героев показалось несколько оскорбительным для представителей образованного сословия. Рецензент газеты «Русский инвалид» упрекает автора в непрояснённости его позиции, скрытой в пословице «Не в свои сани не садись»: «Что он хотел сказать – то ли, что каждое сословие должно быть верно самому себе, оставаясь в своих пределах и не переходить в другие сословия, или то, что истинная любовь не знает интереса?» [26, с. 288].

Полемике вокруг пьесы спровоцировал противоречивый отклик в «Отечественных записках» профессора Московского университета западника П.Н. Кудрявцева, в котором говорится о тенденции автора, выразившейся в идеализации представителей купечества, в противопоставлении людей необразованных образованным в пользу первых. По мысли критика, Дуне, «лишённой всякой внутренней опоры, могло бы помочь одно – на-

* Статья написана при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 13-04-00113а.

стоящее образование, то, которое не ссорится ни с бороною, ни с другими особенностями внешнего вида и заботится гораздо больше о содержании, нежели о форме» [15, с. 107]. Кудрявцев обеспокоен тем, что публика откажется от стремления к образованию, когда за его образчики выдаются вихоревы и арины федотовны [15, с. 118]. Кудрявцева поддержал рецензент журнала «Пантеон» (предположительно, его редактор Ф.А. Кони), он также увидел дурную сторону драмы в том, что в ней необразованные лица противостоят лицам образованным и не показан вред «от полуобразования, представляемого в драме Вихоревым и Ариной Федотовной» [24, с. 36–37].

Одним из первых высказал несогласие с позицией Кудрявцева критик «Москвитянина» Е.Н. Эдельсон. Он не принял упреки драматургу в стремлении показать торжество образованности над необразованностью, констатируя при этом: «Действительно, “образованные люди” комедии оказываются в продолжение её развития людьми без всяких правил, а “невоспитанные” честными и прямодушными» [28, с. 43].

Не согласился с Кудрявцевым и сотрудничавший в «Библиотеке для чтения» А.В. Дружинин, считавший, что пьеса «отличается и вкусом, и воздержностью в употреблении красноречия, и сжатостью речей» [11, с. 75]. Однако критик высказал в адрес драматурга упрек, непосредственно связанный с культурой героев его пьесы: по его мнению, в языке персонажей Островский «смешал... элемент вечный с элементом временным. Язык, которым говорит большая часть его действующих лиц, через пятьдесят лет будет забыт в тех самых классах, которые на нём говорят ныне; и чтобы уразуметь в нём самое смешное и меткое, понадобится комментарий, скучный, сухой комментарий!» [2, с. 72]. Признавая прозорливость Дружинина, нельзя не заметить, что подобная оценка языка героев Островского могла появиться по причине нежелания признать своеобразие миропонимания драматурга, для которого уже в период создания пьесы «Не в свои сани не садись» глубоко органичны народнопоэтические воззрения на мир, народная житейская мудрость, выражавшиеся в народном слове.

В ироничной рецензии Н.Г. Чернышевского на пьесу «Бедность не порок» в «Современнике» содержался несправедливый упрек Островскому в идеализации патриархальных устоев, в том, что в его комедии «Не в свои сани не садись» «ясно и резко было сказано: *полуобразованность хуже невежества*, но не прибавлено, что лучше и той и другого: *истинная образованность*» [27, с. 17]. Имея в виду пьесы «Не в свои сани не садись» и «Бедность не порок», Чернышевский делал вывод: «В двух своих последних произведениях г. Островский впал в приторное прикрашивание»

того, что не может и не должно быть прикрашиваемо. Произведения вышли слабые и фальшивые» [27, с. 24].

Реакция на подобный выпад последовала незамедлительно. Б.Н. Алмазов в журнале «Москвитянин» упрекнул Чернышевского в том, что он навязывает Островскому своё мнение [1, с. 37]. На защиту драматурга встали «Пантеон» [20, с. 12] и даже «Отечественные записки». В этом журнале С.С. Дудышкин говорит о несправедливости отзыва Чернышевского о произведениях Островского и о том, что его крайне удивила статья «своей опрометчивостью суждений, ничем не доказанною» [12, с. 158]. Отвечая Дудышкину, Чернышевский опубликует известную статью «Об искренности в критике», о которой Дудышкин скажет, что она «написана не без раздражения, к тому же темна и сбивчива... наконец, статья скучна», и поставит перед читателем справедливый вопрос: «неужели критика – игрушка, а критикам дано право унижать лучших писателей...» [13, с. 91].

Однако позиция «Отечественных записок» в отношении к Островскому и его пьесе не была последовательной. В том же июньском номере журнала за 1854 год, где был помещён отзыв Дудышкина, в рецензии на «Бедность не порок» П.Н. Кудрявцев вновь допускает иронические суждения в адрес драматурга, заявляя, что Островский превращает сцену «в балаган», представляя в пьесе святочное веселье, а «самые грязные стороны действительности» (Любим Торцов) возводит «в достоинство идеалов» [16, с. 101].

И вновь Эдельсон, отвечая Кудрявцеву, упрекает его в совершенном отсутствии чувства народности, в крайней недобросовестности и придирчивости, объяснимыми лишь духом партии, то есть западнической позицией журнала и автора [29, с. 88–90].

В 1856 году в журнале «Музыкальный и театральный вестник» от нападок критики Островского пытался защитить и известный в будущем педагог В.Я. Стоюнин. Имея в виду пьесу «Не в свои сани не садись», он писал: «Здесь автор как будто хотел показать, что в каждом сословии есть лица прекрасные, благородные, умевшие сохранить нравственное чувство, хотя они и не могут называться образованными, да и не думают так называть себя» [25, с. 89]. Стоюнин говорит о ложной образованности Вихорева, Липочки, Арины Федотовны, Торцова, Коршунова и др., но в заслугу драматургу ставит то обстоятельство, что в его пьесах есть герои, стремящиеся к истинной образованности, как, например, Андрей Брусков из пьесы «В чужом пиру похмелье» [25, с. 91].

С годами интерес к пьесе «Не в свои сани не садись» не угас. В период острого противостояния демократов и либералов комедия оказалась неоднократно использована в полемике по вопросам

патриархальности, народного образования, женской эмансипации, отношений между сословиями.

В 1859 году на страницах «Отечественных записок» появилась статья одного из театральных деятелей Н.С. Назарова. Он вынес решительный и бесцеремонный приговор таланту Островского, заявив, что в «комедии-драме» «Не в свои сани не садись» «старому приносилось в жертву новое, патриархальности – цивилизация» [18, с. 90]. Назаров навязывает Островскому своё понимание идеи пьесы: «Идея эта ужасна: идея каст, идея разделения сословий. Автор полагает, что Дуня непременно несчастлива была бы, если б вышла за Вихорева. <...> Почему же образованному и развитому дворянину не жениться на купчихе, мещанке, крестьянке, если только она тоже девушка образованная и развитая?» [18, с. 90] Финальной фразой в статье становится призыв, обращённый к Островскому и ко всем современным писателям: «надо мыслить, мыслить и мыслить» [18, с. 113].

И вновь в полемику включается А.В. Дружинин. Он высказывает своё возмущение неверным истолкованием Назаровым авторской позиции в комедии Островского. Дружинина также не устраивает отношение Чернышевского и Кудрявцева к пьесам драматурга. Критик удивлён тем, что Островского обвиняют в славянофильских пристрастиях, в предпочтении непросвещённого, грубого Русакова образованному Вихореву, тогда как в произведениях Тургенева и Григоровича то же самое не подвергалось критике: «Неужели честность, простота и кротость, общие хорошему русскому простолюдину, имеют свою цену лишь в соединении с крепостным состоянием, в зажиточном же купце нелепы и невозможны?» Критик считает, что безнравственного Вихорева нельзя признать «представителем унижаемого европеизма» [23, с. 17].

В отличие от Чернышевского, его единомышленник Н.А. Добролюбов в статьях «Тёмное царство» и «Луч света в тёмном царстве» не заостряет вопрос на проблеме противостояния культур. Он ищет и находит в произведениях Островского верное отражение действительности, а среди его героев из народа – протестантов (Катерина). В пьесе «Не в свои сани не садись» критик видит «контраст умного, солидного Русакова и доброго, честного Бородкина – с жалким вертопрахом Вихоревым» [5, с. 60] По словам Добролюбова, «Максим Федотыч Русаков – этот лучший представитель всех прелестей старого быта, умнейший старик, *русская душа*...» [5, с. 61], хотя и его, как Брускова, Большова и других, критик называет самодуром. Добролюбов утверждает, что Островский никогда не был выразителем ни славянофильской, ни западнической идеи. Однако, говоря о необходимости воспитания в человеке, прежде всего в женщине (Дуня Русакова), жажды «всякой свободной и разумной деятельности» [4, с. 60],

Добролюбов по сути оказывается близок своему идейному вдохновителю Чернышевскому в защите образования и равноправия женщин. Позицию Добролюбова разделяет критик «Русского слова» А.С. Гиероглифов [10, с. 25–44].

Н.А. Добролюбову, Н.С. Назарову и другим критикам ответил Ап. Григорьев. В 1860 г. в газете «Русский мир» он выступил с большой статьёй об Островском, в которой упрекал критиков за то, что они отказывали драматургу в истинном таланте, советовали «мыслить, мыслить и мыслить». Григорьев считал, что Островский не теоретик, а драматург, изображающий своих героев «с наивною правдою народного поэта» [7, с. 20]. Драматург выражает точку зрения массы на своих героев, именно поэтому в пьесе «Не в свои сани не садись» «никакими рассуждениями вы не добьётесь от массы ни понимания вреда от самодурства почтенного Максима Федотыча Русакова, ни сочувствия к чему-либо иному, кроме как к положению того же Русакова, к простой и глубокой любви Бородкина и к нежестокости положению бедной девушки, увлечённой простотой своей любящей души – да советами протестантки тётушки» [8, с. 24]. Островского Григорьев называет народным поэтом и учителем массы: «Слово для разгадки его деятельности не “самодур”, а “народность”» [8, с. 24]. Григорьев говорит, что четыре пьесы Островского, допущенные к тому времени к представлению: «Бедная невеста», «Не в свои сани не садись», «Бедность не порок», «Не так живи, как хочется», – «создали народный театр» [9, с. 36].

В 1860 году в отзыве о «Грозе» редактор «Нашего времени», ревностный защитник модной идеи женской эмансипации Н.Ф. Павлов с иронией писал о пьесе «Не в свои сани не садись»: «...для чего же г. Островский так назвал свою драму и к какому явлению применил пословицу? Она имеет два смысла. Один прекрасен и годится для всех эпох. Другой отвратителен и характеризует времена рабства, каст, ложного смирения и ложной гордости» [20, с. 62]. В пьесе «событие незамысловато, не сложно, образы грубы, а между тем в них таится оправдание великой истины: “не в свои сани не садись”. <...> Нас поучает сам автор от своего собственного имени, он указывает пальцем на основную идею своего произведения, на высококонрастный дух, вложенный в него, на тот путеводный луч, который должен руководить нас по обманчивым и завлекающим дорогам жизни» [20, с. 63]. По мнению рецензента, автор указывает Дуне не мечтать ни о ком, кроме «ненаглядного сокровища Бородкина. <...> Всё это прекрасно, но куда же ей девать те человеческие свойства, которые она, вопреки желанию автора, получила от природы? Что же делать ей с воображением, если оно не помещается в рамки, устроенные руками китайцев? <...> Дуня виновата в том, что выбрала

мерзавца и совершенно права, что хотела сесть не в свои сани. <...> Тятенька не сходит у неё с языка. От её тятеньки просто житья нет. Поговорив с ним немного, она без малейшего возражения идёт за Бородкина» [20, с. 63]. Но куда же делась её любовь? – восклицает рецензент и отвечает: «Бородкин не хлопчет о том, в каком положении находится сердце Дуни, возможен ли и приятен ли теперь доступ к нему...» [20, с. 64]. Намекая на безнравственность как Дуни, так и Бородкина, Павлов заявляет: Бородкин взял бы Дуню, «если б она воротилась от пятерых» кавалеристов [20, с. 64].

Одним из первых объективный, аргументированный ответ вульгарным выпадам Павлова дал П.В. Анненков. Надо заметить, что сразу после появления комедии в 1853 году в письмах И.С. Тургеневу критик очень сдержанно высказывался об Островском и его пьесе, поскольку не принял славянофильскую тенденцию в ней [3, с. 16, 18]. В письме Т.Н. Грановскому от конца февраля 1853 г. Анненков писал о «глупости» драматурга, выразившейся в том, «что купцы есть его идеалы, к которым должны стремиться все народы мира сего» [19, с. 596]. Однако в 1860 году, отвечая Н.Ф. Павлову, в статье «О бурной рецензии на “Грозу” Островского, о народности, образованности и прочем» Анненков пишет: «К сожалению, бурная рецензия показала нам удивительный пример крайнего непонимания нравственных стихий, заключённых в русской народности, своим разбором пьесы г. Островского *Не в свои сани не садись* и главных действующих лиц её, купеческой дочери “Дуни” и купеческого сына “Бородкина”» [2, с. 16]. Анненков указывает на узость толкования рецензентом народной поговорки, давшей название пьесе. Сам он считает, что её общечеловеческий смысл состоит в следующем: «Гордись сословием, к которому принадлежишь и не меняй своих саней, потому что они стоят всяких других» [2, с. 16]. О Дуни критик говорит: «Никогда ещё не видали мы такого озлобления при оценке выдуманного и воображаемого лица, а между тем лицо это есть наивный образ (наивность составляет редкость в нашей литературе) простой, ограниченной, влюблённой и потерявшей девушки. На чём основано право публично подвергать её страшной казни за один девичий проступок и право не щадить для неё позорных слов и эпитетов? Право это усвоено рецензией, как нам кажется, только на одном основании: “Дуня ограничена и притом она купеческая дочка”. <...> На основании мысли, что Дуня слишком скоро забыла Бородкина и потом слишком скоро вспомнила о нём, рецензия прямо называет её распутной, нисколько не заботясь о том, что в пьесе г. Островского настоящее основание есть именно любовь Бородкина и возникающая привязанность Дуни, прерванная эпизодом с кавалеристом, как внезапным ураганом страсти и увлечения. <...>

Непонимание обеих сфер, художественной и народной, оказывается особенно в разборе личности Бородкина. <...> Бородкин, по мнению рецензии, есть представитель того круга людей, который живёт в полном неведении моральных начал и относится совершенно безразлично к нравственной красоте и нравственному уродству» [2, с. 17–18]. Анненков возражает против такой трактовки, обращая внимание на то, что в поведении Бородкина выразилась особенность национального миропонимания: «Человек русский скор на прощение» [2, с. 19]. Эту мысль Островский выразил в своём произведении, он не ставит в противоположность друг другу народность и образование. И с этим согласен Анненков: «Напротив, мы убеждены, что родство и одновременное развитие их составляет единственные признаки действительного существования общества. Везде, где повстречается чистая народность без примеси возвышающих и облагораживающих общечеловеческих идей, и везде, где повстречается образованность, довольствующаяся сама собой, без содействия и влияния народных элементов, – там нет будущности для общества и в строгом смысле слова можно сказать, что там ещё не началось историческое существование его» [2, с. 21]. Критик считает, что Павлов не усвоил этого понятия и судит героев пьесы с точки зрения мнимой образованности, которая «страшнее, невыносимее любого проявления дикой природы» [2, с. 21]. В доказательство этого Анненков приводит возмущившие его слова о пятерых кавалеристах и ставит в вину Павлову то, что он не понял и не желал понять предмета, о котором пишет.

Драму Островского Анненков называет «превосходной» [2, с. 23] и признаётся, что главное для него в статье – «выразить несколько мыслей об отношениях, долженствующих существовать между народностью и образованностью. В настоящую эпоху правильные отношения между ними составляют жизненный вопрос всего нашего общества. <...> Задача образованности одна только и может быть – *помогать* открытию и развитию всех нравственных сил народа для того, чтобы в нём и найти конец своему существованию, как отдельное и независимое понятие» [2, с. 24].

Одновременно со статьёй Анненкова достойный ответ Павлову появился и в «Драматическом сборнике». Его автор, скрывшийся под инициалами А.М., возмущён тем, что Павлов отказывает Бородкину в Божьей искре, в умении любить, чувствовать и переносит это заключение на всех людей той среды, из которой взят Бородкин, а потому считает Бородкина и Дуню недостойными внимания просвещённого общества: «“Наше время” не может поверить, чтобы у Дуни и вообще у людей её сорта душа страдала от горя, от обманутых надежд, от оскорблённого чувства» [17, с. 5]. Рецензент говорит об истинных нравственных побуждениях Бо-

родкина, который женится на Дуне с её согласия, а не просто берёт её как вещь: «Нет, Бородин брал ту, которая обманывать не стала бы», он «не позор прикрывает своим именем, а спасает обманутую девушку от беды будущей, от отчаяния и, быть может, от гибели» [17, с. 6]. Автор рецензии считает, что Бородин нельзя обвинить в неуважении свободы женщины, он признаёт право Дуни распоряжаться своим сердцем по влечению: «*Наше время* не понимает, куда девалась любовь Дуни к Вихореву. <...> Она исчезла с потерей веры в этого человека и вернулась к Бородину с верой в него» [17, с. 12–13]. В конце отзыва автор иронизирует над Павловым, говоря, что человек с его понятиями не способен на благородный поступок Вани Бородинки. По мнению рецензента «Нашего времени», Дуня должна была пойти к отцу и требовать сто тысяч, чтобы погибнуть рядом с Вихоревым: «Вот тогда бы вышла драма, достойная удовлетворить потребности просвещённого общества нашего времени, тогда *Наше время* нашло бы сочувствие к лицам подобной драмы, основанной на самолюбии, на светских условиях...» [17, с. 15].

Осенью 1860 года своеобразный итог полемики вокруг пьесы подвёл Добролюбов. В статье «Луч света в тёмном царстве» он писал: «...г. Павлов (Н.Ф.) разве не извивался, давая разуметь такие положения: русская народная жизнь может дать материал только для балаганских представлений; в ней нет элементов для того, чтобы из неё состроить что-нибудь сообразное “вечным” требованиям искусства; очевидно поэтому, что Островский, берущий сюжет из простонародной жизни, есть не более, как балаганный сочинитель...» [4, с. 235]. По мнению Добролюбова, «читатели дали заметить критику, что он с своей теорией вертится, как белка в колесе, и потребовали, чтоб он вышел из колеса на прямую дорогу. Округленная фраза и ловкий силлогизм показали им недостаточными; они потребовали серьезных подтверждений для самых посылок, из которых г. Павлов делал свои заключения и которые выдавал как аксиомы» [5, с. 245]. Добролюбов говорит о том, что достойный ответ Павлову дан «г. Анненковым, которого никто не упрекнет в излишней приверженности к “вульгарности”» [5, с. 245].

Заключая, считаю необходимым отметить, что первая появившаяся на сцене и имевшая триумфальный успех у зрителя обеих столиц комедия Островского «Не в свои сани не садись» стала объектом всеобщего внимания критики, как театральной, так и литературной. Проблема народности и образованности героев в ней становится предметом острой полемики, в ходе которой высказываются как защитники славянофильских убеждений, близкие драматургу по журналу «Москвитянин», так и сторонники крайних западных, позитивистских взглядов. Очевидно, что ближе дру-

гих к пониманию позиции драматурга оказались представители «органической» и «эстетической» критики, увидевшие в творчестве Островского сочетание уважительного отношения к глубокой образованности, православному миропониманию, народнопоэтическому воззрению на мир.

Библиографический список

1. А., Б. (Алмазов Б.Н.). Современник. № 4–5 // Москвитянин. – 1854. – Т. 4. – № 13. – С. 36–38.
2. Анненков П. О бурной рецензии на «Грозу» Островского, о народности, образованности и прочем // Библиотека для чтения. – 1860. – Т. 158. – С. 1–25.
3. Анненков П.В. Письма к И.С. Тургеневу. Кн. 1. 1852–1874. – СПб.: Наука, 2005. – 532 с.
4. –бов Н. (Добролюбов Н.А.) Луч света в тёмном царстве // Современник. – 1860. – Т. 83. – № 10. – С. 233–292.
5. –бов Н. (Добролюбов Н.А.) Тёмное царство. (Сочинения А. Островского. Два тома. СПб., 1859) // Современник. – 1859. – Т. 77. – № 9. – С. 53–128.
6. Грибоедов А.С. Загородная поездка // Грибоедов А.С. Сочинения. – М.: Худ. лит., 1988. – С. 382–384. (Сочинения, приписываемые А.С. Грибоедову.)
7. Григорьев А. После «Грозы» Островского. Письма к И.С. Тургеневу. Письмо второе // Русский мир. – 1860. – № 5. – 16 янв. – С. 20.
8. Григорьев А. После «Грозы» Островского. Письма к И.С. Тургеневу. Письмо второе // Русский мир. – 1860. – № 6. – 20 янв. – С. 24.
9. Григорьев А. После «Грозы» Островского. Письма к И.С. Тургеневу. Письмо второе // Русский мир. – 1860. – № 9. – 30 янв. – С. 35–36.
10. Г-фов А. Любовь и нигилизм // Русское слово. – 1863. – № 1. – С. 25–44.
11. (Дружинин А.) Письмо Иногороднего подписчика о русской журналистике // Библиотека для чтения. – 1853. – Т. 119. – С. 71–79.
12. (Дудышкин С.С.) Журналистика. (Критические отзывы «Современника» о произведениях Островского, Евгении Тур и Авдеева) // Отечественные записки. – 1854. – Т. 94. – С. 157–162.
13. (Дудышкин С.С.) Журналистика. (Что такое «Искренность в критике»? Что такое резкость литературных приговоров? Что такое журнальная последовательность и отчего рождаются толки о простых и обыкновенных понятиях?) // Отечественные записки. – 1854. – Т. 95. – С. 91–102.
14. Журавлёва А.И. А.Н. Островский – комедиограф. – М.: Изд. МГУ, 1981. – 216 с.
15. (Кудрявцев П.Н.) Журналистика // Отечественные записки. – 1853. – № 87. – С. 100–120.
16. (Кудрявцев П.Н.) Новые книги («Бедность не порок»). Комедия в 3-х действиях А.Н. Островского. М., 1854 // Отечественные записки. – 1854. – Т. 95. – С. 79–101.

17. М., А. Грустная мысль среди бури, поднятой «Нашим временем» по поводу «Грозы» // Драматический сборник. – 1860. – № 3. – С. 1–16.
18. Н. Н. (Назаров Н. С.) Сочинения А. Н. Островского. Два тома. СПб., 1859 // Отечественные записки. – 1859. – Т. 125. – С. 86–113.
19. Островский в неизданной переписке современников // Литературное наследство: А. Н. Островский. Новые исследования и материалы. Т. 88. Кн. 1. – М.: Наука, 1974. – С. 596–635.
20. (Павлов Н. Ф.) «Гроза» (Драма в пяти действиях А. Н. Островского) // Наше время. – 1860. – № 4. – 7 февр. – С. 62–64.
21. (Панаев И. И.) Заметки и размышления Нового поэта по поводу русской журналистики // Современник. – 1853. – Т. 38. – С. 261–267.
22. Петербургский вестник. Литература. Журналистика. (Критика «Современника» // Пантеон. – 1854. – Т. 15. – № 6. – С. 12.
23. Редакция. (Дружинин А. В.) Сочинения Островского и проч. // Библиотека для чтения. – 1859. – Т. 156. – С. 1–42.
24. Русский театр в Петербурге («Не в свои сани...») // Пантеон. – 1953. – Т. 8. – № 4. – С. 25–38.
25. Стоюнин В. Некоторые вопросы по поводу комедии Островского «В чужом пиру похмелье» // Музыкальный и театральный вестник. – 1856. – Ч. 1. – № 5. – 29 янв. – С. 88–92.
26. Фельетон (Новая комедия Островского) // Русский инвалид. – 1853. – № 70. – 29 марта. – С. 288–289.
27. Чернышевский Н. Г. Бедность не порок, комедия А. Островского // Современник. – 1854. – Т. 45. – № 5. – С. 14–24.
28. Э. (Эдельсон Е. Н.) Отечественные записки. 1853. Т. 4. Апрель // Москвитянин. – 1853. – Т. 3. – № 9. – С. 37–48.
29. Э-н Е. (Эдельсон Е.) Отечественные записки. 1854. № 6 // Москвитянин. – 1854. – Т. 4. – № 14. – С. 88–90.

Ильина Наталия Кирилловна

кандидат филологических наук
Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова
nk_ilina@mail.ru

РИТМИКА РЕЧИ ПЕРСОНАЖЕЙ-АКТЕРОВ В ПЬЕСАХ А.Н. ОСТРОВСКОГО

Статья затрагивает общие особенности ритма в пьесах А.Н. Островского, в частности проблемы метрических цепочек в спонтанной и драматургической речи, специфику ударных (хореических) начал, характерных для устной речи и фольклора, которые реализуются и в речи героев пьес. Наряду с упомянутыми характеристиками прозаического ритма в статье подробно рассматривается методика Г.Н. Ивановой-Лукьяновой, согласно которой ритм прозы определяется по трем ритмообразующим единицам: ударным слогам, границам синтагматического членения и интонациям. Материалом для анализа послужила речь персонажей-актеров двух пьес Островского: «Лес» (реплики Геннадия Несчастливцева и Аркадия Счастливецова) и «Без вины виноватые» (реплики Григория Незнамова и Шмаги). Результат анализа реплик Несчастливцева и Незнамова, с одной стороны, и Счастливецова и Шмаги, с другой, свидетельствует о том, что степень метризации речи героев с ореолом трагичности выше, чем у комических персонажей. Методика Г.Н. Ивановой-Лукьяновой показала, что три ритмические характеристики (слоговая, синтагматическая и интонационная) присущи речи героев Островского: 1) слоговая ритмическая характеристика базируется на упорядоченности междуударных интервалов и избегает как нулевых, так и слишком длинных (в четыре и более безударных слогов) междуударных интервалов; 2) речи большинства героев Островского свойственна идеальная или близкая к идеальной синтагматическая ритмическая характеристика, так как в речи персонажей мало контрастных по величине синтагм, превышающих два такта; 3) интонационная характеристика также обнаруживает немного отклонений от абсолютной ритмичности, которая заключается в волновом характере восходящих и нисходящих интоном.

Ключевые слова: А.Н. Островский, ритм прозы, ритмические характеристики, методика Г.Н. Ивановой-Лукьяновой, ударные слоги, синтагмы, интономы.

Одна из первых методик определения ритма прозы основывалась на достижениях отечественного стиховедения начала XX века и была применена А. Белым в практике создания метризованной прозы. Приемы изучения поэтического ритма переносились на прозаический текст, в котором улавливались так называемые «случайные метры» [10], то есть цепочки стоп, соответствовавшие основным поэтическим размерам, причем для двусложников, ямба и хорея, минимальная протяженность этих цепочек должна была составлять четыре стопы, а для трехсложников, дактиля, амфибрахия и анапеста, – три. Несмотря на различную природу стиха и прозы, применение стиховедческих методов к анализу ритма прозы давало исследователям интересные результаты, особенно в изучении ритмизованной прозы. Однако и драматургический материал оказался благодатной почвой в исследовании метрической картины речи героев [4; 5].

Анализ реплик персонажей в пьесах А.Н. Островского наглядно показывает устойчивую тенденцию к преобладанию хореев в «случайных метрах», тенденцию, типичную для народной поэзии. Об этой же народной природе хорея писал и М.Л. Гаспаров: «...хореи ощущаются как размеры более “народные”, более близкие к фольклорному стиху» [1, с. 18]. Таким образом, обилие «случайных метров» в пьесах и, вследствие этого, высокая степень метризации речи персонажей могут свидетельствовать о стремлении драматурга к поэтизации народной речи. Вместе с тем известно, что ритм разговорной речи опирается на интуитивное стремление к более-менее равномерному

чередованию ударных и безударных слогов [7, с. 100–101], причем для русской речи типичны ударные начала фраз. Отсюда следует, что и в драматургической речи, воспроизводящей естественную разговорную речь, вполне ожидаемы хореические зачины и цепочки «случайных метров».

Статистические данные констатируют определенную закономерность в большем использовании двусложников по сравнению с трехсложниками, и эти результаты устойчивы, они дают постоянные средние величины: 60% двусложных метрических цепочек и 40% трехсложных [5; 6]. Вероятно, употребление двусложных размеров в «случайных метрах» типично также для разговорной и драматургической речи.

Из десяти персонажей-актеров в пьесах Островского мы выбрали сопоставимые пары – Несчастливцева и Счастливецова из комедии «Лес» и Незнамова и Шмагу из пьесы «Без вины виноватые». Близость итоговых цифр, полученных на основе анализа реплик Несчастливцева и Незнамова, с одной стороны, и Счастливецова и Шмаги, с другой, свидетельствует о том, что метрика речи героев с ореолом трагичности выше, чем у комических персонажей (см.: табл. 1).

Существует целый ряд методик определения ритма прозы: методики М.М. Гиршмана, А.М. Пешковского, М.А. Красноперовой, Г.Н. Ивановой-Лукьяновой. В предлагаемой статье ритмика речи упомянутых выше персонажей-актеров будет рассмотрена с помощью методики Г.Н. Ивановой-Лукьяновой.

Исследовательница рассматривает «ритм прозы как фонетическое явление, в котором принимают

Общие результаты по количеству «случайных метров»

Метр (кол-во слогов)	«Лес» (1870)		«Без вины виноватые» (1881)	
	Счастливец	Несчастливцев	Незнамов	Шмага
Ямб	394 (20%)	1476 (25,3%)	721 (27,2%)	180 (25%)
Хорей	647 (33%)	2170 (37,2%)	907 (34,2%)	227 (31,3%)
Всего двусл.	53%	62,5%	61,4%	56,3%
Дактиль	378 (19%)	964 (16,6%)	351 (13,2%)	73 (10%)
Амфибрахий	235 (12%)	712 (12,2%)	314 (12%)	118 (16,3%)
Анапест	324 (16%)	505 (8,7%)	356 (13,4%)	126 (17,4%)
Всего трехсл.	47%	37,5%	38,6%	43,7%
Итого	1978	5827	2649	724
Всего слогов в репликах героя	3422	9166	3881	1188
Степень ме-тризации речи	58%	63,6%	68,3%	61%

участие следующие ритмообразующие единицы: ударные слоги, границы синтагматического членения и интонаемы <...> Слоговая характеристика (С) легко определяется по безударным интервалам: нарушением ритма считаются интервалы в четыре слога и более, а также нулевые. Синтагматическая (К) характеристика определяется по количеству тактов (ударений) в синтагме (строчке): нарушает ритм контраст более двух тактов. Для подсчета интонационной (И) характеристики введены обозначения интоном: В – восходящая, Н – нисходящая, Р – ровная; нарушает ритм соседство одинаковых интоном» [2].

Исследования Г.Н. Ивановой-Лукьяновой показали, что средняя величина для слоговой ритмической характеристики художественного текста равна 1,1, для синтагматической – 0,11, наиболее частотный показатель для интонационной ритмической характеристики – 0,6 [3, с. 153, 156, 159].

Первая ритмическая характеристика – слоговая (С) – коррелирует с биением человеческого сердца и базируется на упорядоченности междуударных интервалов, равных в среднем двум слогам.

Нарушения ритма, связанные с междуударными интервалами в 4 слога, встречаются в пьесах Островского довольно часто, междуударные интервалы, превышающие 4 слога, в речи персонажей Островского редки.

Несчастливцев. Честь имею рекомендоваться (/ - / - - - - - / -) [8, с. 90].

Счастливцев. Придется в беседке переночевать (- / - - / - - - - - /) [8, с. 63].

Незнамов. А вы навязываетесь с благодеяниями и напрашиваетесь на благодарность (- / - / - - - - - / - - - - - / - - - - - / -); ... не всегда можно рассчитывать на благодарность (- - / - - / - - - - - / -), иногда можно наткнуться и на неприятность (- - / - - / - - - - - / -); Где ж такие редкостные экземпляры находятся (/ - / - / - - - - - / - - / - - / - -); Пусть никто и ничто не отравит их радостного существования (/ - / - - / - - / - - / - - - - - / - -) [9, с. 176, 177, 217].

В приведенных фразах междуударные интервалы состоят из пяти, шести и семи безударных слогов и, согласно рассматриваемой методике, являются показателями нарушения ритмичности, однако словосочетания эти входят в метрические цепочки «случайных метров» с пиррихиями на сильных местах:

Честь имею рекомендоваться (X5ж);

Придется в беседке переночевать (Я4м);

А вы навязываетесь с благодеяниями и напрашиваетесь на благодарность (Я13ж);

Не всегда можно рассчитывать на благодарность (Дак4ж), иногда можно наткнуться и на неприятность (Дак4ж);

Где ж такие редкостные экземпляры (X6ж) находятся?

Пусть никто и ничто не отравит их радостного (Ан4гд) существования.

«Случайные метры», таким образом, сглаживают ритменные перебои, и разговорная речь не теряет естественной ритмичности.

Нулевые междуударные интервалы чаще воспринимаются слушателями как нарушение ритма. Так, особенно резки для слуха стыки двух полнозначных односложных слов. Скорее всего, автор намеренно сбивает ритм, привлекая внимание к смысловому содержанию высказываемого или к эмоциональному состоянию говорящего:

Незнамов. Ведь эти сувениры **жгут грудь** [9, с. 218].

Шмага. ...убеждения у меня **есть твердые** [9, с. 189].

Во второй реплике в соседних ударных слогах налицо столкновение мягкого и твердого «т», один из них редуцируется, что и смягчает ритменный сбой.

В синтагматической ритмической характеристике (К) используется предложенное А.М. Пешковским измерение ритма величиной фраз. «Однако по сравнению с методом Пешковского, определявшего длину синтагм во всем тексте, наша методика, – пишет Г.Н. Иванова-Лукьянова, – рассматривает величину только соседних синтагм,

поскольку нарушение ритма ощущается именно в соседстве разновеликих синтагм. Сравнивая синтагмы с речевыми шагами, мы тем самым находим еще один человеческий фактор в этой проблеме. Этот фактор связан с дыханием. Когда человек говорит или пишет, то можно предположить, что он «дышит синтагмами». Если в тексте нет контрастных по величине синтагм, то ровность дыхания ничем не нарушена. Но стоит только оказаться рядом двум контрастным синтагмам – например, одна в четыре такта, другая в один, – и в речевых шагах происходит сбой: человек словно споткнулся, и его дыхание сбилось» [2]. Таким образом, текст воспринимается как ритмичный, если в нем нет контрастных по величине синтагм или если порог контрастности, который составляет два такта (два фонетических слова), не превышает. Причем показателен тот факт, что общий характер фразовой ритмичности сохраняется, несмотря на известную вариативность интонационного членения текста. Исследовательница объясняет это тем, «что читающий обычно членит текст либо на минимальные фразы, либо на очень крупные, при этом контрастность между величиной фраз в том и другом случае остается одинаковой. Читающий словно подчиняется ритмической тенденции автора и при озвучивании какого-либо текста реализует ритмическую настроенность этого текста, его авторскую заданность [3, с. 155].

Приведем примеры синтагматической ритмической характеристики в пьесах «Лес» и «Без вины виноватые».

Счастливец. «Ну, что ж, говорит, / вот тебе каморка, / поживи у меня, / только прежде в баню сходи». / Стал я у них жить. / Встают в четыре часа /, обедают в десять; / спать ложатся в восьмом часу; / за обедом и за ужином / водки пей сколько хочешь, / после обеда спать. / И все в доме молчат, / Геннадий Демьяныч, / точно вымерли. / Дядя с утра уйдет в лавку, / а тетка весь день / чай пьет и вздыхает. / Взглянет на меня, / ахнет / и промолвит: / «Бессчастный ты человек...» [8, с. 35].

(2324; 4; 324242; 322; 433; 2113). К = 0

Несчастливцев. Прости меня, / прости! / Я бедней тебя, / я прошел пешком сотни верст, / чтобы повидаться с родными; / я не берег себя, / а берег это платье, / чтоб одеться приличнее, / чтоб меня не выгнали. / Ты меня считаешь человеком, / благодарю тебя! / Ты у меня просишь тысячи / – нет у меня их. / Сестра, / сестра! / не тебе у меня денег просить! / А ты мне не откажи в пятачке медном, / когда я постучусь под твоим окном / и попрошу опохмелиться. / Мне пятачок, / пятачок! / Вот кто я! [8, с. 69].

(21; 3523322; 42; 43; 114; 542; 21; 3). К = 0,1 (2:22=0,1).

Незнамов. Да за что же любить человека / безнадежно испорченного? / Что за интерес? / Разве

с целью исправить? / Так, во-первых, / не всякого можно исправить; / а во-вторых, / не всякий позволит, / чтоб его исправляли [9, с. 178].

(32; 2; 2; 13122). К=0.

Шмага. Конечно. / Как человек нить потерял, / так пропал. / Ему и по заведенному порядку / следует в трактир идти, / а он за философию. / А от философии / нападает на человека тоска, / а хуже тоски / ничего быть не может [9, с. 190]. (1; 31; 332; 1323). К=0.

Синтагматическое членение реплик персонажей дает идеальную или близкую к идеальной ритмичность. Причем это свойство, на наш взгляд, присуще речи большинства героев Островского.

Интонационная ритмическая характеристика (И) составляет специфику ритма прозы в отличие от ритма стихов. Мелодичность речи зависит от интонации, которая «определена сочинителем, и контуры ее проступают в любом чтении... За идеальную ритмичность принимается такая, когда внутри фразы восходящая и нисходящая интонации (т. е. восходящее и нисходящее движение тона) чередуются равномерно» [3, с. 157–158]. Однако, несмотря на заданность авторской интонации, текст допускает вариативность его прочтения. В художественных и разговорных текстах интонация выявляется благодаря синтаксическим особенностям построения предложений. Так, наличие сочинительных связей или особого рода бессоюзной связи способствуют нисходящему тону интонации внутри предложения. Поэтому важно учитывать синтаксическую структуру текста, «так как фразовая и интонационная характеристики ритма определяются прежде всего синтаксисом» [3, с. 163]. В более поздней работе Г.Н. Иванова-Лукьянова добавила к восходящему и нисходящему движению тона интоному ровного типа: «Можно предположить, что человеческий фактор этой характеристики связан с эмоциональным состоянием человека. Чередование разных эмоциональных переживаний свидетельствует об эмоциональной гармонии организма, а в тексте сочетание разных интоном говорит о ритмичном движении разнонаправленных тонов, создающих волновой ритм речи. Когда в тексте возникает эмоциональная напряженность, то это выражается скоплением одинаковых тональных пиков. Подобно этому и сильные эмоции перебивают размеренный ритм. Так, при избытке радости человека словно захлестывают непрерывно следующие друг за другом восходящие интонации, а при настроении подавленности, наоборот, происходит скопление нисходящих интонаций; ровная интонация служит необходимым способом уравновешенности эмоционального состояния писателя или героя (что зачастую лишено различия). Особая роль интономы ровного типа заключается в ее способности реализоваться любым направлением тона для придания ритму волнового характера» [2].

Проверим, каковы особенности интонационной ритмической характеристики в речи героев Островского.

Счастливец. Больше десяти лет / по России-то бродим, / из театра в театр, / как цыгане. / Оттого он и не был у тетки, / что стыдно глаза показать [8, с. 63].

Интонационная характеристика приведенного высказывания не показывает отклонений от абсолютной ритмичности: $\wedge\wedge$. Шесть возможных сочетаний интоном образуют волнообразный ритм. $I=0$ (0:6=0).

Несчастливцев. Нет, нет, дитя мое! / Как ни велико твое горе, / а умереть тебе я не дам. / Тебе надо жить, / ты еще так молода! / Тебя заело горе, / надоела тебе молодая жизнь? / Забудь это горе, / брось эту жизнь! / Начнем новую, сестра, / для славы, / для искусства [8, с. 70].

$\wedge\wedge\wedge\wedge$. Три отклонения от идеального ритма в этом высказывании связаны с дублированием одного восходящего и двух нисходящих тонов, поэтому ритмическая характеристика равна 0,25 (3:12=0,25).

Незнамов. Нет, куда ж вы? / Нет, позвольте! / Так нельзя. / Надо еще тост предложить. / Эй! / Дайте вина! / Вы уж мне позвольте / сказать несколько слов; / я вас не задержу, / не задержу. / Мне только бы сказать то, / что у меня на душе; / не хочется, / чтобы оно так оставалось [9, с. 217].

$\wedge\wedge\wedge\wedge$. В приведенном высказывании чередование подъемов и падений нарушается дублированием одного восходящего тона и трех нисходящих. Эмоции захлестывают героя, внося дисгармонию в ровный волнообразный ритм речи. Интонационная характеристика высказывания, таким образом, равна 0,3 (4:14=0,29).

Шмага. Да-с... / мерси! / Впрочем, / иначе и быть не может; / вам и следует заплатить. / Мы не виноваты, / что вы не могли нас принять. / Не в передней же нам ждать. / Мы артисты, / наше место в буфете [9, с. 179].

$\wedge\wedge\wedge$. $I=0,3$ (3:10=0,3).

Подобные результаты можно получить из анализа большинства реплик персонажей. Следовательно, все три ритмические характеристики находят свое подтверждение в речи героев пьес Островского. Более того, показатели всех трех ритмических характеристик близки к абсолютной ритмичности. Вместе с тем, на основании проведенного анали-

за, пока еще далеко не полного, в ритмике речи персонажей-актеров не выявилось существенных отличий от речи обычных персонажей, например в пьесе «Не все коту масленица» [6].

Библиографический список

1. *Гаспаров М.Л.* Очерк истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. – М.: Наука, 1984. – 488 с.

2. *Иванова-Лукьянова Г.Н.* Ритм художественных прозаических текстов как отражение жизненных ритмов человека // Академические тетради. Вып. 14. Тетрадь седьмая. Бюллетень интеллектуальной собственности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.independent-academy.net/science/tetradi/14/ivanova.html> (дата обращения: 14.12.2015).

3. *Иванова-Лукьянова Г.Н.* Культура устной речи. Интонация, паузирование, логическое ударение, темп, ритм: учеб. пособие для студ., аспирантов, преподавателей-филологов и уч-ся ст. кл. шк. гуманитар. профиля. – М.: Флинта, 2002. – 200 с.

4. *Ильина Н.К.* Метрическое своеобразие драм «Гроза» А.Н. Островского и «Росточитель» Н.С. Лескова // Щельковские чтения 2012. Проблемы жизни и творчества А.Н. Островского: сб. ст. – Кострома: Авантитул, 2013. – С. 90–99.

5. *Ильина Н.К.* Ритм и метр в произведениях А.Н. Островского // Вестник Костромского государственного университета. – 2013. – № 5. – С. 130–134.

6. *Ильина Н.К.* Ритмические особенности пьесы А.Н. Островского «Не все коту масленица» // Духовно-нравственные основы русской литературы: сб. науч. ст. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2014. – С. 23–28.

7. *Касевич В.Б., Шабельникова Е.М., Рыбин В.В.* Ударение и тон в языке и речевой деятельности. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1990. – 246 с.

8. *Островский А.Н.* Полн. собр. соч.: в 16 т. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1950. – Т. 6. Пьесы 1871–1874. – С. 7–95.

9. *Островский А.Н.* Полн. собр. соч.: в 16 т. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1951. – Т. 9. Пьесы 1882–1885. – С. 149–219.

10. *Холшевников В.Е.* Случайные четырехстопные ямбы в русской прозе // Холшевников В.Е. Стихование и поэтика. – Л., 1991. – С. 75–84.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ДРУЖБЫ (взаимоотношения М.Е. Салтыкова-Щедрина и П.В. Анненкова по письменным источникам)*

Бытует мнение об идеологическом противостоянии в России во второй половине XIX века различных литературных групп – носителей разных представлений о сущности и функциональности художественных произведений. В русском литературном процессе такими оппозиционными идеологическими группами традиционно называются консерваторы, либералы и демократы. Однако в действительности всё было сложнее. Взаимоотношения М.Е. Салтыкова-Щедрина и П.В. Анненкова – литераторов, в идейном и эстетическом плане далеко не единомышленников, – демонстрируют возможность взаимопонимания и уважения искренне преданных русской литературе писателя-сатирика и критика – сторонника эстетического метода. Многолетние личные дружеские отношения, переписка, критический анализ Анненковым творчества Щедрина показывают процесс постепенного всё более глубокого осмысления проницательным критиком не только общественных, но и художественных достоинств щедринской сатиры, высоких нравственных принципов литературной позиции М.Е. Салтыкова-Щедрина. Личные взаимоотношения литераторов, в том числе придерживавшихся разных взглядов, – интересный и показательный факт литературного быта, накладывающий отпечаток на весь русский литературный процесс.

Ключевые слова: М.Е. Салтыков-Щедрин, П.В. Анненков, общественная и эстетическая позиция писателя, значение личных взаимоотношений для формирования литературной позиции, литературный быт как отражение литературного процесса.

Трудно представить себе более отличающихся по мировоззрению, по литературной позиции, по личностным качествам людей, чем М.Е. Салтыков и П.В. Анненков. Первый – талантливейший русский сатирик, юморист, непримиримый противник социального и нравственного зла и несправедливости, категоричный и порой даже резкий в отношениях с людьми и в оценках. Второй – авторитетный литературный критик, один из ведущих представителей (наряду с В.П. Боткиным и А.В. Дружининым) русской эстетической критики, автор известных «Литературных воспоминаний» и критических статей о русских писателях, издатель первого научного собрания сочинений А.С. Пушкина и автор его научной биографии, убеждённый западник, либерал, человек деликатный, уступчивый, избегавший конфликтов. Тем не менее между ними на протяжении почти трёх десятилетий сохранялись достаточно близкие дружеские отношения, которым не мешали различия в мировоззрении, в понимании сущности литературного творчества. Многолетняя переписка Салтыкова с Анненковым и другие материалы свидетельствуют о том, что Анненков постепенно преодолел своё принципиальное, основанное на эстетических постулатах неприятие сатиры вообще и сатирического творчества Салтыкова-Щедрина в частности. Очевидно, этому способствовало и личное общение, взаимное уважение и доверие двух известных литераторов. Дружба Салтыкова и Анненкова – факт литературной и общественной жизни России второй половины XIX века, знакомство с которым способствует более глубокому осмыслению литературной позиции обоих и русского литературного процесса в целом.

Судя по записям в «Дневнике» Дружинина [5, с. 371], Салтыков познакомился с Анненковым в январе 1856 г., вскоре после возвращения в Петербург из вятской ссылки. Дружинин, который ранее был сослуживцем Салтыкова, старался ввести его в дружеский и литературный круг Петербурга. В 1856 же году появилось первое печатное свидетельство о соотношении литературных взглядов Салтыкова и Анненкова. В программной статье Салтыкова «Стихотворения Кольцова» («Русский вестник», 1856, № 22) прозвучал упрек в адрес Анненкова в том, что им «творческою силою в художнике признается собственно сила созерцательная и... путь созерцания есть единственный, который художник проходит к обладанию предметом. Таким образом, здесь сразу исключается из области искусства все добытое анализом... область анализа и область созерцания строго разграничиваются, так как первый составляет основу науки, второе – искусства» [9, с. 29]. Салтыков ссылается на статью Анненкова «О значении художественных произведений для общества» («Русский вестник», 1856, № 4), в дальнейшем получившую название «Старая и новая критика». Суждения Салтыкова об эстетической позиции Анненкова не вполне справедливы и свидетельствуют о его близости «утилитарной» эстетике, рациональным и позитивистским принципам [7, с. 113]. Анненков не противопоставлял в творческом акте мысль и чувство, содержание и форму. В упомянутой статье он писал: «По нашему мнению, стремление к чистой художественности в искусстве должно быть не только допущено у нас, но сильно возбуждено и проповедуемо как правило, без которого влияние литературы на общество совершенно невозможно» [2, с. 140]. Закан-

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-04-00389.

чивается статья словами о необходимости единства мысли и художественного образа: «...умное слово, раз сказанное художником, делается всеобщей истиной и остается ею уже навсегда» [2, с. 151].

Анненков не оставил без внимания выпад Салтыкова в свой адрес, но ответил на него косвенным образом. В письме к И.С. Тургеневу от 7 ноября 1856 г. он упоминает о «Губернских очерках» Салтыкова – «грубых, но цинически эффектных» [3, кн. 1, с. 49]. Разные представления о природе и целях художественного творчества в это время были свойственны Салтыкову и Анненкову, что, однако, не мешало им поддерживать приятельские отношения на протяжении всей дальнейшей жизни. Об этом свидетельствует почти регулярная их переписка, сохранившаяся далеко не полностью, а также обоюдные упоминания в письмах к разным лицам (И.С. Тургеневу, Н.А. Некрасову, М.М. Стасюлевичу и др.). Известны 47 писем Салтыкова, адресованных Анненкову, и лишь одно ответное письмо Анненкова (вдова писателя Е.А. Салтыкова после смерти мужа уничтожила почти всю хранившуюся в его архиве переписку).

Первое непосредственное упоминание Салтыкова об Анненкове относится к весне 1856 г.: в письме к Дружинину Салтыков говорит о названной выше статье Анненкова, которая, по его мнению, «заключает в себе теорию сошествия св. духа». Зная о близости эстетических взглядов Анненкова и Дружинина, Салтыков упомянул, что статья «будет очень приятна» адресату [8, т. 18, кн. 1, с. 170–171].

Первое письмо Салтыкова, адресованное непосредственно Анненкову, датировано 9 сентября 1857 г. и содержит приглашение посетить спектакль по пьесе А.Н. Островского «Бедная невеста» [8, т. 18, кн. 1, с. 182]. Почти в это же время, 15 октября 1857 г., Анненков пишет Тургеневу, что «повествователи, как Щедрин и Печерский, обязаны подбавлять каждый раз жизненной мерзости гарнцом посильнее для успеха» [3, кн. 1, с. 522]. В дальнейшем Анненков будет гораздо более терпимо и даже одобрительно отзываться о творчестве Салтыкова, он как будто глубже станет понимать художественные и общественные достоинства щедринской сатиры. В их переписке имеют место и рассуждения на бытовые темы, и оценки общего положения дел в русской литературе и обществе, преимущественно нравственного характера. Так, в письме от 29 января 1859 г. Салтыков иронично оценивает первую часть романа И.А. Гончарова «Обломов»: «заспанный образ, весь распухший, весь в складках» [8, т. 18, кн. 1, с. 209], но положительно отзываясь о пьесе Островского «Воспитанница» и романе А.Ф. Писемского «Тысяча душ». В письме от 3 февраля 1859 г. Салтыков почти восторженно (что ему не было свойственно) оценивает роман Тургенева «Дворянское гнездо», отмечая «светлую

поэзию, разлитую в каждом звуке этого романа» [8, т. 18, кн. 1, с. 212]. Несмотря на склонность к «утилитарной» эстетике, Салтыков обладал хорошим эстетическим вкусом, и высказанные им в письмах оценки литературных явлений убеждают в том, что он прекрасно отличал истинно художественные произведения от подделок. Сам Салтыков неоднократно отмечал художественный вкус Анненкова (например, в письме от 29 декабря 1859) [8, т. 18, кн. 1, с. 219]. О доверительных отношениях между ними свидетельствует тот факт, что Анненкову по просьбе Салтыкова, находившегося на службе то в Рязани, то в Твери или Пензе, нередко приходилось быть посредником между сатириком и редакторами петербургских журналов, главным образом Н.А. Некрасовым и А.В. Дружининым.

Самым серьезным фактом, свидетельствующим об интересе Анненкова к творчеству Салтыкова и стремлении понять и по достоинству оценить его, стала статья «Н. Щедрин» («Санкт-Петербургские ведомости», 1863 г., № 85, 19 апреля, в цикле «Русская беллетристика в 1863 году»). Это один из первых опытов анализа очерков Салтыкова как художественных произведений, поскольку первые статьи о нём (например, Чернышевского и Добролюбова) касались главным образом социальных проблем. Салтыков для Анненкова – «писатель-беллетрист, посвятивший себя преимущественно объяснению явлений и вопросов общественного быта», открывший «особенный род *деловой* беллетристики» [2, с. 283]. Анненков явно использовал выражение В.Г. Белинского «дельное направление» по поводу современной литературы [4, с. 7], под которым критик понимал именно общественную её направленность.

Для Анненкова «Губернские очерки» – «грязная Атлантида», которую открывает автор, имеющий «строгий гражданский характер». По «своим нравственным и художественным» интересам он чужд простым радостям – отсюда «суровый характер» его произведений, несмотря «на откровенный его юмор» и «способность к политической карикатуре» и к «*шаржу*» [2, с. 284]. Некоторым диссонансом этому стилю оказывается изображение «мира простонародья» с «признаками умиления». По словам критика, в дальнейшем писатель в соответствии с «отвлечённой теорией», то есть идеологией, «всё строже оберегал себя от праздных или недозволенных порывов фантазии... всё ближе подходил к идеалу *делового* беллетриста» [2, с. 285]. В «Сатирах в прозе» Салтыков «покинул форму правильного рассказа» и обратился к «повествовательным размышлениям», «свободно предался анализу, оценке и олицетворению тех элементов общества, которые он нашёл в нём». Анненков отмечает жанровую и стилистическую специфику щедринских очерковых циклов, признавая, что в русской литературе еще не видели «такого прямого, простого

и ясного способа относиться к современности». У Щедрина «особенный тон речи <...> мрачно-живописное» и «юмористически-горькое слово» [2, с. 286]. Он открыл жанр «общественной повести», необыкновенной по «силе, искренности и достоинству... одушевления». Однако «в основе его одушевления нет определённого, законченного, установившегося созерцания». Анненков утверждает: «По нашему мнению, источник этого одушевления кроется в органическом, прирожденном... непреодолимом отвращении к быту, из которого вырос сам г. Щедрин, со всем своим поколением» [2, с. 287], поэтому позиция автора основывается преимущественно на нравственно-психологическом элементе. При этом нет никакого авторского суда, ему кажется, что «одного общего представления... мрачного факта... уже достаточно [2, с. 288].

По мнению критика, Салтыков предоставляет читателям возможность «доделывать... произведения», потому что «деловой беллетрист... может удовлетворить одному какому-либо требованию зараз... например, требованию публичного обнажения грязных... путей жизни, но отвечать многообразным потребностям общественной мысли и настоящему содержанию уже не в силах» [2, с. 289]. Талант Щедрина односторонен, он способен обработать «только самые простые жизненные факты, очевидные и ясные для всех глаз... с одной окаменелой миной». В то же время Щедрин, «обладающий несомненными художественными способностями, всегда употребляет их в дело там, где желает достичь некоторой полноты изображения, и очень часто перестает быть деловым писателем. <...> Он становится тогда менее резок и своеобразен... презрительная речь и поносящий юмор текут менее изобильными струями...» – пока не явится «соблазн изобразить предмет с одной выпуклой... нагло очевидной стороны» [2, с. 290].

Анненков не приемлет «деловую» беллетристику, поскольку это направление литературы идёт вразрез с его художественными пристрастиями и общественными взглядами. Он считает, что, «как бы ни были относительно полезны её разыскания, цепки и метки её выводы, произведения, внушённые ею, не способны лечь в основание какого-либо созерцания и дать верные материалы для окончательного приговора». Однако Щедрин и вообще деловая беллетристика «отвечают именно тем требованиям своей эпохи, как это добровольное служение публике» [2, с. 291]. Есть у Щедрина «образы, факты и представления», «которые носят прикосновение художественной руки». Он «разоблачил невероятные психические движения, тайну невероятных мыслей и желаний, какие способно было возбуждать безнравственное учреждение в людях» [2, с. 293]. Но, продолжает критик, «гораздо труднее понять, отчего теперь, по окончании дела, в недавних... своих произведениях, он снова

возвращается к упразднённому крепостному праву, <...> созидает страшные психические этюды, уже без ясной общественной цели, да и без претензии на художественное достоинство», в то время как «явления новой жизни значительно посложнее предшествующих... и не всегда позволяют заменить себя одним одушевлением, как бы ни было благородно в сущности» [2, с. 294].

Объяснение особенностей творчества Салтыкова Анненковым оказалось достаточно глубоким и строгим. Многие упреки по адресу писателя повторялись в дальнейшем другими критиками. Реакция Салтыкова на статью неизвестна, однако сохранившиеся письма свидетельствуют о том, что между ними сохранились дружеские отношения. Приятели вместе посещали театральные спектакли, поддерживали семейные контакты [8, т. 18, кн. 1, с. 282, 283, 286, 288]. Известно немало положительных отзывов Анненкова о произведениях Салтыкова в письмах, адресованных самому сатирику и другим лицам. Особенно часты упоминания и оценки личности Салтыкова и его творчества в письмах Анненкова, адресованных Тургеневу. В письме от 9 октября 1872 г. он называет Салтыкова и его сотрудника по «Отечественным запискам» Н.К. Михайловского «ирокезами», подчеркнув в то же время, что они «занимательны и забавны» [3, кн. 1, с. 208], а 20 марта 1875 г. Анненков признаётся Тургеневу, имея в виду Салтыкова: «Страх как я люблю этого дикаря» [3, кн. 2, с. 11]. 26 апреля 1875 г. Анненков пишет Тургеневу о «дикой природе» Салтыкова [3, кн. 2, с. 13]. Интересен обмен суждениями о творчестве Салтыкова между Тургеневым и Анненковым в конце 1874 г. 6 ноября Тургенев пишет: «А каковы последние “Благонмеренные речи” Щедрина в “Отечественных записках”! Лакомство, изумление, восторг!» [10, т. 1, с. 551]. И Анненков отвечает ему 24 декабря: «Читаю последние статьи Щедрина. Это восторг, как Вы сказали.<...> Хохот!» Речь идет об очерках «В среде умеренности и аккуратности» [3, кн. 1, с. 252]. Возможно, мнение Тургенева о творчестве Щедрина повлияло на позицию Анненкова, который постепенно преодолевал своё негативное отношение к гражданскому направлению в литературе и к творчеству Салтыкова.

К 1870-м годам относится ещё одна статья Анненкова о Салтыкове, незаконченная и не опубликованная в своё время. С.А. Макашин, напечатавший её по рукописи, хранящейся в ИРЛИ (Пушкинский дом), в 1934 г. в «Литературном наследстве» (т. 13–14, кн. 2) датирует её примерно 1873 годом, поскольку последнее произведение Салтыкова, названное в статье, – очерки о помпадурках, относящиеся к этому времени [6, с. 508]. В статье имеются указания на то, что она была предназначена для французской печати и преследовала цель познакомить европейского читателя

с творчеством русского сатирика. Анненков характеризует Салтыкова как «изобразителя» «нравственных уродливостей», «извращённых понятий и злых страстей» – «с не остывающим никогда гневом и юмором, не знающим усталости и ослабления» [6, с. 506]. О «Губернских очерках» Анненков пишет, что эта «книга была предтечей и предвестием скорых коренных реформ в русской жизни и в русской администрации» [6, с. 507]. С сочувствием Анненков упоминает об административной деятельности самого Салтыкова и о враждебном отношении к нему чиновничества. Но главное – плодом сатирического творчества писателя, по мнению Анненкова, «было создание такого множества комических типов из разнообразных слоёв русского общества, такой анализ почвы и атмосферы, их воспитавшей, что деятельность его представляет теперь нечто вроде многосложной юмористической картины, столь же замечательной по остроумию, весёлости и комическому таланту, сколько и по внутреннему своему смыслу». Анненков назвал Салтыкова «цензором нравов», который способен в «форме живого рассказа» сочетать особенности «юмористического произведения» и «этнографического документа» [6, с. 508].

Из переписки Салтыкова с Анненковым в 1870-е годы мы узнаем не только бытовые и семейные подробности, о которых сообщают обычно близким людям, но и откровенные оценки разных литературных явлений. В марте 1875 г. Салтыков сообщил Анненкову о своем негативном восприятии романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина» [8, т. 18, кн. 2, с. 180]. Салтыков несомненно дорожил приятельскими отношениями с Анненковым, в одном из писем (15 августа 1875 г.) он называет его «вседобрейший и вселюбезнейший Павел Васильевич» [8, т. 18, кн. 2, с. 194]. Он признавал «критический смысл» Анненкова [8, т. 18, кн. 2, с. 207] и нередко спрашивал его мнение о своих произведениях. В том же письме он объясняет особенности своей иносказательной творческой манеры: «...я Езоп и воспитанник цензурного ведомства» [8, т. 18, кн. 2, с. 208]. 22 января 1876 г. Анненков в письме Тургеневу высказывает интересную мысль: «Хорошие юмористы всегда трагики по натуре и по сущности созерцания: Гоголь, Герцен, Салтыков» [3, кн. 2, с. 27], и почти тогда же, 25 января, Салтыков благодарит Анненкова за то, что положительно оценил его «последние рассказы» [8, т. 18, кн. 2, с. 252].

В письме от 15 февраля 1876 г. Салтыков высказал отрицательное мнение о рассказе Тургенева «Часы», в котором увидел фальшь. Он считал, что Тургеневу, чтобы написать хорошее произведение, необходимо противостояние: «В этом отношении разрыв с “Современником” убил его. Последнее, что он написал, “Отцы и дети”, было плодом общения с “Современником”. Там были

озорники неприятные, но которые заставляли мыслить, негодовать, возвращаться и перерабатывать себя самого» [8, т. 18, кн. 2, с. 262]. В продолжение этой характеристики Салтыков писал Анненкову 9 марта 1876 г. о «нравственном двоегласии» Тургенева, как человека «благовоспитанного», и признавался, что для него самого «ничего нет противнее благовоспитанности» [8, т. 18, кн. 2, с. 275]. Зная о близких дружеских отношениях Анненкова с Тургеневым, Салтыков, тем не менее, оставался принципиальным в своих суждениях о знаменитом писателе.

Многие письма Салтыкова к Анненкову имеют исповедальный характер. Например, он неоднократно жаловался на прижимистость и необязательность Некрасова как редактора «Отечественных записок», но вот в письме от 25 ноября 1876 г. Салтыков пишет своему приятелю по поводу цензурного запрета главы «Пир – на весь мир» из поэмы «Кому на Руси жить хорошо»: «А поэма замечательная: в большинстве довольно грубая, но с проблесками несомненной силы. <...> Да и содержание, собственно говоря, ретроспективное: крепостное право» [8, т. 19, кн. 1, с. 33]. Салтыков обращает внимание на такие особенности поэмы Некрасова, которые прежде отметил Анненков в его собственных произведениях. 17 февраля 1877 г. Салтыков в ответ на вопрос Анненкова откровенно делится с ним своим мнением о романе Тургенева «Новь»: «Что касается до меня, то роман этот показался мне в высшей степени противным и неопытным (напоминаю Вам Ваше требование не стесняться). Я совершенно искренно думаю, что человек, писавший эту вещь, во-первых, выжил из ума, во-вторых, потерял всякую потребность какого-либо нравственного контроля над самим собой. <...> Это не роман, а бесконечная, случайная болтовня, которую можно начать с какого угодно листа и где хотите кончить» [8, т. 19, кн. 1, с. 42].

Комментатор писем Салтыкова к Анненкову В.Э. Боград объяснил столь резкую оценку «Нови» тем, что Салтыков «с глубоким вниманием и сочувствием следил за борьбой революционного народничества с самодержавием» [8, т. 19, кн. 1, с. 44] и поэтому не мог принять скептического отношения автора «Нови» к народническому движению. Вряд ли только в этом дело: Салтыков не принимал и художественную сторону «Нови», находя в новом романе Тургенева «язвительность, напоминающую куафёрское остроумие», и недостаток душевной «опытности» [8, т. 19, кн. 1, с. 42, 43]. В ответ на попытку Анненкова защитить роман Салтыков отказался от дальнейшей дискуссии и прокомментировал мысль критика о том, что «в “Нови” сквозит *двоеверие*», которое можно «представить себе на степени *двоемаловерия*», и относит это на счёт всей русской литературы, уточнив, что «для презренного нынешнего времени другой литературы

и не требуется» [8, т. 19, кн. 1, с. 45]. Отрицательная оценка новейшей русской литературы – постоянная тема писем Салтыкова к Анненкову конца 1870-х годов.

Салтыков как личность и его творчество и в дальнейшем оставались предметом внимания в переписке Анненкова с Тургеневым. 27 апреля 1878 г. Анненков пишет: «Такого забияки, как Салтыков, ещё и не было у нас: он открыл вдобавок секрет быть приятным тому, кому в лицо плюёт. Это гениальный человек» [3, кн. 2, с. 86]. В письме от 22 августа 1880 г. Анненков характеризует Салтыкова после очередной встречи с ним: «Как он себя терзать умеет. <...> Надо было останавливать, чтобы себя не засёк, а между тем это и высоко честный и правдивый человек по отношению к себе» [3, кн. 2, с. 121]. Не все отзывы Анненкова о творчестве Салтыкова в последние годы их жизни носят исключительно положительный характер. В некоторых случаях критик находил и недостатки в произведениях своего приятеля. В письме Тургеневу 9 октября 1880 г. Анненков пишет о цикле очерков Салтыкова «За рубежом»: «Презабавно, но жалко, что разбирается и до полного типа не доходит, а всё-таки и сатирические фигурки, которыми ограничивается, изумительны, поучительны» [3, кн. 2, с. 123].

В единственном известном письме Анненкова к Салтыкову от 1 октября 1880 г. дана интересная характеристика его творчества. По поводу цикла «За рубежом», имея в виду склонность Салтыкова к эзопову языку и стремлению ограничиваться намеками, Анненков замечает: «Сколько собрано намеков, черт, метких замечаний в одном последнем рассказе, так это до жуткости доходит – всего не разберешь, всего не запомнишь. <...> Идеи, глубокие взгляды в нутро жизни, веские слова, поражающие определения – так и мелькают перед глазами. Это становится даже недостатком, который в последних произведениях Ваших особенно виден. Слишком много даете зараз ценного добра читателю...» [1, с. 425]. Салтыков поблагодарил Анненкова за проникательную оценку его творчества и согласился с ней [8, т. 19, кн. 1, с. 181]. 1 ноября 1882 г. Салтыков снова благодарит своего приятеля, в этот раз за лестный отзыв о «Письмах к тетеньке» [8, т. 19, кн. 2, с. 141–143].

В июне 1880 г. в связи с Пушкинским праздником Анненков был удостоен за заслуги в изучении творчества А.С. Пушкина и издание его сочинений звания «Почётного члена Московского университета» [3, кн. 1, с. 279]. Салтыков откликнулся на этот факт тем, что подарил ему экземпляр только что опубликованного отдельным изданием романа «Господа Головлёвы» с несколько ироничной (что для него характерно) надписью «Почётному члену Московского Университета Превознесённому и Препрославленному Павлу Васильевичу Анненкову от автора» [6, с. 507].

В одном из последующих писем Анненкова Тургеневу (1 июля 1881 г.) содержится необычное признание автора письма о воздействии на него произведений Салтыкова. Он признаётся, что из современной русской литературы читает исключительно Щедрина: «<...> для меня это своего рода лимонад. Долго после него остаётся спиртуозная отрыжка, как после шампанского, а я старый либеральный пьяница» [3, с. 140].

Последняя встреча Салтыкова с Анненковым состоялась в августе 1885 г. в Висбадене, куда Анненков приезжал из Баден-Бадена навестить приятеля. Салтыков с тёплым юмором описал эту встречу в письме М.М. Стасюлевичу от 23 августа, сразу по возвращении в Петербург [8, т. 20, с. 211–212]. Анненков был уже настолько нездоров, что в дороге заблудился, перепутал поезд, потерял багаж, с трудом добрался до места и даже не сразу узнал приятеля. М.М. Стасюлевич через год, в сентябре 1886 г. сообщил Салтыкову о плохом состоянии здоровья Анненкова [8, т. 20, с. 277]. Через несколько месяцев Анненкова не стало. Реакция Салтыкова на это событие неизвестна.

Несколько писем Салтыкова к Анненкову, относящихся к 1884 г., посвящены ситуации с запрещением журнала «Отечественные записки». Салтыкова поразило то, что русская литературная общественность почти не отреагировала на факт закрытия журнала, который он по праву считал лучшим для своего времени. Это, по мнению Салтыкова, показатель общего падения духовности в России. Вообще, взаимоотношения Салтыкова и Анненкова открывают нам великого сатирика как человека, по всей видимости душевно одинокого, непонятого, искреннего, нуждающегося в поддержке, – и принципиального. Их искренней дружбе не мешали существовавшие различия во взглядах на литературное творчество, и, напротив, их объединяли преданность русской литературе, взаимное уважение и человеческая порядочность.

Библиографический список

1. *Анненков П.В.* Письмо М.Е. Салтыкову-Щедрина 1 октября 1880 г. // Щедрин Н. (Салтыков М.Е.) Полн. собр. соч.: в 20 т. – Т. 19. Письма. Кн. 2. – М.: Худ. лит., 1939.
2. *Анненков П.В.* Русская беллетристика в 1863 году; Г-н Н. Щедрин // Анненков П.В. Критические очерки. – СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 2000. – 416 с.
3. *Анненков П.В.* Письма к И.С. Тургеневу: в 2 кн. – СПб.: Наука, 2005. – Кн. 1 – 532 с., кн. 2 – 422 с.
4. *Белинский В.Г.* Русская литература в 1843 году // Белинский В.Г. Собр. соч.: в 9 т. – Т. 7. – М.: Худ. лит., 1981. – С. 7–58.
5. *Дружинин А.В.* Повести. Дневник. – М.: Наука, 1986. – 512 с.

6. Макашин С.А. П.В. Анненков // Литературное наследство. Т. 13–14. Щедрин, кн. II. – М.: Журнально-газетное объединение, 1934. – С. 505–508.

7. Макашин С.А. Салтыков-Щедрин на рубеже 1850–1860 годов. Биография. – М.: Художественная литература, 1972. – 576 с.

8. Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: в 20 томах. Письма. Тома 18 (кн. 1, 2); 19 (кн. 1, 2); 20. М.:

Худ. лит., 1975–1977.

9. Салтыков-Щедрин М.Е. Стихотворения Кольцова // Салтыков-Щедрин М.Е. Литературная критика. – М.: Современник, 1982. – 350 с.

10. Тургенев И.С. Письмо П.В. Анненкову 6 ноября 1874 г. // Переписка И.С. Тургенева. – Т. 1. – М.: Худ. лит., 1986. – 608 с.

УДК 82-09 ; 821.161.1.09"18"

Ларионова Анна Николаевна
Череповецкий государственный университет
larioнова.ann@bk.ru

«КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО» КАК ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНАЯ КАТЕГОРИЯ (на примере автобиографической прозы А.А. Григорьева)

Термин «культурное пространство» достаточно часто встречается как в историко-литературных работах, так и в культурологических исследованиях. Однако до сих пор он не получил полного и целостного разъяснения. В данной статье идет речь о специфике указанного термина, определяются его границы как историко-литературного понятия, обосновывается необходимость применения в литературоведении. Культурное пространство обналичивает себя как некая материальная и духовная реальность, которая несет в себе содержательное, творческое начало и является вмещителем множества объектов (феноменов культуры), взаимодействующих между собой. Как пространство концептуальное, культурное пространство может быть описано в рамках семантических, временных характеристик и т.д. Культурное пространство может быть понято как ценность в определенном времени и параметрах. Оно имеет эмоционально-интеллектуальную наполненность, подразумевает под собой некое духовное образование, но не исключает его материализации с точки зрения воплощения в определенных ценностях. Автор рассматривает исследуемый термин на основе трилогии А.А. Григорьева «Человек будущего», «Мое знакомство с Виталиным», «Офелия».

Ключевые слова: А.А. Григорьев, автобиографический герой, Арсений Виталин, культурное пространство, историко-литературная категория, художественный образ, романтический герой.

Как отмечал Ю.М. Лотман, «мы живем в мире культуры. Более того, мы находимся в её толще, внутри неё, и только так мы можем продолжать своё существование...» [10, с. 3]. В настоящее время термин «культурное пространство» широко применяется в гуманитарных науках. Многие ученые дают определение данному феномену, основываясь на идеях, изложенных в трудах классиков отечественной и зарубежной философии и культурологии.

Исследователи говорят о том, что культурное пространство «имеет структуру (модели пространств культур, язык культуры, родство), функции (коммуникативно-диалоговая, смыслообразующая, когнитивная), динамику (через прошлое к бытию настоящего)» [4, с. 13]. Оно мыслится в контексте социокультурного существования человека, где воздействует на него через систему элементов культуры, изменение образа жизни.

А.Г. Букин называет пространство культуры «хранилищем и источником человеческой (культурной – в противовес биологической) жизни для локального сообщества, которое объединяет в себе не только физическое (ландшафт, климат, территорию поселения и т. д.), но и символическое начало (язык, нормы, обычаи, ритуалы и т. д.)» [4, с. 10]. Культурное пространство, таким образом, обнаруживает себя как материальную и духовную реальность. Оно оказывается постоянно вовлеченным

в поле деятельности человека, поэтому культурное пространство всегда несет в себе содержательное, творческое начало.

Нам представляется возможным рассматривать культурное пространство как форму бытия человека, появившуюся в результате его творческой деятельности и воплощенную в многообразных продуктах культурной практики: литература, музыка, живопись, театр. Кроме того, термин «культурное пространство», на наш взгляд, включает в себя исторические реалии, характерные для определенной эпохи, а также особенности поведения людей того времени, которое изображено в художественном произведении. Человек постоянно живет в состоянии «сотворения» культурного пространства. Результаты такой творческой деятельности оформляются в определенной системе, которая формирует оценочные и поведенческие ориентиры. Культурное пространство начинает духовно превалировать над человеком, как фиксированная система культурных ценностей и норм, создающая стереотипы поведения, чувствования и мышления. Автор произведения, создавая художественные образы, отображает особенности поведения, систему ценностей, характерную для людей определенной эпохи.

В работах литературоведов термин «культурное пространство» не закреплен как историко-литературная категория, однако нам представляется оправданным его использование в литературове-

дени для обозначения тех элементов культуры, которые находятся в окружении героев произведений: театры, музеи, художественные салоны и т.д. В художественном произведении культурное пространство – это та среда, то пространство, в котором живут герои, осуществляя свою творческую деятельность.

Предметом нашего анализа является трилогия А.А. Григорьева «Человек будущего», «Мое знакомство с Виталиным», «Офелия», впервые напечатанная в журнале «Репертуар и пантеон» в 1845 году. Это своего рода трилогия о Виталине, главном герое всех трех рассказов. Общего заглавия она не имеет, однако подзаголовки рассказов подчеркивают продолжение темы. Первый рассказ, «Человек будущего», имеет подзаголовок: «Рассказ без начала и без конца, а в особенности без морали»; рассказ «Мое знакомство с Виталиным» – «Продолжение рассказа без начала, без конца и без морали»; а рассказу «Офелия» дан подзаголовок: «Одно из воспоминаний Виталина. Продолжение рассказа без начала, без конца и в особенности без морали».

Повествование в «трилогии» ведется от лица рассказчика, который постоянно обращается к предполагаемому читателю и дает характеристику героям произведения, зачастую пускаясь в философские рассуждения по поводу описываемых событий.

Арсений Виталин – герой автобиографический. Можно предположить, что само имя Арсений («ars» – от латинского «искусство») ассоциируется с именем Аполлон (как известно, греческий бог, покровитель искусств), а говорящая фамилия Виталин («vita» – от латинского «жизнь») отличается от классицистических фамилий Правдиных и Стародумов только латинским корнем. А.А. Григорьев неоднократно говорил о том, что верит только в жизнь, в ее могучие веяния. Таким образом, уже через имя главного героя автор погружает читателя в культурное пространство, обращаясь к ассоциациям и образам древнегреческой литературы.

«Создавая мир произведения, писатель структурирует его, помещая в определенном времени и пространстве», – отмечает А.Б. Есин [7, с. 198]. В автобиографической прозе А.А. Григорьева хронологическая канва и топография (Петербург-Москва), исторические реалии, вплоть до модной одежды, подробностей быта, очень важны, несмотря на то что их не так уж много в тексте произведения. Культурное пространство в рассказе представлено событиями культурной жизни города: театральное представление (сцена, интерьер театра, посетители), посещение салона и т.д. В трилогии о Виталине постоянно присутствует Петербург и его топографические реалии (Невский проспект, Полицейский мост, Александринский театр, кондитерская Излера, 17-я линия Васильевского острова), и эти реалии – своего рода метони-

мии определенного уклада жизни. Таким образом, мы можем говорить о связи художественного пространства текста и культурного пространства как художественной, литературной категории.

Культурное пространство воспринимается учеными как система регулятивных оснований человеческой деятельности и ее знаково-символического содержания, воплощенного в многообразных продуктах культурной практики. Каждое культурное пространство предстает как органическое целое, где все составные части объединены общими ценностями. Оно формирует внутри себя законы человеческой деятельности, создавая историко-культурную самобытность. Если рассматривать город как культурное пространство, то можно заметить, что каждый отдельно взятый город – это определенный мир со своим образом жизни, характерными чертами, свойственными только ему. Люди, как представители этого города, несут на себе его отпечаток, принимая стереотипы поведения, чувствования и мышления данного культурного пространства. В трилогии А.А. Григорьева нарисован психологический портрет именно петербургского жителя – европеизированного, делового, в отличие от патриархального уклада жизни москвичей. Рассказчик с иронией рассуждает о различиях жизни в Москве и в Петербурге: «Волны чиновного люда на Невском, и длинные физиономии людей, сидевших подле меня, и как я же, не имевших положительного занятия и соответствующего ранга, но видимо желавших пополнить этот недостаток самовольным углублением в европейские сплетни <...> Я вспомнил о Москве, о том, что там, например, я не сидел бы так бесплодно, а занялся бы разрешением глубокого вопроса о вечном Ничто – и, проведши час или два в таком общепольном занятии, с спокойной совестью отправился бы к К* или к Г* сообщать свои открытия по этой части, вполне уверенный, что застану их разрешающими или уже разрешившими вопрос об абсолютном Всем» [1, с. 129]; или: «В Москве я позволял себе говорить об интересах человечества, потому что там господствует общая мания прикрывать ими интересы праздности, но в Петербурге заботиться о прикрытии его драгоценнейших интересов, интересов кармана, – было бы непозволительно смешно» [1, с. 142]. Как замечает рассказчик, «в Петербурге <...> удобнее не жить, а пробиться кое-как, что в Москве почти совершенно невозможно. В Москве надо жить или картами, или доходами с деревень» [1, с. 131].

Культурное пространство в произведении, будучи художественным образом, формируется при помощи отображения реальной действительности, передавая национально-историческую специфику не только пейзажа, вещного мира, но и человеческих характеров. Арсений Виталин, главный герой трилогии, ведет рассеянную жизнь светского лите-

ратора. Это герой, воспринимающий жизнь сквозь призму романтического сознания: «Арсений Виталин – с первого взгляда принадлежал, казалось к числу тех <...> многих молодых людей нашей эпохи, которые, слишком рано предавшись наслаждениям, теряют вкус ко всему и, чуждые вообще условий общества, в котором они живут, остаются в состоянии вечного отрицания и тягостной, мучительной апатии. <...> На таких личностях лежит печать постоянного разочарования» [1, с. 110].

Культурное пространство – это также пространство реализации человеческой виртуальности (задатков, возможностей, способностей, желаний и пр.), «осуществления социальных программ, целей и интересов, распространения идей и взглядов, языка и традиций, верований и норм, и т.д.» [6, с. 39], – отмечает А.Н. Быстрова. Пространственная обусловленность человеческой деятельности, как социального общения, приобретает особое значение в театральном творчестве. Театральное оформление накопленного в рамках социально-исторической эволюции опыта, превращение его в предмет эстетической, художественной, творческой рефлексии происходит в определенных пространственных границах. Таким образом, можно утверждать, что, находясь в рамках культурного пространства, театральное пространство является одним из системообразующих факторов культурного пространства и занимает определенное место в его структуре.

В главе «Представление» (рассказ «Человек будущего») изображено поведение людей в театре, причем в его описании мы чувствуем иронию автора: «В театре было так тихо, что можно было слышать жужжание мухи. Но вот вдали показалась женская фигура. Топот, стук, хлопанье и вой нечеловеческий раздались во всех концах зала, так что гул слышен был даже на площади, а кучера, поглаживая и разглаживая бороды, обратившиеся в сосульки от жестокого мороза, и похлопывая рукавицами, говорили друг другу: «Знать, важно ломают камедь!» [1, с. 104]. Рассказчик обращает внимание читателей на суету, возникшую на площади возле Александринского театра в связи с постановкой новой пьесы: «Площадь Александринского театра была исполнена особенного движения. Лихие извозчики и измученные ваньки беспрестанно подвозили к колоннам театра новых посетителей, по временам даже подъезжали кареты или, за недостатком их, патриархальные возки, из которых вылезало обыкновенно штук по шести женского пола и штуки по две мужского; как они там помещались, это уж загадка необъяснимая» [1, с. 103]. С иронией рассказчик говорит о том, что извозчика заказывали в основном от близлежащих домов (добравшись туда пешком. – *А.Л.*), чтобы эффектно подъехать к зданию театра: «...извозчики-лихачи были большею частью нанимаемы толь-

ко от дверей Палкина (ресторан Палкина помещался в доме №47 по Невскому проспекту, неподалеку от Александринского театра), куда для передышки от дальнего пути заходили офицеры, с различными нашивками и петлицами, и молодые чиновники, с завитыми в трубочки волосами и в различных цветов жилетах, чтобы собраться с силами перед будущим эстетическим наслаждением и чтобы осмотреть состояние вязанного обыкновенно из бисера какими-нибудь нежными ручками барышни с Петербургской стороны кошелька и расчесть: достаточно ли будет содержащегося, чтобы на лихаче поравняться с известным патриархальным возком у колонн театра» [1, с. 104].

Еще один пример «культурного пространства» в трилогии А.А. Григорьева – «гостиная-салон». Здесь, кроме того, что осуществляются завязки или развязки интриг, происходят диалоги, имеющие очень важное значение для раскрытия характера героев. Как отмечают исследователи, «именно в салонах происходит политическая и деловая, а также литературная жизнь: решается успех или неудача пьесы, книги, литературная репутация» [2, с. 395]. Однако в рассказах А.А. Григорьева меньше внимания уделено событиям культурной жизни столицы, акцент смещен в сторону душевных переживаний героя. Тем не менее в трилогии присутствует описание исторических реалий, характеризующих культуру эпохи: рассказчик упоминает названия популярных для того времени (40-е – 50-е годы XIX века) произведений искусства. В салоне обычно звучит музыка: «Послышались звуки рояля – и тема “Страньеры”, моя любимая тема <...> Она сидела за роялем; звуки “Страньеры” сменились звуками мазурки Шопена, от которой мне становится всегда невыносимо грустно» [1, с. 137]; или: «Сестра ее пела в гостиной старый романс: “Oublions-nous” (“Забудемся”), который бог знает почему-то попал к ней в милость» [1, с. 137]. Автобиографический герой читает своей возлюбленной стихи Байрона, Лермонтова. В определенные моменты он проводит аналогии с литературными персонажами, описывая свое внутреннее состояние или сравнивая возлюбленную с героиней романов Ж. Санд: «Неужели в самом деле в Лелии нашла она сама себя» [1, с. 136]. Особенно близок ему граф Альберт, главный герой романа Ж. Санд «Консуэло». Герой романов «Консуэло» и «Графиня Рудольштадт», масон и мистик, организовал орден «Невидимые», целью которого является переустройство мира на лозунгах Великой французской революции (свобода, равенство, братство), на началах правды и любви. Многие исследователи творчества А.А. Григорьева (Б.Я. Бухштаб, П.П. Громов, Б.О. Костелянец) [5; 9] отмечали тесную связь между его масонскими и социалистическими идеями: неслучайно он так увлекался в те годы романами Ж. Санд. Литература оказывается

важным компонентом духовной культуры автобиографического героя, а образы художественных произведений органично дополняют картину его собственных переживаний.

О взаимоотношениях героя с возлюбленной рассказчик повествует всегда с ноткой грусти, печали, в то время как встречи с редакторами или другими литераторами описаны с определенной долей иронии. В главе «Воображаемый журнал, редактор и его сотрудники» изображена встреча Виталина и его друга Искорского с редактором журнала. Виталин приходит в номер к Искорскому, туда же являются представители редакции. Б.Ф. Егоров, исследователь творчества А.А. Григорьева, предполагает, что это может быть редактор журнала «Финский вестник»: «По некоторым намекам (молодость, военные привычки, “финские очертания лица”) можно предположить, что речь идет о Федоре Карловиче Дершау, редакторе журнала “Финский вестник”, в котором в 1846 г. принял участие А.А. Григорьев» [1, с. 402]. Редактор и его подчиненный выступают в роли комических персонажей. Редактор, по замечанию рассказчика, был «еще очень молод и по всем признакам страшно недоволен своей молодостью; бледным и слабым, совершенно финским очертаниям его лица сообщали выразительность только усы, возделываемые с бесконечной любовью. Движения его были резки и каждое из них, казалось, говорило: “Каков я, а?..” Он часто пристукивал каблуками, что, впрочем, за недостатком шпор не производило желаемого эффекта. На его лице вечно сияла улыбка неизменного самодовольствия; его речь была чрезвычайно резка и через три слова приправлялась выражениями, никогда не выдававшими печати» [1, с. 123]. Его помощник, изображенный при помощи персонажа комедий У. Шекспира – Фальстафа, описан с не меньшей долей иронии, переходящей затем в сочувствие: «Он был довольно полон и невысок ростом; его несколько лысая голова, его полное и круглое, даже несколько распухшее лицо, нос красный и оконечности высказывали его натуру с первого раза: никогда, может быть, вы не вспомнили бы так ясно Шекспирова Фальстафа, как при взгляде на этого человека. Его припрыгиванья, так несообразные с летами, его претензии на светскость и изобилие – и вместе с тем летний костюм в половине зимы – все это представилось бы вам чрезвычайно комическим, хотя при более долгом наблюдении едва ли бы смех ваш не заменился глубоким, болезненным состраданием» [1, с. 123–124]. Рассказчик испытывает симпатию к этому персонажу, несмо-

тря на то, что «искушение хорошего обеда сильнее в нем мысли о человеческом достоинстве» [1, с. 124]. Автор дает понять читателю, что все мысли этих «аристократов» направлены на удовлетворение материальных интересов, и где уж тут думать об искусстве, когда в основе действий редактора лежит «крайнее желание <...> купить галстук с чудовищно огромными цветами» [1, с. 125].

В трилогии о Виталине А.А. Григорьев создал атмосферу эпохи 50-х гг. XIX века, нарисовав картину светской жизни Петербурга, которая представлена в произведениях столичными салонами, Александрийским и Михайловским театрами, редакциями журналов, то есть тем, что определяет культурное пространство художественного произведения. Все эти элементы формируют творческую составляющую жизни главного героя, помогают осмыслить его образ, понять его мировоззрение, систему ценностей. Необходимо также отметить стремление автора говорить о своих героях, как о людях эпохи, типичных представителях своего поколения, предлагая читателю познакомиться с людьми 50-х гг. XIX века, погружая нас в культурное пространство данной эпохи.

Библиографический список

1. *Аполлон Григорьев*. Воспоминания. – Л.: Наука, 1980. – 440 с.
2. *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. – М.: Худ. лит., 1975. – 502 с.
3. *Библер В.С.* Культура. Диалог культур // Вопросы философии. – 1989. – № 6. – С. 32–34.
4. *Бужин А.Г.* Культурное пространство и пространства культур: автореф. ... канд. филос. наук. – Чита, 2006. – 23 с.
5. *Бухштаб Б.Я.* Гимны Аполлона Григорьева // Библиографические разыскания по русской литературе XIX века. – М.: Книга, 1966. – С. 27–49.
6. *Быстрова А.Н.* Культурное пространство как предмет философской рефлексии // Философские науки. – 2004. – №12. – С. 36–39.
7. *Есин А.Б.* Мир произведения // Введение в литературоведение: учебник / под ред. Л.В. Чернец. – М.: Издательский центр «Академия», 2011. – 720 с.
8. *Кармин А.С.* Основы культурологии. Историография культуры. – СПб.: Лань, 1997. – С.203.
9. *Костелянец Б.О.* Аполлон Григорьев // Григорьев Аполлон. Стихотворения и поэмы. – М.; Л.: Советский писатель, 1966.
10. *Лотман Ю.М.* Статьи по семиотике и типологии культуры // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. – Т. 1. – Таллинн: Александра, 1992. – 479 с.

АНТИЧНЫЕ ЦИТАТЫ В ПОВЕСТИ Н.С. ЛЕСКОВА «ЗАЯЧИЙ РЕМИЗ»*

Статья посвящена актуальной проблеме анализа поэтики поздней прозы Н.С. Лескова с точки зрения интертекстуальности. Последнее художественное произведение писателя – повесть «Заячий ремиз» – рассматривается в ней как сложное художественное единство, своеобразие которого во многом определяется авторской установкой на интерпретацию ряда античных текстов. Автор проводит атрибуцию используемых писателем латинских и греческих выражений и обнаруживает новые источники повести Лескова – трактат Сенеки «О гневе» и «Естественную историю» Плиния Старшего. В статье доказывается, что обращение писателя к античным авторам выполняет комическую роль. Лесков максимально заостряет контраст между собственным текстом и претекстами: на языковом уровне благодаря введению нелитературной (диалектной и просторечной) лексики и синтаксиса, на содержательном – в результате актуализации образов телесного низа. Противопоставление между внешней точкой зрения, заключенной в интертекстуальных фрагментах, и внутренней точкой зрения нарратора призвано продемонстрировать ограниченность ракурса сказового повествователя. Poleмическая заостренность повести заметно усиливается и в связи с тем, что центральным персонажем травестийного повествования выступает представитель высшего слоя духовенства.

Ключевые слова: русская литература XIX века, Н.С. Лесков, «Заячий ремиз», интертекстуальность, комизм, античные цитаты, ирония.

Одним из наиболее интертекстуально насыщенных произведений позднего Н.С. Лескова является повесть «Заячий ремиз» (1894). Несмотря на то что в последние годы внимание исследователей к поздней прозе Лескова усилилось [3–5], эта повесть до сих пор относится к числу наименее изученных текстов писателя. Между тем диапазон даже атрибутированных самим автором источников цитат колеблется от поэм Овидия до романов Л. Стерна, от прозы Э.-Т. Гофмана до публицистики В.А. Жуковского, от философских трактатов Г. Сковороды до комедий Н.В. Гоголя. Среди тех высказываний, авторство которых Лесковым не указано, выделяется ряд цитат на латинском и древнегреческом языке. Приводимые писателем на языке оригинала и без перевода, эти выражения, безусловно, привлекают внимание читателей. Определим источник античных цитат и проанализируем их роль в смысловом и стилистическом пространстве повести.

Античные тексты актуализируются Лесковым в связи с созданием одного из основных образов «Заячьего ремиза» – архиерея. Писатель вкладывает в уста нарратора-протагониста следующую показательную характеристику героя: «А он и дома у себя в монастырьке сидел, да все понимал и знал: и Платона, и Цицерона, и Тацита, и Плавта, и Сенеку, и Теренция, и иных многих» [6, с. 525]. Два латинских выражения включаются Лесковым уже в первые реплики архиерея, которые входят в его диалог с отцом нарратора: «Архиерей же <...> превесело ему крикнул: – Що ты это телешом светишь! Или в тебе совсім сорому нэма? Старый бесстыдник! А отец отвечал: – Хорошо, що в тебе стыд есть! Где обедал? Тогда архиерей еще проще

спросил: – Да чего ты, дурень, бунтуешься? А отец ответил: – От такового ж слышу! Тогда архиерей усмехнулся и сел на скамейку и сказал: – Еще ли, грубиян, будешь злиться? Egvando amabis... Впрочем, соблюди при невеждах приличие! – И с сими словами рыгнул и, обратив глаза на собиравшиеся вокруг солнца красные облака, произнес по-латыни: Si circa occidentem rubescunt nubes, serenitatem futuri diei spondent. Это имеет для меня значение, ибо я должен съесть, по обещанию, еще у тебя обед и поспешать на завтрашний день освящать кучу камней. Выходи уже на сушу и пошли, чтобы изготовляли скорее твоего налима, которым столь много хвалился» [6, с. 518].

Оба латинских выражения представляют собой неатрибутированные цитаты. Искаженное латинское выражения «ecquando amabis» («когда же ты будешь кого-нибудь любить?») является цитатой из философского трактата Луция Сенеки «О гневе» (41 г. н.э.) (глава III, фрагмент XXVIII): «Hinc te illo furor rapiet, illinc alio, et nouis subinde irritamentis orientibus continuabitur rabies: age, infelix, ecquando amabis? O quam bonum tempus in re mala perdis!» [2]. В русском переводе контекст выбранной Лесковым для цитирования фразы звучит следующим образом: «Тебя будет бесить то один, то другой, отовсюду будут возникать все новые раздражения, и жизнь твоя станет непрекращающимся бешенством. Опомнись, несчастный! Когда же ты будешь кого-нибудь любить? О какое чудесное время ты губишь на скверную вещь!» [10, с. 170].

Маркером претекста в повести Лескова являются слова архиерея «Еще ли, грубиян, будешь злиться?» [6, с. 518]. И по своей форме (прямое обращение к адресату текста), и по содержанию

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта «Поздний Н.С. Лесков: научная подготовка к изданию художественных и публицистических произведений 1890-х годов» (грант № 15-04-00192).

(указание на принципиальные для текста Сенеки темы грубости, злости, гнева) они тесно связаны с источником цитаты. Между тем в «Заячем ремизе» цитата из Сенеки попадает в новый семантический и стилистический контекст. Поводом к цитированию римского философа архиереем в художественном мире повести является «озорной» поступок отца нарратора: «отец <...> пошел на пруд купаться <...> и нарочито стал раздеваться прямо перед домком <...>, где <...> на балкончике сидели архиерей и три дамы и уже кофей пили» [6, с. 517]. Мотив внезапного обнажения перед гостем является одним из характерных для прозы Лескова. Достаточно вспомнить известный эпизод из повести «Смех и горе»: «старая княжна Авдотья Одоленская <...> решила сама навестить его. Для этого визита она выбрала день его рождения и прикатила. Дядя <...> ее выпроваживал; но тетка тоже была не из уступчивых <...> она села на диван и велела передать князю, что до тех пор не встанет и не уедет, пока не увидит новорожденного. Тогда князь позвал в кабинет камердинера, разоблачился донага и вышел к госте в чем его мать родила. – Вот, мол, государыня тетушка, каков я родился! Княжна давай бог ноги, а он в этом же райском наряде выпроводил ее на крыльцо до самого экипажа» [8, с. 398]. В контексте «Заячьего ремиза», так же как и в контексте «Смеха и горя», мотив обнажения выражает собой скандальное нарушение общественных норм. Ситуация приема гостей достаточно формализована и подчинена требованиям этикета, что акцентирует момент выхода «за рамки приличия» обнажающегося героя. В «Заячем ремизе» степень нарушения героем условностей подчеркивается присутствием большого числа зрителей «купания». Впрочем, шокирующий характер поведения персонажа сглаживается благодаря ракурсу подачи события. Повествование в этом случае ведется с идеологической точки зрения нарратора-протагониста, который оценивает происходящее исключительно в юмористическом ключе: «отец <...> с усмешкою глядел на архиерейскую карету» [6, с. 517], «архиерей <...> превесело ему крикнул» [6, с. 517], «архиерей усмехнулся» [6, с. 517], «отец рассмеялся» [6, с. 518].

Несоответствие риторике античного автора, к цитате из которого прибегает архиерей, ситуации обнажения «разгневанного» персонажа повести усиливает комизм эпизода. Не отказывается в этой связи писатель и от любимого им приема сопряжения слов и выражений из различных стилистических пластов. Цитата из Сенеки включается Лесковым в диалог, изобилующий диалектизмами («Или в тебе совсім сорому нэма?») и грубым просторечием («телешом», «дурень», «рыгнул»), что естественно поддерживает стихию языкового комизма, которая главенствует в повести.

Следующее латинское выражение, вложенное Лесковым в уста архиерея, «*si circa occidentem rubescunt nubes, serenitatem futuri diei spondent*» [6, с. 518], является неатрибутированной цитатой из «Естественной истории» Плиния Старшего (77 г. н.э.) («Книга XVIII. Зерновые культуры»): «*si circa occidentem rubescunt nubes, serenitatem et futuri diei spondent. si in exortu spargentur partim ad austrum, partim ad aquilonem, pura circa eum serenitas sit licet, pluviam tamen ventosque significabunt*» (глава LXXVIII). Цитируемый фрагмент книги Плиния входит в главу, посвященную тому, каким образом земледельцы по солнцу могут определить погоду на ближайший день. Ближайший контекст этой цитаты в английском переводе (перевода на русский язык «Естественной истории» Плиния до сих пор не существует) выглядит следующим образом: «If the setting sun is surrounded by red clouds, these guarantee fine weather the next day; but if at sunrise the clouds are scattered some to the south and some to the north, although the sky round the sun may be fine and clear, they will nevertheless indicate rain and winds, while if when the sun is rising or setting its rays appear shortened, that will be a sign of rain» [1, с. 405].

Маркером источника цитаты в данном случае является указание нарратора на особенности характера архиерея: «иные находили в нем как бы не весьма много духовности, но зато он был превеликий любитель миролюбия и хозяйства и столько был в это внимателен и опытен, что с приходящими просителями всего охотнее говорил о произрастаниях из полей и о скотоводстве» [6, с. 524]. Цитирование Плиния Старшего, помимо функций комизма, аналогичных тем, которые реализовывались при включении в повесть выражения Сенеки (языковой комизм, несоответствие высокого риторического стиля низкому бытовому содержанию), связано с появлением ошутимой авторской иронии.

Ирония возникает в результате несовпадения двух идеологических точек зрения: точки зрения нарратора-протагониста, который оценивает архиерея подчеркнуто положительно, и косвенно упоминаемой внешней точки зрения («иные находили в нем как бы не весьма много духовности»). Введение «другой» оценочной позиции является знаком присутствия в повести и авторской точки зрения: указание на «хозяйственность» священнослужителей в ущерб духовному просвещению паствы является одним из устойчивых мотивов прозы Лескова. Особенно отчетливо осуждение такой позиции духовенства проявилось в публицистических высказываниях писателя (очерки «Русские деятели в Остзейском крае», «Святительские тени» и др.) В «Заячем ремизе» в данном случае реализуется одна из ярких особенностей сказового повествования, в котором непрофессиональный нарратор, не вполне контролирующая свою речь, говорит невольно больше, чем он хотел бы сказать.

Следующей неатрибутированной цитатой, включенной Лесковым в речь архиерея, является выражение «*Tu deorum hominumque tyranne, Amore!*» [6, с. 525]. Этот афоризм принято возводить к Еврипиду. Показательно, что он используется и А. Шопенгауэром в трактате «Мир как воля и представление», который пользовался большой популярностью в русском образованном обществе второй половины XIX века (как известно, увлечены Шопенгауэром были Л.Н. Толстой, А.А. Фет, М.О. Меньшиков и др.). Повесть Лескова показывает, что писатель, хорошо знавший философскую работу Шопенгауэра, вполне мог учитывать и этот контекст цитаты. Шопенгауэр отсылает к Еврипиду в XIV главе «Метафизика половой любви»: «интересы рода преобладают в нашей жизни <...> древние <...> олицетворяли гений рода в Купидоне: несмотря на свой детский облик, это был неприязненный, жестокий и оттого обесславленный бог, капризный, деспотичный демон, но в то же время владыка богов и людей: *Tu, deorum hominumque tyranne, Amor!* (Ты, Амур, тиран богов и людей! – *Еврипид*)» [12, с. 453]. Цитата из Еврипида подкрепляет основную мысль Шопенгауэра: половой любовью управляет инстинкт, он создает многочисленные иллюзии, поскольку для природы важнейшими интересами являются интересы рода.

В повести Лескова цитата из Еврипида представлена следующим образом: «Знал он (архиерей. – А.Ф.) также и многие другие вещи, о которых невежды сочиняют суетная и ложная к поддержанию языческих суеверий. Итак, когда купили для него корову, чтобы он мог иметь к чаю свои сливки, и та корова почала громко рычать, то эконо и иже с ним бывшие полагали, что надо корову переменить, ибо она цветом шерсти не ко двору; но владыка улыбнулся и сначала сказал по-латыни: – *Tu deorum hominumque tyranne, Amore!* то есть: О ты, Амур, тиран богов и людей! – А после продолжил по-русски: – Не стыдно ли вам верить в такие пустяки! Или вы, обязанные другим людям изъяснять темноты их непонимания, сами еще не разумеете, что когда рогатая скотина рычит, то вернее всего для того, что мечтает иметь свидание с быком? – И для удостоверения в этом приказал послать корову к дякону, содержавшему у себя племенного быка, и как корова оттуда возвратилась вполне жизнью довольная, то оказалось, что владыка был против всех суеверов прозорливее. Но это иначе и быть не могло, потому что был это человек огромных дарований и пристрашной учености» [6, с. 524–525].

В «Заячий ремиз» цитата из Еврипида вводится в нетрансформированном виде: важность дословного воспроизведения подчеркивает писатель и благодаря тому, что она сопровождается точным переводом. Ближайший стилистический контекст цитаты, в отличие от рассмотренных выше примеров, не составляет с ней контраста: речь нарратора-

протагониста в этом фрагменте текста представляет собой пример имитации «высокого» стиля речи, что связано с использованием им устаревших слов и выражений (невежды, иже с ним бывшее), слов с «книжной» стилистической окраской (суетный, прозорливее, ученость), усложненного синтаксиса. Цитата из античного поэта вполне соответствует точке зрения нарратора в плане фразеологии. Между тем очевидно несоответствие между выбранным нарратором «высоким» стилем и той ситуацией, которая им описывается. Комизм усиливается благодаря тому, что в новом контексте цитата используется не вполне уместно. У Еврипида (как и у Шопенгауэра) речь шла, прежде всего, о психологических и душевных превратностях, связанных с любовью между мужчиной и женщиной. В речи героя Лескова слова греческого поэта используются для характеристики животного инстинкта – предельно «сниженного» варианта плотской любви.

Комичность этой ситуации связана и с особенностями ее фокализации. Дословно воспроизводимая реплика архиерея окружена развернутым комментарием нарратора. По логике сказового повествователя, рассказываемый им случай является примером борьбы архиерея с суевериями: «знал <...> также и многие другие вещи, о которых невежды сочиняют суетная и ложная к поддержанию языческих суеверий», «владыка был против всех суеверов прозорливее. Но это иначе и быть не могло, потому что был это человек огромных дарований и пристрашной учености» [6, с. 525]. Субъективная оценка нарратора, подчеркнутая благодаря введению эмоциональных определений («огромных дарований», «пристрашной учености») вступает в противоречие с эмпирикой текста.

Архиерей является одним из самых стернианских персонажей «Заячьего ремиза» (о стернианских традициях произведения см. [9]), повесть, которую сам Лесков называл «штучкой капризно» <...> вроде повествований Гофмана или Стерна» [7, с. 606]. Как известно, одним из любимых приемов комизма Стерна является передача низкого содержания высоким слогом. На стилистическом уровне текста этот прием часто реализуется как включение в повествование латинских выражений, которые имеют яркую книжную окраску и контрастируют с бытовыми событиями, являющимися предметом наррации (так, в романе «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» Стерн пишет: «Каждый раз он давал тысячи новых забавных и убедительных объяснений, почему смиренная, запаленная кляча была для него предпочтительнее горячего коня: – ведь на такой кляче он мог беззаботно сидеть и размышлять *de vamtatt mundi et fuga saeculi* с таким же успехом, как если бы перед глазами у него находился череп») [11, с. 34].

Функционирование античных цитат в «Заячьем ремизе», так же как и в романах Стерна, связано

с формированием комической стихии произведения. Между тем семантический и стилистический контекст повести Лескова позволяет писателю значительно усилить выразительность этого приема комизма. Писатель максимально заостряет контраст между текстами-донорами и текстом-реципиентом: на языковом уровне – благодаря введению нелитературной (диалектной и просторечной) лексики и синтаксиса, на содержательном – в результате актуализации образов телесного низа. Полемиическая заостренность повести Лескова усиливается и в связи с тем, что центральным персонажем его травестийного повествования выступает представитель высшего слоя духовенства. Созданная же писателем сложная повествовательная структура (античные цитаты введены в речь персонажа-архиерея, которая преподносится читателю ненадежным сказовым нарратором) не только «маскирует <...> деликатную материю» [7, с. 599], но и еще более углубляет общую ироническую тональность текста. Контраст между внешней точкой зрения, заключенной в интертекстуальных фрагментах, и внутренней точкой зрения нарратора очевидным образом демонстрирует ограниченность ракурса сказового повествователя.

Библиографический список

1. Андреева В.Г. Второе поколение русских нигилистов в восприятии Н.С. Лескова и В.Г. Авсеенко // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2014. – № 5. – С. 131–134.
2. Зенкевич С.И. «Выметальщик сора»: публикация Н.С. Лескова и общественная гигиена // Историко-биологические исследования. – 2015. – Т. 7. – № 3. – С. 7–28.
3. Ильинская Т.Б. Неизвестный очерк Н.С. Лескова «О клировом нищеводстве» // Русская литература. – 2012. – № 3. – С. 145–152.
4. Лесков Н.С. Заячий ремиз // Лесков Н.С. Собр. соч.: в 11 т. – Т. 9. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. – С. 501–590.
5. Лесков Н.С. Письма 1881–1895 годов // Лесков Н.С. Собр. соч.: в 11 т. – Т. 11. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. – С. 249–607.
6. Лесков Н.С. Смех и горе // Лесков Н.С. Собр. соч.: в 11 т. – Т. 5. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. – С. 382–569.
7. Лученецкая-Бурдина И.Ю., Федотова А.А. Традиции пародийного романа Л. Стерна в прозе Н.С. Лескова // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – № 6. – С. 222–225.
8. Сенека Л.А. Философские трактаты. – СПб.: Алетейя, 2001. – 400 с.
9. Стерн Л. Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1968. – 632 с.
10. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление // Шопенгауэр А. Собр. соч.: в 5 т. – Т. 1. – М.: Московский Клуб, 1992. – 547 с.
11. Pliny. Natural history with an English translations. Vol. 5. – L.: Harvard university press, 1950. – 502 p.
12. Seneca. De Ira. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gmr.sourceforge.net/> (дата обращения: 12.02.2016).

ПОЭТИКА ЭКФРАСИСА В СТИХОТВОРЕНИЯХ И. АННЕНСКОГО «К ПОРТРЕТУ...»

В статье рассматриваются портретные стихотворения Анненского: «К портрету», «К портрету Достоевского», «К портрету А.А. Блока», «К моему портрету» и «<К портрету Анненского работы Курбатова>». Они объединены общим типом названия, указывающим на их жанровое задание – быть лирическим комментарием к портрету, что, как следствие, актуализирует в их поэтике обращение автора к экфрасису. При этом три стихотворения являются лирическим переживанием образа другого, а два дают возможность увидеть разные варианты развития формы лирического автопортрета. Особое внимание уделено развитию темы поэта и поэзии, так как два из них посвящены образам художников слова – Достоевскому и Блоку, контрастно противопоставленным между собой. Оба автопортрета учитывают поэтическую составляющую лирического героя. Ключом к пониманию стихотворения «К портрету» тоже оказывается тема творчества, развивающаяся посредством мотива комплиментарного восприятия, благодаря которому в этом стихотворении сквозь переживание портрета другого лица проступают черты автопортрета. В процессе анализа поэтики этих стихотворений выявлено взаимодействие визуальных и аудиальных восприятий портретного образа, как обуславливающее тип пафоса, так и являющееся часто одной из форм авторской оценки. Обнаруженные ритмические, образные, мотивные и тематические переключки позволяют утверждать наличие между этими стихотворениями смысловых и структурных взаимосвязей, характерных для несобранного лирического цикла.

Ключевые слова: И. Анненский, лирика, экфрасис, поэтический портрет, портретные стихотворения, поэтика, тема творчества.

В творчестве Анненского есть несколько стихотворений, в которых прочитывается определенное жанровое задание – быть лирическим комментарием к портрету. Среди них назовем «К портрету», «К портрету Достоевского», «К портрету А.А. Блока», «К моему портрету» и «<К портрету Анненского работы Курбатова>». В самом заглавии этих стихотворений подчеркнута установка на экфрасис, что делает необходимым изучение его роли в поэтической структуре этих произведений. За последнее десятилетие, прошедшее после Лозаннского симпозиума «Экфрасис в русской литературе» (2002), появился целый ряд работ, в которых содержится как теоретическое осмысление этого явления в искусстве, так и рассматриваются частные аспекты поэтики, им обусловленные, поэтому мы, опираясь на наработки в этой области М. Рубинс, Д.С. Берестовской, А.Б. Бушева, М.И. Николы и др., непосредственно перейдем к изучению указанных стихотворений Анненского. Следует также оговорить методологическую важность работ, посвященных изучению феномена литературного портрета, особенно лирического, среди которых труды Ю.М. Лотмана, В.С. Барахова, С.Н. Колосовой, М.Г. Уртминцевой.

Условно пять стихотворений Анненского можно разделить на две группы: собственно портреты и автопортреты, при этом первая группа тоже может быть подразделена на два вида – портрет знакомого лица и портреты поэтов (в «Книгах отражений» Анненский неоднократно называет Достоевского именно поэтом). Начнем с единичного стихотворения с универсальным заглавием, векторно обозначившим лишь обращенность лирического переживания на портрет. Интересно, что

в черновике, как указывает А.В. Федоров, это стихотворение было озаглавлено с указанием адреса – «К портрету (Е. Левицкой)». Интерес к ней со стороны поэта мог быть обусловлен двумя причинами. Во-первых, она разделяла его взгляды на возможность совместного обучения в образовательном учреждении мальчиков и девочек и была основательницей первого в России учебного заведения, где была осуществлена попытка такового. Во-вторых, как вспоминает О.С. Бегичева, она входила в круг почитательниц творчества Анненского: «Чтение [«Фамиры». – Н.Н.] проходило в тесном кругу “жен-мироносиц”, как прозвал поклонник Ин<нокентия> Фед<оровича> его единств<енный> сын Валентин Иннок<ентьевич>. Надо отметить, что Ин<нокентий> Анн<енский> любил, чтобы ему “кадили”, и в особенности любил восторги из женских уст. Это были: Хмара-Барщевская Ольга Петровна, его невестка (жена пасынка) и впоследствии душеприказчик. Левицкая Елена Серг<еевна> – она первая в России – в Царском Селе открыла школу для мальчиков и девочек <...> и ряд других» [5, с. 152]. Однако, как отмечает с опорой на это стихотворение А.И. Червяков, Анненский относился к Е.С. Левицкой неоднозначно [1, т.1, с. 325–326].

Тем не менее внимательное прочтение этого стихотворения высвечивает не столько неоднозначность оценки другого, сколько определенную степень самоиронии. Если предположить, опираясь на воспоминания О.С. Бегичевой, что Е.С. Левицкая была одной из постоянных комплиментарно настроенных слушательниц произведений поэта, то лирический субъект этого стихотворения горько иронизирует над собственной потребностью в одобрении, пусть даже не всегда искреннем:

Тоска глядеть, как сходит глянec с благ,
И знать, что всё ж вконец не опротивят,
Но горе тем, кто слышит, как в словах
Заигранные клавиши фальшивят [2, с. 183].

Образ заигранных клавиш добавляет еще один смысловой оборот: ставшие привычными похвалы, уверенность в том, что они прозвучат, лишаются ценности и не кажутся искренними. И всё же лирический герой честен с собой: тоска привычки не в силах окончательно отвратить его от потребности в лести, невзирая на ее сомнительную ценность. Таким образом, обращение к портрету другого оборачивается ситуацией самопознания и безжалостной самооценки, высвечивая слабости не только другого (его возможную неискренность), но в большей мере собственные (потребность в лести).

Если говорить о возможном визуальном претексте, то он здесь не обязателен, так как поэтически обыгрывается не столько переживание облика, черт внешности (их здесь нет), сколько степень яркости, выцветание изображения, которое равно может быть как фотографией, так и живописным портретом. Более того, несмотря на начальный визуальный акцент в восприятии, основной смысл собирается вокруг аудиального образа заигранных клавиш, который гармонирует с тем, что зрение лирического субъекта фиксирует убывание цвета как сбрасывание некоей маски на основе обыгрывания фразеологизма «сходит глянec» в значении обнажения неблагоприятной правды. И как визуальный образ строится на двоении смысла: сходит глянec, то есть убывает яркость портрета, и сходит глянec, как обнажается неблагоприятность чего-либо, – так и слуховое восприятие выстроено на игре двух его свойств. Во-первых, это обычная способность слышать, во-вторых, музыкальный слух, который и позволяет лирическому «я» распознать фальшь в заигранных фразах, уподобленных тем самым многократно исполняемому и опостылевшему произведению, но все еще пользующемуся популярностью у других. Можно видеть, что в стихотворении Анненского словесный портрет строится на пересечении двух разных вариантов эстетического восприятия – визуального (живописного) и слухового (музыкального), которые объединяются в фиксации одного и того же явления – убывания ценности того смысла, носителем которого оказывается запечатленный на портрете человек.

Другой вид обращения к портрету представлен стихотворениями «К портрету Достоевского» и «К портрету А.А. Блока», которые, на первый взгляд, объединены тем, что это портреты художников слова. Но изучение поэтики этих произведений позволяет утверждать, что они друг другу противопоставлены.

Как отмечает С.Н. Колосова, «...четверостишие И. Анненского “К портрету Достоевского”, в котором поэт апеллирует к известному живописному полотну В.Г. Перова “Портрет Ф.М. До-

стоевского”» [8, с. 18], однозначно представляет собой экфрасис, подчеркивая, что «в данном случае нельзя не усмотреть аналогии с живописными полотнами, в которых по фрагменту, сохраняющему целостность портретного изображения, происходит более глубокое исследование душевных движений героя (как по изображению руки, жесту, например, портрет, порой “читаем” более глубоко, чем по лицу)» [8, с. 18].

Добавим, что этот портрет раскрывается как авторская концепция творчества, неоднократно находившая воплощение в разных образах, символах и мотивах поэзии и критической прозы Анненского, акцентировавших творческий акт как претворение муки и страдания в красоту. Можно вспомнить мотив преодоления муки в «Сентиментальном воспоминании», мотив переливания слез в чистый жемчуг, а также перегорания угля в алмаз в кантате «Рождение и смерть поэта», перекликающийся с образом алмазных слов, дающихся недаром, из статьи «Мечтатели и избранник», примечательно отсылающей к «Белым ночам» Достоевского, и другие. В упомянутой статье, анализируя повесть Достоевского, Анненский противопоставляет автора и героя как поэта и мечтателя. И противопоставление проводится посредством мотива любви к жизни: «*Мечтатель любит только себя*, он чувствует только царя вселенной. Поэт, напротив, беззаветно влюблен в самую жизнь. Поэту тесно в подполье и тошно, тошно от зеленой жвачки мечтателей. Он хочет не только *видеть* сон, но *запечатлеть* его; он хочет непременно своими и притом новыми словами рассказать, пусть даже наглат людям о том, как он, поэт, и точно обладал жизнью. Высокое и святое *в мечте* становится *в словах* мечтателя пошлым и жалостно-мелким. Наоборот, алмазные слова поэта прикрывают иногда самые грязные желания, самые крохотные страстишки, самую страшную память о падении, об оскорблениях. Но алмазные слова и даются не даром» [3, с. 126–127].

Столкновение в этом размышлении муки и грязи, с одной стороны, и красоты, с другой, перекликается с известным поэтическим афоризмом Анненского, ставшим культовым для поэтов «парижской ноты» с подачи Г. Адамовича: «А если грязь и низость – только мука / По где-то там сияющей красе...» [2, с. 103] из стихотворения «О нет, не стань», замыкающего собой «Трилистник проклятия». Нам уже приходилось писать о музыкальном экфрасисе в этом стихотворении Анненского, отсылающем к опере Р. Вагнера «Парсифаль» [11, с. 187–189] и актуализирующем мотив совести. Таким образом, можно видеть, что для Анненского восприятие портрета писателя, значимого для его собственного духовного и творческого опыта, что подчеркнuto многократным обращением к нему и в «Книгах отражений», и в переписке, и в поэзии,

оборачивается символическим изложением концепции творчества, в которой роль Музы играет Совесть, претворяющая мучительный огонь, терзающий душу поэта, в прекрасный свет гармонии, изливающийся на читателя.

Иначе представлен портрет Блока в стихотворении «К портрету А.А. Блока». Как указывает в своих комментариях А.В. Федоров, предположительно оно «...относится к портрету Блока кисти К. Сомова, репродукция которого была помещена в журн. «Золотое руно» (1908, № 1)» [2, с. 583]. Сопоставление этих двух четверостиший, посвященных портретам Достоевского и Блока, направляется из-за мотива горения, непосредственно связанного в текстах с образами поэтов и темой творчества. Приведем их:

К портрету Достоевского
В нем Совесть сделалась пророком и поэтом,
И Карамазовы и бесы жили в нем, –
Но что для нас теперь сияет мягким светом,
То было для него мучительным огнем [2, с. 183].

К портрету А.А. Блока
Под беломраморным облищем андрогина
Он стал бы радостью, но чих-то давних грез.
Стихи его горят – на солнце георгина,
Горят, но холодом невыстраданных слез [2, с. 205].

Впечатление ориентированности этих текстов друг на друга усиливается и с помощью метрической композиции. Она у них общая – 6-стопный ямб с перекрестной рифмовкой с наращением в первом и третьем стихах. На наш взгляд, эта взаимосвязь подчеркивает созданный Анненским контраст двух поэтов, чьи творческие портреты стали основой лирических сюжетов этих произведений.

Возвращаясь к мотиву горения, отметим, что в первом стихотворении он разрешается в претворение: огонь переходит в свет благодаря очистительной и преображающей роли Музы-Совести. Во втором, напротив, горение изображено бесплодным. Холод невыстраданных слез символично отлучает изображенного в стихотворении Блока от встречи с Музой-Совестью и, защищая его от душевных мук, не дает его стихам подлинного сияния, подменив его холодным блеском, сочетающимся в образной системе с беломраморным облищем андрогина, рифмуясь в пределах текста с цветком георгина. Как отмечает М.Р. Ненарокова, к концу XIX в. красота георгина закрепила за ним в языке цветов такие значения, как великолепие, элегантность и достоинство [12, с. 109–110]. С другой стороны, в «Трилистнике траурном» И. Анненского георгин выполняет ту же функцию, что и хризантема – выступает цветком похоронного обряда. Непосредственно это контекстуальное употребление есть в «Балладе» – «...но спешно, / Оборвав, сломали георгины» [2, с. 105]. Возможно, что в стихотворении о Блоке Анненский синтезировал семантические наслоения этого цветка, подчер-

кнув мертвенность великолепия нового искусства и его поэта.

Из всех рассмотренных стихотворений четверостишие, посвященное Блоку, ближе всего к поэтике экфрасиса, так как с самого начала внимание читателя приковано к безупречному облику поэта, словесно воссозданному в поэтическом тексте и вызывающему в восприятии читателя отчетливый визуальный образ. Примечательно, что в случае с портретом Достоевского зрительное восприятие направлено на созерцание мягкого света, излучение которого как бы растворяет в себе черты внешности писателя. Напротив, отсутствие света и замена его холодным сверканием в портрете Блока способствует строгому оформлению портретных характеристик, что подчеркнуто статуарным сравнением.

Заслуживает внимания и образ андрогина, соотнесенный с портретом Блока. С одной стороны, этот эффект подчеркнут в изображении К. Сомова, творчески откликнувшегося на искания символистов в области сверхчеловеческого. С другой, здесь опять обнаруживается скрытое противопоставление Достоевскому, чья Муза-Совесть, в первую очередь, была направлена на глубинное художественное постижение и выражение феномена человечности.

Сопоставление этих двух поэтических портретов с убыванием в случае Достоевского и увеличением в случае с Блоком элементов экфрастической поэтики позволяет выйти к осмыслению авторской аксиологии в области художественного творчества. Анненский с помощью контрастного изображения двух портретов ценностно отмечает как более высокий и значимый художественный опыт Достоевского, тонко обыгрывая семантическое соотношение сияния и блеска как горного и мирского (с элементами inferнального) излучений. При этом Анненский, по сути, учитывает спор о важности этического начала в искусстве, которым отмечено появление русского символизма, с его декларацией отказа от единства истины, добра и красоты в пользу панэстетизма, в отличие от ориентации классического искусства на соблюдение гармонии между этими ценностями в произведении. Таким образом, портреты Достоевского и Блока подчинены эстетически разным требованиям, подчеркивающим не только разницу между классическим и модернистским искусством, но и авторский выбор, ставящий первое выше второго, что оказывается несколько неожиданным, учитывая его самоопределение как художника именно среди поэтов-модернистов.

Обнаружившаяся выше ирония окрашивает и два поэтических автопортрета Анненского: «К моему портрету» и «К портрету Анненского работы Курбатова». В принципе оба они могут являться откликом на официальный портрет, хотя первое стихотворение может быть просто пере-

живанием собственного духовного облика вне соотнесенности с живописным полотном, что подтверждается практическим отсутствием элементов визуализации, характерных для этого типа экфрасиса. Так, еще С.К. Маковский в своих воспоминаниях приводит это стихотворение Анненского и утверждает: «В этом четверостишии каждое слово – свидетельство о самой сущности его мироощущения. Для Анненского человек и, следовательно, он сам был только “игрой природы”, эпизодом в цепи безбожного миротворения. Отсюда и противоположение “желаний” (приятя жизни и ее смысла) фантазии (“воображению”) – и “сна”, т.е. веры в иную, трансцендентную реальность, “сновидениям”, мечтам художника, бесследно тающим, как облака на небе. Анненский усвоил до конца урок французских *poètes maudits*» [9, с. 323]. Тем не менее, учитывая общность жанровой формы – лирический автопортрет, – рассмотрим их как несоборный диптих, тем более что, как и в предыдущей стихотворной портретной паре, обращает на себя внимание совпадение метрической композиции, создающее эффект взаимосвязи этих текстов. Но если в первом случае она была полной, то здесь есть тонкое отличие. При совпадении размера – 4-стопный ямб и типа рифмовки – охватной есть различие в чередовании рифм. В первом стихотворении охватными выступают мужские рифмы, а во втором – женские.

К моему портрету
Игра природы в нем видна,
Язык трибуна с сердцем лани,
Воображень без желаний
И сновидения без сна [2, с. 205].

<К портрету Анненского работы Курбатова>
Мундирный фрак и лавр артиста
Внести хотел он в свой девиз,
И в наказанье он повис
Немою жертвой трубочиста [2, с. 212].

Сопоставление этих стихотворений позволяет увидеть их сходство и в преобладающем эмоциональном тоне автора – самоиронии. Но если в экфрасистическом автопортрете самоирония направлена, скорее, на внешность, то в автопортрете души она акцентирует духовные противоречия лирического субъекта. И снова привлекает внимание композиционный прием, с помощью которого был организован контраст в изображении Достоевского и Блока: там, где на первый план выведено духовное содержание, черты внешности практически умалчиваются. Но если в портрете Достоевского это достигалось усилением светоносности образа, то в случае с автопортретом этот эффект создается с помощью смещения акцента с визуального восприятия к аудиальному, которое выступает как диссонанс громких уверенных речей трибуна и трепетного робкого сердца лани. В отклике же

на свой портрет кисти Курбатова, превращающийся в автопортрет из-за всматривания в собственный образ, увиденный и созданный другим, преобладает собственно зрительное восприятие, что переносит акценты на зримые черты внешности, как это было в случае с Блоком. Но если портрет Блока отличается безупречной красотой внешности, что подчеркнуто образными характеристиками: беломраморное обличье, холодный блеск, радость чьих-то грез, то созерцание собственного портрета оборачивается переживанием нелепости внешнего облика, что стало следствием дисгармоничного в контексте жанрового задания желанья, чтобы в официальном портрете сквозь черты чиновника (мундирный фрак) проступила внутренняя суть поэта (лавр артиста). Можно видеть, что эти портретные стихотворения тоже пересекаются между собой на уровне поэтики экфрасиса, образуя высокий и иронично сниженный компоненты пар: «К портрету Достоевского» – «К моему портрету», «К портрету А.А. Блока» – «<К портрету Анненского работы Курбатова>». Таким образом, пять портретных стихотворений Анненского соотнесены между собой посредством общего жанрового задания и поэтики экфрасиса, благодаря чему обнажается одно из ключевых свойств его поэтического мироощущения – самоирония. Ни одно из этих стихотворений не было опубликовано при жизни автора, и в его материалах они существовали порознь. Однако обнаруженные ритмические, образные, мотивные и тематические переклички, поэтическое обыгрывание разных эмоциональных регистров позволяют утверждать наличие между этими стихотворениями смысловых и структурных взаимосвязей, характерных для несоборного лирического цикла.

Библиографический список

1. *Анненский И.Ф.* Письма: в 2 т. / сост., предисл., коммент. и указатели А.И. Червякова. – Т. 1. 1879–1905. – СПб.: Издательский дом «Галина скрипит»; Издательство им. Н.И. Новикова, 2007. – 480 с.
2. *Анненский И.Ф.* Стихотворения и трагедии / вступ. ст., сост., подгот. текста, примеч. А.В. Федорова. – Л.: Советский писатель, 1990. – 640 с.
3. *Анненский И.Ф.* Книги отражений / изд. подгот. Н.Т. Ашимбаева, И.И. Подольская, А.В. Федоров. – М.: Наука, 1979. – 680 с.
4. *Барахов В.С.* Литературный портрет. Истоки, поэтика, жанр. – Л.: Наука, 1985. – 312 с.
5. *Бегичева О.С.* Биографическая заметка о Ин.Фед. Анненском и Н.П. Бегичевой // *Иннокентий Анненский глазами современников / К 300-летию Царского Села: сб. / сост., подгот. текста Л.Г. Кихней, Г.Н. Шелогуровой, М.А. Выграненко; вступит. ст. Л.Г. Кихней, Г.Н. Шелогуровой; коммент. Л.Г. Кихней, Г.Н. Шелогуровой, М.А. Вы-*

граненко. – СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2011. – С. 151–153.

6. *Берестовская Д.С.* Экфрасис и (или?) синтез искусств // Уникальные исследования XXI века. – 2015. – № 7 (7). – С. 30–39.

7. *Бушев А.Б.* Проблема экфрасиса // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Сер. Филология, история, востоковедение. – 2012. – № 2. – С. 194–198.

8. *Колосова С.Н.* Типология и поэтика портрета в русской лирической поэзии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2012. – 32 с.

9. *Маковский С.К.* Портреты современников <фрагменты> // Иннокентий Анненский глазами современников / К 300-летию Царского Села: сб. / сост., подгот. текста Л.Г. Кихней, Г.Н. Шелогуровой, М.А. Выграненко; вступит. ст. Л.Г. Кихней, Г.Н. Шелогуровой; коммент. Л.Г. Кихней, Г.Н. Шелогуровой, М.А. Выграненко. – СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2011. – С. 319–353.

10. *Лотман Ю.М.* Портрет // Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства. – СПб.: Академический проект, 2002. – С. 349–375.

11. *Налегач Н.В.* «Поэтика отражений» И. Анненского и феномен поэтического диалога в русской лирике XX века: научная монография. – Ке-

меровский государственный университет, 2012. – 260 с.

12. *Ненарокова М.Р.* Язык цветов: между литературой и ботаникой // Проблемы национальной литературы. Художественные поиски второй половины XX в. и современность. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения писателя, учителя, фольклориста Р.А. Кулаковского (г. Якутск, 18–19 июня 2014 г.) / отв. ред. Л.Р. Кулаковская. – Новосибирск, 2015. – С. 106–114.

13. *Никола М.И.* Экфрасис: актуализация понятия // Вестник Вятского государственного университета. – 2010. – Т. 1. – № 2. – С. 8–12.

14. *Рубинс М.* Пластическая радость красоты: Экфрасис в творчестве акмеистов и европейская традиция. – СПб.: Академический проект, 2003. – 354 с. – (Современная западная русистика, т. 46).

15. *Уртминцева М.Г.* Говорящая живопись (Очерки истории литературного портрета). – Нижний Новгород: Издательство Нижегородского университета, 2000. – 121 с.

16. *Уртминцева М.Г.* Экфрасис: научная проблема и методика ее исследования // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2010. – № 4. – С. 975–977.

ПРОБЛЕМА КОСМИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ В РОМАНЕ И.А. БУНИНА «ЖИЗНЬ АРСЕНЬЕВА»

Статья посвящена архетипу «вечной женственности», его модификации в литературе XX века. В романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» весьма осязаемы точки «пересечения» с поэтикой романтизма, неоромантиков, символистов.

Эта проблема была поставлена уже в работах немецких романтиков, Гете, а впоследствии разрабатывалась А.С. Пушкиным, М.Ю. Лермонтовым, И.С. Тургеневым, И.А. Буниным и, по сути, соотносится с идеями «Русского Эроса», заявленными в философии XIX века, а затем воплощенными в русском философском Возрождении.

В романе «Жизнь Арсеньева» осязаемо проявляется космическая модель женской любви. Тщательно прописанный бытовой фон не может заслонить идею рыцарского служения Прекрасной Даме, и в этом Бунин созвучен с так нелюбимыми им символистами. Безусловно, здесь проявляются и творческие интенции века, поиски Гармонии, способы ухода от тупиков индивидуального сознания. Этот спор-диалог с неоромантиками и символистами с опорой на фольклорную традицию (сказки, лирические песни) дал свои позитивные результаты.

Ключевые слова: И.А. Бунин, роман «Жизнь Арсеньева», архетип, Вечная Женственность, универсум.

В «Освобождении Толстого» И.А. Бунин писал: «Некоторый род людей обладает способностью особенно чувствовать не только свое время, но и чужое, прошлое, не только свою страну, свое племя, но и другие, чужие, не только самого себя, но и ближнего своего, то есть, как принято говорить, “способностью перевоплощаться”, и особенно живой и особенно образной (чувственной) памятью» [4, с. 62].

К сожалению, эти далекие «контексты» не всегда привлекали внимание исследователей фольклоризма И.А. Бунина. Даже у такой замечательной фольклористки, как Э.В. Померанцева, которой никак не откажешь ни в проницательности, ни в глубине, тонкости анализа (достаточно вспомнить одну из первых в нашей науке статью о фольклоризме А.А. Блока, ставшей уже классической), бунинский фольклоризм предстает у неё лишь как прямое заимствование сюжетов, образов, мотивов, непосредственно восходящих к конкретным фольклорным произведениям [9, с. 139].

Спору нет, у И.А. Бунина мы действительно встречаем и прямое заимствование, и тонкую стилизацию, но что дает такой, по определению Л.И. Емельянова, «регистрирующий фольклоризм»? Вероятно, он характерен только для определенных этапов, «ученического» периода творчества, хотя вряд ли и он был у такого большого и тонкого художника. Во всяком случае Л.И. Емельянов, безусловно, прав в одном: рассматриваются случаи, лежащие, что называется, «на поверхности». Видимо, именно поэтому он и предупредил о «подводных течениях», сложностях при рассмотрении фольклоризма Бунина, Чехова.

Однако примечательно, что в том же томе «Литературного наследия», где была опубликована статья Э.В. Померанцевой, помещена небольшая заметка такого крупного знатока бунинского наследия, как Н.П. Смирнов, настаивавшего, быть

может несколько запальчиво, на том, что в творчестве Бунина нет «никакой стилизации под фольклор» [11, с. 408]. Вероятно, речь должна идти о разных «уровнях» и типах фольклоризма в различные периоды творчества, что прекрасно показано в исследованиях Г.М. Атанова, Н.Ю. Грякаловой, Я.Р. Кошелева, Е.Л. Пилипюк, Н.А. Чистяковой. В частности, Г.М. Атанов справедливо указывает: «Основные направления фольклорных связей определились в прозе Бунина уже в первый период творчества. Позже они будут расширяться и углубляться, но и в произведениях зрелого писателя, как и в рамках творчества, фольклорный материал призван отобразить жизнь среды, которая в основном и создала устное творчество своего народа, – крестьянской» [2, с. 16].

Возможно, и не только для этого. «Спор» с фольклором, очевидно, тоже входил в творческие задачи Бунина: «мужицкие побаски», естественно, интересовали его, но ограничить горизонты его творчества «народными слухами и толками» никак нельзя. Да и сама «энергетика слова», безусловно сохраняющаяся в фольклоре (большой вопрос, насколько она осязаема самими носителями фольклора, особенно в центральной полосе России), придавала его творчеству новые импульсы, новые смыслообразования.

Современный польский исследователь В. Вильчинский недаром пишет: «Бунин, подобно символистам, расширил изобразительные возможности слова до немислимого предела, а излюбленного ими дионисийского начала в его художественном “я” тоже предостаточно». Дионисийское, мистериальное начало, очевидно, следует понимать как возвышение, дорастание до понимания истинной любви [15, с. 126].

И значительно позднее наш известный философ И.А. Ильин в статье «Родина и мы», осмысливая неудачи белого движения, напишет горькие,

но справедливые слова: «Мы должны соблюсти: во-первых, дух чести, ибо Россия погибла от бесчестия и возродится только через честь. <...> Мы должны соблюсти в себе, во-вторых, дух служения, ибо Россия погибла от безразличия и своекорыстия и возродится только через служение» [6, с. 217]. По сути, И.А. Ильин в публицистической форме выразил то, что Бунин художественно осмыслил и предвосхитил уже в 1911–1912 гг. «Выход» же из тупиков видится в «росте души», в приобщении к Высшему. «Я разумею тот дух патриотической преданности, – писал И.А. Ильин, – который подчиняет все личные и классовые цели – благу России, я разумею рыцарственный дух бескорыстия, свободной жертвенности, добровольного подчинения, дисциплины и бесстрашия. Я разумею то состояние души, когда любовь родит сильную и неподкупную волю, воля ведет к поступку, а поступок строит Родину, когда чувство долга становится второй природой, а вера в свое призвание ведет к подвигу» [6, с. 218].

Собственно, этим узловым точкам роста души и посвящен бунинский роман «Жизнь Арсеньева».

Вне контекста «большого времени» этот роман не может быть ни прочитан, ни адекватно воспринят. Легкость и изящество бунинской прозы, её стилистическая филигранность – это особый разговор, но за мастерством видится и такое органическое «ядро», без понимания, осмысления которого многое остается «за кадром». В. Вильчинский пишет по этому поводу: «Эпоха не внушала социального оптимизма, отсюда искусство “реалистов” и “модернистов” смыкалось, быть может, на бессознательном уровне, смыкалось в некотором общем порыве, оставляя кесарям кесарево и углубляясь в вечные универсалии человеческой культуры и человеческой жизни» [15, с. 126].

В методологическом отношении для нас чрезвычайно важны наблюдения О.В. Сливицкой: «Эстетической доминантой Бунина является внешняя изобразительность, поражающая своей яркостью и избытком подробностей. В её принципах запечатлены законы универсума, а именно самоценности жизни и её мельчайших частиц. Абсолют присущ природе, поэтому он присутствует в любой вещи, составляя её внутреннюю суть» [10, с. 286].

В «Жизни Арсеньева» то, что современная философия называет антропокосмизмом, проявляется в полной мере. Звездная модель мира, мотив Луны, по нашим наблюдениям, в этом романе являются своеобразными контрапунктами, определяющими всю его тональность. В решающие, поворотные моменты «выбора пути» именно они определяют внутренний сюжет всего романа. Сам же Бунин обозначал эти моменты очень точными и емкими словами, «как обладание всеми своими способностями, всей духовной и телесной восприимчивостью» [5, с. 47].

Совершенно очевидно, что такая жизненная полнота, такое прозрение и понимание себя, окружающего мира даются недаром, и картина «звездного неба», предзнаменования отражают внутренний мир героя и его высокое предназначение.

Обратимся непосредственно к тексту. В жизни Арсеньева наступает как раз тот момент, когда нужно на что-то решиться, покинуть родовое гнездо, совершить свой анабасис: «В кольце вокруг млечно-туманной луны было какое-то зловещее небесное знамение. Бледный, слегка склоненный набок лик её все больше грустнел и туманился на белесой мути неба, в вышине неслись и метались, порой могильно закрывая этот лик, дымно-свинцовые, а то и совсем темные облака» [5, т. 5, с. 159].

На первый взгляд, это просто «пейзажная» зарисовка, но в том-то и дело, что Бунин, по словам И.А. Ильина, как и каждый художник, рассчитывал на встречу-понимание, поэтому дня него так важен авторитет А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова. Опираясь на определенную литературную традицию, он постоянно напоминает читателю о дорогих именах, стремясь вызвать определенные ассоциации: «Ночью же тихо восходит над нашим черным, мертвым садом большая мгlisto-красная луна и опять звучат во мне дивные слова: “Как приведение, за рощею сосновой // Луна туманная взошла”, – и душа моя полна несказанными мечтами о той, неведомой, созданной им и навеки пленившей меня, которая где-то там, в иной, далекой стране, идет в этот тихий час. // К брегам, потопленным шумящими волнами» [5, т. 5, с. 127].

Здесь уместно процитировать С.С. Аверинцева: «И этот потрясающий космос “Мастер” во время своей работы держит в уме некий вечный образец своей мудрости. <...> И на вопрос: что такое Афина? – можно ответить: это “демиургическая мудрость”, устрояющая мудрость мастера, которой создаются предметы обихода и устои семьи, дома и города, общины и законы, и, наконец, просторный дом мироздания» [1, с. 28].

Итак, речь идет, естественно, не о юношеском томлении о прекрасной незнакомке, «художественный помысел» лежит куда глубже. «Слишком скудно знание, приобретаемое нами за нашу личную, краткую жизнь, – пишет Бунин, – есть другое, бесконечно более богатое, то: с которым мы рождаемся» [5, т. 6, с. 41].

Это знание об окружающем мире, безусловно, формируется и благодаря детским впечатлениям, и литературным ассоциациям. Герой Бунина, по его словам, уже «во младенчестве», то есть в возрасте 5–6 лет, проникает в тайны мироздания: «Помню какую-то дивную лунную ночь, то, как неизъяснимо прекрасен, легок, светел был под лунной южный небосклон, как мерцали в лунной небесной высоте редкие лазурные звезды, и братья говорили, что все это – миры, нам неведомые и, быть может,

счастливые, прекрасные, что, вероятно, и мы там будем когда-нибудь».

Говоря о мифологеме Европы, А.Ф.Лосев, в частности, отмечает: «Но Европа является символом не только растительной, но и животной жизни. Об этом говорит её связь с Зевсом-быком. <...> Ведь не случайно то обстоятельство, что разыскивающий свою сестру Кадм получает указание оракула остановиться на своем пути и построить город Фивы там, где ляжет корова. Будучи стихией животной и растительной жизни и охватывая в этом смысле весь космос, Европа оказывается, между прочим, луной. Мифологическое мышление есть обязательно и мышление космическое, уже по одному этому оно не может не охватывать небесных явлений» [7, с. 569].

Вполне закономерно поэтому, что «лунарный миф» у Бунина соотносится не только с «вечной женственностью», но и с рыцарским этосом, гордостью за своих предков. Казалось бы, в некоторых случаях он противоречит сам себе: с одной стороны, бунинский герой постоянно говорит об оскудении рода, захудалости и даже нищете, а с другой, он постоянно обращается к памяти детства, и перед читателем возникает совершенно иная картина: «В селе весело замирает сердце от спуска с необыкновенно крутой каменистой горы и от новизны, богатства впечатлений: на селе мужицкие дворы все большие, зажиточные, с древними дубами на гумнах, с пасеками, с приветливыми, но независимыми хозяевами, рослыми, крупными, однодворцами. <...> На противоположной горе, на которую поднимаешься, переехав каменный, затонувший в светлых струях мост, на выгоне перед церковью – цветистое многолюдство: бабы, девки, гнутые, гробовые старики в чистых свитках и шляпах-черепниках» [5, т. 6, с. 24].

И это пишет автор «Деревни». При однолинейном социологическом подходе это нечто вроде «пейзажества», идеализация деревенской жизни, небывалых отношений между барином и мужиком. Но, видимо, перед нами преображенная реальность, она видится через «магический кристалл», и противоречие снимается.

Это интуитивное постижение мира с его лучшей, ошеломляющей стороны Э. Фромм определял как «сон», то есть детскую модель мира, которая проецируется на повседневную действительность, и она раскрывается совершенно иначе [13, с. 84]. В этом отношении мне представляется очень интересным наблюдение Л.А. Ходанен, сделанное в работе «Провиденциальные мотивы сна в творчестве М.Ю. Лермонтова»: «Мифологема сна наиболее многообразна в стихотворениях, содержащих образы памяти. Герой погружается в них, ощущая отрадное забвение в мире прошлого, детства, природы. Душа “вольной птицей” летит в этот идеальный мир, воспринимает его разворачивающуюся объемность во времени и пространстве» [14, с. 21].

И далеко не случайно в «Жизни Арсеньева» Бунин выделяет имена Пушкина, Лермонтова как доминанты в своем духовном становлении. Он словно ставит «вехи» для своего героя, вводя читателя в контекст отечественной и мировой культуры. В ряду тех духовных качеств, которыми, по мнению Бунина, талантливый человек обладает от рождения, он отмечает и особую историческую память. И анабасис Арсеньева заключается в том, что он не только совершает путешествие «по дорогам отцов» (достаточно вспомнить его поездку в Крым, Севастополь, в «пленительные гурзуфские дни легендарного Пушкина»), но и открывает в отечественной истории созвучные, близкие внутренне «пассионарные волны».

Его «духовным очам» открываются тайны тысячелетней истории славянства: Прикарпатье, Дунай и Прут – как «страна берладников», вечных скитальцев, праобраз будущих казаков; Северский Донец и Дон – как места извечного противостояния со степью, и в обыденной действительности его герой прозревает нечто другое: «Уже наступила весна, я только что прочитал собрание малорусских дум Драгоманова, был совершенно пленен “Словом о полку Игоревом”, нечаянно перечитав его и вдруг поняв всю его несказанную красоту, и вот меня уже опять потянуло вдаль, вон из Харькова: и на Донец, воспетый певцом Игоря, и туда, где все еще, казалось, стоит на городской стене, все на той же древней ранней утренней заре, молодая княгиня Евфросинья, и на Черное море казацких времен...» [5, т. 6, с. 172].

И вдумчивому читателю, включившемуся в этот сложный ассоциативный ряд, в «неевклидову» геометрию, когда параллельные линии сходятся в космическом пространстве и времени, в «ритуальной реальности», становится понятным, что это путешествие к самому себе и искупление грехов отцов.

Совершенно ясно, что «младенческие картины» довольства и сытости рождественских мужиков не «пейзаж», не забавы екатерининских вельмож в Павловске, в Царском Селе, не социальная утопия, а нечто другое.

Историческое знание о прошлом Руси, сопричастность к многовековой истории и позволяют Бунину говорить о «норме», о должном. Воронежско-тамбовское подстепье сформировало особый характер независимых и гордых людей, так называемых однодворцев, тех, кто селился в стародавние времена для охраны границ, противостоял набегам Орды. Жизнь в «пограничье» и выработала особое отношение к окружающему миру, именно в этой среде долгое время хранились героические баллады, исторические песни. Елец и воспринимался как «предверье Москвы», он неоднократно сторулся, снова возрождался, рос и богател за счет хлебной торговли. И хотя многочисленные торговцы, перекупщики хлеба безжалостно и жестко об-

манывали мужика, былая гордость, былое величие давали себя знать.

Бунин гордится тем, что его герой «рос во времена величайшей русской силы и огромного осознания её». Правда, уходила эта сила куда-то не туда. И если в его «жизненный состав» входит ощущение России как страны безграничных потенциальных возможностей, то видит он и иное, страшное тяготение к саморазрушению. (Поневле вспомнишь знаменитые сатирические стихи А.К. Толстого «Я за то мужика уважаю, если он не пропьет урожая».)

Позднее в «Окаянных днях» Бунин напишет о том же русском мужике, о подлинной, а не сусальной-умиленной любви к нему: «Народ сам сказал про себя: “Из нас, как из дерева, – и дубина, и икона”, – в зависимости от обстоятельств, от того, кто это дерево обрабатывает: Сергей Радонежский или Емелька Пугачев. Если бы я эту “икону”, эту Русь не любил, не видел, из-за чего страдал так беспрерывно, из-за чего же бы я так сходил с ума? А ведь говорили, что я только ненавижу. И кто же? Те, которым, в сущности, было совершенно наплевать на народ» [4, с. 62].

Историки культуры давно заметили эту поразительную двойственность русского характера: с одной стороны, домовитость, оседлость, любовь к порядку, а с другой, – скитальчество, бесприютность. Объяснения находили разные, но одно из них, многовековая близость со степью, кажется наиболее убедительным.

Как отмечал Н.А. Бердяев, «русский народ – менее семейственный, чем народы Запада, менее прикованный к семье, сравнительно легко с ней разрывающийся», «в глубоких явлениях своего духа <...> наименее детерминированный, наименее прикованный к ограниченным формам быта, наименее дорожающий установленными формами» [3, с. 216].

Отсюда и порывы к трансцендентному, космическому, жажда «иной жизни», неизбывный утопизм. Органически это входит в «жизненный состав» и бунинского героя (отсюда и его «неожиданные» поездки в Смоленск, Витебск, Полоцк), но свое «скитальчество», «бесприютность» он постепенно избывает, происходит выработка характера, концентрация личности, её высшая сосредоточенность на творчестве, созидании. И в этой самоуглубленности наряду с исторической памятью о «трудах и днях» предков, их «рыцарственности» особую роль играет космологическое ощущение любви.

«Ночное знание», интуитивное постижение мира здесь явно преобладают, но в этом, на наш взгляд, и состоит особая притягательность, обаяние Арсеньева. «Космологичность» любви, столь характерная для славянских заговоров, свадебной обрядности, открывает перед ним особое («поэтаенное») знание женской души. Выделяя два

типа сознания (историческое и космологическое), Б.А. Успенский особо оговаривает: «Космологическое восприятие настоящего, обуславливающее семиотизацию происходящих событий, ориентировано на прошлое, подобно тому, как историческое восприятие предполагает ориентацию на будущее. <...> Существенное различие, однако, состоит в том, что историческое сознание исходит из того, что будущего не существует <...> и, соответственно признает относительность всякого знания о будущем, напротив, представления о прошлом, столь актуальны для космологического сознания, в принципе рассматривается как вполне достоверное» [12, с. 88].

Не подлежит сомнению «высокая семиотичность» воспоминаний Арсеньева, его особого ночного видения: «И я вставал, осторожно отворял дверь в гостиную, видел в сумраке глядевший на меня со стены портрет бабушки в чепце, смотрел в зал, где провел столько прекрасных часов в лунные ночи зимой. <...> Выйдя на балкон, я каждый раз снова и снова, до недоумения, даже до некоторой муки, дивился на красоту ночи: что же это такое и что с этим делать! Я и теперь испытываю нечто подобное в такие ночи. <...> Справа, над садом, сияла в ясном и пустом небосклоне полная луна с чуть темнеющими рельефами своего мертвенно-бледного, изнутри налитого яркой светящейся белизной лица, и мы с ней, теперь уже давно знакомые друг другу, подолгу глядели друг на друга, безответно и безмолвно чего-то друг от друга ожидая. <...> Чего? Я знал только то, что чего-то нам с нею очень недостает» [5, т. 6, с. 120].

Итак, перед бунинским героем «предельная явленность и предельная сокровенность мира». Поразительным образом размышления об умершей бабушке, Писареве соотносятся с думами об Анхен: «Анхен мучила дольше. Даже днем, – на что бы я ни глядел, что бы ни чувствовал, ни читал, ни думал, – за всем была она, нежность к ней, воспоминания, связанные с нею, боль, что уже некому сказать, как я её люблю и сколько на свете прекрасного, наслаждаться которым мы могли бы вместе» [5, т. 6, с. 122].

Повзрослев, бунинский герой размышляет о том, что в его жизни не было «ни царкосельских парков, ни криков лебединых», но и в Батурине, Васильевском он особым образом видел, осознавал окружающий мир. Быть может, секрет заключается в том, что особое знание ему было дано изначально.

По Р. Грейвсу, всеми актами рождения – физическим, духовным и интеллектуальным – руководит триада богинь: Мойра, Илифия и Каллона – Смерть, Рождение и Красота. Исследователи давно заметили особую пронзительность бунинского знания о «любви и смерти», их близости. Текст бунинского романа создает особое напряженное поле «философского вопрошания»: «Снова сев за

стол, я томился убожеством жизни и её, при всей её обыденности, пронзительной сложности» [5, т. 6, с. 238].

Критика русского зарубежья очень точно обозначила сам жанр бунинского произведения: феноменологический роман (Ю. Мальцев) [8, с. 92]. Уже в тридцатые годы Г. Адамович писал о том, что Бунин реконструирует вечность для адекватного понимания «того безмерно сложного и таинственного, что содержит в себе название страны». Примечательно признание самого Арсеньева о «рождении во Вселенной». Как отмечает О.В. Сливицкая, «мир Бунина самоценен и поэтому неиерархичен. Эстетической доминантой Бунина является внешняя изобразительность, поражающая своей яркостью и избытком подробностей. В её принципах замечательны законы универсума, а именно – самоценность жизни и её мельчайших частиц. Абсолют присущ природе, поэтому он присутствует в любой вещи, составляя её внутреннюю суть» [10, с. 287].

Именно «космологическое» знание и придает любви бунинского героя такую пронзительность и трагичность: «Потом была другая ночь. Тот же скудный свет свечи в неподвижном молчании спальни. За черными окнами ровно кипит в темноте ночной дождь гухой осени. Я лежу и смотрю в передний угол – в его треугольнике висит старая икона, на которую она молилась перед сном: старая, точно литая доска, с лицевой стороны крашенная киноварью и на этом лаковом красном поле образ богородицы в золотом одеянии, строгой и скорбной, – большие, черные, запредельные глаза в темном ободке. Страшный ободок! И страшное, кощунственное соединение в мыслях: богородица – и она, этот образ – и все то женское, что разбросала она тут в безумной торопливости бегства» [5, т. 6, с. 283].

Бунинская изобразительность, нюансировка деталей (чего стоит его «кипит ночной дождь», «запредельные глаза в темном ободке») сочетается с их «онтологичностью». Благодаря катарсису бунинский герой познает скрытую за повседневным, бытовым сакральную суть происходящего, постигает «софийность», постоянно ускользающую от него.

Вероятно, не случайно накануне разрыва Лика признается Арсеньеву в том, что хотела бы появиться на маскараде «в чем-нибудь недорогом и совсем простом. Черная маска и что-нибудь черное, легкое, длинное». На недоуменный вопрос: «Что же это будет обозначать?» она отвечает: «Ночь». В этом Арсеньев видит лишь «пошлость», желание нравиться, быть таинственной, загадочной, но видит в призме «орловского», столь недавнего прошлого. И лишь после трагического разрыва он постигает скрытую суть героини, её извечную женственность. Поразительны, на первый взгляд, ассоциации, с постижением её «софийности»: «Потом прошла неделя, другая, месяц. Я давно отказался от

службы, никуда не показывался на люди. Я одолевал воспоминание за воспоминанием, день за днем, ночь за ночью – и мне все почему-то думалось: вот так когда-то, где-то, какие-то славянские мужики “волоком” перевозакивали с ухаба на ухаб по лесным дорогам свои обремененные тяжелой кладью лады» [5, т. 6, с. 283].

Как это ни парадоксально звучит, но разрыв с Ликой во многом обусловлен «козатством» Арсеньева, его «бродничеством», ведущим свою родословную от Придунавья, Берлада («берладников»), окраинной Галицкой Руси. «Были такие казаки, которые назывались “бродниками”, – говорит Арсеньев Лике, – от слова “бродить”. Вот, верно, и я бродник. “Одному бог дает палата, другому мости и гаги”» [5, т. 6, с. 261].

Но эта «вневременность» опосредованно отражается и в судьбе Арсеньева. Казалось бы, «Дума о Сагайдачном» только условный «фон», он и слушает её рассеянно, вполуха, невпопад, однако заключительный эпизод говорит о многом в его будущей «обездоленности»: «Мені з жінкою Не возитися! А тютюнта люлька козаку в дороз і занадобитися».

Как известно, женщины на Сечь на допускались, ищущие «рыцарской славы» казаки вели особый, аскетический образ жизни: «ненька Украина» олицетворялась для них знаменитым Успенским собором, «русской верой», а символом Руси – икона Божьей Матери.

Своими «плавями» Бунин очень тонко и опосредованно показывает этот особый характер женской любви, вмещающей и материнское начало: «Вот и в вагоне брезжит день. Сумрак внизу, по полу, но над ним уже полусвет. Она, во сне, спрятала голову в подушку, поджала ноги. Я осторожно прикрываю её старинной шелковой шалью, подаренной моей матерью» [5, т. 6, с. 255].

В один тугий узел завязалось все: и познание Украины, истории Древней Руси, постижение собственного «я» и «любовь всех времен». Самопознание оказалось невозможным без «исторического контекста», его «онтологичности». Говоря об «умном делании», интеллектуальном росте сподвижников Ярослава Мудрого, С.С. Аверинцев подчеркивает: «Кто бы ни был родом мастер, создавший киевскую Оранту, он сумел проявить столько такта в понимании чаяний и запросов русских людей, что его творение стало не только фактом истории византийского искусства, но и страницей истории духовной культуры дружинной Руси. Лик Оранты, бодрственный и ясный, человеческий и непреклонный, её округлые сильные плечи, её широкие ладони с не слишком удлиненными пальцами, её устойчиво стоящие ноги, твердо прорисовывающиеся под широкими складками хитона – все это дает живой образ молодого киевского христианства, уже прикоснувшегося к глубинам византийского умозрения, но еще простодушного и немногого

мирского по своему складу, еще не выстрадавшего трагической утонченности, здорового, бодрого и цельного» [1, с. 29].

Выстраданность любви Арсеньева и дает ему особое знание, вместе с ним читатель выходит на новый уровень понимания и русской истории, и судеб дворянской интеллигенции, и того рокового исхода, который ожидал её. Ушедшая, старая Россия в бунинском романе предстает столь значимой, величавой и вместе с тем трагически-скорбной, что нынешние публицистические эскапады («какую Россию мы потеряли») кажутся просто «пузырьками» на воде. Переживший «великий исход» И.А. Ильин писал: «История обернулась к нам своим трагическим ликом, она поставила нас свидетелями не идиллии и не эпоса, а трагедии, и нам оставалось только выйти из состояния зрителей и стать достойными участниками этой трагедии. Могли ли мы, должны ли мы были уклониться от этого? Смели ли мы отвернуться от этой трагедии и не принять этого меча? <...> И в сотый, в тысячный раз насладимся тем благодатным успокоением и равновесием, которые даются чувством духовной правоты» [6, с. 218].

Бунинский роман и стал тем «духовным мечом», которому присягали на верность, присягой «земле», искуплением грехов перед ней, и торжественные строки «Слова о полку Игореве» о прощении, искуплении грехов перед Пирогощей Божьей Матерью, символом «низа», Подола поразительным образом «рифмуются» со скорбными и торжественными страницами «Жизни Арсеньева». Это книга не просто об «истоках дней», «основах души», как говорил сам писатель, она взыскует к лучшему, говорит о трагической вине непонимания, незнания, мистериальном начале: искуплении путем страданий, самоуглублением, «умным деланием». Оправдание «землей» (как и в духовном стихе «Сорок калик со каликою», «Сказании о чудесах Владимирской Божьей Матери») является её основным пафосом, и архетипы, первообразы, связанные с «женским началом», в её «силовом поле» приобретают особое значение.

Таким образом, мы видим, что бунинское творчество является своеобразным продолжением тех

поисков, животворных начал, консолидирующей идеи, во многом соотносимой с древнейшими представлениями о должном, о красоте, которые сыграли такую большую роль в творчестве А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова и Ф.М. Достоевского.

Библиографический список

1. *Аверинцев С.С.* К уяснению смысла надписи «конха» в Киевском Софийском соборе // Труды отдела древнерусской литературы. – Л.: Наука, 1973. – Т. XXVII. – С. 28.
2. *Атанов Г.М.* Проза Бунина и фольклор // Русская литература. – 1980. – № 3. – С. 14–32.
3. *Бердяев Н.А.* Русская идея. – М.: Республика, 1993. – 388 с.
4. *Бунин И.А.* Окаянные дни. – М.: Сов. писатель, 1990. – 400 с.
5. *Бунин И.А.* Собр. соч.: в 5 т. – М.: Правда, 1965–1967.
6. *Ильин И.А.* Собр. соч.: в 10 т. – Т. 6; Кн. 1 / сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы; худож. Л. Ф. Шканов. – М.: Русская книга, 1996. – 560 с.
7. *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Поздний эллинизм. – М.: Искусство, 1980. – 737 с.
8. *Мальцев Ю.* Иван Бунин. 1870–1933. – Париж, 1954.
9. *Померанцева Э.В.* Фольклор в прозе Бунина // Литературное наследство. Т. 84. Кн. 2. – М.: Наука, 1973. – 552 с.
10. *Сливицкая О.В.* Концепция и смысл. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996.
11. *Смирнов Н.П.* Русская древность и фольклор в поэзии Бунина // Лит. наследство. Т. 84. Кн. 2. – М.: Наука, 1973. – С. 408–412.
12. *Успенский Б.А.* Избранные труды: в 3 т. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. – М.: Гнозис, 1994. – 432 с.
13. *Фромм Э.* Душа человека. – М.: АСТ, 1998. – 568 с.
14. *Ходакен Л.А.* Мифологема сна и провиденциальные мотивы в творчестве М.Ю. Лермонтова. Поэтика и фольклорно-мифологические традиции. – Кемерово: Кемер. гос. ун-т, 1990. – 91 с.
15. *Wilczynski W.* Z problemow realizmu. – Ziolone Gora, 1994.

РУКОПИСЬ «НАШЕДШЕГО ПОДКОВУ» О. МАНДЕЛЬШТАМА: ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ АВТОРА НАД СОЗДАНИЕМ СВОБОДНЫХ СТИХОВ

О. Манделъштаму свойственны традиционные для русского стихосложения формы. Поэтому выделенным из его творчества выглядит произведение «Нашедший подкову», в котором нет регулярного метра, строфики и буквальных рифм. Особый подход к созданию такой нетипичной для поэта вещи проявляется в автографе «Пиндарического отрывка».

Рукопись «Нашедшего подкову» являет нам только первые пласты работы автора над текстом. Здесь произведение выглядит как стихотворение в прозе. Позднее, в последующих источниках, «Нашедший подкову» обретёт больше внешних примет классической стихотворной речи – появятся стихо- и строфораздел. Вторичные стихотворные признаки окажутся в тексте по авторской воле, а не вследствие типографских ошибок, невнимательности переписчика или других причин, искажающих «правильный» текст, и переведут «пиндарический отрывок» в разряд «свободных стихов». Однако уже в автографе есть указания на «стихотворность» речи, которые можно наблюдать, изучив поправки, вносимые поэтом в текст в процессе его создания. В настоящей статье представлено описание рукописи «Пиндарического отрывка», колебаний и ходов поэтической мысли, свидетельствующих об изначальной ориентации «Нашедшего подкову» на поэзию в узком смысле этого слова.

Ключевые слова: О. Манделъштам, «Нашедший подкову», автограф, свободные стихи, ритм, строфа, стих, стиховая пауза.

У Осипа Манделъштама не так много именно автографов его стихотворений. И с тем, что рукопись «Нашедшего подкову» в принципе существует (она хранится в Принстонском университете), нам очень повезло: «Изучение переходов от варианта к варианту много даёт для понимания поэтики Манделъштама» [6, с. 107].

В рукописи «Нашедшего подкову» запечатлён сам процесс созидания: кажется, что стихотворение не создавалось, а уже существовало в голове поэта, как будто он выдавал одну готовую поэтическую мысль за другой практически без остановки. Стихотворение пишется с небольшими исправлениями и поправками по ходу: для переписанного на чистовую – их много, для черновика – необыкновенно мало (особенно на втором листе). От начала рукописи (оно записано супругой поэта, скорее всего, под диктовку – Манделъштам сочинял вслух) к концу (где строки выводит уже сам автор), наблюдается всё меньше и меньше поправок, что свидетельствует о постепенном высвобождении поэта от мысли о построении текста, идущей от разума, к вдохновенному порыву, который нельзя остановить.

В рукописном тексте «Нашедшего подкову» не видно ни стихов, ни строф – только нечто похожее на пронумерованные абзацы. И при том, что руке Надежды Яковлевны принадлежит начало автографа «пиндарического отрывка», примечательно, что и сам поэт продолжает текст одной длинной строкой, где переход на каждую другую формально обязывает лишь лист бумаги. Можно подумать, что «Нашедший подкову» и есть одна большая прозаическая строка, что это произведение – не что иное, как поэтическая проза, обязанная своим эпитетом только языку образов и своей музыкальности. Но – нет: несмотря на почти полное отсутствие букварных рифм, то есть созвучий в окончании слов, и стихотворного размера, утверждать

«стихотворность» в этом тексте позволяет слишком многое. Если совершить попытку прочитать «Нашедшего подкову» как обычное прозаическое повествование – ничего не получится: ощущается присутствие стиховых пауз, особого ритма и других признаков стихотворной речи. Не один исследователь творчества Манделъштама отмечал, что его поэзию «надо не читать, хотя бы и пресловутым “медленным чтением” – а слышать. Как она создавалась “с голоса”, так ее и надо ловить: тоже “с голоса”» [1, с. 27]; «для манделъштамовской классичности наряду со смысловым строем стиха чрезвычайное значение имела интонация, “распев”. Многие современники вспоминают о том, как Манделъштам самозабвенно “пел” свои стихи, наслаждаясь именно тем, что в статье “О природе слова” он назвал “звучащей и говорящей плотью” языка» [2, с. 275]. И – действительно – если услышать хоть раз, как Манделъштам «поёт» свои стихи, пусть в очень старой записи, то в сознании его произведения, в том числе «Нашедший подкову», не зазвучат никак иначе – только как маятник, только как напев растянутых гласных, только как их, гласных – гласных долгих и кратких – чередование (сама античная поэзия!), только как тягучая последовательность каждой поэтической мысли: возникновение звука с самого низа, усиление (как арсис), смысловое ударение и удлинение звука на каждой сильной доле, и его утихание в конце (как тесис), и снова звук с самого низа.

Такое «слышанье» произведения обязано предварительным знаниям о других стихах Манделъштама, о его поэзии в целом, об известной манделъштамовской «тоске по мировой культуре» (в частности, по античности) – это определённо накладывает отпечаток на прочтение «Пиндарического отрывка»; возможно, поэтому в памяти и всплывают долгие и краткие слоги, поэтому вспоминаются арсис и те-

сис – поэтому «Нашедший подкову» в какой-то мере отождествляется читателем с поэзией античности, которая тоже не знала рифм (и эта связь, безусловно, есть). Но кроме субъективных человеческих ощущений, есть и другие аргументы в пользу отнесения «Нашедшего подкову» именно к поэзии (в узком понимании слова). Во-первых, существуют прижизненные публикации стихотворения, в которых уже больше вторичных стихотворных признаков, не оспоренных поэтом. А во-вторых, уже в рукописи наличествуют указания на изначально заложённое стихотворное.

Наиболее подробно, основываясь на изучении всех доступных автографов Мандельштама, делает общий анализ характера работы поэта над произведениями А.Г. Мец: «Своей рукой он набрасывал только черновик, затем уже ставший первоначальный текст диктовался жене, и по этой записи работа велась дальше – поправки вносил либо он сам, либо жена под его диктовку. Завершённый текст поэт авторизовал – ставил под ним дату и подпись; нередко возвращался к нему в ближайшие дни и совершенствовал – или на том же листе, или на новой сводке, которую обычно изготовляла Н.Я. Мандельштам. Такой предстаёт стадийность работы по тем немногочисленным случаям, когда сохранились до наших дней черновики стихотворений. Характерной (и яркой) чертой творческого процесса была его высокая интенсивность: при выборе эпитета черновики сохранили по десятку и более проб некоторых; с той же настойчивостью идёт поиск композиции (порядка строф). Стихотворный период бывал <...> очень интенсивным: в работе находилось, как правило, по несколько стихотворений одновременно. Когда он заканчивался, стихи собирались в “книгу” – процесс у Мандельштама также длительный и стадийный. После приходило время копировать стихи, в составе новой “книги” – для хранения у друзей, для редакции или Союза писателей. Эти копии, как правило, изготовлялись женой поэта самостоятельно на основе собранного рукописного материала, ибо к этому времени поэтом, по характеру необычайно впечатлительным и импульсивным, уже овладевали новые впечатления, и в работе на этой стадии он либо не принимал участия вовсе, или, если жена обращалась к нему с вопросами, – спорадически и неохотно» [4, с. 141–142]. Некоторые перечисленные А.Г. Мецем черты работы над созданием произведений, свойственные Мандельштаму, в автографе «Нашедшего подкову» прослеживаются, некоторые – нет: произведение выделено из творчества поэта своей формой, и, конечно, подход к созданию такой вещи не мог быть типичным.

Точно видно, что через какое-то время после написания текста Мандельштам возвращался к рукописи, о чём свидетельствуют черточки карандашом, проставленные между некоторыми словами; когда осуществлялись исправления в самих словах – сказать уже сложнее, но многие из них, ве-

роятнее всего, сразу, потому что в некоторых случаях он помещает поправки не над зачёркнутым текстом, а продолжая строку: если бы правка осуществлялась через большой промежуток времени, то этого места на листе не было бы. Что касается долгого выбора эпитетов – здесь этого не наблюдается. Интенсивность, о которой говорил А.Г. Мец, воплотилась в поиске композиции, но не в порядке строф, а в последовательности строк; строфы же он пронумеровал по тексту подряд – от первой до девятой, цифры проставил по левую сторону, выбываясь за края основного текста (значит, нумерация тоже производилась не в процессе сотворения, а уже после). «Нашедший подкову» можно считать включённым в один из «интенсивных стихотворных периодов» поэта, какие заметил Мец: стихи, окружающие «Нашедшего подкову», невероятно близки ему по смыслу, в них используются одни и те же лексические единицы, ощущается неоспоримое единство. Рукописный «пиндарический отрывок» поэт не авторизовал – ни даты, ни подписи под ним нет. Как нет и других авторизованных текстов «Нашедшего подкову», переписанных Мандельштамом или его женой для редакций или для хранения друзьями-знакомыми.

Итак, перед нами несколько пластов работы над текстом. Первый – осуществлённые поэтом в процессе сотворения поправки и перестановки. Рассмотрим один из многих примеров, свидетельствующих о «стихотворности» произведения. Самые первые строки могли выглядеть так:

Глядим на лес и говорим:

– Вот корабельный, мачтовый лес.

В рукописи слово «лес» в конце предложения зачёркнуто и с помощью «галочки» вставлено после «вот». И получается:

Глядим на лес и говорим:

– Вот лес корабельный, мачтовый.

Такая «перестановка мест слагаемых» существенно изменила и ритмическое звучание, и смысловое. Первая строка в обоих случаях выглядит как силлабо-тоническая – ямб с перрихием на первом «о» в слове «говорим». Вторая строка – опять в обоих случаях – написана уже в сложнораспознаваемом размере, хотя первый вариант похож на чередование дактиля и хорей, а второй – на чередование ямба и анапеста. Важно, что в черновом виде последний слог ударный, значит, клаузула – мужская, а во втором она – дактилическая. Русской классической поэзии свойственны обе. (Вторая в русских стихах встречается реже, но в «Нашедшем подкову» она распространена, в одной только первой строфе их четыре: мачтовый, пиниями, воздухе, палубе. Дальше – больше: мореплаватель, плотником, качается, метафорой, беспомыслия, запаха, упругую, нагретую, лошади, заново, вилами, трезубцами, мотыгами, плугами, яблока, голоса, тяжести, разнообразные, и даже есть одна гипердактилическая клаузула – «поддерживаемая».) Но о классической поэзии здесь, повторимся, речь не

идёт. Речь – о разном звучании клаузул. С мужской строки становятся повествовательными, простыми, нейтральными. Их легко проскандировать. В чистовом варианте – второй стих затягивается, он – время, он поется, он экспрессивный, в нём – тоска. В русских былинных стихах одним из постоянных признаков была дактилическая клаузула – и они звучали песенно-эпически, с таким окончанием второй строки и «пиндарический отрывок» получает в некотором смысле эпический зачин. Теперь – о стихотворных акцентах в этом примере. «Нормативная стилистика требует, чтобы цель сообщения находилась под ударением, поэтому в письменном тексте фразовое ударение, как правило, стоит на конце фразы» [5, с. 157]. Нормативная стилистика – то есть сам язык и его законы – отвергли смысловое ударение на слове «лес» в конце фразы, и поэтому в итоговом варианте в первой строке центр на словах «лес» (оно под ударением, но в середине строки перед цезурой) и «говорим» (под ударением на конце), а во второй ударение – на словах «корабельный» и «мачтовый». И именно об этом два первых стиха: в стволах деревьев мы видим будущие корабли. Здесь смысловой повтор – то есть наличие двух рядом стоящих семантически близких друг другу слов («корабельный» и «мачтовый»), оба понятия относятся к абстрактному будущему «кораблю») – значим. Он задаёт внутреннее состояние лирического героя, лирического «мы», и лирического читателя-собеседника, и он же – приём усиления: нагнетает атмосферу в каком-то смысле трагическую, атмосферу смятения и отчаяния (живое обратится в мёртвое) и в то же время – величественную (это какое-то ожидание грядущего, свершений). Здесь, в самом начале, объединяется противоположное (объединять противоположное, как известно, Мандельштаму, в принципе, свойственно); так задаётся атмосфера всего произведения.

Ко второму этапу работы над стихотворением относится нумерация строф – она существовала до того, как обозначилась цифрами и отобразилась на бумаге пустым местом после последней строки каждой строфы. По этим цифрам можно проследить начало новых волн стихотворного текста. Каждая строфа логически обусловлена содержанием. Краткое описание каждой можно найти в комментариях к «Нашедшему подкову», подготовленных М.Л. Гаспаровым [3, с. 642]. Если сравнивать стихи с прозой, то строфа очень походит по своим функциям на абзац. Другое дело – состав строф и абзацев, то есть строки и предложения.

Главным основанием стихотворного, заложенного в «пиндарический отрывок» изначально и подтверждённого рукописью, являются чёрточки карандашом – тоже второй пласт работы над текстом. Приводя пример исправлений поэта в начале произведения и размышляя о клаузулах, мы опирались на эти отметки как на стихораздел. Но

если две первые строки на протяжении всей истории «Нашедшего подкову» оставались такими, какими были в рукописи (если считать мандельштамовские чёрточки межстиховыми паузами), то состав многих других стихов в «пиндарическом отрывке», а значит и место стихоразделов, с течением времени перешли в другой вид. Можно предположить, что таинственные метки карандашом были обозначением разных видов пауз, то есть и внутри-, и межстиховых. Впрочем, чем бы они ни являлись, они в любом случае сегментируют произведение на части, отличные от прозаических синтагм – и это главное, что отличает прозу, какой бы поэтичной она ни была, от стихов – пусть самых «свободных».

Итак, судя по работе над рукописью, можно сделать следующие выводы: здесь именно стихотворный порядок слов, в угоду ему совершается большинство правок; автор зачёркивал и менял местами слова и словосочетания или отказывался от них, идя за велениями поэзии – каждое такое решение обязывал принять изначально поэтический, стихотворный строй речи «Нашедшего подкову». В прозаическом тексте, возможно, все варианты, отброшенные Мандельштамом, были бы допустимы без особого ущерба для содержания. Поэтическая же речь обладает и пользуется другими измерениями пространства и времени, в которых цезура и ударение имеют художественный смысл, и «Нашедший подкову» – подтверждение этому, это тот случай, когда слово не равно только слову, как это бывает в прозе. Вне зависимости от того, что в итоге стихотворение приобрело другую вариацию, само наличие сегментации в рукописном тексте свидетельствует об ином, непрозаическом, содержании произведения, о дополнительных смыслах, предельно сконцентрированных не только в лексическом и синтаксическом тексте, но и в каждом смысловом ударении, в каждой паузе и даже в каждом отсутствии паузы.

Библиографический список

1. Аверинцев и Мандельштам. Статьи и материалы / сост. П. Нерлер. – М.: РГГУ, 2011. – 311 с.
2. Гинзбург Л.Я. Камень // Камень. Осип Мандельштам / изд. подгот. Л.Я. Гинзбург, А.Г. Мец, С.В. Василенко, Ю.Л. Фрейдин. – М.: Наука, 1991. – 400 с.
3. Мандельштам О.Э. Стихотворения. Проза / сост., вст. ст. и коммент. М.Л. Гаспарова. – М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2001. – 736 с.
4. Мец А.Г. Осип Мандельштам и его время. Анализ текстов. – СПб.: Гиперион, 2005. – 288 с.
5. Невзглядова Е.В. Стих и смысл // Новый мир. – 2004. – №10. – С. 156–160.
6. Семенко И.М. Поэтика позднего Мандельштама / сост. С.В. Василенко, П. Нерлер. – М.: Ваш Выбор ЦИРЗ, 1997. – 144 с.

«ИНТРИГА СЛОВА» В РОМАНЕ М.П. ШИШКИНА «ВЗЯТИЕ ИЗМАИЛА»

Статья посвящена исследованию нарративной интриги в романе М.П. Шишкина «Взятие Измаила». Движателем читательской заинтересованности становится не столько то, что происходит на уровне наррации, сколько то, что происходит со словом, на уровне презентации наррации. Роман возможно рассматривать как некую масштабную логодицею, сакрализирующую и абсолютизирующую слово. Повествовательная структура текста необычна. Его синтагматическое измерение организовано тремя сюжетными линиями, ни одна из которых не приведена к развязке. Синтагматическая «свобода» уравновешивается усилением парадигматической упорядоченности. Текст пронизан сквозными метафорами, связанными друг с другом и претерпевающими ряд трансформаций: «жизнь-крепость» – «жизнь-цирк» – «жизнь-сфинкс» – «жизнь-тюрьма». Есть также сквозные имена и ситуации, объединяющие истории, не имеющие сюжетных пересечений. В целом идеальный реципиент шишкинского текста – тот, кто умеет видеть инвариантное в потоке изменчивого, хаотического. Все значимые для романа истории организованы циклической схемой «потеря – поиск – обретение». Однако если сюжет актуализирует в читательском сознании скорее два первых звена, заставляя прочитать «Взятие Измаила» как роман о постоянных встречах с небытием, то благодаря интриге, развивающейся в рамках словесной репрезентации повествуемых событий, анализируемый текст получает возможность быть прочитанным как сообщение о возможности восполнения утрат, о возможности воскресения.

Ключевые слова: М.П. Шишкин, «Взятие Измаила», нарративная интрига, повествователь, презентация наррации, читатель, рецепция.

В романе М.П. Шишкина «Взятие Измаила» роль двигателя читательской заинтересованности выполняет не столько традиционная интрига действия, сколько «интрига слова» (В.И. Тюпа). «Эффективность» первой в произведении как-то подчеркнута девальвируется. Автором создаются три сюжетных ядра-завязки, которые он, посредством целой системы нарраторов, пытается развернуть в роман, но всякий раз эта попытка словно бы оборачивается фиаско: читателю ни разу не удастся узнать, «чем все закончилось». Таковы история живущего в начале XX века адвоката Александра Васильевича, судьба заброшенных в захолустный Юрьев времен развитого социализма супругов Д., Марии Дмитриевны и Евгения Борисовича, постепенно превращающегося из завклубом в безумного философа-лингвиста, занятого поисками нового языка, способного преодолеть человеческое непонимание, и, наконец, позднесоветское и перестроечное бытие автобиографического персонажа Михаила Павловича Шишкина, журналиста, потом учителя словесности, потом счастливого эмигранта в Швейцарию. Быстро привыкаешь к тому, что ни одна из загадок (преимущественно криминального характера), загадываемых в этой или во множестве побочных историй, не будет приведена к разгадке. Вот умирает мать Александра Васильевича, в ее теле обнаруживают следы мышьяка, главным подозреваемым становится отец героя, который, не перенеся оскорбления, умирает. Читатель при этом не снабжается даже намеком на развязку детективной истории. Вот к Александру Васильевичу приходит дочь известного в городе фокусника Лунина и просит защитить ее отца, обвиняемого в убийстве; вот молодой следователь Истомин рассказывает

о расследуемом им случае – в гостиничном номере повесился молодой человек, – финал расследования всегда остается неизвестным. Постепенно читатель перестает вживаться в мир конкретной истории и начинает думать, каково их соотношение, что означают их обрывы и другие многочисленные «странности». Таким образом, вектор читательской заинтересованности перенаправляется на разгадывание загадок, которые загаданы на уровне презентации наррации. В романе «Взятие Измаила» именно со словом – точнее, со словами, организованными в повествование, – происходят самые захватывающие «приключения», и именно интрига слова обеспечивает основной механизм, удерживающий читательское внимание.

Роман можно рассматривать как некую масштабную логодицею, не только оправдывающую, но и сакрализирующую и абсолютизирующую слово. Вот почему, как нам кажется, то, что автор – посредством разветвленной системы нарраторов – хочет сообщить читателю, сообщается не столько при помощи того, что происходит с героями, сколько при помощи того, что происходит со словами. И, прежде всего, это касается четырех смысловых доминант, вокруг которых фокусируется все многообразие подчас не очень тесно связанных друг с другом фрагментов, составляющих роман: рождение – смерть – суд – воскресение.

Слово, по Шишкину, онтологичнее действительности. Не случайно роман открывается отрывком из лекции о знаменитом Урусове, выигравшем дело просто при помощи пересказа истории под защитной своими словами: «То, что якобы имело место быть, – где оно? Весь так называемый тварный мир текуч и бесплотен. Сегодня вы здесь, стряхиваете перхоть с плеч, а завтра – где вы? Дру-

гое дело – слова. Что там было с этой дамочкой на самом деле – никто никогда не узнает, да и какая разница, но вот Урусов рассказывает, как подзащитная снимала платье через голову и волосы зацепились за крючок, – и оправдание становится неизбежным» [5, с. 8]. Возможно, такое видение соотношения слова и действительности объясняет избранную романистом форму повествования – это не традиционное изложение от 3-го лица, создающее иллюзию максимально достоверной передачи произошедшего, иллюзию объективности – «все как было». Во «Взятии Измаила» автор словно каждый раз «передает микрофон» участнику либо очевидцу той или иной истории; акцентируется сам акт рассказывания, всё, что звучит, – это непременно то, что адресуется кем-то кому-то, некоему «внутрироманному» слушателю (следы этой адресованности постоянно присутствуют в тексте в виде обращений, разного рода апелляций к собеседнику), а не только «слушателю»-читателю.

Создаваемый словом космос «Взятия Измаила» – подчеркнуто русский, и именно его автор будет в течение всего романа «разрушать», живописуя «свинцовые мерзости» отечественного быта и бытия, ему же посвятит финальные страницы текста. Подобно тому, как «Анна Каренина» заканчивается обширным цитированием Евангелия, «Взятие Измаила» подытожено впечатляющим корпусом цитат из самых разных источников, в том или ином ключе свидетельствующих о русском мире. Источники крайне разнородны и хронологически, и стилистически, и содержательно: это и рассказы средневековых путешественников-чужестранцев как о дикости русских, так и о крайней их самоотверженности, руководства по пыточному делу, непристойные «сокровенные» сказки, соседствующие с целой антологией русской философской мысли от Чаадаева до Федорова, выдержки из отечественной лирики XVIII в. вперемежку с протоколами большевистских расстрелов. Дискредитированная в сюжете русская цивилизация «воскрешается» таким образом, причем как в своих высоких, так и в низменных проявлениях, формируется циклическая интрига (сотворение – разрушение – воскресение), задающая ритм, в котором разворачивается событийность и повествуемых историй, и репрезентирующего их речевого ряда. Именно этот ритм, как нам кажется, объясняет его «неровность», когда фрагменты, выполненные в привычной читателю «реалистической» традиции (хронологически упорядоченные, снабженные детализацией, характеристиками персонажей и т.д.), соседствуют с фрагментами, обнаруживающими черты, условно говоря, «нереалистической» стилистики – цитатные коллажи, игру с каноническими текстами (египетская мифология, Библия), подчеркнуто условные ситуации (диалоги в загробном мире и пр.). Так на уровне презентации

наррации действует значимая для романа в целом цикличность – рождению четко артикулированной истории всегда предшествует текстовый «хаос», в котором она же потом и растворится, а через некоторое время из него же родится история уже с другими персонажами, но столь же гармонично организованная. Примечательно, что эпилог – абсолютный финал романа – не содержит срывов в стилистическую «неразбериху», в сфере словесной организации текста гармония побеждает.

В этом контексте еще более ощутимым становится противоречие между уровнем действия, организующим рассказываемую историю, и уровнем слова, самого рассказывания. Если суммировать многочисленные сюжетные линии произведения, то мы поймем, что перед нами роман о русском поражении, каких сейчас немало. Р. Сенчин («Ёлтышевы»), В. Попов («Плясать до смерти»), А. Потемкин («Русский пациент»), П. Краснов («Заполье») и многие другие пытаются рассказать читателю, в какие бездны погружается сегодня русский человек и его страна. Во «Взятии Измаила» каждый из трех центральных героев сталкивается с разнообразными ужасами русского бытия. Дела, с которыми работает адвокат Александр Васильевич, – сплошь отцеубийства или детоубийства; никак не получается наладить хоть сколько-нибудь цивилизованную жизнь Евгению Борисовичу Д., прибывающему в захолустный Юрьев работать завклубом: местная власть неотделима от криминалитета, всё, что не разворачивается, уничтожается, и даже лампочку в подъезде бесполезно вворачивать – все равно разобьют. Журналист Михаил Шишкин, поехавший брать интервью у демобилизовавшегося Сереги, спасшего во время своей службы в Германии тонувшую девочку, знакомится с проживающим в глухой глубинке спивающимся животным – причем таковы же и остальные сельчане. Всему этому напору хаоса и разложения романтический мир не противопоставляет ничего – возникает ситуация, напоминающая о гоголевских текстах, где с массой антигероев не сталкивается «положительно прекрасный» персонаж и лишь смех, маркирующий несовпадение уродливой действительности и авторского идеала, предстает средством борьбы с русским адом. Центральные герои «Взятия Измаила» скорее претерпевают, чем действуют, зачастую «употребляются» автором в «страдательном залоге». Та жизнь, которую описывает Шишкин, блокирует реализацию героя в действии, гоголевский смех в рассматриваемом нами романном мире не востребован, средством спасения здесь становится слово. Автобиографический герой Михаил Шишкин всю жизнь собирает коллекцию самых разнообразных, иногда очень страшных жизненных эпизодов, которые, будучи записанными, то есть преобразенными словом, теряют свой пугающий ореол и становятся доказательствами того,

что мир прекрасен. Ответы на вопросы, возникновение которых программирует сюжет, – «возможно ли воскресение, восстановление мира и человека после такого количества «умертвий»?» и «как оно возможно?», – также даны при помощи того, что происходит со словом в романе.

На создание интриги слова работает и особенно рода связанность друг с другом ряда эпизодов, сюжетно принадлежащих разным историям, но наделенных при этом некими «маркерами», позволяющими объединять отмеченные ими фрагменты парадигматически и размышлять о смыслах формирующихся таким образом единств – о смыслах, как правило, не выводимых из того или иного сюжета, к которому эпизод принадлежит синтагматически. Например, часто встречаются ситуации, когда имена разных героев романа заменяются на одну и ту же мифологическую номинацию – и автобиографического Михаила Шишкина, и Александра Васильевича могут именовать Гиперидом. Когда какому-то из гиперидов предлагается вспомнить о возлюбленной, звучит не «человеческое», конкретное имя собственное, а имя мифологическое: «Да о ком вы, афиняне, черт подери, говорите? Ничего не понимаю. Кто эта женщина? – Приглядишь, Гиперид! – Ничего не вижу. – Это же Фрина! – Фрина? – Ну да, твоя Фрина. Петр и Феврония. Каллимако и Навзикая. Хорь и Калиныч. Гиперид и Фрина. – Теперь, бессмертные, кажется, понимаю. Гиперид и Фрина. Но разве это я? – Я, не я – какая разница, Гиперид! Главное – когда вы приехали после дачи, в комнате было темно: на целый этаж вырос тополь» [5, с. 286].

Помимо таких имен-«скреп» в романе действуют особые эпизоды-«скрепы» – полностью идентичные (и по смыслу, и по языковому оформлению) ситуации, которые входят в самые разные описываемые судьбы. Так, и у персонажа по фамилии Мотте, и у Михаила Шишкина была в юности возлюбленная, девушка с рыжей косой, которая «на солнце становилась совсем медной», и эпизод, связанный с этой девушкой дублируется слово в слово: «Вот мы бежим тогда, в Харькове, на поезд, и она еле успеваешь за мной, замотав косу вокруг шеи, чтобы не трепалась» [5, с. 237]. Всем трем главным героям выпало на долю посещение мхатовской «Чайки» в разгар эпидемии гриппа, когда вслед за чихающим залом сцена тоже становится чихающей. Повторяющимися являются и значимые коллизии, например, такая: у героя умирает от несчастного случая горячо любимый ребенок, и его брак после этого распадается.

У Шишкина, несмотря на внушительность хронологического (начало – конец XX в.) и пространственного охвата повествования, нет амбиций нарисовать «энциклопедию русской жизни», пусть даже жизни в двадцатом веке, его не интересует социальная, политическая, историческая проблема-

тика, и, соответственно, его герои не реализуются в этих сферах. Доминирующей будет сфера личностная с вытекающими из нее векторами сюжетов (герой – героиня; герой – его родители, и особенно отец; герой – его ребенок). Творя личностную историю, человек неизбежно разворачивает ее по канве каких-то универсальных моделей – и чтобы в многообразии отдельных судеб читателю легче было увидеть реализацию этих надличностных «ритмов», отдельные сюжеты как бы «простегируются» парадигмами словесно идентичных фрагментов. Если пойти за этой авторской «подсказкой», отвлечься от разности в хронологической соотнесенности, деталях, именах и т.д., то мы увидим, что все значимые для романного целого истории организованы циклической сюжетной схемой «потеря – поиск – обретение». Если говорить об основном сюжете романа, то это, конечно, сюжет о потере. Сама жизнь – а особенно русская жизнь – устроена так, что герои обречены терять многое – родителей, детей, возлюбленных, родину, прошлое и т.д. Иногда эта потеря происходит в несколько этапов. Так, адвокат Александр Васильевич проходит через «многоступенчатую» (сначала моральную, затем физическую) утрату родителей: начинает подозревать, что он усыновлен и родители ему всю жизнь лгали, затем умирает мать и слишком поспешно женившийся после этого отец попадает под следствие по подозрению в убийстве, наконец, не вынеся позора, умирает и он. Дальнейший сюжет – о поисках отца в себе (у героя рождается умственно неполноценная дочь); и финальный этап – герой и та, кто становится его настоящей любовью, придя в храм (визит воспринимается ими как «венчание»), встречают там старика, удивительно похожего на отца Александра Васильевича, – обретение состоялось. В вынесенном в эпилог сюжете судьбы автобиографического героя Михаила Шишкина реализация основных фаз некоей всеобъемлющей цикличности еще более отчетлива: у героя умирает отец, и в тот же день зачинается его ребенок, и всё это происходит на Пасху, а рождением этого ребенка завершается роман. Вторая история, вошедшая в эпилог, – тоже об ожидании ребенка, и все же, несмотря на столь, казалось бы, оптимистичный финал, акцентирующий последнюю фазу цикла – обретение – на событийном уровне, безусловно, доминирует утрата, и лишь то, что происходит на уровне презентации наррации, мешает прочесть шишкинский роман как повествование о встречах с небытием. Как упоминалось выше, всё рассказанное во «Взятии Измаила» – речи, звучащие на Страшном Суде и являющиеся в шишкинском мире единственным способом обеспечения бессмертия тем, кого любили рассказывающие. В таком контексте даже сообщение о потере является способом обретения, ведь у тех, кого любили, и следовательно, о ком рассказали, нет шанса умереть.

Итак, по мере погружения в романский текст, для читателя всё очевиднее становится необходимость поменять направленность вектора восприятия и пытаться приблизиться к авторскому замыслу, не столько прослеживая синтагматические хитросплетения всякий раз обрывающихся историй, сколько вычлняя парадигмы сходных элементов, работающих на представление этих историй. Шишкинский текст обращен, как нам кажется, прежде всего, к умеющему видеть стабильное в почти хаотическом потоке, к умеющему вычлнять «инварианты».

Одна из таких значимых парадигматических «цепочек» протягивается от заглавия к эпилогу, обрастая «по пути» значимыми для понимания авторского сообщения смыслами. «Приключение» этой метафоры и интрига, с ним связанная, начинается с обмана читательского ожидания. В романе, названном «Взятие Измаила», где имя одного из центральных героев – Александр Васильевич, нет ни войны, ни русского XVIII века, ни Суворова, ни даже Державина. Обман оказывается не вполне обманом, когда именно в сюжете об Александре Васильевиче (пусть не полководце, а адвокате) получает развитие-«расшифровку» семантика инициальной метафоры. «Взятие Измаила» – название аттракциона, который хочет срежиссировать сын одной из героинь: мышцы, стимулируемые разложенными всюду кусками сыра, будут брать бастионы. В контексте романного целого кажется оправданной расширительная интерпретация этой сцены: неким играющим божеством, ребенком-демиургом, явно не расположенным к людям, была создана жизнь-крепость, которую «взять» практически невозможно (вспомним: Измаил – почти неприступная османская твердыня), и всё, что делает ее, вернее процесс ее «штурма», переносимым – лишь приманка, оставленная забавляющимся божеством, нуждающимся в том, чтобы «шоу продолжалось». Посредством данного фрагмента инициальная метафора «жизнь-крепость» преобразуется в метафору «жизнь-цирк», получающую развитие в другом эпизоде романа.

Нужное звучание этой семантической «модуляции» основной метафоры обеспечивается удачно выбранной точкой зрения – исключены «глаза зрителя», видящие веселую сторону представления. На протяжении довольно большого текстового фрагмента максимально нейтрально, в духе такого «учебника для фокусников», описывается, что человеку нужно с собой сделать, чтобы показать номера «человек-аквариум» или, например, «глотатель шпага». Вся интрига смыслопорождения, приводящая к сильному эффекту, – в контрасте между прямым («здесь нет ничего невероятного, всё объяснимо физиологически, попробуйте, и вы тоже так сможете») и косвенным («как же всё описанное неестественно!») речевыми акта-

ми. Последний шаг рождения тропа не прописан словесно, но как-то легко складывается сам собой: неестественно не то, что приходится делать артисту в цирке – хотя бы потому, что давал априорное согласие самим приходом в профессию, а то, что человека заставляет делать с собой жизнь.

Уподобляя жизнь, а особенно русскую жизнь, не только крепости, цирку, но и «сфинксу», Шишкин продолжает дело, как минимум, «триумвирата» русских классиков: Тургенев (красота-сфинкс) – Тютчев (природа-сфинкс) – Блок (Россия-сфинкс).

Подневольность контакта с «жизнью-сфинксом» закрепляется в семантике следующего звена парадигматической «цепочки», тянущейся от заглавия, – «жизнь/русская жизнь – тюрьма/зона». Брат автобиографического героя попадает в тюрьму, последний его навещает, а затем, отвозя жену в роддом, сталкивается там с уже знакомыми по зоне «вещественными доказательствами» (например, «точно такие же» бахилы) того, что сам факт рождения – уже начало «отматывания срока». Другой герой, которому не посчастливилось провести детство в интернате, убедился, что зона развернулась и там. Жители захолустного Юрьева, в котором есть тюрьма, знают, что границы ее призрачны, ведь «свободные» живут по тем же законам стаи.

Завершающий этап развития метафоры жизни-крепости, обогатившейся, как было показано выше, целым рядом семантических модуляций, приходится на эпилог, выполняет значимую функцию «договаривания», концептуального завершения прослеживаемой читателем парадигмы. Отец, фигура исключительно важная в контексте данного романа, исследующего – почти по Федорову – возможность «воскрешения отцов», говорит автобиографическому герою: «Эту жизнь, Мишка, нужно брать, как крепость!» [5, с. 476]. Употребленное в финале романа словосочетание «эта жизнь» воспринимается читателем не только как совокупность объединенных в разные сюжетные линии событий, но и как «синоним» мотивно-метафорического комплекса «труднопреодолимое препятствие – опасный и коварный сфинкс – зловещий цирк – тотальная тюрьма»; последнее же обращение к инициальной метафоре делает акцент на необходимости пересилить сложное, победить во что бы то ни стало, и в то же время провоцирует читателя, как бы «обернувшись» на целое текста, задать ему вопрос о средствах достижения такой победы. Как отмечалось выше, в художественном мире, созданном Шишкиным, средством борьбы со страшным миром не является действие героя, поступок и даже подвиг (вспомним героическое спасение тонущей девочки Сергеей, которому самому суждено – лишь только вернуться привычные ему обстоятельства – «утонуть» в беспобудном пьянстве) мгновенно поглощаются царствующей везде антисистемой, идти против

которой бессмысленно. И все же «инструкция» по «взятию Измаила» в тексте присутствует. Эпилог повествует, в частности, о том, как Михаил Шишкин, будучи учеником третьего класса, написал «роман» о «муже и жене, которые все время ссорятся и собираются разводиться» объемом в несколько тетрадных страниц. Послал свое творение в «Пионерскую правду» и очень удивился, получив вместо ожидаемого уведомления о публикации совет: «Вот увидишь вокруг себя что-нибудь, что покажется тебе необычным, интересным или просто забавным – возьми и запиши. Может быть, это будет поразивший тебя закат, или дерево, или просто тень. Или рядом с тобой что-то произойдет, хорошее или плохое. Или ты сделаешь что-то такое, о чем задумаешься, например, обидишь кого-то рядом с собой, может быть, даже человека, которого больше всего любишь, и это станет тебя мучить. Тоже возьми и запиши. И у тебя будет каждый день пополняться удивительная уникальная коллекция: собрание ощущений, музей всего. Такая коллекция, вот увидишь, поможет тебе понять, как прекрасен мир» [5, с. 439–440]. Даже самая печальная действительность, будучи преобразованной в слове, теряет свою «злокачественность». Если «оглянуться» на роман из этой точки эпилога, то можно увидеть, что сообщенное в нем приобретает «оттенок» перформативности: книга не только повествует о «взятии Измаила», но и, переводя в эстетическое измерение страшный жизненный опыт контакта с русской реальностью,

сама по себе уже является личным, шишкинским «взятием Измаила».

Подводя итог, хочется еще раз подчеркнуть значимость выстраиваемой в романе «интриги слова». Если интрига, организующая восприятие рассказываемых историй по циклической модели «потеря – поиск – обретение», актуализирует в читательском сознании скорее два первых звена, заставляя прочитать «Взятие Измаила» как роман о постоянных встречах с небытием, то благодаря интриге, развивающейся в рамках словесной репрезентации повествуемых событий, анализируемый текст получает возможность быть прочитанным как сообщение о возможности восполнения утрат, о возможности воскресения.

Библиографический список

1. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. – М.: Академический проект, 2008. – 704 с.
2. Тюпа В.И. Этнос нарративной интриги // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». – 2015. – № 2. – С. 10–19.
3. Тюпа В.И. Функция читателя в чеховском нарративе // Русская литература. – 2010. – №3. – С. 45–50.
4. Тюпа В.И. Дискурсивные формации. Очерки по компаративной риторике. – М.: Коммуникативные стратегии культуры. – 320 с.
5. Шишкин М.П. Взятие Измаила: роман. – М.: Вагриус, 2007. – 496 с.
6. Шмид В. Нарратология. – М.: Языки славянской культуры, 2008. – 304 с.

ОБРАЗНЫЙ УРОВЕНЬ КАРТИНЫ МИРА АВТОРА В ПЕЙЗАЖНОМ ДИСКУРСЕ ЛИРИКИ О. ЧУХОНЦЕВА

В статье рассмотрена лирика О. Чухонцева 1990-х – начала 2000-х годов. В качестве предмета исследования избран пейзажный дискурс лирики как экспликации картины мира автора. Изучение образной сферы картины мира позволило проследить работу авторского сознания по преобразованию прямых смыслов номинаций природных реалий. Установлено, что изменение первичных значений природных номинаций увеличивает дистанцию между природой в ее естественном проявлении и лирическим субъектом. Тропы и стилистические фигуры еще сохраняют модель природных отношений через метафоризацию и метонимизацию исходных смыслов, но главную роль в поэтическом языке О. Чухонцева выполняет мифологическое слово, дополненное фольклорными смыслами и трансформированное в мифопоэтическое.

Ключевые слова: О. Чухонцев, поэзия, лирика, картина мира автора, пейзажный дискурс, художественные языки, образная функция природных номинаций, мифологическое слово.

Исследование пейзажного дискурса лирики позволяет выявить стратегии авторского сознания в формировании эстетического целого, установить особенности картины мира автора, определить характер лирического субъекта, презентующий авторскую позицию в современном ему мире. Объектом исследования в данной работе стал пейзажный дискурс лирики О. Чухонцева конца 1980-х – начала 2000-х годов. В качестве материала исследования выбраны тексты раздела «Стихотворения 1989–2003» сборника «Из сих пределов» (2008) [7]. Предмет исследования – образный уровень картины мира автора, эксплицированной пейзажным дискурсом. В качестве методологического инструментария использована литературоведческая категория картины мира автора, разработанная в докторской диссертации И.В. Остапенко «Пейзажный дискурс как картина мира автора в русской лирике 1960–1980-х годов» (2013) [2; 3].

Наблюдения над художественным миром О. Чухонцева показали, что природные номинации в его текстах 1990-х годов встречаются несколько реже, нежели в творчестве 1960-х – 1980-х. В то же время они присутствуют в достаточной мере для того, чтобы вести о них разговор. Природные номинации не формируют пейзажную лирику в традиционном, описательном плане, но выступают в роли маркеров пространственно-временных координат лирического субъекта, изредка выполняют субъектную функцию, в некоторых случаях работают на реализацию лирического сюжета в тексте. Но наиболее интересны, на наш взгляд, природные номинации в образной функции. Напомним, в эпоху модальности природа образности, по С.Н. Бройтману [1], характеризуется одновременным присутствием в лирическом тексте разных художественных языков – «простого», риторического, или мифологического, и условно-поэтического, что обуславливает неосинкретизм современной лирики на образном уровне. Названия природных реалий могут выступать в роли самостоятельных тропов

и символов, а могут входить в качестве элемента в состав сложного тропеического образа. Рассмотрим различные варианты функционирования природных номинаций в текстах О. Чухонцева.

Раздел «Стихотворения 1989–2003» открывает стихотворение «По гиблому насту, по талой звезде» [7, с. 255], оно же завершает две предыдущие изданные книги: «Стихотворения» (1989) и «Ветром и пеплом» (1989) – и, таким образом, представляется неким связующим звеном между разными периодами творчества поэта. Этот текст эксплицирует стратегии авторского сознания в формировании художественного мира, задает способы завершения эстетического целого. Номинации природных реалий – «звезда», «пристань», «ветер», «кочет» – реализуют в тексте в первую очередь свою мифологическую семантику, при этом связь с физическим природным миром практически утрачивается. Кроме того, актуализируются метатекстовые связи, поскольку все они являются автоцитатами и обнаруживаются в последующих текстах исследуемого периода.

Наиболее репрезентативными в смысле стратегий авторского сознания являются образы «ветра и пепла» и «кочета». Первый использован автором в названии книги («Ветром и пеплом» (1989)) и также является автоцитатой из стихотворения «Сразу споткнулся о память, едва вошел»: «Ветром проветять, что ли, и пеплом пасть, / ветром и пеплом, в мир отлетая лучший» [7, с. 232]. Обратим внимание – в тексте эксплицирован первоначальный субъект, что акцентирует личностную экзистенцию лирического субъекта как «блудного сына». А. Скворцов обнаруживает в данном образе поэтический диалог О. Чухонцева с Д. Самойловым: «Я бурей развеян и ветром отпет» [6, кн. 2, с. 119], кроме того, указывает на его библейскую семантику: «Образы ветра и пепла как синонимичные библейским «прах к праху» и в то же время символизирующие освобожденность от земной обыденности» [6, кн. 2, с. 66]. Добавим, образ «пепла» связан с «Судом Божьим»: «вот, этот жертвенник

распадется, и пепел, который на нем, рассыплется» (3 Цар 13:3). Аллюзия на «Суд Божий» возникнет в дальнейшем через образ Ильи Пророка в стихотворении «– Кыё! Кыё!» [7, с. 303]. Образ «ветра» также отсылает в первую очередь к библейской семантике – «Дух Божий». Коррелирует он и с именем Ильи Пророка, в ветхозаветной традиции – пророком Илией, пережившим божественное откровение: «И вот, Господь пройдет, и большой и сильный ветер, раздирающий горы и сокрушающий скалы пред Господом» (3 Цар 19:11). Впоследствии Илия получит от Бога власть над ветром и дождем, а также вернется на землю перед Судом Божиим, что находит отражение в тексте автора («– Кыё! Кыё!»: «то не гром расходится мостовыми <...> багровея знаками тайн» [7, с. 304]). Появится «ветер» еще в одном тексте, где также задана библейская тема – «Вот Иона-пророк, заключенный во чрево кита» [7, с. 281]: «на ветру трансцендентном», что опять же актуализирует символическую семантику природной номинации.

Вернемся к интересующему нас тексту, где лирический субъект расширяет личностные пределы и акцентирует свое поэтическое призвание – «кто был для единого слова рожден». Образ «пепла» аллюзивно связан с птицей феникс в античной традиции, умирающей и возрождающейся из пепла. В христианской традиции этому образу соответствует малиновка, по легенде, вырвавшая шип из тернового венца Христа и обогрившая его кровью. Малиновка символизирует смерть и воскресение. У О. Чухонцева этот образ встречается в дальнейших текстах дважды: «вот уже и малиновки в Лоренс на днях прилетели» [7, с. 261] и «еще и гнезд не свили / малиновки, и радость не остыла» [7, с. 275]. Кроме того, по легенде, малиновка приносит воду душам грешников, страдающим в адском пламени. Корреляцию с данным атрибутом птицы находим в образе реки «Флегетон»: в античной мифологии – одна из рек Аида, наполненная кипящей кровью, где терпят вечные муки души умерших, совершивших при жизни убийство кровного родственника, до тех пор, пока искупят свои грехи.

Продолжает ряд орнитоморфических образов родовая номинация «птицы»: «Оглянешься – в складках бегущих штор птица ли, пиэрида...» [7, с. 270], «люди, все в чем-то сером, стайка людей, / не говоря меж собой, нахохлясь как птицы, выбившиеся из сил, упав на землю на полевое суденышко» [7, с. 304], где очевидна античная и библейская семантика. Связь номинации «птицы» с реальным природным миром у О. Чухонцева обнаруживается лишь однажды – «В нашем казенном саду мало что для нас, / больше для птиц и белок» [7, с. 296]. Из видовых номинаций – «дрозды», «ласточки», «кеклик», «вороны», «соловей», «синицы», «кукушечка» – значение, соотносимое с природными реалиями, сохраняют «кеклик» («Кеклик стоит

в седловине гор / не двигаясь» [7, с. 272]) и, частично, «синицы» («сестрам-синицам сбить под окном чертог, / вместе и зазимую» [7, с. 297]). Остальные номинации актуализируют символическую амбивалентную семантику, общую для всех птиц, – связи между миром явленным и «иномирием». Кроме того, в каждом отдельном случае акцентируется драматическая сторона символа. Так, «дрозд» – символизирует соблазн в христианстве («Пастернак <...> дроздами не мог не заслушаться» [7, с. 278]); «ворон» – предвестник несчастья («Стервой пованивает, вороны с карканьем рыщут, чем поживиться» [7, с. 283]); «соловей» – связан с мифом о Филомеле, лишенной языка Терем. Добавим, в народном сознании соловьиная трель не только вызывает восхищение звонким пением в брачный период, но и ассоциируется с криком о помощи души из чистилища, возвещает о близкой смерти человека («Живого мрака дачный обиход: скулит собака, соловей поет. <...> Поют, скулят, и торкается сад / в потемках: где сестра твоя, где брат?» [7, с. 289]). Актуализируется драматизм и в номинации «ласточка» – это символ весны, в первую очередь, но и опасности, ненадежности и непрочности жизни («сбиваются в стаи ласточки, / то-то кружат они кругами, и в воздушном их чертеже / больше навыка, чем азарта» [7, с. 279]). Подобную картину наблюдаем в образе «кукушки», который наделен в народной традиции женской символикой, олицетворяет одиночество. «Кукушка» является вестницей загробного мира, ей известен срок человеческой жизни, отсюда одно из значений – связь со смертью («А березова кукушечка зимой не кукуват. <...> Нас потом поодиночке всех в березнячок свезут, и кукушка прокукует и в глухой умолкнет час...» [7, с. 305]). Имплицитно образ кукушки возникает в последнем тексте исследуемого периода «Ночь: ну почему тебя нет...»: «И что за весть / шлешь ты, истаяв, роясь листвою, / или о ком на суку / плачешь соломенною вдовой / в роще: ку-ку, ку-ку?» [7, с. 314]. Здесь прослеживается корреляция с образом «малиновки» – «Не исчезай!» [7, с. 375] и «блаженной» «Даши» – «Нашла бельевую веревку <...> пошла ослепшая в лес / и долго ходила там, ходила, ходила, / сук не могла найти» [7, с. 298]. За этими автоцитациями – работа авторского сознания по формированию облика лирического субъекта, но давать ему окончательную характеристику здесь преждевременно.

Образ «кукушки» из последнего стихотворения исследуемого периода на метатекстовом уровне отсылает к орнитоморфической номинации первого текста – «кочета», ввиду их общей символики времени. Образ «петуха» – один из концептуальных в поэзии О. Чухонцева, где актуализируются мифологическая христианская символика и фольклорная, а также интертекстуальных, что прослежено

в диссертационной работе А. Скворцова [6]. В текстах автора 1960-х – 1980-х годов актуализируется символика активного личностного начала, пробуждения, но и экзистенциальные смыслы, связанные с ответственностью человека за плоды своей деятельности: «Еще туман висит над городом / и сто сорок из-под стрехи / молчат, покуда перед гомоном / кричат вторые петухи [7, с. 20]; «В полночь петух на деревне...» [7, с. 34]; «Я был разбужен третьим петухом...» [7, с. 59]; «Когда в поселке свет потух, / и прокричал со сна петух» [7, с. 93]; «И мы, будильник ранний, / и мы с тобой одни» [7, с. 132]; «Пора проститься со стихами / и со вторыми петухами, – / а третьи сами отпоют» [7, с. 152]. Экзистенциальная проблематика («Время – странная вещь. Сам себе я кажусь стариком. / Был ребенком и мужем, любил, и чем старше, тем ярче / вижу все свои дни как один» [7, с. 229]) усиливается в поэзии автора к концу 1980-х: «Это как бы помимо меня своей жизнью живет. / Это в небо слепое летит обезглавленный петел, / с черной плахи сорвавшись, и бешено крыльями бьет» [7, с. 229]. Впервые появляется образ «обезглавленного» петуха, здесь он также работает на формирование облика лирического субъекта в его личностном измерении, о чем свидетельствует название стихотворения «Дом» и эксплицированный перволичный лирический субъект. А. Скворцов усматривает в данном образе связь с мотивами В.А. Жуковского: «Если в его элегии упоминались реальные крики петухов и другие природные звуки, неспособные пробудить спящих мёртвым сном, то у Чухонцева образ петуха сам становится символом краткости жизни. Это только что погибшее живое – тело ещё несколько мгновений живёт, но смерть уже взяла своё» [6, кн. 2, с. 162]. Подчеркнем, этот образ является символом «краткости жизни» земной, отмеренного человеку срока физической жизни. Отличие «обезглавленного петела» из этого текста и «безголового петела» из стихотворения «По гиблому насту, по талой звезде» состоит в том, что лирический субъект преодолевает свою земную природу через реализацию творческого потенциала – «Кто был для единого слова рожден». Смерть физическая трансформируется в жизнь вечную, на что в тексте работают образы «ветра и пепла», а также «дальняя пристань, последний приют, / где смерти не знают и мертвых не чтут» [7, с. 255].

Кроме мифологической семантики, в тексте реализуется фольклорный код: «По гиблому насту, по талой звезде / найдешь меня там, где не будет нигде». В первую очередь, возникают ассоциации с народной сказкой «Пойди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что» [4], где центральным является образ горлицы, от удара по головке превращающейся в прекрасную девицу, совершающую чудеса. А также с пушкинской «Сказкой о золотом петушке»: «Негде, в тридевятом царстве, / В три-

десятом государстве, / Жил-был славный царь Дадон» [5]. «Золотой петушок» здесь – напоминание человеку о его ответственности за собственное «слово»-обещание, за мир, в котором он живет, предупреждение о несчастьях, связанных с нарушением обета. В последующих текстах находим прямые отсылки к такой интерпретации образа «петуха»: «Стоит село / невесело, / петух поет, / а народ не встает. <...> Молчат хлопцы, / спит звезда в колодце, а ударит ветер – / прохрипит, как петел, / и на тыщу лет / ни эха в ответ» [7, с. 258]. Текст выстроен на стилистике загадки. Отметим корреляцию «ветра» и «петела», как и в первом стихотворении раздела, а также обратим внимание, что стилизованный под фольклорную традицию текст заканчивается молитвенной формулой «Аминь!» [7, с. 259]. Авторская трансформация мифологической семантики («безголовый петел»), снабженная фольклорным значением, обнаруживается также в тексте на социально-политическую тему («Три наброска»): «Дивны дела твои, Немезида, в варварских ойкуменах мира: / огненный взмоет *петух* на Днестре и *безглавый* летит за Кодор» [7, с. 283].

Приведенные примеры наглядно демонстрируют специфику работы авторского сознания с природными номинациями. Как видим, актуализируется в первую очередь мифологическая и фольклорная семантика, но трансформированная в авторском сознании под влиянием общекультурного, в частности поэтической традиции, и индивидуально-личностного экзистенциального опыта. В результате художественный мир О. Чухонцева наполняют неповторимые образы. К названным мифологемам можно добавить родовую номинацию «дерева»: «Тень иудина дерева» [7, с. 261], «где Адам под деревом лежал» [7, с. 295], «Под тувовым деревом» [7, с. 276], а также видовые номинации растительного мира: «Зачем не лавр, не кипарис, не клен, / Ты выбрал мне, а жалкую осину, / чтоб был и в смерти жалок и смешон» [7, с. 280]; «если не лермонтовский дуб то хотя бы клен / есенинский, а если не клен то хотя бы тополь» [7, с. 274]. По этой же модели вводятся номинации насекомых с мифологической семантикой, имеющих множество вариаций в поэтической традиции: «цикада», «кузнечик», «деместикус», «дектикус», «коноцефал», – дополненных и переработанных авторским сознанием: «сверчок, безязыкий толмач», «словесная моль», «дегустатор октав» [7, с. 276].

Особое внимание следует обратить на мифологические имена реки – «Иордан», «Флегетон», «Лета», – которые в сочетании с реальным гидронимом «Вохна», представляющим эмпирический уровень авторского сознания, работают на экспликацию трагизма лирического субъекта, утратившего единство своей природно-духовной сущности.

Апелляция к данным номинациям помещает лирического субъекта в мифологическое время, что требует осмысления пройденного пути и построения новой модели бытия.

В художественном арсенале автора – практически все существующие в русской поэтической системе тропы и стилистические фигуры. Акцентируем некоторые особенности поэтической речи О. Чухонцева. Наиболее репрезентативны у автора развернутые тропеические образы, где метафорическое значение сочетается с метонимическим, сравнение перетекает в перифраз, вбирая в себя «простое» слово, непоэтический смысл которого нивелируется в окружении «стилевых» слов или, наоборот, придает целостному образу уникальность: «Полоса береговая с белесой пленкой, и кусты у голых дюн, и голая, нагая пустыня воздуха с депешей звезд в разрывах туч, и луч последний света, как молния, пронзающего холст и расщепляющего край багета» [7, с. 272]; «Луч пробивает брешь в облаках над Сюрю-Кая, / И взбитый воздух исполосован вроде наполеона – / не императора я имею в виду, а торт, – бледно-розовые края / ползут аргиллитами к мыльному брюху, простите за рифму, Хамелеона» [7, с. 272].

Отметим и единичные метафорические («цветут на полях междометья» [7, с. 263], «Торкается сад» [7, с. 289], «Красную осень ставит на всем печать» [7, с. 297]) и метонимические («Порхающее чирикает, пряное лезет в нос» [7, с. 270], «Пейзаж с подтеками фонарей» [7, с. 264]) образы, включающие пространственные природные номинации. Временные номинации встречаются реже: «С вилами выйдут столетья» [7, с. 263], «Векзаложник» [7, с. 286].

Многочисленны в поэтической речи автора перифразы, демонстрирующие виртуозное сплетение ассоциативных связей, работающих на создание художественного образа. К примеру, «светляки»: «прах летучий, кажется, самый воздух готов поджечь» [7, с. 260]; «дрожащие высадки тощие» [7, с. 284]; «две сосны»: «Лесбийские сестры, почти без ветвей, / Жилички высот» [7, с. 292]; «Зацвиркала дрель из кустов на выносе соловьиная» [7, с. 288], «Этот мост, / мерцающий запредельным светом, где под стрелой повисли / водные знаки, жвачные знаки, полный зверинец звезд, / пестующий и несущий нас на мысленном коромысле» [7, с. 273].

Наряду с понятийным языком тропов О. Чухонцев использует более древний язык параллелизма, иногда, практически, в чистом виде – «Кеклик стоит в седловине гор / не двигаясь. И тишина стоит как главное что-то рядом» [7, с. 272], «А рядом шла жизнь какая-никакая, и мать-мачеха цвела» [7, с. 305], «Слава не слива» [7, с. 297]. Чаще параллелизм эксплицирован через сравнение: «солнце дерет как терка» [7, с. 270], «как обморок тиши-

на» [7, с. 273], «что закат? и в проточной воде он как кровь багров» [7, с. 278], «Голос ломок и бел, / как шелест зимнего камыша» [7, с. 298], «Истекаю тщетою как река из последних своих рукавов» [7, с. 301], «И как кровь солонее вода» [7, с. 301], «След твой как прошлогодний снег» [7, с. 314]. Иногда художественный образ может работать на реализацию сюжетного плана текста, как в «Закрытии сезона»: «Шелест приморских листьев, / выжженных за лето до фольги» [7, с. 270] – в начале текста, «тополь / жесткий такой на бомжа похожий сипел сквозь сон / о чем чем-нибудь уму непостижимом фольгою хлопал» [7, с. 274] – финал текста. Как видим, в приведенных примерах природные номинации могут выступать как означаемым, так и означающим элементом сравнения наряду с неприродными.

Реже в речи автора встречаются эпитеты – «хмурое небо» [7, с. 262], «осенняя нищета» [7, с. 264], «цветущий парк» [7, с. 270], чаще они наполняются оксюморонным смыслом – «диоксиновый закат» [7, с. 293], «казенный сад» [7, с. 297], «смердящее благоуханье» [7, с. 291], «слепающий сумрак дня» [7, с. 303]. Обращается на себя внимание развернутый образ, включающий оксюморонное сочетание: «Выбросив цветок в зенит, сырую язву угасанья агава пышная точит смердящее благоуханье» [7, с. 291], – это практически единственный случай, когда природная реалья презентована через обонятельный код. Можно вспомнить еще один образ – «запахи роз и хлорки», но здесь актуализируется, скорее, восприятие не «цветка», а пространства в целом.

Презентативными в образном строе картины мира О. Чухонцева представляются синестетические образы – «южная ночь» [7, с. 258], «талая звезда» [7, с. 255], «паводковая вода» [7, с. 303], хотя встречаются они нечасто, но практически всегда в инициальной позиции текста, что задает пространственно-временное измерение картины мира как континуума.

Как видим, номинации природных реалий в лирике О. Чухонцева конца 1980-х – начала 2000-х годов достаточно презентативны, но пейзаж в чистом виде, как описание природного мира, практически отсутствует. В то же время в картине мира автора «представленность» природного физического мира позволяет вести речь о вписанности лирического субъекта в природный континуум, хотя отношения между ними демонстрируют тенденцию к разобщенности. Свидетельства тому обнаруживаются, в первую очередь, в том, что природные номинации выступают в роли маркеров пространственно-временных координат лирического субъекта лишь в текстах, где эксплицируется биографический код автора. Притом номинативную функцию они выполняют, как правило, в начале текста, а к финалу, включаясь в сюжетную

линию, наполняются иносказательными смыслами и предстают уже в роли тропеических образов. В остальных же случаях авторское сознание апеллирует к культурологическим универсалиям, формирующим его ментальное пространство. Образный уровень картины мира демонстрирует работу авторского сознания по преобразованию прямых смыслов номинаций природных реалий, что увеличивает дистанцию между природой в ее естественном проявлении и лирическим субъектом. Тропы и стилистические фигуры еще сохраняют модель природных отношений через метафоризацию и метонимизацию первичных значений, но главную роль в поэтическом языке О. Чухонцева выполняет мифологическое слово, дополненное фольклорными смыслами и трансформированное в мифопоэтическое. Подчеркнем, мифопоэтический художественный язык автора актуализирует в первую очередь собственно мифологический пласт смыслов номинаций природных реалий. Лирический субъект через пейзажный дискурс выявляет свой драматический, а то и трагический характер. Между ним и природным миром контакт ослабевает, о чем свидетельствует, кроме названных признаков, и способ восприятия природы – преимущественно визуальный, изредка аудиальный. А если он и имеется, то демонстрирует разрушительную роль лирического субъекта. Утрата органической связи с миром природы приводит к отчужденности лирического субъекта, что продуцирует его «развоплощенность», которая ставит под сомнение и духовную составляющую («Кыё-Кыё»). Лирический субъект оказывается в пограничном состоянии: между мифом и реальностью, представлениями о мире и самим миром. Живая природа «зеркалит» действия человека и отвечает таким же отчуждением. Лирический субъект еще апеллирует к природе как «другому», необходимому для полноты собственной сущности («Но-

чью: ну почему тебя нет... / Утром: если ты есть, / след твой как прошлогодний снег – / где он?»), для него их отношения еще драматичны. Но в последнем стихотворении сборника последней репликой «другого», притом невыясненной этимологии, но явно женского начала: «ку-ку, ку-ку», – авторское сознание оголяет всю меру трагизма человека, которому природа отсчитывает его зримые сроки.

Таким образом, пейзажный дискурс О. Чухонцева выявляет сложные отношения человека и мира живой природы, притом ответственность за осложнения лежат на человеке, который еще не осознал всех грядущих последствий.

Библиографический список

1. *Бройтман С.Н.* Историческая поэтика: учеб. пособие. – М.: РГГУ, 2001. – 320 с.
2. *Остапенко И.В.* Картина мира: литературоведческий подход // Вестник Московского института лингвистики. – 2012. – № 1. – С. 67–75.
3. *Остапенко И.В.* Пейзажный дискурс как картина мира в русской лирике 1960–1980-х годов: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.02. – Симферополь, 2013. – 530 с.
4. *Пойди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что* // Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в 3 т. Т. 2. – М.: Наука, 1985. – (Лит. памятники). – С. 108–129.
5. *Пушкин А.С.* Собр. соч.: в 10 т. Т. 3. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. – С. 359.
6. *Скворцов А.Э.* Рецепция и трансформация поэтической традиции в творчестве О. Чухонцева, А. Цветкова и С. Гандлевского: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01. – Казань, 2011. – 809 с. (Кн. 1 – 542 с.; кн. 2 – 267 с.)
7. *Чухонцев О.Г.* Из сих пределов. – 2-е изд. – М.: ОГИ, 2008. – 320 с.

Яковлева Елена Владимировна
доктор филологических наук, доцент
Институт иностранных языков РУДН, г. Москва
elxs@mail.ru

Агаджанян Рубен Владимирович
Московский институт лингвистики, г. Москва
ce3ar2006@yandex.ru

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КОНФОРМИЗМ: МОДЕЛЬ СТИЛИСТИЧЕСКОГО ПРИЕМА И ЕЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

*Статья посвящена анализу характерной функционально-стилистической характеристики текста, обнаруживающейся при работе с материалами разной дискурсивной принадлежности. В данной статье предлагается рабочий термин **лингвистический конформизм** для обозначения одноименного стилистического приема. Составляющие этого приема были определены в ходе работы над многочисленными материалами, соотносимыми с политическим, дидактическим, художественным типами англоязычного дискурса. Целью исследования было подтверждение или опровержение гипотезы об объективном существовании лингвистического конформизма как модели стилистического приема суггестивной окрашенности. Изучение особенностей восприятия того или иного текста (письменного или устно произнесенного) не может не включать интерес к характеристике суггестивности, имеющей не только психолингвистическую природу скрытого воздействия на психику адресата, на его чувства, волю, разум, что связывается со снижением аналитичности и критичности при восприятии передаваемой информации, но и обнаруживающейся с разной степенью очевидности в огромном количестве текстовых материалов, инкодирующих ее языковыми средствами. Таким образом, характеризуя изучаемую модель стилистического приема суггестивной окрашенности следует обратить внимание на такие составляющие, обеспечивающие сниженный уровень критического восприятия аудиторией передаваемого содержания-намерения, как вербализация повторов единиц разных уровней языка, использование параллельных синтаксических конструкций, маркированное присутствие модальных конструкций в наиболее значимых в смысловом отношении эпизодах текста – дискурсивной практики и предпочтительное использование метафоры как стилистической фигуры речи.*

Ключевые слова: стилистический анализ, психолингвистическая ситуация, лингвистическая суггестия, воздействии, восприятие, текстовый анализ, дискурс, прагмалингвистические особенности.

Полифония подходов теоретического осмысления практики изучения и преподавания иностранного языка как средства международного общения, как способа профессиональной реализации, а также как объекта углубленного академического интереса сегодня предполагает междисциплинарную составляющую. Мы можем говорить о том, что гносеология лингвистического знания учитывает взаимное влияние разнообразных фактов и объектов с психологическими, культурологическими и даже социологическими характеристиками.

Так, владение иностранным языком как своеобразным семиотическим кодом ставит перед дидактической ситуацией целый ряд вопросов, решение которых с необходимостью включает осознание прагматических целей и задач. Не будет преувеличением сказать, что наиболее общее определение прагматики, данное в работах академика Ю.Д. Апресяна [2], не теряет своей актуальности и сегодня, поскольку оно основывается на сбалансированном сочетании отношения к изучению прагматики как знаковой системы [11], актуализируемой пользователем, с одной стороны, и модальной интерпретации прагматики как отношения говорящего к различным аспектам действительности. Сам факт возможности осмысления отношения говорящего к действию, содержанию события

и адресату, выражаемому как языковыми, так и речевыми средствами, подводит к выводу о том, что любая прагмалингвистическая ситуация должна учитывать как характеристики языкового/речевого произведения, так и особенности его восприятия целевой аудиторией.

Далее, изучение особенностей восприятия того или иного текста (письменного или устно произнесенного) не может не включать интерес к характеристике суггестивности, имеющей не только психолингвистическую природу «скрытого воздействия на психику адресата, на его чувства, волю, разум» [7, с. 34], что связывается со снижением аналитичности и критичности при восприятии передаваемой информации, но и обнаруживающейся с разной степенью очевидности в огромном количестве текстовых материалов, инкодирующих ее языковыми средствами. Напомним, что в литературе вопроса вышеупомянутая характеристика именно так и определяется – как «активное воздействие на воображение, эмоции, подсознание посредством отдаленных тематических, образных, ритмических, звуковых ассоциаций» [7, с. 34–35].

Сказанное выше заставляет задуматься об образно-ассоциативной природе восприятия содержательной составляющей текста как знакового объекта лингвистического изучения, в котором может обнаруживаться вербализация различных

способов суггестивного воздействия, описанных в литературе вопроса в их общепсихологических, психолингвистических, языковых и рефрейминговых разновидностях.

Так, к общепсихологическим разновидностям можно отнести отсылку к соответствующим фактам и характеристикам действительности посредством вербализации в тексте указаний на имплицитные позитивные/негативные склонности целевой аудитории. При этом обозначение эмоционального отношения к информации, к личности собеседника или аудитории достигается за счет вербализации эффекта заражения и уподобления [13].

В ходе вышеописанных процессов может осуществляться создание новых или апелляция к уже существующим эмоционально-оценочным стереотипам вербального поведения аудитории (например, аффектированная эстетическая оценка фактов, типизация их, представление фактов как символически воплощающих семиотические оппозиции, обозначение ассоциативных связей между соответствующими психическими явлениями и их социально значимой морально-этической оценкой и др.).

Несколько более расплывчато описаны в литературе вопроса особенности психолингвистических и собственно лингвистических (языковых) разновидностей вербализованного суггестивного воздействия, которые характеризуются как присущие разным уровням изучения языка и на фонетическом уровне, например, сводятся к модификациям просодического оформления [6], а на лингвопрагматическом уровне изучения речевых актов представлены частотным употреблением высказываний-лозунгов или высказываний-призывов [14, с. 77–78]. В обоих упомянутых случаях можно говорить о том, что последовательное обращение к передаче смыслового содержания через сходные вербализации обеспечивает снижение уровня критического восприятия содержательно-смысловой стороны высказывания и, по всей видимости, приводит к подсознательному восприятию фактов вербализуемых указаний, совмещению их с фактами действительности и оказывает мнемоническое воздействие на память реципиента в процессе формирования им аксиоматической и эстетической оценки этих фактов. Эмоционально-оценочные характеристики высказываний приобретают в этом контексте особенное значение и обеспечиваются обращением к стилистическим фигурам и тропам, таким как парафразы, эвфемизмы, метафоры разных видов и т. д. Нередко используется акцентуация отдельных высказываний или их частей различными способами графического выделения [8].

Индивидуальный социальный опыт реципиента лежит в основе еще одной разновидности восприятия содержательной составляющей текста, из-

вестной как рефрейминг. Исследователи отмечают, что поскольку содержательная сторона отдельных лексических единиц может иметь «маркированное значение в индивидуальном социальном опыте реципиента», восприятие их смысла поддается моделированию на основе синонимичной подмены единиц абстрактного процессуального значения единицами конкретного смыслового наполнения [5, с. 39]. Результирующий «трансдеривационный» поиск смыслового наполнения конкретной языковой единицы ведет к расширению парадигмы ее наполнения для реципиента и трансформирует ее функционально-прагматическую направленность.

Далее, вполне логично предположить, что вышеперечисленные особенности восприятия содержательной стороны текста обязаны присущими им суггестивными характеристиками также и степени выраженности в тексте, произносимом тем или иным говорящим, его риторической составляющей.

Уверенное владение риторическими приемами передачи соответствующего содержания, являясь неотъемлемой частью мировой теории и практики публичного выступления, уходит корнями в многовековую культурологическую традицию ораторского искусства, столь ярко представленную дошедшими до нас произведениями выдающихся мыслителей Древнего мира, Платона (428 г. до н. э.), Демосфена (384 г. до н. э.), Сократа (399 г. до н. э.). Очевидно, что античные авторы учитывали фактор суггестивного воздействия своих речей на аудиторию. Так, софистам удавалось моделировать невербальное поведение аудитории в соответствии с содержанием-намерением предъявляемых ей устно-произносимых текстов, в ходе чего наблюдались динамика приоритетов и оценок межличностных отношений, переживание несвойственных аудитории эмоциональных состояний, вплоть до формирования измененной эстетической оценки самой личности и событий, в которых она участвовала [3].

Говоря языком современной науки, социальные практики софистов иллюстрируют тезис о способности влиять на содержание формируемого у аудитории понятия вплоть до его деструктуризации и формирования на его основе нового понятия в ходе риторически ориентированного предъявления аудитории устно-произнесенных текстов соответствующего содержательного наполнения, обладающих потенциалом суггестивного воздействия на восприятие аудиторией этого содержания.

Потенциально присущие текстам суггестивные характеристики не утратили своего значения как объект исследования и для авторов эпохи Возрождения. В этот исторический период осмысливался потенциал слова как вербализованной единицы суггестивного воздействия на массовое сознание. Так, например, итальянский философ и политический деятель Н. Макиавелли (1469–1527) полагал,

что слово имеет огромную силу, проявляющуюся только при умелом использовании [9], что позволило бы достичь любой поставленной цели, в том числе в решении вопроса о методах политического управления государством и гражданами. О внушающей силе слова писал и французский психолог С. Московичи, концепция которого учитывала наличие в политической коммуникации иррациональной основы, опирающейся на внушение [12].

Риторика новейшего времени, причем не только политическая или дидактическая, представленная в чистом виде в текстах соответствующих дискурсивных практик, но и опосредованно обозначенная в текстах художественного дискурса, имплицитно предполагает наличие у говорящего знаний о психолингвистических особенностях механизма оказания суггестивного воздействия на аудиторию реципиентов и отработанных практических навыков инкодирования суггестивного воздействия вербальными и невербальными средствами на основе применения приема, обеспечивающего это воздействие [1].

Так, например, в ряде современных лингвистических работ (Е.И. Шейгал [15] М.В. Гаврилова [4], Е.А. Моргун [10]) объектом исследования оказываются тексты публичных выступлений, принадлежащие жанру инаугурационной речи. Играя важную роль в корпусе материалов политического дискурса, инаугурационная речь характеризуется исследователями как ритуально важный политический текст [4, с. 138], обладающий характеристиками высказывания – политического действия и позволяющий говорящему (избранному президенту США) осуществить практику общения с максимально широкой целевой аудиторией в рамках соответствующего фрагмента политического дискурса.

Анализ инаугурационной речи как типа высказывания позволяет сделать вывод о сходных особенностях ее содержательно-структурного построения и риторического оформления независимо от конкретного исторического контекста, временной соотнесенности и даже языка, средствами которого она была создана как текст. Так, в ряду общих семантических макропропозиций, реализуемых в инаугурационной речи, можно обнаружить вербализации таких смыслов, как «оказанные президенту высокое доверие и честь», «соответствие действий президента конституции», «повышение благосостояния народа как приоритетная цель деятельности президента», «опора президента на поддержку избирателей», «служение президента интересам народа», «уверенность президента в позитивной динамике современных политических и экономических событий», «личная вовлеченность и заинтересованность президента в успехе планируемых политических мер» [4, с. 140–143] и др.

В качестве рабочей гипотезы представляется возможным выдвинуть тезис, что материал инаугурационной речи обнаруживает особенности функ-

ционирования лексико-стилистического явления, иллюстрирующего способ обеспечения передачи содержательной составляющей текста с учетом инкодирования в нем, как на уровне использования вербальных средств, так и на основе обращения к определенным особенностям риторического оформления, определенного содержания-намерения суггестивной направленности. Именно этот стилистический прием суггестивной окрашенности и предлагается называть лингвистическим конформизмом, то есть характерным стилистическим приемом эстетического воздействия суггестивной окрашенности. Итак, проанализированный материал политического, дидактического и художественного дискурса дает основания полагать, что упоминаемый прием строится на основе сходной модели.

Характеризуя модель стилистического приема суггестивной окрашенности, лингвистического конформизма, следует обратить внимание на такие составляющие, обеспечивающие сниженный уровень критического восприятия аудиторией передаваемого содержания-намерения, как вербализация повторов единиц разных уровней языка, использование параллельных синтаксических конструкций, маркированное присутствие модальных конструкций в наиболее значимых в смысловом отношении эпизодах текста – дискурсивной практики и предпочтительное использование метафоры как стилистической фигуры речи.

Библиографический список

1. Александров Д.Н. Риторика. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 624 с.
2. Апресян Ю.Д. Прагматическая информация толкового словаря // Прагматика и проблемы интенциональности. – М., 1988. – С. 7–44.
3. Борисов А. Роскошь человеческого общения. – М.: Изд-во «RISC», 1998. – 144 с.
4. Гаврилова М.В. Инаугурационная речь: идеальный проект дела и идейная основа объединения общества // Политическая наука. – М., 2009. – № 4. – С. 138–156.
5. Гордон Д. Терапевтические метафоры (оказание помощи другим посредством зеркала). – Канск: Канская межрайонная типография, 1994. – 144 с.
6. Ермакова О.Г. Модификации просодического оформления политических речей на протяжении XX века (на материале британского и американского английского языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – М., 2005. – 163 с.
7. Желтухина М.Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2004. – 47 с.
8. Ивакина Н.Н. Основы судебного красноречия (Риторика для юристов). – М.: Юрист, 2007. – 464 с.
9. Макиавелли Н. Жизнеописание. Мироззрение. Цитаты. – М.: Вектор, 2006. – 192 с.

10. Моргунов Е.А. Когнитивно-прагматический анализ системы концептов в инаугурационных речах американских президентов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2011. – 20 с.

11. Моррис Ч. Значение и означивание // Семиотика. – М., 1983. – С. 118–132.

12. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. – М.: Центр психологии

и психотерапии, 1996. – 478 с.

13. Панкратов В.Н. Психотехнология управления людьми: практическое руководство. – М.: Изд-во Института психотерапии, 2001. – 336 с.

14. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 256 с.

15. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М.: Гнозис, 2004. – 324 с.

УДК 81'42

Громова Наталья Сергеевна

кандидат филологических наук, доцент

Уральский институт коммерции и права, г. Екатеринбург
gromovans@mail.ru

СПЕЦИФИКА ИНТЕРПРЕТАЦИИ МНОГОКОМПОНЕНТНОГО КРЕОЛИЗОВАННОГО ТЕКСТА

В статье рассматриваются особенности бытования креолизованного текста не только как текста с неомогенной структурой, но и как явления, уникального по своей природе. Креолизованные тексты отличаются не только по спаянности элементов разных семиотических систем, входящих в их состав, но и по количеству компонентов: однокомпонентные и многокомпонентные. Многокомпонентный креолизованный текст, состоящий из нескольких относительно самостоятельных, но объединенных общей темой, концепцией и логической взаимосвязью единиц, погруженных в дискурс, представляет особый вид. Понимание такого текста зависит от интерпретации всех его компонентов, принимаемых в качестве имманентных и оказывающих значительное влияние на восприятие его как целостного феномена. Рассматриваются признаки многокомпонентного креолизованного текста и анализируются различные виды таких текстов (серии книг, фильмов, демотиваторов). Изучается специфика создания интегрального текста в условиях современных технологий, указываются проблемы его интерпретации в связи с неодновременностью появления компонентов. Определяется обусловленность интерпретации многокомпонентного креолизованного текста количеством компонентов и понимание реципиента этих компонентов в качестве структурных единиц. Устанавливается роль интерпретатора в процессе осмысления текста как интегрального.

Ключевые слова: креолизованный текст, интерпретация текста, многокомпонентный креолизованный текст, смысловое восприятие, интегральный текст.

Креолизованный текст является неотъемлемой частью современной многоканальной коммуникации, поскольку исключительно вербальный способ общения не отвечает запросам коммуникантов. Под креолизованным текстом понимают «сложное текстовое образование, в котором вербальные и невербальные элементы образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое» [2]. Данный вид сложного текста, являющийся поликодовым сообщением, позволяет визуализировать передаваемую статическую и динамическую информацию. При характеристике рекламного текста Е.Е. Анисимова акцентирует внимание на еще одной важной составляющей любого креолизованного текста: «изображение и слово не являются суммой семиотических знаков, а их значения интегрируются и образуют сложно построенный смысл» [1]. Сочетание знаков разных семиотических систем повышает результативность общения и позволяет автору в пределах одного текста разместить разнородную информацию, необходимую для интерпретации содержания.

Так, можно отметить, что исследование феномена креолизованного текста обусловлено меняющейся парадигмой коммуникации. С целью выявления особенностей структуры и специфики

воздействия на адресатов к анализу данного текста обращаются многие ученые: Е.Е. Анисимова, А.А. Бернацкая, И.Л. Билюк, Л.С. Большакова, А.А. Величко, Ю.О. Веревкина, М.Б. Ворошилова, Л.В. Дубовицкая, Е.Г. Малышева, Р.Т. Садуов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов и другие. С конца XX века интерес к новому пониманию текста как неомогенной структуры значительно вырос, и изучение приобрело междисциплинарный характер, что обусловило привлечение методологической базы семиотики, психолингвистики, когнитивной лингвистики, юридической лингвистики и др.

В процессе изучения структуры креолизованного текста ученые отмечают разную степень корреляции элементов (от автосемантической до синсемантической), что влияет на особенности интерпретации заложенного адресантом смысла и суггестивные характеристики самого текста по отношению к адресату. Однако, как правило, исследователи обращают внимание на тексты, имеющие только один структурный компонент. Нужно отметить, что креолизованный текст всегда является сложным, то есть состоит из нескольких разнородных единиц, являющихся при этом функционально и семантически связанными и представляющими изначально одно структурно неделимое целое (один компонент), восприятие

и интерпретация которого зависят от всех составных элементов в равной степени. Именно такие тексты мы назовем однокомпонентными и определим их как завершённый самостоятельный текст, значение которого может быть установлено на базе фоновых знаний адресата без применения специальных компетенций и установления взаимосвязи с другими текстами такого же типа.

Примером может служить один демотиватор, одно изображение с подписью, один фильм, один рекламный плакат, одна этикетка продукта. В этом случае текст состоит из определенного набора вербальных и невербальных элементов, которые адресат может интерпретировать в процессе знакомства непосредственно с данным текстом. Концепция автора такого текста является полностью реализованной и не вызывает особых интерпретационных затруднений при правильной комбинации знаков вне зависимости от объема текста. В частности, если мы около дороги видим знак, где в красном круге на белом фоне написано слово «таможня», то для его интерпретации нам нет необходимости вспоминать все знаки дорожного движения, достаточно проанализировать содержание имеющегося перед нами знака, понять, что мы приближаемся к контрольному пункту, и осуществить определенные действия. Данный пример свидетельствует, что без фоновых знаний, в частности, о том, как выглядят дорожные знаки, что им надо следовать и что такое таможня, мы не сможем правильно поступить, но указанной информации нам достаточно для интерпретации содержания рассматриваемого креолизованного текста.

Однокомпонентный текст может быть представлен как небольшим по объему авторским произведением (графический стих или фотография с подписью), так и значительным (кинофильм). Главным условием отнесения его к рассматриваемому типу будет наличие целостного текста и возможность реципиента оценить авторский замысел или предположить, что он оценен. В процессе понимания смысла демотиватора или плаката человек, конечно, может не обладать необходимыми фоновыми знаниями и интерпретировать содержание неверно, но это пример не расчлененности текста, а сбой в коммуникативной стратегии, указывающего на неверный выбор кода, без учета особенностей адресата. При условии правильной организации текст погружается в дискурс и находится «в неразрывной связи с ситуативным контекстом» [4, с. 79], что определяет положительный результат интерпретации.

Принципиально отличаются от первого вида многокомпонентные креолизованные тексты, которые представляют собой взаимообусловленную совокупность нескольких, чаще всего креолизованных текстов, являющихся единым структурно-семантическим рядом. Примером может служить

серия демотиваторов одного автора на одну тему, целый комикс или набор всех его выпусков, весь сериал, вся линейка рекламной продукции одного товара. В данном случае текст нужно понимать как совокупность всех элементов, необходимых для его интерпретации. Креолизованный текст в таком случае членится на самостоятельные части, каждая из которых может иметь собственный смысл, но только объединение их предоставит возможность адекватно воспринять адресату коммуникативную цель адресанта. Если в серии комиксов представлено 5 выпусков, то только все они вместе представляют один завершённый креолизованный текст и дают адресату ключ к интерпретации содержания. Как правило, предыдущие выпуски дают базу для понимания следующих и становятся своеобразными прецедентными текстами, без которых адекватная интерпретация невозможна.

Таким образом, многокомпонентный креолизованный текст мы определим как текст, состоящий из нескольких относительно самостоятельных, но объединенных общей темой, концепцией и логической взаимосвязью единиц (включая однокомпонентные креолизованные тексты), погруженных в дискурс, для адекватной интерпретации которых необходимо учитывать всю совокупность структурных элементов. Например, если мы хотим понять сущность комикса «Человек-паук», нам недостаточно прочитать одно издание, потребуется изучить содержание всех комиксов, так же как и при просмотре одной серии сериала не представляется возможным понять его смысл в целом.

При этом набор разных креолизованных текстов не является единым многокомпонентным текстом. Если все схожие тексты рассматривать как часть одного, то возникает проблема ложной интерпретации их истинного смысла. Так, группа демотиваторов на одну тему не представляет собой единство, поскольку каждый элемент несет самостоятельный смысл, а значение их может быть противоположным. Попытка интеграции всех текстов в один может иметь и правовые последствия. По результатам анализа федерального списка экстремистских материалов за 2015 год сайт «В контакте» является одним из часто используемых средств для распространения запрещенной законом информации через Интернет. Однако, если рассматривать все материалы как часть одного текста, необходимо будет заблокировать доступ не к отдельным страницам пользователей, а ко всему сайту в целом, что явно неправомерно и противоречит логике. Следовательно, необходимо оговорить ряд признаков, указывающих на возможность рассмотрения нескольких самостоятельных элементов в качестве единого смыслового целого.

Первым признаком выступает единство темы. Нельзя рассматривать как часть одного текста разные по теме элементы. Изучая современные масс-

медиа, рассчитанные на разнообразных потребителей, можем заметить, что одно издание включает и политическую, и развлекательную, и экономическую информацию, что явно отличается по теме. Так, содержание газеты «Вечерний Екатеринбург» мы не сможем рассматривать как один многокомпонентный текст, поскольку, как показывает рубрикация электронного варианта издания, в нём выделены такие разделы, как «Город», «Горожане», «Власть», «Культура», «Спорт», «Дела домашние», «Скоро» Каждый раздел в свою очередь тоже имеет тематическое деление. Например, рубрика «Город» включает «Транспорт», «Социальные проблемы», «Здоровье», «Отдых и развлечения» и пр. [3]. И наоборот, труды разных ученых в рамках одной коллективной монографии могут представлять собой многокомпонентный текст.

Вторым признаком выступает единство концепции. Конструктивный принцип, определяющий создание текста, должен соответствовать руководящей идее для осуществления правильной интерпретационной деятельности адресатом. Пивоваренная компания «Богерхоф» (г. Анапа) выпустила серию напитков с этикетками, изображения на которых стилизованы под рисунки начала XX века: изображены мужчины и женщины на пляже в соответствующих тому времени купальных костюмах. К данной серии относится 4 сорта пива: «Банное», «Лагерное», «Ржаное», «Пляжное». Именно их можно рассматривать как один многокомпонентный текст, так как это становится важным для интерпретации отдельных элементов. В частности, на этикетке пива «Лагерное» изображен мужчина в полосатой одежде, прыгающий в воду. Без учета концепции всех изображений можно неправильно интерпретировать содержание и воспринять мужчину с картинки как заключенного, а не как отдыхающего. При этом остальные напитки данного производителя (еще 6 сортов) не имеют этикеток с подобной стилизацией и не могут быть отнесены к рассматриваемому многокомпонентному тексту.

Третий признак – логическая взаимосвязь компонентов. Данный признак является самым важным, поскольку даже при наличии общей темы и сходстве концепций, представленных в текстах, при отсутствии между ними логической взаимосвязи каждый текст останется единичным и не может быть включен как элемент в общий многокомпонентный текст. В качестве примера можно привести несколько художественных полнометражных фильмов, снятых по серии комиксов «Фантастическая четверка». В 2005 году был снят фильм Тима Стори, а в 2007 году его продолжение – «Фантастическая четверка: Вторжение Серебряного серфера». В 2015 году вышла кинокартина «Фантастическая четверка», но уже другого режиссера – Джоша Транка. Первые два фильма являются логическим продолжением друг друга и могут рассматриваться

как части многокомпонентного текста, поскольку единство темы, концепции и логической связи присутствуют. При этом фильм 2015 года, несмотря на единство темы и концепции с указанными выше лентами, представляет собой независимую интерпретацию того же самого сюжета, но с рядом логических отличий. В частности, главный антагонист супергероев Виктор фон Дум по сценарию новой картины (2015 г.) изображен ученым, с которым один из главных героев, Рид Ричардс, знакомится в лаборатории Франклина Шторма незадолго до начала эксперимента. Напротив, в фильме 2005 года фон Дум представлен бизнесменом, однокурсником Рида Ричардса. Логические противоречия в содержании, указывающие на отсутствие преемственности между экранизациями, не позволяют определить фильм 2015 года как элемент многокомпонентного текста наряду с фильмами 2005 и 2007 годов.

Многокомпонентный текст не является статичным, и его содержание обогащается с каждым новым текстом, появляющимся с течением времени. Поэтому можно утверждать, что полноценная интерпретация такого текста возможна только при условии завершения работы автора над новыми текстами: окончание съемок сериала, прекращение выпуска рекламируемого продукта и т. д. Однако адресат, а иногда и сам автор не знают о том, когда работа над текстом будет завершена, что значительно усложняет целостное восприятие смысла сообщения. Коммуникацию в таком случае можно считать не завершенной, а оборванной, так как адресату не представляется возможным полноценно интерпретировать замысел автора и провести декодирование заложенной в тексте информации.

На особенности интерпретации смысла многокомпонентного креолизованного текста будет влиять и пространственно-временное воплощение авторской концепции. В частности, первый фильм саги «Звездные войны» вышел в 1977 году, но он представлял собой четвертый эпизод, трилогия-приквел (первые три эпизода) была выпущена позже (с 1999 по 2005 год). Можем предположить, что не все зрители четвертого эпизода смогли посмотреть презентацию предыстории и воспринять весь авторский замысел в полном объеме, то есть их интерпретация оказалась отрывочной, поскольку они не увидели всех элементов многокомпонентного текста в силу длительного промежутка между появлением частей. Также можем предположить, что и не все лица молодого возраста, приобщившиеся к просмотру с 1999 года, познакомились с более ранними эпизодами, что приводит к идентичным результатам.

Подобные проблемы возникают и с переводами иноязычных текстов, которые могут отличаться от оригинала, не полностью отражать авторский замысел, игру слов или не учитывать национальный

колорит, а следовательно, не всегда достигается полная идентичность при интерпретации книги, демотиватора или рекламного ролика, которые являлись первоисточниками. Именно такая ситуация возникла с вольным переводом А.М. Волковым детской книги американского писателя Л.Фр. Баума «Удивительный волшебник из страны Оз». Тезоретически обе книги могли бы являться одним текстом или частями одного многокомпонентного текста с учетом языковых и национальных особенностей, но интерпретация сюжета в изложении А.М. Волкова отделила первый текст от второго, предоставив каждому самостоятельный статус.

Одна из проблем интерпретации появляется под влиянием современных технологий, ориентированных на массовый спрос, когда авторы популярных фильмов, игр, книг и пр. возобновляют их производство и создают все новые прецедентные тексты, влияющие на восприятие потребителя. Так, например, продолжение единичного фильма или создание приквела (предыстории) переводит креолизованный текст из однокомпонентного в многокомпонентный с обоснованным изменением восприятия смысла всего комплекса включенных элементов. В таком случае предыдущая интерпретация не имеет смысла, она устаревает и должна быть по замыслу автора уничтожена за ненадобностью и заменена на новую. Такой принцип часто используется создателями детективных сериалов или книг, когда положительные на первый взгляд герои неожиданно оказываются преступниками, что перечеркивает их предшествующую биографию.

Примером может служить весьма успешная серия иллюстрированных книг и кинофильмов Дж. Роулинг про Гарри Поттера. Каждая следующая книга из семи раскрывает замысел автора более полно и после завершения в 2007 году всей серии можно было бы предположить, что появился полноценный завершённый многокомпонентный креолизованный текст. Однако это не совсем так: в 2008 году Дж. Роулинг написала для аукциона приквел, состоящий из 800 слов. Помимо этого, значимыми для интерпретации стали и снятые по книгам фильмы (выходившие на экран вплоть до 2011 года), которые отражают немаловажные детали (внешний вид героев, интерьер помещений и пр.). А в 2012 году появился сетевой проект «Pottermore», содержащий еще несколько тысяч слов дополнительного текста, доступного, однако, не на всех языках. Помимо собственно компонентов рассматриваемого текста важными для восприятия являются и так называемые спин-оффы (производные издания) – «Квиддич с древности до наших дней», «Фантастические звери и места их обитания», «Сказки барда Бидля», содержание которых позволяет более полно понять замысел автора. При этом, поскольку они не являются во-

площением непосредственно магистральной концепции, заявленной в книгах, стоит отнести их не к значимым структурным компонентам текста, а к фоновым знаниям, влияющим на восприятие, но не определяющим его.

Авторская позиция при создании текста является, безусловно, первичной, но представляется не единственной в процессе интерпретации его содержания. Как отмечает К.А. Рогова, «процесс восприятия, как и процесс порождения текста, очевидно, протекает на базе индивидуального опыта» [6]. Каждый адресат имеет право на собственную трактовку текста, которая зависит от множества факторов, начиная от объема фоновых знаний до возможности проанализировать ключевые аспекты содержания.

Сложность восприятия любого креолизованного текста реципиентом связана с тем, что, как отмечает Д.А. Удод, происходит двойное декодирование заложенной в нем информации, в результате чего создается единый общий концепт (смысл) креолизованного текста [7]. Проблемой в адекватном понимании многокомпонентного текста становится отсутствие одновременного доступа индивида ко всем частям сложного единства, что значительно затрудняет его целостное восприятие и создает фрагментарность.

Смысловое восприятие текста, как отмечает Е.В. Шелестюк, обеспечивается в силу одной из двух позиций интерпретатора: текстоцентрической или эгоцентрической [8]. В первом случае, по нашему мнению, содержание текста воспринимается адресатом максимально приближенным к авторской концепции при нивелировании индивидуальных особенностей реципиента. Такой вариант интерпретации возможен при правильном структурировании текста с учетом особенностей потенциальной аудитории. Однако при эгоцентрической позиции авторская концепция отходит на второй план, подменяя авторский замысел индивидуальными возможностями понимания и осмысления текста. Особенности восприятия связаны с множеством индивидуальных характеристик, поэтому и количество интерпретаций будет равно количеству интерпретаторов. В случае рассмотрения в сети Интернет серии демотиваторов с изображением Винни-Пуха из рисованного советского мультфильма восприятие может оказаться совершенно различным: интерпретатор элементарно может не знать данного персонажа и не понять смысл демотиватора; интерпретатор может идентифицировать изображение, понять смысл демотиватора, не связывая его напрямую с серией мультфильмов; интерпретатор может идентифицировать изображение как мультипликационное и не понять смысл демотиватора, попытавшись связать всю фоновую информацию с конкретным содержанием демотиватора.

Помимо личностных особенностей интерпретатора на восприятие влияет и ситуативный контекст, который является фактором «смыслообразования и смысловосприятия» [5, с. 108]. В этом случае фоновые знания и ситуация, воздействующая на процесс восприятия, окажут большее влияние, чем содержательные взаимосвязи между частями текста. Коннотации, которые возникнут в дальнейшем, будут обусловлены не столько самим текстом, сколько ситуативным контекстом при его восприятии.

На интерпретацию реципиентом многокомпонентного креолизованного текста может влиять восприятие его в качестве такового или осмысление его как единичного самодостаточного завершённого текста. Так, прочитав первую из серии книг, посмотрев одну часть кинотрилогии, человек может прекратить свое знакомство с дальнейшими текстами и даже не знать об их существовании. А следовательно, он ограничится только отрывком всего текста, что скажется на восприятии в целом.

Таким образом, при интерпретации многокомпонентного креолизованного текста необходимо учитывать специфику его структуры, нельзя оставлять без внимания семантически значимые единицы, которые определяют концептуальные характеристики сложного образования. Авторский замысел при создании данного вида текста имеет принципиальное значение, но он раскрывается только в рамках особенностей перцепции реципиента с учетом его индивидуальных коннотаций и ситуативного контекста. Фоновые знания адресата становятся имманентным условием восприятия целостного многокомпонентного текста, не входя в его структуру, но оказывая принципиальное влияние на понимание в целом. Для адекватной интер-

претации многокомпонентного креолизованного текста реципиентом наиболее важным условием становится осмысление всех компонентов в качестве сложного образования – интегрального текста.

Библиографический список

1. *Анисимова Е.Е.* Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): учеб. пособие. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 218 с.
2. *Анисимова Е.Е.* Прагмалингвистика и текст (к проблеме креолизованных и гибридных текстов) // Вопросы языкознания. – 1992. – № 1. – С. 71–79.
3. Вечерний Екатеринбург: сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: вечерний-екатеринбург.рф.
4. *Ворошилова М.Б.* Политический креолизованный текст: ключи к прочтению: монография. – Екатеринбург, 2013. – 194 с.
5. *Иваненко Г.С.* Ситуативный контекст: влияние экстралингвистических факторов на реализацию персуазивности текста // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2013. – № 6. – С. 107–109.
6. *Рогова К.А.* Интерпретация современного художественного текста (лингвистический аспект) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://slaviccenters.duke.edu/uploads/media_items/2rogova.original.pdf (дата обращения: 31.01.2016).
7. *Удод Д.А.* Креолизованный текст как особый вид паралингвистически активного текста // Современная филология: материалы II междунар. науч. конф. (г. Уфа, январь 2013 г.). – Уфа: Лето, 2013. – С. 97–99.
8. *Шелестюк Е.В.* Этапы и закономерности смыслового восприятия текста // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – № 2 (023). – С. 85–90.

Девель Людмила Александровна
кандидат филологических наук, доцент
Санкт-Петербургский институт культуры
miladevel@gmail.com

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ (РЕСТАВРАЦИЯ)

Лексикографическая поддержка выполняет учебную, нормализующую и предписывающую роль, обеспечивая стандартизацию терминов, их толкования и перевода, идентификацию применения ключевых понятий, преодоление противоречивости терминосистем. Англо-русский толково-переводной глоссарий, или словарь терминов (далее глоссарий), является формой лексикографической поддержки сотрудничества и инструментом интеграции деятельности национальных профессиональных сообществ. Целесообразность ввода переводных глоссариев в разработанные Международным советом по сохранению всемирного культурного наследия (ИКОМОС) документы подтверждают результаты анализа международной практики сотрудничества в сфере, в частности, реставрации. Основу составления предлагаемого в качестве одного из видов лексикографической поддержки базового глоссария составляет английский оригинал текста глоссария принятого документа, одобренный экспертами перевод, введение транскрипции произношения слова на английском языке, указание ударения в русском языке для говорящих на русском как иностранном. Наличие толкований в подобном глоссарии обеспечивает глубокое понимание терминологии и контекстов ее применения в исходном и целевом языках. В статье приводится наглядный пример, включающий десять терминов из последнего опубликованного документа икомос, который может быть использован на сайтах отделений ИКОМОС, в профессиональном сообществе и учебных заведениях.

Ключевые слова: лексикография, англо-русский словарь, глоссарий, ИКОМОС, сохранение всемирного культурного наследия, реставрация.

На современном этапе учебная, нормализующая и предписывающая роль переводного англо-родного словаря в условиях недостаточного обеспечения двуязычного обслуживания в международной деятельности в сфере сохранения культурного наследия, в частности в реставрации, играет важную роль по трем основным причинам:

- в новом тысячелетии остро встали вопросы о сохранении всемирного и российского культурного наследия;
- современная эпоха свидетельствует о динамичном переосмыслении ключевых понятий и введении новых;
- двуязычные словари отрасли малочисленны.

80-летие Пакта Н. Рериха, 70-летие ЮНЕСКО, 50-летие ИКОМОС (англ. ICOMOS) в 2015 году продемонстрировали рост заинтересованности международного сообщества к поставленным в 1935 году вопросам сохранения всемирного и российского культурного наследия. В 2015 году был утвержден Указ Президента РФ «Об основах государственной культурной политики РФ», свидетельствуя об актуальности высказывания создателя и руководителя Централных реставрационных мастерских России, отечественного патриарха реставрации И.Э. Грабаря: «В основе всякого разумного строительства лежит преемственность культуры. Самые решительные нововведения... достигают цели и долговечны только в том случае, если приняты во внимание все особенности, отличающие культуру данной страны от культур других стран... Если Россия и прежде нуждалась в тщательном сбережении наследия, то теперь, в эпоху полного переустройства всего государственного и жизненного уклада, вопрос об охране памятни-

ков искусства и старины становится неотложной задачей государственного значения» [2, с. 2].

Международное сотрудничество в сфере культуры осуществляется через ЮНЕСКО (русский язык входит в число рабочих языков) и ее агентство по сохранению всемирного культурного наследия ИКОМОС (рабочие языки – английский и французский) со 110 странами-участницами и своими национальными комитетами и языками. Окончательные варианты документов международных событий в сфере культуры выходят спустя два-три года, принятые переводы – спустя еще некоторое время. Перевод на ряд языков, в том числе на русский язык, не всегда осуществляется. Например, Бюро договоров Совета Европы публикует на сайте благодарность Министерству иностранных дел, Министерству юстиции и Государственной Думе Российской Федерации за поддержку и содействие в осуществлении перевода конвенций Совета Европы.

Терминология и традиции перевода документации международного сотрудничества в сфере культуры складываются годами. Афинская конференция по вопросам реставрации памятников культуры 1931 года (предшественник ИКОМОС) впервые ввела в употребление термин *world heritage*, и у нас существует широко принятый его перевод – всемирное (а не мировое) наследие. Само название *ICOMOS – International Council on Monuments and Sites* переводится на русский как *Международный совет по сохранению памятников и достопримечательных мест* и называется ИКОМОС по аналогии с транслитерацией UNESCO – ЮНЕСКО. Обратим внимание на некоторые приемы при переводе названия организации – добавление слова *сохранение*, а также перевод слова *site* – *достопримечательное место*. Подобные профессиональные

терминологические соответствия требуют лексикографирования для поддержания эффективного взаимодействия профессиональных сообществ. О переводе смотрите также пример 2 далее и комментарии к нему.

Социально-исторические факторы обуславливают не только экстенсивное развитие отрасли, характеризуемое количественными изменениями, но и интенсивное, включающее качественные ее изменения в виде смены одной концептуальной системы другой [1, с. 205–216; 2; 4; 11, с. 16–18]. Следует обратить внимание, например, на то, что одно из ключевых для нашей темы слов – *реставрация* – в обычной речи и научной речи, где оно используется в качестве термина, имеет различные значения. Характерен пример правомочности толкования лексикографа С.И. Ожегова и интерпретации термина реставратором Н.В. Перцевым [5, с. 19]. В научном плане понятие *реставрация* различают, например, с такими понятиями, как *консервация*, *реконструкция*, *ремонт*; реставрация составляет элемент консервации (пример 1). То, что обычно называют реставрацией, на английский язык переводится словом *conservation*, а в профессиональном сообществе обозначается словом *консервация* (примеры 1, 3, 4)

Пример 1

**Слово «консервация» в словаре терминов
Российской академии художеств**

Консервация (от лат. *conservatio* – сохранение, сбережение) – совокупность мер, обеспечивающих максимальную сохранность зданий, сооружений, художественных произведений. В музейном деле к области консервации относятся: поддержание в экспозиционных залах и запасниках нужной температуры и влажности; защита произведений от воздействия прямого света, пыли, вредных газов, насекомых-вредителей; правильное содержание произведений на стенах, в стеллажах, в папках и т. д.; постоянное наблюдение за состоянием произведений и своевременная их реставрация [7].

Международные документы нового тысячелетия в сфере сохранения культурного наследия свидетельствуют о переосмыслении ключевых понятий и введении новых и требуют лексикографирования на основе экспертных оценок. Английский термин *conservation* стал ключевым словом в области современного сохранения всемирного культурного наследия. Приведем пример отрывка из принятого на 17-й Генеральной ассамблее ИКОМОС документа (пример 2)

Пример 2

**Английский и русский варианты статьи
Мадридского документа 2011 г.**
INTERPRETATION AND COMMUNICATION
Article 9: Promote and celebrate twentieth-century architectural heritage with the wider community.

9.1: Presentation and Interpretation are essential parts of the conservation process. Publish and distribute twentieth-century architectural heritage research and conservation plans, and promote events and projects wherever possible among the appropriate professions and broader community [12].

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И ИНФОРМАЦИЯ

Статья 9: Широко популяризируйте архитектурное наследие двадцатого века.

9.1. Презентация и интерпретация – важные элементы процесса сохранения наследия. Публикуйте и распространяйте исследования по архитектурному наследию двадцатого века, а также планы по его сохранению, всемерно способствуйте распространению информации о событиях и проектах как в профессиональном сообществе, так и среди широкой публики [13].

В данном случае *communication* переводится как *информация*, *conservation* – *сохранение*, при этом в глоссарии/словаре терминов, выступившем лексикографическим сопровождением Мадридского документа 2011 года в результате переосмысления приводится устоявшийся термин *консервация*. В глоссарии он определяется более кратко, но понимается шире, чем в предыдущем примере из авторитетного словаря терминов Российской академии художеств (примеры 1 и 3).

Пример 3

**Слово «консервация» в словаре терминов
Мадридского документа 2011 г.**

Консервация означает все процессы по сохранению и уходу за объектом культурного наследия и возвращению ему культурной значимости [12].

Отметим, что терминология сохранения всемирного и национального культурного наследия, в частности реставрации, складывалась и изменялась на протяжении истории. Она может отличаться в профессиональных сообществах в разных странах и даже в пределах одной страны.

Лексикографическое сопровождение реставрационной документации на русском языке помогает профессиональному сообществу преодолевать противоречивость понятий и представлений, обучать подрастающее поколение, гармонизировать терминологию с принятой в документах ИКОМОС. Многие труды по реставрации сопровождаются разными по величине и значимости глоссариями, словарями и перечнями терминов с толкованиями, где одними из основополагающих являются словарь Российской академии художеств и перечень профессиональных терминов и определений Министерства культуры РФ [7; 9; 10; 11]. Вокабуляр специальности «реставрация» на русском языке имеет длительную и богатую историческую традицию использования и демонстрирует отсутствие обилия заимствований [4; 6].

Многие национальные профессиональные сообщества имеют долгосрочный опыт работы в сфере сохранения культурного наследия и некоторые из них имеют свою лексикографическую, в основном одноязычную, поддержку. Один из последних солидных зарубежных трудов – первый общий словарь реставрации предметов культуры, изданный в Италии. В нем толкуются термины с точки зрения актуальной международной практики [15].

На основе анализа международного опыта сотрудничества в сфере сохранения всемирного культурного наследия, в частности реставрации, представляется целесообразным предложить ввести в выработанные документы ИКОМОС не одноязычные глоссарии, а англо-родные – на основе перевода, прошедшего профессиональную экспертизу. Следует отметить, что данная идея ВЕДЕТ СВОЮ историю с XIX века, когда был издан объяснительный словарь А.Д. Михельсона, включающий 30 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней, и выдержавший 12 переизданий [8], являющихся свидетельством того, что толкование принятых за рубежом терминов сферы реставрации всегда был востребован.

Англо-родной толково-переводной глоссарий, или словарь терминов (далее глоссарий), является лексикографической поддержкой международного сотрудничества в сфере культуры и инструментом интеграции деятельности национальных профессиональных сообществ. Наличие толкований обеспечивает глубокое понимание терминологии и контекстов ее использования на исходном и целевом языках. Основу составления глоссария составляют английский оригинал текста принятого документа, одобренный экспертами перевод, введение транскрипции произношения слова на английском языке, указание ударения в русском языке для говорящих на русском как иностранном. Приведем в качестве примера фрагмент англо-русского базового глоссария из 10 терминов к последнему из опубликованных документов ИКОМОС – Мадридскому документу 2011 года (пример 4).

Пример 4

Glossary / Словарь терминов

attributes /'ætrɪbjʊ:ts/ – атрибуты

attributes include physical location, design (including colour schemes), construction systems and technical equipment, fabric, aesthetic quality and use.

атрибуты включают в себя физическое местонахождение, замысел (в том числе колористическое решение), конструктивные системы и техническое оборудование, материальную субстанцию, эстетическое качество и использование.

authenticity /ɔ:θen'tɪsəti/ – подлинность

authenticity is the quality of a heritage site to express its cultural significance through its material

attributes and intangible values in a truthful and credible manner. It depends on the type of cultural heritage site and its cultural context.

подлинность является качеством объекта культурного наследия, правдиво и достоверно выражающим его культурную значимость через материальные атрибуты и нематериальные ценности. Она зависит от типа объекта культурного наследия и его культурного контекста.

components /kəm'pəʊnənts/ – компоненты

components of a heritage site may include interiors, fittings, associated furniture and art works; setting and landscapes.

компоненты объекта культурного наследия могут включать интерьеры, оборудование, связанные со зданием предметы мебели и произведения искусства; окружение и ландшафт.

conservation /kɒnsə'veɪʃən/ – консервация

conservation of a heritage site may include interiors, fittings, associated furniture and art works; setting and landscapes.

консервация означает все процессы по сохранению и уходу за объектом культурного наследия и возвращению ему культурной значимости.

cultural significance /'kʌltʃərəl sɪɡ'nɪfɪkəns/ – культурная значимость

cultural significance means aesthetic, historic, scientific, social and/or spiritual value for past, present or future generations. Cultural significance is embodied in the heritage site itself, its setting, fabric, use, associations, meanings, records, related sites and related objects. Heritage sites may have a range of significances for different individuals or groups.

культурная значимость означает эстетическую, историческую, научную, социальную и/или духовную ценность для прошлых, настоящих и будущих поколений. Культурная значимость содержится в самом объекте культурного наследия, его окружении, материалах, использовании, ассоциациях, значениях, архивных записях и связанных с ним объектах и местах. Объекты наследия могут обладать разной значимостью для различных индивидуумов или групп.

intangible values /ɪn'tændəbəl 'vælju:z/ – нематериальные ценности

intangible values may include historic, social, scientific or spiritual associations, or creative genius.

нематериальные ценности включают в себя исторические, социальные, научные или духовные ассоциации, творческий гений.

integrity /ɪn'tegrəti/ – целостность

integrity is a measure of the wholeness and intactness of the built heritage, its attributes and values. Examining the conditions of integrity therefore requires assessing the extent to which the property:

a) Includes all components necessary to express its value; b) Ensures the complete representation of the features and processes which convey the property's

significance; c) Suffers from adverse effects of development and/or neglect.

целостность означает степень сохранности объекта архитектурного наследия, его атрибутов и ценности, отсутствие или наличие каких-либо существенных утрат либо дополнений. Определение целостности требует оценки того, в какой степени объект: а) включает все компоненты, необходимые для выражения его ценности; б) обеспечивает полное представление тех качеств и процессов, которые выражают его значимость; в) страдает от негативных последствий развития и/или заброшенности.

intervention /ɪntə'veɪʃən/ – вмешательство
intervention is change or adaptation including alteration and extension.

вмешательство является изменением или приспособлением объекта культурного наследия, включая перестройку и расширение.

maintenance /meɪntənəns/ – уход
maintenance means the continuous protective care of the fabric and setting of a heritage site, and is to be distinguished from repair.

уход подразумевает постоянную защиту материала и окружения объекта культурного наследия. Его следует отличать от ремонта.

reversibility /rɪ'veɪsəbɪlɪti/ – обратимость
reversibility means that an intervention can essentially be undone without causing changes or alterations to the basic historical fabric. In most cases reversibility is not absolute.

обратимость подразумевает, что при необходимости внесенные изменения можно убрать, не затрагивая историческую часть здания или комплекса. В большинстве случаев обратимость не бывает абсолютной [12; 13; 14].

Предложенная модель двуязычного глоссария была положительно оценена экспертами в ходе работы международного флорентийского семинара «Эффективный международный диалог молодежи через образование, просвещение, науку, культуру, коммуникацию и информацию (к 70-летию ЮНЕСКО, 80-летию Пакта Рериха и 50-летию ИКОМОС)» (В качестве экспертов выступали руководители и координаторы семинара: два профессора Флорентийского университета и два профессора гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.)

Глоссарий может быть полный, краткий, англо-русский, русско-английский и так далее. Размещение в документации двуязычных глоссариев и словарей имеет прецеденты в практике международного сотрудничества, например, они использовались для реализации программы Евросоюза по технической поддержке стран СНГ (TACIS) [3]. Говоря о комплексной двуязычной лексикографической поддержке, подразумеваются не только глоссарии, индексы в рамках выработки собствен-

но документации, но и отраслевые словари на порталах профессиональных сообществ.

Лексикографическая поддержка в условиях заинтересованности на государственном уровне и перед лицом особых угроз в виде военных действий на Ближнем Востоке и других ареалах, массового вандализма по отношению к памятникам культуры будет содействовать интеграции и синергии усилий специалистов и широкого круга заинтересованных лиц по сохранению всемирного и российского культурного наследия в новом тысячелетии. Англо-родной глоссарий выполняет учебную, нормализующую и предписывающую роль в обществе, обеспечивая согласование определенных терминов, идентификацию применения общих ключевых понятий, фиксирование «канонизированных» (прошедших экспертную оценку) переводов, накопление практики применения общепринятой профессиональной терминологии.

Двуязычная лексикографическая поддержка международного сотрудничества в сфере сохранения культурного наследия – реставрации – на современном этапе слабо обеспечена, а потому востребована и, по предложенному примеру глоссария, ждет своего дальнейшего широкого воплощения.

Библиографический список

1. Алешин А.Б. Реставрация станковой масляной живописи. – СПб.: ИД «Художественная школа», 2013. – 224 с.
2. Грабарь И.Э. Для чего надо охранять и собирать сокровища искусства и старины. – М.: Типо-литография Т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1919. – 32 с.
3. Девель Л.А. TACIS – technical assistance to the commonwealth of independent states - Enhancing synergy: Integration of strategies policies of the city of St.Petersburg and the Leningrad Oblast in the context of the Northwest Region of Russia. Dictionary (Проект технической помощи Евросоюза Содружеству независимых государств «Усиление синергии»: интеграция стратегических политик города Санкт-Петербурга и Ленинградской области в контексте Северо-Западного региона России (Словарь). – СПб., 1999 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tacis-synergy.leontief.net/tacis.phtml?Lang=0&Dir=diction> (дата обращения: 20 апреля 2015 г.).
4. Зверев В.В. Реставрация – слово и термин // Художественное наследие. Хранение, исследование, реставрация / Федерал. агентство по культуре и кинематографии. – № 22 (52). – М.: ГОСНИИР, 2005. – С. 19–26 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gosniir.ru/library/artistic-heritage/artistic-heritage-22.aspx> (дата обращения: 15.11.2015).
5. Зверев В.В. О толковании основных терминов в научной реставрации // Art Conservation ма-

стерская: социальный специализированный ресурс информационного содействия в сфере сохранения, консервации и реставрации памятников материальной культуры. – 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://art-con.ru/node/1636> (дата обращения: 15.11.2015).

6. *Кондаков С.Н.* Юбилейный справочник Императорской Академии художеств. 1764–1914. – СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1914. – Ч. 1. – 383 с.

7. Консервация: Сл. статья // Словарь терминов / Российская академия художеств: сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rah.ru/science/glossary/?ID=20550&let=%D0%9A> (дата обращения: 15.11.2015).

8. *Михельсон А.Д.* Объяснительный словарь 30 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней. – М.: б. и., 1861.

9. *Овчинникова Л.И.* Словарь терминов по реставрации произведений монументального искусства / авт.-сост. Л.И. Овчинникова. – Томск: Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2014. – 40 с.

10. Словарь архитектурно-реставрационных терминов / ред. И.А. Игнаткина. – Киев: УСХА, 1990. – 152 с.

11. Сохранение объектов культурного наследия.

Термины и определения. Свод правил (реставрационных правил) / Министерство культуры РФ. – М., 2013.

12. Подходы к сохранению архитектурного наследия двадцатого века. Мадридский документ 2011 / пер. с англ. А. Брновицкой, Т. Эффрусси; науч. ред. Н. Душкиной. – 2-е изд. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://icomos-spb.ru/index.php/component/joomdoc/2011b_.pdf/download (дата обращения: 15.11.2015).

13. Approaches for the conservation of twentieth-century architectural heritage, Madrid document 2011. – 2nd ed. [Electronic resource]. – Режим доступа: <http://icomos-isc20c.org/sitebuildercontent/sitebuilderfiles/madriddocumentenglish.pdf> (дата обращения: 15.11.2015).

14. Cambridge dictionaries online. Cambridge: Cambridge University Press, 2016 [Electronic resource]. – Режим доступа: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/> (дата обращения: 15.11.2015).

15. *Tampone G.* Dizionario generale del restauro problems of the translation // Heritage lexicography as supporting tool for international council for monuments and sites (ICOMOS): Proceedings of the international workshop, Florence, July 21–23, 2014. – Florence; Ivanovo: Ivanovo State University, 2014. – P. 92–95.

ФРАЗЕОЛОГИРОВАННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ. ТЕКСТОВЫЙ АНАЛИЗ

Статья посвящена тексту как лингвистическому объекту и некоторым аспектам его исследования. Основное внимание уделяется анализу взаимодействия текста с входящими в него предложениями и связи предложений в рамках текста. Данный вопрос рассматривается применительно к предложениям фразеологизированной структуры (ФС). Рассматривается взаимодействие ФС с другими предложениями в рамках текста. ФС предназначены для выполнения фатической (контактной) функции в процессе общения. ФС – это реакция на сообщение, поэтому предложения ФС тесно связаны с текстом и с другими предложениями, образующими текст. Проведенный анализ показывает многоплановый и взаимный характер этой связи. Значение и смысл ФС обусловлены содержанием предыдущего предложения и в то же время являются мотивом для продолжения речи, развития или завершения смыслового фрагмента. Анализ функционирования ФС в тексте показывает, что текст отражает семантические и структурно-коммуникативные возможности ФС. С другой стороны, использование в процессе коммуникации ФС связано и с предшествующим, и с последующим предложениями, и поэтому являются важным звеном в построении текста как целостной единицы. Таким образом, текстовый анализ выявляет закономерности включения ФС в коммуникативный процесс.

Ключевые слова: текст, коммуникативная единица, предложение фразеологизированной структуры, взаимодействие предложений.

Текст является объектом внимания разных наук. В работах М.М. Бахтина охарактеризованы многие его признаки, при этом текст понимается широко, как «первичная данность (реальность) и исходная точка любой гуманитарной дисциплины» [1, с. 306]. Естественно, текст активно исследуется в лингвистике, являясь «важнейшим лингвистическим понятием, в котором сходятся основные параметры языка и речи» [2, с. 708].

Интерес к анализу текста тем более сохраняется в современной лингвистике, важным направлением которой является изучение языка как средства общения. Текст – это важный элемент коммуникативной системы, важная коммуникативная единица. Впрочем, в отечественной лингвистике текст традиционно осознавался в его связи с коммуникативной функцией языка. Лингвисты всегда признавали, что «реальным коммуникативным средством общения между людьми является не столько отдельное предложение, сколько значимая их совокупность» [4].

Текст можно изучать в разных направлениях: 1) текст исследуется сам по себе, как результат смысловых интенций с целью определения его внутренней сущности, характеризующих его категорий, особенностей и закономерностей построения, специфики содержательной и коммуникативной организации; 2) рассматривается, как текст взаимодействует с разными типами предложений, с конкретными высказываниями, входящими в него, как взаимодействуют предложения в рамках текста.

В статье мы сконцентрируем внимание на втором направлении. Ставится задача проследить, как функционируют предложения в тексте, как они включаются в текст, взаимодействуют с другими предложениями, как текст влияет на предложения.

Показательно в этом отношении, что О.И. Москальская в книге «Грамматика текста», наряду с такими аспектами его изучения, как «Семантика текста», «Композиция текста», специально выделяет главу «Аранжировка предложений в тексте», в которой рассматривается предложение как единица текста: позиция, роль предложений, компрессия и взаимодействие предложений в рамках текста [3, с. 145–163]. Текст отражает функционально-коммуникативные возможности языковых единиц, а для правильного использования их в речи, в коммуникации необходимо знать логико-смысловые особенности, закономерности построения текста или текстового фрагмента с теми или иными языковыми единицами и синтаксическими построениями.

Следует обратить внимание на то, что характер связи, взаимодействия предложений и текста может быть различен для разных типов предложений. В данном случае имеется в виду противопоставление предложений со свободной синтаксической структурой с одной стороны и предложений фразеологизированной структуры с другой. У структур второго типа связь с текстом более тесная и разносторонняя, она проявляется в разных аспектах. Поднятый в статье вопрос рассмотрим далее применительно к предложениям фразеологизированной структуры (ФС).

Напомним, что такое предложения фразеологизированной структуры. «Это такие построения, в которых связи и отношения компонентов с точки зрения живых грамматических правил оказываются необъяснимыми, в них словоформы связываются идиоматически, а прямые лексические значения компонентов, с которыми связано выражение значения синтаксического фразеологизма, ослаблено» [5, с. 217]. Примеры ФС: *Тожже мне город!*;

Бизнес бизнесу рознь; Уж на что старожилы, и то не помнят такого наводнения!; Вот новость так новость!; Что ни год, то новая станция метро!; Закон есть закон и т. п.

Фразеологизированные предложения служат для выражения различных субъективно-модальных значений. ФС – это синтаксическая единица, и она не воспроизводится полностью, как, например, лексические фразеологизмы, а строится, ср.: *Тоже мне город; Тоже мне праздник; Тоже мне помощь; Тоже мне студент.* ФС в первую очередь характерны для разговорной речи, художественной литературы, а также широко используются в публицистике.

Спецификой ФС является то, что они предназначены для выполнения фатической (контактной) функции. Они используются говорящим не для того, чтобы что-то передать о фактах, событиях реальной действительности, а чтобы выразить свое отношение к содержанию сообщения, к объекту или ситуации реального мира. Другими словами, они используются не для сообщения, а для общения, являются коммуникативными единицами.

ФС – это реакция на сообщение, и без этого сообщения ее употребление, включение в речь нелогично, поэтому говорить одними фразеологизированными предложениями нельзя (или неестественно). Они всегда используются «к чему-то», «в связи с чем-то». ФС тесно связаны с текстом, являясь промежуточным компонентом текста или текстового фрагмента.

Кроме того, ФС, как правило, экспрессивны и эмоциональны, и эта их черта также обуславливает их связь с текстом. Эмоционально-экспрессивная окраска, реакция также не может «повисать», нельзя выражать эмоции без повода, «к ничему», она сопровождает информативное высказывание.

Названные сущностные характеристики ФС обуславливают их взаимодействие с текстом: ФС занимают определенную позицию в тексте, а последний в свою очередь играет важную роль в жизни ФС, в их функционировании.

Роль текста по отношению к ФС гораздо специфичнее, чем по отношению к предложениям свободной структуры, она заключается в том, что смысл, значение ФС раскрывается, реализуется в тексте. Так, ФС одной семантической группы различаются конкретными вариантами общего значения, а также типовым контекстом употребления. Например, ФС (1) *Ай да мастер!* (2) *Всем мастерам мастер!* и (3) *Чем не мастер!*, выражающие оттенки общего значения положительной оценки, используются в разных коммуникативных ситуациях и функционируют в тексте разной смысловой организации и целеустановки: ФС (1) используется как реакция на непосредственное восприятие объекта, ФС (2) употребляется для оценки данного объекта при сравнении с однородными, подобными, а ФС (3) характерна для ситуации убеждения

собеседника относительно положительных качеств объекта с целью повлиять на его мнение.

По-разному организуется смысловое окружение для структур, выражающих отрицание: (1) *А что мне праздник!;* (2) *До праздника ли мне!;* (3) *Мне праздник не в праздник!* Ср.: (1) – *Ты уже решила, где будешь проводить праздник? – А что мне праздник! Я вообще не люблю праздники. В такие дни предпочитаю уехать за город и там побыть в тишине;* (2) – *Ты поедешь куда-нибудь в праздник? – Ты знаешь, у меня скоро защита диплома, надо еще кое-что исправить, дописать. До праздника ли мне. Придется сидеть в праздник за письменным столом;* (3) – *Ты почему такая невеселая? Скоро праздник! – Ты знаешь, Коля заболел, у него температура высокая, боюсь, как бы не воспаление легких. Так что мне праздник не в праздник!*

Текст играет важную уточняющую роль для понимания семантически неоднозначных фразеологизированных структур. Таковы, например, структуры недифференцированной оценки. Предложения модели **вот так + сущ./глагол**. (*Вот так спортсмен!; Вот так сестра!; Вот так решение*) не могут быть однозначно поняты вне связи с соседними предложениями, так как они предназначены в языке для выражения как положительной оценки, так и негативной, сопровождаемой осуждением. Понять характер оценки помогает сопряжение смыслов окружающих предложений. Ср.: *Какое прекрасное выступление! Вот так спортсмен! Молодец! – Слабое выступление. Ни одного сложного элемента. Вот так спортсмен! Очень слабая подготовка.*

Некоторые ФС многозначны и без текста допускают неоднозначное прочтение. Так, высказывание **инф. + так + инф.** (*Работать так работать; Ехать так ехать; Отдыхать так отдыхать*) может быть понято и как согласие, и как призыв, побуждение качественно выполнить работу, и как побуждение к началу действия. Чтобы использовать предложение в нужном значении, говорящий включает его в определенный фразовый комплекс, т. е. выстраивает соответствующую цепь взаимосвязанных предложений. Ср. текстовое использование высказывания *Отдыхать так отдыхать*: (1) *Ты предлагаешь закончить работу, я не возражаю. Отдыхать так отдыхать. Я тоже устала;* (2) *Не утруждайте себя покупкой продуктов, хлопотами на кухне в праздничный день. Отдыхать так отдыхать! Приходите в наш ресторан. Мы позаботимся, чтобы вы прекрасно провели время (из рекламы).*

Таким образом, именно текст актуализирует значение ФС или одно из значений многозначного фразеологизма, поэтому в данном случае можно говорить о **текстовой зависимости** фразеологизированных структур.

Текст может поддерживать значение ФС, усиливать его. После ФС **чтобы + кто + глаг.** со значе-

нием невозможности, как правило, употребляется какая-либо конструкция, лексически подчеркивающая это значение, и без нее фразеологизированное предложение звучит неестественно: *Чтобы он когда опоздал! Это исключено (Такого не бывает / Ни за что / Я такого не помню)*. Здесь также можно говорить о текстовой зависимости ФС.

В то же время семантика ФС такова, что они предназначены быть частью текста, его смысловым звеном. Их смысл вытекает из содержания предыдущей реплики и в то же время является мотивом для продолжения речи, развития или завершения смыслового фрагмента. Так, высказывание *Добро бы фильм был содержательный, а то очередной детектив!* – это рассуждение говорящего, выражающего неприятие по поводу информации, содержащейся в предшествующей части текста, сопровождаемое чувством удивления, недоумения. За этим высказыванием может следовать дальнейшее рассуждение, например: *Зачем Миша второй раз идет на этот фильм! Добро бы фильм был содержательный, а то очередной детектив. Лучшие бы книжку хорошую почитал или на велосипеде покатался*. Ср. также предложения ФС: *Нет бы тебе заранее купить билет!*; *Не сидеть же без дела!*; *Уж на что Лариса, и то решила пойти в этот поход*, смысл и цель использования которых без соответствующего контекста трудно понять. В таких случаях можно говорить не только о текстовой зависимости ФС, но и об их **текстообразующей роли**.

Следует подчеркнуть, что предложения ФС обладают структурной и семантической завершенностью, многие из них обладают семантической емкостью. Их семантика многокомпонентна, причем часть смысловых компонентов находится как бы за гранью типового значения структуры. Так, предложение *Хоть уходи с работы* типового значения ‘целесообразное действие’ содержит также указание на сложившуюся неблагоприятную для говорящего ситуацию и поэтому нередко является лишь способом поделиться с собеседником своими переживаниями, выговориться. Это и другие высказывания данной модели содержат больше информации, чем выражено. Слушая такое высказывание, можно понять больше, чем услышал. Они сами как бы являются своего рода текстом.

Структурная завершенность и семантическая емкость ФС обуславливают широкое использование рассматриваемых структур в публицистике в качестве заголовков статей, рекламных формулировок и надписей к фотоснимкам: такие высказывания четко информируют читателя о содержании предлагаемой публикации, а эмоциональность и экспрессивность такого заголовка или формулировки позволяют автору выразить свою позицию, а также привлечь внимание читателя, вызвать у него интерес к данному материалу. Следовательно, использование ФС в публицистике

способствует реализации ее специфической функции – информативной и воздействующей. Приведем примеры газетных заголовков, а также подписей к фотоснимкам: *Всем сезонам сезон!*; *Летать так летать!*; *Ох уж эта эстрада!*; *Двойка двойке рознь!*; *Старожилка из старожилок М. Спирина с внучкой; Вот это рыбина!*

Интенционный компонент, входящий в семантическую характеристику ФС, расширяет возможности их коммуникативного использования. Например, предложения, реализующие ФС *мало ли почему / где / кто / ... + ...* могут использоваться в разных ситуациях общения:

1) для выражения несогласия, отрицания: *Почему ты думаешь, что она заболела, если не пришла на семинар. Мало ли почему она не пришла! Может быть, проспала, а может, не подготовилась и решила не идти;*

2) для аргументации действия: *Возьму теплый свитер. Мало ли какая будет погода;*

3) при указании на неактуальность, малозначительность чего-либо: *Мало ли кто мне пишет. Я не могу отвечать на все письма.*

В заключение приведем газетный анекдот, где юмористический эффект создается за счет нарушения правильного сочетания смысловых компонентов текста, включающего ФС: – *Слушай, Хасан, говорят, тебя избили на станции!* – *Фи, тоже мне станция, платформочка какая-то!*

Таким образом, проведенный анализ показывает тесную связь ФС и текста, многоплановость и взаимность этой связи. Текст отражает семантические и структурно-коммуникативные возможности ФС. В то же время использование в процессе коммуникации ФС влияет на построение коммуникативного текста, определяет его смысловую структуру, так как ФС, будучи связаны и с предшествующим, и с последующим предложениями, являются важным звеном в построении текста как целостной единицы. Текстовый анализ выявляет закономерности включения ФС в коммуникативный процесс.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Проблема текста // М.М. Бахтин. Собр. соч. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х гг. – М.: Русские словари, 1997. – 731 с.
2. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 840 с.
3. Москальская О.И. Грамматика текста. – М.: Высшая школа, 1981. – 184 с.
4. Николаева Т.М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспектива // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Изд. иностр. лит., 1978. – Вып. 8. – С. 3–43.
5. Русская грамматика: в 2 т. Т. 2. – М.: Наука, 1980. – 710 с.

Звягинцева Александра Витальевна

кандидат филологических наук
Московский педагогический государственный университет
sashulik82@list.ru

ИНТОНАЦИЯ КАК МАРКЕР АССОЦИАТИВНЫХ СВЯЗЕЙ СЛОВ ИНФОРМАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ ТЕКСТА (парадигматический и синтагматический план)

Статья посвящена вопросам изучения содержательной структуры звучащего текста с привлечением факторов из смежных с лингвистикой наук, главным образом из психолингвистики, когнитивной психологии, когнитивной лингвистики. В статье рассматривается интонационное оформление высказывания и выявляется роль интонации в объективации оперируемых сознанием единиц понятийного пространства, которые формируют структурно-содержательный план текста. Тематические поля будущего сообщения строятся на ассоциативных отношениях лексических единиц. Элементы ассоциативных полей находятся в отношениях иерархии. В процессе устного воспроизведения текста данный тип отношений между элементами ассоциативного поля на парадигматической и синтагматической оси высказывания выявляется при помощи интонационной категории выделенности. Исследование интонации представляется весьма важным для анализа содержательной стороны текста. Содержание текста есть отображение реальной ситуации, определенного отрезка действительности. Интонация в этом случае передает в совокупности с другими языковыми средствами некоторые стороны этого содержания. В статье рассматриваются факторы как лингвистического, так и когнитивного порядка, обуславливающие интонационное оформление всего текста, и делается вывод о том, что интонация способна актуализировать иерархичность ментального пространства, то есть отражать характер взаимосвязи между единицами на понятийном уровне.

Ключевые слова: текст, интонация, категория выделенности, ассоциативное поле слова, парадигматические/синтагматические отношения.

Одной из актуальных задач лингвистики является исследование текста с точки зрения заключенной в нем информации. Текст представляет собой продукт речемыслительной деятельности индивида. Человек является носителем определённой системы знаний, в связи с чем анализ содержательного плана высказывания предполагает учёт особенностей когнитивных процессов порождения и восприятия сообщения.

Информация, которой владеет человек, хранится систематизировано, иерархически, что было выявлено экспериментально в рамках таких направлений, как психолингвистика и когнитивная психология (см. работы А.А. Залевской, Ю.Н. Караулова, Р. Солсо и др.). Для хранения информации мозг использует паттерны (образцы, шаблоны) и ассоциации, которые лежат в основе фиксации связи между предметами и явлениями окружающего мира, и в этом смысле ассоциации – это психическая реальность, и их исследование столь же важно, как и исследование других реальностей [4, с. 55]. Данная связь основана на прошлом опыте человека и, в конечном счете, с большей или меньшей степенью точности воспроизводит объективно существующую зависимость между явлениями реального мира. При определенных условиях оживление одного представления или понятия сопровождается оживлением других, соотносящихся с ним. Согласно А.Р. Лурии, слово рождает не только указание на определенный предмет, но неизбежно приводит к всплыванию ряда дополнительных связей ассоциативного характера [6, с. 40]. Таким образом, каждое слово актуализирует определенное ассоциативное поле, которое фиксирует всё разнообразие его лингвистических и экс-

тралингвистических параметров [3, с. 106]. Ассоциативные поля представляют собой особые типы полей, исследуемых в рамках психолингвистики и психологии, для которых характерно объединение вокруг слова-стимула определённых групп слов-ассоциатов [9, с. 381].

В ходе многочисленных исследований ассоциативных полей учеными было отмечено наличие как индивидуального ассоциативного поля, так и коллективного. Коллективное ассоциативное поле обычно интерпретируется как ассоциативная норма. Как отмечает Ю.Н. Караулов, «при всей причудливости, нестандартности индивидуальных ассоциаций некоторая их часть оказывается общей для всех носителей языка и может быть выделена в качестве статистически обоснованной ассоциативной нормы» [5, с. 163]. Ассоциативные поля определяются «коллективным сознанием» нации, что делает их достаточно стабильными и приводит к регулярному повторению лексических связей между словами.

Элементы ассоциативного поля, находясь между собой в иерархических отношениях, участвуют в построении содержательно-структурного плана текста. В процессе устного воспроизведения высказывания данная система соподчинения выявляется на интонационном уровне сообщения посредством категории выделенности, под которой понимается способность элементов высказывания обладать разной степенью акцентуации [7, с. 290]. Категория выделенности существует в сознании каждого индивида как специфический для данного языка набор просодических средств. На уровне порождения высказывания основными просодическими средствами, с помощью которых реализует-

ся категория выделенности, являются ЧОТ (частота основного тона), интенсивность и длительность. На уровне восприятия их коррелятами являются высота тона, громкость и темп. Именно этот комплекс просодических единиц используется говорящим и воспринимается слушающим как выделяющий наиболее важные элементы в речи.

Для создания выделенности необязательно участие всех интонационных характеристик. Средством реализации категории выделенности может служить усиление хотя бы одного из этих компонентов. С точки зрения восприятия речи все указанные признаки представляются в равной степени удобными для опознания выделенного элемента: можно говорить о частотной, долготной и силовой выделенности. Если выделение осуществляется всеми тремя компонентами, то выделенный элемент выделен абсолютно, если компонент выделен по двум признакам, то он выделен относительно, если по одному, то он выделен минимально. С одной стороны, совокупность разномаркированных элементов даёт возможность установить, как соотносятся выделяемые компоненты по степени важности в сознании говорящего. С другой стороны, с помощью интонационно выделенных компонентов слушающий имеет возможность адекватно декодировать сообщение говорящего.

Единицы ассоциативного поля формируют тематическую иерархию текста. Можно предположить, что, создавая текст, автор производит селекцию лексических единиц, учитывая именно ассоциативные связи, в которые могут вступать О слова, являющиеся, в свою очередь, элементами определенного понятийного пространства. При поиске темы ассоциации идут свободным потоком, превращаются в ключевые слова, намечаются первые взаимосвязи.

На базе основного слова в ассоциациях раскрывается тема, история. Ассоциативное поле слова выступает как уровень формирования опорной схемы порождения, а затем и понимания текста, когда в сознании определённым образом начинает структурироваться разнообразная информация. Рассмотрим следующий пример: понятие *flower* вызывает такие ассоциации, как *garden, rose, child, summer, beauty* и др. В свою очередь, понятие *child* активирует такие лексические единицы, как *small, boy*, понятие *rose – fresh, pick* и т. д. [10]. Из примера видно, что элементы некоторого ассоциативного поля имеют тенденцию распространяться по сети. Пределы распространения сети зависят от силы связи между первоначально активируемым элементом и другими элементами.

При построении информационной структуры текста лексические единицы могут представлять собой как однословные, так и многословные группы: *beautiful garden, small garden, summer afternoon,*

small boy, big bunch, pick roses, bunch of beautiful roses, hand, roses и т. д.:

Mrs. Williams loved flowers and had a small but beautiful garden. In the summer, her roses were always the best in her street. One summer afternoon her bell rang, and when she went to the front door, she saw a small boy outside. He was about seven years old, and was holding a big bunch of beautiful roses in his hand.

“I am selling roses,” he said. “Do you want any? They are quite cheap. One shilling for a big bunch. They are fresh. I picked them this afternoon.”

“My boy,” Mrs. Williams answered, “I pick roses whenever I want, and don’t pay anything for them, because I have lots in my garden.”

“Oh, no, you haven’t,” said the small boy. “There aren’t any roses in your garden – because they are here in my hand!” [11, с. 12].

Наряду с лексическими единицами, представленными, в частности, в «The Edinburgh Associative Thesaurus» [10], в тексте имеются такие единицы, которые привносятся автором согласно замыслу сообщения (*big, sell, pick, love, cheap* и др.). При этом не отмечается неверное понимание основной идеи сообщения, поскольку даже при наложении лексиконов разных индивидов обнаруживается общее понятийное ядро, инвариант, который делает общение возможным.

Лексическая структура текста, равно как и ассоциативное поле, организуется по сетевому принципу, где учитываются связи лексических единиц как «по горизонтали» (синтагматический план), так и «по вертикали» (парадигматический план) [3, с. 173]. Синтагматические связи представляют собой синтаксические закономерности, формирующие словосочетания как в языке в его имманентном состоянии, так и в речи. Синтагматический план текста объединяет слова по их семантической сочетаемости: «субъект-предикат», «субъект-предикат-объект», «субъект-атрибут»: *flowers – to sell, bell – to ring; she – to go – the front door, she – to see – boy; boy – small, bunch – big, rose – beautiful* и т. д. Элементы ассоциативного поля некоторого понятия, которыми оперирует сознание автора, с уровня идеального (абстрактного) переходят на уровень физического порядка, когда в процессе текстопорождения компоненты поля группируются в определённые лексические единицы и в дальнейшем формируют содержательный план текста. Таким образом, при порождении текста его лексическая структура определяется как вербальная сеть авторских стимулов и реакций, что позволяет выделить непосредственные и опосредованные отношения лексических единиц к заданному понятию, которое, в свою очередь, представляет собой тему высказывания.

В парадигматическом плане между лексическими единицами выявляются связи антонимического, синонимического и гипонимического (родо-ви-

дового) характера: big – small, say – answer, flower (род) – rose (вид) и др.

Как видно из приведенного примера, виды отношений между элементами ассоциативного поля слова также находят своё отражение на уровне текста. Ассоциативные поля парадигматического типа объединяют лексические элементы текста «по вертикали» на основе их способности выражать смысловые признаки определённых элементов действительности и формировать их образ в сознании читателя и слушающего. Общая программа текста построена иерархически: в её формировании участвуют как поля определённых понятий, так и микрополя, выделяемые в структуре общего поля. Таким образом, согласно Н.С. Болотновой, в тексте можно выделить ассоциативно-смысловые поля разных рангов. В рамках коммуникативной стилистики текста было установлено, что текстовая парадигматика и синтагматика обусловлены лингвистическими и экстралингвистическими факторами и определяются не только известными коммуникантам законами лексической и грамматической сочетаемости слов, их взаимосвязанности и обусловленности, но и знаниями законов реального мира, моделируемого в тексте в зависимости от интенции автора [2, с. 105].

Значимость ассоциативных связей слов в тексте велика. Элементы ассоциативного поля находятся в отношениях соподчинения, что оказывает определённое влияние на степень важности каждого элемента поля в передаче глубинного смысла сообщения. Для анализа способности интонации служить средством передачи иерархических отношений между лексическими единицами высказывания аудиторам были предложены тексты разговорного стиля. Тексты были озвучены носителями южно-английского стандарта RP (Received Pronunciation), принадлежащими к средней возрастной группе (8 дикторов: 3 женщины, 5 мужчин). Тексты для анализа были взяты из «Advanced Stories for Reproduction» by L.A. Hill [12]. Двум преподавателям, владеющим опытом аудирования, было предложено прослушать тексты и провести интонационный анализ. В ходе анализа аудиторы определили три степени маркированности лексических единиц высказывания по возрастающей шкале I–III (от минимальной до максимальной). I степень выделенности относится к тем элементам текста, которые обладают «ровным» просодическим рисунком, где не отмечается изменение просодических параметров (замедление темпа, повышение громкости и т. д.) [1, с. 54]. На их фоне можно выявить лексические единицы, маркированные большей степенью выделенности – II или III. Комплекс градации степеней выделенности условно можно поделить на две полярные группы: I степень выделенности – II / III степень выделенности. Во многом эффект выделенности до-

стигается благодаря комплексному участию всех просодических средств. При этом действие одного фактора часто предполагает присутствие другого. В следующем примере на фоне «ровной» акцентуации слов отмечены лексические единицы, маркированные большей степенью выделенности:

Mr. Hall was a rich businessman (I) and lived in a big house (III) beside a beautiful river (II).

Now, this river (I) usually froze over (I) in winter, and one year it did this very early, so that by Christmas time (I) it was covered with really thick ice (III). One could walk across it easily, and some brave people had even crossed it in motor-cars with chains on the wheels.

The sight of this ice (I) gave Mr. Hall an idea. He decided to have a big Christmas party (III) on the ice (I). He would have all the furniture (I) and carpets (I) in his living-room (I) carried out on to the ice (I), he would have pretty coloured lights (III) hung all around and they would have a wonderful party (II). So he sent out invitations (I) to all his important friends (I) and on Christmas day (I) they all began to arrive at his house (I) and then go down on to the ice (I)... [12, с. 38].

В приведённом речевом отрезке у всех дикторов отмечается большая или меньшая степень выделенности лексических единиц текста. В силу ассоциативного потенциала слова можно сказать, что лексические единицы текста тематически и ассоциативно связаны с определёнными понятиями и являются средствами экспликации их «природы». В частности, в приведённом примере такими единицами являются понятия Christmas (time), rich businessman. Итак, указанные понятия рожают вокруг себя ассоциативный комплекс, в который наряду с сильно маркированными лексическими единицами текста входят лексические единицы, имеющие меньшую (I) степень выделенности. Схематически взаимосвязь между элементами ассоциативного поля можно представить следующим образом (в скобках указана степень выделенности):

1. Christmas (time) – (big, wonderful) party (II, III) – friends (I), Invitations (I) – pretty coloured lights (III) – winter (I) – ice (I) – really thick ice (I).

2. Rich businessman – big house (II) – living-room (I) – furniture (I), carpets (I) и т. д.

Как видно из примеров, элементы ассоциативного поля находятся в иерархических отношениях между собой. Многословные лексические единицы, относящиеся к заданному понятию непосредственно, маркированы большей степенью выделенности по сравнению с лексическими единицами, находящимися в опосредованных отношениях с центром ассоциативного поля. Однословные единицы маркированы I степенью выделенности, то есть обладают «ровным» по сравнению с ближайшим окружением просодическим рисунком (например, не отмечается замедление темпа речи

и повышение громкости). Очевидно, отсутствие бóльшей выделенности у таких лексических единиц соотносится с избыточностью информации, вносимой ими в общий план содержания высказывания. Наличие избыточной части в сообщении, согласно Н.Б. Цибуле, является необходимым условием для восприятия нового [8, с. 236]. В связи с этим говорящий прибегает к экономии языковых усилий и не маркирует данные лексические единицы текста бóльшей степенью выделенности.

В целом, анализ существующих связей в высказывании ясно показывает, что любой текст в лингвистическом понимании этого термина представляет собой сложное вербальное образование. Это образование является структурой с внутренней организацией, элементы которой значимы не только сами по себе, но и в своих отношениях с другими элементами, в том числе и элементами внетекстовыми, с внеязыковой действительностью, с ситуацией.

Учитывая все вышеизложенное, представляется оправданным сделать следующие выводы:

1. Понятие, избранное автором в качестве темы, рождает вокруг себя некоторое ментальное поле, элементы которого являются строительным материалом при продуцировании содержания.

2. Ввиду особенностей когнитивной деятельности человека между элементами активируемого понятийного поля отмечаются связи ассоциативного и иерархического порядка.

3. Элементы ассоциативных полей, находясь в отношениях иерархии, в процессе устной реализации сообщения получают разное интонационное оформление, что может быть описано посредством интонационной категории выделенности.

4. Информационная структура текста реализуется на его синтагматической и парадигматической оси. В процессе устного производства сообщения такое единство синтагматики и парадигматики обнаруживается посредством интонационной категории выделенности.

Взгляд на звучащий текст сквозь призму когнитивных исследований позволяет по-новому осмыслить закономерности интонационного оформления высказывания, а также рассмотреть тесную взаимосвязь между внутренними, глубинными про-

цессами категоризации воспринимаемой действительности и способами её реализации в процессе речевой деятельности.

Библиографический список

1. Анашкина И.А. *Верещагина Л.В., Комиссарова Н.Г.* Роль просодии и ключевых слов в создании информационной структуры текста. – Саранск: Мордов. гос. ун-т им. Н.П. Огарева, 2005. – 103 с.

2. Болотнова Н.С. Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте. – Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 1994. – 212 с.

3. Болотнова Н.С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. – Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 1992. – 312 с.

4. Залевская А.А. Индивидуальное знание. Специфика и принципы функционирования. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1992. – 136 с.

5. Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. – М.: Наука, 1981. – 367 с.

6. Лурия А.Р. Язык и сознание. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 320 с.

7. Тихонова Р.М. Просодический код как основа понимания речи // Лингвистика и лингвистическое образование в современном мире: материалы междунар. конф., посвящённой 100-летию со дня рождения проф. В.Д. Аракина. – М.: ГНО Изд-во «Прометей» МПГУ, 2004. – С. 290–292.

8. Цибуля Н.Б. Соотношение семантической и просодически выделенной семантической информации в тексте (на материале английской сценической речи) // Науч. труды МГПИИЯ им. Мориса Тореза. – М., 1982. – Вып. 196. – С. 235–250.

9. Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 683 с.

10. The Edinburgh Associative Thesaurus (EAT). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eat.rl.ac.uk>.

11. Hill L.A. Elementary Stories for Reproduction. – Oxford University Press, 1996. – 55 с.

12. Hill L.A. Advanced Stories for Reproduction. – Oxford University Press, 1996. – 62 с.

ВЛИЯНИЕ ОБЪЁМА ВЫБОРКИ ТЕКСТА НА РЕЗУЛЬТАТ ВЫЧИСЛЕНИЯ ЕГО ОСНОВНОГО СЛОГА-АКЦЕНТНОГО ОБЕРРИТМА

В статье обсуждаются возможные направления, в рамках которых удаётся декодировать суггестивный потенциал языковой модели. Ритм художественного произведения рассматривается как инструмент анализа суггестивного потенциала текста. Исследуется иерархия ритмических единиц анализа в прозаическом тексте проводится экспериментальное определение минимального объёма текста, необходимого для анализа среднеквадратичного отклонения прозаического произведения. Слово-акцентный оберритм прозы создается путем чередования ударных и безударных слогов внутри ритмической группы. Используются два подхода к анализу отрывка – на уровне предложения и на уровне текста. Анализ прозаических отрывков на уровнях предложения и текста проводится при помощи компьютерной программы «ПУЛЬС». Отмечается важность учета среднеарифметического показателя всех безударных слогов при анализе ритмической структуры текста. Выявляется зависимость погрешности показателя среднеквадратичного отклонения от объёма выборки прозаического текста. По результатам расчетов при объёме прозаического текста около 70–80 предложений погрешность вычисления показателя Q при анализе отрывка на уровнях предложения и текста является незначительной и составляет около 1%. Результаты исследования послужат основой для дальнейшей работы по определению особенностей слога-акцентного оберритма текстов разных жанров, которые следует учитывать при создании прозаического текста для улучшения качества его восприятия и понимания.

Ключевые слова: слога-акцентный оберритм, анализ среднеквадратичного отклонения прозы, ритмическая структура прозы, единицы анализа, декодирование, суггестивный потенциал, автоматизированный анализ текстов, объём выборки текста.

Среди наиболее перспективных подходов к декодированию суггестивного потенциала вербальной модели отметим шесть направлений, выделенных Т.М. Рогожниковой и её учениками: изучение ритмической активности мозга при предъявлении вербальных стимулов, изучение ассоциативной цветности и потенциала звукоцвета, использование возможных аналогий с моделями квантовой физики, изучение языковых явлений в контексте разных модальностей восприятия, ранжирование эмоционально-оценочных признаков, а также анализ ритмической организации текста [6; 7]. Данная статья посвящена изучению последнего направления, которое наряду с исследованием целого ряда проблем включает в себя и определение оптимального объёма выборки при исследовании ритмической структуры прозаического текста.

Суггестивная роль ритма заключается в бессознательной запоминаемости образа текста, рецепторной и двигательной нацеленности реципиента на текст, желании его имитации [10]. С помощью методов лингвистической статистики современные лингвисты могут исследовать прозаический ритм с математической точностью. Лингвостатистика – раздел лингвистики, занимающийся изучением языка количественными методами [5, с. 49].

Современные методы исследования в лингвистике и психолингвистике сопоставимы по своей точности и объективности результатов с естественными науками. Точность описания прозаического ритма обеспечивается путём применения формул для математических вычислений. Одна из первых формул для анализа ритма текста была предложена К. Марбе в 1904 г., потом усовершенствована сна-

чала Г. Карагановым, а затем Г.Н. Ивановой-Лукьяновой [2]

$$q = \sqrt{\frac{\sum (x_i - x_{cp})^2}{n}}, \quad (1)$$

где q – среднеквадратичное отклонение; x_i – количество безударных слогов между соседними ударными; $x_{cp} = x_{\text{безуд}} / x_{\text{сум}}$ – среднее арифметическое всех безударных слогов; $(x_i - x_{cp})^2$ – отклонение выборочной частоты от средней; $\sum (x_i - x_{cp})^2$ – сумма квадратов всех отклонений; n – число выборок, т. е. число междударных интервалов.

Данная формула применяется для вычисления слога-акцентной характеристики (основного «слога-акцентного оберритма») прозаического текста, создаваемой повторением ударных слогов и определяющей ритмическую группу – минимальную единицу ритма – с точки зрения словесных ударений, то есть равномерности распределения в ней ударных и безударных слогов [3, с. 142].

Приступая к анализу текста, перед исследователем возникает вопрос об объёме исследуемого отрывка, особенно в случаях, когда необходимо проанализировать объёмное прозаическое произведение – роман или повесть. Для характеристики ритма всего произведения необходимо обеспечить определённую величину выборки. Маленькое число выборок даёт большую погрешность при анализе, для обработки большого числа выборок требуются значительные временные ресурсы.

Проводя вычисления среднеквадратичного отклонения, можно использовать следующие подходы к анализу разных языковых единиц: на уровне слова, предложения и текста [3, с. 142]. Данное исследование посвящено экспериментальному вы-

явлению минимального объёма текста, необходимого для анализа среднеквадратичного отклонения прозаического произведения, применяя два подхода к анализу отрывка – на уровне предложения и текста.

1. Минимальный объём отрывка текста при анализе среднеквадратичного отклонения на уровне предложения.

В монографии И.А. Афоной [1] представлен сопоставительный анализ отрывков оригинального французского текста из новеллы П. Мериме «Кармен» и трёх её переводов на русский язык: М. Лозинского, О. Моисеенко и Г. Рачинского с точки зрения адекватности передачи слога-акцентного обертонитета в предложениях перевода [3, с. 143].

Ссылаясь на закон больших чисел, который гласит, что при увеличении числа отдельных выборок происходит взаимное погашение индивидуальных отклонений от некоторого уровня, характерного для всей совокупности в целом [9, с. 88], И.А. Афоной пришла к выводу, что при числе выборок, равном 100 наблюдениям, средние значения q изменяются незначительно. Поэтому для своего анализа она выбрала именно 100 предложений из разных частей исследуемого текста [3, с. 143]. Большинство отобранных для анализа предложений носят описательный характер и содержат монологическую речь. Отрывки с диалогической речью анализу не подвергались. Проведя расчеты по формуле (1), получаем результаты расчетов среднеквадратичного отклонения каждого из анализируемых предложений в отдельности, а затем высчитываем среднеарифметический показатель $Q_{\text{текста } l}$ для всего отрывка, анализируя текст на уровне предложения с помощью следующей формулы:

$$Q_{\text{текста } l} = \frac{\sum_{i=1}^N q_i}{N}, \tag{2}$$

где N – количество предложений, q – среднеквадратичное отклонение предложения.

Для анализа отрывков текстов в данном исследовании использовалась компьютерная программа «ПУЛЬС», разработанная коллективом авторов (Т.М. Рогожникова, Л.В. Кишалова, А.Е. Кишалов) [8] на базе Framework САМСТО [4].

Для выявления минимального объёма текста, необходимого для анализа на уровне предложения, проведены расчёты среднеквадратичного отклонения в трёх отрывках: одного из новеллы «Кармен» П. Мериме в переводе М. Лозинского (вслед за И.А. Афоной в объёме 100 предложений) – текст 1, и двух – из романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» из разных частей романа (150 предложений романа – текст 2 и 120 – текст 3). При анализе предложений из романа М. Булгакова производилась сплошная выборка предложений, то есть анализировались также диалоги. При таком подходе не нарушается целостность текста, поэтому и результаты исследования являются более объективными.

Методика анализа текста на уровне предложения выглядит следующим образом. Первый анализируемый объём выборки текста состоит из одного предложения – № 1, и его $Q_{\text{текста } l}$ совпадает с q первого предложения. Второй анализируемый объём выборки – это текст, состоящий из двух предложений, следующих в тексте одно за другим (№ 1 и № 2), и его $Q_{\text{текста } l}$ – это среднеарифметический показатель q первого и второго предложений. Последую-

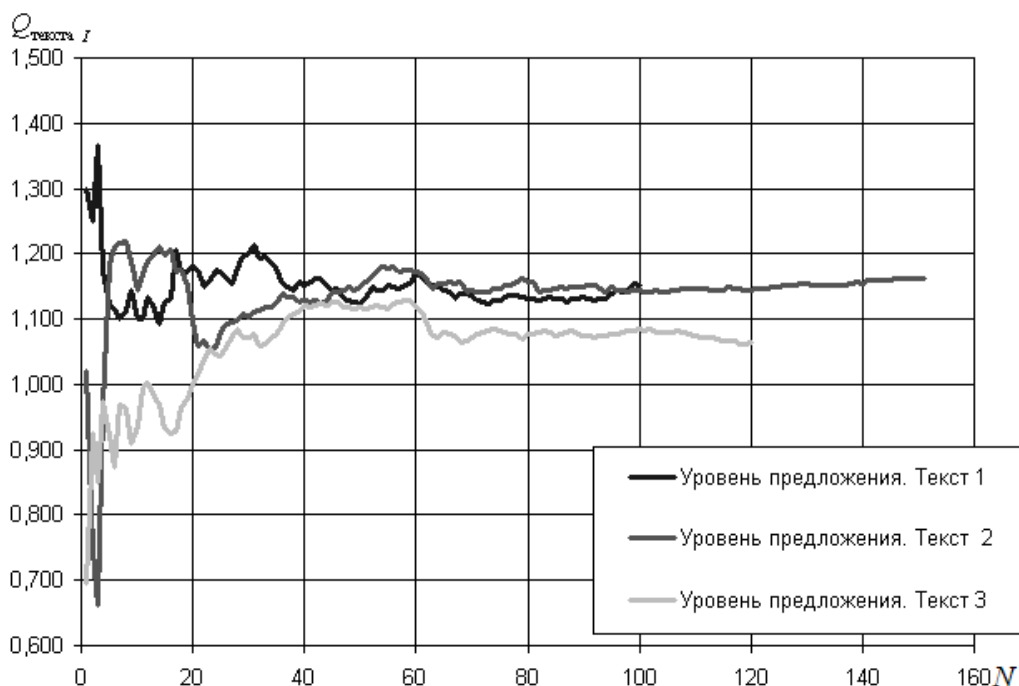

Рисунок 1. Сводный график изменение $Q_{\text{текста } l}$ объёмов выборок текстов N , анализируемых на уровне предложений

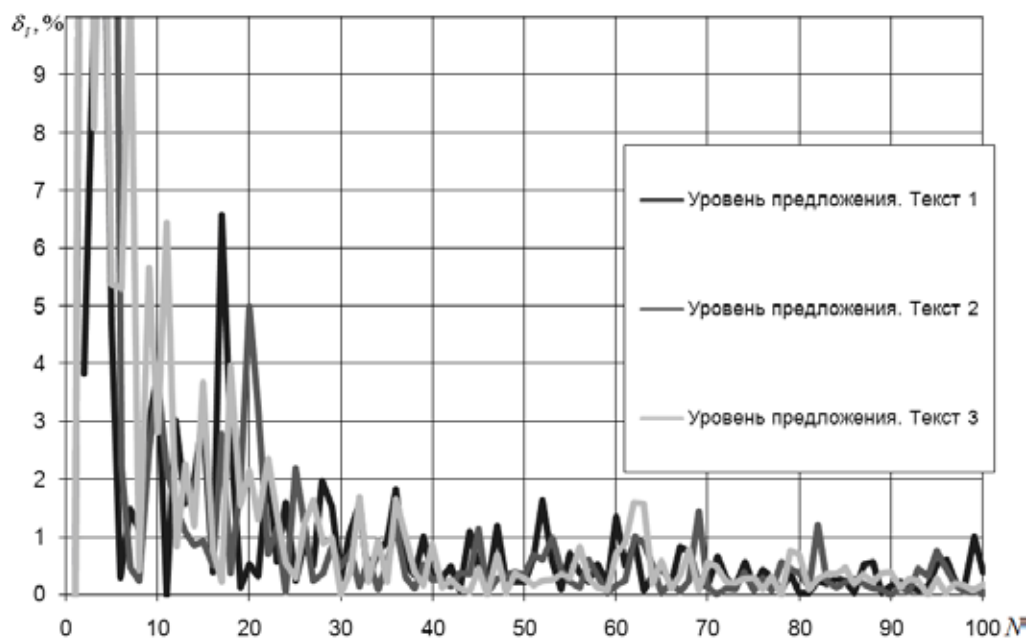

Рисунок 2. Сводный график относительного изменения $Q_{\text{текста } I}$ анализируемых на уровне предложения

щие анализируемые объёмы текста обрабатываются аналогичным образом. Следовательно, при увеличении объёма выборки текста на одно предложение и вычислении среднеарифметического показателя $Q_{\text{текста } I}$ можно проследить, как меняется среднеквадратичное отклонение отрывка текста в зависимости от увеличения его объёма. Результаты изменений $Q_{\text{текста } I}$ проанализированных объёмов текстов на уровне предложений в зависимости от увеличения объёма отрывка представлены на рисунке 1. На графике видны сильные скачки в показаниях $Q_{\text{текста } I}$ в маленьких по объёму выборках анализируемых текстов и стабильность этих показаний в выборках текстов объёмом N порядка 70–80 предложений и больше. Что свидетельствует о достаточности объёма выборки (при добавлении последующих предложений $Q_{\text{текста } I}$ существенно не изменяется).

Относительное изменение среднеарифметического отклонения δ в процентном отношении рассчитывается по формуле

$$\delta = \frac{Q_{\text{текста } (N-1)} - Q_{\text{текста } N}}{Q_{\text{текста } (N-1)}} \cdot 100 \%, \quad (3)$$

где $Q_{\text{текста } N}$ – значение среднеарифметического показателя для анализируемого объёма выборки текста N , $Q_{\text{текста } (N-1)}$ – значение среднеарифметического показателя для предыдущего анализируемого объёма выборки текста $(N-1)$.

Из сводного графика (рис. 2) относительного изменения $Q_{\text{текста } I}$ видно, что изменение $Q_{\text{текста } I}$ при расчётах велико при анализе отрывков текста, состоящих из наименьшего количества предложений, и практически равно нулю, когда объём отрывков достигает 40 предложений.

Проведённое исследование показало, что при анализе среднеквадратичного отклонения текста

на уровне составляющих его предложений минимальный объём отрывка текста должен составлять 70–80 предложений. Анализ более крупных отрывков текста не даст значительных изменений в результатах расчёта $Q_{\text{текста } I}$. При добавлении одного предложения после 80 $Q_{\text{текста } I}$ изменяется не более, чем на 0,2%.

2. Минимальный объём отрывка текста при использовании подхода к анализу среднеквадратичного отклонения на уровне текста.

Аналогичным образом проанализированы те же самые отрывки текста при изучении основного слога-акцентного оберритма на уровне текста. При анализе прозаического отрывка на уровне текста $Q_{\text{текста } II}$ не является среднеарифметическим показателем q предложений, его составляющих. Текст рассматривается как единый отрывок, состоящий из междударных интервалов, часть из которых находится на стыке соседних предложений. Формула расчёта $Q_{\text{текста } II}$ совпадает с формулой (1).

$Q_{\text{текста } II}$ первого объёма выборки так же, как и при анализе на уровне предложения, совпадает с q предложения № 1. Второй объём выборки – это текст, состоящий из двух последовательных предложений (№ 1 и № 2), которые анализируются по формуле (1) совместно. Последующие объёмы выборки текста анализируются аналогичным образом. При увеличении объёма выборки текста на одно предложение и вычислении среднеарифметического показателя $Q_{\text{текста } II}$ можно проследить, как меняется среднеквадратичное отклонение отрывка текста в зависимости от увеличения его объёма.

Результаты изменения среднеквадратичного отклонения на уровне текста $Q_{\text{текста } II}$ вычисленного для текстов с различным количеством предложений представлены на рисунке 3.

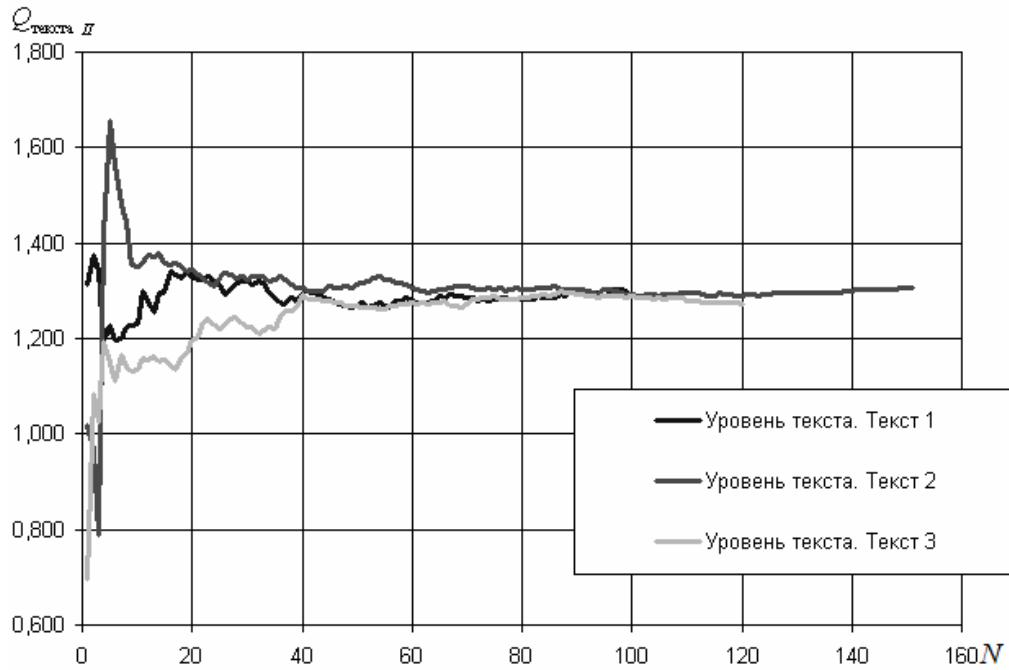

Рисунок 3. Сводный график изменения $Q_{\text{текста II}}$ объёмов выборок текстов N , анализируемых на уровне всего текста

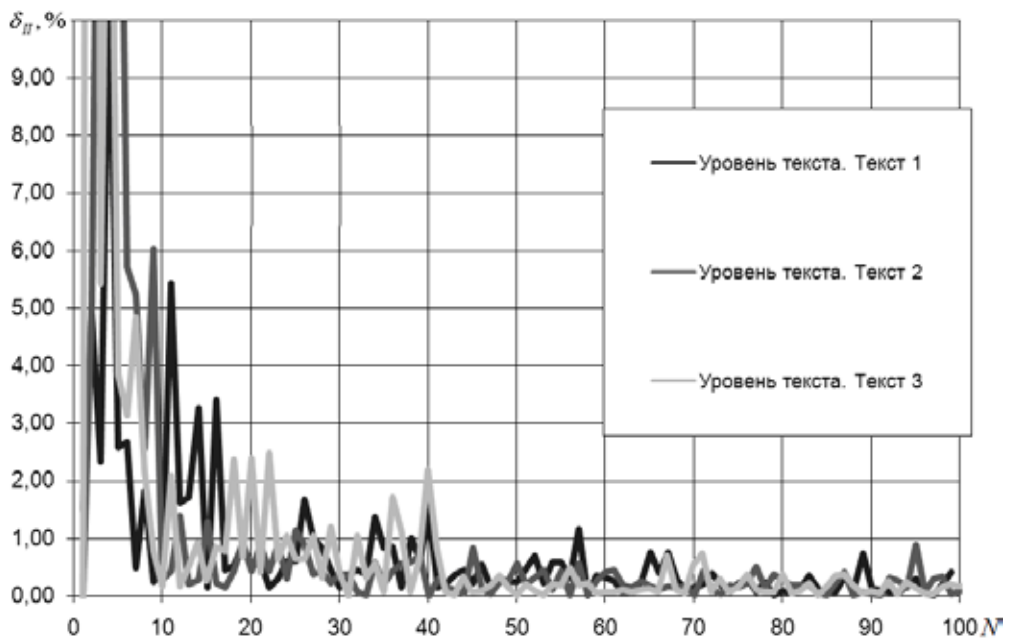

Рисунок 4. Сводный график относительного изменения $Q_{\text{текста II}}$ при анализе на уровне текста

Кривые сводного графика (см. рис. 3) практически выстраиваются в единую прямую на уровне показаний оси абсцисс 80. Следовательно, объём текста при данном подходе к анализу $Q_{\text{текста II}}$ должен составлять не менее 80 предложений.

График относительного изменения $Q_{\text{текста II}}$ (рис. 4) демонстрирует изменения менее 1% уже при объёме текста 60 предложений.

Расчёты при анализе $Q_{\text{текста II}}$ на уровне текста показали, что минимальный объём текста должен составлять 60–80 предложений. Чем меньше объём текста, тем значительнее показание относительного изменения $Q_{\text{текста II}}$. При добавлении каждого

последующего предложения после 80 $Q_{\text{текста II}}$ изменяется, как и при подходе к анализу на уровне предложения, не более чем на 0,2%.

Данные с результатами расчётов трёх анализируемых текстов на уровне предложения и текста занесены в сводную таблицу.

Выводы. На сегодняшний день вопрос изучения ритма прозаического текста является актуальным среди отечественных и зарубежных лингвистов. Но исследований, посвященных изучению минимального объёма текста для анализа слогоакцентного оберритма, практически нет. В данной статье приводятся результаты анализа трёх прозаических

Результаты анализа текста 2 в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита»

№ предложения	q предложения	Анализ на уровне предложения		Анализ на уровне текста	
		$Q_{\text{текста I}}$	δ_p %	$Q_{\text{текста II}}$	δ_{pr} %
1	1,020	1,020	-	1,020	-
2	0,471	0,746	26,91	0,968	5,10
3	0,495	0,662	11,20	0,788	18,60
4	1,881	0,967	46,03	1,415	79,57
5	2,052	1,184	22,45	1,657	17,10
6	1,343	1,210	2,24	1,562	5,73
7	1,251	1,216	0,48	1,480	5,25
8	1,241	1,219	0,26	1,442	2,57
9	0,943	1,189	2,52	1,355	6,03
10	0,748	1,145	3,71	1,351	0,30
80	0,800	1,158	0,39	1,304	0,29
81	1,037	1,156	0,13	1,301	0,20
82	0,000	1,142	1,22	1,304	0,19
83	1,369	1,145	0,24	1,306	0,19
84	1,019	1,144	0,13	1,306	0,05
85	1,374	1,146	0,24	1,305	0,02

ческих отрывков двумя способами – на уровне предложения и на уровне текста – при помощи разработанной авторами компьютерной программы «ПУЛЬС». Результаты данного исследования показали, что для анализа среднеквадратичного отклонения на уровне предложения достаточно отрывка текста объёмом порядка 70–80 предложений, тогда процент погрешности вычислений будет менее 1%, хотя по данным И.А. Афоной минимальный отрывок текста для анализа должен составлять порядка 100 предложений.

Благодаря применению в исследовании автоматизированного анализа текста при помощи компьютерной программы «ПУЛЬС» вычисления проведены за короткий срок. Результаты среднеквадратичного отклонения для отдельных предложений отрывка из новеллы «Кармен» после компьютерной обработки полностью совпали с результатами И.А. Афоной.

Таким образом, расчёты среднеквадратичного отклонения можно проводить с помощью анализа отдельных предложений и всего текста. Оба подхода к анализу верны. Показатели среднеквадратичного отклонения при анализе текстов 1–3 на уровне предложения в среднем на 20% меньше, чем при анализе всего текста: на уровне предложения $Q_{\text{текста I}}$ лежит в диапазоне от 1,06 до 1,16; на уровне всего текста $Q_{\text{текста II}}$ – от 1,27 до 1,31. Следовательно, при выборе метода анализа текста необходимо ориентироваться на соответствующий диапазон.

Объём выборки текста для анализа слога-акцентного оберритма может быть уточнён, если ориентироваться не на количество предложений, а на количество междударных интервалов (n), так как размер предложения не является фиксированной

величиной. Применение междударного интервала в качестве фиксированной единицы для анализа среднеквадратичного отклонения от слога-акцентного оберритма покажет более точные результаты минимального объёма выборки анализируемого текста, при котором погрешность при расчётах будет лежать в допустимых пределах.

При анализе текста и исследовании уровня его понимания необходимо ориентироваться не только на среднеквадратичное отклонение Q , но и на сам ритм текста (среднеарифметическое всех безударных слогов предложения/текста).

Результаты данного исследования послужат основой для дальнейшей работы по выявлению особенностей слога-акцентного оберритма текстов разных жанров, которые необходимо учитывать при создании прозаического текста для улучшения качества его восприятия и понимания.

Библиографический список

1. Афоина И.А. Лингвопрагматические проблемы трансляции ритма при переводе художественной прозы: монография. – Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2012. – 184 с.
2. Иванова-Лукьянова Г.Н. О ритме прозы // Просодическая структура текста. – М., 1984. – Вып. 230. – С. 128–147.
3. Кишалова Л.В. Анализ слога-акцентного оберритма текста // Теория и практика языковой коммуникации: Материалы VI Международной научно-методической конференции (25–26 июня 2014 г.). – Уфа: УГАТУ, 2014. – С. 141–147.
4. Кривошеев И.А. Система автоматизированного моделирования сложных технических объектов (САМСТО): свидетельство об официальной

регистрации № 2011611712 // И.А. Кривошеев, Д.А. Ахмедзянов, Д.Г. Кожин. – М.: Роспатент, 2011.

5. *Носенко И.А.* Начала статистики для лингвистов. – М.: Высш. шк., 1981. – 155 с.

6. *Рогожникова Т.М.* Компьютерные технологии в языковой коммуникации: автоматизированный анализ слова и текста // Вестник УГАТУ. – Уфа: Уфимск. гос. авиац. техн. ун-т, 2013. – Т. 17. – № 2 (55). – С. 194–202.

7. *Рогожникова Т.М.* Слово-акцентный обертон как инструмент анализа суггестивных ресурсов текста / Т.М. Рогожникова, Л.В. Кишалова //

Вестник Тверского государственного университета: сб. научн. тр. / под общ. ред. А.А. Залевской. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2015. – № 2. – С. 272–282.

8. *Рогожникова Т.М.* Компьютерная программа по обработке и анализу ритма текста «ПУЛЬС»: свидетельство о гос. регистрации программы для ЭВМ № 2015614549 / Т.М. Рогожникова, Л.В. Кишалова, А.Е. Кишалов. – М., 2015.

9. *Рокицкий П.Ф.* Биологическая статистика: учеб. пособие. – Минск: Высшэйшая школа, 1967. – 327 с.

10. *Шелестюк Е.В.* Речевое воздействие: онтология и методология исследования: дис. ... д-ра. филол. наук. – Челябинск, 2009. – 299 с.

**ЗООМОРФНЫЕ ОБРАЗЫ, МОДЕЛИРУЮЩИЕ РЕЧЬ, В РУССКИХ ГОВОРАХ
(на материале словарей)***

Статья посвящена семантическому анализу метафорических номинаций с целью выявления основных компонентов метафорического переосмысления. Объектом рассмотрения является один из способов метафорической концептуализации речевой ситуации и речевого поведения в говорах русского языка – зооморфная метафора, возникающая при переносе признаков животного на говорящего человека. Состав метафорических номинаций устанавливается на основе данных диалектных словарей. Средства выражения зооморфных образов в русских народных говорах представлены обозначениями звуков, издаваемых животными, в соотношении их с говорением человека, а также обозначениями особенностей поведения животного, метафорически проецируемых на человека. Конкретные зооморфные образы, как правило, содержат многоаспектную характеристику речи. Особое внимание в статье уделяется семантическому анализу обозначений, содержащих характеристику говорения по его акустико-физиологическим особенностям (особенности тембра, громкость, темп, внятность) и отражающих содержательные и коммуникативные признаки речи (правдивость, смысловая наполненность, эмоциональное отношение и оценка). Семантический анализ метафорических номинаций процесса говорения и речевого поведения показал, что лексика русских говоров, зафиксированная в основных диалектных словарях, отличается единством основных компонентов метафорической концептуализации и средств их выражения, а также отражает негативнооценочную характеристику речи.

Ключевые слова: русский язык, русские народные говоры, диалектная лексика, семантика, метафора, речь, номинация.

Зооморфная метафора занимает значительное место среди наиболее характерных способов метафорического моделирования речи в русских народных говорах. Суммарный объём нашей картотеки, составленной методом сплошной выборки из «Словаря русских народных говоров» [5] и словаря диалектной антропонимической фразеологии [8], составил 175 лексических и 13 фразеологических единиц. Интерес к процессам зооморфных метафорических номинаций обусловлен их яркой образностью, имеющей, в том числе, этнокультурную специфику. В зооморфной метафоре наглядно проявляется не только номинативная, но и характеризующая, оценочная функция наименования [4]. Кроме того, зооморфные номинации, как правило, эмоционально окрашены и имеют отчётливо выраженный антропоцентрический характер функционирования, что характерно не только для русского языка, но и других языков мира [1; 2; 3; 4].

Лексика и фразеология разных говоров, извлечённая из сводных диалектных словарей, демонстрирует единство основных компонентов метафорического переосмысления и средств их выражения.

В то же время, как показывают материалы, метафорическая семантика одной и той же или родственных лексем в разных говорах далеко не всегда совпадает буквально. В связи с этим возникает проблема семантического описания таких лексем как единой лексико-семантической единицы либо как разных единиц. Возможность анализа семантической структуры междиалектного полисеман-

тического слова обоснована в научных трудах Ф.П. Сороколетова и О.Д. Кузнецовой, авторитетность которых подтверждается многолетней лексикографической практикой. По их мнению, единство семантической структуры диалектной лексемы обеспечивает «единый исходный источник (одно исходное значение), а также то, что разные значения одного слова могут быть соотносены друг с другом как производное и производящее, независимо от того, сохраняется ли непосредственный контакт между говорами или он утрачен» [7, с. 466].

При этом семемы полисемантического диалектного слова, даже фиксируемые в рамках одного говора, не обязательно генетически связаны, и, по мнению некоторых исследователей, «высока вероятность того, что диалектная метафора ведёт своё происхождение от незафиксированного по тем или иным причинам значения или заимствована из другого говора» [6, с. 179]. Учитывая то обстоятельство, что лексическое богатство русских народных говоров в полном объёме пока не зафиксировано, мы допускаем определённую долю условности в определении отношений производности в рамках лексики говорения.

В большинстве диалектных номинаций зооморфная метафора вербализована в образах конкретных животных, знакомых диалектоносителям. Как правило, такие обозначения содержат указание на один или, чаще, несколько конкретных признаков говорения. Ассоциативное соотношение говорящего человека с животным выражается словами разных частей речи: с помощью глаголов характеризуется действие говорения, а с помощью суще-

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ и Правительства Самарской области (проект № 15-14-63002 «Образная номинация и образная концептуализация знаний о мире в семантической системе: языковой и когнитивный аспекты»).

ствительных – слова, реплики, поведение, ситуация речи в целом, а также говорящий, с помощью прилагательных – его речевая характеристика.

Наибольшим количеством единиц представлен фрейм «Действия животных», выраженный в основном глагольными обозначениями голосовых звуков, издаваемых животными, метафорически проецируемых на человеческую речь. Можно выделить две группы лексических единиц:

1) лексемы, содержащие характеристику говорения по его акустико-физиологическим особенностям (различная степень громкости, темпа, внятности, особенности голосового тембра и интонации);

2) слова и фразеологизмы, отражающие содержательные и коммуникативные признаки речи (правдивость, смысловая наполненность, эмоциональное отношение и оценка).

Первую группу составили лексемы, номинирующие речь на основе звуковой аналогии с голосовыми звуками (зоофонами) того или иного животного.

В общих обозначениях процесса говорения зооморфные метафоры встречаются редко: *гурковать* ‘говорить’ (*Сели, промеж собою гуркуют*. Смол.; пск., новг., ленингр., забайкал.) [5, вып. 7, с. 238–239]; *реветь* 1) ‘громко, сильно кричать, блеять, лаять и т. п. (об овцах, собаках и т. п.)’ (арх., карел., новг., нижегор. и др.), ‘издавать крик, подобный крику какого-либо животного’ (перм.), 2) ‘говорить, произносить что-л.; разговаривать’ (сиб., арх.) [5, вып. 35, с. 5–7]. В подобных случаях метафорический перенос служит актуализации акустических признаков, в частности, сем ‘*громко*’ и ‘*отрывисто*’, ср.: *гавкануть* ‘сказать что-либо’ (*На сходке гавканул, да его не послушали*. Смол.) [5, вып. 6, с. 84].

В ряде слов и фразеологизмов прослеживается типичная для метафорической концептуализации мира тенденция к комплексной, многоаспектной интерпретации денотата. Так, наряду с акцентированием признака громкости в фокусе зооморфной метафоры оказываются и другие акустические признаки человеческой речи, на которые указывает связь прямого и производного значений диалектного глагола (здесь и далее в примерах первичные значения условно обозначены цифрой 1, а вторичные – цифрой 2. – Н. Б.):

а) *темп, внятность речи*, ср.: *ерготать* 1) ‘ржать’ (*Ергоцут кони*. Ленингр.), 2) ‘говорить громко и быстро’ (костром.), ‘говорить не на родном языке’ (костром., нижегор.) [5, вып. 8, с. 365]; *мыркать* 1) ‘мычать (о корове)’ (вят., волог., свердл.), ‘мурлыкать (о кошке)’ (перм., свердл.), ‘жалобно блеять (об овце)’ (том.), 2) ‘издавать невнятный звук; говорить невнятно’ (свердл.) [5, вып. 19, с. 59]; *заболботать* 1) ‘о крике птиц’ (курск.), 2) ‘быстро, невнятно заговорить’ (курск.; зап.-брян., литов.) [5, вып. 9, с. 264];

б) *интонация*, ср.: *куковать* ‘говорить ласково’ (казаки-некрасовцы), [5, вып. 16, с. 38–39].

Наряду с акцентированием акустических признаков в диалектных глаголах речи подчеркиваются содержательные, коммуникативно-прагматические характеристики высказывания, в первую очередь воздействие речи и её цель, эмоциональное отношение и оценка. Ср.: *блекотать* 1) ‘блеять (об овце)’ (олон., волог., пск., южн., зап., моск., самар. и др.), ‘издавать звуки, подобные бляню овец’ (калуж.), 2) ‘говорить быстро, невнятно, неразборчиво’ (тул.; волог., твер.), ‘ворчать, брюзжать’ (новг.) [5, вып. 3, с. 18]; *зуркать* ‘говорить’ (новг., онеж., новоросс.) // ‘шептать на ухо; передавать что-либо по секрету’ (олон.) [5, вып. 5, с. 239]; *мурчать* 1) ‘мурлыкать (о кошке)’ (курск., краснодар.), 2) ‘потихоньку напевать или ворчать’ (волгогр.) [5, вып. 18, с. 361]; *заржать* ‘закричать на кого-либо’ (яросл.) [1, т. 10, с. 383]; *кво́ктать* – 1) ‘издавать короткие громкие звуки, хлопать (о курах)’ (новг., ленингр., урал., том., курск., южн., брян., пск., твер.), 2) ‘плакаться, жаловаться’ (Даль) [1, т. 13, с. 168–169].

Вторая группа включает метафорически переосмысленные глаголы звучания и поведения, оценочные прилагательные, названия животных. Такие обозначения содержат образы, запечатлевающие речевую ситуацию и манеру речи не только в аспекте голосового звучания, но в более широком смысле. Показателен в этом отношении образ **собаки**, который представлен в говорах большим количеством лексических дериватов, различающихся не только корнями, но и аффиксами и набором морфем, а также фразеологических номинаций.

Чаще всего образ собаки воплощает представление об **агрессивном речевом поведении**, прежде всего в ситуации словесного противостояния, конфликта. В таких случаях концептуально значимым оказывается способ словесного выражения – агрессивный, грубый, «животный». См. примеры:

– волог. *соба́читься* ‘злить, раздражая чем-либо; дразнить’, пск., твер. *соба́рничать* ‘вести себя грубо, грубить’, ‘буяннить, скандалить’, волог. *засоба́чить*, сиб. *соба́ку выпуска́ть*, *соба́ку спустить* на кого-либо – ‘начать браниться, ругаться, кричать на кого-либо’ (Средн. Прииртышье) [5, вып. 11, с. 47; вып. 39, с. 139–143, 148]; новг., волог. *соба́ка* (волог.), смол. *соба́чу́га*, *соба́шник*, *соба́рник*, смол. *со́рта́ соба́ки ска́чут* – ‘сварливый, бранчливый человек’, *соба́коваты́й* (волог., олон.), новг. *соба́чистый*, сев., урал., сиб. *соба́чливый* (*соба́шливый*) (арх., волго-кам., свердл.); костром. *соба́шный* ‘сварливый, скандальный, грубый, буйный человек’ [5, вып. 39, с. 139–143, 148, 151, 153]; иркут. *соба́чески* ‘грубо, плохо’ (*Я к ней соба́чески отношусь*) [5, вып. 39, с. 142];

– *су́ка* 1) ‘оценившаяся собака, злая и агрессивная в этот период’ (влад., новг., пенз., калуж.),

2) 'о злой и подлой женщине, которая постоянно ругается и заставляет ругаться других' (пенз.) [5, вып. 42, с. 194];

– **идти на облай** 'ссориться; браниться', **облай** 'сквернослов, матерщинник' (костром.; ульян.); **облайм** 'ругатель, хулителъ', **облайчивый** 'скандальный, бранчливый' [5, вып. 22, с. 83]; смол. **получить лаянку** 'быть выруганным, выбранным', костром. **лая**, смол. **лаянка** – 'брань, ругань', ворон. **лаючка** 'бранчливый человек, любящий ругаться' [5, вып. 16, с. 300]; сиб. **лайкий, как собака** – 'о сварливом человеке' [9, с. 161];

– **завкать** 1) 'лаять' (нижнедон., тул.), 2) 'ругать, бранить' (тул.), смол. **завкаться** 1) 'грызться (о собаках, волках)', 2) 'ссориться' [5, вып. 6, с. 84], курск., орл. **завкала**, смол. **завкало** 'бранчливый человек, ворчун' (курск.) [5, вып. 6, с. 84];

– **брехать** 'ворчать, брюзжать' (самар.), **брешить** 1) 'лаять' (пенз., сарат., тул.), 2) 'ссориться, браниться' **брехаться** (самар., смол.) [5, вып. 3, с. 177];

– **тявкаться** 1) 'кусаться (о собаке)' (Даль), 2) 'ссориться, браниться' (перм.) [5, вып. 46, с. 53–54]; **тявкун**, жен. **тявкунья** 'о том, кто отрывисто, громко смеётся, наподобие собачьего лая' (волог.), 'о том, кто бранится, ругается' (перм.), 'о том, кто много говорит без толку, ворчит' (Респ. Коми, карел.) [5, вып. 46, с. 54];

– **скулить** 1) 'скалить зубы (о собаке)' (петерб.), 2) 'бранить, ругать кого-либо' (арх.), 'грубо, отрывисто отвечать на замечание и т. п., огрызаться; говорить грубости, грубить' (петерб.), иван. **скулёж** 'громкое выражение недовольства' [5, вып. 38, с. 181];

– **аркать** 1) 'дразнить (собаку), произнося междометие «ар», созвучное с ворчанием собаки', 2) 'дразнить (людей)' (урал., сиб., Даль), 'браниться, вздорить' (перм., заурал.), 'кричать, шуметь' (тобол., перм., сев.-двин., урал., заурал.), **аркаться** 1) 'лаять друг на друга, грызться (о собаках)' (без указания места), 2) 'ругаться, браниться, ссориться' (перм., сиб., оренб., нижегор., вят. и др. // 'подстрекать друг друга к взаимной брани' (перм.) // 'шумно спорить, кричать' (перм., забайкал.; ср. волог. **аргатъ** 'ворчать, рычать (о собаке)'), олон. **аргоцуть** 'возразить' [5, вып. 1, с. 271]; вят. **аркотня** 'ругань' [5, вып. 1, с. 271, 275, 276];

– **гамкать** 1) 'лаять' (пск., твер., ворон., тул.), 2) 'ругаться, ссориться; кричать, браниться' (пск., прибалт.) с оттенком значения 'браниться попусту (ворон.)' // 'кричать что-либо неразборчиво' (самар.) [5, вып. 6, с. 131];

– **гыркать** 1) 'рычать, ворчать (о собаке)' (пск., твер., смол.), 2) 'грубо отвечать старшим' (пск.), пск. **гыркаться** 'ругаться', **гырнуть** 'буркнуть, сказать бранное слово, проворчать' (*Что он там гырнул, как собака.* Пск.), **гырчатъ** 'рычать, ворчать (о собаке)' (краснодар.), 2) 'браниться, вор-

чать на кого-либо' (курск., орл., пск., твер.), пск. **гырчанье** 'ворчание, воркотня' [5, вып. 7, с. 253];

– **звягливый** 1) 'часто, долго лающий (о собаке)' (курск., орл., ворон., смол., дон.), 2) 'любящий ругаться, крикливый, ворчливый, придирчивый' (смол., курск., орл., дон.), **звяга** 1) 'лай (собачий, лисий)' (смол., пск., Даль), 2) 'брань, ругань, ссора, шум' (смол., Даль), 'беспрестанное напоминание о чём-либо; брюзжание, ворчание' (пск.), 'неуживчивый, сварливый, часто ссорящийся человек' (вят.), ворон. **звягло** 'тот, кто постоянно ругается, спорит из-за каждого пустяка, умышленно раздражает, дразнит кого-либо' [5, вып. 11, с. 225].

Как видно из приведённых примеров, в ситуации конфликта говорящий уподобляется обиженному и раздражённому псу не столько характером произнесения (хотя в лексемах, обозначающих речь, актуализируются акустические признаки 'громко', 'грубо', 'резко', 'отрывисто' и др.), сколько своим поведением. В данном случае это порождает яркий экспрессивно-оценочный характер номинации.

Помимо образа собаки, при обозначении словесного выражения недовольства, а также конфликтной речевой ситуации и её участников могут использоваться образы других животных:

– **кошки, коты**: **моркотать** 1) 'мурлыкать (о кошке)', 2) 'ворчать, брюзжать' (смол.; пск., твер.) [5, вып. 18, с. 266]; **мурзиться** 1) 'рычать, издавать ворчащие звуки (о животном)' (свердл., южноуральск., пенз., сарат.), 2) 'сердиться, гневаться; злиться' (тамб.) [5, вып. 18, с. 355];

– **коровы**: свердл. **букариться** 1) 'реветь, мычать (о коровах)', 2) 'хмуриться, сердиться; ворчать, бормотать' [5, вып. 3, с. 263];

– **лошади**: костром., нижегор. **кобыльи зубы** 'неуживчивый, бранчливый, сварливый человек' [8, с. 161];

– **птиц**: **квокать, квактать** 'ворчать, брюзжать' (пск.), **клоктать** 1) 'клохтать, кудахтать (о курице)' (волог., кемер.) // 'издавать короткие звуки, похожие на клохтание курицы (о животных)' (вят., вост.-сиб., оренб., казан.), 2) 'ворчать, брюзжать' (том.; вят.) [5, вып. 13, с. 168–169, 301]; **насокотаться** 'вдоволь набраниться, наговорить оскорблений, вздора' (смол., тул.) [5, вып. 20, с. 180–181];

– **насекомых**: **жудить** 1) 'производить жужжание крыльями (о насекомых)', 2) 'долго ворчать, настойчиво повторять что-либо' (смол.), калуж. **жудливый** 'ворчливый' [5, вып. 9, с. 221]; **брюнчатъ** 1) 'издавать звуки, гудеть, жужжать' (самар., орл.), 2) 'ворчать, брюзжать' (пенз.) [5, вып. 3, с. 223]; новг. **дундуть** 1) 'издавать однообразные, надоедливые звуки (о комарином писке и т. п.)', 2) 'однообразно и надоедливо говорить о чём-либо; повторять, твердить одно и то же' [5, вып. 8, с. 258].

Образ **собаки**, хотя и закреплён преимущественно за жанром ссоры, помимо обозначения словесного выражения эмоционального отношения и оценки, наряду с образом **кошки** олицетворяет также надоедливое, жалобное говорение, ср.:

– смол. *гавкаты* ‘говорить часто о чём-либо, надоедать разговорами о чём-либо’ [5, вып. 6, с. 84];

– *звягаты* ‘повторять одно и то же, надоедать разговором’ (пск., тул., брян., волог., олон., смол. и др.), олон. *звягнуць* ‘неотступно просить’, олон. *звяганье* ‘надоедливое обращение с просьбами, приставание’, вят., пск., олон., твер., перм. *звяга*, твер., пск., олон. *звягало*, зап. брян., курск., орл. *звягливый* ‘надоедливый, навязчивый, надоедающий просьбами’ [5, вып. 11, с. 224–226];

– южн., зап. (Даль) *псiть, псовать* – ‘ябедничать, сплетничать’ [5, вып. 33, с. 99, 100];

– олон. *тявкаты* ‘твердить, повторять одно и то же’ (олон.), ‘приставать с просьбами, неотступно просить что-либо, надоедать’ (карел.), олон. *тявконуть* ‘твердить, повторять одно и то же’, *тявканье* ‘неоднократное повторение разговора об одном и том же’ [5, вып. 46, с. 53, 54];

– *вякаты* 1) ‘лаять, тявкать, мяукать’ (калуж., тул., пск., курск. и др.), 2) ‘говорить протяжно, вяло, невнятно’ (волог., новг., сев.-двин., яросл., сарат.; ср. калуж. *провякаты* ‘сказать что-либо отрывисто’ [5, вып. 32, с. 104]) // ‘неотступно, настойчиво просить о чём-либо, докучать просьбами, разговорами; ныть’ (свердл., том., курск., калуж., тул. и др.), *вякало* 1) ‘беспреданно мяукающий кот’ (пск.), 2) ‘человек, твердящий одно и то же, надоедающий разговорами’ (олон., новг., пск.) [5, вып. 6, с. 77–78, 81].

В обозначениях повторяющегося, надоедливого говорения используются также образы птиц, в частности **курицы**: *квокаты* – 1) ‘издавать короткие громкие звуки, хлопать (о курах)’ (ряз., пск., твер., ленингр., новг. и др.), 2) ‘говорить беспрестанно одно и то же’ (пск., твер.) [5, вып. 13, с. 168–169].

Приведённые выше и последующие примеры показывают, что в основе номинации речи человека может лежать аналогия как с поведением животного, так со звуками, издаваемыми им. Например, при номинации насмешливого говорения в одних словах в основу наименования кладётся ассоциация речи с грубым, неблагозвучным криком животного, птицы: *гряты* ‘издеваться, насмехаться, осмеивать кого-либо’ с оттенком значения ‘шумно насмехаться’ (*Над Богом граешь!* Арх.) [5, вып. 7, с. 119]. В других словах основу наименования составляет поведение животного. Так, лексема *огряты* ‘встретить кого-либо карканьем’ (с пометой «фольк.», карел.), ‘встретить кого-либо лаем, облаять’ (перм.), во вторичных значениях выражает семантику насмешки, осмеяния (перм., волог., яросл.; арх.), а также критики, брани в адрес кого-либо (костром.) [5, вып. 22, с. 352].

В обозначениях обильного говорения, лжи, клеветы, пустословия, сплетен задействуются образы конкретных животных, птиц и насекомых:

а) **собака**: смол. *собачуга* ‘о лживом человеке, обманщике’ [5, вып. 39, с. 153]; ворон. *собачий хвост* ‘о человеке, который распространяет сплетни, занимается сплетнями’ [5, вып. 39, с. 142–143]; *обливать* 1) ‘лаяя невольно, некстати, направлять охотника по ложному следу; лаем подавать ложный сигнал о дичи (о собаке)’ (Даль), 2) ‘ошибаться, обманываться’ (волог.), ‘лгать, сбивать с толку’ (волог.) [5, вып. 22, с. 83], *человек-пустолой* ‘болтун’ [8, с. 165]; курск., орл., тул., смол. *гавкаты* 1) ‘лаять’ (нижнедон., тул.), 2) ‘говорить то, что другому не нравится или кажется неправильным’ (*Мужик на женку говорит: «Не гавкай: я сам знаю, что делать».* Смол.) [5, вып. 6, с. 84]; *тявкаты* ‘говорить что-либо пустое, запрещённое, лишнее’ (олон.; сиб.), *тявкало* ‘о том, кто много попусту говорит’ [5, вып. 46, с. 53, 54];

– **корова**: урал. *балалава корова* ‘о сплетнике, переносчике новостей, слоняющемся по деревне из дома в дом’ [5, вып. 2, с. 70];

– **овца**: *блекотаты* ‘много говорить, болтать; пустословить, говорить вздор’ (тул., новг., олон., пск., яросл., перм. и др.), ‘сплетничать, передавать сплетни’ (костром.; твер.) – ср. *блекотало, блекотун* (волог.), жен. *блекотуша* (волог., твер., яросл.) – ‘болтун, пустослов’; *блеять* ‘выбалтывать секрет, говорить лишнее’ (костром.), олон. *бляндаты* 1) ‘блеять’, 2) ‘пустословить’ [5, вып. 3, с. 18, 20];

– **разные птицы**: **сорока** (калуж. *сорочиха* ‘прозвище болтливой женщины’, *сорочить* ‘болтать, пустословить; сплетничать’ новг., орл., тул. [1, т. 40, с. 35]); **ворона** (*каркуша* 1) ‘ворона’ пск., с оттенком значения ‘о вороне, которая много каркает’ перм., 2) ‘о женщине, любящей поговорить’ твер., пск. [1, т. 13, с. 92]); **курица** (*кудакаты* 1) ‘кудахтать (о курице)’ костром., средн. поволж., пск., ряз., мордов., прибалт., 2) ‘пустословить, болтать’ пск., твер. [1, т. 15, с. 396]; *таракаты* ‘сплетничать’ пск. [1, т. 43, с. 274]); **иволга** (*сойка* 1) ‘птица иволга’ пск., 2) ‘о болтливом человеке’ новг. [1, т. 39, с. 227]); **дятел** (*тенькаты* 1) ‘стучать (о дятле)’ олон., 2) ‘болтать попусту’ вят. [1, т. 44, с. 42]);

– **сверчок**: *сверчить* 1) ‘стрекотать (о сверчке)’ (Даль), 2) ‘безудержно, непрерывно болтать, говорить’ (Даль) [5, вып. 36, с. 247].

Как видно из приведённых примеров, посредством звуковой аналогии могут образовываться значения, связанные не только с акустическими, но и с содержательными и коммуникативными характеристиками говорения.

Метафора может отражать не только признаки, свойственные реалии, но и приписываемые ей на основе ассоциации с другими предметами или яв-

лениями. Именно в таких случаях можно судить об этнокультурных основаниях метафорических характеристик обозначаемых фрагментов действительности. Иллюстрациями могут послужить некоторые примеры метафорических зооморфных наименований, номинирующих речь. Так, образы **волка** и **лисы** при обозначении ситуации речи обнаруживают этнокультурную специфику зооморфной метафоры. Она проявляется в диалектных производных от слов *бирюк* ('волк') и *лиса*. Как известно, в русской картине мира волк выражает идею агрессивности, мрачности, угрюмости и обособленности, уединения, ср.: ряз. *волчи́ная поро́да* 'о людях с агрессивным поведением, сеющих раздоры и ссоры' [5, вып. 30, с. 67]; симб. *бирю́чина* 1) 'волк', 2) 'угрюмый, нелюдимый человек' [5, вып. 2, с. 295].

В свою очередь, лиса выступает олицетворением лести, хитрости, лицемерия и коварства, и это находит отражение в диалектной лексике говорения: костром., волог., нижегор. *лисѝть* 'ласкаться с целью уговорить; хитрить' [5, вып. 17, с. 61]; арх., твер. *лисѝвьѝй* 'хитрый, лукавый, лстивый' [5, вып. 17, с. 62]; а также смол. *лисавѝтъся*, *лисѝвѝтъся* 'ласкаться', *лисѝвѝй* 'ласковый, ласкающийся' [5, вып. 17, с. 60–61].

Символический смысл, приписываемый конкретному животному, может иметь ситуативный характер: дон. *разговѝривать о зелѝных ѝщерицах* 'говорить о пустяках' [5, вып. 33, с. 305]. В приведенном фразеологическом обороте ящерица символизирует предмет бессодержательного разговора, однако эта ассоциация не закрепляется за этим животным на общеязыковом уровне.

В целом, как показало проведенное исследование, ассоциация с животным обычно выражает негативнооценочную интерпретацию речевого поведения человека. При этом звуковая аналогия является не единственной моделью реализации зооморфных образов в лексике и фразеологии со значением говорения и зачастую дополняется аналогией с поведением животного. В фокусе номинации могут

оказаться не только акустические признаки речи, но и относящиеся к её содержательному и коммуникативному аспектам. Эта модель представлена в диалектном дискурсе лексическими единицами, в которых регулярно реализуются зооморфные образы конкретных животных, содержащие, как правило, многоаспектную характеристику речи.

Библиографический список

1. Буренкова С.В. Зооморфные образы немецкой и русской фразеологии // Вестник Челябинского гос. ун-та. – 2008. – № 30. – С. 29–40.
2. Гаврилюк М.А. Зооморфная метафора в китайском и русском языках: межъязыковые универсалии и национальная специфика // Вестник Иркутского гос. лингвистического ун-та. – 2012. – № 2(19). – С. 136–143.
3. Гишкаева Л.Н. Фразеологизмы с компонентами-зоонимами и фитонимами в современном пиренейском и мексиканском национальных вариантах испанского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2012. – 20 с.
4. Карпенко Е.И. Лингвокультурологические аспекты немецких зооморфных метафор (на материале современной прессы ФРГ): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2006. – 28 с.
5. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова, О.Д. Кузнецовой, С.А. Мызникова. Вып. 1–48. – М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2015.
6. Сомова Ю.Ю. Изучение диалектной метафоры в семантическом аспекте // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 2 ч. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 1 (31). – Ч. 2. – С. 179–182.
7. Сороколетов Ф.П. Понятие о диалектной макросистеме / Ф.П. Сороколетов, О.Д. Кузнецова // Ф. П. Сороколетов. Избранные труды. – СПб.: Наука, 2011. – С. 463–471.
8. Человек в русской диалектной фразеологии: словарь / сост. М.А. Алексеенко, О.И. Литвинникова, Т.П. Белоусова. – М.: ООО «ИТИ Технологии», 2004. – 238 с.

ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОСЛОВИЦ С ОППОЗИТИВНОЙ СТРУКТУРОЙ (на примере пословицы *не было бы счастья, да несчастье помогло*)

Многие русские пословицы имеют в своей структуре внешнее и внутреннее противопоставление, что в большинстве случаев выражается с помощью лексических оппозиций, представляющих собой пару компонентов-антонимов. При трансформациях пословицы, построенные по принципу оппозитивной организации смыслового и формального планов, в большинстве случаев сохраняют заключенную в языковом варианте паремии контрастность, однако в нетипичных контекстах паремия, вследствие структурно-семантических трансформаций, утрачивает как внешнее, так и внутреннее противопоставление. На примере пословицы *не было бы счастья, да несчастье помогло*, имеющей в своей структуре компоненты-оппозиты *счастье, несчастье*, формирующие общее значение пословицы, рассматриваются возможные структурно-семантические трансформации паремий с оппозитивной структурой. Благодаря наличию противопоставленных компонентов, в пословице формируется большое количество трансформов. Зачастую трансформы данной паремии, вследствие определенных изменений, могут приобретать как дополнительные смысловые оттенки, так и абсолютно новое значение. При этом оппозитивный характер пословицы, как правило, сохраняется. В некоторых случаях трансформ утрачивает как внешнее, так и внутреннее противопоставление ключевых компонентов. Исследование пословицы *не было бы счастья, да несчастье помогло* и ее трансформов позволяет выявить особенности изменения пословицы, а также обусловленность семантических преобразований спецификой их семантики и структуры.

Ключевые слова: окказиональная фразеология, русские пословицы, окказиональные трансформации, структурно-семантические трансформации.

Русские пословицы (РП) являются знаками типовых ситуаций и зачастую отражают противопоставленные сущности, наполняющие жизнь человека. В связи с этим во многих паремиях наблюдается использование принципа контрастной, оппозитивной организации смыслового и формального планов, что в большинстве случаев выражается с помощью лексических оппозиций, заключенных в тексте пословицы и, как правило, представляющих собой пару компонентов-антонимов (языковых и контекстуальных). Оппозитивность, по мнению ученого-паремиолога Т.Г. Бочинной, является одним из основных свойств пословицы, выступает в качестве единого структурного принципа собственно текста и подтекста пословицы, соединяющего ее внешний и внутренний планы [2, с. 13]. В трансформах пословиц данный принцип, как правило, сохраняется, однако в нетипичных контекстах паремия, вследствие структурно-семантических трансформаций, может утрачивать оппозитивный характер своей структуры.

Пословицы, заключающие в своей структуре и значении противопоставление, контрастность, в текстах современных художественных и публицистических произведений представлены достаточно широко как в языковом, так и в трансформированном виде. Подобные паремии частотны в употреблении, поскольку описывают множество жизненных ситуаций, с которыми сталкивается человек. Так, например, активно употребляется в речи пословица *не было бы счастья, да несчастье помогло*, а также более ста пятидесяти ее трансформированных вариантов, избранные объектом настоящего исследования.

Данная РП имеет значение 'неблагоприятные, несчастливые события неожиданно получают

удачный исход' и употребляется в ситуациях, когда какая-либо неприятность, беда и т. п. неожиданно становится причиной приятных, счастливых событий [5, с. 201]. Оппозитивность семантики пословицы выражается с помощью контрастирующих компонентов – антонимов *счастье* и *несчастье*. В свободном употреблении аналоги паремических компонентов имеют следующие значения: счастье – 'благо', 'удача', 'успех'; несчастье – 'горе', 'неудача', 'трагедия'. Схожие значения проявляются и в паремических компонентах, формируя общее значение пословицы. Этот же принцип оппозитивного построения паремии сохраняется и в большей части трансформов.

Частотными в рассмотренных трансформах выступают структурные преобразования языкового варианта пословицы. При этом семантика паремии остается без изменений. Значительная часть трансформов образуется посредством замены компонентов *счастье, несчастье* синонимами: счастье – добро, благо, победа; несчастье – беда, горе, злоключение. См., например, вариант пословицы *не было бы добра, да худо помогло* [9], функционирующий в тексте статьи об интернет-энциклопедии «Википедия». Первоначально данный ресурс заполняли исключительно ученые, однако подобный подход не мог обеспечить быстрой наполняемости сайта – в год появлялось только около 24 статей. Энциклопедия была непопулярна, и создатель сайта полностью изменил концепцию, позволив писать материалы энциклопедии всем пользователям сети Интернет, что сделало «Википедию» одним из самых известных электронных источников в мире.

Также частотными являются структурно-семантические трансформации данной РП, при которых изменениям подвергаются компоненты и значение

пословицы. Зачастую трансформы данной паремии, вследствие определенных изменений, могут приобретать как дополнительные смысловые оттенки, так и абсолютно новое значение; при этом оппозитивный характер пословицы, как правило, сохраняется. Однако в некоторых случаях трансформ утрачивает как внешнее, так и внутреннее противопоставление ключевых компонентов.

Выделяются 3 вида структурно-семантических преобразований данной паремии:

1. Трансформ, в целом сохраняя тождественность значению языковой паремии, приобретает дополнительные оттенки смысла. Так, в следующих контекстах пословица имеет значение 'неудача одного приводит к положительным изменениям в жизни другого', вследствие чего в тексте пословицы наблюдается двойное противопоставление: контрастность компонентов *счастье – несчастье* (или же их компонентов-заместителей), а также оппозиция категорий *я – другой*. Компоненты-заместители при этом не являются языковыми синонимами элементов пословицы и не входят с ними в систему парадигматических связей. Частотным в подобных трансформациях является сохранение компонента *счастье* и замена оппозитивного ему компонента *несчастье* на слово, выступающее в качестве контекстуального синонима, сохраняя при этом смысловую оппозицию между компонентами пословицы. В трансформах пословицы в данном случае актуализируется негативно-оценочная экспрессия, заместителем компонента *несчастье* выступают такие слова, как *Украина* (подразумевается кризис в стране), *Чернобыль* (имеется в виду трагедия на атомной электростанции) и проч. См., например, вариант пословицы *не было бы счастья, да Майдан помог*, что является частотной трансформацией, употребляемой в ситуациях обсуждения экономических, политических и социальных улучшений в России после трагических событий на Украине. В данном случае слово *Майдан* выступает контекстуальным антонимом слова *счастье*, обуславливая внутреннюю оппозицию паремии.

2. Трансформ получает новое значение, существенно отличающееся от общеязыкового. В случае подобных семантических трансформаций утрачивается оппозиционный характер пословицы, в отношениях слов-заместителей отсутствует противопоставление, они не противоречат друг другу, а являются контекстуальными синонимами, трансформируя пару *счастье – несчастье* в *счастье – счастье*. В данном случае пословица обретает значение 'удачное событие приводит к положительным изменениям': *не было бы счастья, да чудо помогло* [6]; *не было бы счастья, да «Поле чудес» помогло* [1]; *не было бы счастья, да пиво помогло* [13]; *не было бы счастья, да проект помог* [7]; *не было бы счастья, да комсомол помог* [15]. См., например, вариант пословицы *не было бы у Кон-*

дратия счастья, да костюм помог [3], функционирующий в тексте статьи о рабочем фабрики, которому не хватало уверенности в себе до тех пор, пока мужчина не приобрел дорогой презентабельный костюм, благодаря которому познакомился со своей будущей женой. Автор текста, используя в трансформе слово *костюм* вместо слова *несчастье*, производит семантическую трансформацию паремии: приобретение костюма становится положительным событием в жизни героя. Таким образом компонент-заместитель *костюм* становится контекстуальным синонимом компонента *счастье*.

3. Трансформ получает противоположное значение. Так, в результате семантической инверсии – особого приема трансформации окказиональных единиц – пословица обретает значение 'счастливые события имеют негативные последствия': *не было бы несчастья, да счастье помогло* [8]; *не было бы несчастья, да ЕГЭ помог* [10]; *не было бы несчастья, да ремонт помог* [4]. В случае подобных трансформаций сохраняется оппозиция компонентов *счастье – несчастье*. См., например, вариант пословицы *не было бы несчастья, да богатство помогло* [14, с. 166], являющийся названием главы о Жаке Кере, финансовом советнике короля Карла VII, в книге Валерии Башкировой «Ограбления, которые потрясли мир». Наряду с увеличением материального достатка Кера, которое герой расценивал как благо, росли и его проблемы: появились завистники, враги, против Кера плелись заговоры и интриги. Автор текста производит семантическую инверсию пословицы, сохраняя при этом внутреннюю оппозицию ее компонентов.

В ходе исследования было выявлено, что благодаря наличию противопоставленных компонентов в пословице *не было бы счастья, да несчастье помогло* формируется большое количество ее трансформов. Изменения пословицы могут производиться как на структурном, так и на семантическом уровнях. При этом семантические трансформации данной РП могут приводить к утрате оппозиции в паремии между компонентами-заместителями. Исследование пословицы *не было бы счастья, да несчастье помогло*, а также ее трансформов позволяет выявить особенности изменения РП, а также обусловленность семантических преобразований спецификой их семантики и структуры.

Библиографический список

1. Аргументы и факты: публичный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gazeta.aif.ru> (дата обращения: 07.10.2015).
2. Бочина Т.Г. Контраст как лингвокогнитивный принцип русской пословицы: дис. ... д-ра филол. наук. – Казань, 2003. – 449 с.
3. Вечерняя Москва: публичный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vm.ru/news> (дата обращения: 07.10.2015).

4. Волга: публичный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.volga-tv.ru/> (дата обращения: 07.10.2015).
5. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок – М.: Русский язык, 2000. – 544 с.
6. Калуга. Городской портал: публичный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kr40.ru/news> (дата обращения: 07.10.2015).
7. Летописи: публичный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://letopisi.org> (дата обращения: 07.10.2015).
8. Муромское городское телевидение: публичный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://murotv.ru> (дата обращения: 07.10.2015).
9. Новые известия: публичный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.newizv.ru> (дата обращения: 07.10.2015).
10. Одинцово инфо: публичный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://m.odintsovo.info/news> (дата обращения: 07.10.2015).
11. Паремииологические исследования: Сборник статей. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1984.
12. Пермяков Г.Л. Основы структурной паремииологии. – М.: Наука, 1988. – 236 с.
13. Самиздат: публичный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://samlib.ru> (дата обращения: 07.10.2015).
14. Соловьев А.А., Башкирова В.Т. Ограбления, которые потрясли мир. Захватывающие истории о выдающихся криминальных талантах. – М.: Эксмо, 2010. – 256 с.
15. DELFI: публичный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rus.delfi.lv> (дата обращения: 07.10.2015).

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ИСТОРИЧЕСКОМ РОМАНЕ ВАСИЛИЯ ЯНА «ЧИНГИСХАН»

Представленная тема ориентирована на лингвокультурологический характер исследования. Объектом анализа является исторический роман. В произведении выявляются языковые средства, служащие для репрезентации информации лингвокультурного характера, которая представлена в тексте языковыми единицами (лингвокультуремами) разного уровня – топонимами и антропонимами, афоризмами, текстовыми доминантами.

Исследование текстовых единиц соотносится с принципами дискурсивного анализа, привлекается культурно-исторический аспект, поясняются лингвистические термины.

Изучаемая проблема актуальна, так как связана с вопросами лингвокультурологии и филологического анализа текста. Художественное произведение с данной точки зрения отражает культурно-национальные особенности того или иного народа.

Информация как основная категория текста различна по своей лингвокультурной значимости. В тексте исторического романа лингвокультурологический аспект проявляется через различные элементы текста.

Для создания яркой картины жизни и быта народов Средней Азии Василий Ян использует лексемы, номинирующие национальные образы, теологизмы, обычаи и традиции, ритуалы, обряды и др. Все эти номинации, представленные в виде лингвокультурем, относятся к разным видам текстовой информации: содержательно-фактуальной, содержательно-концептуальной и содержательно-подтекстовой.

Одним из наиболее часто употребляемых автором языковых средств репрезентации лингвокультурной информации является использование афоризмов, которые занимают сильную позицию текста. Афоризмы выражают содержательно-концептуальную и содержательно-фактуальную информацию в историческом романе.

Изучение текстовой информации в романе В. Яна «Чингисхан» с лингвокультурологической точки зрения позволяет познакомиться с историей и культурой среднеазиатского государства, понять особенности народного менталитета.

Ключевые слова: информация, лингвокультурема, топоним, антропоним, афоризм, теологизм.

Художественное произведение, являясь подлинным хранителем культуры, отражает ментальные ценности определённой национальной общности, представленные в тексте в виде лингвокультурной информации.

В научной монографии «Текст как объект лингвистического исследования» (1981) И.Р. Гальперин представляет термин «информация» в двух значениях: общепринятом и терминологическом. Под информацией в первом значении понимается всякое сообщение, оформленное как словосочетание номинативного характера. Это может быть предложение, в котором сообщаются какие-то факты, сочетание предложений (сверхфразовое единство и абзац), цельный текст. Второе значение термина «информация» употребляется в работах по теории коммуникации, при этом предполагается использование этого понятия лишь при получении новых сведений о предметах, явлениях, отношениях, событиях объективной действительности [2, с. 26]. И.Г. Гальперин выделяет следующие виды информации: содержательно-фактуальную (СФИ), содержательно-концептуальную (СКИ) и содержательно-подтекстовую (СПИ).

Содержательно-фактуальная информация представляет собой сообщения о фактах, событиях, процессах, которые происходят, происходили или будут происходить в окружающем нас мире. Содержательно-фактуальная информация эксплицитна по своей природе, т. е. всегда выражена вербально.

Информация содержательно-концептуальной направленности наиболее точно раскрывает читателю авторскую позицию, которая передаётся средствами содержательно-фактуальной информации.

Содержательно-фактуальная информация значима для выявления особенностей культурной, политической и социально-экономической жизни народа. Информация подобного плана заимствуется из всего произведения и выражает творческий анализ представленных в тексте фактов.

Содержательно-подтекстовая информация, по мнению И.Г. Гальперина, представляет собой скрытую информацию, извлекаемую из содержательно-фактуальной благодаря способности единиц языка порождать ассоциативные и коннотативные значения, а также благодаря способности предложений внутри содержательно-фактуальной информации приращивать смыслы [2, с. 28].

Важным элементом любой коммуникации является форма, с помощью которой выражается информация. В тексте любого художественного произведения форма воплощается через содержание, заключая в себе достаточно значимую часть информации.

Форма и средства актуализации информации в каждом литературном произведении строго специфичны, так как они детерминированы индивидуальным стилем автора и уникальностью семантики отдельного художественного текста. Конкретное литературное произведение имеет свой набор язы-

ковых средств представления той или иной информации [2, с. 30].

В тексте исторического романа Василия Яна информация имеет лингвокультурологический характер, выражаясь через лингвокультуремы – языковые единицы, представляющие собой диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического (понятийного или предметного) содержания [1, с. 44].

В содержательном плане в произведении В. Яна в качестве фактуальной информации представляются исторические события, связанные с именем великого полководца XIII века – Чингисхана. Средствами выражения данной информации являются лингвокультуремы различных видов: названия национальных образов, символов, ритуалов и обрядов, обычаев и традиций, теологизмы, факты народного словесно-художественного творчества, афоризмы, крылатые выражения и др.

Из перечисленных видов лингвокультурем в произведении В. Яна чаще употребляются наименования национальных образов, представленные в тексте именами собственными (имена правителей, шахов и ханов, поэтов и др.). Например: «*Джелаль эд-Дин Менгбурны*, наследный сын хорезм-шаха»; «*Рудеги* – крупнейший поэт IX века, родом из Бухары» [6, с. 14, 18] и др.

Смысловое взаимодействие собственных имён наблюдается в следующем фрагменте романа: «Наконец, когда имам заметил: “Ты идёшь не по дороге в рай, а в огненную пропасть ада”, Абу-Джафар ему дерзко ответил: “Ступай от меня и не зови меня в рай! Когда ты проповедуешь о чётках, о местах молитвы и о воздержании, я думаю, не все ли равно – идти ли в мечеть *Мухаммеда*, или в монастырь *Исы*, где звонят в колокола, или в синагогу *Моисея*. Везде я искал, но не находил бога, бога нет, его выдумали те, кто торгует его именем. Мой свет, мой проводник – *Абу Али Ибн Сина*”» [6, с. 37].

Эпизод представляет собой неоднородную композиционно-речевую структуру, включающую авторское повествование и речь героя. Лингвокультуремами здесь являются имена собственные (*Мухаммед*, *Иса*, *Моисей*, *Абу Али Ибн Сина*), которые называют значимых личностей в мировой религии и истории. Несоответствие проявляется в том, что последнее имя собственное семантически противопоставлено предыдущим, потому что, вероятно, герой является материалистом. Лингвокультуремы *Мухаммед*, *Иса*, *Моисей* – имена основателей трёх монотеистических религий. Мы наблюдаем, что, являясь лексемами одной тематической группы, они употребляются в различном по генезису звучании. Мухаммед и Иса – имена пророков, употребляемые в Коране, лексема Моисей в Коране звучит как Муса, однако в Библии именуется как Моисей. Здесь мы наблюдаем взаимодействие восточной и европейской культурных тради-

ций. Исторический комментарий лингвокультурем данного типа автор приводит в сносках:

«*Абу-Али Ибн-Сина* – выдающийся учёный XI века, родившийся в Бухаре. Имя его в Европе переделано в *Авиценна*. За неверие и требование свободы разума был брошен в Испанию в тюрьму, где умер. Он оставил много книг по естественным наукам, медицине, алхимии и являлся на мусульманском Востоке одним из самых отважных борцов за свободу разума. Его медицинская энциклопедия “Канон”, переведённая на латинский язык, была главным руководством европейских врачей в средние века» [6, с. 37].

Лексемы *Абу-Али Ибн-Сина* и *Авиценна* являются синонимами и употребляются на языке той лингвокультуры, о которой говорится в произведении. В арабском звучании *Абу* исторически означало «отец кого-то», но со временем это слово превратилось в элемент мужского имени: к данной части можно прибавить любое дарованное имя. *Ибн* означает «сын кого-то». Арабы часто используют эту вставку между дарованным именем и именем отца.

Имена собственные в их взаимодействии образуют ономастическое пространство текста, анализ которого позволяет выявить связи и отношения, существующие между разными персонажами произведения в их динамике, раскрыть особенности художественного мира. Таким образом, содержательно-фактуальная информация переходит в содержательно-концептуальную посредством индивидуально-авторского понимания явлений, субъективной интерпретации писателем тех или иных исторических фактов.

Информация содержательно-фактуального типа передаётся также с помощью топонимов. Писатель с точностью рисует историко-географическую картину старого азиатского государства: «*Караваны Махмуд-Ялвача в двести-триста верблюдов ходят в Тавриз и в Булгар и до священного Багдада*» [6, с. 27].

Исторический комментарий к лингвокультуремам автор также приводит в сносках:

«*Тавриз* – большой город в северном Иране. *Булгар* – в X–XIV веках богатый торговый и промышленный город, столица волжских булгар, расположенная при впадении Камы в Волгу» [6, с. 27].

Важным языковым способом представления лингвокультурной информации являются сильные позиции текста. Заглавие художественного произведения занимает сильную позицию и не случайно рассматривается исследователями как «аббревиатура смысла» всего текста, как отражение собственно авторской интерпретации [4, с. 117].

Большинство лингвокультурем представлены топонимами и антропонимами, они вынесены в названия глав, в содержание и даже в заглавие самого романа: «*Чингисхан*», «*Заговор царицы Туркан-Ха-*

тун», «Поход в *Кипчакскую степь*», «Беспокойная ночь *Чингисхана*», «В юрте *Кулан-Хатун*», «Неукротимый *Тимур-Мелик*», «В осажденной *Бухаре*», «Битва при *Синде*» и др.

Антропонимы и топонимы участвуют в создании образов героев романа, формируют художественное время и пространство, характеризуют национально-культурные особенности определённой эпохи.

Следующей группой языковых единиц, выражающих в тексте содержательно-фактуальную информацию, являются лингвокультуремы-теологизмы (религиозные термины). Например: «Меня зовут *Хаджи Рахим*...» [6, с. 17]. Приставка *Хаджи* к имени собственному *Рахим* обозначает паломника, совершившего хадж (путешествие) в Мекку, город в Аравии, являющийся священным для мусульман.

«...Если ты, правоверный, бросишь правоверного в беде, то это хуже убийства... – так говорит “*благородная книга*”...» [6, с. 12]

Используя перифраз *благородная книга*, автор подразумевает Коран, священную книгу мусульман.

Лингвокультурема *Аллах* встречается в произведении достаточно регулярно, что еще раз подчеркивает доминантный характер данной лексемы: «*Аллах велик!*...»; «Я покажу, какой приговор *Аллаха* написан на их бледном челе...» [6, с. 47, 19].

В романе В. Яна содержательно-концептуальная информация представлена в виде афоризмов и крылатых выражений. Например: «Служба царям имеет две стороны: одна – надежда на хлеб, другая – страх за свою жизнь» (Саади, XIII век); «Торопитесь обрадовать добрым словом встречного: быть может, больше не придётся встретиться» (восточная пословица); «Афросиаб воскликнул: “Я иду в поход! Покрасьте хенной [хной] хвост моего коня!”» (из древней персидской песни). Данные лингвокультуремы занимают сильную позицию текста, являясь эпиграфами к отдельным частям романа. Концептуальность информации, представленной в виде афоризмов, обуславливается имплицитным выражением авторского отношения к происходящим событиям.

Наиболее ярко авторская оценка представляется в репликах героев, являющихся цитатами. Например, слова посла Ибн-Кефредж-Богра, проявляющего своё недовольство: «*В священной книге сказано: посла не душат, посредника не убивают!*» [6, с. 161]. Через лингвокультурему, представленную цитатой из Корана, В. Ян показывает своё негативное отношение к убийству монгольского посла людьми хорезм-шаха.

Таким образом, языковые единицы, выражающие лингвокультурную информацию, в историческом романе служат для экспликации концептуального содержания произведения. В романе Василия Яна «Чингисхан» лингвокультуремы являются способом выражения авторской позиции, организуют повествование на парадигматическом и синтагматическом уровнях текста. Категория информации охватывает ряд проблем, выходящих за пределы чисто лингвистического характера, так как информация не может рассматриваться вне учёта социальных, психологических, научно-теоретических, общекультурных, возрастных, временных и других факторов.

Языковые средства репрезентации лингвокультурной информации в произведении обладают национально-культурной спецификой, отражают исторические особенности культуры и религии среднеазиатских государств.

Библиографический список

1. *Воробьёв В.В.* Лингвокультурология: учебное пособие. – М.: Изд-во РУДН, 2006. – 330 с.
2. *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 140 с.
3. *Маслова В.А.* Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
4. *Николина Н.А.* Филологический анализ текста: учебное пособие. – М.: Академия, 2003. – 256 с.
5. *Фокина М.А.* Филологический анализ текста: учебное пособие. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2013. – 140 с.
6. *Ян В.Г.* Чингисхан: роман. – СПб.: Лениздат, Команда А, 2013. – 448 с.

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ И ТЕМПОРАЛЬНЫЙ КОД ЯЗЫКА (на материале произведений И.А. Бунина)

Настоящая статья посвящена рассмотрению понятия языковой личности в связи с темпоральным кодом языка. Сопоставлено понятие личности с точки зрения психологии, обыденного представления и лингвистики. Для языковой личности доминирующее значение имеет интеллект человека, умственные способности. В работе представлены три уровня языковой личности: вербально-семантический, когнитивный, прагматический, или мотивационный, и три группы языкового поведения: невербальные элементы поведения и реакции, вербальные реакции в конкретных культурных сферах и условиях, общие тенденции речевого поведения. Языковая личность описана не как статичная, а как постоянно развивающаяся единица, которая прогрессирует вместе с обществом, человечеством, культурой. Показано, что важнейшим фактором становления языковой личности является время, которое отражается в языке в качестве темпорального кода и субкодов: онтологического – время в представлении человека, хронометрического – хронологическая последовательность событий, метаязыкового – терминология времени в науке, и субъектно-личного психологического времени. Использовано узкое значение кода, по которому язык не отождествляется с кодом, но рассматривается как система кодов. В настоящей статье онтологический темпоральный субкод представлен в связи с метафоризацией времени, хронометрический темпоральный субкод описан с точки зрения членения временного потока и выделения таких видов, как хронография, хронометрия и хронология; метаязыковой темпоральный субкод предполагает обширную терминологическую составляющую, а психологический (субъективный) темпоральный субкод полностью сопоставим с психологическим восприятием себя во времени и времени в связи с собственными изменениями. Представлен анализ субкодов на речевом материале из произведений И.А. Бунина, что ведёт к пониманию писательского восприятия времени.

Ключевые слова: языковая личность, языковая картина мира, вербально-семантический уровень, когнитивный уровень, прагматический уровень, языковое поведение, темпоральный код языка, онтологический субкод, хронометрический субкод, метаязыковой субкод, субъективный субкод.

Человек всегда анализирует мир вокруг себя и своё место в нём, наделяя предметы разнообразными свойствами, действием в меру своего восприятия всего окружающего, что и отражено в языковой картине мира. Образное представление действительности носит отпечаток национальности, так как любая языковая личность принадлежит тому или иному государству, культуре, религии. По словам Г.А. Золотовой, «вся эта картина мира, вся жизнь человека (точнее человеческого общества) в мире, пропущенная сквозь коллективное человеческое сознание, отражается в языке и, находя в каждом языке соответствующие формы выражения, становится содержанием коммуникации» [4, с. 5].

Ю.Н. Караулов утверждает, что «за каждым текстом стоит языковая личность, владеющая системой языка» [5, с. 27]. Учёным выделены три уровня языковой личности:

1. *Вербально-семантический* – это уровень обычной языковой семантики, смысловых связей слов и лексико-семантических отношений, единицами которого являются слова. Для носителя языка вербально-семантический уровень предполагает степень владения обыденным языком.

2. *Когнитивный уровень* – система ценностей и смыслов в картине мира. Его единицами становятся различные способы мировосприятия: понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой индивидуальности в картину мира, отражающейся иерархией ценностей. На этом уровне языковой личности семантика размывается, и на

первое место выходит образ, возникающий не в семантике, а в системе знаний.

3. *Прагматический или мотивационный* – отношения в различных коммуникативных ситуациях. Данный уровень включает в себя «цели, мотивы, интересы, творческие потенции человека, его устремления, установки в речевой деятельности» [3, с. 24]. Обуславливается переход от оценок речевой деятельности к осмыслению реальной деятельности в мире.

Необходимо конкретное понимание того, что такое личность. В психологии личность – относительно стабильная организация мотивационных предрасположений, которые возникают в процессе деятельности из взаимодействия биологических побуждений и социальных, физических условий. В обыденном понимании личность – стиль жизни человека или характерный способ реагирования на жизненные проблемы. А значит, эмоциональные характеристики и воля довлеют над характеристикой интеллекта и способностей. В языковой же личности на первый план выдвигается интеллект и мышление. Следовательно, «языковая личность начинается по ту сторону обыденного языка, когда в игру вступают интеллектуальные силы» [5, с. 36].

Под языковой личностью понимается совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений – текстов, которые различаются

- а) степенью структурно-языковой сложности;
- б) глубиной и точностью отражения действительности;

в) определённой целевой направленностью.

Языковая личность на каждом уровне имеет и временные, и вневременные образования [8]. Вневременные образования: общенациональный, общерусский языковой тип и поуровневая организация:

1) устойчивая часть вербально-семантических ассоциаций;

2) базовая часть картины мира;

3) порождаемые устойчивые коммуникативные потребности, передающие внутренние установки, цели и мотивы личности.

Вневременные образования тоже распознаются на каждом уровне по степени всеобщности: распространяются ли они, кроме личности, на всё социальное общество или на более узкий коллектив, или относятся к определённым этапам становления только данной языковой индивидуальности. Эта вневременная часть в структуре языковой личности является таковой только в масштабе самой личности, по отношению к её времени. Она оказывается воплощением длительного исторического развития.

Языковую личность нельзя полностью отождествлять с национальным характером. Ю.Н. Караулов отмечает аналогию между ними: и языковая личность, и национальный характер относительно устойчивы во времени, хотя являются продуктом длительного исторического развития и объектом передачи опыта от поколения к поколению.

Русская языковая личность складывается при наличии общерусского языкового типа, основной части общей для всех русских картины мира, «и устойчивого комплекса коммуникативных черт, определяющих национально-культурную мотивированность речевого поведения...» [5, с. 42].

Языковую личность вообще можно соотносить с культурой общенациональной, а национальную языковую личность – с национальной культурой, которая зависит от этноса, территории проживания, менталитета. Таким образом, сама языковая личность постоянно прогрессирует, меняется вместе с развитием общества, человечества, культуры. Роль языка во всех этих процессах велика. С.Д. Кацнельсон пишет, что язык через посредство речи содействует организации труда, обобщению, хранению и систематизации знаний [6]. Язык – важный структурный «узел» системы сознания; без него не будет ни речевого процесса, ни другого вида деятельности. В языке заложены готовые формулы, которые предполагают знание языка и которые воспроизводятся говорящим, а не придумываются заново. Но изучение языка «в себе и для себя», как предлагал Ф. де Соссюр, в отрыве от человека, сужает его возможности. Связь языка и мышления позволяет рассматривать слово в связи с обозначаемым понятием, а предложение – с формой суждения. В.Г. Гак отмечает, что понятия не возникают сами собой, а представляют

результаты, в которых обобщаются данные опыта, что изучение языковых форм в соответствии с понятиями и суждениями вместе с тем показывает, каким образом сама действительность отражается в идеальной стороне языковых единиц. Говорящий в своей речи «заново обобщает и организует данные конкретного опыта, ввиду чего один и тот же отрезок действительности может быть обозначен с помощью различных языковых форм» [2, с. 211].

Языковое поведение – важный аспект национальной культуры, в котором различают три группы составляющих.

1. Невербальные элементы поведения и реакции – это жесты, мимика, поступки.

2. Вербальные реакции в конкретных культурных сферах и условиях – фразы, реплики, производимые в определённой ситуации.

3. Общие тенденции речевого поведения, которые проявляются независимо от культурной сферы и отражают «как общие закономерности построения высказывания на данном языке, так и свойственные данному социуму правила речевого поведения» [2, с. 585].

В.Н. Денисенко говорит о том, что идея языковой личности – это отказ изучать язык только в себе и для себя, в системно-структурном плане, это переход к изучению языка в связи с человеком и его деятельностью.

Как показал анализ, формирование языковой личности – длительный исторический процесс, который затрагивает все сферы знания о человеке, о его деятельности и языке.

В связи с проблемой языковой личности и языковой картины мира Е.Н. Широковой используется термин *код*, у которого выделено несколько значений [10, с. 54–71]. Исследователь применяет узкое значение кода, по которому язык не отождествляется с кодом, но рассматривается как система кодов. «При таком подходе учитывается как неоднородность национального языка, так и вариативность литературного языка, отражающая не только его функциональную дифференциацию, но и вариативность языковых единиц по отношению к выражению определённого внеязыкового содержания (понятия)» [10, с. 69]. Под темпоральным кодом понимается «фрагмент языковой системы, репрезентирующий понятийную категорию времени и отражающий неоднородность восприятия, осмысления, познания категории времени человеком» [10, с. 69]. Е.Н. Широковой выделены подкоды или субкоды темпорального кода языка [10, с. 70–103]: *онтологический* передаёт сущность времени в представлении человека; *хронометрический* позволяет отразить хронологическую последовательность событий; *метаязыковой* связан с терминологическим описанием времени в науке; *субъективный* отражает восприятие и переживание хода времени [9].

Данные субкоды темпорального кода языка ярко представлены в тесте произведений И.А. Бунина. Остановимся более подробно на каждом из них.

Онтологический темпоральный субкод реализует себя с помощью метафор. «Концептуальные метафоры позволяют исследовать способ осмысления человеком абстрактных сущностей на уровне обыденного сознания» [10, с. 72]. В работах Н.Д. Арутюновой, В.В. Морковкина, К.Г. Краснухина, Е.В. Падучевой, В.А. Плунгяна и других исследователей подробно описана метафоризация времени.

1. Время – ценность, которую невозможно восполнить, особенно, когда оно необратимо и существует лишь в воспоминаниях о прошлом России: – *Ну, однако, нечего терять золотое время!* («Антоновские яблоки») [1, т. 1, с. 336].

2. Время – движение, время «чувствует» свою оторванность от будущего, но неизбежно к нему течёт: *Но помощи нет, и время течёт среди её однотоного плача в полной неизвестности, что будет дальше...* («У истока дней») [1, т. 1, с. 434].

3. Время – страх, безысходность, одиночество, угроза, оно пронзает героиню, подчиняет своим законам: *Было самое глухое время – она поняла это своим безумно колотившимся сердцем* («Суходол») [1, т. 2, с. 261].

Онтологический темпоральный субкод «антропоцентричен, субъективен и неоднороден, так как связан с образной номинацией, отражающей исторически изменчивые и культурно обусловленные представления об онтологии времени» [10, с. 87]. С одной стороны, метафоризация времени может принадлежать целому поколению, например, время революций, войн и других исторических событий, а с другой, отдельному человеку, проживающему определённые вехи и ступени и отражающему индивидуальное мировосприятие и жизненный опыт.

Хронометрический темпоральный субкод отражает членение временного потока и измерение времени. Е.Н. Широкова рассматривает три составляющих описания времени: хронографию, хронометрию, хронологию.

Хронография содержит в себе конкретную дату и время события: *Утро было, словом, вполне обычное, картина простая, но, как всегда это бывает, когда среди обычного случается что-нибудь необычное, тем ужаснее, удивительнее и как будто неправдоподобнее было то, что внезапно случилось в квартире ротмистра Лихарева ранним утром 19 июня* («Дело корнета Елагина») [1, т. 3, с. 173].

Хронометрия раскрывает длительность события: *И всё близился и близился срок моей разлуки с «Северным Полюсом», со всем тем, чем жила в нём по-студенчески, и с утра до вечера была в хлопотах, в разъездах по Москве, во всяческих радостных заботах* («Далёкое») [1, т. 3, с. 36].

Хронология репрезентирует последовательность событий: *Завтра она у нас с девками вал в саду опрывать будет, вот вы и приходите в сад...* («Митина любовь») [1, т. 3, с. 138].

Хронометрический темпоральный субкод описывается на циклическое и линейное время. «Членение временного потока связано не только с планетарными циклами и абстрактной шкалой времени. Существует ещё одна координатная система – сам человек, постоянно пребывающий в настоящем, но членящийся временной поток на настоящее, прошедшее, будущее» [8, с. 90]. Данная система координат принята одним народом, но может отсутствовать у другого. Исчисление времени может приобретать и символический, мифологический характер, например, человеческая жизнь: детство, юность, взросление, старость носит некий сакральный характер.

Метаязыковой темпоральный субкод неоднороден, так как проблема взаимосвязи онтологического, понятийного и лингвистического времени не решается однозначно. «Так, исследование времени рядом наук, трансцендентная сущность самого времени, совмещение в сознании современного человека научных, религиозных и обыденных представлений о времени, историческая изменчивость этих представлений, которые не сменяют друг друга, а сосуществуют в сознании, – всё это привело к значительному разрастанию метаязыка, связанного с описанием времени. В частности, возникло множество квазитерминологических словосочетаний со словом *время*, отражающих разные аспекты исследования времени» [10, с. 96].

Как показал анализ, обширное количество квазитерминологических словосочетаний ведёт к нечёткому определению и разграничению понятий. С одной стороны, подробное описание времени способствует более глубокому его рассмотрению, но, с другой стороны, из разрозненных понятий сложно собрать воедино целостную картину и привести терминологию к унификации.

В психологическом словаре [7] дано толкование понятию психологическое время, на которое опирается понятие психологического (субъективного) темпорального субкода: время психологическое – отражение в психике системы временных отношений между событиями жизненного пути – содержит:

– оценки одновременности, последовательности, длительности, скорости протекания различных событий жизни, их принадлежности к настоящему, удалённости в прошлое и будущее: *Колокольчик однообразным дорожным напевом говорил о долгом пути, о том, что прошлое отжито, что впереди – новая жизнь* («Маленький роман») [1, т. 1, с. 452]. Представлено чёткое разграничение и противопоставление прошлого будущему в восприятии человеком, ощущение коренного перелома;

– переживания сжатости и растянутости, прерывности и непрерывности, ограниченности и беспредельности времени: *Старик, наплотив детей и внуков, в своё время помер, но старуха зажила и жила так долго, что казалось, никогда не будет конца её жалкому и нудному существованию («Преображение»)* [1, т. 3, с. 28]. Ощущение растянутости времени, непрерывности, невозможности как-либо повлиять на события, ожидание смерти, которая несёт облегчение;

– осознание возраста: детства, молодости, зрелости, старости: *Возле моря прошло детство Велги («Велга»)* [1, т. 1, с. 305]. Детство воспринимается как этап жизни человека, отграничение его от других путём осознания и восприятия возраста;

– представления о продолжительности жизни, о смерти и бессмертии, об исторической связи собственной жизни с жизнью предшествующих и последующих поколений семьи, общества, всего человечества: *Мир тебе, о юная! Смирненно я целую белое тюרבэ: пять веков бессмертна и нетленна на Востоке память о тебе («Гробница Сафии»)* [1, т. 1, с. 86]. Память, которая живёт дольше, чем сам человек, олицетворяет собой бессмертие души.

Как показал проведённый анализ, в связи с неоднородностью аспектов времени, выделенные темпоральные субкоды являются многоплановыми и неоднозначными в своём восприятии и толковании. Рассмотрение и использование данных темпоральных субкодов приводит к пониманию языковой личности писателя. Описание времени передаёт читателю глубину переживаний И.А. Бунина в связи с теми реалиями и изменениями, ко-

торые происходили в его жизни и в жизни целой страны.

Библиографический список

1. Бунин И.А. Собрание сочинений в 4 томах. – М.: Издательство «Правда», 1988.
2. Гак В.Г. Языковые преобразования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.
3. Денисенко В.Н. Концепт изменение в русской языковой картине мира: Монография. – М.: Изд-во РУДН, 2004. – 306 с.
4. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. Изд. 2-е, испр. – М.: Ком-Книга, 2005. – 352 с.
5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 3-е, стереотипн. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 264 с.
6. Кацнельсон С.Д. Категории языка и мышления: Из научного наследия. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 864 с.
7. Словарь практического психолога / сост. С.Ю. Головин. – Харвест; Минск, 1998.
8. Шаповалова Т.Е. От временной обобщённости к вневременности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия Русская филология. – 2013. – № 4. – С. 18–21.
9. Шаповалова Т.Е. Субъективная семантика глагольных форм будущего времени в повести М.Ю. Лермонтова «Тамань» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия Русская филология. – 2014. – № 4. – С. 14–18.
10. Широкова Е.Н. Темпоральный код языка и его эмотивный субкод. – Н. Новгород, 2010. – 189 с.

КОММУНИКАТИВНО-СИНТАКСИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ФРАНЦУЗСКОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья посвящена изучению закономерностей формирования французского простого предложения в соответствии с его коммуникативным (актуальным) членением, представляющим собой важнейший аспект, который предопределяет не только смысловую, но и формальную организацию любого высказывания. Предлагается классификация коммуникативно-синтаксических типов предложения, отражающая особенности взаимодействия коммуникативной (тема-рематической) структуры и синтаксической структуры. При построении коммуникативно-синтаксической типологии предложения учитываются такие признаки, как актуальное (тема-рематическое) членение, общая коммуникативная направленность (общее коммуникативное значение) и линейная структура предложения, а также формальные показатели состава темы и состава ремы. На основании данных характеристик выделяются следующие типы: три общеинформативных типа (с нулевой темой, с препозитивной темой, с постпозитивной темой) и шесть частноинформативных типов (субъектный, предикатный, объектный, константный, предикатно-объектный, предикатно-константный). В статье проводится сопоставительный анализ коммуникативно-синтаксических типов предложения, наиболее характерных для французского языка XVI в. и XX в. Делается вывод, что уже в XVI в. построение предложения в соответствии с его коммуникативным (актуальным) членением подчинялось в основном тем же закономерностям, что и в современном французском языке.

Ключевые слова: коммуникативное (актуальное) членение, тема-рематическая структура, синтаксическая структура, коммуникативно-синтаксические типы предложения, общеинформативные типы, частноинформативные типы.

Изучение закономерностей формирования предложения в соответствии с его коммуникативным (актуальным) членением, представляющим собой важнейший аспект, который предопределяет не только смысловую, но и формальную организацию любого высказывания, и построение на этой основе типологии, учитывающей особенности взаимодействия коммуникативной (тема-рематической) структуры и синтаксической структуры предложения, относится к числу кардинальных и в то же время сложных вопросов современной лингвистической науки, в частности – коммуникативного (актуального) синтаксиса [3; 5; 6; 10; 14; 16; 18 и др.].

Как известно, попытки построения подобной классификации предпринимались в отечественной и зарубежной лингвистике на материале разных языков [1; 4; 6; 7; 8; 9; 11; 12; 17; 19]. Вместе с тем многие вопросы, связанные с разработкой коммуникативно-синтаксической типологии предложения, то есть типологии, способной наиболее полно отразить возможности, которые язык предоставляет говорящему (пишущему) в сфере порождения речевого высказывания, не получили еще достаточного освещения в лингвистической литературе и требуют дальнейшего изучения [5]. Так, в частности, несомненный научный интерес представляет рассмотрение данной проблемы в диахроническом аспекте, поскольку сопоставительный анализ структурно-функциональных парадигм предложения разных исторических периодов позволил бы установить как общие тенденции коммуникативно-синтаксической организации предложения, проявляющиеся на протяжении всего процесса

языкового развития, так и специфические признаки и изменения, имевшие место на каждом из этих исторических этапов.

В этой связи нами предпринята попытка сопоставительного анализа особенностей коммуникативно-синтаксической организации предложения во французском языке двух исторических периодов – современного и ранненовофранцузского. Обращение к ранненовофранцузскому периоду обусловлено тем, что XVI в. является значимым моментом в истории французского языка – периодом его становления как национального литературного языка. Поэтому важным представляется выявление сходств и расхождений в формировании коммуникативно-синтаксических типов предложения двух исторических состояний французского языка – современного периода и периода, когда уже выявились с достаточной полнотой основные, принципиальные черты его грамматического строя, за которыми отчетливо просматривается строй современного французского языка. Как отмечает Е.А. Реферовская, «уже тогда порядок слов в общем подчинялся тем же силам, что и в наше время, и прежде всего актуальному членению, обязательно присутствующему в речи как отражение психологической позиции говорящего» [13, с. 168]. Поэтому, считает Е.А. Реферовская, «причины имевших место изменений порядка слов от латинского к старо- и среднефранцузскому и далее останутся неясными, если не привлечь актуальное членение, которое в условиях не словесной, а грамматической организации предложения в конечном счете отвечает за распределение слов в речевой цепи, передающих содержание высказывания» [13, с. 168].

Материалом для исследования послужили художественные тексты современных французских прозаиков, а также произведения писателя-гуманиста XVI в. Франсуа Рабле, в которых, как отмечал известный филолог Л. Сенеан, нашли отражение важнейшие особенности развития общества и литературного языка той эпохи: «sa langue suit les progrès réalisés dans les arts et la brusque transformation sociale» [Цит. по: 15, с. 126].

Объектом рассмотрения явились простые повествовательные предложения, включающие подлежащее [S], сказуемое [V], дополнение [C], обстоятельство [D]. Цель статьи – сопоставительный анализ наиболее характерных для французского языка XVI и XX вв. коммуникативно-синтаксических типов, способных реализоваться в структуре этих предложений.

За основу выделения коммуникативно-синтаксических типов были взяты следующие отличительные признаки: актуальное (тема-рема-тическое) членение, общая коммуникативная направленность и линейная структура предложения, а также формальные показатели состава темы и состава ремы.

При установлении общей коммуникативной направленности (общего коммуникативного значения) предложения учитывались особенности взаимодействия двух информационных, заключенных в высказывании, – вещественной информации, представляющей собой констатацию какого-то факта объективной действительности, и коммуникативной (актуальной) информации, выделяющей наиболее важный аспект вещественной информации, сообщение о котором и составляет суть данного высказывания. Как известно, принцип определения типов высказывания по характеру актуальной информации был впервые предложен на материале русского языка П. Адамецем, выделившим общинформативные предложения (актуальная информация охватывает всю или почти всю вещественную информацию) и частноинформативные предложения (актуальная информация сосредоточивается на каком-то одном, частном аспекте вещественной информации) [1, с. 20, с. 26–28].

Мы сочли возможным использовать принцип определения типов предложения по характеру актуальной информации и применительно к материалу французского языка. Выделение общинформативных и частноинформативных предложений представляется удачным в том смысле, что в данных типах находят свое отражение конкретная коммуникативная ситуация и коммуникативная интенция субъекта речи, определяющие тема-рема-тическое членение того или иного коммуникативно-синтаксического типа. Кроме того, деление на обще- и частноинформативные предложения соответствует принятой в современной лингвистике классификации вопросов, относящихся к реме,

в частности – классификации вопросов, предложенной в свое время Ш. Балли: 1) полный диктальный вопрос, цель которого получить сведения обо всем диктуме, т. е. установить существо полностью неизвестного факта; 2) частичный диктальный вопрос, относящийся к части диктума и имеющий целью получить дополнительные сведения о каком-то аспекте данного факта [2, с. 47–48]. В зависимости от того, на какой из вышеназванных вопросов отвечает данное предложение, выделяются соответственно два типа предложения: общинформативный и частноинформативный.

Заимствуя у П. Адамеца термины «общинформативный тип предложения» и «частноинформативный тип предложения», считаем необходимым провести более четкое разграничение данных типов и в качестве критерия их выделения учитывать не только коммуникативные, но и синтаксические функции компонентов предложения. Так, к общинформативным типам относим предложения, в которых в состав ремы входят одновременно подлежащее и сказуемое, а к частноинформативным типам – предложения, в которых в качестве ремы выступает любой из компонентов или несколько компонентов, за исключением комбинации подлежащее + сказуемое [6, с. 137].

Сопоставительный анализ фактического материала показал, что как в XVI в., так и в XX в. оба типа предложения неоднородны и могут образовывать несколько вариантов, отличающихся друг от друга по характеру темы и ремы, то есть по конкретной цели актуальной информации. Среди общинформативных предложений были выявлены три коммуникативно-синтаксических типа: с нулевой темой, с препозитивной темой и с постпозитивной темой. Среди частноинформативных предложений наиболее продуктивными оказались шесть коммуникативно-синтаксических типов, в которых функцию ремы выполняют: подлежащее (субъектный тип), сказуемое (предикатный тип), дополнение (объектный тип), обстоятельство (сирконстантный тип), сказуемое и дополнение (предикатно-объектный тип), сказуемое и обстоятельство (предикатно-сирконстантный тип).

Таким образом, на базе простых повествовательных предложений в XVI и XX вв. могут формироваться не менее девяти аналогичных коммуникативно-синтаксических типов, каждый из которых характеризуется определенным актуальным членением, определенной общей коммуникативной направленностью, определенной линейной структурой, определенными формальными показателями состава темы и состава ремы. Ниже будут рассмотрены четыре коммуникативно-синтаксических типа – два общинформативных и два частноинформативных типа.

Общинформативные типы предложений с нулевой темой отличаются от остальных коммуника-

тивно-синтаксических типов тем, что заключают в себе совершенно новую, неизвестную информацию и отвечают на предельно широкий (общий) вопрос «Что случилось?», «Что происходит?» (полный диктальный вопрос, по терминологии Ш. Балли). Тема оказывается имплицитной, она представлена в предшествующем контексте или задана всей конситуацией.

В современном французском языке общеинформативные предложения с нулевой темой могут образовывать следующие коммуникативно-синтаксические типы:

(S + V)^R: *Des semaines, des mois passèrent (Alain-Fournier)*; (S + V + C)^R: *Un demi-clair de lune baignait le silence bruissant et chaud (Courtade)*; (S + V + D)^R: *Des enfants courront sur une route (Perec)*; (D + V + S)^R: *Au milieu d'un jardin planté de figuiers s'élevait une villa blanche (Dabit)*.

В ранненовофранцузском языке встречаются те же коммуникативно-синтаксические типы, однако, в отличие от современного языка, они не имеют еще достаточно устойчивых коммуникативно релевантных формальных показателей. Как видно из приведенных выше примеров, в современном французском языке общеинформативные типы с нулевой темой сигнализируются наличием неопределенного артикля перед всеми именными компонентами (исключение составляют существительные, обозначающие единичное понятие или имеющие абстрактное или обобщенное значение). В XVI в. именные компоненты в данных типах могут сопровождаться как неопределенным, так и определенным артиклем. Ср.: *Mais ung ribault canonier... luy tira ung coup de canon (Rabelais)*; *Les rats et les blattes... auoyent brousté le commencement (Rabelais)*. Поэтому в ранненовофранцузском языке определение тема-рематического членения, а следовательно, и типа предложения производится лишь с помощью семантико-контекстуального анализа, в то время как в современном французском языке общеинформативный тип с нулевой темой может быть установлен и вне контекста, на основании достаточно точных формальных показателей.

Общеинформативные типы предложений с препозитивной темой являются коммуникативно расчлененными высказываниями, в которых обстоятельство, находящееся в начале предложения, выступает в качестве темы. Тема, таким образом, представлена эксплицитно в самом высказывании. Указывая место или время действия, тема служит фоном, на котором разворачивается основное повествование. Она не сообщает очень существенной для данного высказывания информации и является скорее отправной точкой для передачи главной, актуальной информации, выражаемой подлежащим и сказуемым, которые образуют комплексную рему. Предложение отвечает на вопрос «Что в это время (в этом месте) случилось (происходит)?».

Данные общеинформативные типы имеют и в XVI в., и в XX в. аналогичные коммуникативно-синтаксические схемы. Ср.:

D^T – (S + V)^R: *Derrière le rideau / une femme assez volumineuse allait et venait (Simenon)*; *Cependent / monsieur l'appetit venoit (Rabelais)*; D^T – (V + S)^R: *Sur le chemin / se montraient les premiers promeneurs (Dabit)*; *En c'est estat / passa iusques à ung an et dix moys (Rabelais)*.

Как показал анализ фактического материала, коммуникативно однозначными высказываниями и в XVI в., и в XX в. являются типы с коммуникативно-синтаксической схемой D^T – (S + V)^R, сигнализатором которых выступает срединное положение подлежащего. В современном французском языке рематический характер подлежащего может подчеркиваться также и неопределенным артиклем. Ср.: *Aux approches de l'aube / un vent s'était levé (Gamarra)*; *Derrière lui / un chien trottnait (Dabit)*.

Что касается типа с коммуникативно-синтаксической схемой D^T – (V + S)^R, он оказывается менее маркированным. Его линейная структура одинакова с линейной структурой общеинформативного типа с нулевой темой. Единственным отличительным признаком последнего типа является наличие неопределенного артикля как при подлежащем, так и при второстепенных членах предложения. Кроме того, как будет видно из последующего анализа, конечная позиция подлежащего характерна и для частноинформативного субъектного типа, выделяющего в качестве ремы подлежащее.

Частноинформативные субъектные типы предложения представляют собой коммуникативно расчлененные высказывания. Сказуемое и второстепенные члены, образующие комплексную тему, помещаются в начале предложения. Не заключая в себе новой для данного высказывания информации, они выполняют связующую функцию с левым контекстом и одновременно служат исходной точкой высказывания. Основное внимание сосредоточено на подлежащем, которое является носителем главной, актуальной информации и поэтому выносятся в сильную конечную позицию.

Данные типы предложения имеют в современном и ранненовофранцузском языке одинаковые коммуникативно-синтаксические схемы. Ср.:

(C + V)^T – S^R: *A la haie des noisetiers avait succédé / un mur de pierres sèches (Courtade)*; *Ensemble eulx commença rire / maistre Ianotus (Rabelais)*; (D + V)^T – S^R: *Alors venait / le tour des allumeurs de Russie et des Indes (Saint-Exupéry)*; *En la bataille se tint / le roy et les princes de son royaume (Rabelais)*; (V+D)^T – S^R: *Et gronda, en sens inverse, / un second rapide illuminé (Saint-Exupéry)*; *...comparurent duvant Piorochole / le duc de Menuail, comte Spadassin, et capitaine, Merdaille (Rabelais)*.

Из приведенных выше типов предложения лишь последний характеризуется коммуникативно-

но однозначными формальными показателями: конечная позиция подлежащего и начальная позиция сказуемого. В остальных типах конечная позиция подлежащего сама по себе оказывается недостаточной для того, чтобы с наибольшей точностью определить тема-рематическое членение предложения, так как подлежащее может занимать конечное положение и в общеинформативных предложениях.

Определенную роль в установлении субъектного типа предложения играет лексическое значение глагола. Как свидетельствует фактический материал, экзистенциальные глаголы со значением присутствия, наличия, проявления и т. д., не отличающиеся большой информативностью, имеют тенденцию объединяться в комплексную тему с дополнением или обстоятельством, с которыми они тесно связаны семантически. Ср.:

Près du journal se trouvaient / une assiette, un verre d'eau coloré de vin, un quignon de pain (Saint-Exupéry); Auquel lieu estoit / une ample forest (Rabelais); La se sont trouvez / vingt et deux cens mille chameaux, et seize cens elephans (Rabelais).

Глаголы с процессуальным значением могут входить как в состав ремы, так и в состав темы. В этом случае коммуникативно-синтаксический тип может быть установлен с достаточной степенью достоверности лишь на основе семантико-контекстуального анализа. Ср.:

De la chambre du révérend jaillit mon père cramoisi (Bazin); Cependent vint ung commandeur iambonnier de saint Antoine (Rabelais).

Частноинформативные сирконстантные типы предложения имеют в XVI и XX вв. аналогичную коммуникативно-синтаксическую схему: $(S + V)^T - D^R$. Подлежащее и сказуемое, предопределенные левым контекстом, образуют комплексную тему и поэтому занимают первую часть предложения. Главное сообщение, ради которого строится данное высказывание, передается обстоятельством. Коммуникативно-однозначным показателем рематического характера обстоятельства выступает его конечная позиция. Ср.:

Le train part / à cinq heures (Alain-Fournier); Ils allèrent / en Lorraine, en Saintonge, en Picardie, en Beauce, en Limagne (Perec); Mais son ame estoit / en la cuisine (Rabelais); L'une partie ira ruer / sus ce Gragousier, et ses gens (Rabelais).

В отличие от современного французского языка в XVI в. довольно распространенным является также тип предложения с коммуникативно-синтаксической схемой $(V + S)^T - D^R$. Ср.: *Ainsi feut gouverné Gargantua, et continuoit ce procez / de iour en iour (Rabelais); S'esueilloit donques Gargantua / enuviron quatre heures du matin (Rabelais).* Препозиция сказуемого по отношению к подлежащему подчеркивает здесь тематичность главных членов предложения и является, таким образом, коммуни-

кативно релевантным показателем данного коммуникативно-синтаксического типа.

Итак, анализ художественных текстов XVI в. и XX в. показал, что коммуникативно-синтаксические типы простых предложений, ставшие продуктивными на современном этапе развития французского языка, сложились в основном уже в период формирования национального литературного языка.

Представленное выше краткое описание характерных для французского языка XVI и XX вв. коммуникативно-синтаксических типов наглядно свидетельствует о значительном сходстве их коммуникативно-синтаксических схем. В то же время анализ фактического материала позволил констатировать, что в XVI в., в силу еще не закрепившегося прямого порядка слов, некоторые коммуникативно-синтаксические типы могут образовывать варианты, являющиеся ненормативными в языке XX в., как, например, рассмотренный выше частноинформативный тип предложения с коммуникативно-синтаксической схемой $(V + S)^T - D^R$.

Проведенное исследование показало также, что в современном французском языке эффективными средствами маркирования коммуникативно-синтаксических типов являются артикль и местоположение оформляемых им именных компонентов. Благодаря взаимодействию этих двух формальных показателей каждый коммуникативно-синтаксический тип имеет в современном языке, в отличие от языка XVI в., достаточно устойчивые характеристики, позволяющие выделять его среди других типов предложения.

Несмотря, однако, на наблюдавшуюся в языке XVI в. недостаточную устойчивость коммуникативно-синтаксических схем и формальных показателей некоторых коммуникативно-синтаксических типов, можно сделать вывод, что уже в раннефранцузский период построение простого предложения в соответствии с его актуальным членением подчинялось в основном тем же закономерностям, что и в современном французском языке.

Библиографический список

1. Адамец П. Порядок слов в современном русском языке. – Прага: Academia, 1966. – 96 с.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1955. – 416 с.
3. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. – М.: Добросвет, 2004. – 864 с.
4. Долинин К.А. Коммуникативные варианты французского простого предложения. – Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1975. – 46 с.
5. Егорова О.С. Актуальные проблемы коммуникативного синтаксиса // Ярославский педагогический вестник. Гуманитарные науки: научный журнал. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2014. – № 4. – Т. 1. – С. 116–119.

6. *Егорова О.С.* Коммуникативно-функциональная типология высказывания в современном французском языке: дис. ... д-ра филол. наук. – Ярославль, 1999. – 263 с.
7. *Егорова О.С.* Структурно-функциональная типология предложения в русском и французском языках // Ярославский педагогический вестник. Гуманитарные науки: научный журнал. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2012. – № 1. – Т. 1. – С. 167–174.
8. *Егорова О.С. Рябова Г.Н.* Коммуникативно-синтаксическая организация предложения в поэтическом тексте (на материале русского и испанского языков) // Ярославский педагогический вестник. Гуманитарные науки: научный журнал. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2011. – № 2. – Т. 1. – С. 176–180.
9. *Ковтунова И.И.* Современный русский язык: Порядок слов и актуальное членение предложения. – М.: Просвещение, 1976. – 239 с.
10. *Кузнецова Т.Я.* Вертикальный контекст: дискурс, обусловленный французской ментальностью // Языки и культуры в современном мире: Материалы XI международной конференции. – М.: НОПриЛ, 2014. – С. 262–266.
11. *Михайлов Л.М.* Коммуникативная грамматика немецкого языка. – М.: Высшая школа, 1994. – 256 с.
12. *Распопов И.П.* Актуальное членение предложения (на материале простого повествования преимущественно в монологической речи). – Уфа: Изд-во Башкир. ун-та, 1961. – 163 с.
13. *Реферовская Е.А.* Формирование романских литературных языков. Французский язык. – Л.: Наука, 1980. – 200 с.
14. *Реферовская Е.А. Васильева А.К.* Теоретическая грамматика современного французского языка. Синтаксис простого и сложного предложений. – М.: Просвещение, 1983. – 334 с.
15. *Сергиевский М.В.* История французского языка. – М.: Учпедгиз, 1938. – 288 с.
16. *Слюсарева Н.А.* Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка. – М.: Наука, 1981. – 206 с.
17. *Чахоян Л.П.* Синтаксис диалогической речи современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1979. – 198 с.
18. *Шевякова В.Е.* Современный английский язык. Порядок слов, актуальное членение, интонация. – М.: Наука, 1980. – 382 с.
19. *Hatcher A.G.* Syntax and Sentence // Word. – 1956. – Vol. 12. – No 2. – P. 324–250.

Галлямова Мария Сергеевна

кандидат филологических наук, доцент
maria_gallyamova@mail.ru

Кленовая Наталия Валентиновна

кандидат педагогических наук, доцент
Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова
nataklen@list.ru

ПРИЕМЫ ПЕРЕВОДА ПРИ РАБОТЕ С АББРЕВИАТУРАМИ В РАМКАХ ДЕЛОВОГО ПИСЬМА

В статье рассматриваются особенности перевода аббревиатур при работе с деловой корреспонденцией. Активное использование аббревиатур в деловом письме определяется, главным образом, необходимостью экономии языковых средств, что обусловлено спецификой деловой корреспонденции как таковой. Принципы деловой переписки (лаконизм, ясность, недвусмысленность языка делового сообщения, достаточная информативность делового письма) напрямую способствуют частому употреблению аббревиатур. Кроме того, насыщенность делового письма терминами, а также сложными устойчивыми словосочетаниями способствует более частому употреблению аббревиатур, чем это необходимо во многих других сферах, так как нередко бывает рациональнее использовать аббревиатуру, позволяющую поместить в ограниченный объем текста значительную информацию, чтобы передать собеседнику нужные знания, затратив при этом минимальное количество усилий и времени. В этом случае перед переводчиком стоит непростая задача не только перевести ту или иную аббревиатуру с одного языка на другой, но и предоставить реципиенту перевода полную (и корректную) информацию о скрывающейся за ней реалии. Рассматриваемые в статье способы перевода аббревиатур с английского языка на русский при работе с деловым письмом дают представление о частотности использования того или иного приема перевода. Приемы транскрипции/транслитерации, калькирования, описательного перевода, аналога имеют как свои неоспоримые достоинства, так и определенные недостатки, что наглядно проиллюстрировано приводимыми авторами примерами. Наиболее распространенными приемами перевода аббревиатур в рассматриваемой области оказались приемы нахождения аналога, транскрипции/транслитерации и калькирования. Прием описательно-разъяснительного перевода оказался наименее приемлемым при работе с аббревиатурами в рамках делового письма.

Ключевые слова: деловое письмо, аббревиатура, фоновые знания, способы перевода, транскрипция, транслитерация, калькирование, аналог.

В условиях современного мира закон экономии речевых усилий оказывает огромное влияние на язык и речь. Постоянно ускоряющийся ритм современной жизни общества способствует появлению необходимости передать как можно больше информации в предельно короткий промежуток времени. Как следствие, прежде не востребованные по разным причинам внутренние ресурсы языка не только активизируются, но претерпевают ряд изменений. Аббревиация, являясь одним из самых распространенных способов экономии языковых средств, представляет собой своеобразный код передачи и получения информации. Аббревиатуры, помещая в ограниченный объем текста значительную информацию, позволяют передать собеседнику огромное количество знаний, не затрачивая при этом много усилий и времени. Знание аббревиатур и стоящих за ними реалий и фоновых знаний особенно важно для переводчика, так как их использование позволяет значительно сократить объем текста при письменном и время при устном переводе.

Для переводчика при работе с деловым письмом использование аббревиатур в тексте представляет собой определенную сложность. Порой серьезные вопросы возникают даже при употреблении широко известных и часто употребляемых сокращений, так как переводчику необходимо не только перевести ту или иную аббревиатуру, но

и предоставить получателю перевода полную информацию о скрывающемся за ней понятии.

Кратко культура официальной переписки может быть определена тремя принципами [2]:

- 1) лаконизм делового письма;
- 2) достаточность информационного сообщения, отвечающая целям письма и характеру отношений;
- 3) ясность и недвусмысленность языка сообщения.

Частое употребление аббревиатур в рамках делового письма обусловлено указанной выше спецификой деловой корреспонденции как таковой. Деловые письма характеризуются наличием большого количества терминов, названий организаций/учреждений/должностей/партий и наименований компаний, обозначающих их принадлежность к той или иной организационно-правовой форме, многие из которых представлены в виде аббревиатур. Дело в том, что встречающиеся в деловых письмах термины и названия в виде сложных слов и словосочетаний неудобны для употребления, поэтому часто во избежание повторений длинных названий и для экономии места сложный термин употребляется в виде его короткого варианта [4].

Итак, основная задача аббревиатур в деловом письме – это экономия письменного текста. Однако преимущества такой экономии хороши только до тех пор, пока аббревиатуры понятны переводчику.

Переводчику необходимо знать, как расшифровывается та или иная аббревиатура, то есть какая реалия за ней скрывается. Кроме того, переводчик должен хорошо себе представлять, существует ли в языке, на который осуществляется перевод, готовое соответствие как самой аббревиатуре, так и стоящей за ней реалии [4, с. 106–107].

При работе с аббревиатурами в рамках делового письма переводчик применяет классический набор способов перевода. Более детальное рассмотрение используемых приемов перевода при работе с деловой корреспонденцией ММК (Магнитогорского металлургического комбината) и ряда его филиалов позволило нам выявить ряд особенностей, требующих обязательного учета при организации работы с деловым письмом как таковым.

Мы не ставим нашей задачей проанализировать все возможные способы перевода английских аббревиатур в рамках делового письма и подробно рассмотрим наиболее распространенные из них.

Так, транслитерация, равно как и транскрипция, чаще всего применяется в тех случаях, когда речь идет об именах собственных, названиях государственных учреждений, должностей, специфических для данной страны, то есть о сфере общественно-политической жизни, о названиях предметов и понятий материального быта, о формах обращения к собеседнику, аббревиатурах и т. п. Слово исходного языка переносится в текст переводящего языка как есть, сохраняя отчасти или полностью форму в виде заимствования, транскрибированного или транслитерированного слова. Например:

UNESCO (United Nations Educational, Scientific and Cultural Organisation) – ЮНЕСКО (Международная организация по вопросам образования, науки и культуры); **ANZUS (Australia, New Zealand, United States)** – АНЗУС (Австралия, Новая Зеландия, Соединенные Штаты).

The ASEAN nations are to exercise greater political latitude in the region. – Странам, входящим в состав АСЕАН (Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии), необходимо больше экономической свободы в регионе [перевод авторов].

Существуют случаи, когда аббревиатура переходит из одной группы в другую, т. е. для перевода той или иной аббревиатуры используется другой способ:

SALT (Strategic Arms Limitation Talks) долгое время переводилось как СОЛТ, однако сейчас существует и вариант перевода ОСВ – Договор об ограничении стратегических вооружений [6].

Достоинством транскрипции/транслитерации как способа перевода безэквивалентной лексики является надежность. Транскрибируя/транслитерируя слово, обозначающее нечто малознакомое, недостаточно изученное и понятное носителям переводящего языка, переводчик, по сути дела, передает лишь его звуковую/буквенную оболочку.

Содержательная сторона слова раскрывается только через контекст. Тем самым переводчик избегает толкования нового понятия и связанного с этим риска неверной интерпретации [1].

Недостаток транскрипции/транслитерации как переводческого приема состоит в том, что механическая передача безэквивалентного слова не способна достаточно полно раскрыть содержание нового понятия, которое может либо остаться вообще непонятным для многих получателей текста, либо будет лишь приблизительно понятно из контекста. Этот недостаток рассмотренного приема может быть компенсирован примечаниями переводчика, помещенными в скобках или вынесенными в сноски [3].

Что касается приема калькирования, то он основном используется для передачи части географических названий, именовании историко-культурных событий и объектов, титулов и званий, названий учебных заведений, государственных учреждений, музеев, терминов и т. п. Кроме того, калькирование применяется в тех случаях, когда требуется создать осмысленную единицу в переводном тексте и при этом сохранить элементы формы или функции исходной единицы. В ряде ситуаций калькирование сопровождается процессами свертывания/развертывания исходной единицы, в зависимости от типологических характеристик двух языков. Например:

MP (Member of Parliament) – член парламента; **ROIC (return on invested capital)** – прибыль на инвестированный капитал; **ECB (European Central Bank)** – Европейский центральный банк; **ANC (African National Congress)** – Национальный конгресс Африки; **EBIT (earnings before interest and tax)** – прибыль до уплаты процентов и налогов; **EBITDA (earnings before interest, taxes, depreciation, and amortization)** – прибыль до вычета процентов, налогов и амортизационных отчислений.

Energy holding is the first Romanian-based company that has become a member of EFET (the European Federation of Energy Traders). – «Энерджи холдинг» является первой румынской компанией, ставшей членом Европейской федерации стран-экспортеров энергии [перевод авторов].

The top 190 or so SOES (state-owned enterprises) are directly controlled by SASAC (the State Assets Supervision and Administration Commission). – Около 190 ведущих предприятий, принадлежащих государству, контролируются непосредственно Комиссией по надзору за государственными фондами и их распределению [перевод авторов].

Аналог (слово или словосочетание в переводном тексте, имеющее в данном контексте то же значение, что и неэквивалентное ему слово или словосочетание в исходном тексте) как переводческий прием имеет многообразные проявления

и используется переводчиком тогда, когда некая предметная ситуация должна передаваться при переводе через принятые в языке нормы, закрепляющие те или иные знаки за определенными фреймами. Например:

ORS (Organisation of American States) – ОАГ (Организация американских государств); **EFTA (European Free Trade Association)** – ЕАСТ (Европейская ассоциация свободной торговли); **ЕЕА (European Economic Union)** – ЕЭС (Европейский экономический союз); **UAE (United Arab Emirates)** – ОАЭ (Объединенные Арабские Эмираты); **ADP (automatic data processing)** – АОД (автоматическая обработка данных); **IOS (International Organization of Standardization)** – ИСО (Международная организация по стандартизации).

It costs £300 + VAT at 13.5 %. – Стоимость составляет 300 фунтов стерлингов плюс 13,5 % НДС (**VAT (Value Added Tax)** – НДС (налог на добавочную стоимость)) [перевод авторов].

Единственным недостатком рассмотренного приема перевода аббревиатур является отсутствие порой точного эквивалента для той или иной языковой единицы в языке перевода.

Описательный перевод (способ передачи безэквивалентной лексики, заключающийся в раскрытии значения единицы исходного языка с помощью развернутого описания на переводящий язык), не являясь ведущим среди способов перевода аббревиатур в рамках делового письма, может оказаться единственно возможным в тех случаях, когда в переводящем языке нет сокращения-эквивалента.

Достоинством описательного перевода является возможность наиболее полного раскрытия сути описываемого явления, а его недостаток – в определенной громоздкости. Характер описательного перевода, используемого в контексте, очень редко полностью воспроизводит перевод-объяснение изолированного слова. Обычно полное объяснение значения слова «не укладывается» в рамки контекста. Как правило, такие конструкции избилуют причастными оборотами, сложными дополнениями и развернутыми (часто избыточными) определениями нового понятия. С помощью громоздкого словосочетания трудно выделить разъясняемое явление действительности из ряда других и закрепить его в сознании носителей переводящего языка как понятие, в то время как для создания понятия необходимо емкое, краткое и удобное название. Поэтому переводчику часто приходится сокращать объяснение до минимума, давать только часть описания [3]. Например:

bc (blind copy) – пометка в письме, которую ставит автор, если он не желает упоминать имя другого адресата

Отметим, что многочисленные латинские сокращения, характерные для языка деловой переписки, не представляют собой обособленной проблемы ввиду их прямого буквального перевода на русский язык (*e.g.* – например; *etc.* – т. д.; *vs* – против).

Анализ перевода аббревиатур при работе с деловой корреспонденцией с английского языка на русский в объеме порядка 500 языковых единиц показал, что аббревиатуры передаются в основном с помощью подбора аналога в языке перевода (55 %), транскрипции/транслитерации (25 %), приема калькирования (15 %). Прием описательного перевода, как правило востребованный при работе с аббревиатурами в целом, крайне редко используется при переводе аббревиатур в рамках делового письма (всего 5 %).

Эквиваленция (подбор аналога) используется переводчиком тогда, когда некая предметная ситуация должна описываться в переводе иначе в силу принятых в языке норм. Транскрипция/транслитерация, предполагая наличие или создание аббревиатуры в переводящем языке, также достаточно часто применяются для перевода безэквивалентной лексики. Использование приема калькирования становится правомерным при необходимости создания осмысленной единицы в переводном тексте так, чтобы элементы формы или функции исходной единицы были сохранены максимально полно. Описательный же перевод оказывается единственно возможным, когда в переводящем языке нет сокращения-эквивалента.

Библиографический список

1. Гарбовский Н.К. Теория перевода. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 554 с.
2. Гуринович В.В. Деловая переписка на английском языке: учебно-справочное пособие. – М.: АСТ; Минск: Харвест, 2007. – 256 с.
3. Кленовая Н.В. Специализированный перевод: учебно-методический комплекс по курсу «Специализированный перевод» для студентов факультета лингвистики и перевода. – Магнитогорск: МаГУ, 2007. – 183 с.
4. Особенности перевода безэквивалентной экономической лексики и аббревиатур делового письма / Т.Л. Герасименко, Т.М. Гулая и др. // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Сер. Филологические науки. – 2014. – Вып. 3. – С. 103–107.
5. Слепович В.С. Деловой английский. Business communication. – Минск: ТетраСистемс, 2002. – 256 с.
6. Oxford Dictionary of Finance and Banking. – Fourth Edition. – NY, 2008.

АМЕРИКАНИЗАЦИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ КАК УГРОЗА УТРАТЫ ИДЕНТИЧНОСТИ (на примере современного русского и французского языков)

Целью настоящей работы является определение влияния американской англоязычной культуры на современные русский и французский языки, поскольку именно язык, по мнению автора, является наиболее характерным показателем сохранения или утраты идентичности культуры и самой опасной сферой воздействия на нее. В статье дается анализ экономических, политических, лингвистических причин и способов проникновения заимствований, в частности, американизмов, в язык-рецептор. Автор делает попытку проследить, укладывается ли процесс заимствования в рамки внутрилингвистических причин, или экстралингвистические причины чаще преобладают. Кратко излагается современное состояние актуальности вопроса американизации русской и французской культуры. Проблема американизации языка и культуры рассматривается в синхроническом и диахроническом аспектах. В рамках этой статьи будет сделан акцент на бытование американизмов в языке современной молодежной прессы. Дается объективная оценка степени оправданности использования заимствований в текстах: от случаев, когда заимствование точнее передает смысл высказывания, небрежности в выборе родного или иноязычного слова, до специального подавления родного языка. Автор не ставит под сомнение необходимость владения английским языком как практическим инструментом международного общения для одних и инструментом постижения культуры англоязычных стран для других.

Ключевые слова: национальная идентичность, американизация, американизмы, английский язык, текст, язык русской прессы, современный французский язык прессы.

Любой текст является, прежде всего, носителем определенной практической информации. Кроме того, текст служит самостоятельным носителем воспитательных, развивающих читателя функций. Другая функция текста – это отражение современного состояния языка и культуры в целом. Автор выбирает содержание, которое он должен передать читателю, но также автор осознанно или неосознанно выбирает манеру изложения. Заимствования, в частности, американизмы, избыточно используемые в современных текстах, ориентированных на молодого читателя, несут на себе дополнительные, сверх своего непосредственного значения смыслы, что способно породить у читающего искаженные образы. В данной статье мы рассмотрим в каких условиях искажение смысла намеренно навязывается авторами, и может ли небрежное отношение к языку в контексте глобального процесса американизации угрожать национальной идентичности некоторых европейских стран.

Начнем с размышлений над определением заимствования. «Заимствование – процесс, в результате которого в языке появляется и закрепляется некоторый иноязычный элемент (прежде всего, слово). Заимствование – неотъемлемая составляющая процесса функционирования и исторического изменения языка, один из основных источников пополнения словарного запаса. Заимствованная лексика отражает факты этнических контактов, социальные, экономические и культурные связи между языковыми коллективами» [1; 8].

Мысль о том, что заимствование – это один из основных источников пополнения языка, неоспорима. Не переходят слова из одного языка в дру-

гой, любой язык не был бы так богат, так красив, так интересен, а главное – так точен. Заимствования всегда являлись необходимостью для языка, будь то обозначение некоторого отсутствующего в языке предмета или идеи, создание калек в научной терминологии или придание слову нового значения по образцу иностранного слова, имеющего ту же полисемию. И почти никогда заимствование не носило случайный, а тем более избыточный характер.

В этой связи наиболее существенным и показательным для данного исследования является фрагмент определения о связях между языковыми коллективами. Как правило, исторически связи между странами-носителями языка редко строились и строятся на основе равноправного сотрудничества. Чаще речь идет о некоем «социально-экономически-культурном» влиянии, а еще чаще речь идет о давлении (а порой и попытке подавления) одного коллектива другим. В разное время инструментами такого влияния служили золото, оружие, политический режим, экономические санкции и т.д. Не является ли в современном мире язык удобным инструментом навязывания своей идеологии другим странам?

В настоящее время наибольшее число заимствований в европейские языки идет из английского языка, точнее из американского английского. Рассмотрим, каким образом происходил процесс заимствования. Распространение языка через колонизацию – Британский вариант – вышло из обихода, так как оказалось разрушительным для колоний с экономической и демографической точек зрения, а также обернулось множеством негативных последствий для самой Британии.

Америка распространяла английский язык более эффективно и быстро другими методами: Coca-cola, McDonald's, Boeing, Miller, Bud, Ford, Boss Hugo Boss, Banana Republic, Guess, Victoria's Secret, Lacoste, Parliament, и т.д. – это лишь малый процент американских брендов, с которыми мы сталкиваемся ежедневно. Это следующий вид завоевания – промышленное завоевание.

Филолог М.Н. Трубникова, рассуждая о сферах влияния американской культуры, пишет, что «мы сталкиваемся с “американским” повсеместно: 90% сайтов в Интернете на английском языке, тем более что родина Интернета – США; мы носим джинсы – изначально американскую одежду; 85% просматриваемых россиянами фильмов американские, причем, зачастую низжайшего качества; 30% россиян предпочитают “fast food” здоровой пище, и число таких постоянно увеличивается; мы читаем американские книги и играем на PC в американские игры, но все это не всегда дает положительный эффект» [2; 6].

М.Н. Трубникова развивает идею отрицательного воздействия американизации через обращение к рекламе и приходит к выводу об осознанно навязываемом нам чувстве неудовлетворенности. «Глобальную проекцию американского богатства представляет собой постоянная реклама товаров, услуг и материальных ценностей, которые потенциально доступны потребителю. В рекламе сообщается о том, каким образом их можно приобрести, как они сделают нас лучше, счастливее, привлекательнее, современнее. Таким образом, происходит изменение традиционных ценностей и стиля жизни, разрушается идентичность общества. Но эти товары лишь порождают недовольство, потому что основной упор в заимствованной культуре делается на постоянное и продолжительное чувство неудовлетворенности» [3; 6].

Вероятно, через это чувство неудовлетворенности и рождается чувство неполноценности всего исконного, и, как следствие, отказа от него.

Тем не менее, у американского английского языка нашелся еще более быстрый и доступный и уникальный способ распространения – область средств связи и информации, доступная для каждого. Америка лидирует в области разработки и дизайна программного обеспечения и компьютерного железа. Более 90% Интернет-общения происходит на английском языке, а знакомство большинства с английским языком происходит через фильмы, музыку, ТВ и другие развлечения по-американски.

Среди исследователей данной проблемы существует и противоположное мнение: «Опасения по поводу американизации русского языка абсолютно беспочвенны. Его лексика и так в достаточной степени состоит из иностранных слов, и вряд ли она будет всерьез поддаваться американскому влиянию. В настоящее время это влияние ограничено

максимум десятком слов в молодежной речи (так называемый сленг), порядка двух десятков бизнес-терминов и примерно стольким же количеством компьютерных, что бесконечно мало по сравнению с десятками тысяч слов активной лексики русского языка, то есть проблема американизации надумана» [1]. Однако можем ли мы быть настолько оптимистичны в своих прогнозах? Да, русский язык велик и могуч. Но, как любой язык, он восприимчив к общим тенденциям в культуре и обществе, а реальность, к сожалению, такова, что часть самобытности русского языка и, как следствие, русской идентичности уже утрачивается.

Приведем несколько примеров использования американизмов в популярном журнале «Грация» на русском языке. Номер начинается с вступительной статьи главного редактора о том, как планировался данный номер: «Мой мудборд посвящен ...» (англ. *Moodboard* – «доска настроения» – визуальное представление дизайн-проекта, состоящее из изображений, описаний, образцов тканей и пр., служит для отражения общего настроения и тематики будущей коллекции, способствует эффективной коммуникации между членами креативной команды, исполнителем и заказчиком. Часто выполняется в виде коллажа). Подчеркнем, что русскоязычный номер начинается с иноязычного слова. Очевидно, что такое резкое фонетически неблагозвучное для русского уха слово не монтируется с общим настроением журнала. Слово «мудборд», понятное в издательской среде, и, возможно, более удобное, чем «визуальное представление будущего проекта», является странным, неприятным и, следовательно, неуместным в контексте обращения к читателям, не являющимся представителями издательского сообщества.

Возникает вопрос: с какой целью было использовано слово на иностранном языке? Из-за необходимости подобрать точное слово или это дань тенденции считать все англоязычное более ярким, модным, более высокого качества? Очевидно, второе.

Проследим десятки других примеров. Со страниц данного номера на читателя смотрят «it girls» (девушка с «изюминкой», которой все хотят быть, подражать) и «it bags» (сумки, которые знают все, не зная которые «преступление против моды»), информацию о звездах предоставляют «инсайдеры» (член группы людей, имеющий доступ к информации, недоступной широкой публике), критики от кино рекомендуют отличный «байопик» (фильм-биография, сокращение от *biographic picture*) и лав-стори, нас учат искусству мейкапа, приглашают в шоу-румы, нас угощают смузи, фрешем и крем-чизом, предлагают одежду casual и печворк, нас знакомят со стритстайл-хроник, нас уверяют, что мы живем в мире интернета и синглов, брендов, трендов и т.д. [2; 8, с. 80].

Часть приведенных слов в тексте журнала подчиняется правилам русского языка, склоняется, имеет категорию рода, числа, что может свидетельствовать о полном принятии слова, а в последствии, возможно, о замещении исконно русских слов американскими. Большинство из американизмов написаны буквами русского алфавита, что, определенно, делает их еще более странными.

Все вышеперечисленные слова имеют русский аналог. Какую же смысловую трансформацию несут на себе англицизмы? Приведем совсем простое сопоставление. Сравним, какие образы формируют у читателя слова «смужи и casual» и «ягоды с молоком и повседневная одежда». Первая пара рождает приблизительно следующие образы: модные диеты, модные кафе или фитнес клубы, дорогие напитки, только правильная одежда, одобренная западными журналами, одежда, которой должно быть много и она должна соответствовать тенденциям моды. Вторая пара: лето у бабушки в деревне, походы в лес за ягодами, свой двор, домашний уют, семья, долгие прогулки на природе, удобная одежда, которая служит комфорту и остается всего лишь одеждой, не превращаясь в предмет поклонения. Проведя сравнение, легко ответить на вопрос, на какие ценности мы хотим ориентировать молодого читателя. И текст в данном случае может служить и будет служить воспитательным целям. Задача любого автора – не стать, осознанно или неосознанно, транслятором искаженных идей и образов. Уважительное, даже трепетное отношение к слову, особенно к слову печатному, всегда ценилось русской культурой, и утратить это уважение никак нельзя.

В равной ли мере европейские языки подвержены американизации? Что позволило одним языкам в меньшей степени поддаться опасной тенденции? Другой алфавит, отсутствие комплекса неполноценности, географическая удаленность (которую нельзя считать решающим фактором, так как речь идет об обмене информацией, а данный путь хорошо налажен)? Вероятно, благодаря вышеперечисленным причинам русский язык не является самым восприимчивым к американизации. Среди европейских языков, по мнению автора, наиболее подверженным этой тенденции является французский язык.

Парадоксально, но французы исторически являлись приверженцами пуризма – преувеличенного стремления к чистоте литературного языка, к изгнанию из него всяких посторонних элементов. Сознание, что язык есть органическое целое, служащее живым выразителем народного мирозерцания и, в свою очередь, оказывающее на мысль значительное влияние, естественным образом вело к заботе о том, чтобы развитие языка протекало свободно от внешних, случайных влияний, и чтобы в наличный состав его не входили чуждые и не-

нужные ему примеси. Пуризм обвиняли в том, что в его основе лежат не только литературные и лингвистические соображения. Борьба против нового слова была внешним проявлением борьбы против новой идеи. Утрированное национальное чувство усматривало в усвоении языком иностранных слов падение народной самобытности; введение в язык иностранного слова рассматривалось как преступление не только против чистоты литературного языка, но и против устоев народно-общественной жизни. В современном французском обществе царит своего рода пуризм наоборот.

Тем не менее, в вопросе американизации французского языка и культуры тоже существуют две противоположные точки зрения.

Французский исследователь международной истории Л. Турне в своей работе «Американизация французской культуры» приводит несколько аспектов французской культуры, наиболее подвергшихся американизации в период после второй мировой войны. По его мнению, это – музыка, изменившаяся под влиянием джаза; литература, изменившаяся с появлением американского детективного романа, научной фантастики, нуара и карманной книги; кинематограф, который подвергся влиянию американских антикоммунистических фильмов эпохи холодной войны, а также низкосортных комедий, фильмов о войне, вестернов, изначально презираемых французской интеллигенцией. Не избежала изменений живопись, где популярность Парижской школы сменилась популярностью школы Нью-Йорка с ее абстрактным экспрессионизмом. Однако наибольшую ответственность за американизацию французской культуры Л. Турне возлагает на американскую армию с ее военными базами, расположенными повсюду в Европе и во Франции, на радио «Voice of America» и восстановление европейской экономики на американский манер: реклама, маркетинг, доступные кредиты, американские методы продаж. Автор приходит к выводу о неоспоримости влияния американской культуры на французскую, вплоть до подавления последней. Однако в своей работе автор не касается такого важного аспекта влияния, как язык.

Русские исследователи, традиционно уважительно относящиеся к красоте и уникальности французского языка и культуры, предупреждают о большой опасности для французской идентичности со стороны американской культуры. Так, Л. Сутормина отмечает, что вследствие политической и экономической деятельности Америки американская культура агрессивно внедряется во Францию через кино, музыку, телевидение и другие сферы жизни и приобретает глобальные масштабы. Однако, по наблюдениям исследователя, французы осознают угрозу своей национальной идентичности, не желая быть пассивными потребителями американской культуры.

Е.В. Есина подробно исследует проблему бытования англицизмов в языке французской женской периодики. Она цитирует мнение многих французских лингвистов, в частности, С. Брюне, Р. Серта, А. Гоос, М. Пернье, А. Жильдер: англицизмы просто переполняют сегодня французскую речь и англиканизация французского языка ведет сначала к «лингвистическому самоубийству», а затем и к «самоубийству интеллектуальному» [3, с. 74].

Однако Е.В. Есина акцентирует, что есть и другие лингвисты, такие как А. Рей, Ж. Селар, М. Йагелло, которые констатируют, что количество английских слов во французском языке не превышает 2%, и в подавляющем большинстве случаев французами заимствуется только одно из значений английского слова, а, следовательно, использование англицизмов не опасно для французского языка, а наоборот, только обогащает его [3, с. 75]. Лингвисты называют среди причин заимствования авторитетность и престиж всего англо-американского. То есть это констатация собственно недоверчивого отношения французов к своей самобытности.

Изначально благородная цель – служить экспрессивности, необычности, устанавливать менее официальный контакт с читателем, избегание повторения одних и тех же слов – начинает подменяться то заигрыванием с читателем, то как бы навязыванием ему идеи о том, что густое разбавление родного языка американскими словами поднимет его на другой уровень, придаст ему статусности. Где проходит эта грань между органичным заимствованием и избыточным, уродующим язык использованием американизмов, неизбежно ведущим к утрате идентичности нации?

Исследователи отмечают, что американизмами пополняются многие лексико-семантические группы, такие как информатика, массовая культура, спорт, экономика и финансы, политика и государственное устройство, медицина. Появляются они преимущественно через периодические издания: газеты, журналы, после чего отправляются «в народ».

Проследим на примере того же журнала *Grazia* (на французском языке) степень подверженности французского языка американизмам и определим степень разумности употребления заимствованных слов [9].

Оставим без комментария некоторые американизмы, такие как *punk*, *rock*, *best-seller*, *selfie*, *dealers*, *Instagram*, *baby-sitter*, *penthouse*, *nuggets*, *blog*, *vending machine*, *marketing*, *crowd funding*, *overdose*, *start up*, *freelancer*, *tee-shirt*, *high-tech*, *stock*, *deadline*, *box office*, *hit*, *stand up*, *supermodel*. Это примеры внутрilingвистических причин, данные заимствования практически не несут в себе никакой дополнительной смысловой нагрузки.

Рассмотрим другие примеры. Большая часть журнала посвящена моде, вопросам стиля и т.д., то есть сфере, где французы всегда выступали как

новаторы и законодатели. Однако в номере традиционно французские слова замещены американизмами: *make-up*, *look*, *look mix*, *favorite*, *fashion week*, *fashion révolution*, *fast fashion*, *crew fashion*, *positionnement high-fashion d'une marque*, *top shop*, *front row*, *le come-back*, *le show*, *hair stylist*, *dressing géant*, *des labels créateurs*, *un shooting*, *shooter le mariage*, *coworking*, *la star*, *l'entertainment*, *célébrités wonder women*, *dog de mode*, *une beauty minimaliste*, *le must*, *top coat*, *lipstick*, *un beauty toy*, *la face brush*, *la body brush*, *le casting*, *le glow*. Подборка слов сделана, напоминая, из одного номера журнала. Как видим, французы с легкостью адаптируют слова, снабжая их родными грамматическими категориями: род, число, типичными для французского словообразования окончаниями, свободно комбинируют слова в словосочетаниях. Иноязычное слово, а с ним и реалия и метасмысл, все, что окружает слово, органично проникают в язык, культуру, разрушая идентичность.

В тексте журнала мы можем найти парадоксальные примеры, как французский язык пытается «украсить» себя английским, комбинируя два языка в одном словосочетании. Прочитав несколько примеров: *easy chic*, *reine de cool chic*, *un mec cool*, *la rock star eighties*, *dans les lobbys d'hôtel*, *palme de la coolitude*, *le grand come-back*, *les filles les plus sexy du monde*, *superwoman de la finance*, *chips et soda sucré*, *avoir un sale look*, *looké comme un prince*, *ces deux-là sont in a relationship*. По мнению автора статьи, данные примеры наглядно иллюстрируют, как отдается дань престижу американского, естественно, в ущерб родному языку. Французский язык практически не прочитывается в данных словосочетаниях, утрачивается. Причина подобных заимствований, несомненно, экстралингвистическая – это авторитет языка-источника, своего рода языковой снобизм.

Другие примеры свидетельствуют о навязываемой необходимости знания английского языка в контексте американской культуры, без которого не понять содержания даже молодежного журнала: *des jobs de it girls et des millions des followers*, *bring back our snacks*, *la first lady et des kids americain*, *next stop? – un stop by Paris*, *armé de son laptop*, *booster le social-freezing*, *un baby business*, *eggurance en un clic*, *no risk – no fun*, *l'ère des trolls du Web*, *le big boss*, *l'aspect "beautiful people" "red carpet"*, *le shoe hunting*, *storytélé par un site*, *healthy food*.

Есть отдельная группа примеров, где использование английского языка в контексте французской нации буквально свидетельствует о специальном подавлении французского: *sa girlfriend est française (!)*, *le Français le plus successful (!)*, *je suis très attaché au made in France (!)*.

Нормальный процесс заимствования – это акт творчества. Он предполагает высокую степень самобытности языка-рецептора. Смысл языко-

вых контактов заключаются в тех процессах, которые возникают в собственных средствах языка в результате этих контактов. Приведенные выше примеры свидетельствуют не о созидательной, а о разрушительной силе заимствованных слов. Обсуждая вопрос о допустимости использования американизмов, следует помнить, что плохи не сами заимствованные слова, а применение их без надобности, небрежность в вопросе назначения высказывания.

Библиографический список

1. Агаев Э. Угрожает ли русскому языку американизация? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.litrossia.ru/archive/1/will_discuss/6.php.htm (дата обращения: 05.01.16)
2. Грация. Еженедельный журнал. – 2015. – 24 февраля (№ 6) – С. 8–82.
3. Есина Е. В. Английская лексика в современном французском языке (на материале женских журналов) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 2 (9). – С. 73–75.
4. Смирнова С.А. Усиление роли и оптимизация самостоятельной работы студентов как основы образовательного процесса в контексте новых требований ФГОС к изучению иностранных языков в вузе // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. – 2015. – Том 21. – №2. – С. 164–168.
5. Сутормина Л. // Французский язык. – 2006. – № 12. – С. 24–25.
6. Трубникова М.Н. Проблема «американизации» современной российской культуры. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://trubnikova-maria.jimdo.com/articles/проблема-американизации-современной-российской-культуры> (дата обращения: 10.01.16).
7. Чернышева А.В., Чучайкина И.Е. Универсальный язык цивилизации: проблема создания в лингвистическом пространстве // Общество – Язык – Культура: актуальные проблемы взаимодействия в XXI веке: Сборник трудов. – М.: НИИ РЛ МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2007.
8. Энциклопедия Кругосвет. Универсальная научно-популярная онлайн энциклопедия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/ZAIMSTVOVANIE.html (дата обращения: 28.07.16).
9. Grazia. FR. Semaine du 17 au 23 octobre 2014.
10. Tournès Ludovic. L'américanisation de la culture française ou la rencontre d'un modèle culturel conquérant et d'un pays au seuil de la modernité. *Historiens/Géographes*, n° 358, juillet-août 1997, pp. 65–79.

СПОСОБЫ МОДИФИКАЦИИ ОЦЕНКИ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ В РЕПЛИКАХ-ИНТЕРАКЦИЯХ ЖУРНАЛИСТА (на материале современных англоязычных интервью)

В статье рассматривается особый тип конструкций оценочной семантики в текстах современных англоязычных интервью – конструкции, модифицирующие высказанную оценку. В отличие от структур, выражающих и стимулирующих оценку, данные конструкции используются преимущественно в репликах-интеракциях журналиста. Реплики-интеракции представляют собой особый тип реплик журналиста, которые реализуют одновременно и реагирующий, и стимулирующий потенциал. На основании характера изменения оценки реплики-интеракции, модифицирующие оценку, подразделяются на три группы: реплики, обобщающие, суммирующие высказанную оценку; реплики, выражающие удивление, сомнение по поводу высказанной оценки и реплики, выражающие возражение, несогласие с высказанной оценкой. На языковом уровне реплики каждой группы отличаются определенными структурно-семантическими особенностями, которые соответствуют текущим коммуникативным намерениям журналиста. Так, для реплик первой группы характерно использование вопросов с прямым порядком слов, при помощи которых реализуются стратегии антиципации и суггестии. Являясь интерпретирующими речевыми актами, данные реплики обеспечивают адекватную интерпретацию вышесказанного в сознании массового адресата. Вопросительные реплики второй группы, как правило, содержат отрицание, которое привносит в высказывание экспрессивный компонент. Будучи построенными на столкновении индивидуальных и общепринятых оценок, такие вопросы реализуют стратегию манипуляции собеседником. Реплики третьей группы строятся преимущественно как повествовательные предложения и используются журналистами как попытка навязать собеседнику противоположную оценку. Многие реплики-интеракции, модифицирующие оценку, являются незаконченными структурно, семантически и (или) интонационно, что позволяет отнести их к специфическим единицам диалогической речи – незавершенным высказываниям.

Ключевые слова: оценка, интервью, реплики-интеракции, конструкции, модифицирующие оценку, коммуникативные намерения журналиста, вопросы с прямым порядком слов, вопросы с отрицанием, незавершенные высказывания.

Языковые аспекты оценки и оценочной модальности находятся в центре многих лингвистических исследований, так как оценка является универсальной категорией, с помощью которой человек познает мир. В силу многоаспектности и многоплановости понятия оценки изучению подвергаются ее различные языковые проявления: структура и семантика оценки (Е.М. Вольф, Н.Д. Арутюнова), интенсификация и деинтенсификация оценочных высказываний (И.И. Туранский, Е.М. Вольф, Н.Д. Арутюнова, О.Д. Харченко), соотношение эмоционального и экспрессивного в оценке (О.А. Есенина, М.С. Ретунская), вопросы стимулирования оценки и самооценки (Т.И. Попова). Данные направления изучения оценки, как правило, обращены к конструкциям, выражающим либо стимулирующим оценку.

Однако анализ текстов современных англоязычных интервью показал, что реплики журналистов содержат большое количество конструкций, производящих некое действие с оценкой, высказанной их собеседником, иначе говоря, модифицируют оценку. Несмотря на наличие в составе данных реплик компонентов оценочной семантики, они не могут быть отнесены к традиционно выделяемым конструкциям, выражающим оценку, равно как и к характерным для интервью «эксплицитным и имплицитным способам стимулирования оценки» (термин Т.И. Поповой) [6, с. 76–77]. Очевидно, что

подобные конструкции образуют особый тип конструкций оценочной семантики и требуют более подробного рассмотрения.

Примечательно, что конструкции, модифицирующие оценку, используются преимущественно в репликах-интеракциях журналиста. Термин «реплика-интеракция» был использован Т.И. Поповой, которая при изучении телевизионных интервью классифицировала реплики журналиста на реплики-стимулы (реализующие только стимулирующую валентность), реплики-реакции (реализующие только реагирующую валентность) и реплик-интеракции (реализующие одновременно и стимулирующую, и реагирующую валентности) [6, с. 46–47]. А.Ю. Арутюнова называет подобные реплики «промежуточными», отмечая, «что в многокомпонентном диалоге приоритеты реплики-стимула приобретает и промежуточная реплика-реакция» [2, с. 63]. С.В. Штырева использует термин «реагирующе-иницирующие ходы интервьюера», подчеркивая, что они «формируются на основе предшествующего контекста и зависят от предыдущего коммуникативного хода интервьюируемого» [8, с. 10]. С.С. Шимберг пользуется термином «континуумные вопросительные высказывания», определяя их как «высказывания, способствующие развитию диалогического дискурса» [7, с. 15]. Таким образом, очевидно, что роль реплик-интеракций в развитии диалогического единства совершенно особая: с одной стороны,

они являются непосредственной реакцией на слова собеседника, с другой стороны, они не являются конечными в диалогическом единстве и ориентируют собеседника на ответную реплику.

По мнению Т.И. Поповой, «реплики-интеракции целиком зависят от речевого поведения собеседника, его активности, желания развивать тему, поднятую журналистом... они наиболее ситуативно зависимы и в достаточной мере предсказуемы... Достаточная развернутость реплики собеседника, активное реагирование на его стимул могут сделать ненужными серединные реплики журналиста» [6, с. 47]. Однако, как показывает исследуемый материал, значительная доля диалогических единств с оценочным компонентом в текстах современных англоязычных интервью представлена сложными диалогическими единствами, которые содержат в своем составе реплики-интеракции, модифицирующие оценку. Характер модификации оценки позволил подразделить подобные реплики-интеракции на 3 группы:

1) реплики-интеракции, обобщающие, суммирующие высказанную оценку;

2) реплики-интеракции, выражающие удивление, сомнение, недоверие по поводу высказанной оценки;

3) реплики-интеракции, выражающие возражение, несогласие с высказанной оценкой.

Рассмотрим, каким образом каждый из перечисленных способов модификации оценки реализуется на языковом уровне.

Первую группу реплик-интеракций, модифицирующих оценку, образуют преимущественно реплики с коннекторами *and* и *so*. Например:

And in your terms these will inevitably be changes for the good? (The Observer, 24.10.10)

And you see that as an overwhelmingly positive fact (The Observer, 24.10.10).

So do you think President Obama was right to prioritize healthcare reform? (The Observer, 26.12.10)

По мнению С.С. Шимберг, одной из стратегий, реализуемых говорящим при помощи подобных реплик, является стратегия антиципации – «стратегия, при которой говорящий, прерывая сообщение собеседника, предвосхищает его продолжение» [7, с. 16].

Как показывает исследуемый материал, наиболее часто используемым коннектором в подобных репликах является коннектор *so*, при этом он может быть использован как в составе вопросительных реплик, так и реплик, не являющихся вопросительными по своей структуре. Например:

So are you a workaholic? (The Observer, 15.08.10)

So a bit of tweeting during a long Glyndebourne area is fine? (The Observer, 04.07.10)

So you're taking it easy now? (The Observer, 23.06.13)

Представляется, что последние два вопроса с прямым порядком слов, являющиеся вопро-

сительными только интонационно, можно отнести к одному из способов реализации суггестии (внушения собеседнику желаемого ответа). Как справедливо отмечает С.С. Шимберг, «в качестве суггестивных чаще всего используются вопросы с прямым порядком слов и дизъюнктивные вопросы» [7, с. 16].

Впрочем, реплики, обобщающие оценку, иногда не являются вопросительными не только структурно, но и интонационно. Например:

So you were actively pursuing your big break... (The Observer, 11.07.10)

So writing is a necessary part of the protest... (The Economist, 10.06.12)

So it's not a traditional sitcom then... (The Observer, 02.02.13)

Однако, несмотря на отсутствие вопросительности, они содержат в себе определенную долю незавершенности, недосказанности (графически это оформляется в виде многоточия) и предполагают определенную реакцию со стороны собеседника. Исследователь диалогической речи Т.Н. Колокольцева относит подобные реплики к специфическим коммуникативным единицам диалогической речи – «незавершенным высказываниям». По мнению данного автора, используя незавершенные высказывания, журналист «подталкивает своего собеседника к сотворчеству» [5, с. 20]. С прагматической точки зрения данные единицы «характеризуются выполнением в диалоге регулятивных функций, направленных на согласование коммуникативных стратегий и тактик собеседников, создание определенной тональности общения» [5, с. 222]. Т.И. Попова относит такие реплики-интеракции к интерпретирующим речевым актам (термин И.М. Кобозевой) и подчеркивает, что их использование связано с наличием в условиях интервью второго – массового – адресата. И.М. Кобозева определяет интерпретирующие речевые акты как «реактивные реплики, выражающие понимание (интерпретацию) пропозиционального содержания предшествующей реплики собеседника» [4, с. 64]. Таким образом, обобщая, суммируя высказанную оценку, журналист гарантирует «правильную, с точки зрения интерпретатора, форму когнитивного представления, возникающего в сознании аудитории» [4, с. 65–66].

Второй способ модификации оценки – выражение сомнения, удивления, недоверия по поводу высказанной оценки – представлен в текстах современных англоязычных интервью преимущественно вопросами с отрицанием. Например:

Didn't you find some of the reviews of 10 o'clock Live sexist? (The Observer, 27.02.11)

Isn't the Today programme just a lot of men shouting at one another? Wouldn't it be a good idea, at the very least, to recruit another woman presenter? (The Observer, 07.08.11)

Используя подобные вопросы, журналист указывает на то, что его оценка не совпадает с оценкой интервьюируемого. Помимо выражения удивления и сомнения, вопросы с отрицанием являются также одним из способов манипулирования собеседником. Манипуляция в данном случае осуществляется сигнификативным способом «за счет апелляции к понятиям, имеющим определенную оценку прямо в стандартной картине мира (сигнификативный способ)» [3, с. 56]. Так, в вопросе журналист сообщает об определенной оценке, существующей в общем мнении, но при помощи отрицания выражает удивление по поводу того, что точка зрения интервьюируемого не укладывается в общепринятые представления. Например:

Don't you find yourself looking at George Osborne and thinking: "When are you going back at prep school, laddie?" (The Observer, 16.01.11). Общее мнение – многие телеведущие (среди них Джордж Осборн) слишком молоды, чтобы освещать политические новости.

Как показывает исследуемый материал, далеко не всегда журналисту удается навязать свою оценку собеседнику. Так, в приведенных примерах интервьюируемые выбирают различные стратегии реагирования на манипуляцию: противостояния манипуляции, ухода от ответа, а также реакции на часть вопроса.

Don't you find yourself looking at George Osborne and thinking: "When are you going back at prep school, laddie?" – No... I don't think that all young people are stupid (The Observer, 16.01.11) – противостояние манипуляции.

Didn't you find some of the reviews of 10 o'clock Live sexist? – I try to avoid reading my reviews... (The Observer, 27.02.11) – уход от ответа.

Isn't the Today programme just a lot of men shouting at one another? Wouldn't it be a good idea, at the very least, to recruit another woman presenter? – I'd love to hear more women on it. (The Observer, 07.08.11) – реакция на часть вопроса.

Однако, независимо от того, удастся ли журналисту навязать свою точку зрения собеседнику, использование вопросов с отрицанием делает обсуждение более экспрессивным и динамичным. Представляется, что, используя отрицание, журналисты стремятся придать своему высказыванию большую экспрессивность. По мнению И.В. Арнольд, «экспрессивность отрицания зависит от его функции указывать на то, что связи между названными в предложении элементами реально не существуют. В результате всякое отрицание подразумевает контраст между возможным и действительным, что и создает экспрессивный и оценочный потенциал» [2, с. 223–224].

Третий способ модификации оценки – выражение противоречия, несогласия с высказанной оценкой – на языковом уровне манифестируется

использованием коннекторов, выражающих противительные отношения: **but, yet, though, although, either, none the less**. Выбор коннектора обусловлен текущими коммуникативными задачами журналиста. Так, коннектор **yet** используется в тех случаях, когда журналист чувствует определенное сопротивление со стороны собеседника, нежелание обсуждать определенные темы. Например:

– Were your sons – who work in the media – encouraging about your appearance on Strictly Come Dancing?

– I am not going to talk about Strictly... I'm sorry.

– **Yet** does it surprise you that your career has taken this turn – like a fancy dance step – away from political journalism? (The Observer, 12.12.10)

Коннекторы **though, although** применяются в тех случаях, когда высказанная интервьюируемым оценка отличается либо от общепринятого мнения, либо от личной оценки журналиста. Так, в следующем примере интервьюируемый описывает город Грейпвайн в штате Техас как красивое и романтическое место, в то время как на его фотографиях это место выглядит тревожно и угрожающе.

– It's beautiful and romantic there, too.

– The Grapevine you present, **though**, does often seem like a troubled, threatening place (The Observer, 13.10.10).

Наиболее распространенным в данной группе реплик-интеракций является коннектор **but**, который, как правило, используется в рамках повествовательных предложений. Например:

But it still gives an impression of privilege and inaccessibility... (The Observer, 04.07.10)

But you must admit yours was an inordinately successful year? (The Observer, 23.10.11)

But it's hard to think of a film role that is more courageous and fearless... (The Observer, 05.02.12)

But you also reveal some extremely traumatic times... (The Observer, 23.10.11)

Подобные реплики также можно рассматривать как попытки манипулировать собеседником, особенно в тех случаях, когда речь идет о спорных, неоднозначных оценках. Прагматический эффект таких реплик неоднозначен: с одной стороны, они придают остроту диалогу, в то же время интервьюируемые не всегда положительно реагируют на подобные высказывания, зачастую изменения оценки достичь не удается, собеседник остается при своем мнении. Так, в следующем интервью журналист пытается убедить собеседника, что на телеканале BBC по-прежнему существует расовая дискриминация, при этом вызывая явное раздражение у собеседника.

– Do you think the BBC is still "hideously white"?

– That was Greg Dyke, wasn't it? I certainly wouldn't use that language.

– **But** is it more representative?

– I don't know what you mean? That's a ridiculous question. Representative of what? (The Observer, 02.10.11)

Впрочем, несмотря на безуспешность попыток журналиста изменить оценку собеседника, использование подобных реплик, несомненно, делает диалог более динамичным и экспрессивным.

Таким образом, очевидно, что в рамках реплик-интеракций используется особый вид конструкций оценочной семантики – конструкции, модифицирующие оценку. Особенности структуры и семантики реплик-интеракций во многом обусловлены их местом и ролью в составе сложного диалогического единства. Очевидно, что реплики-интеракции являются неким связующим элементом, цементирующим диалогическое единство, обеспечивающим связь между его компонентами. При этом в зависимости от текущих коммуникативных задач журналист может действовать в рамках стратегии суггестии и антиципации, обобщая и суммируя высказанную оценку. Выражая недоверие, удивление или противоречие по поводу оценки интервьюируемого, журналист прежде всего стремится реализовать стратегию манипуляции, а также придать обсуждению большую экспрессивность. Наличие второго (массового) адресата в интервью обуславливает тот факт, что многие реплики-интеракции, модифицирующие оценку, являются интерпретирующими речевыми актами и обращены не только (и не столько) к непосредственному собеседнику журналиста, но, прежде всего, к читателю, обеспечивая тем самым правильную интерпретацию вышесказанного.

Библиографический список

1. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: учебное пособие. – М.: Флинта:

Наука, 2004. – С. 217–275.

2. Арутюнова А.Ю. Диалогичность текста и категория связности. – Пятигорск, 2009. – 174 с.

3. Бергельсон М.Б. Прагматическая и социокультурная мотивированность языковой формы. – М.: Университетская книга, 2007. – 320 с.

4. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009. – 280 с.

5. Кобозева И.М. Лауфер Н.И. Интерпретирующие речевые акты. Логический анализ языка. Язык речевых действий. – М.: Наука, 1994. – С. 63–71.

6. Колокольцева Т.Н. Специфические коммуникативные единицы диалогической речи. – Волгоград, 2001. – 257 с.

7. Попова Т.И. Телеинтервью в коммуникативно-прагматическом аспекте. – СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2002. – 220 с.

8. Шимберг С.С. Функциональный диапазон вопросительного высказывания в современном английском диалогическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – СПб., 1998. – 19 с.

9. Штырева С.В. Прагмалингвистическая характеристика интервью: на материале французской прессы: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05. – М., 2006. – 23 с.

10. The Economist [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.economist.com/theeconomist> (дата обращения 23.02.2016).

11. The Observer [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.guardian.co.uk/theobserver> (дата обращения 23.02.2016).

СЛОВАРИ ЯЗЫКА ПОЛИТИКОВ В КОНТЕКСТЕ АНГЛИЙСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

В статье рассматривается место словарей языка политиков в авторской лексикографии, которая занимается изучением словарей известных личностей. Автор исследования рассматривает словари языка политиков в связи с концепцией языковой личности и отмечает, что высокая степень идеологизации и политизации общества является причиной повышенного интереса лингвистов к словарям данного типа. Особенное внимание уделяется словарям, регистрирующим цитаты известных политических деятелей, так как цитата представляет собой прецедентное высказывание, вошедшее в лингвокультурное пространство языкового коллектива. Автор прослеживает историю создания словарей цитат политиков, начиная с первых конкордансов к произведениям великих писателей английской литературы и заканчивая современностью, при этом подробно раскрывая этапы эволюции цитаты от иллюстративного примера до самостоятельной единицы лексикографического описания. В статье подчёркиваются такие функции словаря цитат политика, как справочная, дидактическая, мнемоническая, культурологическая и коммуникативная, а также отражается связь особенностей словарей данного типа с современными лексикографическими тенденциями, такими как антропоцентрическая направленность, изменение профиля пользователя словаря и прерывание науки о словарях в *reference science*, которая ориентируется на перспективу пользователя.

Ключевые слова: авторская лексикография, словарь, цитата, политик, конкорданс, глоссарий, концепция языковой личности, профиль пользователя, *reference science*, лексикография культурного наследия.

Авторская лексикография, являясь самостоятельным направлением науки о словарях, занимается изучением и составлением словарей языка известных личностей. В отечественную авторскую лексикографию значительный вклад внесли такие исследователи, как О.М. Карпова, Л.П. Ступин, Л.Л. Шестакова, О.В. Коробейникова, О.А. Мелентьева, Н.С. Уткина, М.В. Лутцева, М.А. Кириллов и т. д. Среди зарубежных учёных авторским словарям значительное внимание уделяли М. Venson, S. Rennie и т. д. Теоретическое изучение языка известных личностей и практика составления авторских словарей тесным образом связаны с концепцией языковой личности, разрабатываемой В.В. Виноградовым и Ю.Н. Карауловым, так как данный тип справочников отражает индивидуальный стиль автора, а также его мировоззрение, систему убеждений, ценностные ориентиры. В лингвистике под «языковой личностью» понимается человек как носитель языка, взятый со стороны его способности к речевой деятельности. Языковая личность также является носителем языкового сознания, которое понимается как опосредованное языком отражение окружающей человека действительности [3].

Язык известных писателей, учёных, политиков и деятелей культуры существенно влияет на процесс обогащения литературно-письменной составляющей языка разнообразными лексико-фразеологическими, грамматическими, словообразовательными и стилистическими средствами. Отсюда следует, что изучение лингвокультурного пространства языковой личности помогает глубже понять и лингвокультурное пространство нации.

Английская национальная лексикография обладает многовековыми традициями составления словарей языка известных личностей, среди которых ведущая роль отводится, несомненно, писательским словарям. На сегодняшний день в английской

авторской лексикографии существует более трехсот справочников ко всем и отдельным произведениям более 60 английских художников слова. Столь большого разнообразия словарей не имеет ни одна национальная авторская лексикография [14, с. 7].

В силу того, что современные словари языковой личности не ограничиваются справочниками, отражающими язык мастеров художественного слова, к авторской лексикографии также относятся словари языка политиков. Такой интерес к взаимодействию языка и политики во многом обусловлен высокой степенью идеологизации и политизации общества.

Тенденция к отражению особенностей языка политических деятелей коснулась и отечественной лексикографии. Следует отметить один из наиболее значимых проектов, над которым работал Институт русского языка им. В.В. Виноградова – словарь языка В.И. Ленина. Язык Ленина чрезвычайно привлекателен для исследователей, так как в нём отражены особенности языка уроженца Симбирской губернии, ученика классической гимназии, выпускника юридического факультета Петербургского университета, политика, мыслителя, публициста, то есть словарь должен был отразить язык, присущий разным социальным ролям В.И. Ленина. В словаре планировалось зарегистрировать язык всех текстов Ленина вне зависимости от их жанрово-стилистической направленности. Проект был направлен на отражение всего набора составляющих язык данного политика единиц вместе с многообразными связями слов и фразеологизмов между собой и со всеми их опосредованиями в круге знаний, в круге чтения и общей культуры, другими словами, в круге всего жизненного опыта индивида, который обусловлен конкретными условиями национальной и мировой культуры, знанием родного и иностранных языков, пониманием своей жизненной «сверхзадачи» и т. д. [2, с. 5].

Однако замысел не был реализован, и в настоящее время обширная картотека, включающая около 2,3 млн. карточек-цитат, не только является источником для словарей разного типа (в том числе общественно-политической терминологии), но и оказывает помощь лингвистам в изучении отражения в русском литературном языке общественно-политической мысли в России и странах Европы конца XIX – начала XX вв. [11]. В Англии же составление словарей языка политических деятелей давно выделилось в самостоятельное направление. Рынок лексикографической продукции ознаменовался появлением разнообразных лексикографических форм: конкордансов, глоссариев, индексов.

Словари языка политиков наряду с вербально-прагматическими параметрами отражают и единицы когнитивного уровня, а именно генерализованные высказывания в форме афоризмов, крылатых слов, поговорок, пословиц и т. д. Словари языка политических деятелей являются комплексными по замыслу составителей и полифункциональными. Обобщая все их функции, можно выделить две основные ориентации составителей словарей данного типа: моделирование языковой личности политика, так как они отражают особенности его картины мира, и моделирование языковой личности пользователя словаря, так как мировоззрение политика соотносится с фоновыми знаниями пользователя, при этом часто эти две картины мира не совпадают в силу того, что словник словаря может включать единицы когнитивного уровня, связанные с незнакомыми читателю реалиями, и устаревшие или профессионально ограниченные единицы вербально-грамматического уровня (например, словари терминов) [4, с. 10–11].

Словари языка политиков воплощают в себе все признаки того, что лексикография превратилась из теории и практики составления словарей в *reference science* (справочную науку), так как они, регистрируя единицы когнитивного и культурного уровня, расширяют справочные и информационные возможности словаря [6, с. 82]. Вот почему современная лексикография отличается конвергенцией или универсализацией справочников, которая проявляется в создании лексикографических трудов толково-энциклопедического характера, совмещающих особенности лингвистических и энциклопедических словарей. Безусловно, такой подход проявляется в структуре словарей языка политиков в связи с тем, что они, кроме словника, начали включать ряд приложений, таких как биографическая информация, список библиографии о персоналии и список работ, написанных ею, перечни высокочастотных слов в лексиконе политика и т. д. Изменилась и лексикографическая разработка входной единицы: микроструктура словаря обогатилась целым рядом помет, отражающих семантико-функциональную характеристику сло-

ва (грамматической, стилистической, хронологической, культурологической и т. д.), что является важным для отражения индивидуально-авторских особенностей языка и раскрытия эстетического значения слова, так как слово политика всегда направлено на достижение определённого эффекта.

Более того, своеобразие языка политика нельзя ограничивать лишь индивидуально-авторским уровнем, а следует рассматривать и на уровне общезыкового и общекультурного, так как язык политика – это отражение особенностей состояния языка, культуры, политической мысли на конкретном этапе их развития. Словарь языка политического деятеля может определять и норму словоупотребления, среди словарей политиков существуют в равной степени как нормативные, так и ненормативные словари, ведь ненормативная лексика имеет место и в политической коммуникации. С её помощью политический деятель стремится минимизировать дистанцию между собой и адресатом и устранить межличностную границу. При этом ненормативность становится средством экспрессивности.

Лексикографирование цитат стало отдельным направлением науки о словарях, в котором словарям цитат политиков отводится немаловажная роль. Учитывая тот факт, что цитата прошла длительный путь эволюции, на наш взгляд, интересным представляется изучение основных вех в становлении английской авторской лексикографии, восходящей к XVI в., когда увидели свет конкордансы, составлявшиеся, прежде всего, к Священному Писанию, а впоследствии и к произведениям великих мастеров художественного слова – Шекспира, Чосера, Мильтона, предоставляя расширенный контекст входных единиц [10, с. 57]. Писательские словари развивались параллельно с национальными английскими словарями и служили источниками материалов, которые использовались составителями национальных словарей для иллюстрации словоупотребления, в частности в словаре С. Джонсона, тщательно подходившего к отбору иллюстративных примеров и обращавшегося ко многим произведениям литературы и писательским конкордансам, среди которых численное преимущество принадлежало чосеровским справочникам [12, с. 55].

Таким образом, писательские справочники сыграли важную роль в разработке языковой нормы. В связи с этим необходимо упомянуть теорию литературного авторитета, предложенную Л.П. Ступиным, которая заключается в том, что язык известных писателей служил кодификатором нормы и образцом для подражания, то есть словари на данном этапе носили предписывающий характер и отличались дифференциальной обработкой слов, которая сводилась главным образом к грамматическим и энциклопедическим пометам [12, с. 48; 13, с. 15].

В ходе работы над словарём С. Джонсон отмечал особенную роль цитатного материала, способного в полной степени продемонстрировать функционирование слов в речи. По поводу использования цитат в толковом словаре С. Джонсон писал: *Every quotation contributes something to the stability or enlargement of the language (Каждая цитата вносит вклад в устойчивость и развитие языка)*. Впоследствии в 1836–1837 гг. Чарльз Ричардсон (Charles Richardson) составил словарь *A New English Dictionary*, в котором также особенная роль среди иллюстративных примеров отводилась цитатам, расположенным в хронологическом порядке. Новый английский словарь (*New English Dictionary on Historical Principles, NED*), ставший результатом работы Лондонского филологического общества и затем переизданный под названием *Oxford English Dictionary* («Большой Оксфордский словарь английского языка»), объяснял значения более 400 тысяч слов и включал 2,5 миллиона цитат, показывающих особенности словоупотребления. Последняя версия *Oxford English Dictionary* считается мегатезаурусом, так как содержит 2 миллиона цитат из 20 тысяч произведений более чем 5 тысяч авторов. С течением времени авторы словарей начинают задумываться об отказе от дифференциального подхода к формированию словника и созданию словарей предписывающего типа, отдавая предпочтение регистрирующему словнику, в котором большая роль отводится цитатам из великих произведений художественной литературы, что значительно расширило макроструктуру словаря [1, с. 20].

Однако в истории английской лексикографии информационная категория цитаты служила не только для иллюстрации словоупотребления, а представляла собой и основу словарной статьи: «Несомненно, цитаты в авторских словарях имеют первостепенное значение. В некоторых случаях только они позволяют до конца раскрыть особенности писательского словоупотребления. В этой связи можно предположить, что именно словари языка писателей привели к созданию особого типа лексикографических трудов – писательских словарей цитат» [5, с. 108].

Специфика словарей данного типа заключается в том, что в их словниках цитата является главной единицей лексикографического описания. В XIX в. в английской национальной лексикографии происходит понимание того, что составление словарей цитат должно стать самостоятельной отраслью науки о словарях. «Широкое использование цитат в речи, популярность многих высказываний, выделение цитаты в самостоятельную лингвистическую категорию, изучение ее свойств и функций привело к необходимости создания особого лексикографического справочника, объектом описания которого стала цитата» [1, с. 22]. В этой

связи в XVIII–XIX вв. широкое распространение получают словари фразеологизмов, крылатых слов и выражений, популярных цитат, афоризмов знаменитых людей, главным образом книжного употребления, имеющих литературный источник. В этот период особенную популярность получают словари юмористических цитат – сборники шуточных и сатирических высказываний ученых, филологов, писателей, политиков [1, с. 7].

К первой половине XX в. сформировались два типа словарей цитат: словари, в которых языковой материал дифференцирован по авторским рубрикам, и словари, макроструктура которых сформирована в соответствии с тематическим принципом. И авторские, и тематические рубрики располагаются в словарях в алфавитном порядке.

В истории английской лексикографии словарь всегда воспринимался как сокровищница всего того, что есть в языке и культуре, и словарям цитат уделялось особенное внимание в связи с тем, что они аккумулируют прецедентные тексты, являющиеся компонентом национальной культуры. По причине того, что цитата в современной лингвистике считается важным элементом культурного достояния нации, то словарь цитат, безусловно, следует отнести к лексикографии культурного наследия (*heritage lexicography*). По словам О.М. Карповой, «только словарь может быть надежной летописью культурного наследия, является своеобразным канонем, отражающим наследие конкретной культуры» [7, с. 153]. В способности словаря хранить и накапливать информацию о языке и культуре проявляется его мнемоническая функция.

Изменение профиля пользователя словаря, а именно его стремление найти культурологическую информацию, отразилось на принципах составления словарей цитат, полностью соответствующих перспективе пользователя, которая начала активно изучаться в XX в., и объединяющих черты лингвистического и энциклопедического словарей. Усиление культурологической и междисциплинарной направленности словарей на рубеже XX–XXI вв. способствовало возникновению лингвокультурного справочника, который включает в словник культурные реалии, сообщает как лингвистическую, так и экстралингвистическую информацию о языковых единицах. Поэтому в зоне толкования словарной статьи словаря цитат появляются дополнительные сведения о цитате: биографическая справка об авторе, дефиниция, стилистическая характеристика, лингвокультурный комментарий [9, с. 319–324].

В соответствии с стремлением к повышению эрудиции пользователей, обогащению их фоновых знаний словари цитат направлены не только на выполнение культурологической, но в равной степени и дидактической функции.

Кроме того, ярко выраженный характер носит и коммуникативная направленность словарей такого типа: словарь цитат позволяет как декодировать значения цитат, так и выбирать цитаты согласно ситуации общения, при построении собственных речевых произведений [1, с. 5].

Новый подход к пониманию задач авторских словарей, который заключается в ориентации на перспективу пользователя, привёл к разработке различных форм представления цитатного материала. Современные словари цитат варьируются в зависимости от замысла, целей, адресной направленности, прагматических характеристик, особенностей мега-, макро- и микроструктуры, технологий создания и эксплуатации и т. д.

Так, в книге В. Мидера «Международная библиография паремииграфии» большое внимание уделено именно словарям цитат политиков. Здесь основную массу составляют словари, посвящённые языку американских президентов, например Р. Рейгана: *The Uncommon Wisdom of Ronald Reagan. A Portrait in His Own Words, President Reagan's Quotations, In the Words of Ronald Reagan. The Wit, Wisdom, and Eternal Optimism of America's 40th President*; Г. Трумена: *Good Old Harry. The Wit and Wisdom of Harry S. Truman, The Truman Wit, The Wit & Wisdom of Harry S. Truman. A Treasury of Quotations, Anecdotes, and Observations*; Дж. Кеннеди: *John F. Kennedy. Words to Remember* и т. д. Интересно то, что в книге также зафиксированы и словари цитат действующего президента Б. Обамы: *Barack Obama's Proverbial Rhetoric, Barack Obama in His Own Words* [8, с. 64; 15]. Перечисленные выше примеры представляют собой обширный круг разнообразных монографических справочников или словарей одной личности. Кроме того, в авторской лексикографии существует тенденция к составлению сводных словарей цитат политиков: *Founders V. Bush: A Comparison in Quotations of the Policies and Politics of the Founding Fathers and George W. Bush* by S. Coffman, *The Oxford Dictionary of Quotations* by E. Knowles, *The Oxford Dictionary of American Quotations* by H. Rawson and M. Miner и т. д.

На основе изложенного выше можно сделать вывод о том, что словарь языка политика является, прежде всего, предметом исследования авторской лексикографии, так как отражает особенности словоупотребления конкретной языковой личности, в то же время исследуя их на фоне развития общелитературного языка определённой эпохи.

Среди словарей языка политиков словарь цитат представляет собой своего рода сокровищницу, регистрирующую прецедентные высказывания, ставшие частью лингвокультурного пространства, отсюда тесная связь авторской лексикографии с лексикографией культурного наследия. Хотя словарь цитат восходит в истории своего развития

к писательским словарям, которые появились из таких ранних лексикографических форм, как конкорданс и глоссарий, в настоящее время составление словарей цитат сформировалось в отдельную отрасль науки о словарях.

Информационная категория цитаты, пройдя длительный путь эволюции от иллюстрации словоупотребления до входной единицы, стала основой составления словарей, регистрирующих прецедентные высказывания. Выполняя дидактическую, справочную, культурологическую, мнемоническую и коммуникативную функции, словарь цитат политика отражает состояние современного общества, в котором преобладают тенденции к политизации и идеологизации.

Библиографический список

1. Грднева Н.А. Словарь цитат в парадигме современной английской лексикографии (на материале английских словарей цитат): дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2008. – 220 с.
2. Денисов В.П. Словарь языка В.И. Ленина как новый тип словаря // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1985. – Вып. 1. – С. 3–13.
3. Дронсейка П.П. Понятие языковая личность // Филологические науки. Теоретические и методологические проблемы исследования языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rusnauka.com/13_NPT_2008/Philologia/31792.doc.htm (дата обращения: 2 ноября 2015 г.).
4. Караулов Ю.Н. Опыт типологизации авторских словарей // Русская авторская лексикография XIX–XX вв.: Антология / Ю.Н. Караулов, Е.Л. Гинзбург / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; отв. ред. чл.-корр. РАН Ю.Н. Караулов. – М.: Азбуковник, 2003. – 512 с.
5. Карпова О.М. Современная картина шекспировской лексикографии // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2001. – Вып. 1. – С. 104–110.
6. Карпова О.М. Лексикография или Reference Science? Справочники нового поколения // Вестник Ивановского государственного университета. Сер. Филология. – 2006. – Вып. 1. – С. 82–92.
7. Карпова О.М. Словари культурного наследия. Проект словаря «Florence in the works of world famous people» // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж, 2014. – № 1. – С. 150–155.
8. Карпова О.М. International Bibliography of Paremiography: непредвзятый взгляд лексикографа. Рец. на кн.: Mieder W. International Bibliography of Paremiography: Collections of Proverbs, Proverbial Expressions and Comparisons, Quotations, Graffiti, Slang, and Wellerisms. – Burlington: Vermont, 2011. – 362 p. // Вестник Ивановского государственного

го университета. Сер. Гуманитарные науки. – Вып. 1 (15). – Иваново, 2015. – С. 63–66.

9. *Карпова О.М.* Словарь как лингвистическая компетенция нации / О.М. Карпова, О.В. Коробейникова // Языки в современном мире: материалы V международной конференции (МГУ им. М.В. Ломоносова, НОПриЛ, NAAL). – М.: Книжный дом «Университет», 2006. – С. 319–324.

10. *Карпова О.М.* Словари языка писателей и цитат в английской лексикографии / О.М. Карпова, О.В. Коробейникова. – М.: МГОУ, 2007. – 213 с.

11. Картоотека словаря языка В.И. Ленина. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruskiyuzik.ru/396/> (дата обращения: 2 ноября 2015 г.).

12. *Мелентьева О.А.* Словари языка Чосера в парадигме английской писательской лексикографии: дис. ... канд. филол. наук. – Иваново, 2014. – 288 с.

13. *Ступин Л.П.* Проблема нормативности в истории английской лексикографии (XV–XX вв.). – Л.: Ленингр. гос. ун-т, 1979. – 162 с.

14. *Karpova O.* English Author Dictionaries (the XVIth – the XXIst cc.). – Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2011. – 270 p.

15. *Mieder W.* International Bibliography of Paremiography: Collections of Proverbs, Proverbial Expressions and Comparisons, Quotations, Graffiti, Slang, and Wellerisms. – Burlington: Vermont, 2011. – 362 p.

Косоногова Ольга Владимировна
 кандидат филологических наук, доцент
 Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону
 olgakosonogova@yandex.ru

НЕОФИЦИАЛЬНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ УЧРЕЖДЕНИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ, ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ И СУДЕБНОЙ ВЕТВЕЙ ВЛАСТИ В СТРАНАХ С АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМОЙ

В статье рассматриваются случаи вытеснения официальных наименований учреждений законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти неофициальными наименованиями в англоязычной юридической терминологии стран с прецедентной системой права. Данные наименования выражены дискурсивно обусловленными онимами, которые обладают лингво-культурологической спецификой, национальным и историческим колоритом и однозначно маркируют отнесенность того или иного текста к англоязычному юридическому дискурсу. Использование дискурсивного подхода в исследовании юридической терминологии стран англо-американской правовой системы позволило выявить и описать систему юридических онимических терминов, многочисленность которых обусловлена особенностью прецедентной природы англо-американского права. Неофициальные названия – прозвища отражают какую-либо историческую особенность органов власти, внешние признаки помещения, в которых они заседают, либо функции, которые они выполняют. Подобные названия образуют группу языковых номинаций, которые являются опосредованными обозначениями органов и ветвей власти. В ходе исследования было высказано предположение о необходимости тщательного изучения лексических единиц, способных вытеснять официальные наименования, – терминоидов, к которым относят лексические единицы либо еще не ставшие терминами, либо не удовлетворяющие требованиям, предъявляемым к терминам, и терминонимов, то есть имен собственных, употребляемых в специальном тексте, которые выполняют терминологические функции или являются терминообразующими лексическими единицами.

Ключевые слова: юридический дискурс, англоязычная юридическая терминология, юридические онимические термины, лексические единицы.

Использование дискурсивного подхода в исследовании юридической терминологии стран англо-американской правовой системы позволило выявить и описать систему юридических онимических терминов, многочисленность которых обусловлена особенностью прецедентной природы англо-американского права, исторически сложившегося в Великобритании, Канаде, Новой Зеландии, США и других странах, входящих в англо-саксонскую правовую семью. Выявление словообразовательных моделей подобных терминов дало возможность описать достаточно подробно классификацию юридических онимических терминов, которые в совокупности образуют ономастическое пространство юридического дискурса, проанализировать их характерные особенности и прагматический потенциал [2].

Репрезентация и функционирование элементов ономастического пространства в юридическом дискурсе определяется дискурсивно обусловленными закономерностями: собственно онимизация, вторичная онимизация, синонимическое использование и активное вытеснение полных официальных наименований мотивированными онимическими единицами в юридическом дискурсе, что обусловлено их прагматическим потенциалом.

В ходе исследования функционально-семантической специфики онимов в юридическом дискурсе были использованы концепции отечественных и зарубежных лингвистов в области теории имени собственного (О. Есперсен, О.И. Фoniaкова, А.В. Суперанская, В.А. Татаринov, Т.В. Шмелева); теории дискурса (Т. Ван Дейк, В.И. Карасик,

М.Л. Макаров, Т.В. Милевская, М. Фуко, О. Иссерс), терминоведения (В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Т.Л. Канделаки, В.М. Лейчик, О.С. Максименко, А.А. Реформатский, В.А. Татаринov, С.М. Хижняк и др.).

Из 2000 исследованных онимических единиц, составляющих ономастическое пространство юридического дискурса, была выделена особая группа языковых номинаций (свыше 60 наименований), которые являются опосредованными обозначениями органов и ветвей власти. Название учреждения, государственного органа, организации или объединения превращается в символ законодательной, исполнительной и судебной власти, а его «условное вербальное обозначение точно так же развивает символическое значение» [5, с. 104], вытесняя его официальное название и становясь дискурсивно обусловленным онимом. Так, в сфере номинации учреждений законодательной ветви власти, в системе англо-американского права встречаются следующие неофициальные урбанонимы, например: **The Capitol** 1) Капитолий, здание конгресса США в Вашингтоне на Конституьюшн авеню; изображение Капитолия часто служит символом федерального правительства США; 2) **капитолий**, здание, в котором помещаются законодательные органы какого-либо штата; по названию храма Юпитера в Древнем Риме; **Federal Hall** (Федерал-холл) – здание в Нью-Йорке, в котором проводились первые американские конгрессы, и где Джордж Вашингтон приносил клятву при вступлении на пост президента 30 апреля 1789 г. (США); **Palace of Westminster** (Вестминстерский дворец) 1) коро-

левский дворец, с середины XIV в. в нем проходят заседания парламента; 2) здание английского парламента; **Houses of Parliament** 1) парламента Великобритании; 2) здание парламента (место заседания британского парламента); **Beehive** (Пчелиный улей) – здание парламента Новой Зеландии в г. Веллингтон, напоминает своими очертаниями пчелиный улей.

В разные исторические периоды в странах с прецедентной системой права некоторым законодательным органам были присвоены неофициальные названия – прозвища, которые отражают какую-либо историческую особенность этих органов, внешние признаки помещения, в которых они заседают, либо функции, которые они выполняют. Например: **Addled Parliament** (Тухлый парламента) – созван в 1614 г. в Англии Яковом I (James I), просуществовал два месяца и был распущен за отказ выделить королю затребованные суммы, прозван «тухлым», так как не издал ни одного закона; **Gilded Chamber** (Золоченая палата) – прозвище палаты лордов в английском парламенте (Великобритания); **Green Chamber** (Зеленая палата) – нижняя палата канадского парламента с зелеными скамьями; **House of Keys** («хаус оф киз», от норв. keys – выборный) – палата выборных, нижняя палата тинуолда (Tynwald) на острове Мэн; **Little Parliament** (Малый парламента) – существовал с 4 июля по 11 декабря 1653 г., провел ряд демократических реформ, с его помощью была ликвидирована республика и установлен Протекторат (Protectorate), также имеет другое прозвище – **Barebones Parliament** (Бэрбонский парламента) по имени одного из активных членов парламента Бэрбона (Barbon) по прозвищу Бэрбонз (Barebones, букв. «кожа да кости»); **Long Parliament** (Долгий парламента), который был созван во время английской буржуазной революции в 1640 г. и распущен в 1653 г., с 1648 по 1653 г. существовал как «охвостье» Долгого парламента (**Rump Parliament**); был вновь созван в 1659 г. и распущен в 1660 г. (Великобритания); **Red Chamber** (Красная палата) – верхняя палата канадского парламента (с красными скамьями).

В сфере номинации учреждений исполнительной ветви власти встречаются следующие урбанонимы: **The White House** (Белый дом) – официальная резиденция президента США, первое разговорное употребление термина «белый дом» относится к 1811 г. Официальным названием стало лишь в 1901 г. по распоряжению Теодора Рузвельта. С 1909 г. рабочее место президента находится в Овальном кабинете в левом крыле здания; является синонимом администрации президента (США); **Guildhall** 1) Гилдхолл – здание ратуши лондонского Сити, муниципальный орган власти, известно огромным банкетным залом, картинной галереей, библиотекой, построено в 1411 г.; 2) гилдхолл – ратуша в некоторых крупных городах Великобрита-

нии; **Number 10, Downing Street** (Даунинг-стрит) – английское правительство; по названию улицы, на которой располагается в доме № 10 (Number Ten) лондонская резиденция премьер-министра, а в доме № 11 – резиденция канцлера казначейства (Chancellor of the Exchequer); по имени члена парламента Георга Даунинга; **The Lodge** (Лодж) 1) официальная резиденция премьер-министра Австралии в г. Канберра; 2) австралийское правительство; **Vogel House** (Фогель-хаус) – официальная резиденция премьер-министра Новой Зеландии с 1976 г.; был построен Дж. Фогелем как птицеферма и затем передан его внуком в дар правительству в 1965 г.

Следующий пример позволит проследить межсемiotический ряд [4, с. 105], который создает урбаноним **The White House** (здание как символ администрации президента США – его изображение – его наименование):

Nevertheless, some legal specialists say that the White House should be more specific about its worst-case scenario plans, pointing out two unanswered questions: what circumstances would trigger implementation of the plan and what legal limits the White House recognizes on its own emergency powers (4).

К этой группе можно отнести и названия королевских и президентских резиденций, поскольку в них происходили и происходят официальные приемы, подписываются официальные документы государственного и международного значения. Например, **Buckingham Palace** (Букингемский дворец) – главная королевская резиденция в Лондоне (1703); по имени первого владельца герцога Букингемского (Duke of Buckingham); **Clarence House** (Кларенс-хаус) резиденция членов королевской семьи в Лондоне; был построен для герцога Кларенсского (Duke of Clarence, 1765–1837); **Camp David** (Кэмп-Дэвид) – загородная резиденция президента США (штат Мэриленд), названная президентом Эйзенхауэром по имени своего внука, где было подписано Кэмп-Дэвидское соглашение (**Camp David agreement**) – мирный договор между Египтом и Израилем (1978 г.); **Hatfield House** (Хатфилд-хаус) – расположен недалеко от Лондона; королевская резиденция при короле Генрихе VIII (Henry VIII, 1491–1547); место заключения будущей королевы Елизаветы I (Elizabeth I, 1533–1603); современное здание построено в 1607–1611 гг.; **Lancaster House** (Ланкастер-хаус) – правительственное здание в Лондоне для проведения официальных приемов, конференций и т. п.; **Marlborough House** (Мальборо-хаус) бывшая резиденция членов королевской семьи; в 1962 г. используется для проведения конференций глав государств Содружества; построен для герцога Мальборо (Duke of Marlborough); **Osborne House** (Озборн-хаус) – бывшая королевская резиденция, построенная в 1846 г.

на о. Уайт, где скончалась королева Виктория; в настоящее время в нем располагается музей.

Уникальную группу в предложенной системе онимов представляют собой официальные прозвища штатов – административно-территориальных единиц США (official nicknames). Такие прозвища, официально утверждаемые законодательным собранием штата, как правило, отражают какую-либо особенность истории или географии штата и часто носят рекламный характер. Например, прозвище штата Нью-Йорк – *Empire State* (Имперский штат) – связано с высказыванием Джорджа Вашингтона: «Штат Нью-Йорк будет базой нашей империи». Узаконенное legislaturой штата название широко используется в рекламных целях и выносится в виде надписи на номерные знаки автомашин. Официальное прозвище штата Аризона – *Grand Canyon State* (Штат Великого Каньона) – указывает на особенности ландшафта его территории, а прозвище штата Вайоминг – *Equality State* (Штат равенства), первого штата в США, в котором в 1869 г. решением территориальной legislaturы женщинам было предоставлено избирательное право, – символизирует торжество демократии как в самом штате, так и во всей стране. Штат Коннектикут получил свое официальное прозвище *Constitution State* (Штат конституции) благодаря принятому здесь в 1639 г. документу «Fundamental Orders» («Фундаментальные положения»), который считается прообразом американской конституции [6]. Штат Юта имеет прозвище *The Beehive State* (Улей), хотя пчёл там не больше, чем в любом другом штате. Прозвище происходит от мормонского символа упорного труда – пчелы – и символизирует трудолюбие, свойственное жителям штата: *Utah is referred to as the Beehive State due to the symbol of the beehive being associated with the state, including its use on the state flag. The beehive is considered to be synonymous with industry and perseverance, since bees are famously hard workers, toiling almost endlessly for the well being of the hive and the bees living within it* (6).

Довольно часто в разговорной речи используются неофициальные урбанонимы, символизирующие судебную власть, которые можно представить в виде следующих групп:

1. Суды и пенитенциарные заведения. Например: *Bow Street* (Боу-стрит), главный полицейский суд в Лондоне (по названию улицы, на котором он находится), отсюда *Bow Street runners* – сыщики полицейского суда (лондонские полицейские); *Boys Town* (Бойз-таун – «мальчишеский город») – известный сиротский приют в штате Небраска (США); основан в 1917 г. отцом Фланаганом с целью перевоспитания неблагополучных детей; *Carey Street* (Кэрри-стрит), перен. название Лондонского суда по делам несовершеннолетних; по названию улицы в центральной части города, где

он находится; *Old Bailey* (Олд Бейли) – Центральный уголовный суд; находится в Лондоне, по названию улицы, где он находится; *Dartmoor/Dartmoor Prison* (Дартмур) – тюрьма, построенная первоначально в 1809 г. для французских военнопленных в районе Дартмур в графстве Девоншир, который отличается большим количеством холмов и болот и крайне суровым климатом; *the Moor* (Мур) – разговорное название тюрьмы; *borstal* (борстал) – исправительное учреждение для преступников от 16 лет до 21 года; находился в ведении Министерства внутренних дел; первое такое заведение было открыто в Борстале, пригороде г. Рочестера, графство Кент, в 1902 г.; в 1982 г. переименовано в молодежный исправительный центр (youth custody centre), а в 1987 г. – в учреждение для малолетних преступников (young offender institution); *Brixton/Brixton Prison* (Брикстон) – тюрьма в пригороде Лондона (Великобритания); *Broadmoor/Broadmoor Hospital* (Бродмур) – психиатрическая больница для душевнобольных преступников; находится в графстве Беркшир, открыта в 1873 г.; бродмурское учреждение – для лиц, признанных виновными, но невменяемыми; *Newgate/Newgate Prison* (Ньюгейт / Ньюгейтская тюрьма) – знаменитая лондонская тюрьма; располагалась на углу улиц Ньюгейт и Олд Бейли; на ее месте сейчас находится здание Центрального уголовного суда (Old Bailey); *bridewell* (брайдуэлл) – исправительный дом; по названию лондонского исправительного дома вблизи старинного колодца, посвященного св. Бригитте (St Bride's Well); *Bride* – вариант имени *Bridget*; существовал до 1863 г. (Великобритания); *The Fleet* (Флит) – долговая тюрьма в Лондоне; существовала до 1842 г.; по названию р. Флит, на берегу которой она была построена (река в XVIII в. была заключена в подземный канал); *Guantanamo / Gitmo / Guantanamo Bay detention camp* – тюрьма США в Гуантанамо, лагерь для лиц, обвиняемых властями США в различных преступлениях.

Самой известной тюрьмой Великобритании по праву считается *Tower of London / Tower* (лондонский Тауэр), официальное название Her Majesty's Royal Palace and Fortress – крепость, королевская резиденция, государственная тюрьма; место казни Генриха VI, принцев Эдварда V и его брата Ричарда, Анны Болейн, Джейн Грей и др. высокопоставленных особ; в настоящее время – музей, памятник архитектуры. С 1247 г. в Великобритании существовал *Bethlem / Bethlem Royal Hospital / Bedlam* (госпиталь святой Марии Вифлеемской / Вифлеемский госпиталь для душевнобольных) – психиатрическая больница в Лондоне, в которой кроме обычных душевнобольных пациентов содержались душевнобольные преступники (до открытия психиатрической больницы в Бродмуре в 1873 г.).

Упомянутые в этой группе аппелятивы *borstal*, *bridewell* и *broadmoor*, образованные в результате

деонимизации, приобретают более широкое значение и применяются ко всем учреждениям подобного типа, т. е. становятся номенами: *Educated at Sherborn school and St Anne's College, Oxford, Susan went to the Institute of Criminology at Cambridge for a year and from there into the prison service. Her training included her first assistant governor post, at Holloway in north London, in 1967 and a course at the staff college at Wakefield. She then became assistant governor at Bull wood Hall, a girls' borstal, after which she was asked to return to the staff college to train others* (5).

2. Полицейские органы (и их подразделения). Например: *Dabs* (Отпечатки) – прозвище отдела дактилоскопии в Нью-Скотленд-Ярде (New Scotland Yard); *Scotland Yard* (Скотленд-Ярд, букв. «шотландский двор»), центральное управление полиции и сыска в Лондоне (Metropolitan Police Force); первоначально часть Уайтхолльского дворца (Whitehall Palace), где размещались приезжавшие в Лондон короли Шотландии; *New-Scotland Yard* (Нью-Скотленд-Ярд) – название Скотленд-Ярда (Scotland Yard); *Murder Squad* (Отряд розыска убийств / Опергруппа убийств) – неофициальное название отделения Департамента уголовного розыска (CID), который расследует особо опасные преступления, связанные с убийством (Великобритания); *Black Museum* (Черный музей) – музей криминалистики при Скотленд-Ярде, официальное название – The Crime Museum of Scotland Yard.

3. Корпорации и другие объединения юристов. Например: *Chancery Lane* (Чансери-лейн) – собир. юристы; по названию улицы в Лондоне, на которой находятся несколько судебных учреждений и адвокатских контор; *Inns of Chancery* (Канцлерские инны) – корпорации солиситоров со школами подготовки разных категорий юристов, кроме барристеров; существовали до XIX в. (Великобритания); *Inns of Court* (Судебные инны) – четыре корпорации барристеров в Лондоне; пользуются исключительным правом приема в адвокатуру; существуют с XIV в., первоначально как гильдии, где ученики обучались у опытных юристов в качестве подмастерьев; состоят из *Inner Temple* (Внутреннего Темпла), *Middle Temple* (Среднего Темпла), *Lincoln's Inn* (Линкольнз Инн) и *Gray's Inn* (Грейз Инн) (Великобритания).

Наряду с синонимическим использованием мотивированных онимических единиц в некоторых случаях наблюдается и активное вытеснение ими полных официальных наименований. Ряд онимов используется узким кругом участников юридического дискурса, например *Dabs*, а такие онимы, как *Tower*, *Scotland Yard*, *Old Baily* известны обывателю далеко за пределами англо-американской лингвокультуры: *But a heavy price has been paid for that impunity: guns and drugs have often been smuggled*

in diplomatic bags, and at one point Scotland Yard estimated that 40% of London's shoplifting and parking offences were committed by the wives and cars of diplomats. More seriously, there was the Libyan diplomat who murdered PC Yvonne Fletcher: he was escorted to Heathrow, rather than to the Old Bailey, and the smoking gun left the UK in his inviolable baggage (3).

Нередко названия тюрем ассоциируются с особенностями режима, который в них существует, законами и порядками, которые там устанавливаются, и зачастую несут в себе негативную экспрессию: *Имена всех персонажей фильма* (речь идет о канадском художественном фильме «Куб», снятом в 1997 г. – О. К.) *выбраны не случайно. Фамилии героев взяты из названий известных тюрем: Квентин – это тюрьма Сан-Квентин в Калифорнии; Холлоуэй – Holloway Prison в Лондоне; Казань – тюрьма в Казани, Татарстан, Россия; Ренн – тюрьма в Ренне, Франция; Алдерсон – тюрьма в Alderson, Западная Виргиния; Левен и Ворт – тюрьма в городе Leavenworth, Канзас. Примечателен тот факт, что герои не только носят имена тюрем, но и полностью отражают их особенности. Так, Казань (человек, страдающий аутизмом) – неорганизованная тюрьма. Quentin (полицейский) известен своим зверством. Holloway – женская тюрьма. Alderson – тюрьма, где общим наказанием является изоляция. Leavenworth – тюрьма с точным до мелочей набором правил (математическая точность Левен)» (1).*

С наименьшей частотностью в разговорной речи встречаются эллиптивированные формы подобных неофициальных номинаций: *Number 10, the Yard, the Moor, Gitmo* и др. Например: *The Yard has gone to extraordinary lengths to prevent the disclosure of evidence. When the celebrity publicity agent Max Clifford sued the News of the World for breach of privacy, the court ordered police to hand over any material about him in their possession* (2).

Таким образом, проведенный анализ материала выявил тенденцию вытеснения официальных наименований учреждений законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти в странах с англо-американской правовой системой неофициальными названиями – дискурсивно обусловленными онимами, которые обладают национальным и/или историческим колоритом [1]. Так, урбаноним Скотленд-Ярд, не являясь термином, однозначно маркирует отнесенность того или иного текста к юридическому дискурсу, причем именно к английскому юридическому дискурсу (ср. в русском лингвокультурном сообществе годонимы Лубянка, Литейный и т. п.). Это аллюзивное имя собственное имеет определенную уникальную референциальную отнесенность. Знаком ситуации, лишь отсылающим к определенному референтно-

му содержанию, а не выражающему его, может являться и номинация определенного события по месту его совершения или по его участникам. Некоторые из аппелятивов, такие как *borstal*, *bridewell* и *broadmoor*, становятся номенами, претерпев процесс деонимизации, а официальные прозвища штатов – административно-территориальных единиц США, закрепленные законодательными органами соответствующих штатов, представляют собой уникальное явление. Полученные данные вызывают необходимость более тщательного изучения статуса самого термина и требований, которые к нему предъявляются. В частности, глубокого изучения требует понятие терминоидов, к которым относят лексические единицы либо еще не ставшие терминами, либо не удовлетворяющие требованиям, предъявляемым к терминам [3], и терминонимов, то есть имен собственных, употребляемых в специальном тексте, которые выполняют терминологические функции или являются терминообразующими лексическими единицами [4].

Список источников

1. *Попов М.* 6 граней, 12 ребер, 8 вершин «Куб» [Электронный ресурс] // Мир фантастики. – 2009. – Режим доступа: www.mirf.ru/Articles/art992.htm (дата обращения: 10.03.2012).
2. *Davies N.* Hacks and the Yard? We're still asking [Электронный ресурс] // The Guardian. – 2010. – 5 April. – Режим доступа: www.guardian.co.uk (дата обращения: 19.12.2014).
3. *Robertson G.* A diplomatic iniquity [Электронный ресурс] // The Guardian. – 2010. – 29 June. – Режим доступа: www.guardian.co.uk (дата обращения: 9.08.2012).
4. *Savage Ch.* White House revises post-disaster protocol [Электронный ресурс] // The Boston Globe. – June 2, 2007. – Режим доступа: www.boston.com (дата обращения: 9.08.2012).
5. *Schonfield S.* Susan McCormick obituary [Электронный ресурс] // The Guardian. – Wednesday 27 October 2010. – Режим доступа: www.guardian.co.uk (дата обращения: 9.08.2012).
6. Why is Utah Called the Beehive State? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.wisegeek.com/why-is-utah-called-the-beehive-state.htm (дата обращения: 12.09.2014).

Библиографический список

1. *Влахов С.* Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М.: Международные отношения, 1986. – 343 с.
2. *Косоногова О.В.* Словообразовательные модели онимических терминов англоязычной юридической терминологии / О.В. Косоногова, М.В. Малащенко // Вестник Кемеровского государственного университета. – № 3(59), т. 1. – Кемерово: Изд-во КемГУ, 2014. – С. 174–181.
3. *Лотте Д.С.* Основы построения научно-технической терминологии: Вопросы теории и методики. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. – 161 с.
4. *Татаринов В.А.* Теория терминоведения: в 3 т. Т. 1. Теория термина: история и современное состояние. – М.: Моск. лицей, 1996. – 311 с.
5. *Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. – С. 104.
6. An American Encyclopedia [Электронный ресурс]. – <http://www.miketodd.net/encyc/index.htm> (дата обращения: 9.08.2012).

ЯЗЫКОВАЯ ЭКЛЕКТИКА КАК ЖАНРОВАЯ ЧЕРТА СОВРЕМЕННОГО «РУССКОГО ШАНСОНА»: НА МАТЕРИАЛЕ ПЕСЕННО-ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА ЕЛЕНА ВАЕНГИ (Статья первая)

Статья посвящена вопросам лексической и фразеологической организации стихотворений Елены Ваенги, поэтессы и певицы, выступающей в жанре, определяемом как «русский шансон». Исследуются лингвистические и эстетические особенности текстов песен Ваенги с точки зрения стилистической принадлежности лексических и фразеологических единиц, инвариантных и трансформированных. У общеизвестных фразеологических единиц возникают новые значения, актуализируются разнообразные эмоциональные и оценочные коннотации, моделируются новые фразеологизмы на базе уже закрепившихся в языке; однако гораздо больше в текстах Ваенги окказиональных фразеологизмов. В статье также отмечены пропорции выявленных стилистически разноплановых единиц в творчестве Елены Ваенги. В работе представлены рассуждения о шансоне, показана история его возникновения, осмысливается собирательность шансона, сочетающего в себе самые различные формы песенной традиции, указываются основные черты жанра.

Ключевые слова: жанр, песня, песенно-поэтическое творчество, авторская песня, шансон, «русский шансон», Елена Ваенга, языковая эклектика, синтез, лексема, фразеологизм, узуальный фразеологизм, окказиональный фразеологизм, фразеологическая трансформация.

Песня, являясь органическим синтезом сразу двух видов искусства – музыкального и словесного, представляет собой значимый культурный феномен, разветвлённую систему внутрижанровых разновидностей и валентностей. Широкий спектр песенно-поэтического творчества (ППТ) включает гимны, исторические, народные, эстрадные песни, рэп, рок, романс и т.д. Изучению поэтики жанра в последние годы были посвящены работы Е.А. Абросимовой [1], О.С. Кострюковой [6], Л.Н. Дьяковой [3], А.Н. Полежаевой [12] и др. Так, по мнению О.С. Кострюковой, песенный текст от собственно стихотворного отличаются: «преобладающая простота содержания, <...> активная коммуникативная роль адресата, <...> включение в песню различных речевых жанров, <...> связь со временем» и др. [6, с. 11].

Определённое место в жанровой системе ППТ занимает *шансон* (фр. *chanson*) – «современная эстрадная песня из репертуара шансонье» [14, с. 1195]; (Здесь и далее курсив мой. – А.К.). Часто под «русским шансоном» понимается музыка сомнительного качества – например, ресторанная или тюремная песня. Такой подход к понятию весьма узок, поскольку не охватывает всего его объёма, включающего колоссальное количество текстов и имён их авторов (Б. Окуджава, В. Высоцкий, Ю. Визбор, А. Галич, Л. Утёсов, А. Вертинский, И. Юрьева, М. Круг и др.). Творчество каждого из исполнителей настолько своеобразно, что сложно однозначно ответить на вопрос, какую музыку следует называть *шансоном*. Существует несколько точек зрения на возникновение и природу жанра.

Ю.Н. Севостьянов, руководитель компании «Русский шансон», в одном из интервью заявил, что считает себя родоначальником термина: «...направление существовало и до меня, но именовалось

“блатняком” и городским романсом. В конце 1993 года <...> я вместе с коллегами понял, что продавать и представлять блатные песни невозможно <...> По аналогии с французскими изданиями Владимира Высоцкого мы решили назвать это направление *русским шансоном*» [11]. Публицист В. Окунев, отталкиваясь от содержания понятий *жанр* и *стиль*, приходит к выводу о том, что шансон есть именно самостоятельный *жанр*, то есть обширная группа произведений с общими признаками. Окунев указывает на эпическую сущность жанра: «шансон – даже если и вымысел, то максимально приближенный к жизни» [10].

Исследователь делает упор на «гибридность» шансона, характеризует явление как собирательное по своим музыкальным и словесным чертам: «(Под «шансоном». – А.К.) с начала 1990-х гг. понимается целый ряд разнородных поэтико-музыкальных и художественно-бытовых явлений, принадлежащих разным пластам постфольклорной и массовой музыкальной культуры» [10]. В основании жанра, по Окуневу, лежит фольклорная и околофольклорная среда (романс, тюремная, воровская, блатная, бардовская песня). Все эти явления непосредственно участвуют в историческом определении (и самоопределении) так называемого «русского шансона», сочетающего в себе самые различные формы песенной традиции.

Важное замечание, касающееся границ жанра и его связей с другими направлениями ППТ (например – с эстрадной песней), сделано музыковедом Л.И. Левиным: «“русский шансон” <...> оказывает прямое и непосредственное воздействие на развитие популярной эстрадной песни, становится <...> элементом современной песенной культуры» [8, с. 74]. Проф. Пизанского университета Стефано Гардзонио отмечает, что жанр совмещает

литературный и фольклорный ряды: «с одной стороны, идет фольклоризация литературных песен, с другой, сама литература <...> усваивает формы и темы городского фольклора, например, в жанре жестокого романа» [2]. Гардзонио утверждает, что «все эти тематические поля, как и темы тюремной, блатной песни, входят в тематику современного “русского шансона”» [2].

Опираясь на работу Гардзонио, перечислим основные черты «русского шансона» как жанра: 1) совпадение автора и исполнителя текста в одном лице; 2) отсутствие различий между «столичным» и «провинциальным» вариантами; 3) наличие *провинции* как одной из пространственно-временных констант; 4) автобиографичность произведения; 5) наличие тематически мотивированных прозвищ у авторов-исполнителей (названий групп); 6) тенденция к расширению границ бытования жанра в начале XXI века – от маргинальной среды («блатного» начала) к популярной музыке (эстрадной песне). Широкое понимание термина представлено в Краткой Российской энциклопедии: *шансон* – это «современная эстрадная [песня], исполняемая эстрадным певцом, часто автором слов и музыки (шансонье)» [7, с. 760].

В настоящей статье мы обращаемся к творчеству Елены Владимировны Ваенги (р. 1977) – современной поэтессы и исполнительницы, в творчестве которой осуществляется синтез сразу нескольких направлений авторской песни (фольк-песня, блатная, эстрадная песня). Настоящая популярность пришла к Ваенге в 2005 г. с выходом альбома «Белая птица», а 12 ноября 2010 г. поэтесса дала свой первый концерт в Кремле. В песенной поэзии Ваенги актуальны *любовная тема* («Оловянное сердце», «Говори, говори», «Клавиши», «Белая птица», «Sortie», «Лодочка», «Любимый», «Не любил», «Шопен»), *философская проблематика* («Города», «Девочка», «Курю», «Обычный человек», «Цыган», «Ехал ко мне друг»), *тема Родины* («Города», «Снег», «Маленький северный рай»), *юмористическое начало* («Курю», «Мостики», «Ну, где ты был?», «Ордынка», «Мама», «Пашка», «Принцесса»). Рассмотрим особенности лексико-фразеологической организации песенных текстов Елены Ваенги как одного из представителей жанра.

Характеризуя лексику и фразеологию, отметим пропорции выявленных нами стилистически разноплановых единиц: 5 книжных (9%), 25 разговорных (71%), 7 просторечий (12,5%), 4 жаргонизма (7%), 15 единиц субъективной оценки. Немногочисленно представлена **книжная лексика и фразеология**: *лелеять, окаянный, давать обет* и т.п. Книжная лексика часто перемежается со стилистически сниженными единицами. Так, в одно из своих «блатных» стихотворений Ваенга включает поэтический глагол *лелеять* в первом значении “ласкать, нежить, холить” [14, с. 403], что неожиданно

данным в свойственной шансону песне «об послушавшейся дочери»: *В детстве меня не били, / Лелеяли дни и ночи. / Ну, в общем, короче, – / Любили меня. / Может быть, даже очень...* («Мама»). Возникает контраст за счёт совмещения эстетически привлекательного образа и образа сниженно-бытового, то есть в результате синтеза эстетического и антиэстетического начал.

Стилистически и эстетически амбивалентно, к примеру, стихотворение «Клавиши»: *Накормили нотами клавиши...* («Клавиши»). Эстетика разрушается здесь при совмещении стилистически диаметральных единиц, что, в свою очередь, порождает когнитивно-стилистический диссонанс: с одной стороны, автор обращается к образам *клавиши* и *нот*, связанным в нашем сознании с представлением о прекрасном, а с другой – использует здесь же глагол *накормить* – экспрессивно мотивированную единицу, разговорное значение которой сформировалось за счёт семантической диффузии и даётся с пометой “разг., шутил.”: “давать *есть* что-нибудь в большом количестве, пичкать” [14, с. 373]. Глаголы типа *накормить, закармливать, перекормить* активно функционируют в разговорной речи, сопровождаются отрицательной коннотацией, обозначают состояние пресыщенности, переполненности субъекта чем-либо.

Наиболее частотна у Ваенги **разговорная лексика и разговорные формы лексем**, не относящиеся к разговорному стилю. Они – «употребляющиеся в непринуждённом разговоре, придающие речи неофициальное звучание, но не грубые» [5, с. 157]: *коли, нету, сжирает, замотаться, наслушаться, маяться, раскидать, перебеж, пересчёт, намучиться, рядышком, придраться, понукать, церемониться, нафиг, чушь* и др. Незначительную часть всей лексики занимает **просторечие**, причём преобладающей будет собственно просторечная лексика: *девка, напополам, помирать, фото, хоро-водить, непруха*. Блатная тема занимает у Ваенги периферийное положение, потому и **жаргонизмов** в её стихах немного: это в основном общеизвестная лексика уголовного жаргона и молодёжного сленга, утрачивающая былую социальную ограниченность и переходящая в разряд грубо-разговорной, по сути – в корпус интержаргона: *заколебать, фраер, лох* и т.п. Фольклорная традиция положена в основу целого ряда стихотворений: «Бережок», «Веночек», «Где была», «Гуцулочка», «Лодочка», «Ветер клонит», «Ехал ко мне друг». В текстах частотны традиционные образы русского фольклора, постоянные эпитеты, их сопровождающие: *крутой бережок, дурман-трава, чистое полюшко, веночек, суженый, речка, водица, чёрный ворон, ветер, черёмуха, лебеда, крапива, анютины глазки, птица, полон, буйна голова*.

Обширно представлены в стихотворениях Елены Ваенги слова с уменьшительно-ласкательными

ми суффиксами, то есть **субъективно-оценочные средства**, без которых не мыслится народное поэтическое слово. Наиболее выраженной экспрессией обладают суффиксы субъективной оценки существительных *ок, ек, ушк / юшк, очк, к, им, иц*: *бережок, полюшко, детина, веночек, ленточка, речка, водица, метелица, лодочка, миленький, краюшка, батюшка, родимый* и др. Характерная особенность фольклорной речи – **повторы** (лексем, сочетаний слов и целых конструкций): *Сколько с тобою бед, / Сколько с тобою слёз!* («Бережок»); *Доляти до царя-батюшки! / Доляти до царя-батюшки!* («Ветер клонит»). Неоднократно лирическая героиня Ваенги употребляет обращения к неодушевлённым предметам и явлениям природы: *Лети, ветер, к света краюшке...* («Ветер клонит»); *Чистое полюшко, / Успокой мою кручину! / Горькое горюшко, / Образумь его, детину!* («Бережок»). Стилизации под фольклор способствует включение в текст **устаревших слов**, воссоздающих колорит эпохи (*батюшка*), **разговорных фразеологизмов** (*судить и (да) рядить*, то есть «разг. Рассуждать, толковать» [16, с. 282]: *Рвала я дурман-траву, / Я судила, я рядила* («Бережок»)), **разговорной народно-поэтической лексики** (*кручина, детина, родимая, суженый* и т.п.). Таким образом, в лексическом отношении ППТ Ваенги действительно эклектично, содержит языковые маркеры нескольких музыкально-поэтических направлений. Тексты обнаруживают и немногочисленную лексику, характерную для блатной песни, и фольклоризмы, и языковые приметы эстрадного творчества.

В стихотворениях Ваенги активно используются **фразеологические единицы (ФЕ)**: у общеизвестных ФЕ возникают новые значения, моделируются новые ФЕ на базе уже закрепившихся в языке, актуализируются разнообразные эмоциональные и оценочные коннотации ФЕ. Ваенга использует ФЕ как в инвариантной, так и в трансформированной формах. Нами были выявлены **узуальные ФЕ**: *найти смерть* (Жаль, только у меня / Ты *смерть* свою *нашел*... («22 июль»)), *пройти мимо* (Ты был ведь ненастоящий, / *Проходил мимо!* («Sortie»)), *читать мысли* (Моя бабушка *читает мысли*... («Бабушка»)), *беда одна не ходит, отдавать дань* (Ты говоришь, *беда одна не ходит*...; Ты *отдаешь* своим приличиям *дань*... («Блюз»)), *не думать не гадать, все мы под Богом ходим* (Мы *не думали*, / Мы *не гадали*...; А забыли, наверное, / Что ведь *ходим под Богом все*... («Голыми руками»)), *сгореть дотла* (Что-то приходит, что-то уйдет, а что-то *сгорит дотла*... («Маленький северный рай»)), *снимать вину* (Я-то всё пойму, но я ни с кого *не сниму вины*... («Девочка»)), *идти рука об руку, горя не знать* (А мы *рука об руку* / Идём с тобою рядом...; Чтоб до ста лет жили! / Чтоб *горя не знали!* («Желаю»)), *в лицо* (Если бы ты видел мою

печаль *в лицо*... («Курю»)), *махнуть рукой, чёрт с тобой, зелёный змей* (Ну, мама пила валерьянку, / А папа *махнул рукой*: / “Ты душой была и останешься душой. / Доченька, *чёрт с тобою!*”; А он каждый день – / Пивка для рывка / На пару с *зелёным змеем* («Мама»)), *злой язык (Злые языки молчать не станут*... («Мама, что ты плачешь?»)), *во сто крат* (Задать вопрос – не получить ответ, / Порою лучше *во сто крат!* («Обычный человек»)), *украсть счастье* (Мы с тобой *украли счастье* ночкой окаянной... («Оловянное сердце»)), *сдержать слово* (Тебя спрошу: “По что ж ты / *Не держишь* своё *слово*?” («Реснички»)), *Бога ради* (Оставьте, *Бога ради*... («Романс»)), *кровь стынет в жилах* (Когда *застынет в жилах кровь*, / И голова упадёт на грудь... («Странный господин»)), *ни туда ни сюда* (Куда-то всё летят поезда, / А у меня судьба *ни туда ни сюда* («Уренгой»)), *вдоль и (да) поперёк* (Много дорог и дальних стран / Он исходил *вдоль да поперек*... («Цыган»)), *попасть в плен* (Обманув саму себя, *попала в плен*... («Шопен»)). В поэтических текстах Елены Ваенги мы обнаружили 29 инвариантных ФЕ.

Гораздо активнее автор употребляет индивидуально-авторские ФЕ (40 единиц), то есть **окказиональную фразеологию**, представляющую собой, по определению проф. Ирины Юрьевны Третьяковой, «варианты языковых фразеологизмов <...> не зафиксированные в нормативных словарях <...> характеризующиеся контекстуальными смысловыми приращениями и / или частичным изменением компонентного состава» [13, с. 14]. Охарактеризуем особенно интересные окказиональные ФЕ, обнаруженные нами в стихотворениях Ваенги, прежде всего – в текстах песен о любви. Анализ ФЕ даст нам возможность понять, как раскрывается в ППТ Елены Ваенги базовый концепт *любовь*, как-ким видится это чувство автору-исполнителю.

В тексте стихотворения «Оловянное сердце» употреблён трансформ фразеологизма *молодой да ранний* (вариант – *из молодых да ранний*) со значением “не по годам опытный, изворотливый, ловкий и т.п. О человеке, рано проявившем себя в чём-либо, чаще с отрицательной стороны” [15, с. 235], видоизменённый Ваенгой посредством замены одного словного компонента другим: *ранний* → *ловкий*. Данная замена не случайна, ведь в контексте ФЕ обретает новый смысл: устойчивый оборот *карманная воровка*, следующий за фраземой, усиливает значение и звучание последней, поскольку сема “ловкий”, содержащаяся в инварианте, эксплицируется, актуализируется в трансформе: *Я стала такой красивой, а ты молодой да ловкий. / Я тебя на ночь украла, как карманная воровка*... («Оловянное сердце»).

У Ваенги «ловкость» молодого героя-любownika под стать криминальному мастерству героини, раскрытому в компаративном обороте *как*

карманная воровка. Замена компонентов в рамках ФЕ связана с корреляцией смыслового наполнения слова *ловкий* (разг. “оборотливый, изворотливый, умеющий найти выход во всяком положении” [14, с. 413]) между трансформом ФЕ и выражением *карманная воровка* (то есть воровка не простая, искусная, следовательно – *ловкая*). Налицо «смешение миров» – любовного (романтического) и криминального (благного): даже любовь герои Ваенги не дарят друг другу, а крадут, воруют, изворотливо и ловко. Философское замечание героини по поводу настоящего и минувшего заключает в себе фразеологическая контаминация *кто старое помянет, тому не видать век воли*, состоящая из усечённого пословично-поговорочного выражения *кто старое помянет (вспомянет), тому глаз вон* (разг. “говорится тогда, когда не хотят вспоминать прошлых обид, неприятностей и т.п.” [4, с. 161]) и преобразованного инверсией фразеологического жаргонизма со значением клятвенного заверения *век воли не видать: А кто старое помянет, тому не видать век воли, / Жизнь, она ведь словно сцена, а ты просто перепутал роли!* («Оловянное сердце»).

В описываемом фразеонаборе обращает на себя внимание реминисценция прозвучавшей в пьесе Шекспира «Как вам это понравится» фразы, ставшей впоследствии крылатой: *Весь мир – театр, а люди в нём актёры* (в шекспировском варианте: *Весь мир – театр. В нём женщины, мужчины – все актёры* (*All the world is a stage, and all the men and women merely players*)). Выражение, в свою очередь, восходит к латинскому *Mundus universus exercet histrionain* (букв. “весь мир занимается лицедейством”). Афоризм видоизменён Ваенгой следующим образом: *жизнь, она ведь словно сцена, а ты просто перепутал роли*. Здесь обнаруживаем сразу две пары замен компонентов ФЕ: *мир* → *жизнь*, *театр* → *сцена*. Слова-компоненты принадлежат одной тематической группе. Таким образом Ваенгой осуществляется переход от абстрактного шекспировского «мир» (“земной шар вместе со всем существующим на нём; то же, что свет <...> действительность...” [14, с. 449–450]) к более конкретному, более близкому человеческой природе понятию «жизнь» (“реальная действительность во всей совокупности её проявлений” [14, с. 221]).

Вторая часть крылатой фразы трансформирована также на основе семантической близости слов: *люди в нём* (Мире. – А.К.) *актёры* → *а ты просто перепутал роли*. Лирическая героиня Ваенги, обращаясь к возлюбленному со словами «А ты просто перепутал роли», винит его в том, что он не оправдал её ожиданий, сыграв не ту «роль», поступив не так, как бы хотелось ей. В рефрене мы находим объяснение того, в чём состоит роковое противоречие между ожиданиями и реальностью, а в финальных строках – слышим об абсолютном крушении надежд героини. Метафорически употреблённый

здесь адъектив *оловянный*, распространяющий существительное *сердце*, передаёт душевную боль героини, «металлическую» холодность её чувств после той драматической близости: *Ну ты же обещал быть рядом, что бы ни случилось... / Я так не хотела плакать, да вот, не получилось... / Мы с тобой украли счастье ночью окаянной, / А наутро стало сердце оловянным!* («Оловянное сердце»).

В тексте песни «Говори, говори» имеют место сразу три трансформации ФЕ: *подарил крылья, карты биты, а масти не сходятся, в омуте черти водятся*. В припеве лирическая героиня ставит в кор своему возлюбленному его многочисленные обещания любить, так и оставшиеся лишь словами, пустым звуком. Состояние окрылённости, душевного подъёма, рождённого любовью, передает здесь ФЕ *крылья подарил*, возникшая окказионально из инварианта *крылья выросли* (разг. “кто-либо имеет возможность проявить себя, верит в свои силы, способен развернуть какую-либо деятельность” [9, с. 267]). Трансформация носит структурно-семантический характер и основана на конверсии, созданной за счёт контекстуального сближения значений слов-компонентов *выросли* и *подарил*, имеющих общую сему “наличие” и соотносящихся как конверсивы *дать* и *получить*. Параллельно с этим наблюдается и субъектно-объектная синтаксическая конверсия: *крылья выросли* → *крылья подарил*.

Однако «окрылённость» лирической героини обманчива, имеет характер трагический: женщине не хватает голоса любимого человека, но в то же время она боится услышать правду нелюбви. Любовь неразделённая сковывает героиню Ваенги, в тексте мы находим морфологически изменённую ФЕ *связать руки* (“лишать возможности свободно действовать...” [15, с. 387]). Третий и четвёртый стихи второго куплета построены на семантическом и неполном синтаксическом параллелизмах, представляющих любовное чувство в виде сгустка противоречий, желаний, стремлений и вместе с тем помех, не позволяющих мечтам осуществиться: героиня хочет обнять возлюбленного, но её «руки связаны»; они «плывут по одной реке», но в то же время – врозь, ведь «лодки» у них «разные»: *Говори, говори – я ж буду маяться, / Но не правду – она мне не нравится! / Мне тебя не обнять – руки связаны. / По одной реке плывём, да лодки разные!* («Говори, говори»).

Далее метафорический образ «подаренных крыльев» Ваенга пытается «оживить», сделать его более зримым, по-прежнему иносказательно продолжая раскрывать роковой, трагический характер отношений героев, болезненную зависимость героини от возлюбленного, её ведомость им: *Показал взглядом – куда лететь надо, / Напоил, напоил водой из ладоней, / Говорил, что не тронешь, а сам забыл...* В стихотворении представлен трансформ

карты биты, а масти не сходятся, построенный на расширении компонентного состава одной узуральной ФЕ и контаминации её с другим фразеологизмом. Конструкция включает ФЕ *карта бита (убита)* в инвариантном значении (“о полной неудаче чьих-л. замыслов” [16, с. 106]), передающую абсолютное фиаско отношений молодых людей. Данное значение дополняется и усиливается трансформом просторечного фразеологизма *под (одну) масть* (устар. синоним – *к масти*, арготический вариант – *в масть*: “о ком-, чём-л. одинаковом, сходном, близком в каком-л. отношении” [16, с. 143]).

«Шансонность» языка анализируемых нами текстов проявилась и здесь: в художественное пространство любовного лирического произведения Ваенга вписывает ситуацию карточной игры – неотъемлемую часть блатного мира. Компонент ФЕ *масть* соотносится с элементом её значения “отношение”, а компонент *одну* – с “одинаковый”, “равный”, “сходный”. Декодировать фразеологический микротекст *карты биты, а масти не сходятся* можно примерно так: «надежды не оправдались, а отношения не складываются» (где союз *а* употребляется в сопоставительном значении). Семантика фразеологического контаминанта ещё больше усиливается благодаря следующему за ним эллиптическому трансформу пословицы *в тихом омуте черти водятся* (“тихий, скрытный человек способен на поступки, которых от него, казалось бы, нельзя было ожидать” [4, с. 40]), из которой автор исключила адъектив: ***Карты биты, а масти не сходятся!*** / *Ох, не зря в омуте черти водятся!* / *Даже косами чую – разлучница, / Но ничего у тебя не получится...* («Говори, говори»). Под «чертями» героиня Ваенги подразумевает не что иное, как козни соперницы, которую она «чует косами» и с которой в очередной раз вступает в любовную перепалку, художественно облечённую в игровую оболочку – принадлежность эстетики игры, такой актуальной в лирике шансона.

Библиографический список

1. *Абросимова Е.А.* Семиотика бардовской песни: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Омск: ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, 2006. – 24 с.
2. *Гардзонио Стефано* «Русский шансон» между традицией и новаторством: жанр, история, тематика // Новое литературное обозрение. – 2010. – № 101. – С. 149–165. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/101/ga9.html> (дата обращения: 04.01.2016).
3. *Дьякова Л.Н.* Русская авторская песня в лингвистическом и коммуникативном аспектах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж: ВГУ, 2007. – 24 с.
4. *Жуков В.П.* Словарь русских пословиц и поговорок. – М.: Русский язык, 2007. – 649 с.
5. *Калинин А.В.* Лексика русского языка: Учебник для институтов. – М.: Издательство Московского университета, 1978. – 232 с.
6. *Кострюкова О.С.* Текст современной популярной лирической песни в когнитивном, коммуникативном и стилистическом аспектах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М.: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2007. – 24 с.
7. Краткая Российская энциклопедия: В 3 т. Т. 3: Р–Я / Сост. В.М. Карев. – М.: Большая Российская энциклопедия: ООО «Издательский дом “ОНИКС 21 век”», 2003. – 1135 с.
8. *Левин Л.И.* Блатная песня // Эстрада России. Двадцатый век: Лексикон. – М., 2000. – С. 74.
9. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русских поговорок. – М., 2007. – 784 с.
10. *Окунев В.* Что такое «Шансон» для меня и как я его вижу по-своему? // Музей шансона. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.shansonprofi.ru/archiv/notes/okunev_about.shtml (дата обращения: 04.01.2016).
11. Отец русского шансона об убийстве Михаила Круга (Интервью с Ю.Н. Севостьяновым от 27.04.2005 г.) [Электронный ресурс] // Правда.Ру. – Режим доступа: <http://www.pravda.ru/showbiz/russian/27-04-2005/50899-mihailkrug-0/> (дата обращения: 03.01.2016).
12. *Полежаева А.Н.* Проблемы современного песенного текста: лингвоэкологический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Иваново, 2011. – 24 с.
13. *Третьякова И.Ю.* Окациональная фразеология (структурно-семантический и коммуникативно-прагматический аспекты): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Ярославль, 2011. – 51 с.
14. *Ушаков Д.Н.* Большой толковый словарь современного русского языка. – М.: «Альта-Принт», 2008. – 1239 с.
15. Фразеологический словарь русского языка / под ред. и послесловием А.И. Молоткова. – 6-е изд., испр. и доп. – М., 2001. – 512 с.
16. Фразеологический словарь русского языка / сост. А.Н. Тихонов (рук. авт. кол.), А.Г. Ломов, Л.А. Ломова. – 3-е изд., стереотип. – М.: Русский язык. – Медиа, 2007. – 334 с.

НЕКОТОРЫЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ И ЭКСПЕРТА ПРИ НАЗНАЧЕНИИ И ПРОИЗВОДСТВЕ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

В статье анализируются актуальные процессуальные аспекты взаимодействия следователя и эксперта в процессе проведения судебной экспертизы по уголовным делам. Автором обобщаются ситуации, в которых эксперт вправе отказаться от проведения порученной ему экспертизы. Выделяются 3 вида данных ситуаций: 1) когда проведение экспертизы невозможно в принципе (при отсутствии методик исследования на современном этапе развития научно-технического прогресса, при необходимости использования угрожающих жизни и здоровью эксперта методов, при предоставлении разрушенных и непригодных для исследования объектов и т.п.); 2) когда экспертиза не может быть проведена в конкретном экспертном учреждении (при отсутствии в нем эксперта необходимой компетенции либо специального оборудования); 3) когда проведение экспертизы недопустимо поручать конкретному эксперту (при наличии оснований для его отвода, либо при отсутствии у него достаточных для исследования знаний). Детализируется процессуальный порядок отказа эксперта от проведения экспертизы. Также в работе рассматривается право эксперта присутствовать при проведении экспертного исследования и установленные законом ограничения этого права (в частности, запрет следователя присутствовать на совещании экспертов по формулированию выводов). В статье исследуются предусмотренные подзаконными нормативными актами алгоритмы действий эксперта при недостаточности материалов, предоставленных ему следователем. Анализируются приказы МВД России, обязывающие следователя при поступлении ему недостаточного числа материалов заявить ходатайство о их восполнении. В работе рассматривается вопрос о выделении всех экспертных подразделений в самостоятельное ведомство. Автор полагает, что самостоятельность эксперта может быть достигнута в условиях существующей организационно-штатной структуры правоприменительных органов.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, предварительное расследование, следственные действия, назначение и производство судебной экспертизы, присутствие следователя при проведении экспертизы, отказ эксперта от проведения экспертизы, восполнение представленных на экспертизу материалов.

Одним из предусмотренных законом средств доказывания в уголовном судопроизводстве выступает процессуальное действие, именуемое «назначение и производство судебной экспертизы», содержание которого составляет использование специальных знаний в различных областях социальной деятельности.

Таким образом, с одной стороны, судебная экспертиза – это применение специальных знаний, которыми не располагают следователь, прокурор и суд. В этом смысле экспертиза достаточно сильно отличается от многих «традиционных» следственных действий, основанных на личном восприятии следователем исследуемых обстоятельств реальной действительности, на что справедливо обращает внимание многими авторами [4, с. 97; 7, с. 78–79]. С другой стороны, судебная экспертиза является процессуальным действием, предусмотренным и достаточно детально регламентированным нормами уголовно-процессуального закона. Отступление от соответствующих процессуальных правил влечет признание результатов экспертизы недопустимыми доказательствами и исключает их использование в доказывании по уголовному делу. В этом смысле судебная экспертиза – такое же следственное действие, как и остальные, названные в УПК РФ. При этом, по нашему мнению, судебную экспертизу, так же как и наложение ареста на

почтово-телеграфные отправления, контроль и запись телефонных и иных переговоров, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, целесообразно относить к технико-специальным следственным действиям, имеющим достаточно специфическую нормативную конструкцию. Все указанные действия включают в себя «технический этап», содержанием которого является исследовательская или техническая деятельность. Следователь действует «на входе» в технический этап, назначая соответствующее следственное действие и предопределяя его границы, а также «на выходе» их технического этапа, оценивая представленные ему результаты. Непосредственно технический этап выполняется не следователем, а соответствующим специалистом. Вместе с тем деятельность в ходе технического этапа нельзя считать полностью непроцессуальной. Особенно ярко это подтверждается на примере судебной экспертизы. Во-первых, эксперт при проведении исследования обязан придерживаться установленных процессуальных правил (запрет самостоятельного собирания доказательств, контактирования по этому поводу с другими участниками уголовного судопроизводства, соблюдение формы и содержания экспертного заключения и т.п.). Во-вторых, следователь, а в некоторых случаях и другие участники уголовного судопроизводства впра-

ве присутствовать при проведении экспертизы. В-третьих, правила оценки заключения эксперта устанавливаются именно уголовно-процессуальным законом, и, следовательно, должны учитываться не только следователем, но и экспертом непосредственно при проведении исследований.

Судебная экспертиза включает в себя деятельность нескольких субъектов, и, прежде всего, следователя и эксперта. В отличие от других следственных действий, где лицо, обладающее определенными специальными знаниями и наделенное процессуальным статусом специалиста, лишь оказывает следователю содействие в восприятии тех или иных обстоятельств, при проведении экспертизы деятельность следователя и эксперта довольно обособлены. Вместе с тем, экспертиза немыслима без тесного взаимодействия указанных субъектов. Тактические аспекты взаимодействия изучены достаточно полно, в отличие от процессуальных. В настоящее время многие процессуальные вопросы взаимодействия при назначении и производстве экспертизы регламентированы УПК РФ, однако отдельные стороны не получили соответствующей регламентации в уголовно-процессуальном законе, что вызывает значительные сложности для правоприменительной практики. В силу этого данные вопросы требуют теоретической разработки, какая и будет предпринята в рамках настоящей статьи.

Процессуальное взаимодействие следователя и эксперта начинается с момента выбора следователем экспертного учреждения либо конкретного эксперта, который будет производить экспертизу. В соответствии с ч. 1 ст. 195 УПК РФ, судебная экспертиза назначается по постановлению следователя, который определяет в нем экспертное учреждение либо отдельного эксперта, которому поручается ее производство. По общему правилу эксперт не вправе отказаться от производства порученной ему экспертизы (ч. 8 ст. 11, абз. 1 и 2 ч. 1 ст. 16 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»). Вместе с тем из этого правила имеются исключения, обусловленные как общим состоянием научно-технического прогресса, предопределяющим познавательные возможности экспертизы, так и спецификой следственной ситуации по конкретному уголовному делу. Частично перечень таких случаев предусмотрен непосредственно в законодательных нормах, частично он выработан теорией уголовного процесса и судебно-следственной практикой.

Анализ подобных ситуаций позволяет выделить 3 группы:

1. Когда судебная экспертиза по поставленным вопросам не может быть произведена в принципе:

а) если в условиях современного уровня развития науки и техники отсутствуют методики проведения экспертного исследования (абз. 3 ч. 1 ст. 16

Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»). Так, сотрудниками полиции был задержан Н., находящийся в состоянии наркотического опьянения. Было установлено, что он приобрел некоторое количество героина, которое употребил внутривенно непосредственно перед задержанием. При себе героина у Н. не было. Следователем было вынесено постановление о назначении судебно-медицинской экспертизы, в котором были поставлены вопросы об определении количества употребленного Н. героина, исходя из степени наркотического состояния задержанного. Из письменного ответа руководителя экспертного учреждения следовало, что подобная экспертиза не может быть проведена из-за отсутствия методик, позволяющих установить указанный факт [2].

Другой пример. По уголовному делу о дорожно-транспортном происшествии в постановлении о назначении судебно-медицинской экспертизы был поставлен вопрос о скорости транспортного средства, исходя из степени тяжести имеющихся у потерпевшего телесных повреждений. Экспертом было отмечено, что подобное исследование не может быть проведено из-за отсутствия соответствующей методики [6];

б) если экспертное исследование будет угрожать жизни и здоровью эксперта. В частности, недопустимо требовать в ходе судебно-медицинской экспертизы для установления причин смерти «повторить» действие опасных вирусов и совершать иные подобные действия;

в) если для ответа на поставленные вопросы не требуется применения специальных знаний и проведения исследований. Так, следственными подразделениями районного звена было возбуждено несколько уголовных дел по факту незаконного оборота наркотических средств различными лицами. В ходе расследования было установлено, что указанные лица действовали в составе группы, имея единый умысел на незаконный сбыт наркотиков. Уголовные дела были соединены в одно производство, после чего была проведена сравнительная судебно-криминалистическая экспертиза материалов, веществ и изделий, в соответствии с заключением которой изъятые у обвиняемых наркотические средства, исходя из состава примесей, могли составлять единое целое. После этого следователем была назначена еще одна экспертиза для точного определения массы каждого изъятого наркотического средства. В письме руководителя экспертного учреждения было указано, что для ответа на данный вопрос не требуется проведения специальных исследований и применения специальных знаний, поэтому его решение не относится к компетенции эксперта [1];

г) если представленные материалы непригодны для проведения экспертизы, либо их недостаточно,

а в дополнении материалов эксперту отказано (ч. 5 ст. 199 УПК РФ, абз. 3 ч. 1 ст. 16 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»).

2. Когда судебная экспертиза не может быть проведена в конкретном экспертном учреждении:

а) если в нем нет эксперта конкретной специальности (ч. 3 ст. 199 УПК РФ, абз. 1 ст. 15 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»);

б) если в нем отсутствуют специальные условия (оборудование, образцы для исследования и т.п.) для производства экспертизы (ч. 3 ст. 199 УПК РФ, абз. 1 ст. 15 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»).

3. Когда судебная экспертиза не может быть произведена конкретным экспертом (в подобных случаях экспертиза не может быть принята к производству экспертным учреждением только тогда, когда в нем имеется единственный эксперт соответствующей специальности):

а) если эксперт заинтересован в исходе дела и подлежит отводу (ст. 70 УПК РФ, ч. 2 ст. 18 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»);

б) если эксперт не обладает достаточными знаниями для производства экспертизы (ч. 5 ст. 199 УПК РФ). В государственных экспертных учреждениях достаточность уровня знаний эксперта определяется наличием у него оформленного в установленном порядке допуска на проведение соответствующего вида экспертиз. Отсутствие в штате экспертного учреждения эксперта с данным допуском является основанием для отказа от проведения экспертизы.

Думается, что целесообразно было бы дополнить УПК РФ указанными нормами, и, кроме этого, согласовать его в этой части с Федеральным законом «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», установив в указанных нормативных актов одинаковый перечень оснований, дающих право отказаться от проведения судебной экспертизы.

Отказ от дачи заключения должен быть заявлен экспертом в письменном виде с изложением мотивов отказа (п. 6 ч. 3 ст. 57 УПК РФ). Форма такого отказа в УПК РФ прямо не предусмотрена. Вместе с тем в абз. 3 ч. 1 ст. 16 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» говорится о том, что в подобных случаях эксперт обязан составить мотивированное письменное сообщение о невозможности дать заключение. Еще более детально регламентирован данный вопрос нормативными актами МВД России, в соответствии с которыми при наличии обстоятельств, дающих право возвратить постановление о назначении

экспертизы без исполнения, руководитель экспертно-криминалистического подразделения составляет мотивированное сопроводительное письмо, в котором указывает причины, по которым экспертиза не может быть проведена, и направляет его на имя начальника следственного подразделения или подразделения дознания (п. 19 Инструкции по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденной приказом МВД России от 29 июня 2005 года № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации»).

Еще одним процессуальным аспектом взаимодействия следователя и эксперта выступает присутствие следователя при производстве экспертизы. В соответствии с ч. 1 ст. 197 УПК РФ, следователь вправе присутствовать при проведении экспертного исследования. В результате следователь, с одной стороны, в состоянии получить более детальное и наглядное представление об исследуемых обстоятельствах, а с другой стороны, немедленно устранить неясности по поводу применяемых экспертом методов исследования, терминологии и подобных специфических проявлений. Вместе с тем законодатель стремится обеспечить независимость эксперта в проведении исследования и формулировании выводов. Именно поэтому предоставленное следователю право присутствовать при проведении экспертизы несколько скорректировано в ч. 3 ст. 24 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», в соответствии с которой присутствие следователя не допускается: а) при составлении экспертного заключения; б) на совещании экспертов, проводимом для формулирования выводов. Положения указанного федерального закона требуют учитывать в правоприменительной деятельности, поскольку они не противоречат требованиям УПК РФ, а дополняют и конкретизируют их.

Наконец, очень важным процессуальным аспектом взаимодействия является деятельность при выявлении экспертом отдельных недостатков материалов, представленных для производства экспертизы. Непосредственно в УПК РФ и Федеральном законе «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» такого алгоритма нет вообще. Вместе с тем порядок действия сотрудников экспертного учреждения предусмотрен ведомственными актами МВД России, регламентирующими деятельность экспертно-криминалистических подразделений (ЭКП) этого ведомства.

Первая ситуация касается несоответствия объектов, указанных в постановлении о назначении экспертизы, их фактическому перечню, установ-

ленному экспертом. Указанные обстоятельства эксперт должен зафиксировать либо в акте вскрытия упаковки, либо в отдельном рапорте. Данные документы немедленно передаются руководителю ЭКП, который на их основании приостанавливает производство экспертизы и письменно информирует начальника следственного подразделения или подразделения дознания, назначившего экспертизу, о невозможности ее производства. При этом материалы не возвращаются незамедлительно в соответствующее подразделение предварительного расследования, а его сотрудникам предоставляется 30-суточный срок для устранения указанных недостатков. Если следователем или дознавателем устраняются причины, препятствовавшие производству экспертизы, она возобновляется, при этом срок производства экспертизы продлевается на количество дней, затраченных на устранение данных причин. В случаях, когда указанные обстоятельства устранить невозможно, либо от начальника следственного подразделения или подразделения дознания поступил официальный отказ их устранять, либо, напротив, в течение 30 суток с момента направления руководителем ЭКП соответствующего сообщения на него не поступило никакого ответа, поступившие в экспертное подразделение материалы возвращаются без исполнения с указанием причин невозможности проведения экспертизы.

Вторая ситуация имеет место, когда представленных эксперту материалов недостаточно для ответа на поставленные вопросы. В подобных случаях эксперт составляет письменное ходатайство о восполнении материалов, которое после согласования с руководителем ЭКП направляется следователю (дознавателю), назначившему экспертизу. Производство экспертизы до получения необходимых и достаточных материалов приостанавливается, но не более чем на 20 суток. В случае получения отрицательного ответа или его отсутствия в 20-суточный срок эксперт либо проводит экспертизу по имеющимся объектам, указывая в заключении эксперта, что выводы сделаны с учетом фактически представленных материалов, либо возвращает материалы следователю (дознавателю) – в случае, если экспертизу вообще невозможно провести по представленным объектам.

Третья ситуация возникает, когда в постановлении о назначении экспертизы не имеется разрешения на видеоизменение и уничтожение представленных объектов. В указанных случаях эксперт составляет, согласовывает с руководителем ЭКП и направляет следователю письменное ходатайство о разрешении применения разрушающих методов исследования, которое должно быть дано в течение 20 суток. В случае получения отрицательного ответа или его отсутствия эксперт либо проводит экспертизу только с применением неразрушающих

методов, о чем указывает в заключении эксперта, либо возвращает материалы следователю (дознавателю), назначившему экспертизу.

Данные правила отнюдь не противоречат правилам состязательности уголовного судопроизводства, если не понимать их упрощенно и прямолинейно. Во-первых, в указанных ситуациях имеет место не «переход эксперта на сторону следователя», а обеспечение полноты и объективности экспертного заключения. Эксперт, заявляя ходатайство о восполнении недостатков, отнюдь не «подыгрывает» следователю, а всего лишь предпринимает меры для того, чтобы объективно и точно ответить на поставленные перед ним вопросы. Во-вторых, состязательность в условиях смешанного уголовного процесса (а российский процесс, как и процесс других государств романо-германской системы права, является именно таким), проявляется в полном объеме на судебных стадиях, но имеет определенные ограничения на досудебных, когда происходит не признание конкретного лица виновным, а установление того лица, которое предстанет перед судом. Соответственно, эксперт изначально не должен быть оппонентом ни следователю, ни стороне защиты. Его задача – объективное, правильное и точное проведение исследования для изучения сугубо технических аспектов какого-либо явления. Именно поэтому эксперт не относится ни к стороне обвинения, ни к стороне защиты. При этом в определенном смысле эксперт объективно оказывается на стороне обвинения, когда выводы, содержащиеся в его заключении, свидетельствуют о виновности лица в инкриминируемом ему деянии, однако также объективно эксперт выступает на стороне защиты, когда выводы экспертного заключения не подтверждают виновность лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование. Более того, именно активность эксперта в оценке полноты представленных ему материалов однозначно повышает доказательственное значение экспертного заключения, обуславливая его объективный характер, призванный обеспечить не просто перевес одной стороны уголовного судопроизводства над другой, а установление фактов реальной действительности. В силу этого с учетом рациональности и эффективности алгоритмов, установленных названными нормативными актами МВД России, целесообразно закрепить их в федеральных законах, прежде всего, в УПК РФ, придав этим правилам более универсальный характер.

В связи с изложенным, принципиальным представляется анализ время от времени поднимающегося вопроса о необходимости полного вывода экспертных подразделений из штата правоприменительных органов, в которых созданы органы предварительного следствия и дознания, поскольку якобы только так можно обеспечить независимость эксперта [3, с. 141]. Представляется, что

проблема отнюдь не в этом. В конце концов, как правильно отмечено в научной литературе, абсолютная независимость эксперта, если под нею понимать его полную оторванность от всех других участников уголовного судопроизводства, в любом случае невозможна [5, с. 42]. Само по себе нахождение экспертных подразделений в структуре соответствующих правоохранительных органов (например, МВД, ФСБ, ФСКН, ФТС) совсем не предопределяет зависимость эксперта от следователей либо оперативных сотрудников. Необходимо подчеркнуть, что за дачу экспертом заведомо ложного заключения предусмотрена уголовная ответственность, что само по себе является более чем весомой гарантией «неангажированности» эксперта. Поэтому вместо обсуждения весьма нереалистичных предложений, гораздо более продуктивно сконцентрировать усилия на выработке процессуальных алгоритмов, оптимизирующих взаимодействие экспертов и следователей, а также конкретизирующих полномочия невластных участников уголовно-процессуальной деятельности при проведении судебных экспертиз.

Библиографический список

1. Дело № 1112172104. 2014 год // Архив Верх-Исетского районного суда города Екатеринбурга.
2. Материал об отказе в возбуждении уголовного дела № 1264/2013. 2013 год // Архив отдела полиции № 8 УМВД России по городу Екатеринбургу.
3. *Мерецкий Н.Е.* Использование специальных знаний при производстве судебных экспертиз // Публичное и частное право. – 2010. – № 3. – С. 138–142.
4. *Рамазанов Т.Б.* Заключение и показания эксперта и специалиста как доказательства в уголовном судопроизводстве // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2012. – № 4. – С. 96–101.
5. Судебно-бухгалтерская экспертиза: учеб. пособие для студентов вузов / под ред. Е.Р. Россинской, Н.Д. Эриашвили, Ж.А. Кеворковой. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2011. – 383 с.
6. Уголовное дело № 1115240109. 2013 год // Архив ГСУ ГУ МВД России по Свердловской области.
7. *Шейфер С.А.* Следственные действия. Система и процессуальная форма. – М.: Издательство Юрлитинформ, 2001. – 208 с.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ВЛАСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РЕФОРМИРОВАНИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ

Автор статьи рассматривает проблемы организации муниципальной власти в регионах России. В 2014 году регионам было дано право совместно с муниципалитетами самим определять оптимальные модели органов местного самоуправления и закреплять их в законе. В большинстве регионов пошли по пути жёсткой унификации, когда для всех муниципалитетов или для определённого их типа установлена единственно возможная форма власти. Но нельзя утверждать, что возможность выбора отсутствует везде. В Костромской области губернатор и депутаты сочли нужным и необходимым учесть опыт прошлых лет и закрепить в областном законе для муниципалитетов те формы организации власти, которые они для себя считают эффективными и оптимальными. Автор статьи утверждает, что в настоящее время завершается десятилетний этап реформирования местного самоуправления. Этот этап характеризуется проведением большого количества экспериментов, целью которых являлся поиск наиболее правильных и эффективных форм взаимодействия властей всех уровней.

Ключевые слова: местное самоуправление, организация муниципальной власти, глава муниципального образования, глава местной администрации, субъект Российской Федерации, муниципальное образование, представительный орган.

С принятием в 2003 году нового Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» начался новый этап трансформации местного самоуправления как важнейшего института публичной власти. За прошедшее время в закон были внесены многочисленные изменения, которые касались, в том числе, и вопросов организации муниципальной власти. Регионам и муниципалитетам была дана возможность опробовать на практике различные модели и формы разделения компетенции между органами местного самоуправления, для того чтобы в конечном итоге выбрать наиболее оптимальную и эффективную.

В своём послании Федеральному Собранию РФ 12 декабря 2013 года президент России В.В. Путин фактически предложил подвести своеобразную черту под прошедшим периодом и окончательно определиться со многими спорными вопросами организации муниципальной власти. В своём выступлении он отметил такие проблемы местного самоуправления, как разбалансированность объёма ответственности и ресурсов муниципалитетов, размытость полномочий различных уровней местного самоуправления, коррупцию, неопределённость правового статуса муниципальных районов, которые остались без важных полномочий в сфере образования, здравоохранения и социальной защиты. По мнению президента, необходимо «привести ситуацию в соответствие со здравым смыслом, с требованием времени», а важнейшей задачей должно стать «уточнение общих принципов организации местного самоуправления, развитие сильной, независимой, финансово состоятельной власти на местах» [5].

В целях реализации указанного поручения была создана Рабочая группа по совершенствованию

системы организации местного самоуправления под руководством главы Всероссийского совета местного самоуправления, депутата Государственной Думы Вячеслава Тимченко и главы Конгресса муниципальных образований, председателя Комитета Совета Федерации РФ по федеративному устройству, региональной политике и местному самоуправлению Степана Киричука. Итогом деятельности Рабочей группы стали принятые 27 мая 2014 года изменения в федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», в муниципальной среде известные как федеральный закон №136-ФЗ [7]: 1) субъекты Российской Федерации получили право осуществлять перераспределение полномочий между органами местного самоуправления и региональными органами государственной власти путём принятия соответствующего закона; 2) были введены два новых вида муниципальных образования – городской округ с внутригородским делением и внутригородской район; 3) часть вопросов местного значения, ранее закреплённых за сельскими поселениями, передана на уровень муниципальных районов; 4) предложены два варианта формирования представительного органа муниципального района: а) представительный орган муниципального района формируется из глав поселений и из депутатов представительных органов этих поселений; б) представительный орган муниципального района может избираться на муниципальных выборах; 5) уточнены варианты моделей муниципальной исполнительной власти; 6) внесены изменения в порядок формирования конкурсных комиссий по назначению на контрактной основе глав местных администраций.

После вступления в силу этих изменений в федеральный закон о местном самоуправлении субъек-

екты федерации в течение шести месяцев должны были принять законы по вопросам организации муниципальной власти, а в течение трёх месяцев после принятия региональных законов уставы муниципальных образований должны быть приведены в соответствие с новыми требованиями федерального и регионального законодательства.

В ходе выездного заседания Совета при Президенте по развитию местного самоуправления 26 мая 2014 года в городе Иваново В.В. Путин разъяснил основные положения изменений, внесённых в закон о местном самоуправлении. В первую очередь, он обратил внимание на то, что речь не идёт о навязывании или обязательности тех или иных форм организации муниципальной власти, их императивности. По мнению президента, «каждая конкретная территория должна сама решить, как строить систему местной власти, какая форма организации местного самоуправления в наибольшей степени отвечает интересам граждан, будут ли они выбирать главу муниципального образования прямым голосованием или делегируют это право избранному ими же представительному органу муниципальной власти». Президент поставил перед руководителями регионов задачу по организации диалога с представителями органов власти муниципальных образований и муниципальным сообществом. Результатом такого диалога и должен стать закон об организации местного самоуправления в субъекте Российской Федерации [4].

Несмотря на многочисленные опасения о том, что в регионах России муниципальные выборы отменят, и главы муниципальных образований будут назначаться представительными органами, ситуацию нельзя назвать однозначной. Нами были проанализированы законы 24 субъектов Российской Федерации об организации муниципальной власти, принятые в 2014 году во исполнение федерального законодательства.

Достаточно чётко можно выделить два диаметральных подхода. Первый из них сформулирован в законе Амурской области, в соответствии с которым муниципальным образованиям предложены на выбор три модели организации власти: «Глава муниципального образования избирается на муниципальных выборах и возглавляет местную администрацию, либо избирается представительным органом муниципального образования из своего состава и исполняет полномочия его председателя с правом решающего голоса, либо избирается представительным органом муниципального образования из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией по результатам конкурса, и возглавляет местную администрацию».

Второй подход представлен в большинстве рассмотренных законов субъектов и предполагает только одну модель муниципальной власти. Но в разных регионах она неодинакова. Так, Иванов-

ская, Саратовская, Смоленская, Тверская области, Алтайский, Камчатский и Приморский края избрали модель организации муниципальной власти, которая полностью исключает участие в ней населения: «Глава муниципального образования избирается представительным органом из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией по результатам конкурса, и возглавляет местную администрацию». В законах Брянской, Калужской, Мурманской, Рязанской областей, республики Карачаево-Черкесия муниципалитетам также предложена единственная модель муниципальной власти, но иная: «Глава муниципального образования избирается представительным органом муниципального образования из своего состава и исполняет полномочия его председателя, глава местной администрации назначается по контракту на конкурсной основе». Законы Томской и Иркутской областей, республики Хакасия, Чукотского автономного округа предполагают традиционную модель: «Глава муниципального образования избирается на муниципальных выборах и возглавляет местную администрацию».

В Курской области пошли по иному пути: главы муниципальных районов избираются на муниципальных выборах и возглавляют местную администрацию, а главы поселений и городских округов избираются представительным органом муниципального образования из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией по результатам конкурса, сроком на пять лет и возглавляют местную администрацию.

Ряд регионов (Московская, Костромская, Ярославская области) пошли по пути перечисления в своих законах всех муниципальных образований и закрепления за каждым из них той или иной модели организации власти. То есть в законе фактически закреплялась та правовая ситуация, которая уже существовала на тот момент.

В законах некоторых регионов особо оговорена система власти в административном центре. Например, главы Иркутска и Анадыря избираются представительным органом из своего состава и возглавляют местную администрацию, а глава Южно-Сахалинска, наоборот, избирается на муниципальных выборах и возглавляет местную администрацию.

Таким образом, в некоторых субъектах Российской Федерации муниципальные выборы предусмотрены в качестве единственного способа избрания глав муниципальных образований, какие-то регионы отдали предпочтение такому способу, как назначение по результатам конкурса, а часть регионов при определении способа наделения полномочиями исходила из сложившейся ситуации в муниципалитетах.

Особое внимание на себя обращает ситуация, сложившаяся в Иркутской области. В соответствии

с Законом Иркутской области от 30 мая 2014 г. №54-ОЗ «Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области» главы муниципальных районов, городских округов, городских и сельских поселений избираются на выборах, а глава административного центра региона – города Иркутска – избирается представительным органом из состава депутатов. Это дало основание группе депутатов Государственной Думы РФ обратиться с запросом в Конституционный Суд РФ. Они усмотрели неконституционность норм федерального закона №136-ФЗ в части того, что субъектам РФ дана избыточная возможность по своему усмотрению выбирать варианты структуры органов местного самоуправления, а также части 1.1 статьи 3 указанного Закона Иркутской области, согласно которой глава города Иркутска избирается представительным органом. По их мнению, установленный безальтернативный вариант замещения должности главы муниципального образования лишает население возможности самостоятельно определить наиболее предпочтительный способ избрания и статус главы городского округа.

Конституционный суд РФ с ними не согласился и выразил свою позицию в следующем. По мнению судей, органы государственной власти призваны оказывать на местное самоуправление регулирующее воздействие, в том числе путём определения параметров организационного устройства муниципальной власти. Свободные выборы имеют особую ценность в системе институтов народовластия, но они не являются единственно допустимым способом формирования органов публичной власти, а Конституция РФ прямо не называет главу муниципального образования в числе избираемых населением напрямую органов и должностных лиц публичной власти и не определяет какой-либо иной конкретный порядок замещения этой должности. Федеральный законодатель вправе вводить различные модели распределения компетенции в сфере организации местного самоуправления с учётом развития федеративных отношений, характера взаимосвязи субъекта и расположенных на его территории муниципальных образований, уровня социально-правовой активности и самоорганизации населения, реально складывающейся практики местного самоуправления. Федеральный законодатель вправе устанавливать в отношении определенной категории муниципальных образований конкретный способ наделения полномочиями главы муниципального образования, определять его место в структуре органов местного самоуправления в целях создания условий для эффективного взаимодействия органов местного самоуправления с федеральными и региональными органами государственной власти. Административный центр региона обладает особым политико-

правовым статусом, имеет особые характеристики как место постоянного пребывания областного суда и арбитражного суда субъекта РФ, территориальных подразделений федеральных органов власти, как место расположения высших органов государственной власти субъекта РФ. Поэтому для такого вида муниципалитетов допустимо без установления каких-либо дополнительных критериев воспроизведение порядка избрания и определения места в структуре органов местного самоуправления главы муниципального образования как единственно возможного варианта [6].

В Костромской области, начиная с 2005 года, получили применение несколько моделей организации муниципальной власти. Наиболее массовое распространение получила модель, в соответствии с которой глава муниципального образования избирался населением на выборах и возглавлял местную администрацию, а депутаты из своего состава избирали председателя представительного органа (в 23 из 30 городских округов и муниципальных районов). Вторая модель предполагала, что глава муниципального образования избирается на муниципальных выборах, входит в состав представительного органа и является его председателем, а глава местной администрации назначается по конкурсу на контрактной основе (городские округа Буй и Волгореченск, Костромской, Островский, Павинский и Поназыревский муниципальные районы). Третья модель нашла своё применение в единственном муниципальном образовании – Солигаличском районе: глава муниципального образования избирается депутатами Собрания депутатов из своего состава и является его председателем, а глава местной администрации назначается на конкурсной основе.

В качестве примеров не совсем удачной практической реализации модели назначаемого по контракту главы местной администрации можно привести Солигаличский район и город Шарью.

В Солигаличском районе, начиная с 2005 года, получила свою реализацию модель муниципальной власти, когда глава муниципального образования является председателем Собрания депутатов, а глава администрации назначается по контракту. В декабре 2005 года свои кандидатуры на должность главы района выдвинули бывший заместитель главы администрации Н.М. Касаткин, который перед этим был избран в состав Собрания депутатов района, и предприниматель С.П. Аносов. Главой был избран Н.М. Касаткин, а в январе 2006 года на безальтернативной основе главой администрации назначен бывший глава района А.И. Серогодский. Тем самым была реализована схема, когда представители исполнительной власти района сделали попытку поставить под свой контроль представительный орган.

Но уже в мае 2007 года произошёл открытый конфликт между главой местной администрации

А.И. Серогодским и частью депутатского корпуса: депутаты в письменном заявлении выразили ему своё недоверие. В конфликт вынуждена была вмешаться областная администрация. Итогом стал переход Н.М. Касаткина с должности главы района и председателя Собрания депутатов на должность заместителя главы районной администрации. Исполняющим обязанности главы района была избрана В.Г. Гутман, и в таком состоянии ситуация сохранялась вплоть до сентября 2008 года, когда приехавший в район губернатор И.Н. Слюняев порекомендовал депутатам наконец-то избрать главу муниципалитета. Лишь в январе 2009 года со второй попытки глава района был избран, и им оказалась не В.Г. Гутман, которую поддерживал А.И. Серогодский, а депутат В.И. Киприн, который и приступил к должностным обязанностям с 1 марта 2009 года.

В начале 2010 года, по предложению депутатов, в Устав района были внесены изменения, в соответствии с которыми произошёл возврат к предыдущей модели власти, когда глава района избирается на муниципальных выборах и возглавляет местную администрацию. Именно на этой основе 10 декабря 2010 года состоялись выборы главы Солигаличского муниципального района, на которых, можно отметить справедливости ради, кандидат В.И. Киприн получил наименьшее количество голосов избирателей, а также не был избран в состав районного Собрания депутатов.

Второй пример, который можно привести, это ситуация в городе Шарье в 2011–2012 годах. На выборах 10 октября 2010 года на должность главы города Шарья победу одержал выдвиженец «Единой России» В.В. Климов, но уже в марте 2011 года против него началась кампания по дискредитации, которая выразилась в том, что за недочёты в управлении городом местное отделение партии «Единая Россия» выразило главе города недоверие и предложило исключить его из партии. По всей видимости, суть этого демарша была в том, чтобы надавить на главу города, который сопротивлялся введению в Шарье системы назначаемого по контракту главы местной администрации. На май В.В. Климов назначил проведение публичных слушаний по соответствующим изменениям, вносимым в Устав города, на которых большинство присутствующих высказались против таких изменений. Дума города Шарья результаты публичных слушаний проигнорировала и в июне утвердила изменения в Устав, глава города написал заявление об уходе, а исполняющим обязанности главы администрации был назначен А.А. Кузнецов, незадолго до этого сложивший с себя депутатские полномочия. На достаточно скандальном внеочередном заседании Думы города Шарья в августе 2011 года главой города и председателем Думы был избран начальник пассажирского вагонного

депо и депутат Думы Э.Г. Неганов, а главой администрации назначен А.А. Кузнецов. Свою деятельность они осуществляли недолго, поскольку на выборах в Государственную Думу Российской Федерации 4 декабря 2011 года по городу Шарье «Единая Россия» потерпела сокрушительное поражение и заняла второе место после коммунистов. В результате в январе 2012 года с главой администрации А.А. Кузнецовым был расторгнут трудовой контракт, а администрацией был вновь приглашён руководить В.В. Климов. Глава города Шарья Э.Г. Неганов в августе 2012 года написал заявление и подал в отставку по собственному желанию, а в 2014 году в Устав города Шарья были внесены изменения, которые вернули прежнюю систему управления, когда глава города избирается на муниципальных выборах и возглавляет местную администрацию.

В дальнейшем власти отказались от модели назначаемого по конкурсу на контрактной основе главы местной администрации в Костромском (2009 г.), Островском (2009 г.), Павинском (2010 г.) районах, а также в городе Волгореченске (2014 г.). Лишь в Поназыревском районе и городе Буйе ничего менять не стали, сохранили избранную в 2005 году структуру власти, которая показала себя там достаточно эффективно.

В июле 2014 года в Костромской областной Думе в рамках сформированной рабочей группы главы муниципалитетов, депутаты различных уровней власти и представители администрации области обсудили вопросы организации муниципальной власти в Костромской области. Участники заседания, учитывая и принимая во внимание специфику муниципалитетов, склонились в пользу выборов глав муниципальных образований. Первый заместитель губернатора, Александр Соколов, заявил следующее: «Мы не будем навязывать свою точку зрения муниципалитетам. В Волгореченске и Шарье принято решение о том, чтобы проводить прямые выборы главы администрации, а в Буйе и Нее эффективна система, когда главой муниципального образования является руководитель представительного органа власти и есть глава администрации, который нанимается по контракту» [3].

В ноябре 2014 года губернатор Костромской области подписал закон «О порядке формирования представительных органов муниципальных районов Костромской области и порядке избрания глав муниципальных образований Костромской области» [1], в который были внесены некоторые изменения в апреле 2015 года [2]. В соответствии с ним, главы городского округа города Кострома, города Нея и Нейского района, Красносельского и Мантуровского муниципальных районов избираются представительными органами из своего состава и исполняют полномочия его председателя. Глава города Буй избирается на муниципальных

выборах, входит в состав городской думы и является её председателем. Глава Солигаличского муниципального района избирается представительным органом из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией по результатам конкурса, и возглавляет местную администрацию. В остальных 24 муниципальных районах и городских округах главы избираются на муниципальных выборах и возглавляют местную администрацию.

Таким образом, с принятием федерального закона №136-ФЗ мы можем говорить не о новом этапе реформы местного самоуправления, а о завершении того периода, который продолжался с 2005 года. Период экспериментов завершился, федеральный законодатель предоставил право и возможность регионам самостоятельно определять структуру власти в муниципалитетах. Некорректно утверждать о том, что все регионы отказались от муниципальных выборов как важнейшего института формирования органов местного самоуправления. В Костромской области региональный законодатель не пошёл по пути жёсткой унификации системы муниципальной власти. Наоборот, был учтён предшествующий опыт, как положительный, так и отрицательный, и с учётом мнения муниципалитетов внедрены оптимальные модели муниципальной власти.

Библиографический список

1. Закон Костромской области от 20 ноября 2014 г. №603-5-ЗКО «О порядке формирования представительных органов муниципальных районов Костромской области и порядке избрания глав муниципальных образований Костромской области» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 24.11.2014).

2. Закон Костромской области от 22 апреля 2015 г. №665-5-ЗКО «О внесении изменений в статью 4 Закона Костромской области «О поряд-

ке формирования представительных органов муниципальных районов Костромской области и порядке избрания глав муниципальных образований Костромской области»» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 27.04.2015).

3. Меркурьева Ю. Каким быть местному самоуправлению? // Северная правда. – 2014. – 30 июля. – С. 2.

4. Поездка в Иваново. В ходе поездки в Иваново Владимир Путин провёл заседание Совета при Президенте по развитию местного самоуправления. 26 мая 2014 года (Стенограмма заседания). [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/councils/by-council/9/46054> (дата обращения 19.02.2015)

5. Послание президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию // Российская газета. – 2013. – 13 дек.

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 01.12.2015 г. №30-П «По делу о проверке конституционности частей 4, 5 и 5.1 статьи 35, частей 2 и 3.1 статьи 36 Федерального закона “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации” и части 1.1 статьи 3 Закона Иркутской области “Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области” в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Российская газета. – 2015. – 14 дек.

7. Федеральный закон от 27.05.2014 г. №136-ФЗ (в ред. от 03.02.2015 г.) «О внесении изменений в статью 26.3 Федерального закона “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” и Федеральный закон “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”» // Собрание законодательства РФ. – 02.06.2014. – № 22. – Ст. 2770.

МУНИЦИПАЛЬНЫЕ ВЫБОРЫ В КОСТРОМЕ В ЕДИНЫЙ ДЕНЬ ГОЛОСОВАНИЯ 13 СЕНТЯБРЯ 2015 ГОДА: ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА И ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС

В статье указывается, что муниципальные выборы – это наиболее эффективная форма осуществления населением местного самоуправления. Показаны демократические принципы избирательного процесса. Рассматривается реализация избирательной системы и избирательного процесса в городском округе города Кострома на примере выборов в Думу города Костромы 13 сентября 2015 года. Автор сопоставляет и анализирует нормативно-правовые акты о выборах на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Раскрывается функционирование двух избирательных систем: мажоритарной (голосование по одномандатным избирательным округам) и пропорциональной (голосование по единому муниципальному избирательному округу), что на практике доказывает невозможность существования так называемой «смешанной» избирательной системы. В статье прослеживаются стадии избирательного процесса, от решения о проведении выборов в Думу города до подведения результатов Избирательной комиссией 18 сентября. Особое внимание обращается на роль избирательных объединений – региональных отделений и городских организаций политических партий. Автор обратил внимание на методику подсчета голосов избирателей по методике Т. Хэйра. Показана относительная эффективность функционирующей избирательной системы. В завершении статьи выдвигаются предложения по совершенствованию избирательной системы на муниципальном уровне.

Ключевые слова: Единый день голосования, выборы, избирательные системы, избирательный процесс, избирательная комиссия города Костромы, Дума города Костромы.

Муниципальные выборы проводятся на демократических принципах избирательного права – всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. Сформированные органы местного самоуправления путем демократического голосования имеют полномочия от имени населения решать вопросы местного значения, т.е. обладают мандатом доверия от избирателей муниципального образования. Срок полномочий выборных лиц определяется уставом муниципального образования. Муниципальные выборы являются наиболее эффективной формой осуществления населением местного самоуправления.

Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», делегирует субъектам федерации право определять продолжительность работы муниципальных органов власти. Основой, регламентирующей срок полномочий, является конституция (устав). С одной оговоркой о том, что срок полномочий не может быть меньше двух и больше пяти лет [1, ст. 8].

Таким образом, вопросы регулирования муниципальных выборов – это предмет регулирования, прежде всего, избирательного права.

Однако местные выборы являются объектом не только избирательного права, но и муниципально-го. Некоторые вопросы отражены в сто тридцать первом Федеральном законе, об общих принципах организации муниципальной власти. Нормативно-правовой акт определяет предназначение выборов в органы местного самоуправления – это избрание депутатов и должностных лиц муниципальных органов власти на демократических принципах. Выборы назначаются представительным органом

муниципалитета в сроки, предусмотренные уставом. Также закон предусматривает отдельные обстоятельства, когда муниципальные выборы могут быть назначены территориальной избирательной комиссией или судом. Федеральное законодательство выступает гарантом избирательных прав граждан при организации муниципальных выборов. Местные нормативные акты субъектов РФ должны соответствовать федеральному праву. Закон субъекта Российской Федерации устанавливает виды избирательных систем, применяемые при проведении муниципальных выборов. В соответствии с законом субъекта, устав муниципального образования определяет избирательную систему, которая применяется при проведении муниципальных выборов в конкретном муниципальном образовании. Под избирательной системой в законодательстве понимаются условия признания кандидатов избранными, партийные списки кандидатов, допущенных к распределению депутатских мандатов, и правила распределения депутатских мест между списками кандидатов и внутри партийного списка [2, ст. 23].

Однако нормы муниципального права, регулирующие выборы в органы местного самоуправления, носят вторичный, подчиненный характер в отношении к нормам избирательного права Российской Федерации.

На уровне субъекта федерации муниципальные выборы нашли свое место в региональном законодательстве.

В Костромской области эти выборы регулируются Уставом Костромской области и Избирательным кодексом Костромской области (далее – Кодекс). Ст. 10 «Избирательная система», устанавливает,

что выборы представительного органа самоуправления проводятся по избирательной системе, определенной уставом муниципалитета. Закон определяет функционирование мажоритарной системы относительного большинства по одно- и (или) многомандатным округам. Сами округа создаются на основе средней нормы представительства избирателей. Выборы по партийным спискам проводятся по единому муниципальному избирательному округу. Выборы депутатов представительных органов, кроме городских округов, с населением меньше 3000 человек, а также представительных органов поселений и городов с численностью менее 15 депутатов проводятся по одно- и (или) многомандатным округам. В случае если выборы в представительные органы местного самоуправления проходят при одновременном функционировании двух избирательных систем – мажоритарной и пропорциональной, не менее десяти мандатов должны быть распределены между списками кандидатов региональных организаций политических партий. Выборы представительного органа нового муниципального органа организуются по избирательной системе, установленной законом Костромской области. Очередные и досрочные выборы проводятся по избирательной системе, согласно с уставом муниципального образования и Избирательным кодексом Костромской области [3, ст. 10].

Таким образом, Кодекс устанавливает функционирование двух избирательных систем – мажоритарной и пропорциональной, что на практике доказывает невозможность существования так называемой «смешанной» избирательной системы.

Количество депутатов представительного органа избираемых по одно- или многомандатным округам устанавливается уставом муниципального образования. Численность депутатского состава представительного органа вновь образованного муниципалитета устанавливается законодательством Костромской области. Правда, может быть сделано и исключение, если жители округа проявили инициативу проведения местного референдума по структуре органов местного самоуправления. Представительный орган муниципального образования очередного созыва формируется исходя из числа народных избранников согласно уставу муниципального образования [3, ст. 10].

На уровне города Костромы избирательный процесс регулируется Уставом муниципального образования городского округа города Костромы [4]. Выборы в Думу города Костромы осуществляются на основе принципов демократического избирательного права.

Выборы организуются по мажоритарной системе относительного большинства по одномандатным избирательным округам. Избирательные округа создаются в городе на основе средней нормы представительства на один избирательный

округ с допустимым отклонением от средней нормы до 10 процентов. Второй компонент выборов – пропорциональная система функционирует по единому муниципальному избирательному округу города Костромы.

Дума города Костромы состоит из тридцати восьми депутатов, избираемых населением города Костромы в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации, Костромской области и статьей 15 настоящего Устава.

Двадцать восемь депутатов Думы города Костромы избирается по одномандатным избирательным округам, десять депутатов Думы города Костромы избираются по единому муниципальному избирательному округу, т.е. по партийным спискам региональных отделений пропорционально числу голосов [4, ст. 15].

На территории города Костромы создано двадцать восемь одномандатных округов для проведения выборов по мажоритарной избирательной системе и единый муниципальный избирательный округ с целью организации выборов по партийным спискам.

Схема одномандатных избирательных округов для проведения выборов в Думу города содержит отметки границ и номер каждого избирательного округа, число избирателей в каждом избирательном округе. Этот документ утверждается Думой города по представлению территориальной избирательной комиссии города Костромы.

Срок полномочий Думы города Костромы составляет 5 лет [4, ст. 15].

Таким образом, Устав городского округа уточняет мажоритарную избирательную систему, устанавливая одномандатные избирательные округа, для победы в которых необходимо получение *относительного большинства* голосов.

Дума города Костромы 18 июня 2015 года, руководствуясь статьями 10, 811 Федерального закона от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», статьей 23 Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», статьей 19 Избирательного кодекса Костромской области, статьями 15, 29 и 55 Устава города Костромы, решила назначить выборы депутатов Думы города Костромы шестого созыва на 13 сентября 2015 года [5]. Еще в марте 2015 года Дума города приняла решение №51 «Об утверждении схемы одномандатных округов для проведения выборов депутатов города Костромы и определении единого муниципального избирательного округа для проведения выборов депутатов Думы города Костромы» [6].

В избирательной компании приняло участие восемь избирательных объединений – региональных

отделений и городских организаций партии: Костромское региональное отделение политической партии ЛДПР; Региональное отделение политической партии Трудовая партия России; Региональное отделение политической партии Справедливая Россия; Городская организация; Коммунистическая партия коммунисты России; Российская объединенная демократическая партия «Яблоко»; Костромское городское отделение КПРФ; Региональное отделение Всероссийская партия «Родина». Также в выборах принимали участие более ста кандидатов по одномандатным округам, они представляли региональные отделения партий или были самовыдвиженцами.

В соответствии с принятым календарным планом избирательной кампании с 9 июля по 2 августа 2015 года прошло выдвижение кандидатов в депутаты: в порядке самовыдвижения и выдвижения избирательными объединениями списков кандидатов по муниципальному избирательному округу, по одномандатным избирательным округам. В течение трех дней с момента приема документов проходило их рассмотрение и принятие решения о заверении списка кандидатов, выдвинутых по одномандатным избирательным округам, муниципального списка кандидатов. Были созданы избирательные фонды для финансирования избирательной кампании, после письменного уведомления Избирательной комиссии города Костромы о выдвижении (самовыдвижении) кандидата до представления документов для его регистрации. Проводился сбор подписей в поддержку выдвижения кандидата, списка кандидатов (количество подписей избирателей в поддержку выдвижения кандидата в одномандатном избирательном округе составляет 0,5% от числа избирателей, зарегистрированных на территории данного избирательного округа) (часть первая, ст. 78 Кодекса). Окончание приема документов для регистрации кандидатов состоялось не позднее 18 часов 3 августа 2015 года. Избирательная комиссия города принимала решения о регистрации кандидата, либо об отказе в регистрации кандидата, не позднее чем на десятый день со дня принятия документов, представленных для регистрации кандидата (часть девятая, ст. 82 Кодекса). Кандидатам, находящимся на государственной или муниципальной службе, либо работающим в организациях, осуществляющих выпуск средств массовой информации, были представлены заверенные копии приказов (распоряжений) об освобождении на время участия в выборах от выполнения должностных или служебных обязанностей. Далее начался агитационный период, предвыборная агитация закончилась за сутки до дня голосования (часть девятая ст. 95 Кодекса). Политические партии, участвовавшие в электоральном цикле, опубликовали предвыборные программы в периодических печатных изданиях.

Избирательная комиссия городского округа города Кострома приняла постановление об исполнении полномочий окружных избирательных комиссий. В срок до 2 августа был опубликован список избирательных участков с указанием их номеров и границ, мест нахождения УИК, помещений для голосования, до 2 сентября были представлены списки избирателей для ознакомления и дополнительного уточнения.

13 сентября 2015 года состоялся единый день голосования, том числе и выборы в Думу города Костромы.

Далее был проведен подсчет голосов избирателей на избирательном участке, составление и подписание протокола участковой избирательной комиссии об итогах голосования. Участковой избирательной комиссией была произведена выдача заверенных копий протоколов об итогах голосования лицам, указанным в части первой ст. 121 Кодекса, незамедлительно после подписания протокола об итогах голосования (часть двадцатая ст. 132 Кодекса). Состоялось определение результатов выборов до 18 сентября 2015 года (5 дней), согласно части первой статьи 136 Кодекса. Подсчет голосов по спискам осуществлялся по классическому методу Т. Хэйра. Партии, принявшие участие в выборах не набравшие 5% к распределению мандатов не допускаются [3, ст. 139].

18 сентября 2015 года Постановлением №108/477 Избирательной комиссии городского округа города Костромы было принято решение признать выборы депутатов Думы города Костромы шестого созыва по единому муниципальному избирательному округу и по одномандатным избирательным округам с № 1 по № 28 состоявшимися и действительными [8].

В Думу города Костромы избрано 38 депутатов, 28 – по одномандатным округам, 10 – по муниципальному округу. По итогам голосования большинство мест получила партия «Единая Россия» – 27 мандатов. КПРФ – 2, ЛДПР – 1, «ЯБЛОКО» – 1; «Справедливая Россия» – 2, самовыдвиженцы – 5.

Выборы показали, что существующая система обеспечивает представительство интересов населения города, приближает депутатов к избирателям (одномандатники), но не допускает популизма, благодаря принадлежности многих одномандатников к региональным отделениям политических партий и наличию в Думе депутатов, избранных по единому избирательному округу по спискам партий.

Тем не менее, существующая система не лишена недостатков. Это касается в основном избрания по единому муниципальному округу. Возможно, что при голосовании по единому избирательному округу рационально было бы применить преференциальный вотум, когда избиратель отмечает в бюллетене, прежде всего, партию, за которую голосует. Избиратель может голосовать только за

одну партию и только в списке этой партии отмечать предпочтительного (предпочтительных) для него кандидата (кандидатов). Это позволит демократизировать состав депутатов, когда при подсчете предпочтений избирателей выяснится, что крупный претендент (банкир или предприниматель) получит меньше голосов, чем партийный активист, не располагающий значительными денежными средствами. Такой подход повысит активность и заинтересованность избирателей, будет способствовать устранению их безразличного отношения к выборам.

Другим недостатком является использование так называемых «локомотивов». Так, В.В. Жириновский, представлявший ЛДПР, и А.А. Озеров (который является известным предпринимателем и депутатом Государственной Думы ФС РФ от «Справедливой России»), прошли в Думу по единому муниципальному округу. Но после своего избрания в Думу написали заявление о своем отказе в получении мандата депутата Думы города Костромы и передаче его следующим по списку партии кандидатам [9]. Тем самым они предоставили возможность получить мандат лицам, которые малоизвестны общественности.

Прошедшие выборы в целом показали оптимальный характер избирательной системы для города Костромы на современном этапе политического развития.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 12.06.2002 №67-ФЗ (ред. 03.11. 2015) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Консультант плюс. Обновление 14.12.2015.
2. Федеральный закон от 06.10. 2003 №131 – ФЗ (в ред. 30.12. 2015 «Об общих принципах организации местного самоуправления» // Консультант плюс. Обновление 14.12 .2015.
3. Избирательный кодекс Костромской области. С изменениями от 18 мая 2015 года № 686-5-ЗКО

(в ред. Законов Костромской области от 28.12.2012 № 321-5-ЗКО, от 07.02.2014 № 488-5-ЗКО) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kostroma.izbirkom.ru> (дата обращения: 12.02.2016)

4. Устав муниципального образования городского округа город Кострома. Принят решением Думы города Костромы от 26 мая 2005 года № 41 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.duma-kostroma.ru/> (дата обращения: 12.02.2016)

5. Решение Думы города Костромы от 18 июня 2015 года № 133 «О назначении выборов депутатов Думы города Костромы шестого созыва» на 13 сентября 2015 года назначены выборы депутатов Думы города Костромы шестого созыва // Официальный вестник города Костромы 19 июня 2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gradkostroma.ru> (дата обращения: 10.02.2016)

6. «Об утверждении схемы одномандатных округов для проведения выборов депутатов города Костромы и определении единого муниципального избирательного округа для проведения выборов депутатов Думы города Костромы». Решение Думы от 26 марта 2015 года № 51. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kosizbirkom.ru/news.html> (дата обращения: 12.02.2016)

7. Календарный план мероприятий по подготовке и проведению выборов 13 сентября 13 сентября 2015 года. Приложение №1 к постановлению Избирательной комиссии города Костромы от 23 июня 2015 года № 82/273 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kosizbirkom.ru/news.html> (дата обращения: 11.02.2016)

8. Постановлением от 18 сентября 2015 года №108/477 Избирательной комиссии городского округа города Костромы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kosizbirkom.ru/news.html> (дата обращения: 12.02.2016)

9. Постановление № 109/482 и Постановление № 109/ 480 от 23 сентября 2015 года Избирательной комиссии городского округа города Костромы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kosizbirkom.ru> (дата обращения: 10.02.2016).

РАЗВИТИЕ ПОНЯТИЙНО-КАТЕГОРИАЛЬНОГО АППАРАТА ТЕОРИИ НОРМЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Автор статьи считает, что норма административного права не является застывшим в развитии феноменом. Связано это с тем, что данное понятие содержит в себе возможность дальнейшего совершенствования терминологического выражения, содержательного наполнения, законодательного закрепления.

В Российской империи доминировало два основных подхода на развитие административного права. Приверженцы первого подхода призывали глубоко изучать догматику административного права и проводить обстоятельные исследования вопросов административно-нормативного обеспечения общественной жизни. Адепты второго подхода предлагали подвергать исследованию еще и политику административного права, которая имеет своим предметом изучения задачи административного законодательства и средства их достижения.

В работе осуществлен анализ научных разработок мыслителей, которые в период существования Царской России признавали административное право в качестве самостоятельной правовой отрасли и науки. Доказывается, что им удалось в своих работах указать на важность более предметного исследования теории нормы административного права. К заслугам ученых Российской империи также причислена и разработка ими нового терминологического аппарата административно-правовой науки, а также интегрирование в ее содержание различных научных концепций.

Ключевые слова: административное право, полицейское право, норма, административная наука, Российская империя, понятие, догма, политика права.

Каждое научное понятие, в том числе и понятие нормы административного права, не является чем-то закостеневшим в своем развитии. Напротив, оно содержит в себе возможность дальнейшего совершенствования терминологического выражения, содержательного наполнения, законодательного закрепления. Однако соответствующие обновления происходят, как правило, только на определенных этапах эволюции научной мысли. Поэтому указанные изменения научного понятия являются качественными, они связаны с переходом от одного уровня знания к другому, к знанию более глубокой сути мыслимых в понятии феноменов.

Соответствующие нюансы в своем исследовании должен учитывать каждый исследователь, при этом, как отмечал В.А. Навроцкий, нужно не забывать, что само определение понятия, а не его обоснование, наиболее рельефно характеризует мысли автора, входит в научное обращение, критически оценивается, и, что самое главное, используется на практике и в учебном процессе [9, с. 138]. Безусловно, эти замечания правильные, и с их учетом мы попытаемся в своей статье в сжатом виде охарактеризовать научные идеи представителей ученого сообщества царской России по поводу развития понятийно-категориального аппарата теории нормы административного права.

Отметим, что обширная юридическая литература по вопросам административного права начала создаваться лишь со второй половины XIX в. И хотя указанное литературное наследие во многих государствах сначала носило характер простого комментария на действующее законодательство, в нем все же через непродолжительное время также стали приводиться классификации юридических

норм, определяться способы систематизации действующего административного законодательства, даваться компаративистские оценки последнему, получили свое освещение система и принципы административного права и т.п.

О научных разработках проблем административного права достаточно быстро становится известно многим представителям общественности. С ними знакомятся, их критикуют и развивают в Австрии, Англии, Бельгии, Германии, Италии, США, Российской империи и Франции, правда, с учетом социально-культурных, политических и экономических условий функционирования данных государств. В российской печатной прессе появляются даже настоятельные призывы к более глубокому изучению догматики административного права, проведению обстоятельных исследований вопросов административно-нормативного обеспечения общественной жизни.

Так, например, во втором номере еженедельной юридической газеты «Право» за 1898 г. Н.И. Лазаревский категорически заявил о том, что науку полицейского права следует заменить на чисто догматическую науку административного права, которая больше внимания уделяет изучению правовой нормы. По мнению ученого, полицейское право никогда не было юридической наукой в смысле законченной системы своеобразных юридических институтов, связанных единством их юридической природы. Оно ничего не давало и для выяснения юридической природы административных правоотношений. Поэтому время полицейского права прошло, оно окончательно пало.

Высказывая данные суждения, Н.И. Лазаревский при этом сетовал, что термин «административное право» в смысле юридических норм,

определяющих взаимные отношения частных лиц и органов исполнительной власти, а также отношения этих органов друг к другу, в России еще не сделался достоянием ни официальной науки, ни публики. Обращал внимание автор также на то, что руководящие начала административного права, установленные административными судами (губернскими по разным делам присутствиями), тоже остаются неизвестными не только науке и населению, подчиненному административному праву, но и применяющим его административным органам. В связи с этим «действующее административное право», с точки зрения чисто практических нужд управления и управляемых, во многих своих частях является совершенно неизведанным сырым материалом.

Для разрешения назревших проблем правовед предложил приступить к систематическому оглашению по возможности всей практики сената и других судебно-административных присутствий, а также тех административных распоряжений, в которых выражаются административные обычаи или которыми привносится в действующее право что-либо новое. По мнению публициста, лишь такое доведение до всеобщего сведения административной практики способно повлиять на правильное и единообразное применение административного права, а также его научную разработку и дальнейшее развитие согласно совместным указанием науки и практики.

Подытоживая концептуальные воззрения Н.И. Лазаревского по догматике административного права, мы полагаем, что здесь уместно вспомнить также об определенных его пояснениях относительно термина «административные обычаи», которым мыслитель достаточно часто оперирует в своей статье. В тезисном варианте их можно свести к таким трем суждениям указанного автора: 1) административные обычаи – это отдельные распоряжения администрации, разрешающие существующие в законах затруднения и восполняющие его пробелы; 2) данные обычаи создают внутри себя административные учреждения, практикой которых восполняются пробелы административных законов; 3) административные обычаи входят в жизнь и становятся практически обязательными для подданных, а их юридическое значение и юридическая природа вне всяких сомнений [8, с. 4–9].

Необходимость установления юридической дисциплины – догматики административного права, – которая позволит избежать в системе юридического преподавания и в работе юриспруденции отмеченных Н.И. Лазаревским «болезней», поддерживал также Л. Петражицкий. Однако при этом ученый настаивал на том, что подобный шаг – это лишь паллиативное решение в «исцелении» существующих «болезней». По его убеждению, научная или ненаучная смесь, именуемая «полициейским

правом», должна быть заменена двумя науками: 1) наукою догмы и 2) наукою политики административного права». Последнюю можно даже терминологически «упростить», условно назвав «административной политикой».

Почему именно такой путь развития административного права предлагал избрать Л. Петражицкий? По этому поводу он приводит следующие доводы:

- в отличие от догмы административного права, изучающей и систематически излагающей содержание относящихся к данной области норм действующего права, политика административного права имеет своим предметом изучение задач законодательства, относящегося к внутреннему управлению, и средств их достижения;

- в области административного права существуют особые, специальные причины и основания настоятельной необходимости развития и укрепления соответственной отрасли науки правовой политики;

- административное право дает обыкновенно не строго определенное решение предусматриваемых им случаев и вопросов, а лишь более или менее широкие рамки, в пределах коих исполнитель закона может и по праву обязан руководствоваться соображениями конкретной целесообразности, может и обязан в пределах этих рамок выступить, так сказать, в роли политика [10, с. 9–18].

Как видим, среди российских ученых-правоведов высказывались различные точки зрения в отношении определения векторов развития административного права Царской России. Но в Российской империи все же произошло такое структурно-содержательное оформление административно-правовой науки, которое позволило последней в своем дальнейшем развитии сосредоточить внимание на необходимости концептуального оформления и содержательного наполнения теории нормы административного права. Это, в свою очередь, создало предпосылки для появления первых дефиниций нормы административного права и более содержательного освещения ее социально-правовой природы. Иллюстрацией к этому могут служить разработки Э.М. Берендтса, В.М. Гессена, А.И. Елистратова и др. Позволим себе в лаконично выраженной форме ознакомить читателя с научными идеями этих мыслителей.

Для начала предлагаем ознакомиться с научными выводами Э.М. Берендтса, который, по нашему мнению, является одним из выдающихся ученых-административистов рассматриваемого периода времени. В своей работе «Опыт системы административного права» (1898 г.) он впервые указал, что административное право – это как совокупность норм, обязательно и принудительно регулирующих деятельность органов государственной власти, а также общественных групп и частных лиц для

осуществления государственных задач, так и обусловленных этой деятельностью юридических отношений, возникающих между государством, его органами, общественными группами и частными лицами. В таком виде, по мнению писателя, оно устанавливается и развивается только в правомерном государстве нового времени. А его существование предполагает признание государством принципа, что вся деятельность последнего должна быть основана на правовых нормах, установленных или признанных государственной властью в качестве мерила дозволенного (недозволенного) для всех участников государственного общения.

Уделив значительное внимание исследованию нормативной составляющей административного права, Э.М. Берендтс предложил выделить в нем следующие части:

1) объективное административное право, т.е. совокупность юридических норм, определяющих права и обязанности как органов государственной власти, так и всех членов государственного общения при осуществлении государственных задач. Правовед утверждает, что нормы объективного административного права устанавливают определенную границу прав и обязанностей органов власти, а также соответствующий предел правомочий, обязанностей и свободы членов государственного общения при осуществлении и защите ими интересов частной и общественной жизни.

Указанные нормы, считает ученый, являются выражением оценки интересов, связанных с реализацией государственных задач; они (нормы) – обязательное и принудительное разграничение таких интересов. Данные нормы дифференцируются в отдельные категории. Одна категория содержит нормы писаного права (автор их обнаруживает в законах, распоряжениях различных органов власти и постановлениях высших административных судов), другая – нормы обычного права (просматриваются уже в практике административных судов и административных мест);

2) субъективное административное право государственной власти и ее органов, касающееся организации учреждений, предназначенных для осуществления государственных задач; установления обязательных и принудительных мер, которыми могут воспользоваться органы власти в пределах, определенных нормами административного права;

3) субъективное административное право участников государственного общения, т.е. учение о тех отношениях, в которые вступают данные субъекты с органами власти или друг с другом при исполнении обязанностей, когда пытаются реализовать государственные или свои частные интересы.

Наряду с приведенными тезисами ученый высказывал также мнение о том, что науку, которая с помощью юридического метода анализирует юридические нормы и отношения в сфере управле-

ния, следует именовать наукой административного права. Задачами последней он видел: 1) систематическое сопоставление норм административного права; 2) исследование логических выводов, которые могут и должны быть сделаны из норм в соответствии с назначением и смыслом каждой из них и в соответствии с духом законодательства, частью которого являются данные нормы; 3) анализ юридической природы отношений, возникающих при стремлении власти и народа реализовать задачи государства или составляющих его частей.

Правовед обоснованно доказывал также тезис, согласно которому основные понятия (норма, закон, административное распоряжение, предписание, административное действие, юстиция и др.), которыми оперирует наука административного права, не могут признаваться абсолютными, поскольку они всегда относительны. Связано это с тем, что соответствующие понятия постоянно меняются в зависимости от социальных, исторических, экономических и других условий, а также фактов и явлений, лежащих в их основе. Настаивал автор и на том, что разнообразные элементы юридических норм, регулирующих управление, тоже научно необходимо определить [2, с. 7–19]. И это не последняя задача, разрешением которой должна ограничиться административно-правовая наука.

Стоит также обратить внимание, что в другой работе – «Лекции по административному праву Великого Княжества Финляндского» (1903 г.) – Э.М. Берендтс говорит о существовании обычно-правовых норм в сфере административного права. Писатель полагает, что обычно-правовая норма в сфере административного права может быть признана имеющей силу, если она: 1) действительно соблюдается с известным постоянством и 2) это соблюдение подкрепляется убеждением, что мы обязаны действовать в согласии с данной нормой. Как видим, этот новатор научных идей был убежден в том, что в Финляндии существовало административное обычное право, которое без точного законодательного нормирования создавало и расширяло компетенцию органов управления.

В названном произведении исследователь довольно часто упоминает об «административном» и «экономическом» законодательствах, которые, судя по его рассуждениям, им отождествляются под обозначенными именами [1, с. 30, 32, 46 и др.]. Кроме того, в научный оборот юрист ввел понятие эластичности административных законов, под которой он предложил понимать приспособление последних к изменяющимся условиям времени и места [1, с. 6–7, 48].

Еще один представитель научного сообщества правоведов В.М. Гессен тоже пытался разобраться в особенностях эволюции и функционирования административного права. В своей работе «Административное право. Популярные лекции для

самообразования» (1903 г.) он зафиксировал, что полицейское (административное) право в узком смысле является той сферой государственной деятельности, которая имеет своим предметом деятельность государства в сфере внутреннего управления. Исходя из указанного, науку административного права следует считать отраслью юриспруденции, которая изучает нормы, регулирующие деятельность государственной власти в сфере внутреннего управления.

Автор утверждал, что обязательные постановления необходимо отличать от приказов по службе, инструкций и других общих распоряжений власти, поскольку лишь первые устанавливают юридические нормы административного права. Вторые же, с точки зрения административного права, имеют чисто технический, а не юридический характер. Таким образом, обязательными постановлениями создаются нормы объективного права, которые являются источниками прав и обязанностей не только самой власти, но и подчиненных ей граждан. В рамках закона они обязательны для последних, как и сам закон.

В своей работе правовед размышлял также о санкциях и диспозициях обязательных постановлений, отождествляя, по нашему мнению, такие феномены, как нормы права и статьи (пункты, части статей) нормативного акта. Интересной является мысль В.М. Гессена и о том, что обязательное постановление отличается от закона своим несвободным или связанным, подзаконным характером. Подзаконность обязательных постановлений, – поясняет ученый, – проявляется в том, что они не должны содержать в себе нормы, противоречащие закону и обязательным постановлениям высших инстанций [3, с. 26–31].

К фундаторам науки административного права Российской империи обосновано относят А.И. Елистратова – доктора полицейского права, профессора, первого декана юридического факультета Таврического университета [7]. На страницах своих печатных изданий ученый высказал мнение, что административное право – это совокупность юридических норм, регулирующих отношения между органами государственного управления и гражданами [6, с. 1]. В свою очередь юридические нормы правовед определил как общие и абстрактные правила поведения, вырабатываемые для урегулирования человеческих взаимоотношений (хотя чуть позже записал, что юридические нормы устанавливают абстрактные типы правоотношений) [5, с. 3, 8].

В «Лекциях по административному праву» автор добавил, что указанные общие правила установлены государственной властью на будущее (наперед) для всех соответствующих случаев [4, с. 5–12] и отлиты они в современном государстве в форме закона и подзаконного указа. Исходя из

этого юридическая норма – это краеугольный камень современного государственного уклада, так как она вместо стихийности, неопределенности и неустойчивости, присущих усмотрению, позволяет обывателю получать выгоды большей обдуманности, определенности и твердости.

Однако признание таких высоких достоинств правовой нормы, по мнению А.И. Елистратова, не должно превращаться в слепое поклонение, ибо субъекты, которые создают указанные правила, могут из-за сложности общественных явлений ошибаться в понимании того, что нужно для совместной жизнедеятельности. Любое общее и абстрактное правило, – убежден исследователь, – является продуктом известной рационализации, поскольку законодатель искусственно схематизирует действительность. Поэтому юридическая норма при необходимости шаблонна, между тем как общественная жизнь есть необозримое однообразие вечно меняющихся явлений. Чтобы смягчить теневые стороны правового нормирования, процесс законодательного творчества следует поставить в тесную связь с населением [5, с. 3–5].

Под углом зрения административно-нормативной проблематики публицист привлекал внимание также к различию наук полицейского и административного права, которое (различие), по его мнению, обусловлено неодинаковым положением личности в полицейском и правовом государстве. Он утверждал, что благодаря такому различию в полицейском государстве нормы полицейского права имели преимущественно характер инструкций и наказов со стороны высшей власти для органов полиции: касаясь обывателей, эти нормы подчиняли последних личному усмотрению правящей власти. В условиях же формирования правового государства юридические нормы, относящиеся к внутреннему управлению, стали терять этот односторонний характер: они приобрели значение правил, определяющих публично-правовые отношения между представителями власти и гражданами. Наука административного права при таких условиях сосредоточивает свое внимание на изучении юридических норм, регулирующих отношения между органами государственного управления и гражданами, и постепенно в программах университетского преподавания вытесняет науку полицейского права.

В работах А.И. Елистратова обнаруживаются и другие суждения по вопросам административно-нормативного характера. Правовед утверждал, к примеру, что:

1) административный порядок кодификации подрывает начало законности, поскольку он не совместим с руководящей идеей правового государства;

2) как источник административного права закон может действовать во времени, по месту и по лицам;

3) специальным вопросом административного права является вопрос о толковании закона, видами которого являются толкование закона в применении его к конкретному делу, общее и принципиальное толкование [6, с. 77–83].

Подвергая анализу научные разработки мыслителей, которые в период существования Царской России признавали административное право в качестве самостоятельной правовой отрасли и науки, мы установили, что им как никому другому удалось в своих работах указать на важность более предметного исследования и разрешения вопросов административно-нормативного характера. Благодаря творческим порывам и кропотливой работе упомянутых выше новаторов на пространстве Российской империи получает свое развитие теория нормы административного права. Сама же административно-правовая наука в России окончательно завоевывает себе место под солнцем и постепенно начинает интегрировать в своем содержании различные научные идеи касательно нормативной, управленческой, публично-сервисной, процессуальной и других составляющих административного права. Вследствие этого до революции 1917 г. административно-правовой науке удается в тогдашнем обществе выполнять методолого-ориентирующую, прогностическую и информационную функции, а административное право сделать одной из базовых дисциплин для преподавания в учебных заведениях.

Библиографический список

1. Берендтс Э.Н. Лекции по административному праву Великого Княжества Финляндского. –

Томь I. – С.-Петербургъ: Товарищество Р. Голике и А. Вильборгъ, 1903. – 300 с.

2. Берендтс Э. Опыт системы административного права. – Томь первый: Обзор истории административного права и истории его литературы. – Выпускъ I-й. – Ярославль: Типо-Литограф. Э.Г. Фалькъ, 1898. – 247 с.

3. Гессенъ В.М. Административное право (Популярныя лекціи для самообразованія). – С.-Петербургъ, 1903. – 240 с.

4. Елистратовъ А.И. Административное право. Лекціи. – М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1911. – 235 с.

5. Елистратовъ А.И. Основныя начала административного права. – Москва: Изданіе Г.А. Лемана, 1914. – 332 с.

6. Елистратовъ А.И. Учебникъ русскаго административного права (пособіе к лекціям). – Выпускъ I. – Москва, 1910. – 99 с.

7. Лавров В.В. А.И. Елистратов – первый декан юридического факультета Таврического университета // Учёные записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Юридические науки». – 2005. – Т. 18 (57). – № 1. – С. 28–42.

8. Лазаревскій Н. Административное право // Право. Еженедельная юридическая газета. – 1898. – № 2 (Воскресенье 22 ноября) – С. 4–9.

9. Навроцький В.О. Теоретичні проблеми кримінально-правової кваліфікації: дис... д-ра юрид. наук. – Х., 2000. – 493 с.

10. Петражицкій Л. «Полицейское» право // Право. Еженедельная юридическая газета. – 1898. – № 3 (Воскресенье 6 декабря) – С. 9–18.

Серова Елена Борисовна

кандидат юридических наук, доцент
Санкт-Петербургский юридический институт,
филиал Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации
serowa@yandex.ru

Душкин Сергей Васильевич

кандидат юридических наук
Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, г. Москва
dushkin-sv@yandex.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ЗАКОННОСТЬЮ ПРОИЗВОДСТВА ДОЗНАНИЯ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О НЕЗАКОННОМ ОБОРОТЕ НАРКОТИКОВ

В статье рассматриваются актуальные проблемы организации деятельности прокурора, осуществляющего надзор за законностью производства дознания и предварительного следствия по уголовным делам о незаконном обороте наркотиков в прокуратуре районного звена и прокуратуре субъекта Российской Федерации. Авторы обращают внимание на вопросы организации надзора за соблюдением законов при разрешении заявления (сообщения) о преступлении в сфере незаконного оборота наркотиков, при осуществлении оперативно-розыскной деятельности по делам о преступлениях анализируемого вида, при осуществлении процессуальной деятельности следователя на различных этапах расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков. Обращается внимание на типичные проблемы и недостатки в деятельности органов, осуществляющих как производство предварительного расследования, так и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Рассматриваются особенности делопроизводства при осуществлении прокурорского надзора за законностью производства дознания и предварительного следствия по делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Со ссылкой на действующее законодательство и ведомственные нормативные акты предлагается комплекс практических рекомендаций по повышению эффективности деятельности прокурора на различных стадиях уголовного процесса. Авторы отмечают, что прокурор не может ограничиваться текущим надзором за расследованием отдельных преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков. Необходимо систематическое проведение обобщений судебно-следственной и прокурорско-надзорной практики по делам о незаконном обороте наркотиков.

Ключевые слова: прокурор, прокурорский надзор, незаконный оборот наркотиков, предварительное расследование, дознание, оперативно-розыскная деятельность, преступления в сфере незаконного оборота наркотиков.

Эффективная реализация стоящих перед органами прокуратуры задач в области противодействия незаконному обороту наркотиков возможна только при соблюдении требований системного подхода к организации деятельности прокурора, начиная со стадии возбуждения уголовного дела.

В соответствии с УПК РФ, сразу после возбуждения уголовного дела копия соответствующего постановления направляется прокурору, который вправе признать данное процессуальное решение органов предварительного расследования незаконным или необоснованным и отменить соответствующее постановление. Тем самым обеспечивается незамедлительная оценка материалов проверки заявления (сообщения) о преступлении, признание законности решения о возбуждении уголовного дела и оперативное осуществление расследования. Этой задаче необходимо подчинить всю организацию прокурорского надзора, на что обращено внимание в Приказе Генерального прокурора России от 02.06.2011 №162 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия».

Оценивая деятельность органов предварительного следствия и дознания на стадии возбуждения уголовного дела о незаконном обороте наркотиков,

прокурор должен учитывать, что в отдельных случаях органы ФСКН стремятся к получению высоких показателей при создании искусственных условий для совершения преступлений, их необоснованного дробления по направленности умысла преступников. Прежде всего, речь идёт о непринятии своевременных мер к задержанию лиц, о которых правоохранительным органам известно как о сбытчиках наркотиков, необоснованном дроблении массы обнаруженных наркотиков с последующим возбуждением нескольких уголовных дел и т.д. Такой подход, в частности, характерен для противодействия распространению наркотиков растительного происхождения [3, с. 39–40]. Несомненно, данная практика должна быть своевременно выявлена прокурором, который обязан принять меры по её пресечению и недопущению подобных нарушений в последующем.

Все поступившие в прокуратуру копии постановлений о возбуждении уголовного дела и материалы к ним подлежат учёту в соответствующих книгах (приложение № 2 к указанному выше Приказу), которые должны вестись раздельно по ведомствам. Следовательно, основная информация об уголовных делах, возбуждённых в связи с совершением преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, будет сгруппирована в кни-

гах учёта постановлений, потупивших из органов ФСКН и МВД России. Учитывая значительное количество преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, и большой объем поступающей информации, по нашему мнению, прокурору целесообразно вести отдельный журнал учета таких уголовных дел (в том числе в электронном виде), что позволяет быстро ориентироваться в следственной ситуации, помогает организовывать надзор, выделять дела, требующие повышенного внимания. Представляется целесообразным активнее внедрять в практику прокурорско-надзорной деятельности компьютерные программы, позволяющие не только оперативно учитывать поступающую информацию, но и отслеживать весь путь движения сначала материалов проверки, а затем и материалов уголовного дела.

Важное организационное значение имеет надзорное производство, которое содержит копии основных процессуальных документов и актов прокурорского реагирования. Для надлежащей организации надзора необходимо добиваться своевременности поступления в прокуратуру копий основных процессуальных документов и уведомлений по делам о незаконном обороте наркотиков, что позволяет прокурору быть в курсе хода расследования, дает основания решать вопрос об истребовании уголовного дела для проверки законности расследования и применения мер прокурорского реагирования. Проведённое нами изучение надзорных производств по уголовным делам о незаконном обороте наркотиков показало, что прокуроры часто не требуют представления копий таких процессуальных документов, как поручения следователя о проведении оперативно-розыскной деятельности, постановлений о назначении экспертизы, справки следователя о реагировании на его представление и т.п. Характерно, что отсутствие копий данных документов одновременно отражает недостатки и в осуществлении прокурорского надзора, когда не проверяется исполнение поручений следователя органами, осуществляющими ОРД, остается без внимания неполнота и хаотичность следствия (дознания) и т.д.

Вместе с тем, прокурор не должен ограничиваться только лишь изучением поступающих к нему копий документов. Важное место в его деятельности должно занимать непосредственное изучение материалов уголовных дел о незаконном обороте наркотиков, которое позволяет выявить не только процессуальные нарушения, но и пробелы в доказательственной базе, ошибки в формировании системы доказательств, их проверке и оценке. При этом первоочередными задачами прокурорского надзора при изучении материалов уголовного дела является определение того, имело ли место в действительности совершение незаконного оборота наркотиков; нет ли признаков, указывающих

на совершение действий с наркотиками в результате провокации сотрудников органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность [6, с. 9].

Прокурор, осуществляющий надзор, должен знать наиболее типичные недостатки предварительного расследования по делам о незаконном обороте наркотиков, например:

- неправильное определение предмета следственных действий, нарушения требований уголовно-процессуального закона при их производстве, ошибки в фиксации полученной информации;
- нарушение требований закона при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий, прежде всего, «проверочной закупки», в ходе которой допускается провокация, в том числе связанная с формированием умысла на сбыт наркотиков у лица, его совершившего, не самостоятельно, а под влиянием сотрудников оперативных органов;
- отсутствие надлежащего анализа сведений, полученных оперативных путём, в том числе в ходе оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан, низкий уровень работы с полученными результатами, неиспользование их при осуществлении уголовного преследования;

- ошибки в определении круга обстоятельств, подлежащих доказыванию, неполное исследование отдельных обстоятельств. Так, по многим уголовным делам о незаконном обороте наркотиков не устанавливается точный момент времени (временной период) совершения преступления; не проводятся идентификационные исследования для установления тождества наркотического средства, выданного приобретателем (или изъятого у него), и обнаруженного (в ходе досмотра или обыска) у лица, обвиняемого в незаконном обороте наркотиков, и т.п.;

- ошибки в квалификации действий лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, когда, например, единое по своей природе преступление ошибочно квалифицируется как неоднократный сбыт наркотиков [1, с. 39–47; 4, с. 52].

Особое место в деятельности надзирающего прокурора должен занимать надзор за соблюдением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность. Мы разделяем высказанное в литературе мнение о том, что при осуществлении надзора по этому направлению необходимо изучать материалы дел оперативного учёта и вносить требования об активизации оперативно-розыскных мероприятий, о принятии мер по реализации результатов оперативно-розыскной деятельности и передаче материалов следователю для организации расследования, а также организовать комплексное изучение дела оперативного учёта и уголовного дела с последующей отменой (при необходимости) незаконного постановления о приостановлении производства по делу [7, с. 152–158].

Изучая дела оперативного учёта, прокурор должен знать наиболее типичные нарушения, допускаемые оперативными работниками при производстве оперативно-розыскных мероприятий, такие как:

1) нарушения, связанные с ненадлежащим статусом субъекта, осуществляющего ОРД, утвердившего постановление о производстве ОРМ либо представляющего результаты ОРД для осуществления проверки и принятия процессуального решения в порядке ст. ст. 144 и 145 УПК РФ, а также для приобщения к уголовному делу;

2) умышленное искажение сведений о дате и месте проведения оперативно-розыскного мероприятия, участвующих в нём лицах, проведение оперативно-розыскных мероприятий без надлежащего документального оформления с последующим оформлением постановления о предоставлении результатов ОРД органу следствию «задним числом». Для выявления подобных нарушений необходимо сопоставлять содержание указанного постановления с содержанием документов, приложенных к постановлению, обращая особое внимание на даты их составления и наличие противоречий в содержании;

3) ошибки в организации отдельных ОРМ, в том числе неиспользование или неправильное использование технических средств, включая средства аудио и видео фиксации хода и результатов ОРД;

4) ошибки в организации оперативно-розыскной деятельности в целом, выражающиеся в нарушениях при заведении и прекращении дел оперативного учёта, формальном планировании ОРМ без реальной реализации запланированных мероприятий, сведение всей оперативной работы к приобщению копий материалов уголовного дела;

5) ошибки технического характера (небрежность оформления материалов, неверное указание даты проведения проверочной закупки и даты вынесения постановления о представлении её результатов органу следствия; отсутствие перечня прилагаемых к постановлению документов и т.п.). [5, с. 92–98].

Касаясь данного вопроса, отметим, что под пристальным вниманием прокурора должны находиться также вопросы использования требований ведомственного законодательства, законность изданных на местном уровне правовых актов (например, приказов о допуске сотрудников к оперативно-розыскной деятельности) [3, с. 43]

Прокурору необходимо проверять все уголовные дела о незаконном обороте наркотиков. Однако особого внимания заслуживают уголовные дела о сложных в расследовании преступлениях (многоэпизодных, совершенных организованной группой и т.п.), а также дела, получившие общественную огласку.

Не реже одного раза в месяц прокурором должно проверяться исполнение законов о мерах по установлению и розыску лиц, причастных к неза-

конному обороту наркотиков, по уголовным делам, приостановленным по пп. 1, 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ. В ходе такой проверки помимо прочего анализируются причины и условия, способствовавшие уклонению обвиняемого (подозреваемого) от следствия, принимаются необходимые меры к их устранению и предупреждению.

Результатом надлежащей организации прокурорского надзора за расследованием незаконного оборота наркотиков должно стать увеличение направленных в суд дел о преступлениях данной группы. В то же время может быть отмечен рост числа дел, возвращённых прокурором для производства дополнительного расследования, требований прокурора об устранении нарушений закона, постановлений о признании доказательств недопустимыми.

Прокурор не может ограничиваться текущим надзором за расследованием отдельных преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков. Необходимо систематическое проведение обобщений судебно-следственной и прокурорско-надзорной практики по делам о незаконном обороте наркотиков, которые позволяют выявить характерные для данного региона проблемы (в расследовании и доказывании вины субъектов преступления, типичные нарушения в ходе проведения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, типичные недостатки в осуществлении прокурорского надзора) и выработать предложения по их устранению. Прокуроры должны принимать меры к улучшению информационно-аналитической и методической работы, в том числе не реже двух раз в год проводить анализ состояния преступности, ее причин и условий, ей способствующих. Для этого они могут использовать статистические и иные данные органов ФСКН России, материалы уголовных дел, результаты проверок заявлений и жалоб граждан, научных исследований, сообщения средств массовой информации. На это прокуроры ориентирует приказ Генерального прокурора РФ № 7 от 16.01.2012 г. «Об организации работы органов прокуратуры Российской Федерации по противодействию преступности».

Организацию прокурорского надзора в прокуратуре субъекта Федерации целесообразно регламентировать приказами прокурора данного субъекта, где может найти отражение местная специфика. Так, для регионов с большим уровнем незаконного оборота наркотиков можно предусмотреть составление периодических обобщений и направление справок и спецдонесений по этим уголовным делам. Для повышения эффективности организации надзора целесообразно заводить контрольные производства, в которых аккумулируются документы, касающиеся расследования незаконного оборота наркотиков или результатов проверки заявлений (сообщений) о данных преступлениях. Периодиче-

ское обращение к такому контрольному производству способствует тому, что из поля зрения зонального прокурора не выпадают вопросы контроля исполнения нижестоящими прокуратурами решений прокуратуры субъекта Федерации, устранения недостатков, выявленных в ходе проверки или изучения конкретного дела.

На заседаниях коллегий и оперативных совещаниях необходимо регулярно заслушивать отчеты прокуроров, их заместителей, начальников отделов и управлений прокуратуры субъекта Федерации по надзору за законностью расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Мы разделяем высказанное в литературе мнение о том, что положительный эффект может дать проведение межведомственных совещаний с прокурорами городов и районов с обсуждением хода расследования наиболее общественно опасных преступлений с целью пресечения волокиты, устранения возможного коррупционного противодействия расследованию, решения вопросов квалификации действий обвиняемых, выполнения следственных действий и т.д. Здесь же следует упомянуть и координационные совещания по вопросам противодействия наркопреступности, в рамках которых могут быть рассмотрены вопросы повышения эффективности деятельности правоохранительных органов, преодоления ведомственной разобщенности, снижения формализма в их работе [2, с. 21; 4, с. 43–53]. Подобного рода совещания, несомненно, способствуют эффективной организации прокурорского надзора за расследованием преступлений прокуратурой субъекта Федерации.

В случае прекращения уголовного дела о незаконном обороте наркотиков или постановления оправдательного приговора прокурор должен проверить законность принятия решения о привлечении лица в качестве обвиняемого и избрания в отношении него меры пресечения. В составленном по результатам такой проверки заключении анализируются имеющиеся в материалах уголовного дела доказательства, указываются меры для предупреждения выявленных нарушений и реагирования на недостатки прокурорского надзора и следствия. При этом, по нашему мнению, прокурор должен руководствоваться положениями Приказа Генерального прокурора РФ № 162 от 02.06.2011 г. «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия». Хотя данный приказ и регламентирует сроки и процедуру проверки в случае реабилитации лиц, находившихся под стражей, по нашему мнению, по делам о незаконном обороте наркотиков в виду их особой значимости такая проверка должна проводиться вне зависимости от вида избранной в отношении реабилитированного лица меры пресечения.

Сведения о нарушениях законности при расследовании незаконного оборота наркотиков могут быть получены прокурором при рассмотрении жалоб граждан. Поэтому важно обеспечить их своевременную регистрацию и незамедлительное поступление из отдела по приему писем и обращений граждан к руководящему работнику прокуратуры, а от него к исполнителям. Важная информация может быть получена при рассмотрении ходатайств следователя (дознателя) и жалоб граждан судом. Именно поэтому необходимо обеспечивать участие прокурора в каждом таком процессе как для объективного рассмотрения ходатайства и жалобы, так и для получения информации о необходимости проведения прокурорской проверки и принятия мер прокурорского реагирования. Существенную помощь надзирающему прокурору оказывает взаимодействие с прокурорами, поддерживающими обвинение в судах, которое позволяет выявить недочеты и следствия и прокурорского надзора.

Хорошая работа невозможна без соответствующего высокого уровня профессионализма прокурорских работников. В связи с этим большое значение имеет подбор кадров, их расстановка, обучение и повышение квалификации в области прокурорского надзора, уголовного права, уголовного процесса и криминалистики.

Библиографический список

1. Вакаева С.С. Проблемы, возникающие в практике рассмотрения судами уголовных дел, связанных с незаконным оборотом наркотических средств // Следственная практика: научно-практический сборник. – М., 2012. – № 186. – С. 39–47.
2. Воронин А.Б. Организация прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия прокуратурой субъекта Российской Федерации // Прокурорский надзор за производством дознания и предварительным следствием в органах внутренних дел: сборник материалов семинара по обмену опытом / под общ. ред. А.Ю. Некрасова. – М.: Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2011. – С. 18–25.
3. Гурин А.Д. Прокурорский надзор за соблюдением оперативно-розыскного законодательства при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств // Прокурорский надзор за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности: сборник материалов семинара по обмену опытом: [в 2 ч.] / под общ. ред. С.В. Иванова. – М.: Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2011. – Ч. 1. – С. 39–40.
4. Демешин Д.В. Прокурорский надзор за выявлением и расследованием преступлений, связанных со сбытом крупных партий наркотических средств и психотропных веществ // Прокурорский надзор за производством дознания и предварительным следствием в органах внутренних дел: сбор-

ник материалов семинара по обмену опытом / под общ. ред. А.Ю. Некрасова. – М.: Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2011. – С. 43–53

5. Киричков И. Особенности прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью в органах ФСКН России // Прокурорский надзор за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности: сборник материалов семинара по обмену опытом: [в 2 ч.] / под общ. ред. С.В. Иванова. – М.: Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2011. – Ч. 1. – С. 92–98.

6. Курдюков А.Н. Прокурорский надзор за исполнением законов при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов: лекция. – М.: Акад. Генер. прокуратуры Рос. Федерации, 2013. – 40 с.

7. Шибков В.Г., Бородулин Д.В. О практике прокурорского надзора за исполнением законов при раскрытии преступлений и расследовании уголовных дел, связанных с незаконным оборотом наркотиков // Следственная практика: научно-практический сборник. – М., 2012. – № 186. – С. 152–158.

УДК 347

Артюшина Ольга Николаевна

Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова
PeOIN@yandex.ru

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ КЛИНИК В РОССИИ

На основе изучения и анализа правовых основ деятельности юридических клиник и практики их реализации в статье рассматривается значение юридического клинического образования как основы формирования будущего юриста-профессионала. С каждым годом количество пунктов оказания бесплатной юридической помощи посредством деятельности юридических клиник возрастает. При этом различны условия деятельности таких клиник, качество оказываемых консультаций, а также заинтересованность руководства ВУЗов в обеспечении необходимых условий для достижения основных целей столь значимого направления. На сегодняшний день сложно переоценить значимость практики в юридической клинике для будущих юристов. При этом до сих пор существуют определённые проблемы реализации целей клинического образования, определённых законом.

Ключевые слова: юридическая клиника, практика, бесплатная помощь, консультация, образование.

В Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» [8] законодатель отдельную норму посвящает юридическим клиникам. В том числе законодателем определены цели юридических клиник, а именно:

- правовое просвещение населения;
- формирование у обучающихся по юридической специальности навыков оказания юридической помощи;
- оказание бесплатной юридической помощи.

Отметим, что в дореволюционной России основной деятельностью подобных клиник выступала именно образовательная цель. Представляется, что данная цель должна быть основной среди прочих и на сегодняшний день.

Кроме того, основным отличием деятельности юридических клиник от деятельности различного рода общественных приёмных выступает именно цель, направленная на обучение студентов навыкам практической деятельности. Поэтому и используется название «клиника» вслед за медицинскими клиниками, в которых студенты-медики приобретают практические навыки оказания медицинской помощи [4].

В.А. Дёмин, В.В. Гущин и В.С. Никольский справедливо отмечают, что одной из основных проблем качества юридического образования выступает неготовность выпускников юридических вузов и факультетов к практической работе. Зачастую они не умеют составлять юридические

документы, не владеют навыками опроса, выступления в суде и т.д. При этом, довольно часто владея хорошими знаниями законов, теоретических положений, не могут проанализировать, сопоставить и применить их. Учебная и производственная практика, особенно в последнее время, не позволяет в полной мере применить полученные знания в период её прохождения и носит скорее «наблюдательный» характер [2].

И.Н. Лукьянова отмечает, что большинство современных российских юридических клиник выдвигает в качестве основной цели социально значимую деятельность – оказание бесплатной юридической помощи. При этом для полноценной образовательной работы по развитию у студентов умений и практических навыков у клиник, как правило, недостаточно ни преподавательских, ни методических, ни финансовых ресурсов. Во многих клиниках отсутствует учебный курс, предваряющий работу с реальными посетителями. Для контролирующей деятельности клиник органов в большинстве своём единственным критерием работы является количество проконсультированных посетителей. В рамках практики в клиниках, как правило, не подвергается оценке качество образовательной деятельности [4].

С.В. Нарутто верно отмечает, что клиническое образование хорошо вписывается в концепцию модернизации высшего профессионального юридического образования, которая предполагает компетентностный подход к обучению и воспита-

нию, понимаемый как формирование у студентов профессионально значимых и социально необходимых личностных качеств специалиста, среди которых культура системного профессионального мышления, коммуникативная культура, умение работать в команде, толерантность, стремление к самообразованию и саморазвитию, ответственность, организаторские и лидерские качества, гибкость мышления, оптимальный стиль профессионального поведения, умение представлять свои личностные и профессиональные качества. При этом именно приобретение студентами основ профессиональных умений и навыков является самым ценным в клиническом образовании [5].

Действующие Приказы Минобрнауки России от 04.05.2010 № 464 [6] и от 14.12.2010 № 1763 [7] не предусматривают обязанность вуза создавать юридические клиники. При этом отметим, что одним из критериев оценки вуза при общественной аккредитации Ассоциацией юридического образования является участие вуза в оказании бесплатной юридической помощи, наличие и эффективность деятельности юридической клиники [3].

Представляется, что практика в юридической клинике для студентов служит не только базой для получения практических навыков, но и определённым стимулирующим критерием для получения теоретических знаний.

По справедливому замечанию М. Бочаровой, клиника впервые даёт студенту представление о том, что проблемы, возникающие в жизни людей, в своем генезисе и развитии не подчиняются законам формирования и функционирования права, чем совсем не похожи на задачи на практических занятиях по отраслевым дисциплинам. Проблема «из жизни» в каждом случае возникает как многоаспектная задача, требующая юридического оформления, либо запутанный конфликт, в котором не усматриваются наборы юридических фактов из гипотезы той или иной конкретной юридической нормы. Проблему или конфликт сначала надо структурировать, а уж затем квалифицировать при помощи инструментария, как правило, более чем из одной отрасли права [1].

В.Ю. Кулакова, Т.Ю. Маркова и М.В. Самсонова в своей работе указывают на следующие различия в организации деятельности юридических клиник в ВУЗах:

- 1) наличие/отсутствие обязательного специального обучающего курса для подготовки студентов к практической деятельности в клинике;
- 2) наличие/отсутствие специальной подготовки преподавателей к работе в юридической клинике;
- 3) работа в юридической клинике учитывается/не учитывается в учебной нагрузке преподавателей, соответственно, оплачивается/не оплачивается;
- 4) имеется/не имеется специальное помещение для ведения приема граждан;

5) стажировка в юридической клинике для студентов является добровольной/обязательной;

6) юридическая клиника включена/не включена в расписание занятий;

7) ВУЗ заинтересован/не заинтересован в развитии юридической клиники;

8) юридическая клиника взаимодействует/не взаимодействует с региональным отделением АЮР, региональными органами власти, некоммерческими организациями;

9) юридическая клиника обеспечивает студентам только возможность консультирования граждан/осуществляет иные проекты, направленные на формирование у студентов практических навыков работы юриста [3].

Представляется, что практика в юридической клинике несёт в себе не только образовательные задачи, но позволяет сформировать у студентов такие высокие и значимые на сегодняшний день ценности, как гуманизм, справедливость, честность и бескорыстие. Поэтому на сегодняшний день особо значимым направлением для любого ВУЗа, в состав которого включается такое структурное подразделение как юридическая клиника, становится следовать по пути формирования достойной образовательной базы для возможной практической подготовки студентов, осуществляющих там свои первые профессиональные «шаги» на пути становления будущего юриста-профессионала.

Библиографический список

1. *Бочарова М.* Интервью с доцентом кафедры трудового права юридического факультета СПбГУ, директором Юридической клиники СПбГУ, кандидатом юридических наук, лауреатом юридической премии «Юрист года» в номинации «Правовое просвещение» Еленой Николаевной Доброхотовой // *Юридический мир*. – 2013. – № 3. – С. 4–8.
2. *Дёмин В.А., Гуцин В.В., Никольский В.С.* Повышение качества юридического образования на основе различных форм интеграции профессионального образования и профессиональной деятельности // *Наука и образование и наука*. – 2009. – № 3. – С. 9–11.
3. *Кулакова В.Ю., Маркова Т.Ю., Самсонова М.В.* Юридические клиники в России: состояние и перспективы развития // *Юридическое образование и наука*. – 2014. – № 2. – С. 8–11.
4. *Лукьянова И.Н.* Современное юридическое клиническое образование в России: достижения и перспективы // *Юридическое образование и наука*. – 2015. – № 2. – С. 9–11.
5. *Нарутто С.В.* Образовательные технологии в юридической клинике // *Актуальные проблемы российского права*. – 2013. – № 7. – С. 907–916.
6. Приказ Минобрнауки России от 04.05.2010 № 464 «Об утверждении и введении в действие Федерального государственного образовательного

стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 030900 Юриспруденция (квалификация (степень) «бакалавр»)» (ред. от 31.05.2011) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – № 26. – 28.06.2010.

7. Приказ Минобрнауки России от 14.12.2010 № 1763 «Об утверждении и введении в действие Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образова-

ния по направлению подготовки 030900 Юриспруденция (квалификация (степень) «магистр»)» (ред. от 31.05.2011) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – № 14. – 04.04.2011.

8. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» (ред. от 28.11.2015) // Российская газета. – № 263. – 23.11.2011.

УДК 347.4

Широков Андрей Михайлович

Костромской областной суд
ashirokov44@mail.ru

К ВОПРОСУ О РАЗРАБОТКЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ, ОСУЩЕСТВЛЯЕМОГО ПРОКУРОРОМ ПО ДЕЛАМ О ПРИЧИНЕНИИ ИМУЩЕСТВЕННОГО УЩЕРБА ПУТЕМ ОБМАНА И ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ДОВЕРИЕМ В СФЕРЕ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА

В статье раскрывается значимость умелого применения криминалистики прокурором на практике при осуществлении уголовного преследования по делам о причинении имущественного ущерба путем обмана и злоупотребления доверием в сфере жилищно-коммунального хозяйства. Разработать эффективные способы противодействия преступности, методы предупреждения и расследования преступных посягательств, в том числе, определенного вида, призвана криминалистическая методика. Прокурор, как субъект уголовного преследования, в своей профессиональной деятельности не может быть в стороне от системы научных криминалистических рекомендаций, основанных на проверенных методах раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. Имея значительный опыт в понимании криминалистической сущности противоправных деяний в сфере ЖКХ, прогнозируя перспективу дальнейшего развития следственной ситуации, располагая данными о судебно-следственной практике, и обладая познаниями в области эффективности доказывания, прокурор способен внести значительный вклад в основанную на принципах законности обвинительную деятельность. Используя криминалистические знания в сфере борьбы с преступностью в жилищно-коммунальном хозяйстве, прокурор способен умело применить представленный ему законом процессуальный инструментарий; добиться исключения формального подхода в использовании своих полномочий; получить требуемый результат укрепления законности и правопорядка в рассматриваемой отрасли правоотношений. Для достижения указанной цели следует особое внимание уделять разработке криминалистического обеспечения уголовного преследования, осуществляемого прокурором.

Ключевые слова: жилищно-коммунальное хозяйство, криминалистическое обеспечение, прокурор, причинение имущественного ущерба путем обмана и злоупотребления доверием.

Предназначение жилищно-коммунального хозяйства (далее – ЖКХ) России, как одной из ведущих отраслей экономики страны, состоит в обеспечении граждан жизненно-необходимыми условиями, а предприятий – средствами производства.

Однако производство и развитие в сфере ЖКХ имеет и негативные аспекты, препятствующие нормальному функционированию отрасли.

В настоящее время с сожалением приходится констатировать, что к наиболее значимым факторам, характеризующим деятельность жилищно-коммунального комплекса, относятся низкий уровень соблюдения законов в сочетании со сложной совокупностью производственных и управляющих структур, многочисленность законодательных и иных нормативных правовых актов, регулирующих правовые отношения в названной сфере [3, с. 63].

Огромный стабильный объем обращаемых материальных ценностей обусловил многочисленные криминальные проявления в названной сфере. Так, по данным ГИАЦ МВД России, за 2012 г. было зарегистрировано 3211 преступлений экономической направленности, предварительное следствие по которым является обязательным, совершенных в сфере ЖКХ, ущерб от данных преступлений составил 1,2 млрд. рублей; в 2013 г. – 3156 таких преступлений, ущерб характеризовался уже 3,6 млрд. рублей; несмотря на то, что в 2014 году было выявлено 2033 указанных преступления, ущерб от преступных посягательств возрос до 4,6 млрд. рублей.

Указанные цифры свидетельствуют о неуклонном росте ущерба, причиняемого преступлениями в данной сфере экономики, увеличении объема денежных средств, являющихся предметом посягательства и, как следствие, повышении общественной опасности каждого такого преступления.

При этом следует отметить существенное разнообразие преступных посягательств, распространенных в сфере ЖКХ. Значителен объем хищений, в том числе краж, а также квалифицированных присвоений и растрат, немалую долю занимают должностные преступления. На этом фоне обращают на себя внимание определенные проблемы, возникающие у правоприменителя при противодействии причинению имущественного ущерба путем обмана и злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения, уголовная ответственность за которое установлена статьей 165 УК РФ. Способы совершения данного вида преступлений весьма многообразны, преступные акты практически в каждом случае латентны, заранее подготовлены и спланированы.

Выявление, раскрытие и расследование данных посягательств требует особого внимания, знания криминалистических рекомендаций, умения проведения глубокого экономического анализа предпринимательской деятельности субъектов ЖКХ и использования полученных результатов при осуществлении уголовного преследования.

Ключевая роль в системе государственных органов, призванных осуществлять противодействие преступным посягательствам, безусловно, принадлежит прокуратуре. В силу статьи 1 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» прокурор на данном направлении своей деятельности осуществляет надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие; уголовное преследование в соответствии с полномочиями, установленными уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации; координацию деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью.

В своем правовом единстве с вышеуказанной нормой часть первая статьи 37 УПК России определяет право и обязанность прокурора осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия.

В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством России, уголовным преследованием является процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления [5, с. 10]

При этом расследование преступления представляет собой строго регламентированный уголовно-процессуальным законом порядок установления обстоятельств, предусмотренных в статье 73 УПК РФ. В силу указанной нормы при производстве по уголовному делу о причинении имущественного ущерба путем обмана и злоупотребления

доверием в сфере ЖКХ подлежат доказыванию событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления); виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы; обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого; характер и размер вреда, причиненного преступлением в сфере ЖКХ; а также другие обстоятельства.

Такой порядок процессуальной деятельности является единообразным и не зависит от вида и формы расследуемого преступления.

Вместе с тем, определяя основные направления деятельности субъектов уголовного преследования, уголовно-процессуальный закон не содержит конкретных рекомендаций, методов и способов осуществления процессуальных действий применительно к определенному преступному деянию, обусловленных его спецификой.

Разработать эффективные способы противодействия преступности, методы предупреждения и расследования преступных посягательств, в том числе определенного вида, призвана криминалистическая методика.

Прокурор, как субъект уголовного преследования, в своей профессиональной деятельности не может быть в стороне от системы научных криминалистических рекомендаций, основанных на проверенных методах раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

Г.А. Густов среди причин низкой раскрываемости преступлений, малой эффективности следственных действий, ошибок и нарушений законности называл неправильный выбор либо незнание методов организации расследования, анализа, оценки и использования имеющейся в деле информации, неумение правильно определить задачи расследования и найти правильное решение [2, с. 5].

Безусловно, таких ошибок и нарушений должен избежать и прокурор.

Анализ прокурорской деятельности позволяет прийти к выводу о том, что в предмет познания прокурора в сфере уголовного преследования по делам о причинении имущественного ущерба путем обмана и злоупотребления доверием в сфере ЖКХ включен гораздо более широкий круг обстоятельств, подлежащий изучению, чем предусмотренный ст. 73 УПК РФ.

Так, в предмет познания прокурора входит имеющаяся на первоначальном этапе информация о деянии, содержащем признаки преступления в сфере ЖКХ, законность и обоснованность решения о возбуждении или отказе в возбуждении уголовного дела, ход и результаты расследования преступления, процессуальное оформление следственной деятельности, вопросы взаимодействия со следователем, оценка полученных им доказательств с точки зрения относимости, допустимости, достоверности и, в конечном счете,

достаточности для разрешения дела по существу. Наиважнейшей является роль прокурора на судебных стадиях процессуальной деятельности.

Имеющаяся зачастую разрозненная информация на первоначальном этапе досудебного производства должна быть верно проанализирована и оценена прокурором с позиций её значимости и достаточности для возбуждения уголовного дела или отказа в возбуждении при неукоснительном соблюдении требований уголовно-процессуального закона. Безусловно, решение о возбуждении уголовного дела не предрешает выводов о виновности лица, вместе с тем, тщательный проведенный прокурором криминалистический анализ имеющихся на первоначальном этапе данных способен исключить незаконную обвинительную деятельность, либо, в противном случае, не допустить принятие незаконного решения об отказе в возбуждении уголовного дела, избежать сокрытия преступления.

Как верно отмечал Л.Е. Ароцкер, зачастую является недостаточным сбор поступающей следователю информации. В основе грамотного расследования лежит глубокая аналитическая деятельность субъектов уголовного преследования. Решение задач судопроизводства обеспечивается четко организованной деятельностью, полным и глубоким исследованием обстоятельств дела и использованием научных приемов и методов установления истины [1, с. 4].

Прокурор не может ограничиться изучением лишь обстоятельств совершенного преступления, доказыванием признаков состава конкретного преступления.

В сфере профессиональных интересов прокурора находятся вопросы законности фиксации процессуальной деятельности, получения доказательств и их последующего использования, глубокая аналитическая работа по каждому уголовному делу.

Объектами познания прокурора являются и ход самого расследования, либо процессуальной проверки, а также вопросы взаимодействия с субъектами, осуществляющими проверочные действия и расследование уголовных дел.

Именно от налаженного взаимодействия прокурора со следователем зависит своевременная постановка следственных проблем, разрешение вопросов доказывания, исключение следственных ошибок.

Осуществляя надзор за законностью рассмотрения и разрешения заявлений и сообщений о преступлениях, прокурор проверяет соблюдение требований закона о порядке их приема, регистрации, учета и рассмотрения. Качество дальнейшего расследования (в случае возбуждения уголовного дела) во многом зависит от того, насколько всесторонне, полно и объективно проведена предварительная проверка [4, с. 24].

Безусловно, в силу закона, возможна обособленная и независимая от прокурора на определенных

этапах деятельность следственных подразделений. Вместе с тем, в конечном счете, на основании представленных законом прокурору полномочий именно на него на первоначальном этапе расследования или процессуальной проверки возложена обязанность по оценке законности принятого решения, предусмотренного ст. 145 УПК РФ.

Налаженное эффективное взаимодействие участников уголовного преследования позволит не допустить принятия незаконных процессуальных решений. Организация своевременного и эффективного взаимодействия прокурора с субъектами расследования способна исключить просчеты в выяснении обстоятельств произошедшего.

Важнейшей задачей производства по делу о преступлении в сфере ЖКХ является определение предмета доказывания, уяснение круга выясняемых обстоятельств, в том числе о причастности лица и форме его вины, о характере наступивших последствий и размере причиненного вреда.

Прокурор, имея значительный опыт в понимании криминалистической сущности противоправных деяний в сфере ЖКХ, прогнозируя перспективу дальнейшего развития следственной ситуации, располагая данными о судебно-следственной практике и обладая познаниями в области эффективности доказывания, способен внести значительный вклад в основанную на принципах законности обвинительную деятельность.

Ключевой фигурой в процессе доказывания прокурор является на судебных стадиях уголовного производства.

Представляя сторону обвинения, прокурор в суде фактически остается единственным активным участником в процессе доказывания события преступления и виновности привлеченного к ответственности лица.

Знание криминалистических приемов и методов организации своей деятельности как государственного обвинителя, моделирования судебных ситуаций, опровержения доводов стороны защиты, позволяет прокурору добиваться неотвратимости наказания виновного лица.

В большинстве случаев от тактически правильного предоставления суду прокурором доказательств, глубокого обоснованного анализа события преступления и виновности лица, данного в прениях сторон, принципиальной и неуклонной позиции государственного обвинителя, зависит результат рассмотрения уголовного дела судом.

Ввиду изложенного, именно криминалистические знания способны обеспечить верное и результативное применение предоставленных законом прокурору полномочий на каждой без исключения стадии уголовного судопроизводства.

Основной целью деятельности прокурора является обеспечение всесторонности, полноты и объ-

ективности исследования обстоятельств, подлежащих доказыванию. Достижение указанной цели возможно только при условии использования научно обоснованных рекомендаций по организации, планированию и осуществлению деятельности прокурора [4, с. 25].

Таким образом, используя криминалистические знания в сфере борьбы с преступностью в сфере жилищно-коммунального хозяйства, прокурор способен умело применить представленный ему законом процессуальный инструментарий; добиться исключения формального подхода в использовании своих полномочий, оперативно реагировать на нарушение закона.

Для достижения указанной цели следует особое внимание уделять разработке криминалистического обеспечения уголовного преследования, осуществляемого прокурором.

Библиографический список

1. *Ароцкер Л.Е.* Использование данных криминалистики в судебном разбирательстве. – М.: Юрид. лит, 1964. – 44 с.
2. *Густов Г.А.* Программно-целевой метод организации раскрытия убийств: учебное пособие. – СПб., 1997. – 56 с.
3. Защита прокурором конституционных прав граждан в сфере жилищно-коммунального хозяйства / С.Л. Басов, Д.А. Безбородов, Е.А. Бурмистрова и др. – СПб.: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2014. – 277 с.
4. *Коришнова О.Н.* Уголовное преследование как одна из прокурорских функций // Труды Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры Российской Федерации. № 1 / Науч. ред. Б.В. Волженкин. – СПб., 1999. – 156 с.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. – М.: Эксмо, 2014. – 352 с.

**АУДИОПРОТОКОЛИРОВАНИЕ КАК ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫЙ ЭЛЕМЕНТ
СОБЛЮДЕНИЯ РАЗУМНЫХ СРОКОВ В РАЙОННЫХ СУДАХ**

В статье рассматриваются проблемы совершенствования механизма обеспечения разумных сроков судопроизводства в районном суде за счет внедрения системы аудиопротоколирования. В результате анализа нормативных актов, регулирующих институт аудиопротоколирования, практики применения аудиопротоколирования в арбитражных судах, а также в отдельных «пилотных» судах общей юрисдикции, выделены основные преимущества и недостатки, которые могут сказаться на положительном результате внедрения инновационной системы протоколирования и обеспечения разумных сроков судопроизводства в районных судах. Обращено особое внимание на то, что в будущем аудиопротоколирование должно полностью заменить бумажный аналог и тем самым обеспечить большую точность фиксации доводов сторон и исследования доказательств при рассмотрении дел, обеспечить соблюдение процессуальных норм и повысить корректность поведения участников процесса.

Автор приходит к выводу о том, что, несмотря на отдельные возникающие трудности, внедрение аудиопротоколирования как сопутствующего компонента механизма обеспечения разумных сроков, представляется достаточно перспективным и, несомненно, важным и обоснованным этапом в развитии и совершенствовании правосудия в Российской Федерации в целом.

Ключевые слова: аудиопротоколирование, разумный срок, организационно-правовой механизм, судопроизводство, районный суд, судебная реформа.

Проводимая в Российской Федерации судебная реформа явилась одним из определяющих условий формирования в каждом районном суде общей юрисдикции организационного механизма обеспечения разумных сроков судопроизводства.

Однако не все новации в одинаковой степени влияют на обеспечение разумных сроков судопроизводства. Так, аудиопротоколирование достаточно сложно категорично отнести к элементам, обеспечивающим разумные сроки, поскольку наряду с улучшением качества организации работы и ее автоматизацией, способствующей сокращению сроков судопроизводства, имеются отдельные обстоятельства, неоднозначно сказывающиеся на данном процессе.

Следует заметить, что внедрение аудиопротоколирования прямо предусмотрено федеральной целевой программой «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы» [10, ст. 13], устанавливающей к 2018 году 95-процентный показатель оснащенности необходимым оборудованием федеральных судов общей юрисдикции. Обязательное ведение аудиозаписи судебного заседания в арбитражном процессе закреплено законодательно [1, ст. 155]; в 2014 году в Государственную Думу Российской Федерации внесен законопроект, предусматривающий введение аналогичной нормы в гражданский и уголовный процесс.

Отметим, что анализ пояснительной записки к указанному законопроекту [7] не позволяет сделать однозначный вывод о том, что разработчик среди прочих задач ставил перед собой цель создания через внедрение процедуры аудиопротоколирования условий для обеспечения разумных сроков судопроизводства.

Вместе с тем, влияние данного фактора на сроки рассмотрения дел вполне укладывается в общее

представление об информационном и материально-техническом компоненте ранее названного механизма, предполагающем создание соответствующей системы устойчивых условий, позволяющих не только в общем оптимизировать организационное обеспечение деятельности суда, но и решить конкретную организационно-техническую задачу по сокращению сроков.

Практикам очевидно, что «рукописное» ведение протокола замедляет судебное разбирательство, так как судья вынужден перебивать участников процесса не потому, что для этого есть процессуальные основания, а лишь из-за того, что секретарь не успевает вести протокол [15].

По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации на начало 2014 года системами аудиопротоколирования оборудованы только 40 процентов судов общей юрисдикции [4].

Положительный опыт внедрения аудиопротоколирования существует в Центральном районном суде Омской области, Павлоградском районном суде, Ленинском районном суде [3]. На официальном сайте Куйбышевского районного суда города Самары размещен список залов судебных заседаний, оснащенных комплектом аудиопротоколирования хода судебных заседаний и т.д. [8].

По сути программно-аппаратный комплекс аудиозаписи позволяет секретарю непосредственно во время судебного заседания формировать в полуавтоматическом режиме протокол судебного заседания. В процессе секретарь в соответствии с происходящими в судебном заседании событиями выбирает в программе те или иные строки шаблонов из списка действий и действующих лиц, вводит короткие комментарии и включает аудиозапись соответствующих фрагментов судебного заседа-

ния. В результате получается в электронном виде основа протокола и связанные с ним фрагменты фонограмм, которые позволяют затем быстро внести в протокол соответствующие уточнения и подготовить документ в окончательной редакции [5].

Такой способ ведения протокола судебного заседания является «комбинированным» и служит для более детального и всестороннего отражения всех существенных сведений о разбирательстве дела.

Изучение практики применения аудиопrotocolирования в арбитражных судах, отдельных «пилотных» судах общей юрисдикции, а также юридической литературы позволяет сделать вывод о том, что данное новшество формирует ряд востребованных в работе по обеспечению разумных сроков судопроизводства организационно-технических возможностей, среди которых:

- 1) исчерпывающая фиксация судебных заседаний;
- 2) ведение протокола с привязкой к хронологии событий, позволяющее в дальнейшем его воспроизведение;
- 3) создание протокола как во время судебного процесса, так и после него;
- 4) хранение электронных архивов судебных заседаний с передачей информации по локальной сети;
- 5) ознакомление лиц, участвующих в деле, с аудиозаписью судебного заседания для представления замечаний относительно полноты и правильности протокола;
- 6) исследование аудиозаписи дела вышестоящей инстанцией при подаче соответствующих жалоб;
- 7) позволяет минимизировать недостатки характерные для бумажного способа ведения протокола (неполный объем отражения содержания выступлений; искажение позиции сторон, произвольная интерпретация их устных замечаний и т. д.) [1].

Институт мониторинга эффективности правоприменения Общественной палаты Российской Федерации определяет значение аудиопrotocolирования в том, что оно должно обеспечить большую точность фиксации доводов сторон и исследования доказательств при рассмотрении дел; соблюдение процессуальных норм; повысить доверие населения к правосудию [2].

Бесспорно, при внедрении данного новшества возникают временные проблемы организационного плана, обусловленные различными субъективными и объективными факторами, которые возможно классифицировать на следующие группы:

- 1) недостаточные навыки работы специалистов аппарата суда с установленным технологическим оборудованием;
- 2) отсутствие мотивации специалистов аппарата суда при возникновении дополнительной работы;

3) неэффективно выстроенная система контроля за процессом внедрения и использования системы аудиопrotocolирования;

4) отсутствие необходимых локальных регламентирующих документов.

Как следствие, организационный аспект эффективного внедрения аудиопrotocolирования для сокращения сроков рассмотрения дел в районных судах предполагает:

1. Организацию для ответственных специалистов аппарата суда:

- индивидуального обучения и практических занятий по установленному плану;
- зачета проверки теоретических знаний и навыков работы в программно-аппаратном комплексе по технической фиксации.

2. Включение соответствующих мотивирующих критериев оценки труда сотрудников аппарата суда в систему поощрения, обуславливающих связь между освоением и надлежащим использованием программно-аппаратного комплекса, и материальным стимулированием государственного гражданского служащего.

3. Разработку иных необходимых локальных организационно-распорядительных актов и эффективной системы контроля за их исполнением.

Важно отметить, что сложившаяся на текущий момент ситуация с опережающим организационно-техническим обеспечением арбитражных судов предоставляет уникальную возможность использования наработок в данной области с целью исключения возникающих проблем при внедрении аудиопrotocolирования в районных судах. Так, после внедрения технологии арбитражными судами появились различные рекомендации, обобщение которых указывает на необходимость учета следующих организационных и технических моментов с целью сокращения срока рассмотрения дел:

- 1) целесообразность создания в судах персонального каталога хранения аудиопrotocolов для судей;
- 2) организация выделенного рабочего места на базе персонального компьютера для ознакомления лиц, участвующих в деле, с аудиозаписью судебного заседания;
- 3) обязательное копирование файла аудиозаписи судебного заседания на единый сервер хранения данных и т.д. [13].

К отдельным недостаткам данного технологического способа, которые могут повлиять на сроки рассмотрения дел, относится увеличение времени подготовки протокола («двойная» работа секретаря судебного заседания); необходимость в ряде случаев изучения полной стенограммы аудиозаписи.

Дальнейшее исследование практики организационной работы судов и достаточно ограниченных в своем объеме материалов юридической литературы с позиции дополнительных затрат времени су-

дейского состава и сотрудников аппарата суда, возникающих при введении аудиопротоколирования судебного заседания, показывает, что прежде всего увеличение временных затрат обуславливается необходимостью:

1) копирования на один материальный носитель (CD-диск) всех аудиозаписей по одному делу, приобретаемый к материалам дела;

2) изготовления по письменному ходатайству лица, участвующего в деле, копий аудиозаписи судебного заседания [11];

3) анализа внутренней структуры процесса, связанной с движением аудиопротокола по стадиям.

Так, все судебные инстанции, занимающиеся пересмотром судебных актов, обязаны проверять не только их законность, но и обоснованность, для чего необходимо изучать материалы дела, в том числе имевшиеся в деле доказательства, среди которых и протокол судебного заседания, т.е. не только прочитать письменный протокол, но и прослушать запись судебного заседания. Такая работа требует в разы больше времени по сравнению с тем временем, которое тратится на прочтение протокола, изложенного в письменной форме и содержащего ту же информацию в сжатом объеме. Поэтому возникают сомнения в том, что при существенной нагрузке вышестоящие суды справятся с имеющимся объемом работы, не снижая ее качества [13];

4) обеспечения реализации права стороны на ознакомление с протоколом, при котором ей должна быть вручена и аудиозапись. При этом участник процесса теоретически может претендовать на ознакомление со звукозаписью длящегося несколько месяцев процесса;

5) объявления перерыва в случае выявления судом неполадок, связанных со средствами аудиозаписи [9, ст. 19];

6) решения вопроса, возникающего при обнаружении неисправности аудиозаписывающего устройства после судебного заседания или осуществления некачественной аудиозаписи [1, ст. 155].

Несмотря на отдельные трудности, преобладающим является понимание того, что внедрение аудиопротоколирования как составного элемента механизма обеспечения разумных сроков судопроизводства представляется достаточно перспективным в силу следующих ранее не обозначенных организационных обстоятельств:

1) сокращение времени проведения судебного заседания за счет:

– отсутствия необходимости останавливать процесс из-за того, что секретарь не успевает вести протокол;

– дисциплинирования участников процесса, чьи выступления в полном объеме будут сохранены в материалах дела;

2) сокращения числа внесенных замечаний на протокол в результате более точного фиксирования хода процесса;

3) возможности исчерпывающего анализа материалов дела при принятии решения вышестоящей инстанцией;

4) предоставления возможности самосовершенствования через прослушивание речи во время процесса с целью более ясного выражения мысли в дальнейшем [14];

5) предоставления возможности детально разобрать ситуацию и принять верное решение по поведению судей в случае поступления соответствующей жалобы.

Все вышеперечисленное позволяет полагать, что полноценная интеграция технологии аудиопротоколирования в систему судов общей юрисдикции – это, несомненно, важный и обоснованный этап в развитии и совершенствовании правосудия в Российской Федерации в целом и в области соблюдения разумных сроков в частности.

На сегодняшний момент на законодательном уровне вырабатываются положения, нормы и изменения в действующее гражданское процессуальное законодательство о введении обязательного аудиопротоколирования, которое полностью заменит бумажный аналог [6].

Возникновение организационных и технических проблем представляется преодолимым, и уже сегодня можно с уверенностью отметить, что внедрение аудиопротоколирования в систему судов общей юрисдикции положительно повлияет на соблюдение разумных сроков судопроизводства.

Библиографический список

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Российская газета. – 27.07.2002. – № 137.

2. Аналитическая справка об использовании в судах Российской Федерации систем аудиофиксации хода судебного заседания (на примере судов общей юрисдикции города Москва) Института мониторинга правоприменения Общественной палаты Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://opr.ru/files/2014dok...audioprotokoli18022014.doc> (дата обращения: 16.10.2014).

3. В судах введут аудиопротоколирование заседаний. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://omskzdes.ru/society/5454.html> (дата обращения: 16.10.2014).

4. Выступление генерального директора Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации Гусева А. на семинаре-совещании глав региональных советов судей. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.clj.ru/news/8546/> (дата обращения: 15.10.2014).

5. Доклад судьи Великолукского городского суда Архиповой И.А. на семинаре-совещании

секретарей судебного заседания районных (городских) судов, мировых судей Псковской области. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://velikolukskygor.psk.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=3&did=3 (дата обращения: 16.10.2014).

6. Новгородский областной суд. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://oblsud.nvg.sudrf.ru/> (дата обращения: 15.11.2014).

7. Официальный сайт Государственной Думы Российской Федерации Законопроект № 507477-6 «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части ведения протоколирования с использованием средств аудиозаписи)». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?> (дата обращения: 15.10.2014).

8. Официальный сайт Куйбышевского районного суда города Самары. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kuibyshevsky.sam.sudrf.ru/modules.php?name=info_court&id=30 (дата обращения: 16.10.2014).

9. Постановление Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17.02.2011 г. № 12 «О некоторых вопросах применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в редакции Федерального закона от 27.07.2010 № 228-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» //

Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2011. – № 4. – С. 123–137.

10. Постановление Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012 года № 1406 «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 07.01.2013. – № 1. – Ст. 13. – С. 12–68.

11. Разъяснения Управления автоматизации и связи Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации по вопросам особенностей и нюансов аудиопроколирования. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.ru/news/view/45191/> (дата обращения: 24.10.2014).

12. *Кудрявцева Е.В.* Аудиозапись судебного заседания // Российская юстиция. – 2002. – № 1. – С. 57.

13. *Макарцев А.В., Колесникова М.М.* Применение аудиопроколирования в ходе судебного заседания. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.4aas.arbitr.ru/sites/4aas.arbitr.ru/files/doc/> (дата обращения: 24.10.2014).

14. *Мячин А.Н.* Цифровая аудиозапись в судебном процессе. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.klerk.ru/law/articles/302279/> (дата обращения: 27.10.2014).

15. *Решетникова И.В.* Протокол судебного заседания через призму доступности судебной защиты. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.orc.ru/~legist/conf/_Reshetnikova.htm (дата обращения: 15.10.2014).

ПОЙДЕТ ЛИ СУДЕБНАЯ РЕФОРМА ДАЛЬШЕ

С учетом ожидаемых изменений, концептуально заложенных в положения федеральной целевой программы Развитие судебной системы РФ на 2013–2020 годы [6], где не предвиделось структурных реформ судоустройства, внесенные в Конституцию Российской Федерации изменения [2], явились неожиданными для юридической общественности, ученых и практиков, а также самой судебной системы. В статье предлагается к обсуждению точка зрения о причинах столь серьезных изменений в судебной ветви власти, а также вопрос о том, является ли названный ФЗ завершающим и окончательным в стадии судебной реформы высших судов страны либо одним из этапов изменений в вопросе судоустройства.

Ключевые слова: судебная система, Верховный суд РФ, Высший Арбитражный суд РФ, правоприменительная практика, суды общей юрисдикции, арбитражные суды.

Актуальность затронутой темы объясняется тем, что в посвященной данному вопросу научно-практической литературе, а также публичных высказываниях представителей судебной системы имеются различные, в том числе, противоположные точки зрения относительно необходимости и позитивности уже свершившихся изменений в судебной системе. В статье анализируются вероятные причины, приведшие к изменению главы Конституции РФ, посвященной судебной власти, и законодательства, касающегося судебной системы государства. Вместе с тем, представляется, что произошедшие изменения в судоустройстве в целом и в системе арбитражных судов в частности, фактически являются оформленной в законодательстве судебной реформой.

До внесения изменений в Конституцию РФ названным Законом [2], которым из нее была исключена статья 127, судебная система состояла из вертикали судов общей юрисдикции, замыкающейся на Верховном суде РФ, и арбитражных судов во главе с Высшим Арбитражным судом РФ. Конституционный суд РФ, являющийся единым для всей страны федеральным судом конституционной юстиции и надзора, в одном лице решал отнесенные к его подсудности вопросы. Таким образом, принимая во внимание компетенцию Конституционного суда РФ, его деятельность, прежде всего, в сфере официального толкования Конституции и по вопросам проверки на конституционность законодательных актов, не «конкурировала» с деятельностью иных судебных инстанций, которые в своей правоприменительной деятельности были обязаны учитывать его позиции. Напротив, деятельность арбитражных судов и судов общей юрисдикции по применению права гражданского (материального) вызвала в практической плоскости, где анализировались судебные решения, дискуссию о различных подходах в применении источников гражданского права. Так, деятельность арбитражных судов и судов общей юрисдикции, подчас разрешающих одни и те же вопросы (споры), отличалась лишь субъектным составом. Не цитируя процессуальное законодательство о том, какой

спор, исходя из субъектного состава и своего характера, будет рассматриваться данными судами, на практике аналогичный по своей сути юридический конфликт, исходя из субъектного состава, разрешается и в настоящее время, как в суде общей юрисдикции, так и в арбитражном суде. Аналогичные заключения можно сделать и применительно к рассматриваемым судам в соответствии с КоАП РФ по делам об административных правонарушениях, часть из которых в соответствии с КоАП РФ отнесена к подведомственности арбитражных судов (исключительная родовая подведомственность). Однако эта же категория так называемых «исключительных дел», в случае совершения указанных правонарушений должностными лицами, будет отнесена к подведомственности судей общей, а не арбитражной юрисдикции.

Вместе с тем, в законодательстве отсутствует понятие правоприменительная практика, равно как и понятие правовой прецедент. Данные юридические термины следует рассматривать сквозь назначение общеправового принципа равенства всех перед законом и судом. Подобное ясно предполагает необходимость обеспечения равной защиты любым субъектам права. Никто из юридического сообщества не будет спорить, что соблюдая Конституцию РФ, а также положения законодательства, ни один из судей не может себе позволить игнорировать либо не учитывать сложившуюся судебную практику вышестоящих судов. Еще в конце XIX в. профессор Г.Ф. Шершеневич писал: «Судебная практика рабски ловит каждое замечание кассационного департамента, старается согласовать свою деятельность со взглядом сената. Эта масса решений, нарастающая с каждым годом все крепче и крепче, опутывает наш суд, который, как лев, запутавшийся в сетях, бессильно подчиняется своей участи, отказывается от борьбы и живет разумом высшей судебной инстанции... Борьба перед судом ведется не силой логики, не знанием соотношения конструкции института и системы права, не искусством тонкого толкования, а исключительно ссылкой на кассационные решения...» [8, с. 241].

Таким образом, считая, что уже в свершившемся вопросе реформирования высших судов государства (упразднении Высшего Арбитражного суда РФ) вопрос экономии бюджетных средств никак не мог являться причиной упразднения высшего суда, подобной причиной могла стать различная складывающаяся и сформировавшаяся практика применения правовых норм различных институтов гражданского законодательства.

С 01.01.2012 года, в связи с внесением изменений в Гражданско-процессуальный кодекс [7], в гражданском процессе, в рамках которого реализовывали свои полномочия суды общей юрисдикции, была введена апелляционная и усовершенствована (изменена) кассационная инстанция. Подобные изменения, в частности, для судов субъектов РФ (судов второго звена) были отчасти вызваны приближением российской модели и системы правосудия к европейской, в которых сведено к минимуму количество проверочных судебных инстанций, а ролью «полной» апелляции являлось исправление ошибок нижестоящих судов путем пересмотра дела по существу в пределах заявленных требований. Внесенными в ГПК РФ изменениями надзорная инстанция, оказавшаяся в лице одного суда, была перенесена на уровень Верховного суда РФ. Аналогичным образом при существовании одной надзорной инстанции в лице Высшего Арбитражного суда РФ и ранее строилась работа арбитражных судов. Роль надзорной инстанции, прежде всего, состояла и состоит не в том, чтобы исправить ошибки нижестоящих судов, поскольку подобное должны были сделать апелляция и кассационная инстанция, а в том, чтобы в интересах законности направить правоприменительную практику по одному пути. Направление подобной практики могло иметь место, как при пересмотре в порядке надзора (в президиуме) конкретного дела, так и путем издания высшими судами обязательных для применения нижестоящими инстанциями в соответствии с компетенцией разъяснений по вопросам судебной практики в виде принятия Пленумами этих судов соответствующих постановлений. Надо сказать, что Пленумы, как Верховного, так и Высшего Арбитражного судов РФ по мере необходимости и потребности в разъяснениях со стороны нижестоящих судов, принимали соответствующие Постановления. Таким образом, две высшие судебные инстанции давали обязательные для нижестоящих судов разъяснения по вопросам, в частности, одного и того же материального гражданского права. Безусловно, в случае если одна и та же правовая ситуация, а таких ситуаций в масштабе страны могло быть значительное количество, но с разностью в составе сторон (с гражданами либо без них) судами общей юрисдикции и арбитражными судами разрешались по-разному, а судебные акты в данных случаях вступали в законную силу,

возникал правовой дуализм. Разные вступившие в законную силу подходы в разрешении споров для государства приносили больше негативных последствий (мнение юридической общественности, правовая нестабильность и неопределенность), нежели положительных моментов (утверждение к независимости суда и индивидуальному подходу к разрешению дела, непринятие правового прецедента). Различная правоприменительная практика приводит к неравной защите прав физических и юридических лиц в спорах, как между собой, так и с органами власти и местного самоуправления. Поэтому упразднение одного из высших судов по законодательной инициативе Президента РФ, внесенного законопроекта, являлось логичным способом устранения различий в правоприменении.

Еще на международном экономическом форуме в Петербурге в 2013 году глава государства высказал идею о том, что надо внимательно изучить, проработать вопрос и представить предложения, связанные с объединением, а по сути дела, с включением Высшего Арбитражного Суда в состав Верховного Суда Российской Федерации. Из пояснений полномочного представителя Президента РФ в Государственной Думе Г.В. Минха следовало, что внесенный президентом законопроект позволит выработать единые подходы в правоприменительной практике.

В пояснительной записке к законопроекту об изменении Конституции Российской Федерации и законопроекту «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации», указывалось, что «реорганизация судебной системы позволит обеспечить единство подходов при отправлении правосудия, как в отношении граждан, так и в отношении юридических лиц, исключить возможность отказа в судебной защите в случае спора о подведомственности дела, установить общие правила организации судопроизводства, добиться единообразия в судебной практике».

Отходя от сухого цитирования данных слов из пояснительной записки, в которой, с учетом законодательной техники не требовалось приводить конкретные примеры, подобные примеры нашлись. Например, по спорам о взыскании пени. Суды общей юрисдикции занимали позицию по применению статьи 333 ГК РФ к спорам публично-правового характера, исходя из того, что действующее законодательство не должно быть направлено на разорение налогоплательщика [1]. Арбитражные же суды поступали иначе.

Представляется, что при разработке и внесении законопроекта в парламент во главу был поставлен принцип «не навреди», поскольку начиная с 90-х годов прошлого века, когда произошло становление системы арбитражных судов, данными судами были достигнуты серьезные успехи, в частности, в информированности общества о работе судов,

доступности, о чем свидетельствует электронный документооборот, информационные системы и коммуникации «Мой арбитр», а также электронный архив решений арбитражных судов. При этом, безусловно, необходимо понимать, что работа арбитражных судов по своей сути строится с наиболее «подготовленной» во всех смыслах категорией субъектов права (имеющих достаточную и серьезную юридическую поддержку юридических лиц, граждан-предпринимателей и органов власти).

Однако хотелось бы подискутировать относительно того, могла ли проблема существования единой «узаконенной» практики правоприменения существовать без внесения изменения в судебную систему, как это было сделано. В качестве одного из вариантов создания единой для всей страны и субъектов права судебной и правоприменительной практики могла стать уже существующая модель принятия совместных решений двух высших судов (Верховного и Высшего Арбитражного судов), когда единство практики могло быть обеспечено созывом и принятием совместного постановления Пленума. Такие совместные постановления Пленумов принимались. Например, Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 1 июля 1996 года № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [5]. Однако с учетом принципа независимости двух высших судов представлялось бы проблематичным закрепить нормативное регулирование данного вопроса, в частности, об обязательности созыва таких Пленумов. Кроме того, существовавшая возможность созывов таких совместных Пленумов, а также объем рассмотренных им вопросов и изданных Постановлений за достаточное время параллельной самостоятельной работы двух высших судебных инстанций не исключил разные подходы в правоприменении.

Еще в 2005 году непосредственно после своего назначения Председатель Высшего Арбитражного суда РФ А.А. Иванов в ходе интервью, отвечая на вопрос о том, что можно ли согласиться, что судебная система, поделенная на разные суды, приводит к различной «межсудебной практике», ответил следующее. «Обеспечение гармонизации судебной практики арбитражных судов и судов общей юрисдикции – это вопрос, который нас, конечно, тоже беспокоит. У нас есть несколько спорных вопросов по применению тех или иных норм, которые нам хотелось бы согласовать с судами общей юрисдикции. В этом смысле мне кажется правильным то предложение, которое мы сделали Верховному Суду Российской Федерации – создать постоянно действующую рабочую группу, которая занималась бы вопросами гармонизации нашей судебной практики по гражданским делам и подготовкой совместных по-

становлений Пленумов по этим вопросам. Если нам удастся создать такую рабочую группу и она начнет работать, то есть шансы, что мы сможем возникающие противоречия оперативно устранять» [3].

Однако рабочая группа, как внесудебный орган, не может каким-либо серьезным образом определять принимаемые судами решения, а фактически могла выступить, как совещательный либо консультативный орган тому же Пленуму. При этом следует учитывать, что и ранее при Верховном суде РФ существовал научно-консультативный совет, целью которого являлась выработка научно-обоснованных рекомендаций по вопросам судебной практики. А прислушается Пленум либо Президиум одного из высших судов к мнению рабочей группы – является отдельным вопросом.

Наиболее радикальным решением вопроса являлся вариант упразднения системы арбитражных судов посредством их слияния с системой судов общей юрисдикции, когда бы дела арбитражной подсудности стали рассматривать суды общей юрисдикции. При этом, безусловно, подобная «ломка» арбитражных судов влекла бы необходимость серьезного структурного, законодательного изменения судебной системы общей юрисдикции, неминуемого увеличения численности судей, серьезного решения вопроса о подсудности экономических дел (оставление их на уровне суда субъекта, либо передаче в районные суды). Подобный крайний вариант был явно не жизнеспособен.

Между двумя вышеназванными нереализованными вариантами, первый из которых фактически полностью сохранял систему арбитражных судов во главе с ВАС, а второй – формально упразднял ее, поглощая судами общей юрисдикции, государство в лице законодателя пошло по усредненному пути. Данный вариант (без упразднения системы арбитражных судов и оставления структурно по принципу «все как есть», за исключением ВАС РФ) и был облечен в форму закона. Причиной подобной законодательной инициативы со стороны Президента РФ являлось создание и повсеместное действие на всей территории страны единой правоприменительной практики.

Анализируя вопрос о значимости и весомости структурных изменений в судебной системе, результатом которых стало упразднение одного из трех высших судов страны и «инстанционное переподчинение» системы арбитражных судов Верховному суду РФ, мы можем отметить, что произошедшие изменения все же существенны. Не затрагивая вопрос финансирования процесса упразднения одного суда и создания фактически нового суда, сам факт аккумуляции единого судебного надзора (за исключением конституционного) в Верховном суде РФ, представляется существенным. В случае разных подходов в применении материально-правовых норм системой арбитражных судов и судов общей

юрисдикции будет задействован правовой механизм возбуждения надзорного производства и передачи соответствующего дела в надзорную инстанцию (президиум). В результате имеется большая вероятность того, что если не за короткий, то за продолжительный период, исчисляемый несколькими годами, решений арбитражных и общих судов (не поправленных вышестоящими инстанциями) с разным подходом к применению правовых норм не будет.

Касаясь вопроса о том, являются ли внесенные Законом [2] изменения окончательно оформляющими судебную систему РФ с одним высшим судом по гражданским, уголовным, административным и делам по экономическим спорам, необходимо учесть следующее. Прошло около двух лет с момента произошедших изменений и на горизонте пока не предвидится каких-либо законодательных инициатив, посвященных этому вопросу. Учитывая, что все таки целью принятия Закона, обозначенной в пояснительной записке к нему, являлось формирование единой для всей страны правоприменительной практики, над «выработкой» которой в процессуальных формах и должен работать созданный Верховный суд РФ (посредством судебного надзора, работы Пленума по разъяснению применения правовых норм), прошедшего времени недостаточно, чтобы на всех уровнях был получен исчерпывающий ответ относительно единообразного применения закона судами общей и арбитражной юрисдикции. Для ответа на этот вопрос и вопрос о том, «сработал ли» закон, необходимо больше времени. В случае, если разные правовые подходы будут сохранены, а это, допустим, станет вероятным, когда дела не будут «доходить» до Верховного суда РФ, возможно, будут предприняты иные законодательные инициативы. Ими могут быть принятие общего кодекса судопроизводства по гражданским делам, рассчитанного на применение и арбитражными судами. В данном случае будет предпринята унификация процесса в судах, через который также произойдет попытка получения единого подхода в применении материальных норм в отношениях с участием физических и юридических лиц.

Библиографический список

1. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2000. – № 7. – Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.supcourt.ru> (дата обращения; 22.03.2016)
2. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 05.02.2014 № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 6. – Ст. 548.
3. Интервью с Председателем Высшего Арбитражного Суда РФ Ивановым А.А., 3 июня 2005 года: «Обеспечение единства судебной-арбитражной практики» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/law/interview/ivanov/> (КонсультантПлюс, 1992–2016).
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 1 июля 1996 года № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1996. – № 9; 1997. – № 5.
6. Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы РФ на 2013–2020 годы», утверждена Постановлением Правительства РФ от 27.12.2012 года № 1406 // Собрание законодательства РФ 2013. – № 1. – Ст. 13.
7. Федеральный закон от 09.12.2010 N 353-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс» // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 50. – Ст. 6611.
8. *Шершеневич Г.Ф.* Наука гражданского права в России. – М.: Статут, 2003. – 250 с.

Иванова Ольга Витальевна

Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова
olgaivanova21101993@mail.ru

Сиверская Людмила Анатольевна

кандидат юридических наук, доцент
Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова
LSiverskaya@yandex.ru

ЭВОЛЮЦИЯ НАУЧНЫХ ВЗГЛЯДОВ НА РАЗВИТИЕ ПРИНЦИПА РАЗУМНОГО СРОКА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

В данной статье авторы рассматривают сравнительно новый для уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации правовой институт «разумного срока уголовного судопроизводства». Проведен анализ нормативных источников, изданных в различные исторические периоды российского государства: Судебника 1497 года, Соборного уложения 1649 года, Краткого изображения процессов и судебных тяжб 1715 года, Свода законов уголовных 1832 года, уголовно-процессуальных кодексов 1923 и 1960 годов. Изучены мнения ученых процессуалистов об эволюции данного принципа. На основании исследования авторы делают вывод о том, что нормы первых памятников русского права содержали положения о соблюдении сроков рассмотрения конкретных дел, пресекая тем самым имеющиеся факты волокиты и необоснованного затягивания процесса.

Рассматриваются обстоятельства, побудившие законодателя в 2010 году внести дополнения в действующий УПК РФ о разумном сроке уголовного судопроизводства как принципе, анализируются позиции ученых-процессуалистов в научной дискуссии о месте данного института в уголовном процессе.

Ключевые слова: принцип разумного срока уголовного судопроизводства, уголовный процесс, нарушение прав граждан на судопроизводство в разумный срок, выполнение международных обязательств.

Принцип разумного срока уголовного судопроизводства является новым для уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации. Он был введен в действующий уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее УПК РФ) Федеральным законом Российской Федерации от 30 апреля 2010 г. № 69-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок”».

Принятие данного Федерального закона является следствием выполнения Российской Федерацией обязательств в связи с вступлением в Совет Европы и ратификацией ряда международных нормативных актов о защите прав и основных свобод человека, а согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. В частности, такое правовое понятие – «разумный срок уголовного судопроизводства» – закреплено в п. 3 ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года, где каждому арестованному или задержанному по уголовному обвинению лицу гарантируется право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. В п. 1 ст. 6 Европейской конвенции о защите прав и основных свобод человека и гражданина записано, что «каждый человек имеет право при определении его гражданских прав и обязанностей или при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявляемого ему, на справедливое и публичное

разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона».

Изучение исторического аспекта существования в российском уголовном процессе понятия «разумный срок» позволяет сделать вывод о том, что данный правовой институт не является новым. В частности, в Судебнике 1497 года (Судебник Ивана III), известном памятнике русского феодального права, в ст. 36 содержалось требование о том, что «в случае передачи вора на поруки любое дело должно поступать в суд без волокиты. Запрещалась волокита и при выдаче крестьянам бессудных грамот или при перенесении срока явки в суд, а также получение чего-либо за выдачу бессудных грамот». По мнению русского процессуалиста С.И. Штамма, «именно с этого памятника права началась борьба с волокитой дел» [25, с. 64].

Советский историк М.Н. Тихомиров акцентирует внимание на другом нормативном источнике – Соборном уложении 1649 год. Он полагает, что содержащееся в нем положение: «Судные дела велети судьей вершити безволокитно, чтобы однолично истцом и ответчиком в судных делах волокиты и убытков не было», есть не что иное, как нормативное закрепление разумного срока уголовного судопроизводства» [21, с. 38].

Законодательное разрешение проблемы необоснованного затягивания судебного процесса предпринималось и в нормативных актах, изданных в период правления Петра I. В частности, в Кратком изображении процессов и судебных тяжб 1715 года (п. 5 гл. III) устанавливалось, что тот «кто к свидетельству призван будет, тому не надлежит от того отрицаться. А ежели свидетельство добром принесть не похочет, то может от судьи

к тому принужден и наказан быть, понеже, как выше сего помянуто, чин свидетеля есть чин явный, а от явного чину никто не может отрицаться, под наказанием» [10]. Таким образом, установление ответственности свидетелей за уклонение от явки в суд выступало в качестве процессуальной меры, направленной на пресечение судебной волокиты и сокращение сроков рассмотрения дел. Но самой действенной мерой по искоренению волокиты при рассмотрении судебных дел стало установление предельного срока судопроизводства, о котором в главе 4 Генерального регламента 1720 года было сказано: «Челобитчиковы всякие дела по выправкам вершить по реэстру без всякого молчания как возможно, а далее шти месяцев, как о том именным его величества указом повелено декабры 8 дня 1714 года, огнюдь не продолжать под наказанием. Ежели далее сего положенного срока, кто без законной причины волочить станет, то наказан будет за каждый день по 30 рублей, ежели убытки от того кому не учинилось; а ежели убыток учинился, то оной в двое доправить в первой и другой раз, а в третий, яко преслушатель указа, наказан быть имеет» [4].

На строгое соблюдение сроков судебного разбирательства по уголовным делам было акцентировано внимание и в указе Екатерины II от 10 февраля 1763 г. «О порядке производства уголовных дел по воровству, разбою и пристанодержательству», согласно которому все преступления данной категории дела рассматривались впределенный срок – месяц» [5, с. 885].

С дальнейшим реформированием судебной системы России и совершенствованием уголовно-процессуального законодательства, вопросам сроков судебного рассмотрения дела, гарантиям их соблюдения, процессуальным мерам обеспечения уделялось все больше законодательного пространства. Так, в Своде законов уголовных 1832 года суду строго предписывалось рассматривать дело без «проволочек и стеснения и чтобы в решении сих дел, в особенности же тех, по коим подсудимые содержатся под стражею или в тюрьме, соблюдается была вся возможная скорость и не было допускаемо ни малейшей остановки (ст. 1072)», а свидетели, уклоняющиеся от явки, могли быть «к тому понуждены и подвергнуты за слушание наказанию» (ст. 953). В Указе Александра II 1864 года «Об учреждении судебных установлений и о Судебных уставах» содержалась норма: «Водворить в России суд скорый, правый, милостивый и равный для всех подданных наших» [22].

И.Н. Самылина, анализируя положения данного Указа, обращает внимание на то, что уже в то время «суд скорый» является неким принципом судопроизводства и отмечает: «Строки эти актуальны и сегодня, и лишь особенности стиля выдают их возраст» [16, с. 48–53]. По мнению М.В. Духов-

ского, «вопрос об ускорении процесса составляет действительно предмет особой важности...» [7, с. 165]. Таким образом, анализ нормативных источников дореволюционного периода, позволяет нам сделать вывод о том, что нормы первых памятников русского права содержали положения о соблюдении сроков рассмотрения конкретных дел, пресекая тем самым имеющиеся факты волокиты и необоснованного затягивания процесса.

Проблемы соблюдения сроков рассмотрения уголовного дела нашли законодательное разрешение и в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1923 года. УПК РСФСР содержал гарантию явки обвиняемого в судебное заседание, следовательно должен был «от каждого лица, привлеченного в качестве обвиняемого, брать подписку о явке к следователю и суду. В случае неявки подсудимого без уважительных причин, суд откладывал дело и возлагал на подсудимого издержки по отложению заседания» [23].

УПК РСФСР 1960 года ужесточил требования к соблюдению сроков разрешения уголовных дел, закрепив в ст. 2 одной из задач советского уголовного судопроизводства «быстрое и полное раскрытие преступлений» [24]. По мнению известного процессуалиста М.С. Строговича, который считал данную норму принципом досудебного производства, «значение соблюдения процессуального срока – это единственное необходимое условие, для того, чтобы процессуальное действие имело юридический эффект» [19, с. 291]. Аналогичное мнение имели И.Ф. Демидов» [6, с. 175] и А.М. Ларин. Последний признавал быстроту «принципом всей процессуальной деятельности» [13, с. 15, 25].

Однако, несмотря на это, в УПК РФ 2001 года положения о разумном сроке уголовного судопроизводства как принципе были включены только в 2010 году. Этот шаг был сделан законодателем в силу различных обстоятельств.

Во-первых, в Российской Федерации на протяжении длительного времени чрезвычайно остро стоит вопрос о систематическом нарушении сроков рассмотрения дел в судах, вследствие чего российские граждане все чаще обращаются в Европейский суд по правам человека (далее ЕСПЧ) с жалобами на судебную волокиту, процессуальные нарушения и нарушения права на судопроизводство в разумный срок. Так, Н.М.Козлова отмечает, что за двенадцать лет в Страсбургском суде скопилось около пятидесяти тысяч жалоб от россиян на бесконечные судебные процедуры, которые могут длиться годами. Именно за невероятно долгое и неспешное судопроизводство нашу страну не раз критиковал Европейский суд по правам человека» [11]. В п. 50 постановления ЕСПЧ от 23.09.2004 года «Дело “Еманакова (Yemankova) против Российской Федерации”» (жалоба № 60408/00) Европейский Суд указал, что « в настоящем деле имело место нару-

шение ст. 13 Конвенции, ввиду отсутствия закрепленных законодательством РФ средств правовой защиты, которыми заявительница могла бы воспользоваться для защиты своего права на рассмотрение дела в разумный срок» [15].

Во-вторых, разрешение дела в ЕСЧП сопровождается обязательными компенсационными выплатами гражданам России за ущерб, причиненный нарушениями закона, исчисляемыми в европейской валюте, что в совокупности с большим количеством жалоб финансовым бременем ложится на государственный бюджет.

В-третьих, принятие законодателем данного решения обусловлено необходимостью соблюдения Россией международных обязательств в связи с ратификацией международных нормативных актов о защите основных прав и свобод человека, а также выполнением требования ЕСЧП о создании «эффективного внутреннего средства правовой защиты, превентивного или компенсаторного, обеспечивающего адекватное и достаточное возмещение в связи с длительным неисполнением судебных решений, вынесенных против государства или его органов (п. 117 Постановления ЕСПЧ от 15.01.2009 года «Дело “Бурдов (Burdiv) против Российской Федерации”» (№ 2) (жалоба № 33509/04).

В-четвертых, вышеизложенные обстоятельства в совокупности негативно отражались на авторитете России как правового государства, в том числе в международных отношениях, существенно снижали эффективность российского судопроизводства, тормозили процесс совершенствования правовой системы, препятствовали реализации конституционного права граждан на доступ к правосудию.

В-пятых, в течение длительного времени в научной литературе авторитетными учеными-процессуалистами высказывались мнения о том, что дальнейшее реформирование уголовного судопроизводства в направлении сокращения сроков разрешения дела без ущерба правам и законным интересам граждан, является одной из важнейших проблем современной науки уголовного процесса, разрешение которой связано с необходимостью и целесообразностью внесения положений о разумном сроке в УПК РФ.

За прошедшие пять лет исследованию данного уголовно-процессуального института посвящено достаточное количество научных монографий, статей, публикаций, однако до настоящего времени остается актуальной научная дискуссия относительно его места в уголовном судопроизводстве. Принципиальные позиции ученых-процессуалистов по данному вопросу разделились. Одни ученые считают, что разумный срок уголовного судопроизводства является самостоятельным принципом уголовного процесса.

Так Н.И. Апостолова полагает, что положение ст. 6.1 УПК РФ в силу своей важности и значимости для надлежащей защиты прав, свобод и законных интересов граждан, равно как и для обеспечения интересов правосудия, нельзя не признать одним из основополагающих демократических принципов современного уголовного судопроизводства» [1, с. 64]. В.М. Полухин считает, что законодатель не случайно посчитал разумный срок уголовного судопроизводства принципом уголовного судопроизводства, так как это положение является руководящим началом, основополагающей идеей для всех этапов уголовного процесса» [14, с. 169]. По мнению Л.И. Лавдаренко, требование быстроты (срочности) имеет значение принципа процесса – основополагающего начала, пронизывающего всю уголовно-процессуальную деятельность» [12, с. 18]. Для З.Д. Еникеева очевидно, что быстрота или срочность – не ошибочное, не случайное и не единичное для уголовного судопроизводства положение, а положение, имеющее «принципиальное, отправное, руководящее значение» [8, с. 19]. Признают разумный срок принципом процесса и А.В. Смирнов и К.Б. Калиновский [17].

Другие исследователи имеют противоположную позицию. По мнению В.М. Быкова нормы о процессуальных сроках никак нельзя отнести к принципам уголовного судопроизводства, так как они не определяют порядок и построение всего уголовного судопроизводства в целом, а являются только одним из институтов уголовного судопроизводства. Поэтому помещение законодателем ст. 6.1 о разумном сроке уголовного судопроизводства в гл. 2 УПК, где указываются все принципы уголовного судопроизводства, представляется неуместным [3, с. 23–29]. Данную позицию разделяют П.Я. Сокол [18, с. 10], В.Т. Томин, М.П. Поляков [9, с. 41], М.Т. Аширбекова [2, с. 64–66].

Анализируя мнения ученых процессуалистов, высказанные в обоснование своей позиции, полагаем, что следует поддержать точку зрения о принципиальности положений о разумном сроке. Во-первых, она наиболее аргументированная, во-вторых, отвечает требованиям современных международных стандартов и, в-третьих, соответствует основному предназначению уголовного судопроизводства. Уместным будет и высказывание В.М. Полухина о том, что «разумность сроков уголовного судопроизводства вполне соответствует требованиям принципа уголовного процесса, поскольку распространяется не только на процессуальную, а и на правотворческую, законодательную деятельность по регулированию уголовно-процессуальных отношений [14, с. 169–171].

Библиографический список

1. Апостолова Н.И. Разумный срок уголовного судопроизводства // Российская юстиция. – 2010. – № 9. – С. 63–66.

2. *Аширбекова М.Т.* Соблюдение разумного срока как качественная характеристика производства по уголовному делу // Российская юстиция. – 2010. – № 12. – С. 64–66.
3. *Быков В.М.* Новый закон о разумном сроке уголовного судопроизводства // Законность. – 2010. – № 11. – С. 23–29.
4. Генеральный регламент или устав, по которому государственные коллегии, також и все оных принадлежащих к ним канцелярий и контор служители, не только во внешних и внутренних учреждениях, но и во отправлении своего чина подданнейше поступать имеют // СПС КонсультантПлюс.
5. *Давыдов Н.В., Полянский Н.Н.* Судебная реформа. В 2 т. – М.: Изд-во Объединение, 1915. – Т. 2. – 311 с.
6. *Демидов И.Ф.* Принципы советского уголовного процесса. – М.: Изд-во «Юридическая литература», 1989. – 256 с.
7. *Духовской М.В.* Русский уголовный процесс. – М.: Тип. А.П. Поплавского, 1905. – 472 с.
8. *Еникеев З.Д.* Международно-правовые основы быстроты уголовного судопроизводства и проблемы их реализации в современной России // Международное публичное и частное право. – 2010. – № 4. – С. 16–21.
9. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. – М.: Юрайт, 2011. – 1292 с.
10. Краткое изображение процессов или судебных тяжб. Указ от 30 марта 1716 г. // СПС Консультант Плюс
11. *Козлова Н.М.* «Нескорый суд» // Российская газета. – 2010. – 4 мая.
12. *Лавдаренко Л.И.* Разумный срок как принцип уголовного судопроизводства // Российский следователь. – 2014. – № 2. – С. 16–20.
13. *Ларин А.М.* Расследование по уголовному делу. – М.: Юридическая литература, 1975. – 224 с.
14. *Полухин В.М.* Нормативное закрепление принципа разумного срока уголовного судопроизводства: история вопроса и современность // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 8. – С. 169–171.
15. Постановление ЕСПЧ от 23.09.2004 «Дело “Еманакова (Yemanakova) против Российской Федерации”» (жалоба № 60408/00) // СПС КонсультантПлюс.
16. *Самылина И.Н.* «Разумные сроки» в уголовном процессе. – М.: Юрист, 2009. – С. 48–53.
17. *Смирнов А.В., Калиновский К.Б.* Уголовный процесс: под общ. ред. Смирнова А.А. – М.: КНОРУС. – 2008. – 704 с.
18. *Сокол П.Я.* Процессуальные гарантии быстроты предварительного расследования: автореф. ... канд. юрид. наук. – М., 1990.
19. *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. – М.: Изд. АН ССР 1958. – 703 с.
20. Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Классика российского права // СПС Консультант Плюс.
21. *Тихомиров М.Н.* Соборное уложение 1649 года. – М.: МГУ, 1961. – 63 с.
22. Указ Александра II от 20 ноября 1864 года «Об учреждении судебных установлений и о Судебных уставах» // СПС Консультант Плюс.
23. УПК РСФСР 1923 года // СПС Консультант Плюс.
24. УПК РСФСР 1960 года // СПС Консультант Плюс.
25. *Штамм С.И.* Судебник 1497 года: Учебное пособие. – М.: Юридическая литература, 1955. – 112 с.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ГЕНЕЗИС СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ

Автором статьи проанализированы вопросы, связанные со становлением судебной власти в России. Исследованы нормативные и законодательные акты, на основании которых были определены основные принципы ее формирования. Дана характеристика указанного правового института на основных этапах становления правосудия в России. Обозначены проблемные моменты функционирования института судебной власти в современный период, которые следует учитывать в процессе дальнейшего его совершенствования. Среди них автор выделяет необходимость повышения авторитета судебной власти, способности добиваться признания и добровольного исполнения судебных актов, формирования системы социальных и финансовых гарантий для носителей судебной власти, которая породила бы у них нравственную потребность поступать согласно нормам морали и букве закона, организации взаимодействия судов и органов, содействующих осуществлению правосудия, при котором в полной мере будет работать система сдержек и противовесов и др.

Ключевые слова: судебная реформа, суд, правосудие, судебное право, судебная власть, судопроизводство, судоустройство.

*Там обо мне будут верно судить,
где научное исследование не есть безумие,
где не в жадном захвате – честь, не в обжорстве – роскошь,
не в богатстве – величие, не в диковинке – истина,
не в злобе – благоразумие, не в предательстве – любезность,
не в обмане – осторожность, не в притворстве – умение жить,
не в тирании – справедливость, не в насилии – суд.
Джордано Филиппе Бруно*

Формирование судебной власти как самостоятельного правового института имеет давнюю историю. Особенности его следует рассматривать через призму отечественной и мировой истории, так как этот правовой институт формировался на протяжении длительного времени, отображая путь развития судоустройства и судопроизводства.

Обращаясь к древним временам, мы не найдем там судебную систему в том виде, в котором она действует сегодня в разных странах мира. Тем не менее, судебная власть, а правильное будет сказать – ее прообраз, зародилась еще в древнейшие времена. В юридической литературе приведены свидетельства о наличии данного правового института в древнем Египте и Индии, у древних иудеев. Так, в Индии правосудие вершилось царем как верховным судьей. Древние иудеи право отождествляли с религией, а судей считали заместителями Иеговы. В Греции и Риме уже в те далекие времена развитие юстиции достигло высокого уровня. Поэтому исторически сложилось, что опыт правовых институтов этих государств повлиял на формирование судебной власти во многих странах мира.

Что касается Руси, точная дата организации судебной власти и тем более ее юридического оформления, на сегодняшний день наукой не установлены. Однако имеются неоспоримые доказательства того, что древнейшее русское право начало зарождаться в IX–X вв. (договоры Руси с Византийской империей 911 г., 944 г., 971 г., которые впоследствии

были включены в «Повесть временных лет»). Однако источники древнерусского права еще не содержат четкого определения самого понятия «судебная власть». Поэтому считаем актуальным и своевременным проанализировать основные этапы эволюции данного правового института. На наш взгляд, историческая ретроспектива позволит изучить становление судебной власти в ее генезисе, обосновать глубинную связь времен, обусловленность судебных реформ современности историческим прошлым, дабы не допустить старых ошибок, но учесть опыт наших предшественников при построении эффективной и действенной судебной системы, что и является целью данной статьи.

Следует отметить, что в те далекие времена на Руси конфликты, возникающие в обществе, разрешались авторитетными лицами общины, а в последствии эти функции стали прерогативой князя, который решал дела единолично или совместно с Советом дружины, а если считал необходимым, то мог обратиться и к городскому вечу. «Везде, где суд, – там меч князя на первом плане. И закуп судит князь, и наследство делит княжой чиновник», – пишет Николай Дювернуа, проводя исследование по истории гражданского права в эпоху «Русской Правды» [3, с. 156–203]. Этот древнейший памятник и основной правовой документ древнерусского государства длительное время служил основным руководством при судебных разбирательствах, а со временем он вошел в состав или послужил одним из источников позднейших судебных грамот.

С принятием христианства в 988 г. на русские земли пришло церковное право, которое также нашло свое отражение в правовых документах того времени. Об этом красноречиво говорит стародавний текст «Русской Правды», в котором содержится разъяснение смысла слова «Правда» как суда, расправы, Божьего суда, со ссылкой на Псалтырь: «Въ книгахъ церковныхъ съ Греческаго на Славянскій языкъ переведенныхъ, во многихъ местахъ слово Правда употреблено въ семь смыслѣхъ, яко во Псалтирѣхъ: Боже судъ твой цареви, даждь, и правду твою сыну цареви. Пс. 71 ст. 1. Блажени хранящій судъ, и творящій правду. Пс. 105 ст. 2. И въ древнихъ летописяхъ, грамотахъ и сочиненіяхъ» [15].

Так, в исследуемый период времени наравне с органами княжеского суда судебной властью обладал суд общины и Божий суд, под видом которого проводились испытания жезлом и водой. В церковном суде применялся розыскной, вошедший в средневековую историю как инквизиционный, метод со всеми его атрибутами, в том числе и пыткой [23].

Следует отметить, что в Древней Руси правовые документы регулировали судоустройство и судопроизводство лишь в той мере, в какой этого требовали реалии того времени. Среди позитивных моментов следует подчеркнуть состязательность судебного процесса и активную роль в нем сторон. Суд же, взвешивая собранные доказательства, выносил решение по делу. При этом он не был отделен от органов управления, а судебная власть сосредотачивалась в руках князя как верховного законодателя, правителя и судьи, вершащего правосудие лично или поручая осуществление этой функции наместникам [4].

В период феодальной раздробленности, наступившей на Руси во второй половине XII в. и продолжавшейся более трех столетий, основными письменными правовыми актами, регулирующими осуществление правосудия, были Уставные грамоты князей. Позднее, в силу объективных политико-экономических причин, назрела необходимость централизации русского государства, первым Кодексом которого стал Судебник 1497 года. Данный правовой документ определил систему суда и администрации всего государства, установил надзор со стороны высших государственных органов над местными административно-судебными учреждениями, а также способствовал законодательной борьбе против феодального произвола, подрывавшего устои нового политического строя. Кодекс явился мощным средством для усиления эксплуатации крестьян, а предусмотренная им процедура судебного производства служила интересам господствующего класса. Высшими судебными инстанциями, согласно Судебнику, были Суд Великого князя (для высших феодалов, рассмотрения апелляций), Боярская дума, путные бояре, приказы. В этих судах царил неприкрытый произвол в отношении крестьян [13].

Такое положение эксплуатируемых масс в 1648 году привело к их восстанию. По этой причине не был созван Земский собор, который продолжал свои заседания длительное время и в 1649 г. на нем было принято знаменитое Соборное Уложение [21]. Судебное право в Уложении составило особый комплекс норм, регламентировавших организацию суда и процесса. Впервые вводилась определенная система классификации преступлений, утверждались основные формы судебного процесса, была значительно расширена система наказаний. Главой 10 «О суде» регламентировались отдельные вопросы правового статуса судьи. Согласно пп. 1, 2 Уложения, «Суд государя царя и великого князя Алексея Михайловича всея Руси, судити бояром и околничим и думным людем и дьяком, и всяким приказным людем, и судьям... А спорныя дела, которыхъ в приказахъ зачемъ вершити будетъ не мощно, вноситьи ис приказовъ в докладъ к государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всея Руси, и к его государевымъ бояромъ и околничимъ и думнымъ людемъ. А бояромъ и околничимъ и думнымъ людемъ сидети в полате, и по государеву указу государевы всякия дела делати всемъ вместе» [17].

Нетрудно сделать вывод, что Соборное уложение так же, как и предыдущие нормативно-правовые акты предусматривало полное и безоговорочное подчинение судебных органов администрации.

Однако в период централизации российского государства, несмотря на присущие ему существенные негативные характеристики, происходит постепенный переход от наиболее простых к более совершенным формам судопроизводства. В свою очередь, осуществление правосудия из орудия в руках власти имущих все более превращается в вид постоянной профессиональной государственной деятельности. Последнее закономерно влечет за собой необходимость установления единообразия судопроизводства и создания законодательных основ судебной власти. Тем не менее, на данном этапе говорить о правосудии в привычном для нашего понимания смысле еще слишком рано.

Следующий этап трансформации судебной власти (к. XVII – н. XVIII вв.) на Руси был связан с реформами Петра I. На первом этапе реформ (1717–1719 гг.) основной новацией стала попытка отделения суда от управления. Однако вновь созданные судебные органы не соответствовали усложнившимся задачам управления. Потому на втором этапе реформ (1722–1727 гг.) они были ликвидированы. Впоследствии суд и администрация вновь слились воедино, состязательный принцип судопроизводства был заменен следственным принципом, что обуславливалось обострением классовой борьбы [16, с. 402].

Таким образом, к XIX в. государственно-правовая система России, базировавшаяся на крепостничестве, изжила себя, вступив в состояние кризиса,

в котором находилась и юстиция. Функционирование судебной власти в то время характеризовалось принципами тайного письменного судопроизводства, формальной оценки доказательств, неравенства сторон, излишней множественности инстанций, зависимости суда от администрации. Но, безусловно, отмена крепостного права не могла осуществляться без обращения к судебной-процессуальной системе. Поэтому следующим важным этапом исторического генезиса судебной власти стала Большая судебная реформа 1864 года, воплощенная в Судебных уставах 1864 г. [20].

Рассматриваемая судебная реформа оказалась более успешной, чем все предыдущие. Однако и она, воплотив в целом самые прогрессивные веяния мировой практики организации судебной власти, имела некоторые особенности, которые сумрачным отголоском прошлого пронизывали правовую регламентацию данного правового института в странах постсоветского пространства вплоть до последних лет.

Так, Судебные Уставы 1864 г. закрепляли образование мировых судов, которые с одной стороны были обособлены от судебной системы страны, а с другой – подчинены вышестоящему судебному органу – сенату. Впоследствии институт мировых судей неоднократно упразднялся и воссоздавался, получив надлежащую правовую регламентацию с момента принятия Конституции Российской Федерации 1996 г.

Как результат Большой судебной реформы, развитие получил и надзор за должностными лицами судебного ведомства, который сосредотачивался в лице министра юстиции как генерал-прокурора. Это положение ст. 254 Судебных установлений вплоть до последних лет оставалось камнем преткновения для воплощения на практике принципа независимости судебной власти в странах постсоветского пространства. Например, в Российской Федерации новые походы к прокурорской практике внес Закон от 17 января 1992 г. «О прокуратуре Российской Федерации», согласно которому прокурорский надзор за судом был заменен участием в рассмотрении судами уголовных и гражданских дел. Для примера, в Украине функция надзора за законностью судебных решений, равно как и право прокурора возбуждать дисциплинарное производство в отношении судьи, были упразднены лишь вследствие проведения малой судебной реформы 2001 года.

В целом же указанная судебная реформа привнесла революционные изменения в систему судостроительства и судопроизводства. Основной ее идеей, на наш взгляд, стала идея единства судебной власти и целостности механизмов правосудия. «Судебная реформа, – писал А.Ф. Кони, – призвана была нанести удар худшему из видов произвола, произволу судебному, прикрывающемуся маской формальной справедливости. Она имела своим последствием оживление в обществе умственных

интересов и научных трудов. Со старой судебной практикой науке было нечего делать [6, с. 3]. Результатом этой реформы стало воплощение международных стандартов и принципов осуществления правосудия: гласности, состязательности, равенства сторон в судебном процессе и др. [9], то есть тех самых отправных начал, на которых держится судопроизводство в любом правовом демократическом государстве и по сей день.

Однако победа Октябрьской революции 1917 года ознаменовала начало следующего этапа в развитии российской государственности. Одной из важнейших задач образовавшегося государства стало построение новой судебной системы. Лидер молодого советского государства В.И. Ленин писал: «Нам нужно государство, нам нужно принуждение. Органом пролетарского государства, осуществляющего такое принуждение, должны быть советские суды. И на них ложится громадная задача воспитания населения к трудовой дисциплине».

В соответствии с Декретом о суде № 1 от 22 ноября 1917 г., местные суды и другие органы должны были «руководствоваться в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию».

В рассматриваемый период судебная система состояла из единого народного суда, который рассматривал уголовные и гражданские дела, за исключением производств, подсудных революционным трибуналам [5]. Управление судебными органами в те часы осуществлял Народный комиссариат юстиции (НКЮ). Местные органы НКЮ (отделы юстиции губернских исполкомов, уездные бюро юстиции при уездных исполкомах) ведали организацией судебных и следственных органов, юридических консультаций, наблюдали за их деятельностью. На них возлагались также надзор за законностью действий местных органов управления, судебных органов, органов милиции, заведение местами лишения свободы, организация исправительно-трудовых работ, консультационная и редакционная помощь органам власти и управления при издании ими различных нормативных актов [10, с. 55]. Таким образом, несмотря на неоднократные попытки отделить судебную власть от управления и вывести первую из подчинения второго, на практике мало что изменилось.

Следующий этап реформирования судебной системы состоялся благодаря утверждению в декабре 1958 года Верховным Советом СССР Основ законодательства о судостроительстве, а также уголовного и гражданского законодательства СССР и союзных республик. Их анализ позволяет сделать вывод о том, что советское право отличалось высокой степенью кодификации и юридической техники, а советское правосудие основывалось на принципах социалисти-

ческого демократизма и социалистической законности. В этой связи известный советский процессуалист М.С. Строгович раскрывал понятие «правосудие» как государственную деятельность, выполняемую советским судом и направленную на осуществление функций Советского социалистического государства, на разрешение стоящих перед ним задач [19].

Другие современники-правоведы, в том числе Н.А. Теплова, З.Г. Андропова, В.Г. Ведерников, считали, что социалистическое государство – это организация политической власти трудящихся во главе с рабочим классом, в котором суд осуществляет социалистическое правосудие, являющееся важнейшим видом государственной (правоохранительной) деятельности [18]. А.Я. Вышинский подчеркивал, что это был уже не тот «гласный» суд, какой пользовался таким успехом у буржуазии в эпоху расцвета ее «демократических» увлечений, с его лицемерием и пустословием, а подлинно народный советский суд, творящий правосудие руками самих трудящихся [2, с. 21].

Однако и советское видение эффективной судебной власти было далеко от совершенства. На наш взгляд, советское правосудие характеризовалось следующими особенностями: 1) активное участие народа в отправлении правосудия; 2) выбор кандидатур на занятие должности судьи преимущественно из числа членов партии как основной направляющей силы советского государства; 3) преимущество политических интересов государства над правовыми; 4) построение судебной системы с учетом административно-территориального деления страны; 5) обеспечение единства судебной практики благодаря формированию кассационной и надзорной судебных инстанций.

Тем не менее, некоторые принципы функционирования судебной власти достаточно органично вписались в действующее законодательство стран постсоветского пространства. Например, принцип участия представителей народа в осуществлении правосудия и принцип построения судебной системы с учетом административно-территориального деления страны сохранены и закреплены действующим законодательством России (Конституция Российской Федерации; Федеральный Конституционный Закон «О судебной системе»).

Постсоветский период развития процессуальной доктрины характеризовался продолжением реформирования судебной системы стран СНГ с учетом международных правовых стандартов, а также сбережением и продолжением изучения судебного права. Тем не менее, нельзя не отметить, что в 90-е годы авторитет судебной власти начал стремительно падать. Это, во-первых, было обусловлено низким уровнем исполнения судебных решений, что дискредитировало правосудие, а право превращало в фикцию; во-вторых, неспособностью государства обеспечить независимость и не-

прикосновенность судей, что нередко приводило не только к их запугиванию, но и к физическому воздействию на представителей данной профессии, вплоть до смертельного исхода; в-третьих, преимуществом экономических и политических интересов государства над правовыми; в-четвертых, отсутствием действенной процедуры реализации права каждого человека и гражданина на квалифицированную юридическую помощь [8, с. 26].

Именно в этот период осознание необходимости продолжения судебных реформ стало ощущаться в государствах постсоветского пространства особо остро. Таким образом, в последнее десятилетие XX века отчетливо проявилась потребность обеспечить в государстве верховенство закона не декларативно, а эффективно, а также признать ценность прав и свобод человека и гражданина, действительно обеспечить их защиту. И эта потребность, безусловно, могла быть реализована только через суд как независимый орган в системе сдержек и противовесов государственной власти согласно теории Монтеスキе.

Так, в октябре 1991 года Президент Российской Федерации Борис Ельцин представил в парламент Концепцию судебной реформы РСФСР [7], в которой прямо отмечалось, что «безжалостное и чуждое интересам людей правосудие получили мы в наследство от тоталитарного режима. <...> Суд не пользовался властью, а власть пользовалась судом. <...> Суды <...> составляли важный элемент командно-административной системы руководства страной, были проводниками ее воли. <...>. Они выступали преимущественно как репрессивный орган, подчас освящая ритуалом судебного предрешенную расправу». Также признавалась несостоятельность прокуратуры, органов дознания и следствия в осуществлении функций по охране законности и правопорядка. Несмотря на то, что правоохранительные органы стояли на переднем крае борьбы с преступностью, чаша весов Фемиды также склонялась в сторону обвинения [1], что опять же вызывало недоверие к дореформенной постсоветской судебной системе.

Можно предположить, что именно в силу указанных обстоятельств 1991 года судебное реформирование вновь стало активно набирать обороты. Среди наиболее важных его этапов следует выделить: 1) принятие Закона РСФСР «О Конституционном Суде РСФСР» 1991 г., который заложил основы судебного контроля за законодательной властью; 2) принятие Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» 1993 г., который превратил судей из чиновников-исполнителей в самостоятельных и независимых носителей судебной власти, одновременно создав и базу для формирования органов судейского самоуправления; 3) принятие в 1993 г. Закона РФ «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и сво-

боды граждан», создав основу для формирования административной юстиции в России; 4) принятие в 1993 г. Конституции Российской Федерации, которая на высшем законодательном уровне закрепила независимость судебной власти и определила правовые основы ее организации; 5) принятие в 1996 г. Федерального Конституционного Закона РФ «О судебной системе Российской Федерации», давшего толчок для активного развития законодательства о судоустройстве РФ; 6) принятие в начале 2000-х годов УПК РФ, ГПК РФ, АПК РФ, Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и других нормативных правовых актов в целях усовершенствования судопроизводства; 7) принятие Федерального Закона РФ «О мировых судьях» и Федерального Конституционного Закона РФ «О судах общей юрисдикции Российской Федерации», которые по-новому регулировали судоустройство; 8) новый этап реформирования гражданского и уголовного судопроизводства в 2012–2013 гг. согласно Федеральному Закону «О судах общей юрисдикции Российской Федерации», которое расширило полномочия апелляционной и существенно изменило полномочия кассационной инстанции.

Итак, спустя несколько веков реформирования, судебная власть в России – это самостоятельная и независимая ветвь государственной власти, созданная в целях 1) разрешения на основе закона социальных конфликтов между государством и физическими и юридическими лицами; 2) контроля за конституционностью законов; 3) защиты прав граждан в их взаимоотношениях с органами исполнительной власти и должностными лицами; 4) контроля за соблюдением прав граждан при расследовании преступлений и проведении оперативно-розыскной деятельности (ОРД); 5) установления наиболее значимых юридических фактов [11, с. 15]. Она обладает рядом признаков (является особым видом государственной власти; принадлежит только судам; имеет исключительные полномочия; характеризуется свойством триединства независимости, самостоятельности и обособленности; судебные органы осуществляют деятельность в особом процессуальном порядке) и полномочий [12].

Таким образом, законодатель в Российской Федерации уже провел грандиозную работу по совершенствованию судебной власти согласно международным стандартам. Но и сегодня, в условиях реформирования гражданского общества и правовой системы, по-прежнему особое внимание исследователи уделяют повышению эффективности правосудия, оплотом которого является судебная власть. «От уровня и качества работы судов сегодня прямо зависит и социально-политическая обстановка внутри страны, и, без всякого преувеличения, отношение к России в мире», – подчеркнул Президент Российской Федерации В.В. Путин на

торжественном заседании, посвященном 80-летию Верховного Суда Российской Федерации [14].

Мы видим, что с момента своего зарождения и до настоящего времени судебная власть претерпела значительные изменения. Так, из слепого орудия власти в руках князя, как верховного законодателя и судьи, а впоследствии Царя, она постепенно превратилась в оплот социалистической законности и, наконец, пройдя все вехи на пути создания правового демократического государства, воплотила в себе основополагающие черты самостоятельной и независимой государственной власти в сфере осуществления правосудия.

Таким образом, много веков подряд наше общество является свидетелем «долгостроя» под названием «судебная власть». Меняются главы государств, правящие партии, законы, а результаты перемен все еще оставляют желать лучшего. Потому что на практике до сих пор остаются проблемы, связанные с доступностью правосудия, обеспечением квалифицированной защиты прав и свобод физических и юридических лиц (в первую очередь, предоставляемой на безвозмездных началах), проявлением отголосков командно-административной системы управления государственными структурами и т.д. А потому, проанализировав основные этапы и проблемы становления судебной власти в Российской Федерации с момента ее зарождения, считаем возможным выделить целый ряд основополагающих принципов, которые следует учитывать в процессе дальнейшего совершенствования данного правового института: 1) судебная власть представляет собой разновидность государственной власти, наделенной особыми функциями и полномочиями в процессе осуществления правосудия как ведущей формы ее реализации; 2) имея высокую степень самостоятельности и независимости, закрепленных на законодательном уровне, судебная власть, тем не менее, активно взаимодействует с другими правоохранительными (государственными и негосударственными) органами, что крайне важно для реализации основных задач системы сдержек и противовесов; 3) судебная власть должна пользоваться авторитетом и доверием у народа, ибо именно благодаря его воле она становится легитимной; 4) без действенного механизма исполнения судебных актов судебная власть утрачивает смысл своего существования, в то время как способность добиваться признания своих решений и добровольного их исполнения, является индикатором ее эффективности; 5) доступ к правосудию должен быть легким, без громоздких бюрократических процедур; 6) государство должно обеспечить реализацию конституционного права каждого человека и гражданина на квалифицированную юридическую помощь (особое внимание следует уделить качеству предоставления бесплатной помощи адвокатом, назначенным уполномоченным лицом в процессе

уголовного судопроизводства); 7) процедура осуществления правосудия должна быть максимально открытой и простой; 8) правовые интересы граждан и государства всегда должны превалировать над политическими; 9) система социальных и финансовых гарантий для носителей судебной власти должна находиться на столь высоком уровне, чтобы в полной мере могло проявиться нравственное сознание судьи, составными частями которого являются не только знание того как должно поступать, не только нравственные убеждения, отображающие уверенность в справедливости требований закона и профессиональной этики, но и нравственная потребность поступать согласно нормам морали и букве закона, так как, на наш взгляд, ничто не может быть лучшим «противоядием» коррупционной болезни в рядах государственных чиновников, чем совесть, помноженная на осознание возможных лишений и потерь; 10) судебная система функционирует не обособленно, а в тесной взаимосвязи с другими органами, содействующими осуществлению правосудия. От правильной организации взаимодействия судебных и правоохранительных органов в процессе осуществления правосудия зависят результаты их деятельности.

Тем не менее, хотим подчеркнуть, что каждый из выдвинутых тезисов является лишь авторским видением пути построения эффективной судебной власти в современных условиях построения независимого правового демократического государства. А потому указанные предложения требуют проведения глубокого самостоятельного исследования.

Библиографический список

1. *Барцеский М., Марицакова Т.* Сверим правописание. Как избавиться от обвинительного уклона в судах // Российская Газета RG.RU 24.09.2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.rg.ru/2013/09/24snd.html (дата обращения: 02.02.2016)
2. *Вышинский А.Я.* Теория судебных доказательств в советском праве. – М.: Юрид. лит., 1950. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://scilib.narod.ru/Other/Vyshinsky/v.htm> (дата обращения: 02.02.2016)
3. *Дювернуа Н.* Источники права и судъ въ Древней Россіи. Опыты по исторіи Русскаго гражданскаго права. – М.: Въ Университетской Типографіи (Катковъ и Ко), на Страстномъ бульварѣ, 1869. – 416 с.
4. История государства и права России: учебник для вузов / под ред. С.А. Чибириева. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/IstPrav/05.php (дата обращения: 02.02.2016)
5. *Кожевников М.В.* История советского суда 1917–1956 гг. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1957. – 384 с.
6. *Кони А.Ф.* Отцы и дети судебной реформы (Къ пятидесятилѣтію Судебныхъ Уставовъ) 1864–1914. – М.: Типографія Т-ва И.Д. Сытина Пятницкая улица, свой домъ, 1914. – 354 с.
7. Концепция судебной реформы в РСФСР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.levonevsky.org/bazaru09/postanovi/sbor43/text43720/index.htm/> (дата обращения: 02.02.2016)
8. *Короткевич В.И.* История современной России 1991–2003: учеб. пособие. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004. – 296 с.
9. *Коротких М.Г.* Самодержавие и судебная реформа 1864 года в России. – Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1989. – 185 с.
10. *Лезов И.Л.* Советский суд в 1917–1940 гг.: дис. ... канд. юр. наук. – М., 1998. – 161 с.
11. *Петрухин И.Л.* Проблема судебной власти в современной России // Государство и право. – 2000. – № 7. – С. 15–21.
12. *Поляков М. П.* Правоохранительные органы Российской Федерации: краткий курс лекций. – М.: Юрайт-Издат, 2005. – 187 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://be5.biz/pravo/pfav/toc.htm> (дата обращения: 02.02.2016)
13. *Попова А.В.* История государства и права России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bibliotekar.ru/istoriya-gosudarstva-i-prava> (дата обращения: 02.02.2016)
14. *Путин В.* От позиции Верховного Суда России зависит качество и содержание судебной реформы. Из выступления Президента Российской Федерации В.В. Путина на торжественном заседании, посвященном 80-летию Верховного Суда Российской Федерации 24 января 2003 г. // Российская юстиция. – 2003. – № 3. – С. 1.
15. Русская Правда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://litopys.org.ua/statut2/st1566_05.htm http://loveki.ru/museum/docs/russkaya_pravda_yaroslava (дата обращения: 02.02.2016);
16. *Серов Д.О.* Судебная реформа Петра I: Историко-правовое исследование: монография. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2009. – 488 с.
17. Соборный устав 1649 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/10.htm> (дата обращения: 14.10.2015)
18. Советское право: учебник / под ред. Н.А. Тепловой. – М.: Высш. шк., 1987. – 463 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bse.uaio.ru/SOVPRA2/01.htm> (дата обращения: 02.02.2016)
19. *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. – М.: Наука, 1968. – Т. 1. – 1968. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kalinovskiy-k.narod.ru/b/strogovich/Strogovich_1.pdf (дата обращения: 02.02.2016)
20. Судебные уставы императора Александра Второго, изданные по велению императора Александра Александровича. – СПб.: Государственная типографія, 1883.
21. *Тихомиров М.Н., Епифанов П.П.* Соборное уложение 1649 года. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961.

Жданов Сергей Павлович

кандидат юридических наук, доцент
Военный институт (общевойсковой) Военного учебного центра Сухопутных войск
«Общевойсковая академия Вооруженных Сил Российской Федерации», г. Москва
zhdanov120009@yandex.ru

Кузнецова Наталья Викторовна

кандидат философских наук, доцент
Российский государственный социальный университет
natalya4930@mail.ru

К ВОПРОСУ О ЛОББИЗМЕ И ЛОББИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье анализируются российские и зарубежные институты и технологии политического лоббизма; исследуются правовые и политические практики лоббистской деятельности в России; анализируются особенности зарубежного лоббизма. Рассматриваются субъекты лоббистской деятельности в России и за рубежом; раскрывается механизм политического лоббирования через призму деятельности групп интересов. Обосновывается необходимость правового регулирования и контроля со стороны государства лоббистской деятельности в России, поскольку нелегальное лоббирование действует в обход законов и с моральной точки зрения является коррупцией; приводится Индекс восприятия коррупции по регионам, размеры которой оказываются наиболее внушительными на Африканском континенте и в странах постсоветского пространства.

Ключевые слова: группы лоббистов, коррупция, лоббизм, лоббистская деятельность, модели лоббизма, политическое лоббирование, правовое лоббирование.

Одним из ключевых явлений, без которого невозможно представить современное демократическое общество, является лоббизм. Это явление имеет множество определений. В зависимости от контекста и отношения к термину, можно говорить о лоббизме, как о праве общества и его структур (в том числе бизнеса, профессиональных союзов, ассоциаций и пр.) воздействовать на власть, которая ими же и избрана [13, с. 3].

Впервые механизм политического лоббирования через призму деятельности групп интересов исследовал американский филолог А. Бентли в работе «Процесс управления» (1908 г.). Согласно его теории в любом обществе существуют группы, воздействующие на политическую сферу общества в целях реализации своих профессиональных, экономических, региональных, этнических, международных и других интересов. Наиболее влиятельными социальными субъектами политики являются заинтересованные группы, объединенные на основе общих интересов, стремящихся воздействовать на властные структуры с целью принятия наиболее выгодных для себя решений.

Лоббизм впервые зафиксирован в США в 1829 году. В начале 30-х гг. XX века это условное выражение входит в политический лексикон политиков и, приобретая широкую известность в Вашингтоне, становится общепринятым термином. Позднее лоббизм становится узаконенной практикой в других странах, является неотъемлемым элементом механизма принятия решений на высшем государственном уровне.

Различные отечественные и зарубежные авторы так характеризуют лоббизм [7, с. 25]:

1. Лоббизм – это система неформального представительства интересов в политических отношениях.

2. Лоббизм (от англ. кулуары, коридоры) – система связей и отношений в среде политиков, государственных чиновников, экспертов, позволяющая подготавливать и принимать государственно-политические и административные решения, отвечающие интересам определенных промышленных, финансовых и иных групп.

3. Лоббизм – это специфическая система функционального представительства групповых интересов в органах государственной власти, дополняющая и в разнообразных направлениях перекрывающая систему географического представительства интересов, осуществляемого депутатами парламента.

Американская служба информации «Конгрессил куотерли» отметила три значения термина «лоббизм» [14, с. 323]. В самом широком смысле под лоббизмом понимают «группу давления». Также лоббизм может иметь место в результате предпринимаемых попыток давления любого лица на законодательный процесс в интересах другого лица или группы лиц. Кроме того, лобби является тот, кто зарегистрировался в этом качестве согласно закону, если таковой имеется.

Большинство исследователей лоббизма считают наиболее важными для его анализа и оценки такие элементы, как субъекты, объекты, формы и методы деятельности.

По типологии субъектов лоббизма наиболее удачной представляется классификация по виду интересов, предложенная В.А. Тюриным [5, с. 262–263]. Авторы выделяют следующие группы лоббистов [5, с. 262–265]:

1. «Политизированные» группы – группировки бизнеса и его политических представителей, которые добиваются политического влияния через участие в выборах и прямо участвуют в политике.

2. Социальные лоббисты, отстаивающие интересы социальных групп.

3. Экономические лоббисты. К этим группам относятся корпорации и отраслевые комплексы (ВПК, АПК и др.), финансово-промышленные группы (ФПГ) России.

4. Бюджетная группа. К ней можно отнести большие группы населения, зависящие от государственного бюджета (бюрократия, армия и др.).

5. «Гражданская» группа лоббистов – экологические, женские, молодежные организации, предпринимательские объединения и другие, лоббистская деятельность которых напрямую связана с гражданскими инициативами.

6. Группа иностранных лоббистов.

Реальный лоббизм осуществляют субъекты лоббистской деятельности: лоббистские союзы, ассоциации, фирмы, отдельные люди, отделы корпораций и ФПГ по связям с органами законодательной и исполнительной власти и государственные структуры. Финансово-промышленные группы являются полноправным субъектом лоббирования, поскольку цели лоббистской деятельности в основном экономические. Лоббизм заключается в постоянной борьбе за ресурсы и средства влияния на конкурентов.

Из 350 наиболее влиятельных лоббистских структур в США 70 процентов составляет бизнес, причем более половины из этого числа – именные корпорации и фирмы. В России самыми влиятельными субъектами лоббирования также являются промышленные группы, связанные с нефтегазовым комплексом и ТЭК, московские и региональные финансово-промышленные группы. Заметим, что и у американских и российских групп давления, состоящих в ряде случаев из крупных бизнес структур, цели во многом схожи:

1) государственный заказ и следующие из этого льготы и преимущества;

2) право на занятие конкретной деятельностью, налоги, квоты, лицензии;

3) (не) принятие (не) выгодного законопроекта;

4) признание отрасли приоритетной и следующее из этого льготное налогообложение, отсутствие штрафных санкций за экологические правонарушения. К методам лоббистской деятельности относятся: взнос денег на избирательные компании; воздействие на законодателя через влиятельного избирателя (личного друга); денежное вознаграждение; организация отдыха или досуга; организация пропагандистских мероприятий и т.д. [14, с. 324].

Мировая практика выработала несколько направлений правового регулирования лоббистской деятельности. В развитых странах сложились две модели лоббизма – англосаксонская (США и Канада) с обязательной государственной регистрацией лоббистских организаций и определением допустимых границ деятельности групп давления и континентальная (Германия, Италия). В соот-

ветствии с последней заинтересованные группы и организации могут воздействовать на законодательный орган, официально участвуя в работе специально созданных совещательных советов. В большинстве случаев лоббистская деятельность осуществляется за определенное вознаграждение. Легальное лоббирование не нарушает законов, нелегальное действует в обход законов (взятка, подкуп чиновников).

Во Франции лоббистская деятельность незаконна, в США, Германии, Канаде лоббистская деятельность разрешена и активно применяется. Законодательство США к субъектам лоббизма причисляет юридических и физических лиц, в российском законопроекте о лоббизме лоббистом следует считать лишь физическое лицо. Особенностью зарубежного лоббизма является то, что лоббистские структуры в США и в Германии находятся под постоянным контролем со стороны конкурентов, государства и общественного мнения. В США во всех штатах введены законы, регулирующие лоббистскую деятельность, аналогичные федеральному законодательству.

Свое обоснование лоббистская деятельность находит в статье 33 Конституции РФ, в соответствии с которой граждане России имеют право обращаться лично, направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления. Физические лица вправе вступать в контакт с властными структурами. Таким образом, лоббизм в России имеет конституционные гарантии на основании п. 1 ст. 30, ст. 32 и ст. 33 Конституции РФ. Лоббирование экономических и прочих интересов осуществляется в нашей стране традиционно: через структуры исполнительной власти, а политических и финансовых структур – через органы представительной власти России.

Некоторые примеры лоббистской деятельности с моральной точки зрения являются коррупцией [1; 2; 6; 8; 9; 10; 11]. Юридически дело обстоит так: если финансово-промышленная группа или фирма предлагает депутату или сенатору за продвижение нужного ей законопроекта деньги или услуги – это взятка; если фирма предлагает деньги в избирательный фонд, а затем направляет депутату письма с изложением своих предложений и просьб – это, по российским понятиям, лоббизм. Установить факт устной договоренности на частной встрече главы фирмы и депутата практически не представляется возможным. Фактически – это подкуп, а юридически – политическое влияние.

Анализ практики принятия российских законов, направленных на противодействие коррупции, теневой экономики и деятельности организованной преступности, проведенный Н.М. Головановым, В.Е. Перекисловым и В.А. Фадеевым в работе «Теневая экономика и легализация преступных дохо-

дов» в частности показал, что части финансовой правящей элиты, деловых кругов и олигархов не нужны законы о регулировании лоббизма, а также антикоррупционные законы, ограничивающие их деятельность в сфере экономики, в том числе правовые нормы, угрожающие благосостоянию их семей [4, с. 174–175]. Коррупционная деятельность занимает определенное место в образовании преступных доходов, а криминальный сектор теневой экономики напрямую связан с коррупцией.

Российская практика лоббирования нуждается в правовом регулировании и жестком контроле со стороны государства. Российская практика выявления и противодействия легализации преступных доходов включает в себя:

– во-первых, механизм межведомственного взаимодействия государственных органов при общей координации Комитета РФ по финансовому мониторингу;

– во-вторых, правовую базу, в частности Федеральный закон от 07.08.2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»;

– в-третьих, механизмы международного сотрудничества.

Более того, в отечественной юридической литературе, несмотря на ее достаточный объем, лоббизм как правовое явление, на наш взгляд, недостаточно исследован и проанализирован, в отличие от развитых зарубежных стран, где накоплен опыт правовой регламентации лоббизма и имеет место значительная судебная практика. С.П. Сиротенко в своем диссертационном исследовании выделяет основные признаки, отражающие правовые аспекты лоббистской деятельности, которые необходимо учитывать при ее упорядочении и регулировании в российской практике:

1. Коллективный и индивидуальный интерес субъектов лоббизма.

2. Случайность и стихийность в процессе принятия тех или иных решений.

3. Посреднический характер лоббизма.

4. Конкретный объект воздействия.

5. Законность форм и методов воздействия на власть [12, с. 10].

С.П. Сиротенко также отмечает, что в настоящее время «теневой, скрытый от общественности, а потому и неконтролируемый лоббизм порождает разного рода злоупотребления и коррупцию в органах власти, приводит к нарушению признаков демократии в государстве».

Как справедливо отмечает профессор И.В. Бочарников, в современном мире коррупция имеет место в любом обществе, любом государстве. Практически нет стран, которые могли бы заявить о ее полном отсутствии. Более того, спецификой современного этапа ее состояния является, по мне-

Таблица 1

**Индекс восприятия коррупции
(избранные страны; 2014, 2013, 2012 гг.)
[3, с. 27–28]**

	Страны	2014	2013	2012
1.	Дания	92	91	90
2.	Новая Зеландия	91	91	90
3.	Финляндия	89	89	90
10.	Канада	81	81	84
11.	Австрия	80	81	84
12.	Германия	79	78	79
12.	Исландия	79	78	82
14.	Великобритания	78	76	82
15.	Бельгия	76	75	75
15.	Япония	76	74	74
17.	США	74	73	73
26.	Франция	69	71	71
100.	Китай	36	40	39
136.	Камерун	27	25	26
136.	Иран	27	25	28
136.	Кыргызстан	27	24	24
136.	Ливан	27	28	30
136.	Нигерия	27	25	27
136.	Россия	27	28	28
142.	Коморские острова	26	28	28
172.	Афганистан	12	8	8
173.	Судан	11	11	13
174	Корея (Северная)	8	8	8
174.	Сомали	8	8	8

нию ученого, ярко выраженный международный характер [3, с. 27].

В свою очередь, Индекс восприятия коррупции по регионам наиболее внушителен на Африканском континенте и странах постсоветского пространства (табл. 1) [3, с. 27–28].

Таким образом, законодательное закрепление основных направлений антикоррупционной работы позволит строить ее системно. Положительную роль в этом должно сыграть становление цивилизованных форм лоббизма с учетом мировой практики.

Библиографический список

1. Беспалько В.Г. Библейские религиозно-нравственные истоки противодействия коррупции в Пятикнижии Моисея // Публичное и частное право. – 2013. – Вып. III. – С. 72–83.

2. *Беспалько В.Г.* Религиозно-нравственные начала борьбы с коррупцией в Моисеевом уголовном праве в их сравнении с российским законодательством // *Взаимодействие органов государственной власти при расследовании преступлений коррупционной направленности: проблемы и пути их решения.* – М.: Акад. Следственного комитета РФ, 2014. – С. 148–152.

3. *Бочарников И.В.* Причины и факторы распространения коррупции в мире и в России // *Социально-политические науки.* – 2015. – № 3. – С. 27–32.

4. *Голованов Н.М., Перекислов В.Е., Фадеев В.А.* Теневая экономика и легализация преступных доходов. – СПб.: Питер, 2003. – 303 с.

5. Государственное управление и политика: учеб. пособие / под ред. Л.В. Сморгунова. – СПб.: изд-во С. Петерб. ун-та, 2002. – 564 с.

6. *Жданов С.П.* Участие специалиста в расследовании взяточничества // *Современная криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы / ред.-сост. М.А. Лушечкина.* – М.: МАКС Пресс, 2015. – С. 211–215.

7. *Зяблюк Н.Г.* Практика лоббистской деятельности в США. – М.: ИСКРАН, 1994. – 42 с.

8. *Изолитов А.С.* Конфликт интересов на государственной и муниципальной службе и противодействие коррупции. – М.: ИД Шумиловой И.И. 2013. – 120 с.

9. Коррупция. Закон. Ответственность / Максимов С.В. – М.: ЮрИнфоР, 2000. – 143 с.

10. *Кривец А.П.* Коррупция как объект политологического исследования // *Социально-политические науки.* – 2015. – № 3. – С. 37–38.

11. Противодействие коррупции в таможенных органах Российской Федерации: учеб. пособие / под общ. ред. А.Ю. Шумилова. – М.: ИД Шумиловой И.И., 2012. – 164 с.

12. *Сиротенко С.П.* Нормативно-правовое регулирование лоббизма: российский и зарубежный опыт: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2011. – 24 с.

13. *Толстых П.А.* Практика лоббизма в Государственной Думе ФС РФ: структура, технологии, перспективы легитимизации: автореф. дис. ... канд. полит. наук – М., 2006. – 26 с.

14. *Юридический энциклопедический словарь / М.О. Буянов и др.* – М.: ТК Велби, изд-во Проспект, 2006. – 816 с.

ПРИНЦИП ТАЛИОНА В МОИСЕЕВОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

В статье на основе содержания Пятикнижия исследуются различные проявления древнего принципа талиона в Моисеевом уголовном законодательстве и раскрывается его значение как выразителя своеобразных древневосточных представлений о справедливости наказания за совершенное преступление. Автор показывает, как религиозная доктрина пророка Моисея повлияла на трактовку смысла талиона в ветхозаветном праве и повлекла его качественное перерождение. Кроме того, в статье предпринята попытка раскрыть глубокий правовой и религиозно-нравственный смысл, заложенный пророком Моисеем в его формулу талиона, дошедшую до нас с древнейших времен (XIII в. до н. э.) и получившую общемировую известность. В статье приводятся точки зрения других отечественных и зарубежных специалистов в области экзегетики Ветхого Завета и истории права и государства на значение принципа талиона для развития иудейской и христианской правовой культуры, дальнейшего утверждения и юридического закрепления идеи справедливости как основополагающего принципа современного уголовного права. В контексте сравнительно-правового исследования ветхозаветные формулы талиона сопоставляются с соответствующими положениями других источников древневосточного и древнерусского права. В конце статьи сформулированы выводы автора о значении принципа талиона как отражения древних иудейских представлений о справедливости при определении характера и пределов наказуемости преступлений в Моисеевом уголовном праве.

Ключевые слова: история уголовного права, библейская история права, ветхозаветное уголовное право, Моисеево уголовное право, древнее уголовное право, принципы уголовного права, талион, принцип справедливости, наказание, религия и право.

Принцип талиона (от лат. *lex talionis*) – это хорошо известное всем интересующимся историей права вообще и историей уголовного права в частности, широко распространенное в древности среди носителей как западной, так и восточной правовой культуры правило назначения наказания за преступление, согласно которому вид и размер наказания должны буквально воспроизводить характер и размер вреда, причиненного совершенным преступлением. Особенности формального закрепления и фактического применения талиона в ветхозаветном Моисеевом уголовном праве, процесс рождения и развития которого описан в Пятикнижии (первые пять канонических книг Ветхого Завета Библии), заключаются, по нашему мнению, в том, что законодательство пророка Моисея не просто заимствовало эту норму из обычного архаичного права, а попыталось приспособить ее к самобытным социально-историческим условиям начального этапа формирования государственности Древнего Израиля и, главным образом, его оригинальной религиозной доктрине, получившей надправовое значение [1, с. 76]. В результате такой уголовной политики древнееврейского духовного и политического лидера талион из правила, отражающего необузданную жестокость и легализующего кровную месть, переродился в своеобразное выражение принципа сакральной справедливости, восходящего к священному свойству всеправедности Бога-Законодателя.

Во все времена право и справедливость рассматривались и продолжают рассматриваться как тесно связанные друг с другом явления духовной культуры общества, хотя и имеющие разную природу: право – формальную, юридическую, а справедливость – нравственную, этическую. В связи с

этим примечательно, что ветхозаветное уголовное право, также как и современное уголовное право демократических государств, зиждется на идее справедливости, ибо установивший его всеправедный Бог, не может быть несправедливым. Господь, как указал апостол Павел, «воздаст каждому по делам его», «ибо нет лицемерия у Бога» (Рим. 2, 6, 11). При этом ветхозаветная справедливость в силу ее исторической близости к традициям архаичного права носит подчас абсолютный или буквальный характер, и ее содержание во многом отличается с современными «оценочно-относительными» представлениями о справедливости, показательной иллюстрацией которых является положение ст. 6 УК РФ, утверждающие справедливость отечественного уголовного законодательства с помощью двух правил:

а) наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, т. е. соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного;

б) никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление [5, с. 67–89].

Наглядным свидетельством оригинальности древнего библейского толкования принципа справедливости может послужить следующий фрагмент книги Исход Ветхого Завета, в которой описывается постановление Богом священных Десяти заповедей и Синайского кодекса [3, с. 19–34] (преимущественно уголовно-правового содержания), где впервые юридически точно сформулирована Моисеева версия талиона: «А если будет вред, то отдай душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за

руку, ногу за ногу, обожжение за обожжение, рану за рану, ушию за ушию» (Исх. 21, 23–25).

Процитированная ветхозаветная норма красноречиво и однозначно указывает современным читателям Библии, что принцип справедливости в Синайском уголовном праве практически отождествляется с талионом. В связи с этим, на первый взгляд, может показаться, что в книге Исход нашли отражение упрощенные, примитивные представления древнееврейского общества о справедливости. И такое суждение вполне допустимо и даже закономерно в условиях начального этапа становления писанного национального права Древнего Израиля, сохраняющего определенную преемственность более древним нормам народных обычаев, привычных для общественного сознания. Потому выдающийся русский библеист А.П. Лопухин, один из немногих представителей отечественного богословия, уделявший особое внимание исследованию правовых аспектов Священного Писания, видел в указанном принципе талиона «уступки укоренившимся взглядам израильского народа, низкому уровню его нравственного развития, одним словом, его “жестоковейности”», и указывал, что «без отношения к этому обстоятельству часто остались бы непонятными истинный смысл и значение того или иного закона» [9, с. 279–280]. Хотя в другом своем труде цитируемый автор дополнил изложенную мысль о талионе новым обоснованием, опирающимся на начала рациональности и эффективности наказания: «Зло, причиненное одним евреем другому, должно быть наказано таким же злом – возмездие простое, чувствительное и способное с силой предупреждать преступление» [12, с. 474]. Тогда как современное еврейское толкование рассматриваемых строк Торы, которое можно встретить в трудах авторитетных раввинов, основано на том, что их содержание является иносказательным, образным и потому якобы вовсе не исключает денежную компенсацию в размере причиненного вреда или наказание, подобное современному штрафу [10, с. 108].

Однако при всем при этом, несмотря на кажущуюся, с точки зрения уровня развития современной юридической техники, примитивность формулировки Моисеевой редакции талиона, представленной в книге Исход, по нашему мнению, за ней скрывается весьма глубокий правовой и религиозно-нравственный смысл. Представляется, что данным древним установлением закрепляется и выражается свойственная уголовно-правовой санкции ее природная сакрально-юридическая потенция стремиться к буквально и максимально точному обеспечению такого уровня справедливости, какой может быть присущ только правде Божией (ибо именно она является смыслом и движущей силой Моисеевых законов о преступлениях и наказаниях) и который как идеал или абсолют практи-

чески недостижим в земной правоприменительной деятельности удаленных в результате грехопадения от источника Божественной правды и потому несовершенных людей, но к достижению которого должны приложить максимум своих возможностей и усилий земные законодатели и судьи.

Показательно, что в Моисеевом уголовном праве встречается и вторая редакция талиона, нашедшая закрепление в третьей книге Ветхого Завета – Левит, некоторые юридические новеллы которой дополняют Синайский уголовный кодекс рядом норм и институтов, и где буквально сказано: *«Кто сделает повреждение на теле ближнего своего, тому должно сделать то же, что он сделал: перелом за перелом, око за око, зуб за зуб; как он сделал повреждение на теле человека, так и ему должно сделать»* (Лев. 24, 19–20).

Еще большая буквальность правил о соразмерности наказания характеру и степени тяжести преступления, присущая формулировке талиона из книги Левит, указывает, как нам кажется, на широкую распространенность в древнееврейском уголовном законодательстве и правоприменительной практике суровых членовредительских наказаний за преступное причинение телесных повреждений и иного вреда здоровью потерпевшего. И хотя данные виды наказаний являлись совершенно обычными для правовых систем многих древних народов, современный российский экзегет Д.В. Щедровицкий, находясь, по-видимому, под влиянием раввинистической традиции, уверяет, что выражение *«око за око»* следует воспринимать не буквально, а образно, «не членовредительство, а взыскание с преступника компенсации в пользу пострадавшего» [13, с. 724], вторя тем самым современным еврейским толкованиям Торы. Однако нам такие утверждения кажутся сомнительными, ибо слишком уж настойчиво и с подробным указанием деталей сформулированы в Моисеевом Пятикнижии рассматриваемые правила. Тем более что членовредительские и телесные наказания, назначаемые по принципу талиона, были обыденным явлением древневосточной судебной практики, убедительные свидетельства чего содержатся не только в Библии, но и во всемирно известных законах вавилонского царя Хамураппи (XVII в. до н. э.):

– *«Если человек выколол глаз сыну человека, [то] должны выколоть ему глаз»* (§ 196);

– *«Если он переломил кость человеку, [то] должны переломить ему кость»* (§ 197);

– *«Если человек выбил зуб человеку, равному ему, [то] должны ему выбить зуб»* (§ 200) и др.

Еще одна (третья) Моисеева редакция талиона сформулирована в обновленной и дополненной девтеронимической редакции ветхозаветного уголовного законодательства, представленной в книге Второзаконие, замыкающей Пятикнижие. Одна из норм-принципов Девтеронимического уголовного

кодекса о неотвратимости наказания для преступника гласит: «*Да не пощадит его глаз твой: душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу*» (Втор 19, 21).

Как видим, и во Второзаконии, подводящем итоги правотворчества пророка Моисея, справедливость выражается через присущий архаичному праву принцип талиона. Тем самым Девтеронимический кодекс указывает, что он последовательно основывается на упрочившемся в общественном сознании подходе к определению вида и размера наказания, полагающегося за совершение того или иного преступления: оно должно быть тождественно либо, по крайней мере, адекватно характеру и размеру причиненного общественно опасным деянием вреда или возникшей угрозе. На это указывает еще одна норма Второзакония, в которой содержится переложение талиона как общего принципа наказуемости всех преступных деяний в частное правило о наказании, назначаемом за конкретное преступление – лжесвидетельство, относимое и в ветхозаветные времена [2, с. 30–32] и сегодня к преступлениям против правосудия [4, с. 39]: «*Судьи должны хорошо исследовать, и, если свидетель тот свидетель ложный, ложно донес на брата своего, то сделайте ему то, что он умышлял сделать брату своему; и так истребите зло из среды себя*» (Втор. 19, 18–19).

Таким образом, как вид, так и размер наказания за ложный донос и лжесвидетельство в соответствии с принципом талиона были поставлены в прямую зависимость от степени общественной опасности и последствий оговора свидетелем своего ближнего. Похожее правило о наказании за оговор подсудимого содержалось и в относительно близких по времени древних законах царя Хамураппи: «*Если человек клятвенно обвинил человека, бросив на него [обвинение в] убийстве, но не доказал его, [то] обвинитель его должен быть убит*» (§ 1), и в средневековом русском Соборном Уложении 1649 г., согласно которому «*за ложный донос “по изменному делу” виновному грозило такое же наказание, которое мог получить обвиняемый*» [11, с. 184], и во многих других памятниках права.

При этом, сопоставляя содержание и значение талиона в разных уголовно-правовых системах, следует оговориться, что оценка степени общественной опасности конкретного деяния может существенно различаться в зависимости не только от исторических и социальных условий эпохи, но и отдельных обстоятельств обстановки его совершения и т. п. Поэтому то, что казалось справедливым в суровых условиях многолетней жизни Израиля в странствованиях по пустыне, сопряженных с постоянным вооруженным противоборством с языческим окружением, современным исследователям ветхозаветного уголовного права

может казаться чрезмерно жестоким и кровавым. Не случайно в эпоху средневековья буквальный талион сначала дополнился символическим талионом, а потом постепенно и вовсе переродился в него. Например, о применении буквального талиона в Московской Руси XVII в. свидетельствует ст. 10 гл. XXII Соборного уложения 1649 г. о членовредительских наказаниях за «мучительское надругательство» над человеком, а на параллельное действие символического талиона указывают нормы о возможности назначения наказаний в виде заливания горла расплавленным металлом – за фальшивомонетничество (ст. 1 гл. V), отсечения руки у подъячих – за фальсификацию документов судебного дела (ст. 12 гл. X), урезания языка – за ложные клятвы (ст. 10 гл. XIV), урезания ноздрей – за злостное курение табака (ст. 16 гл. XXV) и др.

Как небезосновательно заметил современный российский философ А.А. Гусейнов, собственно «в содержательном плане справедливость, задаваемая принципами Десятисловия, является равным возмездием» [7, с. 101]. То есть, цитируемый ученый видит идеологические начала действия в ветхозаветном уголовном праве Древнего Израиля принципа талиона в имеющих протоконституционное, но одновременно и уголовно-правовое значение заповедях Декалога [6, с. 470–483]. При этом А.А. Гусейнов оговаривается, что не Моисей придумал и учредил талион, что «он практиковался до него», но все-таки обоснованно подчеркивает, что «его вклад заключается в том, что он опосредует и тем самым ограничивает применение этого принципа государственно-правовым регулированием» [7, с. 104]. Однако следует признать, что, тем не менее, еще долгое время, несмотря на обозначенное государственно-правовое регулирование, принцип возмездия обычно осуществлялся путем самосуда и нередко отождествлялся с последним.

На основании изложенного можно сделать вывод, что значение принципа талиона как отражения древних общественных представлений о справедливости наказания за преступление в Моисеевом уголовном праве заключалось не только в том, что через него юридически утверждалась понятная всем архаичная идея допущения и дозволения равного возмездия преступнику за причиненный им вред. Одновременно с этим данное правило устанавливало пределы наказуемости общественно опасных деяний, т. е. границы уголовной ответственности, а именно:

– во-первых, талион не допускал применения таких мер личного или социального отщия, которые повлекли бы за собой более тяжкие для правонарушителя последствия, нежели причиненный им в результате совершения преступления физический или имущественный вред, противодействуя тем самым произволу и более древнему «праву сильного»;

– во-вторых, применение талиона в Моисеевой редакции ограничивало основания законного отмщения перечисленными в законе случаями, не допуская мести в остальных ситуациях и умеряя жестокость нравов древнего общества;

– в-третьих, практика талиона способствовала восстановлению мира внутри социальной группы, нарушенного преступлением, ибо «в случае нанесения потерпевшей стороной эквивалентного ущерба стороне, инициировавшей конфликт, он считался исчерпанным и вражде клался конец» [8, с. 214], поскольку отныне потерпевшая сторона считалась удовлетворенной и больше не имела права на возмездие, которое полагалось реализованным в полном объеме.

Библиографический список

1. *Беспалько В.Г.* Ветхозаветная история уголовного права в Пятикнижии Моисея как новое направление историко-правового и сравнительно-правового научного исследования // Публичное и частное право. – 2014. – Вып. III. – С. 63–89.
2. *Беспалько В.Г.* Преступления против правосудия в Девтерономической редакции Моисея уголовного права (по материалам книги «Второзаконие» Ветхого Завета) // История государства и права. – 2014. – № 23. – С. 28–33.
3. *Беспалько В.Г.* Понятие, признаки, система и виды преступлений в Синайском уголовном праве (по материалам книги Исхода) // Публичное и частное право. – 2011. – Вып. III. – С. 19–34.
4. *Беспалько В.Г.* Современное правосудие как элемент правовой культуры и объект уголовно-

правовой охраны // Российская юстиция. – 2008. – № 3. – С. 36–40.

5. *Беспалько В.Г.* Становление принципа справедливости в Моисеевом уголовном праве (в его сравнении с российским уголовным законодательством) // Публичное и частное право. – 2014. – Вып. II. – С. 67–89.

6. *Беспалько В.Г.* Уголовно-правовое значение ветхозаветных Десяти заповедей // Вопросы правоведения. – 2013. – № 3. – С. 470–483.

7. *Гусейнов А.А.* Великие пророки и мыслители. Нравственные учения от Моисея до наших дней. – М.: Вече, 2009. – 496 с.

8. *Звизжова О.Ю.* Первобытная преступность // Общество и право. – 2010. – № 4. – С. 214–219.

9. *Лопухин А.П.* Библейская история Ветхого Завета. – Киев: Общ-во любителей православной литературы, изд-во им. свт. Льва, папы Римского, 2005. – 663 с.

10. *Пэрри А.* Еврейские писания. – М.: АСТ, 2009. – 446 с.

11. *Рогов В.А.* История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV–XVII вв. – М.: Юристъ, 1995. – 288 с.

12. Толковая Библия, или Комментарий на все книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета / под ред. А.П. Лопухина. Ветхий Завет: в 5 т. Т. I: Пятикнижие; Исторические книги. – М.: Изд-во «ДАРЪ», 2008. – 1056 с.

13. *Щедровицкий Д.В.* Введение в Ветхий Завет. Пятикнижие Моисеево. – М.: Теревинф, 2003. – 1088 с.

РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЕ РОССИЙСКИХ ТРУДЯЩИХСЯ В 1918 ГОДУ

Статья посвящена рассмотрению юридического аспекта социальной политики большевиков, проводимой в первый год становления социалистического государства. Главной целью работы является анализ особенностей становления и развития системы правового обеспечения социальной защиты российских трудящихся; выявление основных проблем, связанных с правовым обеспечением процессов социального страхования и социального обеспечения; обобщение результатов социально-правовых функций государства в рассматриваемый период; формулирование соответствующих выводов по теме.

Автором проанализированы ключевые нормативно-правовые акты, принятые большевистской властью в обозначенный период. Наиболее важными правовыми нормативами, по мнению автора, являются: декрет «О Страховом Совете»; декрет «О страховании на случай болезни»; положение «О страховании на случай безработицы». Основное внимание автор уделяет общей характеристике положения «О социальном обеспечении трудящихся» (от 31.10.1918 г.), которое наглядно отразило идеологические установки и политические намерения советской власти в сфере социальной защиты трудящихся, а также определило характер и основные направления развития социального обеспечения в советский период. В статье также приводятся соответствующие взгляды теоретиков и практиков большевизма на форму организации системы социальной защиты российских трудящихся в условиях становления новой «общественно-экономической формации». В результате анализа вышеуказанных правовых актов и изучения соответствующих работ автор приходит к выводу о том, что в течение первого года становления «диктатуры пролетариата» новая власть осуществляла активные и довольно последовательные функции в сфере правового обеспечения социальной защиты работников, что вполне логично соответствовало объективным реалиям и идеологическим требованиям.

Ключевые слова: принципы рабочей страховой программы, социальное страхование, страхование на случай болезни, страхование на случай безработицы, социальное обеспечение, финансирование социального обеспечения, пенсионное обеспечение.

Нам остались от империалистической войны инвалиды и увечные; у нас масса жертв контрреволюции; старики, больные, дети, – всё это требует забот и затрат.

Н.И. Бухарин

Как известно, всякое современное правовое явление имеет определенную «историческую энергетику» и уходит «генетическими» корнями в прошлое. Не является исключением и современное российское право социального обеспечения (далее ПСО РФ). Оно зародилось в процессе формирования фабричного законодательства Российской империи (вторая половина XIX в.) и прошло достаточно тернистый и самобытный эволюционный путь.

В современных кризисных условиях социальная защита человека имеет одно из первостепенных значений. Неэффективность такой защиты порождает, в конечном итоге, высокий уровень социальной напряженности в обществе, недоверие государству, правовой нигилизм.

Изучение и переосмысление определенных исторических аспектов позволяет более объективно взглянуть на современные социальные проблемы. Целью работы является краткое рассмотрение специфики правового регулирования социальной защиты трудящихся на первоначальном этапе организации социалистического труда в первый год становления власти большевиков.

Прежде чем провозгласить идею всеобщего социального обеспечения трудящихся и облечь её

в правовые формы, большевики (придя к власти 25 октября 1917 года) приступили активно к практическому внедрению основных принципов рабочей страховой программы, идеи которой были выдвинуты ещё на IV Пражской конференции РСДРП (1912 г.). Новое решение рабочего вопроса, а, соответственно, и вопроса социальной защиты рабочего класса, стояло во главе угла политики большевиков. Н.И. Бухарин, один из главных идеологов большевизма, писал: «Нашей конечной целью является такое состояние общества, когда все люди, потерявшие почему бы то ни было трудоспособность, не могущие работать, были бы полностью обеспечены: чтобы старики имели покойную старость, все удобства жизни; чтобы дети имели всё нужное в их возрасте; чтобы больные и увечные жили в лучших и самых подходящих для них условиях; <...> чтобы не было у людей постоянной, судорожной заботы о «черном дне» [2, с. 190].

30 октября 1917 года вышло «Правительственное сообщение о социальном страховании», в котором провозглашались ближайшие мероприятия нового правительства: «1) распространение страхования на всех без исключения наёмных рабочих, а также на городскую и сельскую бедноту; 2) распространение страхования на все виды потери тру-

доспособности..., а также и безработицы; 3) возложение всех расходов по страхованию целиком на предпринимателей; 4) возмещение, по меньшей мере, полного заработка в случае утраты трудоспособности и безработицы; 5) полное самоуправление застрахованных во всех страховых организациях» [3, с. 190].

В короткий период были приняты первые нормативные акты, отразившие ранее провозглашенные принципы и соответствующие «страховые пролетарские лозунги». Среди них: декрет Совета народных комиссаров (далее СНК) «Об увеличении пенсий увечным на 100%, вследствие дороговизны жизни» (ноябрь 1917 г.); декрет СНК «О бесплатной передаче больничным кассам всех лечебных учреждений предприятий...» (от 14.11.1917 г.); декрет СНК «О Страховом Совете» (от 29.11.1917 г.); декрет СНК «О страховании на случай болезни» (от 22.12.1917 г.); положение СНК «О страховании на случай безработицы» (от 11.12.1917 г.); декрет СНК «Об обеспечении солдат Рабоче-Крестьянской Красной армии и их семейств» (от 07.08.1918 г.) и др.

В апреле 1918 года Народный комиссариат государственного призрения, созданный в ноябре 1917 года, был объявлен пережитком прошлого, когда социальная помощь имела характер милостыни и благотворительности (что в корне противоречило «социалистическому пониманию задач социального обеспечения») и переименован в Народный комиссариат социального обеспечения. Считается, что «этот день стал днём рождения системы социального обеспечения Советской России» [6, с. 176]. Распоряжения данного органа касались широкого круга проблем – помощь детям, увечным воинам, семьям погибших, нищим, бездомным и другим категориям населения.

Таким образом, развитие социального законодательства (в рассматриваемый период) шло по четырём основным направлениям: 1) совершенствование системы всеобщего рабочего страхования; 2) создание предпосылок для последовательного перехода к системе всеобщего соцобеспечения; 3) вынужденное принятие чрезвычайных правовых нормативов временного характера; 4) изменение субъектного состава социальной защиты, согласно классовому принципу. Так, параллельно с повышением социальных благ трудящимся, отдельные категории граждан (к примеру, бывшие чиновники) были полностью лишены (или существенно ограничены) прав на социальную защиту. «Этим путём бывшие генералы, фавориты и прочие отстранены от кормления из государственного сундука» [1, с. 15].

Переход от социального страхования к социальному обеспечению осуществлялся в короткие сроки. Н.А. Вигдорчик – профессор, доктор медицины, предсказывал скорое огосударствление социального страхования. Он писал: «Чем шире

распространяется социализм, тем резче и резче выясняется, что будущее социального страхования лежит именно в дальнейшем ослаблении страхового начала и постепенном превращении его в чисто государственный институт, в одну из нормальных отраслей государственной деятельности» [4, с. 6].

Провозглашение всеобщего соцобеспечения трудящихся было продиктовано, в большей степени, идеологическими требованиями времени, а не экономическими возможностями. А.Н. Винокуров (нарком собес) утверждал, что наше государство, встающее на социалистические рельсы, не может относиться «с коммерческой точки зрения к вредным последствиям, каковыми являются увечье, болезнь, смерть и т.п...». При таком государственном подходе к рабочему классу, слово «страхование», по мнению А.Н. Винокурова, «совершенно не выражает этого понятия и должно быть заменено более правильным термином «социальное обеспечение» [5, с.7].

31.10.1918 года было принято положение «О социальном обеспечении трудящихся» (далее Положение) [8, ст. 906]. Классовая сущность «пролетарской диктатуры» наглядно проявилась при выборе субъектов, подлежащих обеспечению. Так, соцобеспечению подлежали исключительно трудовые элементы (в т.ч. иностранцы), источником существования которых являлся «только собственный труд», независимо в целом от характера деятельности и места работы. Положение регламентировало ряд важных направлений социальной политики: оказание врачебной помощи; выдачу пособий по временной нетрудоспособности; пенсионное обеспечение при постоянной утрате трудоспособности; обеспечение пособиями по беременности и безработице; финансирование соцобеспечения и др. Следует кратко осветить ряд наиболее важных мер социальной защиты, прописанных в данном правовом акте.

Врачебная помощь. Согласно ст. 5 Положения, устанавливались следующие виды врачебной помощи: а) первичная – при внезапных заболеваниях; б) амбулаторное лечение по всем специальностям; в) помощь при родах; г) «коечное» лечение; д) курортно-санаторное лечение; е) помощь физико-терапевтических институтов; ж) врачебная помощь на дому.

Важное значение при оказании медицинской помощи имел принцип обязательности, согласно которому лица, потерявшие способность к труду (а также при реальной опасности потерять трудоспособность) обязывались неукоснительно пользоваться данной помощью. В противном случае (т.е. при уклонении от оказания помощи) эти лица могли быть лишены (как полностью, так и частично) соответствующих пенсий или пособий.

Основанием для назначения и выплат пособий и пенсий признавалась утрата лицом основного

заработка (или его части) вследствие безработицы или нетрудоспособности. Размер пособий непосредственно зависел от тарифной ставки (это некий аналог современного прожиточного минимума), утвержденной Народным комиссариатом труда (далее НКТ) в определенной местности. Соответственно, размер минимального пособия был равен низшей тарифной ставке; размер нормального пособия соответствовал среднемесячной зарплате (в данной местности); размер максимального пособия равнялся наивысшей тарифной ставке для соответствующей местности. Кроме того, в «случаях острых промышленно-хозяйственных кризисов» НКТ имел право сокращать размер пособий.

Пособия при временной утрате трудоспособности. Рабочие национализированных предприятий рассматривались исключительно как «работники государства, выполняющие перед ним свою трудовую повинность, а государство, в свою очередь, в случае наступления у работника нетрудоспособности, принимало на себя обязательство его обеспечить» [9, с. 71]. Согласно ст. 11 Положения, выдача данных пособий предусматривалась в случаях временной утраты трудоспособности, сопровождавшейся утратой заработка, «независимо от причин, ее вызвавших» (болезнь, увечье, карантин и т.п.). Пособия выдавались за весь период нетрудоспособности, в «размере заработка лица, получающего пособие».

Пенсии при постоянной утрате трудоспособности. В данном случае основаниями для назначения пенсий могли быть болезнь, увечье, старость, профессиональное заболевание и т.п. Размер месячной пенсии при полной утрате трудоспособности был равен 25-кратному дневному пособию. При утрате трудоспособности от 15 до 29% устанавливалась 1/5 полной пенсии; от 30 до 44% – 1/2; от 45 до 60% – 3/4; свыше 60% – в размере полной пенсии. Так, «потолок» пенсии при полной утрате трудоспособности в Москве в 1918 году составлял 390 рублей в месяц. При этом средние цены на ряд продуктов первой необходимости в 1918 году выглядели, примерно, так: 1 кг. картофеля – 2,5 р., хлеб ржаной – 17,5 р., молоко – 5 р., мясо – 12,5 р., яйца десяток – 37,5 р. [7, с. 86].

Следует отметить, что выдача пенсий, по общему правилу, производилась «до дня смерти застрахованного», если не удавалось восстановить необходимую трудоспособность пенсионера. Для определения изменения степени инвалидности местные органы НКТ (подотделы социального обеспечения и охраны труда) обязывались пересвидетельствовать пенсионера не чаще 2-х раз в году. Кроме того, назначение пенсий имело заявительный характер. Данный принцип сохраняется и в настоящее время.

Пособия по беременности и родам. Устанавливались следующие сроки выплаты данного по-

собия: а) беременным, занимающимся физическим трудом, – в течение 8 недель, прочим – в течение 6 недель до родов; б) роженицам, занимающимся физическим трудом, – в течение 8 недель, прочим – в течение 6 недель со дня родов; в) кормящим матерям, занимающимся физическим трудом, – в течение 7 месяцев, прочим – в течение 7,5 месяцев со дня прекращения выдачи пособий как роженице, при условии, если роженица сама кормит грудью ребенка и при этом ей сокращен рабочий день.

Согласно ст. 24 Положения, общий размер данных пособий устанавливался «как и при временной потере трудоспособности» (кормящим матерям в размере 1/4 полного пособия). Кроме того, роженицам выдавалось дополнительное пособие «на предметы ухода», в размере 15-кратного минимального дневного пособия. По-видимому, это не что иное, как исторический аналог современного единовременного пособия по рождению ребёнка.

Пособия по случаю безработицы. Ст. 26 Положения предусматривала выплату данного пособия при одновременном соблюдении ряда условий: а) безработный должен был зарегистрироваться в местном подотделе (отдела труда) распределения рабочей силы; б) при этом не иметь никаких средств к существованию; в) причиной утраты средств должно было быть закрытие предприятия или за сокращение штата.

Соответственно, не имели право на пособие лица: а) отказавшиеся от оплачиваемой работы (по тарифам местных профсоюзов); б) оставившие работу без уважительных причин; в) уволенные за недобросовестное или небрежное отношение к своим обязанностям.

Принцип «уравниловки» в полной мере проявился при назначении пособия по безработице, поскольку оно предусматривалось для всех безработных в размере суммы минимального пособия.

Финансирование социального обеспечения. Для централизованного аккумулирования денежных средств, предназначенных для социального обеспечения трудящихся, был создан (при отделе социального обеспечения и охраны труда НКТ) специальный орган – Всероссийский фонд социального обеспечения и, соответственно, средства всех существовавших фондов (безработных, пенсионных, помощи увечных воинов и др.) и касс (страховых, вспомогательно-сберегательных, пенсионных, похоронных и др.) подлежали передаче в данный фонд.

Положение предусматривало следующие источники социального обеспечения: а) взносы частных предприятий, учреждений и отдельных работодателей; б) взносы государственных (национализированных) предприятий и учреждений; в) взносы мелких товаропроизводителей (артели, ремесленники, сельские хозяева и т.п.); г) пени по просроченным платежам на социальное обеспече-

ние, а также штрафы, взысканные за нарушения законодательства; д) доходы с имущества и капитала учреждений социального обеспечения.

Взносы работодателей составляли основную часть финансирования и наниматели обязывались уплачивать их «в недельный срок со дня выплаты заработка или содержания». Законодатель акцентировал внимание на социальном обеспечении «материнства и безработных» и устанавливал на всей российской территории единую ставку взносов «для всех предприятий, учреждений и хозяйств».

Кроме того, работодатели несли ряд организационных обязанностей: заявлять о каждом поступившем и выбывшем работнике; сообщать сведения о характере работ и о сумме заработка каждого работника; вести соответствующие книги учёта и т.п.

За нарушение нанимателями установленных норм предусматривались довольно жёсткие санкции. Так, не своевременно внесенные взносы взыскивались в бесспорном порядке, с начисленной пеней, размер которой непосредственно зависел от периода просрочки платежа. К примеру, по платежам, просроченным от двух до трех месяцев, размер пени составлял 100%. Кроме того, соответствующие наказания следовали за уклонение от привлечения к участию в расходах на социальное обеспечение; сообщение неправильных сведений о предприятии; допущение беременных и рожениц к работам предприятия.

Следует отметить, что главным условием назначения и выдачи пенсий и пособий являлся факт утраты средств к существованию. Лица, виновные в сокрытии получаемых ими доходов, несли юридическую ответственность в виде лишения свободы от 6 месяцев до года, с отменой пенсии на тот же срок. При повторных случаях сроки лишения свободы составляли от 2-х до 3-х лет, а выдача пенсии отменялась навсегда.

Для обжалования соответствующих властных решений существовал только административный способ защиты. На практике решения уездных подотделов социального обеспечения и охраны труда могли быть обжалованы непосредственно в губернские подотделы; решения губернских – в областные; областных – в отдел социального обеспечения и охраны труда НКТ. Решения НКТ были окончательными, их обжалование не предусматривалось.

Основные выводы:

1. Анализ Положения дает возможность выявить основные руководящие идеи (принципы) соцобеспечения: принцип классовости, принцип централизованного управления, страховой принцип, принцип прожиточного минимума, принцип социальной уравниловки, принцип адресности соцобеспечения и др.

2. Отсутствие экономических возможностей для полного перехода к государственному соцобеспечению не позволило правительству с самого

начала отказаться от страхового принципа (от страховых взносов работодателей). Окончательный переход системы соцобеспечения на полное государственное финансирование был закреплён декретом СНК «Об изменении положения о социальном обеспечении трудящихся в части, касающейся его финансовой системы» (от 17.04.1919 г.).

3. Ряд нормативно-правовых актов социальной сферы имел явный оттенок популизма. Соответствующие идеологические установки привели к принятию правовых актов, «с одной стороны, опередивших своё время, – а с другой – не обеспеченных финансовыми и материальными возможностями государства» [6, с. 176]. Так, ряд исследователей отмечает, что Положение «О Социальном обеспечении трудящихся (от 31.10.1918 г.) на практике по существу оказалось так называемым «бумажным правом».

4. Вместе с тем, Положение провозгласило переход от рабочего социального страхования к всеобщему соцобеспечению трудящихся и определило правовые основы данной сферы.

5. Переход к государственному соцобеспечению был вызван принципиально новой социальной идеологией. Данная идеология обусловила смену научной парадигмы трудового права и на несколько десятилетий вперёд предопределила формулу развития отечественного ПСО.

6. Положение «О социальном обеспечении трудящихся в определенной степени можно интерпретировать как акт своеобразной консолидации законодательства о социальной защите трудящихся, поскольку консолидация есть форма систематизации законодательства, в процессе которой многочисленные нормативно-правовые акты, регулирующие один и тот же предмет (тождественные вопросы), объединяются в один общий достаточно крупный правовой акт, который принимается соответствующим государственным органом и приобретает силу самостоятельного правового источника. Тем самым, консолидация устраняет излишнюю раздробленность законодательства и «способствует объединению на этой основе общих положений текущего правотворчества в родственные группы» [10, с. 382]. В этой связи Положение безусловно содержит элементы консолидации.

7. Вместе с тем, идеи консолидации законодательства о соцобеспечении являются актуальными и сегодня. Так, современное ПСО РФ до сих пор не имеет единого систематизированного источника (к примеру, социального кодекса), поэтому представляется вполне органичной консолидация законодательства по отдельным институтам ПСО РФ (социальное страхование, пенсии, пособия, льготы и т.п.).

Библиографический список

1. Астрахан Е.М. Развитие законодательства о пенсиях рабочим и служащим: Исторический

очерк (1917–1920 гг.). – М.: Юридическая литература, 1971. – 320 с.

2. *Бухарин Н.И.* Азбука коммунизма. – М.: Госполитиздат, 1919. – 200 с.

3. Вестник Народного комиссариата труда. – 1918. – № 1.

4. *Вигдорчик Н.А.* Государственное обеспечение трудящихся (Итоги и перспективы социального страхования). – Пг., 1917. – 194 с.

5. *Винокуров А.Н.* Социальное обеспечение. От капитализма к коммунизму. – М.: Гос. изд., 1921. – 138 с.

6. Право социального обеспечения России: учебник / под ред. К.Н. Гусова. – М.: Проспект, 2008. – 640 с.

7. *Скаридова И.В.* Правовое регулирование пенсионного обеспечения в советской России (окт. 1917–1928): историко-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук, 2011. – 180 с.

8. Собрание Узаконений РСФСР. – 1918. – № 89.

9. *Теттенборн З.Р.* Советское социальное страхование. – М.: Вопросы труда. – 1929. – № 1.

10. Теория государства и права. Курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – М.: Юрист, 1999. – 672 с.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ ПОГОДИН

(1800–1875)

2 декабря 2015 года состоялась Межвузовская научная конференция «Михаил Погодин: личность, творчество, окружение». Проведение конференции было приурочено к 215-летию со дня рождения известного деятеля русской культуры и 140-летию со дня его смерти. Погодина вполне можно отнести к тем, кого В.В. Розанов назвал «литературными изгнанниками». Увы, Погодин и по сию пору не обрел широкой известности. Хотя, например, Ф.И. Тютчев, современник Погодина и сокурсник по учебе в Императорском Московском университете, писал о нем: «Враг отрицательности узкой, / Всегда он в уровень шел с веком: Он в человечестве был русский, / В науке был он человеком». Надеемся, что проведенная конференция будет способствовать развитию живого интереса к личности и творчеству М.П. Погодина.

Конференция организована учебно-научным центром Института филологии и истории КГУ им. Н.А. Некрасова. Координаторы – И.А. Едошина, А.А. Турыгин. В конференции приняли участие научные сотрудники Государственного архива Костромской области, преподаватели из Ивановского государственного университета, Костромского государственного технологического университета, а Костромской государственной академии культуры и искусств им. Н.А. Некрасова, кроме преподавателей, был представлен аспирантами и студентами разных курсов и форм обучения. Всего было прочитано и обсуждено восемь докладов, в которых Погодин предстал и как писатель, и как журналист, и как историк, и как общественный деятель. С ар-

хивными материалами о С.В. Максимове познакомил научный сотрудник ГАКО И.И. Попова. Максимов – современник Погодина, активно печатался в его журнале «Москвитянин». Особенности поэтики прозы Погодина были раскрыты в выступлениях студенток 2 курса отечественной филологии И. Андреевой и М. Ефремовой.

Некоторая камерность конференции полностью искупалась содержательностью выступлений. В прозвучавших докладах Погодин явился, прежде всего, как человек, любящий Россию, много ездивший по ее обширным пространствам, не исключая и Костромскую губернию (статья кандидата культурологии, доцента Л.И. Сизинцевой). Погодин как феномен русской культуры представлен в статье доктора культурологии, профессора И.А. Едошиной, где подчеркивается универсализм его личности. Как воспринимали Погодина современники, а позднее исследователи – рассказывается в статье кандидатов исторических наук, доцентов О.Б. Панкратовой и А.А. Турыгина. Некоторые характеристики исторических воззрений Погодина на примере Крымской войны исследуются в статье доктора исторических наук, профессора С.М. Усманова. В работе кандидата филологических наук, доцента А.В. Павлова читатель познакомится с подробностями деятельности «молодой редакции» журнала «Москвитянин», основанном М.П. Погодиным.

Историк, писатель, переводчик, журналист, собиратель древностей, издатель, общественный деятель – М.П. Погодин оставил яркий след в русской культуре.

Ирина Едошина

ИНТЕЛЛИГЕНТ И ВЛАСТЬ: МИХАИЛ ПОГОДИН И ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ I НАКАНУНЕ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ*

В статье рассматриваются взаимоотношения известного российского историка, публициста и общественного деятеля середины XIX века Михаила Петровича Погодина и императора Николая I накануне Крымской войны. Автор анализирует «политические письма» Погодина и выделяет их главные положения. В статье исследуется восприятие Погодиным европейской действительности. Особое внимание уделяется тем замечаниям государя, которые он дал на предложения Погодина по изменению внешней политики России. Приведены соответствующие соображения, переданные императором Михаилу Погодину. Автор полемизирует с другими интерпретаторами творчества Погодина и дает собственные оценки предложениям мыслителя. В статье подчеркиваются различия в мироощущении интеллигента и самодержца, а также различие их конкретных политических оценок положения России в мире в середине XIX столетия.

Ключевые слова: Михаил Погодин, император Николай I, внешняя политика России, Крымская война, интеллигенция, власть.

Михаил Петрович Погодин был не только известным русским историком, писателем, публицистом и издателем середины XIX века, но и общественным деятелем, желавшим оказывать существенное воздействие на жизнь своей страны. Более того, Михаил Петрович простирает свою активность и за пределы Российской империи, так как принимал непосредственное участие в развернувшемся в то время движении за установление сотрудничества славянских народов. Всерьез волновали Погодина и балканские дела, да и вся большая европейская политика.

Такие интересы Погодина не могли, разумеется, пройти мимо внимания императора Николая I. Будучи сильным правителем, государь тщательно вникал во все сколько-нибудь существенные проблемы своего времени и лично контролировал проведение в жизнь своих политических решений. Поэтому и с Михаилом Петровичем Погодиным у него были особые отношения. Причем здесь, как и всегда в николаевскую эпоху, соблюдалась определенная субординация в поведении подданных со своим монархом. Общение писателя и государя осуществлялось в основном заочно: Михаил Петрович неоднократно направлял императору письма по волновавшим его и русское общество вопросам.

Если не считать известного биографического труда Николая Платоновича Барсукова «Жизнь и труды Погодина» [1], вышедшего в конце XIX – начале XX столетия, тема взаимоотношений М.П. Погодина и императора Николая I недостаточно исследовалась историками. Так, в самой известной за последние десятилетия исследовательской работе о Погодине ветерана советской исторической науки Н.И. Павленко Погодин-пу-

блицист представлен всего лишь как «остроумный говорун» [7, с. 217–239].

В этой связи для нас особенно интересны взаимоотношения этого русского интеллигента и монарха в такой драматический период отечественной истории, как политический кризис в преддверии и дальнейшие годы Крымской войны. Тем более, что тогда у Погодина были очень определенные соображения и предложения по усилению политики России в восточном вопросе, выдвинувшемся в то время в эпицентр всей мировой политики.

Крымская война вдребезги разбила официальные надежды на успех внешнеполитического курса императора Николая I в русле европейского легитимизма. В правительственных кругах, да и в периодических изданиях толковали о «коварстве австрийцев». Об этом в своих письмах упоминал и сам император [9, с. 131]. Однако требовалась какая-то альтернатива прежней политике. Вот почему столь большое внимание «образованного общества» привлекли тогда так называемые «Политические письма» издателя журнала «Москвитинин» Михаила Петровича Погодина, интеллигента, стоявшего достаточно близко к официальному охранительному курсу.

В данном контексте наиболее показательна «Записка», написанная Погодиным 7 декабря 1853 г., в самом начале непосредственной фазы военных действий. Этот документ особенно интересен тем, что известны пометки, сделанные по тексту самим императором. Знакомство с текстом «Записки» и внесенными императором Николаем I замечаниями, казалось бы, могло бы свидетельствовать о близости их взглядов на интересы России и европейскую политику. Однако внимательное изучение пометок государя показывает, что это далеко не так.

* Исследование выполнено в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности Министерства образования и науки Российской Федерации. № 33.526.2014/К «Российская интеллигенция и европейские интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности XX – начала XXI вв.: виртуальность и реальность».

В «Записке» Михаил Петрович дал яркий обзор политики западных держав и общественного мнения в Европе, а в этой связи намекал и на необходимость существенного изменения во внешней политике России. Замечания императора очень показательны. В частности, он выделил следующие слова Погодина: «если воевать, так, по крайней мере, не даром, и работать на себя, а не на вас (европейцев. – С.У.), для какого-то мнимого равновесия». Это – об интересах России. А вот заметки монарха об отношении к России в Европе, представляющие собой отклик на следующую фразу Погодина: «но слепая ненависть и злоба ничего не понимают и понимать не хотят». Около этих слов Николай I добавляет: «только и в этом всё» [5].

Между тем, М.П. Погодин думал иначе. Он считал необходимым бороться за общественное мнение в Европе. Поэтому и писал в своей «Записке»: «Мы имели бы многих на своей стороне, если бы старались не только быть, но и казаться правыми». Император Николай I подчеркивает эти слова «Записки», но вывод делает совершенно иной: «Величественное молчание на общий лай приличнее сильной державе, чем журнальная перебранка» [5]. Погодин искал для России союзников среди славян, особенно южных, ожидая присоединения к России сербов, черногорцев и других. Государь же против слов Погодина «кто же наши союзники в Европе» отвечает: «Никто, и нам их не надо, если уповаешь безусловно на Бога, и довольно» [5].

Но есть такое место в тексте «Записки» Погодина, которое, пожалуй, наиболее рельефно выразило различия в мышлении императора и его адресата-интеллекта. Это тот фрагмент рукописи Погодина, где Михаил Петрович пытается объяснить неблагодарность австрийского императора по отношению к своему российскому благодетелю государю Николаю I, спасшему его от венгерского восстания 1848 г.: «Может быть, он исполнен сыновних чувствований к своему благодетелю, как и должен, но, кроме него, в Австрии есть еще правительство, есть дипломатия, есть бюрократия, враждебные искони России». Против этих слов Михаила Петровича император написал следующее: «Это так, и одним словом каналий много» [5].

В самом деле, для «государя-рыцаря», каковым справедливо считали императора Николая I, все эти министры, чиновники, а тем более профессора и журналисты стояли намного ниже «августейших персон», а потому зачастую и не заслуживали большего, чем наименования «каналей». Поэтому государь не мог с ними совпадать в своих идеалах и чаяниях, что относилось также в конечном счете и к предложениям Погодина.

Со своей стороны Погодин в последующих своих «письмах» еще более определенно высказывался о неуспехе всей прежней внешней политики самодержавия. В разгар войны, в апреле 1854 г.

он отмечал: «Правительства нас предали, народы возненавидели, а порядок, нами поддерживаемый, нарушился, нарушается и будет нарушаться. Следовательно, политика наша была не только для нас вредна, но вовсе безуспешна» [6].

В сущности, здесь профессор Московского университета высказал общее убеждение русской интеллигенции того времени. Против такого вывода не возражали бы ни западники, ни славянофилы. Но предложенный Погодиным новый курс был уже не для всех привлекателен, прежде всего, в силу своих особых славянских предпочтений. Помимо прочего, речь шла о создании всеобщего славянского союза во главе с Россией со столицей в Константинополе, ибо Россия уже не должна больше терпеть владычества турок на Балканах, а европейским державам не следовало бы вмешиваться в ту тысячелетнюю борьбу, которую Россия вела против восточных завоевателей – печенегов, половцев, монголов, татар казанских, крымских и астраханских [2, с. 98–101, 119].

«Письма» Погодина были адресованы высоким лицам, а конечном счете – и самому императору. По своей откровенности они не могли появиться тогда в печати. Однако неправы те, кто упрекал Погодина в невнимании к обществу. Ведь Михаил Петрович понимал, что можно было печатать иные материалы в том же духе. Так что и сам Погодин в начале 1855 года опубликовал в издаваемом при его непосредственном участии журнале «Москвитянин» речь о Ломоносове, произнесенную им в Московском университете, в которой особенно выделялась строфа одной из ломоносовских од, «ибо ее можно приложить к современным нашим обстоятельствам»:

Когда взираем мы к востоку,
Когда посмотрим мы на юг,
<...>
Там вдруг облег дракон ужасный
Места святы, места прекрасны,
И к облакам сто глав вознес!
Весь свет чудовища страшится,
Един лишь смело устремиться
Российский может Геркулес.
Един сто острых жал притупит
И множеством низвержен ран,
Един на сто голов наступит
Восставив вольность многих стран! [4, с. 14]

Эти величавые слова великого россиянина XVIII века лишний раз подчеркивали силу аргументов профессора Московского университета.

Печатались в «Москвитянине» также материалы о притеснениях христиан в Турции, о захватнической колониальной политике Великобритании – в том числе и на Востоке [3; 9]. В частности, в рецензии на книгу А. Ротчева «Правда об Англии и сказания о расширении владений ее во всех стра-

нах света» подчеркивались «ужасы и убийства» «кровавой войны» британцев в Индии и их обогащение «на счет нравственного расслабления и упадка китайцев» в результате опиумной торговли [8].

Между тем император через высокопоставленных сановников дал свой ответ Погодину, а в его лице – и всем другим патриотически обеспокоенным представителям «образованного общества». До сведения издателя «Москвитянина» были доведены те места из письма графа В.Ф. Адлерберга к члену Государственного Совета Ф.И. Прянишникову от 11 августа 1854 года, где содержались оценки государя погодинских предложений. Император отдавал «полную справедливость патриотическим чувствам автора», но не принимал его соображений, указывая, что «не во всем эти взгляды основательны и удобоприменимы к практическому исполнению. Взгляд снизу, на одних лишь исторических фактах и результатах основанный, не может быть так верен, как взгляд, не случайно брошенный, а постоянно с высшей точки обрацаемый, при полном знании всех дел, их тайных пружин и сцепления обстоятельств, скрытых для непосвященных в оныя» [2, с. 118].

Поражение России в Крымской войне не подкрепляло этого исполненного державной уверенности убеждения. Оно поставило под вопрос не только всю внешнюю политику России на Западе и Востоке, но и основы внутривластного курса самодержавия, в том числе и условия взаимоотношений власти и интеллигенции.

Библиографический список

1. Барсуков Н. Жизнь и труды М.П. Погодина: в 22 кн. – СПб., 1888–1910.
2. Барсуков Н. Жизнь и труды М.П. Погодина: в 22 кн. Кн. 13. – СПб., 1899. – С. 98–101, 119.
3. Березин И. Христиане в Сирии // Москвитянин. – 1855. – Кн. 2. – № 2. – С. 17–56; Кн. 2. – № 3. – С. 65–68.
4. Воспоминание о Ломоносове, сочиненное академиком М.П. Погодиным, для произнесения в торжественном столетнем собрании Московского университета, 12-го января 1855 года // Москвитянин. – 1855. – Т. 1. – № 2. – С. 1–16.
5. Записка Михаила Петровича Погодина 7 декабря 1853 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gosudarstvo.voskres.ru/tarasov/nic7.htm> (дата обращения: 11.11.2015).
6. Записки М.П. Погодина о политике России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/p/pogodin_m_p/text_1894_zapiski_o_politike_rossii_oldorfo.shtml (дата обращения: 17.11.2015).
7. Павленко Н.И. Михаил Погодин. – М.: Памятники исторической мысли, 2003. – 360 с.
8. Рецензия на кн.: Ротчев А. Правда об Англии и сказания о расширении владений ее во всех частях света. СПб., 1854 // Москвитянин. – 1855. – Кн. 2. – № 3. – С. 133–140.
9. Тальберг Н. Очерки истории Императорской России от Николая I до Царя-Мученика. – М.: Литературное обозрение, 1995. – 268 с. – (Неизвестная Россия: 1825–1917).

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ЖИЗНЕОПИСАНИЯ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ: МИХАИЛ ПОГОДИН (1800–1875) И МИХАИЛ КАТКОВ (1817–1887)

В статье на основе традиций, заложенных «Сравнительными жизнеописаниями» Плутарха, сопоставляются две ключевые фигуры русской истории и русской словесности – М.П. Погодин и М.Н. Катков. Автор статьи обращает внимание на тот факт, что история не сводится только к набору дат, – за каждой из них скрыты явные и неявные смыслы, своеобразные физика и метафизика бытия. Подчеркивается значимость личностного аспекта в понимании событий, выявляются причины, по которым Погодин и Катков оказались изгнанниками русской культуры. Сопоставление строится на основе биографических данных Погодина и Каткова. Выясняется, что портрет Погодина был написан Перовым, который руководствовался, в первую очередь, собственными идеологическими пристрастиями, а портрет Каткова, как ни старался П.М. Третьяков, не взялся писать ни один художник, объясняют причины этого факта. Автор подчеркивает разницу в их происхождении (Погодин – из крепостных, Катков – из дворян); в возрасте (Катков учится у Погодина в университете); в понимании условий заключения брака (согласно Погодину по любви, согласно Каткову – разумно, хотя в обоих случаях рождается много детей); в понимании задач общественной деятельности (в сравнении с Катковым Погодин был более либерален). Отмечаются те характеристики, которые объединяют Погодина и Каткова: интерес к «окраинным» вопросам (польскому и остзейскому); искренняя любовь к отечеству; отрицание революционного пути развития общества; обладание художественным даром; владение публицистическими жанрами; живой интерес к истории; журналистская и преподавательская деятельность.

Ключевые слова: русская история, русская литература, сопоставление, биография, журналистика, публицистика, Погодин, Катков.

Всякая эпоха – это не собрание неких фактов, событий, случившихся неизвестно почему. Эпоха творится людьми, но, сопрягая судьбы исторических деятелей, уже Плутарх пришел к мысли, что не только воле человека подчинены события, потому открывает его «Жизнеописания» история, обыкновенно именуемая «баснословной», – «Тесей и Ромул». Хотя сам Плутарх стремится придать ей «вид подлинной истории» [13, с. 37]. Два мифологических героя важны по той причине, что рожденные от богов Тесей и Ромул остались в памяти человечества как основатели величайших городов в истории культуры – Афин и Рима, которые суть подлинная реальность. Таким образом, уже с самого начала своего повествования Плутарх замечает, что история есть причудливое переплетение естественного и сверхъестественного. Здесь самое время вспомнить, что в период написания этого труда Плутарх был жрецом Аполлона Пифейского, то есть Аполлона Предсказателя, того, кто знает будущее, кому открыты тайны бытия. Человек творит событийную канву бытия, не ведая причин и следствий. «Нам не дано предугадать...» И все-таки человеку свойственно угадывать будущее на основе сопоставления типичного и сугубо личностного. Потому и возник интерес к биографиям, ярким представителем которого явился Плутарх из Херонеи – греческий философ-платоник, политик, историк, священнослужитель. Его «Сравнительные жизнеописания» суть «философско-психологические этюды» (С.С. Аверинцев), каждый из которых состоит из трех частей: биографии греческого политика, биографии римского политика и заключительного ре-

зюме – сравнения двух характеров. Плутарх ищет образцы для подражания, старается выявить, чему стоит подражать, а чему – нет, и что может быть положено в основу выбора. Его внимание привлекают личности, влияющие на развитие истории, потому исторические события словно собираются вокруг героя. При этом Плутарх везде сохраняет авторскую интонацию, вписывая в историю и самоё себя.

Ориентируясь на задачи, которые обозначил Плутарх, попробую представить сравнительные жизнеописания двух «изгнанников» русской культуры в советское время – Михаила Петровича Погодина (*реакционный публицист*) и Михаила Никифоровича Каткова (*виднейший публицист дворянской реакции*).

Они оба – из девятнадцатого столетия, который в русской культуре принято именовать Золотым веком, а его финал – началом века Серебряного. В этих оценках подчеркивается высокое культурное качество самого времени, которое странным образом обернется кровавыми февральской революцией и большевистским переворотом. Их источники, конечно, не следует связывать только с XIX веком (*слукавилось* гораздо раньше), но свою (и немалую!) лепту в нестроения русской культуры это время внесло. Большевистский гуру точно вычислил этапы будущей развязки: декабристы – Герцен – разночинцы – революционеры, а правильнее – террористы. Причем, замечу, образованное общество поддерживало их деятельность морально и материально. Даже правительство внешне боролось с теми, кто расшатывал основы государства, но боролось нерешительно и либерально (стоит

только вспомнить ссылку Ленина в Шушенское, куда к нему приехала невеста Крупская с матерью, кормили их свежими овощами, фруктами и мясом), заключенные легко перебирались за границу, где продолжали свою деятельность. Конечно, была цензура, тем не менее либеральные, европейски ориентированные издания («Отечественные записки», «Современник») выходили, а все, что пыталось отстаивать национальные интересы, либо закрывалось («Европеец», «Эпоха»), либо выживало за счет умений издателя («Русский вестник», «Новое время»), либо вынуждено было прекращать свою деятельность («Москвитянин»). Причем все национально ориентированные издания подвергались страшным гонениям со стороны либеральной прессы и, как ни странно, правительства. Хотя, возможно, ничего странного здесь нет – ведь правящая династия изначально видела образец общественного устройства в европейской культуре.

На этом фоне два Михаила – Погодин и Катков – при всей разности являют ту здоровую часть русского общества, которая пыталась отстаивать национальные интересы и органический путь развития, что ни в коем случае не означало разрыва с европейской культурой. В параллелизме судеб избранных мной героев угадываются скрытые скрепы русской истории.

Михаил Погодин был учителем Михаила Каткова. Напомню, в Московском Императорском университете под руководством Погодина к знаниям в области русской истории приобщались столь не сходные между собой С.М. Соловьев и Ю.Ф. Самарин, Ф.И. Буслаев и К.Д. Кавелин. Сам Погодин учился в университете в одно время с Ф.И. Тютчевым и готовил А.А. Фета к поступлению в университет. Каждый из названных здесь деятелей культуры мог бы составить пару с Погодиным и между собой как по сходству, так и по принципиальным различиям в понимании русской истории. В «Афоризмах» Погодин, подобно Плутарху, соотносил историю с суммой биографий: «Каждый человек действует для себя, по своему плану, а выходит общее действие, исполняется другой, высший план, и из суровых, тонких гнилых нитей биографических сплетается каменная ткань Истории». Далее он добавляет, что «история есть для нас поэма на иностранном языке, которого мы не понимаем, а только чаем значение некоторых слов» [цит. по: 2, с. 370].

Начну с портретов. Хорошо известен портрет Погодина (1872) кисти В.Г. Перова, где Погодин сидит в старинном кресле, в халате и с тростью в руках. Лицо крестьянское, подчеркнуто простое, спутанные волосы и тщательно расчесанная борода вкупе с халатом акцентируют, надо полагать, славянофильские симпатии Погодина. Принадлежность к писательству выдают ухоженные красивые руки, которые одновременно контрастируют с об-

ликом того, кому принадлежат. Портрет оставляет впечатление, что его герой по какому-то нелепому случаю оказался в ряду «лиц, дорогих нации» (И.Е. Репин), чьи образы собирал П.М. Третьяков, заказавший Перову и купивший у него этот портрет. Да, конечно, Погодин из крепостных крестьян, но отец его был не дворовым человеком, а управляющим графа Салтыкова. Получив от сына графа освобождение, отец Погодина дал прекрасное образование своему сыну: сначала гимназия, потом университет. Профессор, издатель, писатель, историк, собиратель древностей – ничего этого не обнаруживается в портрете Перова. Зато, как утверждает современная исследовательница, портрет делает «интимный мир... достоянием общественным и утверждает его значение» [5, с. 35].

Полагаю, что в портрете кисти Перова, кроме идеологом шестидесятничества, на которые указывает Г.Ю. Стернин [15, с. 103–105], отозвались оценки современников Погодина. Сначала С.Т. Аксаков в 1841 году писал о грубой, черствой, топорной натуре Погодина [1, с. 202]. Затем уже не в письме, а в «Выбранных местах из переписки с друзьями» (1847) Н.В. Гоголь дает Погодину нелестные характеристики, которые довершаются дарственной надписью на этой книге: «Неопрятному и растрепанному душой Погодину...» [цит. по: 4, с. 429]. Однако далеко не все современники воспринимали Погодина подобным образом. Так, например, Н.В. Берг писал о нем как о великом труженике и редком типе русского ученого, «какого в Москве до тех пор не было и скоро не будет» [3, с. 379]. Увлечение личностью Погодина послужило Н.П. Барсукову основой для описания его жизни и творчества, оборванное на 21-м томе смертью исследователя. В этом томе, изданном уже братом Барсукова, помещен портрет Погодина, который в знак признательности передал сын историка, назвав его лучшим портретом отца. Портрет 1873 года. Замечу, портрет Перова был написан годом раньше, но, видимо, не вызвал сочувствия ни у героя портрета, ни у его близких. Фотография совпадает с портретом Перова и позой, и руками с тростью, но перед нами умудренный жизнью мыслитель. Он одет в костюм, как и полагается общественному деятелю, его волосы тщательно расчесаны. Кажется, фотография являет критический ответ работе Перова.

С портретом Каткова история еще драматичнее. В письме П.М. Третьякову от 10 мая 1872 года В.Г. Перов пишет: «Достоевский и Майков находят, что для Вашей галереи необходимо иметь портрет старика Тютчева, как первого поэта-философа, которому равного не было, кроме Пушкина, и который выше Гейне, – и Каткова, как первый ум России. Даже Достоевский выразился так, что, не имея их портрета, можно сказать себе “слонов-то я и не приметил”, одним словом, они Каткова счи-

тают гением» [12, с. 77–78]. Глубоко уважавший Достоевского Третьяков решил включить Каткова в ряд «лиц, дорогих нации», но тут же получил отповедь от И.Е. Репина, который, похвалив стремление Третьякова собрать коллекцию русских деятелей («ее лучших сынов»), пишет: «Ваше намерение заказать портрет Каткова и поставить его в Вашей галерее не дает мне покоя... Какой же смысл поместить тут же портрет ретрограда, столь долго и с таким неукоснительным постоянством и наглой откровенностью набрасывающегося на всякую светлую мысль, клеймившего позором всякое свободное слово. Притворяясь верным холопом, он льстил нелепым наклонностям властей к завоеваниям, имея в виду только свою наживу. Он готов задавить всякое русское выдающееся дарование... прикидываясь охранителем “государственности”. Со своими турецкими идеалами полнейшего рабства, беспощадных кар и произвола властей эти люди вызывают страшную оппозицию и потрясающие явления, как, напр[имер], 1 марта. Этим торгашам собственной душой лишь бы набить себе карман... Довольно... Неужели этих людей ставить наряду с Толстым, Некрасовым, Тургеневым, Достоевским, Шевченко и другими?! Нет, удержитесь ради Бога!» [11, с. 48]. И это пишется об одном из образованнейших людей своего времени, столь много сделавшим, чтобы в отечестве нашем появились классические гимназии, лучшие выпускники которых составляют славу и гордость русской культуры. Как минимум, весь Серебряный век родом из классических гимназий, где в основу образования было положено изучение древних и новых языков. Надо отдать должное Третьякову: Репин его намерения не поколебал. В течение 1872–1886 годов он обращался к разным художникам с просьбой о портрете Каткова, но «никто не хотел написать его» [8, с. 315]. В конце концов, он пишет к И.Н. Крамскому, предлагая выполнить портрет, но было это уже в год смерти Каткова. Есть сведения, что Крамской разыскивал его адрес в Петербурге. Но то ли не успел, то ли тоже не захотел, портрет так и не был написан.

И Погодину, и Каткову повезло родиться в семьях, где их любили. Отец Погодина хотел видеть в сыне человека умного и успешного, не жалел денег для его образования. Отец Каткова – из личных костромских дворян, титулярный советник, рано умер. Мать Каткова, Варвара Акимовна Тулаева, воспитывалась в доме княжны Мещерской. Став вдовой, все свои силы сосредоточила на старшем сыне, в котором чаяла гения и развитию которого способствовала, как могла. Но все же по происхождению наши герои были из разных сословий: Погодин, как уже отмечалось, – из крестьян, Катков – из дворян. Катков сохранил с матерью не просто теплые семейные отношения, но делился с ней своими интеллектуальными впечатлениями, например,

в письмах из Германии. Погодин отца почитал, помнил о том, чем ему обязан, но не видел в нем близкого в умственном отношении человека.

До женитьбы Погодин был безнадежно влюблен в свою ученицу из рода Трубецких. Был женат дважды (из-за смерти первой супруги), второй раз женился, когда дети от первого брака уже были большими. Оба брака были благополучными. Катков женился один раз, но с некоторыми курьезами. Полюбив дочь московского врача Елизавету Петровну Делоне, красавицу, «влюбившую в себя многих» (П.И. Бартенев), и даже сделал ей предложение, Катков женился на другой – княжне Софии Петровне Шаликовой, в восприятии современников, девушке самой обыкновенной. К тому же Шаликовы состояли в родстве с матерью Каткова. Брак был вполне счастливым и многодетным, хотя изначально лишен какой бы то ни было страсти. Здесь проявились взгляды Каткова на брак: жениться следует разумно. Погодин оба раза женился, будучи искренне влюбленным в свою избранницу.

Оба начинали свою деятельность как университетские преподаватели. Погодин написал и защитил магистерскую диссертацию «О происхождении Руси» (1825), а в 1839 году опубликовал ее под названием «Нестор, историко-критическое рассуждение о начале русских летописей»; Катков написал сначала магистерскую диссертацию «Об элементах и формах славяно-русского языка» (1845), а затем докторскую диссертацию «Очерки древнейшего периода греческой философии» (1854). Но в итоге оба покинули преподавательское поприще. Тому были внешние причины: в случае с Катковым причиной стала отмена преподавания философии в университетах, в случае с Погодиным – решение, спровоцированное личными обстоятельствами (смерть жены, маленькие дети, болезнь не позволили заниматься преподаванием почти весь 1845 год).

Оба активно занимались журналистикой. Погодин издавал журналы «Московский вестник» (1827–1830) и «Москвитянин» (1841–1856), Катков редактировал «Московские ведомости» (1850–1855), издавал «Русский вестник» (1856–1887). Оба были сторонниками монархической власти, что не исключало ее критики, особенно в вопросах, связанных с национальными окраинами. Оба утверждали органическое развитие общества, без революционных потрясений. Оба подвергались резкой критике со стороны либерально-демократической прессы. Любопытным представляется тот факт, что «Русский вестник» стал выходить ровно в тот год, когда закрылся «Москвитянин». Хотя между журналами существовала и определенная разница. Погодин насыщал журнал публикациями научного характера, а Катков – более видел в нем орган публицистики. Но, с другой стороны, оба активно печатали художественную литературу, открывали новые

имена, поддерживали талантливую молодежь. Напомню, именно Погодин опубликовал запрещенную к постановке пьесу А.Н. Островского «Банкрут»; именно на страницах «Русского вестника» были напечатаны антинигилистические романы И.С. Тургенева («Отцы и дети»), Н.С. Лескова («Некуда», «На ножах»), Н.А. Чаева («Подспудные силы»), А.Ф. Писемского («Взбаламученное море»). Да и самоё слово «нигилизм» ввел в оборот Катков. Отношения между Погодиным и Катковым никогда не носили задушевного характера. Не случайно Погодин не отдал Каткову «Москвитянина», когда тот захотел приобрести журнал.

Наконец, и Погодин, и Катков превосходно владели пером. Погодин писал драмы, стихи, прозу. Приведу отрывок из «Простой речи о мудреных вещах» (1872): «Наши философы, нигилисты и прогрессисты суть, большей частью, недоучившиеся студенты и озлобленные семинаристы, или дилетанты-самоучки. Со всеми науками, искусствами, теориями, системами, политикой и всякой премудростью они знакомились как будто из телеграмм. И, не дождавшись почты, пустились судить и рядить вкось и вкривь о всех великих задачах человеческой жизни, о всех важнейших вопросах государственного управления. Друзья мои! Подождать бы вам почты: может быть, принесла бы она вам основания более твердые и прочные!» [14, с. 398]. Погодин нашел удивительный по глубине и содержательной прозрачности образ: телеграмма как форма мысли в ее скоропалительности, здесь главное – быстрее доставить, а содержание уходит на второй план. Эта быстрота в понимании сущности общественного развития, быстрота, наполняемая желчью и горечью. Литература начинает цениться не за художество, а становится ареной для выстраивания собственных концепций устройства мира. Если телеграмма – это образ либеральных сил, то почта с ее основательностью, неторопливостью – образ противоположных сил, национально ориентированных, исторически укрепленных в традиции. Надо заметить, что Погодин не относил себя к славянофилам, поскольку в его времена таковыми именовались те, кого более всего занимал вопрос панславизма. Погодин, конечно, не прошел мимо славянского вопроса, но гораздо более его, как и Каткова, интересовали вопросы польский и остзейский.

Стилистике Каткова завидовал Белинский; искренне восхищался тем, как владел словом Катков, Владимир Соловьев. Напомню, что все переводы из немецкой философии, что есть в классических статьях Белинского, взяты критиком из переводов Каткова, конечно, без ссылок на оно. Все это было до поездки Каткова в Германию, где его увлекли (как в свое время и Погодина) лекции позднего Шеллинга, времен «Философии Откровения», «Философии мифологии», «Мировых систем». Оба были хорошо знакомы с немецким филосо-

фом, впитав его понимание бытия. По Шеллингу, «*Быть* тем, что *Есть*» – смысл сущего, которое входит в вещи как *душа* [16, с. 322]. Прошлое есть исток настоящего, все в мире связано, все продумано и продумано не человеком, а Творцом. Потому нужно в понимании бытия исходить из него самого, а не из построенных теорий. Вот Катков пишет: «Мышление, к какому бы предмету ни относилось, может само служить предметом. Что бы ни высказывалось им о том или другом предмете, мы можем сосредоточить наше внимание на нем самом как на нашем предмете. Оно имеет историю, оно проявилось в действительности, оно находилось в реальных отношениях со всеми силами жизни; следовательно, оно само может быть рассматриваемо как предмет, как факт. Мы не столько должны смотреть на то, что сказано им ложного или истинного, сколько на то, чтобы самим не сказать об нем чего-либо ложного. Итак, прежде всего мышление в своей истории должно быть рассматриваемо лишь относительно себя самого» [7, с. 161–162]. Здесь фактически заявлен тот методологический подход к пониманию сущности явлений предметного мира, который сформируется только в XX веке в трудах свящ. П.А. Флоренского (см. его работу о нерехтских частушках) и французской школы «Анналов» (например, Средневековье в понимании Ле Гоффа). Но мне бы хотелось обратить внимание еще и на то, что предметом постижения у Каткова становится именно мышление как таковое. Он стилистически безупречно и логично в нескольких предложениях объясняет суть поставленной им задачи, которую он решает в «Очерках древнейшего периода греческой философии».

В вопросах, связанных с проблемами национальных окраин России, Погодин прошел путь от благодушно либерального отношения до резкой критики («Статьи политические и польский вопрос. 1856–1867»). Здесь он резко расходился с Катковым, который считал, что «все эти разнородные племена, все эти разнохарактерные области, лежащие по окраинам великого русского мира, составляют его живые части и чувствуют свое единство с ним в единстве государства, в единстве верховной власти – в Царе, в живом всепрощающем олицетворении этого единства» [6, с. 49].

Труды Погодина и Каткова открывают богатство русской мысли, философской – в первую очередь. Свободно владея европейскими и древними языками, они не отрицали зарубежной философии; европейские представления об общественном развитии не были им чужды, но они видели в России оригинальный феномен, имеющий собственную физиономию и собственное бытие, ничем не уступающее европейскому образу жизни.

Погодин и Катков далеко не всегда были единодушны в своих воззрениях, особенно в вопросах о свободе совести и религиозной свободе, о славяно-

фильстве. Так, молодой Катков иронически относил Погодина к «русопетам» [см.: 9, с. 89]. Но они читали труды друг друга, что позволяло уточнять собственные представления, а подчас занимать сходные позиции. Например, сначала Погодин, а позднее Катков критически отнесутся к деятельности А.И. Герцена, дом которого в Лондоне был своеобразной Меккой для русской интеллигенции XIX века. Задолго до Каткова пророчески Погодин писал, что Герцен «сам еще и выдаст себя с повинною», добавляя: «хоть и заблудший сын, а сыном погибели его назвать нельзя» [цит. по: 10, с. 401]. Катков однажды публично (через газету) задаст Герцену один-единственный вопрос: призывая других погибать ради освобождения России, отчего сам не идет на баррикады и в тюрьмы, отсиживаясь за границей? Этот вопрос Каткова прекратит существование «Колокола» Герцена.

В советское время имена Погодина и Каткова подвергались острой критике и не переиздавались, поскольку оба категорически не принимали насильственных форм в изменении общественного устройства. В постсоветские времена больше повезло Каткову, труды которого выходили и отдельными изданиями, и наконец, благодаря А.Н. Николюкину появилось шеститомное собрание сочинений (2010/2012). Погодин же представлен отдельными (и не самыми главными) книгами.

В своей статье я только обозначила контуры возможного отдельного монографического исследования на основе сопоставления жизнеописаний Погодина и Каткова, чтобы через параллелизм открыть многогранность бытия, схватываемого человеческой мыслью, памятуя о замечании М.П. Погодина: «Если бы все оканчивалось здешнюю жизнью, и ничего б после нее не было, то все здесь и было бы (кажется, должно бы быть) понято, и не оставалось бы у нас никаких вопросов и недоумений» [14, с. 59].

Библиографический список

1. Аксаков С.Т. История моего знакомства с Гоголем // Аксаков С.Т. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 3. – М.: Правда, 1966. – С. 143–376.
2. Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина: в 22 кн. Кн. 4. – СПб., 1891. – 420 с.

3. Берг Н.В. Записки // Русские мемуары. Избранные страницы. – М.: Правда, 1990. – С. 372–379.

4. Воронаев В.А. Комментарии к «О том, что такое слово» из «Выбранных мест из переписки с друзьями» // Гоголь Н.В. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 6. Духовная проза. Критика. Публицистика. – М.: Русская книга, 1994. – С. 428–430.

5. Карпова Т.Л. Портретная галерея П.М. Третьякова // Портретная галерея «лиц, дорогих нации» П.М. Третьякова. – М.: ГТГ, 2014. – С. 739.

6. Катков М.Н. Самодержавие царя и единство Руси // Катков М.Н. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2. Русский консерватизм: Государственная публицистика. Деятели России. – СПб.: Росток, 2011. – С. 47–50.

7. Катков М.Н. Очерки древнейшего периода греческой философии // Катков М.Н. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. Философские чтения: Статьи, трактаты, полемика. – СПб.: Росток, 2011. – С. 161–328.

8. Крамской И.Н. Третьяков П.М. Переписка. 1869–1887. – М.: Искусство, 1953. – 520 с.

9. Неведенский С. [Щегловитов С.Г.] Катков и его время. – СПб.: Типография А.С. Суворина, 1888. – 569 с.

10. Павлов Н.М. Poleмика Каткова с Герценом // Катков М.Н. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6. Михаил Никифорович Катков: Pro et contra. – СПб.: Росток, 2012. – С. 396–411.

11. Письма И.Е. Репина: Переписка с П.М. Третьяковым. 1873–1898. – М.; Л.: Искусство, 1946. – 405 с.

12. Письма художников П.М. Третьякову. 1870–1879. – М.: Искусство, 1968. – 347 с.

13. Плутарх. Тесей и Ромул // Плутарх. Сравнительные жизнеописания / полный перевод с древнегреческого С. Дестуниса. – М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2007. – С. 37–80.

14. Погодин М.П. Простая речь о мудреных вещах. – М.: Лепта Книга, 2009. – 512 с.

15. Стернин Г.Ю. Художественная жизнь России второй половины XIX в. 70–80-е годы. – М.: Наука, 1997. – 223 с.

16. Шеллинг Ф. В. Й., фон. Философия мифологии: в 2 т. Т. 1. Введение в философию мифологии / пер. с нем. В.М. Линейкина; под ред. Т.Г. Сидаша. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2013. – 480 с.

Панкратова Ольга Борисовна

кандидат исторических наук, доцент
Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова
pankratova_olga@ksu.edu.ru

Турьгин Александр Александрович

кандидат исторических наук, доцент
Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова
aturigin@mail.ru

МИХАИЛ ПОГОДИН В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ И ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В статье речь идет о жизни и деятельности историка, публициста, коллекционера древних исторических документов Михаила Погодина. Акцент ставится на исследовании источниковедческой и историографической традиций, связанных с изучением жизни и творчества Погодина.

В качестве источников используются воспоминания современников о Погодине, а также труды историков, написанные в разные эпохи и содержащие оценку роли и значения деятельности Погодина как историка, публициста, коллекционера древних документов.

В историографическом обзоре анализируется участие Погодина в общественных исторических дискуссиях XIX века, рассматривается его позиция по отношению к движению славянофилов. Авторы статьи придерживаются точки зрения, что Погодин не был славянофилом в том смысле, который традиционно связывался с этим термином. Погодин не увлекся геополитическими конструкциями границ империи, что занимало славянофилов, а стремился понять самобытность и специфику исторического развития России.

В статье приводятся точки зрения историков, политологов и лингвистов по различным аспектам деятельности Погодина, дается оценка его участия в общественных дискуссиях по проблемам происхождения Руси («норманнская теория»), петровским преобразованиям и крестьянской реформе 1861 года.

***Ключевые слова:** воспоминания, исторические источники, историография, славянофилы, археографическая комиссия, общественные дискуссии первой половины XIX в., Московский университет, профессор, биография.*

Личность Михаила Петровича Погодина (1800–1875) достаточно ярко представлена в исторических источниках и исследованиях. Отличительной особенностью его жизни и деятельности в XIX веке стало то, что он всегда был рядом с теми, кто занимался важными, неотложными, актуальными вопросами этого времени.

Н. Барсуков¹, написавший книгу «Жизнь и труды М.П. Погодина», основным источником для которой стал фундаментальный «погодинский архив», отмечает в предисловии к этому исследованию, что желал бы он написать «о трех мужах», которые наполняли его душу и о которых он хотел бы обязательно написать – это митрополит Московский Филарет, князь П.А. Вяземский и П.М. Строев². История распорядилась таким образом, что частично он написал только о П.М. Строеве, проявившем себя в «Смиренной области Русской археографии и ради ея проведший лучшие годы в монастырских и соборных хранилищах нашей древней письменности...» [1, с. 4], а вот основательно и подробно описал жизнь только Погодина. Но этот факт является знаковым, так как и для П.М. Строева, и для М.П. Погодина собирание древностей стало одним из главных дел жизни. П.М. Строев был одним из основных деятелей Археографической комиссии, занимавшейся собиранием рукописей. Для Погодина огромное значение имело его «Древлехранилище» – собрание рукописей, старопечатных книг, древних грамот, старинных судебных актов, предметов древнего обихода, оружия и т. п.

Известно, что одним из духовных отцов Погодина, сыгравших значимую роль в его становлении, стал известный русский историк Н.М. Карамзин. Именно он стоял у истоков зарождения знаменитой Археографической комиссии, благодаря деятельности которой современные историки могут читать и изучать древнейший летописные, актовые, законодательные источники древнейших времен. Анализом, исследованием и подготовкой летописей к публикации вместе с создателями Археографической комиссии среди прочих занимался и Погодин. Публицист известен как издатель многих исторических документов и материалов [11, с. 63]. Желание и восприятие Погодиным этой деятельности как долга отмечает в своих воспоминаниях А.А. Потехин. Связаны эти воспоминания с одним необычным случаем. Около имения писателя в Костромской губернии находилось село Филисово и старинная барская усадьба Батыево, давно брошенная владельцами. А.А. Потехин, узнав у управляющего этим имением, что в архиве усадьбы имеются письма и бумаги, писанные рукою владельца, выпросил эти письма и привез их в Москву. Получив эти бумаги, М.П. Погодин произвел анализ рукописей и совершил практически историческое открытие, так как эти бумаги из барской усадьбы Батыево стали дополнением и разъяснением к бумагам помещика, попавшим в руки Погодина раньше и не имевшим авторства и даты. Это были инструкции какого-то помещика своим крестьянам, по языку принадлежавшие к XVIII веку – очень интересные докумен-

ты, описывающие бытовые отношения помещика и крестьян. В них упоминались село Фелисово и усадьба Батыево. Это были бумаги, написанные Волинскими, которым ранее принадлежала эта усадьба. «Вот как иногда случайность помогает в исторических розысках... М.П. был в восторге, благодарил меня, чуть не обнимал и обещал печатно рассказать об этом случайном открытии и кажется, сколько я помню, напечатал в Москвитянине» [12, с. 9].

Такое бережное отношение к первоисточнику выразилось и в его подходе к исследованию истории. Погодин не дал авторской, цельной концепции истории России, однако многие его исследования, основанные на изучении первоисточников, сыграли положительную роль в развитии исторической науки. По мнению современника, «он даже пытался формулировать своё сознание о важности строгого фактического исследования в особенную систему, выработав из него особенный метод. Метод этот, названный Погодиным математическим, состоит не в чём ином, как в подборе из памятных фактов всех однородных фактов» [5, с. 1–2]. Это метод стал главным для Погодина в споре с «представителем скептической школы» М.Т. Каченовским³, который «пришел к полному отрицанию древних наших источников. Сомнения Каченовского вскоре приобрели сторонников, но в то же время и опасного противника в лице Погодина. Завязалась весьма продолжительная полемика, или, как называл ее Погодин, «тридцатилетняя война», со скептиками как в литературе, так и в Московском университете, где оба главные противники состояли преподавателями истории» [5, с. 1–2].

Сложные отношения с Каченовским зародились давно. Данные о «тридцателетней войне» подтверждает еще один источник – труд Н. Барсукова [1], в котором приводится следующий эпизод из жизни М.П. Погодина. Окончив диссертацию, Погодин прочитал ее Кубареву⁴. «Вот он слог Карамзинской школы», – сказал последний по окончании чтения. Диссертация получила одобрение, но Каченовский, имевший право первого голоса, сказал, что не может согласиться на награждение медалью студента, которого не знает: может быть, диссертация писана не им. «Это было, – замечал Погодин, – первое мое столкновение с Каченовским, с которым началась тотчас, по окончании курса, война 30-летняя» [1, с. 62].

Современники отмечают чрезвычайную «живость», «чуткость» и некоторые «своеобразные черты» характера, «которые сохранились в Погодине и в зрелом возрасте, трудно было ожидать, чтобы он исключительно сосредоточился в науке» [5, с. 1–2]. Действительно, Погодин занимается писательским трудом, становится публицистом, журналистом, переводчиком и человеком, определяющим судьбы людей, особенно молодых писателей.

А.А. Потехин⁵ пишет, что «был еще очень молод, почти юноша, знал о Погодине, как о заслуженном профессоре, большом ученом, историке – а главное – друге Пушкина и Гоголя, и потому шел к нему не без робости» [12, с. 3–4]. Вспоминая, что в кружке молодой редакции слышал иронические отзывы о Михаиле Петровиче как человеке «расчетливым» и «скуповатом», он сам столкнулся с абсолютной заботливостью в отношении себя, хотя и не без постоянных поучений, советов и наставничеств: «...он не был сух сердцем... был отзывчив, способен на сочувствие и помощь. Я знал молодых людей, которые в нужде обращались к нему и не оставались без помощи, хотя и вынуждены были предварительно выслушивать и наставления и замечания; знал двух, которые жили у него и пользовались от него приютом» [12, с. 5–6].

Воспоминания А.А. Потехина хороши еще тем, что он описывает бытовые подробности и внешний образ Погодина. «Я вошел в его кабинет, большую комнату, очень просто меблированную, поперек которой, близкой к противоположной от входа стене, стоял письменный стол, тоже очень простой, заваленный рукописями и книгами. Из-за этого стола поднялся навстречу ко мне среднего роста человек, в каком-то коричневом не то сюртуке, не то халате, прихрамывающий, с большой головой, покрытой вихрястыми, растрепанными, но не длинными волосами, с широким, некрасивым чисто русского склада лицом, хмурый и угрюмый. Это был М.П. Погодин. Он заговорил со мной своим обычным грубоватым и отрывистым тоном, но в этом тоне не было ни напыщенности, ни пренебрежения, напротив слышалась безыскусность, простота и искренность, так что я сразу ободрился и повел беседу с ним свободно и непринужденно, но чувствовал над собой постоянно пытливей, наблюдательный взгляд и осознавал, что меня как бы зомбируют и экзаменуют» [12, с. 4].

Кроме богатых фактических сведений о личности Погодина, которые присутствуют в многочисленных воспоминаниях его современников, тема его профессиональной и общественной деятельности, его исторические труды и суждения, публицистическая и археографическая деятельность стали предметом отдельных и общих исторических исследований.

Отечественная историографическая традиция относит М.П. Погодина к консервативному, государственно-охранительному направлению [6; 17; 18; 19; 20]. Причиной тому служат сохраняющиеся политические оценки деятельности Погодина, утвердившиеся еще в советской исторической науке. Относя Погодина к «апологетам самодержавия» и «наиболее видным историографам официального направления», советские историки в целом сознательно избегали каких-либо упоминаний о нем и его научных трудах. В целом не подвергая крити-

ке идеи и суждения Погодина, давались резко негативные оценки: «Варяги, по мнению Погодина, явились создателями Русского государства, творцами русской культуры. Даже такие явления национальной культуры, как былины, Погодин считал созданными под влиянием скандинавских саг. Так холопская преданность самодержавию органически сочеталась у Погодина с космополитическими взглядами» [7, с. 317–325].

Находящийся на позициях марксистско-ленинского учения Н.Л. Рубинштейн утверждает, что Погодин как историк и публицист «стоял на службе у самодержавия, у николаевской крепостнической монархии. Политической идеологии самодержавия он подчиняет свой научный метод и исторический материал... Его общая историческая концепция, обращенная в прошлое и полная противоречий, была исторически бесплодна и лишала самого Погодина определяющего влияния на русскую историческую науку, на общий ход ее развития» [15, с. 308].

Другой советский историк, М.Н. Покровский, ставя в упрек Погодину намерение подчинить историю официальной идеологии, указывает, что «при таком взгляде... не могло быть уже более и речи о критическом отношении к официальному пониманию истории, и Погодин скоро дошел до таких утверждений, что Карамзин являлся рядом с ним образцом объективности» [10, с. 45].

В 1980-е гг. в советской историографии были сделаны попытки критически оценить общественно-политические взгляды Погодина [21]. Речь шла прежде всего об отнесении его к славянофильству – традиции советской историографии, берущей свое начало со статьи Г.В. Плеханова «М.П. Погодин и борьба классов» [9, с. 45–101]. В ней, по мнению Е.А. Дудзинской, совершенно несправедливо был поставлен знак равенства между славянофильством и «теорией официальной народности», что долгое время давало повод считать Погодина славянофилом [2, с. 13–14]. Исторические суждения Погодина, представлявшего «официальное направление» историографии, отличались от взглядов славянофилов: «Славянофилы расходились с официальной историографией в понимании одной из главных проблем времени – самодержавие и народ, ибо, по их мнению, народ вечен, а самодержавие преходяще» [2, с. 49].

Современная отечественная (ревизионистская) историография 1990-х гг. реабилитирует Погодина в связи с усилившимся интересом к поиску духовных ориентиров развития общества после распада СССР. Первая «волна» работ также не содержит глубоких оценок творческого наследия Погодина, но провозглашает принцип объективной, лишенной идеологического ангажмента, комплексной оценки.

В различных характеристиках деятельности Погодина обращает на себя внимание неоднознач-

ный характер оценок: от «личностного отношения» современников, связанного с активным участием Погодина в общественных дискуссиях, часто эмоционально окрашенных (спор с С.М. Соловьевым) до официально-идеологических, политических интерпретаций. Выводы, которые были сделаны в 1990-е гг., позволили усомниться в официальных оценках трудов Погодина, заключив, что его воззрения невозможно интерпретировать однозначно, без учета как «традиций национальной школы отечественной историографии», так и достижений западной (немецкой и французской) историографии [3, с. 174–194].

О реабилитации Погодина в науке свидетельствует его пространная биография на страницах многотомного издания о русских писателях, публикация которого началась с 1989 г.; четвертый том, в котором речь идет о Погодине, был опубликован в 1999 г. и содержал уже более корректную оценку его творчества: отмечается вклад Погодина в развитие просвещения, особенно в направлении, касающемся «его намерения переводить лучшие книги «со всех языков» и организовать «общество переводчиков» [14, с. 661], анализируется литературный стиль Погодина, оцениваются его преподавательская и профессиональная (историческая) деятельность.

В 1990-е гг. взгляды и суждения Погодина стали предметом рассмотрения с позиций истории, политологии, литературоведения и культурологии. Такой подход, отрезвивший актуальную тенденцию междисциплинарности гуманитарного знания, постановкой новых вопросов ввел множественность интерпретаций. Историк Н.И. Павленко проанализировал взгляды Погодина на «польский вопрос», «освобождение крестьян» и правление Петра I, заметив, что в исторических исследованиях Погодин стремился не развивать «удобную» для официальных структур теорию, а подчеркнуть специфику и своеобразие национальной истории, не впадая при этом в крайности «западничества» или «славянофильства» [8]. Но Павленко дал невысокую оценку профессиональной деятельности Погодина как историка, полагая, что «все правильное в методике Погодина старо, а все новое – неправильно», а в сравнении с Карамзиным он «сделал шаг назад» [8, с. 111].

Политолог К.В. Рясенцев рассматривает общественно-политическую деятельность Погодина в контексте связи «государство – общество», анализирует его вклад в развитие идеологии консерватизма и панславизма [16]. Оценка Погодина как главного идеолога авторской концепции «национально-либерального консерватизма» дается Д.А. Иванниковым [4].

Публицистическая и журналистская деятельность Погодина анализируется Н.Н. Пуряевой, которая исследует его очерки и статьи в «Москов-

ском вестнике» и «Москвитяине», соотнося годы публикации в них Погодина со временем подъема и успеха изданий. Художественный и публицистический стиль Погодина, ставший предметом исследования Н.Н. Пуряевой, соотносится также с жанром повести и исторической драмы, что позволяет проследить влияние на творчество других писателей [13].

Творчество Погодина косвенно затрагивается западной историографией в связи с изучением особенностей исторического развития России, сопровождавшимся усилением интереса к ее истории (Р. Пайпс, Р. Уортман, Д. Хоскинг). Но поскольку оно так и не стало предметом отдельного исследования, упоминание о Погодине чаще всего дублировало существующие в советской историографии клише: Погодин – славянофил, защищающий идеи «православия, самодержавия, народности» (*Orthodoxie, Willkürherrschaft und Volkstümelei*) [25, S. 33], Погодин – идеалист, имеющий романтические представления о Древней Руси и идеализировавший образы прошлого, преподнося в качестве предков славян богатырей и героев [23, S. 96], Погодин – представитель первого поколения славянофилов (1830–1850 гг.) [22, S. 166].

Исследование немецкого историка Райнера Линднера вызывает интерес с точки зрения анализа споров об основах российской государственности и упоминания в этой связи Погодина [24, S. 85]. Погодин у Линднера представляет одну из «линий интерпретации» в историографии первой половины XIX в., которые были представлены Санкт-Петербургом, Вильно и Киевом (речь шла об интерпретации событий средневековой истории Руси с X по XIII вв.). Погодин принял активное участие в споре с украинским историком М.А. Максимовичем по поводу Приднестровья. Спор повлиял на последующие дискуссии, так как речь шла о противостоянии официальной и неофициальной истории, первую представлял собиратель украинских песен, проживающий у себя на хуторе Максимович, вторую – авторитетнейший московский профессор Погодин. Этот спор, по мнению Линднера, сам стал «мифом», хотя и посвящен был «мифам». Из-за слабости аргументации Погодина «спор историков» в дальнейшем повлиял на развитие национального украинского самосознания.

Таким образом, историография жизни и трудов Погодина демонстрирует сохранение множественности оценок, что свидетельствует о значении его творчества как для современников, так и для потомков. Его труды, выдержавшие критику сразу нескольких эпох, являют собой уникальный пример ограниченности каких бы то ни было односторонних, в том числе идеологических, интерпретаций.

Для отечественной истории и историографии абсолютное значение имеют личности, биографии которых отражают современное им состояние нау-

ки, литературы, искусства, степени образованности, интересы и нравы. Несомненно, такой личностью в XIX веке был Погодин.

Примечания

¹ Барсуков Николай Платонович (1838–1906) – историк, археограф, библиограф. С 1863 г. состоял на службе в Археографической комиссии. Публиковал собранные исторические материалы в «Русском архиве» и «Русской старине».

² Строев Павел Михайлович (1796–1876) – археограф, библиограф, автор «Краткой российской истории для начинающих»; служил в архиве Министерства иностранных дел, принимал участие в издании «Собрания государственных грамот и договоров», в составе «кружка Румянцева» и археографической комиссии занимался систематическим собиранием, описания и издания рукописных памятников старины.

³ Каченовский Михаил Трофимович (1775–1842) – русский историк, переводчик, литературный критик, профессор Московского университета, родоначальник «скептической школы» в русской историографии, издатель «Вестника Европы».

⁴ Кубарев Алексей Михайлович (1796–1881) – филолог, специалист по греческой и римской словесности, один из деятельных членов Общества истории и древностей Российских; после выхода в отставку посвятил свою жизнь изучению древнейших историко-литературных источников.

⁵ Потехин Алексей Антипович (1829–1908) – драматург, романист, уроженец г. Кинешмы. Окончил Костромскую гимназию, автор сочинения «Образование присутственных мест при Петре Первом». Служил чиновником особых поручений при костромском губернаторе. Был членом Общества любителей российской словесности. Публиковался в «Русском вестнике», «Современнике», «Библиотеке для чтения».

Библиографический список

1. Барсуков Н. Жизнь и труды М.П. Погодина: в 22 т. – СПб., 1888–1910.
2. Дудзинская Е.А. Славянофилы в общественной борьбе. – М.: Мысль, 1983. – 271 с.
3. Дуроновоцев В.И., Бачинин А.Н. Разъяснять явления русской жизни из нее самой: Михаил Петрович Погодин // Историки России XVIII – начала XX в. – М., 1996. – С. 174–194.
4. Иванников Д.А. Общественно-политические взгляды и деятельность М. П. Погодина: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Рос. ун-т дружбы народов. – М., 2005. – 36 с.
5. Из выступления А.И. Никитского по случаю смерти М.П. Погодина в Варшавского университете // Виленский Вестник. – 1876. – № 18.
6. Карнаухов Д.В. Исторический миф как фактор стереотипизации взаимного восприятия поляков

- и русских // Полонии в Сибири, России и в мире: проблемы изучения. – Иркутск, 2006. – С. 17–31.
7. Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 1. / под ред. М.Н. Тихомирова. – М., 1955. – С. 317–325.
8. Павленко Н.И. Михаил Погодин. – М., 2003. – 360 с.
9. Плеханов Г.В. Сочинения. Т. XXIII. – М., 1926. – С. 45–101.
10. Покровский М.Н. Историческая наука и борьба классов: Историографические очерки, критические статьи и заметки. Т. 2. – 2-е изд. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 448 с.
11. Посошков И.Т. Сочинения. Т. 1–2. – М., 1842.
12. Потехин А.А. Воспоминания о М.П. Погодине. – СПб., 1901.
13. Пуряева Н.Н. М.П. Погодин – литератор: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М.: МГУ, 2006. – 41 с.
14. Рогов К.Ю. Погодин М.П. // Русские писатели. 1800–1917: Биограф. словарь. Т. 4. – М., 1999.
15. Русская историография / под ред. А.Ю. Дворниченко, Ю.В. Кривошеева, М.В. Мандрюк. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008. – 938 с.
16. Рясенцев К.В. Политический консерватизм М.П. Погодина (1800–1875): автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М., 2007. – 35 с.
17. Сидоренко О.В. Историография отечественной истории (IX – начало XX в.). – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2004. – 299 с.
18. Умбрашко К.Б. «Скептическая школа» в исторической науке России первой половины XIX века / науч. ред. А.Н. Сахаров. – М.: Институт Российской истории РАН, 2006. – 356 с.
19. Умбрашко К.Б. Взгляд на историю как на науку: Малоизвестные источники по русской историографии (первая половина XIX в.) / сост. Р.А. Киреева, К.Б. Умбрашко; Институт российской истории Российской академии наук. – М.; СПб.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2015. – 560 с.
20. Умбрашко К.Б. М.П. Погодин: Человек. Историк. Публицист. – М., 1999. – 269 с.
21. Цимбаев Н.И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. – М.: Изд-во Московского университета, 1986. – 272 с.
22. Astafieva E. Imaginäre und wirkliche Präsenz Russland in Nahen Osten in den zweiten Hälften des 19. Jahrhunderts, in: Europäer in der Levante. Zwischen Politik, Wissenschaft und Religion (19–20 Jahrhundert). – München: Oldenburg Verlag, 2004.
23. Klotchkov Kathleen. Der lange Weg zum Fest. Die Geschichte der Moskauer Stadtgründungsfeier von 1847 bis 1947. – Berlin: Verlag für wissenschaftliche Literatur, 2006.
24. Lindner R. Historiker und Herrschaft: Nationsbildung und Geschichtspolitik in Weißrussland im 19 und 20 Jahrhundert. – München: Oldenbourg, 1999.
25. Rattner J., Danzer G. Der Humanismus und der soziale Gedanke im russischen Schrifttum des 19 Jahrhunderts. – Würzburg: Königshausen und Neumann GmbH, 2003.

К ИСТОРИИ «МОЛОДОЙ РЕДАКЦИИ» «МОСКВИТЯНИНА»

«Учено-литературный» журнал «Москвитянин» был основан профессором истории М.П. Погодиным в 1841 году. Наиболее плодотворным для журнала стал период, когда Погодин передал редакторские права молодым литераторам А.Н. Островскому, Т.И. Филиппову, Е.Н. Эдельсону. Позднее к ним присоединились А.А. Григорьев, Н.В. Берг, Б.Н. Алмазов, Л.А. Мей и другие. Их стали называть «молодая редакция» «Москвитянина». Среди членов редакции были драматурги, поэты, прозаики, критики. Некоторые имели опыт редакторской работы, но в «Москвитянине» все задались целью создать журнал нового идейно-эстетического направления.

В основе творческой работы участников этого сообщества лежала увлеченность народным искусством. Они стремились глубоко изучить народную жизнь в современных ее проявлениях. Проблема народознания стала одной из важнейших в их творчестве. Это определило новые пути в драматургии Островского, критике Григорьева, поэзии Мея. Творческое содружество «молодой редакции» оказалось удачным и в том плане, что к ним потянулись десятки прогрессивно мыслящих молодых людей, которые прониклись народной идеей и мечтали найти свою дорогу в литературе. К москвитянинам примкнули и уже известные люди. Завсегдатаями собраний были: актер П.М. Садовский, художник П.М. Боклевский, скульптор и литератор Н.А. Рамазанов. Несомненным лидером в этом сообществе был Островский. «Молодая редакция» переросла в кружок Островского, который некоторые его участники позднее назвали литературной школой. Вместе с тем исследователи, обращающиеся к изучению истории и эстетики «молодой редакции» «Москвитянина», часто забывают это, опираясь лишь на несколько имен. Необходимы иные подходы, позволяющие создать целостную картину нового незаурядного литературного явления.

Ключевые слова: М.П. Погодин, «молодая редакция», кружок А.Н. Островского, народознание, западники, славянофилы.

Как известно, «молодая редакция» журнала «Москвитянин» возникла в результате соглашения между редактором – издателем М.П. Погодиным и группой начинающих литераторов. Первоначально в эту группу входили А.Н. Островский, Т.И. Филиппов и Е.Н. Эдельсон – «...основное первоначальное ядро редакции» [5, с. 21]. Позднее к ним присоединились А.А. Григорьев, Н.В. Берг, Б.Н. Алмазов, Л.А. Мей и др.

Время возникновения «молодой редакции» исследователи определяют по-разному. Б.Ф. Егоров называет март 1850 года, когда в № 6 «Москвитянина» появилась первая комедия Островского «Свои люди – сочтемся!». Биограф драматурга М.П. Лобанов указывает на февраль 1851 года, исходя из того, что в январе Островский уволился из коммерческого суда и «...мог рассчитывать только на литературный заработок» [8, с. 59, 394]. Видимо, прав Егоров. Островский уже в 1850 году опубликовал в «Москвитянине» не только комедию, но и критическую статью о повести Евг. Тур «Ошибка», а в сентябре 1851 года в письме к Погодину сообщал, что ограничивает свое участие в журнале только художественными произведениями [13, с. 37]. Значит, была такая договоренность в 1850 году, когда появилось «первоначальное ядро» «молодой редакции». В 1851 году критический отдел возглавил Ап. Григорьев, имевший опыт редактирования и написания критических статей в журнале В.С. Межевича «Репертуар и Пантеон» и в газете В.Н. Драшусова «Московский городской листок».

Временем распада «молодой редакции» нередко называют 1853 год [11, с. 148]. Погодин хотел передать журнал М.Н. Каткову и в декабре вел с ним

переговоры. В этом же году заканчивается активная переписка Островского с Погодиным, что служило косвенным указанием на их разрыв. Но все, видимо, объясняется проще. В четвертом номере «Москвитянина» за этот год Погодин сообщает, что работает над серьезным историческим трудом и просит друзей и знакомых не беспокоить его: «Нельзя ли уж и писем не писать ко мне без крайней необходимости до того же срока» [8, с. 90]. Примечательно, что в письме от 3 декабря 1853 года, в период активных переговоров о передаче журнала Каткову, Островский пишет Погодину: «...рад всячески служить “Москвитянину”» [13, с. 67].

Финансовые и идейные разногласия между Погодиным и членами «молодой редакции» не привели к распаду этого литературного объединения. Так случилось, что сблизилась бедные начинающие литераторы и небогатый издатель. Отсюда и денежные вопросы. Идейные разногласия рождались между «книжным» профессором и увлеченными молодыми авторами, которые жадно искали свой путь в литературе. В 1862 году в воспоминаниях «Мои литературные и нравственные скитальчества» Ап. Григорьев писал об этом периоде своей жизни: «И затем – опять Москва. Мечтательная жизнь кончена. Начинается настоящая молодость, с жаждой настоящей жизни, с тяжкими уроками и опытами. Новые встречи, новые люди, люди, в которых нет ничего или очень мало книжного, люди, которые “продерживают” [продергивают, высмеивают] в самих себе и в других все напускное, все подогретое, и носят в душе беспритязательно, наивно до бессознательности веру в народ и народность. Все “народное”, даже местное, что окружало мое воспитание,

все, что я на время успел почти заглушить в себе, отдавшись могущественным веяниям науки и литературы, – поднимается в душе с неожиданной силой и растет, растет до фанатической исключительной меры, до нетерпимости, до пропаганды... Пять лет новой жизненной школы» [4, с. 7].

Ясно, что Григорьев имел в виду не просто свое участие в журнале Погодина. Он писал о содружестве единомышленников, уверовавших в идею народности, и определял для себя временные рамки этой «новой жизненной школы» в пять лет, то есть до закрытия «Москвитянина». Последний номер был датирован 1856 годом. Погодин еще надеялся передать журнал Григорьеву, и тот в 1857 году был утвержден редактором, но по рекомендации самого Погодина в этом же году надолго уехал за границу. Островский еще в апреле 1856 года по заданию морского министерства отправился в путешествие по Волге. Такое же поручение получили и некоторые другие литераторы, близкие к «Москвитянину». «Молодая редакция» как устойчивое литературное объединение просуществовала до закрытия журнала, хотя степень ее влияния на редакторскую политику в разные годы была разной. Она очень быстро переросла в литературный кружок, деятельность которого была шире, чем просто участие в журнале Погодина. С.В. Максимов называл это объединение «кружок Островского». Он сблизился с Островским и «молодой редакцией» «Москвитянина» в 1850 году и написал об этом литературном явлении интересные воспоминания. По мнению Максимова, кружок Островского притягивал к себе прежде всего потому, что в нем виделись «... в живые воскресшие надежды на возрождение примолкавшей художественной литературы» [9, с. 151].

Островский в начале 1850-х годов явно искал новую идейно-эстетическую основу для своего творчества, разработка и становление которой не могли не быть связаны с ее проверкой и оценкой в кругу близких по духу людей. Деятельность драматурга в начальный период существования «молодой редакции» была направлена на консолидацию определенных творческих сил и вызывала наиболее одухотворенное и восторженное понимание не только в среде, так сказать, «официальных» членов «молодой редакции» «Москвитянина», но и в довольно многочисленной группе близкой Островскому молодежи, которая только находилась на подступах к самостоятельному художественному творчеству. В этот кружок входили начинающие поэты, прозаики, драматурги, актеры, художники, собиратели фольклора. Завсегдатаями были и известные люди: актер П.М. Садовский, художник П.М. Боклевский, скульптор и литератор Н.А. Рамазанов. Чтобы понять эстетику «молодой редакции» «Москвитянина», мало опираться только на критические статьи, написанные ее членами. Нужно осмыслить деятельность всего культурного со-

общества, объединившегося вокруг Островского. Отмечая лидерские качества драматурга, Максимов прежде всего обращает внимание на нравственную силу его личности: «...он был поистине нравственно сильный человек... Никогда ни один мыслящий человек не сблизился с ним, не почувствовав всей силы этого передового человека». Л. Мей, по мнению Максимова, под влиянием кружка Островского «... решительно переменил строй своей лиры, перейдя на родную отечественную почву» [9, с. 143].

В.Я. Лакшин считал, что объединение молодых сил вокруг Островского было стихийным и зачастую случайным «разношерстным приятельским кругом» [6, с. 141]. Максимов видел в этом не стихийность, а закономерность. О себе и своих друзьях он писал: «Давно уже мы бегали по трактирам с исключительной целью добиться книжки “Москвитянина”, где была напечатана комедия “Свои люди, сочтемся”... Мы давно уже знали, что Гоголь умер для творчества... На покинутое Гоголем добровольно и вакантное место выступил достойный последователь и прямой наследник его, с выработанным новым взглядом на русскую жизнь и русского человека, с особым преимуществом знатока великорусского народного быта и его несомненно верных и до тонкости изученных национальных свойств, а в особенности отечественного языка в изумительном совершенстве» [9, с. 149–150]. Обращение Островского к народным, национальным началам воспринималось Максимовым и его друзьями как новое направление в русской литературе, становилось стимулом для собственной творческой деятельности.

Таким образом, говорить о стихийном и случайном объединении творческой молодежи вокруг Островского едва ли целесообразно. Точнее будет помнить о «разнообразии составных элементов» и «разнохарактерном сборе», где Островский был «связующим звеном» [9, с. 158]. Именно такое «разнохарактерное» соединение людей, где уважали мнение каждого, несло в себе демократические формы общения и было в духе идей Островского этого периода, отражало его взгляды о гармонии общечеловеческого и личного [12, с. 8], когда в творчестве самого драматурга «...шло прислушливое изучение неизвестных еще приемов в живой речи» и в живой жизни [12, с. 224].

Идеи Островского и способы их реализации в художественном творчестве были новы для литературы «мрачного семилетия» и отвечали духовным потребностям молодого поколения, ищущего выход из тяжелой атмосферы, мешающей развитию демократических начал личности. Это были потребности нравственного самосознания и национального возрождения. Поэтому молодежь, окружавшая Островского, находила в его творчестве и в общении с ним богатую питательную среду для своего духовного роста и личного самоопределе-

ния. По мнению Максимова, «...молодежь, которая окружала А.Н. Островского, удачно была им подобрана... умела подцветить досужные часы работников мысли и слова, когда они, для обмена мнениями и для развлечений, собирались у Островского, у Григорьева, у Ев. Эдельсона» [9, с. 143].

Важным для понимания идейно-эстетической платформы «молодой редакции» является вопрос об отношении кружка Островского к западникам и славянофилам, особенно с конца 1850 до середины 1852 года. Этот период в деятельности «молодой редакции» «Москвитянина» справедливо определен Б.Ф. Егоровым как период наибольшей идейной консолидации всех ее членов, а взгляды Островского 1850–1851 гг. представляли, по его мнению, «...относительно целостную теорию, которая послужила основой для идеологии “молодой редакции”» [5, с. 24].

В нашем литературоведении давно установлен тот интересный факт, что все члены «молодой редакции» в 1840-е годы пережили увлечение западничеством. Это увлечение ослабло после 1848 года. А вместе с тем, разумеется, была пережита и определенная антипатия к славянофильству в тогдашнем его бытовании. И если позднее (после 1852 года) у них наметились новые выходы к национальной идее, то, несомненно, на каком-то ином уровне ее понимания. С первых дней возникновения «молодой редакции» Островский и его друзья искали свой самостоятельный путь выхода русского общества и русской культуры из духовного кризиса через новое отношение к духовному наследию народа.

В.А. Бочкарев когда-то недоумевал: «Почему большая группа талантливых молодых людей, вчерашних западников, людей, в подавляющем большинстве совсем далеко не ретроградных, пошла в журнал реакционного историка и публициста Погодина и стала проповедовать идеи своеобразного славянофильства?» [2, с. 181]. Заметим, что словом «своеобразный» автор как бы пытался оградить москвитянинцев от славянофильства в сложившемся на тот момент понимании. С.А. Венгеров более чем за полвека до Бочкарева объяснял участие драматурга в журнале случайностью [3, с. 592]. Но это едва ли так. И объяснение совсем не в том, что негде было печататься. Не стоит забывать, что Погодин происходил из крепостных и всю жизнь помнил это. Отец его с семьей получил вольную, когда сыну было шесть лет (1806 г.). О народной тематике в литературе он задумывался задолго до издания журнала. В 1826 году Погодин опубликовал в «Северных цветах» «Письмо о русских романах». Здесь он сформулировал некоторые принципы развития русской литературы, считал, что она должна изображать народную жизнь, народный быт с учетом сословных особенностей, в том числе и языковых различий купцов, священников,

крестьян. В 1845 году Погодин уступил на некоторое время редакторские права И.В. Киреевскому, прошедшему эволюцию от западника до славянофила. Позднее были приглашены С.П. Шевырев, И.М. Снегирев, появился А.Ф. Вельтман, который живо интересовался славянской тематикой, историей Древней Руси и фольклором.

Уже в бытность «молодой редакции» Погодин пытался склонить к сотрудничеству Д.В. Григоровича, И.С. Тургенева, П.В. Анненкова. Фактически, он раньше Н.А. Некрасова намеревался создать коллектив постоянных сотрудников при журнале. Идея народности, как объединяющая, стала при этом одной из важнейших, хоть способы ее воплощения только нащупывались.

«Москвитянин» стал платформой, используя которую можно было наглядно показать необходимость единения передовых сил с духовной культурой народа. Отсюда у Островского «...движение вглубь народного сознания, желание стать на точку зрения народного принципа и прямо закрепить его в народной формуле – поговорке» [14, с. 157]. Кружок Островского чутко уловил, что наступило время собирать силы, искать источники духовной энергии народных масс. Это понимали и славянофилы, и западники. Явно не из симпатии к славянофилам, но исходя из жизненных и идеологических соображений, Н. Г. Чернышевский писал о необходимости «переселиться в душу поселянина» [15, с. 682].

Для Островского в этот период художественность искусства определялась его правдивостью. «Бытовой репертуар, если он художествен, т. е. если правдив, – великое дело... он покажет, что есть хорошего, доброго в русском человеке и что есть в нем дикого и грубого, с чем он должен бороться», – писал он [12, с. 138]. Этот подход во многом объясняет неприятие Островским всего «резко определившегося», дисгармоничного, а значит, и идейной разобщенности, поскольку она мешала направить все силы на изучение свойств народной жизни. Немного позднее тесно сотрудничавший с молодой редакцией Писемский в письме к Островскому так намечал программу своего журнала: «Я открою им свободный орган для выражения их убеждений, в которых, вероятно, мы не будем розниться и которые в “Библиотеке” будут состоят в том, чтобы восстановить и хоть скольконнибудь раскрыть не достоинства уж, а свойства человеческие, русского человека, которые “Русский вестник” окончательно у него отнял» [10, с. 372]. Этот подход к изучению свойств народа и народной жизни был не нов и шел от «натуральной школы». Им страстно увлекались все члены кружка Островского. Но здесь происходило переосмысление прежних литературных традиций и наполнение их новым содержанием.

«Молодая редакция» готова была сблизиться со всеми искренними демократическими начи-

нениями. Внешне это выглядело так. Островский пытался привлечь к участию в журнале и Хомякова, и Грановского, посещал салон известной московской западницы Евг. Тур, написал в 1850 году о ее повести «Ошибка» положительный отзыв. «В московском разобщенном обществе, охотно и ярко предъявлявшем наклонности к уединению и отчуждению от того, что находится вне сферы личных коммерческих интересов, уже одна эта возможность сближения составляет немалую заслугу», – писал Максимов, одобряя его стремление соединить «все художественные силы Москвы» [9, с. 158]. Это шло вразрез с попытками славянофилов и западников установить монополию на свои принципы, но было в духе времени, потому что «...возникла потребность на все в мире посмотреть заново, взамен утраченных в движении истории связей между людьми, найти новые, более гибкие и совершенные» [7, с. 33–34]. Островский одним из первых уловил новые тенденции, предопределяя поворот литературы о народной жизни к постижению новых истин.

Изучение народной жизни имело такую важную составляющую, как собирание фольклора. Этим увлекались и Островский, и Григорьев, и Филиппов, и многие их друзья, близкие к «молодой редакции» «Москвитянина». Предпочтение отдавалось народной песне. Через эту деятельность возникали прямые контакты со славянофилами. «Увлечение кружка Островского или молодой редакции “Москвитянина” русскою песней, может быть, имело прямым или косвенным источником движение в эту сторону славянофилов во главе с П.В. Киреевским, примыкавших также своими симпатиями к погодинскому журналу. С другой стороны, тем не менее, перлы народного творчества здесь получали живое художественное толкование. Песня оживала не в мертвых записях, а в своих цельных образах», – писал Максимов, точно определяя разницу между мертвой идеей одних и живой жизнью других [9, с. 141–142].

В заключении стоит привести слова П.В. Анненского, который в статье о Писемском очень точно определил идейно-эстетическую основу кружка Островского. Он убедительно обозначил позиции, по которым проходили размежевания со славянофилами: «В эту пору перерыва умственной жизни общества послышались голоса из органа М.П. Погодина и славянофилов, “Москвитянина”, которые, при господствовавшем молчании, показали знаменем времени, как бы указывавшим на скорое появление новых сил и литературных задач. Вокруг журнала и, кажется, без особого старания редактора, образовалась группа молодых писателей, имевшая своих критиков, этнографов, философов, беллетристов и драматургов, которую петербургские их собратья приняли спервоначала за отрожденные славянофильства, благодаря тому, что группа

выказывала если не враждебность, то полное равнодушие к предшествующей публицистической деятельности западного кружка и искала других основ развития, чем он. Писатели, составлявшие группу, обратились за источниками художественных вдохновений и за устройством своего созерцания к верованиям и бытовым привычкам народных масс. Не мудрено, что эти новые народолюбцы подали повод к недоразумениям: дороги, ими открываемые, близко шли около тропинок, пробитых прежде славянофилами. Смешать их с последними было очень легко по общности вопросов, затрагиваемых обоими; но существовала большая разница в их способах понимать народную культуру и относиться к ней. Члены нового кружка, почти без исключения, обладали значительным критическим чутьем, и это помогало им различать несостоятельность некоторых сторон русской жизни, хотя бы и выращенных веками и носящих на себе печать самой почтенной древности» [1, с. 479–480].

Библиографический список

1. Анненков П.В. Литературные воспоминания. – М.: Гослитиздат, 1960. – 687 с.
2. Бочкарев В.А. К истории молодой редакции «Москвитянина» // Учен. зап. Куйбышевского пединститута. Вып. 6. – Куйбышев, 1942.
3. Венгеров С.А. Молодая редакция «Москвитянина». Из истории русской журналистики // Вестник Европы. Т. 1, кн. 2. – 1886.
4. Григорьев Аполлон. Воспоминания. – Л.: Наука, 1980. – 440 с.
5. Егоров Б.Ф. А.Н. Островский и «молодая редакция» «Москвитянина» // А.Н. Островский и русская литература. – Кострома, 1974. – 112 с.
6. Лакин В.Я. А.Н. Островский. – М.: Искусство, 1976. – 527 с.
7. Лебедев Ю.В. У истоков эпоса. – Ярославль, 1975. – 162 с.
8. Лобанов М.П. Александр Островский. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Молодая гвардия, 1989. – 400 с.
9. Максимов С.В. Александр Николаевич Островский (По моим воспоминаниям) // Максимов С.В. Литературные путешествия. – М.: Современник, 1986. – 416 с.
10. Неизданные письма к А.Н. Островскому. – М.; Л.: Академия, 1932. – 744 с.
11. Некрасов В.Н. Погодин Михаил Петрович // Русские писатели: в 2 т. Т. 2. – М.: Просвещение, 1990. – 448 с.
12. Островский А.Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. Т. 10. – М.: Искусство, 1978. – 720 с.
13. Островский А.Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. Т. 11. – М.: Искусство, 1979. – 784 с.
14. Скатов Н.Н. Далекое и близкое. – М.: Современник, 1981. – 352 с.
15. Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: в 16 т. Т. 4. – М.: Художественная литература, 1948. – 678 с.

«ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ» М.П. ПОГОДИНА О КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ

В статье рассматриваются путевые записки М.П. Погодина, опубликованные в журнале «Москвитянин» в 1841 г., с точки зрения становления жанра травелога, который получил наибольшее распространение в XIX в. Особое внимание уделено выявлению цели путешествия, способу его осуществления и описания.

Путешествие М.П. Погодина рассматривается как способ формирования личной идентичности. Важную роль при этом играло сопоставление Запада (как «Другого») с Россией, столицы с провинцией, крупных городов с глухими деревнями. В первых номерах журнала публиковался «Дорожный дневник», посвященный пребыванию М.П. Погодина в Париже, позже он представил вниманию читателей «Путевые записки» о поездке на Русский Север, через Нижний Новгород и Кострому в Вологду.

В статье рассматривается часть «Записок», посвященная дороге по территории Костромской губернии. Предметом интереса автора были быденная жизнь встреченных им людей, вопросы, которые волновали их, разговоры, которые были подслушаны. При первой возможности он посещал учебные заведения, и это становилось поводом к размышлению о том, как и чему надо учить (и учителей, и школьников). Всюду он разыскивал людей, которые собирали древности, отмечал любые замеченные им репрезентации представлений о прошлом.

Всё это сегодня может быть использовано такими направлениями исторической науки, как история повседневности, микроистория, персональная история, устная история, изучение памяти и мн. др.

Ключевые слова: травелог, источники личного происхождения, история повседневности, Костромская губерния, М.П. Погодин, журнал «Москвитянин».

Довольно долго отечественная историография (да и не только она) с подозрением относилась к источникам личного происхождения, подозревая их в субъективности, ангажированности, склонности к сознательному искажению исторической реальности. Пожалуй, только с появлением трудов историков-медиевистов, не понаслышке знакомых с трудами представителей школы «Анналов», это положение стало меняться.

Французы продемонстрировали, что искусство историка состоит в умении «задавать вопросы» самым разным источникам [1]. В 1990-х гг. с появлением множества переводных исследований в значительной мере именно источники личного происхождения стали основой для работы в таких актуальных направлениях, как история повседневности, микроистория, персональная история, история идей, устная история, быденное историческое знание, конструирование памяти и мн. др. [11].

Непосредственно путевые заметки как исторический источник личного происхождения заново открыл для исследователей В.Ю. Афиани ещё в 1970-х гг., а в статье 1993 г., написанной совместно В.Ю. Афиани и Л.Б. Хорошиловой, справедливо отмечалось: «Путевые очерки, рассыпанные в периодической печати, еще предстоит востребовать как источник для изучения культуры российской провинции» [2, с. 122]. И не только для этого, с полным правом можно добавить сегодня.

Ныне эти источники востребованы как литераторами [5], так и многочисленными диссертантами (историками, филологами, культурологами), которые исследуют поездки наших соотечественников в дальние страны и в пределах границ собственного государства, основываясь в том числе и на «литературе путешествий» [4].

XIX столетие, когда написание и публикация травелогов подчас становились самостоятельной целью путешествия, особенно популярно у исследователей. Однако путевые заметки М.П. Погодина, несмотря на появление посвященных ему монографии Н.П. Павленко и диссертаций А.В. Бакаловой, А.В. Почиваловой, Н.Н. Пуряевой и др. [8; 10], пока не рассматривались как исторический источник.

Путевые записки М.П. Погодина стали публиковаться с первых номеров журнала «Москвитянин», издание которого началось в 1841 г., они освещали поездку редактора нового издания во Францию и печатались под заглавием «Месяц в Париже». Уже там начал складываться особый стиль написания, который подвергся критике «ближнего круга» автора. Необычным показалось внимание, которое путешественник уделял повседневным подробностям, незначительным на первый взгляд деталям – «domestica facta», по словам С.П. Шевырёва, который и сам неоднократно бывал в Европе и даже имел степень доктора философии Сорбонны.

Н.П. Барсуков опубликовал текст характерной записочки С.П. Шевырёва к М.П. Погодину: «Сделай милость, выкинь все те места, где говорится о деньгах, счетах, еде (что ты за гастроном?). Ты тем уменьшаешь интерес путешествия. А кроме того даёшь повод насмешникам придираяться» [3, с. 24]. Автор записок возражал: «Не понимают, что такое Дневник. Если наполнять его всякий день от утра до вечера великолепными описаниями, где же будет правда!» [3, с. 24–25].

И.Е. Бецкий беспокоился об учителе: «Вы тут как на ладоне (так! – Л. С.); вся ваша субъективность отражается в каждой строчке, как в зеркале. Не понимаю даже, как вы решились так писать.

Ведь музам хорошо в Греции было ходить наги-ми, там и климат приличнее, не простудишься; оне верно и не краснели от изящной наготы; но у нас... Иной такой подлец сыщется, что и обрадуется слу-чаю» [3, с. 26].

Таким образом, видно, что особенно остро вос-принималась открытость автора повествования, демонстрация им в записках своей погруженности в бытовые вопросы. Это противоречило обычаю, который был установлен ещё в XVIII в., максима-льно подчинять текст общественно значимым вопросам, описаниям достопримечательных мест, избегая «презренной прозы» жизни.

Между тем отсутствие публицистической одно-мерности привлекало читателей. Директор уни-верситетской типографии П.А. Курбатов писал: «После писем Карамзина я ничего не читал за-нимательнее ваших записок о Париже» [3, с. 26]. В.И. Даль отмечал, что «в записках ваших нет этой пошлой брани на Французов, нет того наносного хвастовства... а есть зато убеждение, есть убежде-ние ума и сердца; видишь, что всякое слово сказа-но от души» [цит. по: 3, с. 26].

Эти и подобные им замечания показывают, насколько необычным для этого жанра в то вре-мя был погодинский стиль, лишённый открытой публицистичности и намеренной литературной обработанности. Это, конечно, ещё не были за-писки «для себя», читатель как адресат был пред-усмотрен, только интонация разговора с ним была задана более доверительная, почти интимная, рас-считанная на доброжелательного единомышлен-ника, который нуждался не в убеждении, а в со-вместном размышлении. И здесь стало важным сопоставление «Я – Другой» – то, что, по словам нашего современника, «коллективные иденти-чности имеют внешние составляющие: эти иден-тичности определяются целыми напластованиями “Других”» [7, с. 14]. Не случайно, что вывод, сде-ланный по прочтении парижских записок В.И. Дал-ем, зафиксировал ситуацию противопоставления как необходимость поиска Своего: «Да, для нас не годится Запад, нам пора собрать разметанные, сонные члены свои и встать и протереть глаза на чужом пиру с похмелья, и приняться на свой пай за работу...» [3, с. 26].

Однако поиск собственной идентичности вёл М.П. Погодина вдаль от столиц, ибо, по его сло-вам, «мы, люди Московские, мало бываем знако-мы, а Петербургские ещё меньше, с живою жиз-нию народа, его духом, нуждами и желаниями, достоинствами и пороками, которые бросают та-кой свет на историю» [цит. по: 3, с. 161]. Совер-шенно логичным стало его стремление «в пределы волости Новгородской»: «Северная часть Евро-пейской России, – говорил Погодин, – наименее подвергшаяся влиянию Татарскому и Польскому, а равно и нововведением так называемой европей-

ской цивилизации, без фабрик и военных постоев, должна представлять наблюдателю много любо-пытных наблюдений... Вот главные пункты путе-шествия: Нижний, Устюг Великий, Архангельск, может быть, Соловецкий остров, Белозерск, Во-логда» [цит. по: 3, с. 160].

Путешествие началось 3 августа 1841 г., М.П. Погодин выехал из Москвы через Владимир в Нижний Новгород. После европейских дорог и гостиниц особенно бросалось в глаза низкое ка-чество, а то и полное отсутствие их в России. Но автор, сетуя на неустроенность, бестолковость, не-умение организовать быт, искал следы, оставлен-ные прошлым – в языке, в характере, в занятиях людей.

Любое свидетельство приверженности тради-циям вызывает похвалу и умиление путешествен-ника. Так, в Преображенском храме перед началом Нижегородской ярмарки купцы молятся каждый у своего чтимого образа, привезённого из своих городов – от Иркутска до Каргополя, пренебрегая местными иконами, которые были «слишком на итальянский манер и оставались без свечек» [9, ч. 5, № 9, с. 293].

Описание ярмарки не только фиксирует план и функциональное назначение построек, разноо-бразие товаров, цены на них, этнические («Казан-ские Татары здесь – главные действующие лица») и гендерные («во многих лавках сидят женщины») особенности покупателей и продавцов, но и шоки-рует читателя вниманием к «презренной прозе»: «Не стану говорить о подземных отхожих местах, кои достойны Европейской знаменитости» [9, ч. 5, № 9, с. 296–297].

Обилие впечатлений («зрение ослабеваает, вни-мание утомляется») достигает кульминации при выходе путешественника к реке: «Тысячи судов по обеим сторонам моста, с распущенными фла-гами, стоят так плотно, что воды не видать между ними; какой-то город чудесный вырос вдруг из воды. А эти мачты, на коих висят миллионы верё-вок и составляют одну прозрачную сеть, колебле-мую ветром. Суда пришли из Оки и Волги, Камы и Шексны, из Сибири и с Низу, с Севера и Юга, с железом, хлебом, пенькою, солью...» Это непри-вычно литературное для Погодина описание завер-шается патетическим восклицанием: «О Русь! чего у тебя нет? чего еще тебе надо? Правду сказали наши предки: земля наша велика и обильна... Сла-ва Тебе, подателю нашему Богу, слава Тебе!» [9, ч. 5, № 9, с. 297].

Особенно выделяет автор пермские суда, при-везшие чай на сибирскую пристань: «И какой народ чудной живет на этих судах: свободный, расторопный, остроумный, искренний, веселый; нет нашей униженности, нет нашей скрытности, осторожности и прочих порочных добродетелей стареющего общества. Все живо и радостно. Как

мило обходятся хозяева с приказчиками, приказчики с помощниками! Рабочие вытаскивают цибики на берег, и складывают их в поленицы...» [9, ч. 5, № 9, с. 297].

Ниже, описывая разгрузку судов, принесших «железо из недр Уральских гор по водам Чусовой, Камы, Волги», путешественник замечает: «Мордвины в шитых рубашках, Татары и Русские бурлаки, в поте лица, перетаскивают и на спинах, согнувшись под тяжестью. Тяжело достается денежка бедному народу! Приказчики сидят спесиво за своими опрятными прилавками, под фирмами Яковлевых, Всеволожских, Голицыных, и прочих славных имен горного производства» [9, ч. 5, № 9, с. 309]. Всё подтверждает мнение автора записок, что люди приближаются к идеалу, который может стать основой возрождения нации, по мере удаления от столиц.

И всё же находились поводы похвалить московское, причём автор не замечал противоречия в своих рассуждениях. Не раз отмечая, что по пути ему не удавалось попробовать хорошей ухи, в Нижнем «хотел нарочно обедать ныне в лучшей гостинице. Уха все-таки хуже нашей Московской. Да, все, что есть лучшего на Руси, в каком бы то ни было роде, собирается со всех сторон в Москву. Все *тянет* к Москве» [9, ч. 5, № 9, с. 311].

Опора, которая, по мысли М.П. Погодина, может удержать народ от дальнейшей деградации – это традиции прошлого. Он приветствовал любые замеченные им репрезентации памяти и возмущался, когда уничтожались или искажались древние памятники: «У нас не понимают ещё, что такое памятник, и воображают себе всегда под памятниками какую-нибудь чугунную колонну или мраморную статую. Нет, бугор земли, оторванный лоскуток пергамента, узкое окошко, обветшавшая стена, линия свода, дуги, тесная дверь, заржавевший крестик, чуть видный образ – бывают часто драгоценными памятниками, кои беречь должно аки зеницу ока» [9, ч. 5, № 9, с. 303].

Так, не найдя в нижегородском соборе гробницы Кузмы Минина, перенесённой для удобства в подклет, автор разразился гневной тирадой: «Нет, гробница Минина есть лучшее украшение собора, сокровище города и всей Русской Истории. Она должна быть на виду, если не на прежнем своем месте, то, по крайней мере, у стены. Мы говорим теперь много о национальности. Но это чувство имеет нужду в питании, возбуждении. Простолюдин придет теперь в собор, и уйдет, не вспомнив о Минине, а если и вспомнит, то не увидит, потому что не всякого поведет дьячок в подземелье» [9, ч. 5, № 9, с. 302].

Поиски истоков отечественного искусства привлекли внимание М.П. Погодина к деревянному зодчеству. Уже по дороге из Галича в Вологду, в селе Сидорове, он увидел «церковь деревянную, но та-

кой прекрасной архитектуры, что я загляделся на нее. Каменные церкви наши построены по образцу Греческих, а потом со времен Иоанна III с Итальянской примесью, – но в деревянных церквах, где они сохранились, должно искать собственно Русского стиля. Эта – удивительная» [9, ч. 6, № 11, с. 264].

Всюду М.П. Погодин разыскивал древности, расспрашивал о людях, которые их собирали: «Я обежал лавки с старинными вещами и купил очень древний серебряный крест и другой медной, помоложе. О древних рукописях не слыхать ничего»; «Отыскал торговца рукописями, книгами, образами Г., который засыпал меня рассказами о древностях так, что я заслушался его» [9, ч. 5, № 9, с. 298]. Одному из сибирских чаоторговцев поручил «отыскать в Тюмени два харатейных пролога, о которых говорил мне один ходебщик» [9, ч. 5, № 9, с. 302].

Однако не менее важны, по мысли автора, и устные свидетельства о прошлом: «Я советовал г. Мельникову собрать все здешние предания, и издать их особою книжкою. Здесь их гораздо больше, чем в наших сторонах, особенно в Москве, которая среди своих забот, несчастий и счастлих, забыла все» [9, ч. 5, № 9, с. 305].

Все эти впечатления привели М.П. Погодина к мысли: «Хорошо бы издавать особый журнал, посвятив его исключительно Истории, Географии, Статистике городов. Надо же возбудить какое-нибудь любопытство, произвести участие к отечественной истории, в многочисленном классе городских обитателей. Они живут и не знают где живут, как будто родились накануне, погрязшие в болоте ежедневной нужды и заботы, из-под которой не видят и не знают ничего» [9, ч. 6, № 11, с. 241].

Возможно, что именно упоминание одного из антикваров о «городовых охотниках и обладателях древностей» в Кинешме, Костроме, Судиславле и заставило путешественника вернуться к составлению маршрута поездки: «Развернул карту, начал мерять и считать; взяло раздумье – не изменить ли мне плана моего путешествия: вместо двух точек Устюга, о котором я могу услышать от Пр. И. все что нужно, и Архангельска, до которого надо проехать 1200 верст, почти по пустыням, не лучше ли посвятить это время населеннейшим частям губернии Костромской – Галичу, Солигаличу, Костроме, коей жители принадлежат так же к чистой породе Русской? Поговорю ещё с купцами» [9, ч. 5, № 9, с. 312].

Уже проезжая по Костромской губернии, автор с удивлением заметил: «Глухо, а попадаются разбитные ямщики: один даже в раскольнической деревне, молодой мальчишка, в полночь, запрягая лошадей, упрашивал своего товарища или брата, вынести ему трубку – затянуться! “Неужели тебя отец не бьет?” спросил я негодуя. “Да разве я при нем курю?” ответил он, не запинаясь» [9, ч. 6, № 11, с. 241].

И всё же именно на костромских дорогах удалось М.П. Погодину узнать и встретить воплощения своего идеала крестьянского характера, отношения к человеку, к обстоятельствам жизни.

В первом случае это была история об одном кинешемском мещанине, у которого двое мужиков убили семнадцатилетнего сына, которую М.П. Погодин услышал в пути: «Преступники были пойманы, сознались, и наконец осуждены на каторжную работу. Их погнали мимо дома несчастного отца, у которого они отняли единственного сына; старик и старуха стояли у ворот. Мать, увидя убийц, начала проклинать их, и призывать на них Божье наказание. “Молчи, баба!”, закричал на нее старик, “выноси скорей сюда, что есть у тебя в печи. Подавай пироги, кашу. Мы угостим их на дороге! Бог велит творить добро ненавидящим нас. Госпожа служивые! позвольте нам поподчивать вас хлебом-солью” И старуха должна была вынести все, что было у ней приготовлено ... Вот героизм добродетели! Вот перло в истории! – восклицал автор. – Вот на каких чувствах держатся царства! Если бы все подобные черты собираемы у нас по городам и сохранялись в их частных историях – на память родам, в поучение и назидание потомкам!» [9, ч. 6, № 11, с. 245].

В поисках идеала автор записок не заметил, что в этой ситуации и убийцы, и родители убитого принадлежали к одному сословию, жили в одной местности, но чтобы осознать противоречие русской души потребовалось позже уже бесстрашие Ф.М. Достоевского.

Ещё одна встреча с идеалом, уже непосредственная, произошла по дороге из Буя в Вологду. Подробно описав высокую северную избу («двухэтажную», то есть на высоком подклете), Погодин рисует быт семьи хозяина, ямщика из государственных крестьян. Его жена испекла лепёшки для крутившихся рядом сыновей, и одну предложила проезжему. «Я взял, и, отведывая, сказал ей: “Славные лепешки – да никак оне из ситной муки?” Баба усмехнулась. “Из ситной!... Наготовишься из ситной вот для этих стригунов, (указывая на мальчишек). Благодарить Бога и на том, что для праздника просеяла сквозь решето, да почаще!”». «Богачи и сластолюбцы! – восклицал автор записок. – Понимаете ли вы различие между хлебом, просеянным сквозь сито, и хлебом, просеянным сквозь решето. Вот еще новая тонкая постепенность, – сквозь решето почаще! ...Эта баба, которая стояла передо мною и с таким торжеством рассказывала о своем решете почаще, которая так довольна была своей возможностью, и уверена, что больше и желать ничего нельзя, тронула меня до слез...» [9, ч. 6, № 11, с. 265].

«Отец сел на лавке под окошком и начал со мной разговаривать свободно, спокойно, благородно. Видно было, что это хозяин в своем доме, что он доволен своим состоянием, не чувствует

никакой нужды и никого не боится». Впечатление дополнило появление старшего сына: «Никогда, смотря на изящное произведение древнего ваяния, не получал я такого полного впечатления... как теперь, видя пред собою этого молодого крестьянина в нагольном тулупе, который только что теперь отпряг лошадей и заткнул за пояс кнут! Столько было скромности в его движениях, стыдливости девичьей в его взглядах, какой-то робости в его тихой, расстановистой речи, сколько невинности в его тонком голосе!» [9, ч. 6, № 11, с. 266].

Несмотря на то, что приходилось много работать, крестьяне были довольны жизнью, ценили то, что дано, не завидовали, не искали большего... Путешественнику показалось, что перед ним – прообраз гармоничной семьи, которая в реальности воплотила идеал, казалось, оставшийся в далёком прошлом, которое мыслилось М.П. Погодиным как «золотой век»: «Два часа, проведенные мною в этой глухой деревне, среди лесов, между Костромою и Вологдою, принадлежат к числу самых приятных, самых сладких в моем кратком путешествии. Мне казалось, что я каким-то волшебством очутился среди древнего Славянского племени, до Рюрика, до государства, до просвещения с Латинскою грамматикой, в нравах патриархальных и чистых, близко природы.

Да сохранит вас Бог, добрые люди, в вашей чистоте и патриархальности, и да посылает к вам всегда добрых станových приставов и окружных начальников, каких имеете теперь! Я простился с ними как с друзьями!» [9, ч. 6, № 11, с. 267].

Именно в этой части записок можно найти и размышления автора о причинах, уведших народ от идеала: «Бедность, нужда, вот что развращает сначала народ, и приводит его потом со ступени на ступень к кабаку и пропасти, над кою кружится голова, темнеет в глазах. О, много надо подумать, прежде, нежели осудить какого-нибудь мужика-пьяницу, или вора-лакея. Татары причинили вековечное зло нашему народному характеру, наложив свое тяжелое иго и приручив к низким хитростям рабства» [9, ч. 6, № 11, с. 266].

Каким же виделся М.П. Погодину путь к возвращению идеала? Прямого указания на это в путевых записках нет, но по тому вниманию, какое автор уделил вопросам народного просвещения, можно понять, что именно в этом направлении он полагал преодоление вековой «порчи» народного характера.

При первой возможности во время своих странствий М.П. Погодин посещал учебные заведения, и это становилось поводом к размышлению о том, как и чему надо учить народ (и учителей, и школьников). Вывод был сделан: «Пользу чтения и письма он понял, и теперь вы не найдете почти ни одного безграмотного между молодежью в городах. – Вы даёте ему такие сведения, в которых он не видит

нужды, например о Семирамиде и Сарданапале, о Калькутте и Александрии, – мудрено ли, что отец берет сына из училища и сажает его за прилавок! Но расскажите-ка ему, (не по гимназически и не по-университетски) об его городе, об его губернии, о столицах, о судах, о сословиях, о торговле, о промышленности, об естественных произведениях, и вы увидите, что не только дети, но и отцы придут вас слушать! Простее, простее, как можно, и ближе к делу, к жизни!» [9, ч. 6, №11, с. 257]. То же освобождение провинциального учителя от теории и методики признавалось автором панацеей.

Так на глазах читателя из путевых впечатлений постепенно складывалось противоречивое мировоззрение М.П. Погодина, попутно предоставляя богатый материал для современных историков.

Библиографический список

1. *Анналы на рубеже веков: антология.* – М.: XXI век: Согласие, 2002. – 284 с.
2. *Афиани В.Ю., Хорошилова Л.Б.* Познание России: Путешествие как факт культуры и исторический источник // *Русская провинция: культура XVIII–XX веков.* – М.: Рос. ин-т культурологии, 1993. – С. 120–124.
3. *Барсуков Н.* Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 6. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1892.
4. *Буйнова К.Р.* Русские путешественники в Латинской Америке в XIX – первой трети XX в.: эволюция представлений: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2014. – 24 с.
5. *Вайль П.* Гений места. – М.: Изд-во «Независимая газета», 2000. – 488 с.: ил. – Сер. «Эссеистика».
6. *Касавин И.Т., Щавелев С.П.* Анализ повседневности. – М.: Изд-во «Канон+», ОИ «Реабилитация», 2004. – 430 с. – (Современная философия).
7. *Нойманн И.* Использование «Другого»: Обзоры Востока в формировании европейских идентичностей: пер. с англ. – М.: Новое издательство, 2004. – 336 с.
8. *Павленко Н.И.* Михаил Погодин. – М.: Памятники исторической мысли, 2003. – 360 с.
9. *Погодин М.П.* Дорожные записки // *Москвитянин.* – 1841.
10. *Почивалова А.В.* Историческая концепция М.П. Погодина: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2010. – 25 с.
11. *Человек в кругу семьи / отв. ред. Ю.Л. Бесмертный.* – М.: РГГУ, 1996. – 376 с.

SUMMARY

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

Vladimir M. Tyulenev
Ivanovo State University
tulenev31@bk.ru

Between the monastery and the world: Magnus Felix Ennodius on monasticism and asceticism

The article examines the views of Ennodius, the Latin aristocrat and the deacon of Mediolanum the turn of the 5th—6th centuries, on monastic service and an ascetic life. It is proved that, on the one hand, Ennodius highly valued asceticism and monastic service. Office in the monastery, in his opinion, surpassed not only the spiritual life in the world, but the eremitic life, too. On the other hand, he considers that preservation of moral purity and execution of a Christian duty in the world is a more serious test for the salvation of the soul, than entering the monastery by the person. Ennodius sought to reconcile an ascetic ideal which was important for Christians of the Catholic Gaul, with realities of life in Italy of the 5th—6th centuries. A number of factors had impact on the specifics, namely: weakness of monasteries of Italy in comparison with the Southern Gaul; greater political activity of the metropolises of Italy; “Renaissance” of civil and political structures of Italy under the power of Theodoric the Great who opened additional opportunities for the aristocracy.

Keywords: Late Antiquity, Ennodius, monasticism, Asceticism, Roman aristocracy.

Sergey A. Kabatov
Nekrasov Kostroma State University
kabatov74@mail.ru

Svetlana A. Kurochkina
Ministry of culture, press and ethnic minorities' affairs of Mari El Republic, City of Yoshkar-Ola, Mari El autonomy, Russia
kurochkina-svetla@bk.ru

Sergey Ya. Alibekov
The Povolzhye State Technical University, City of Yoshkar-Ola, Mari El autonomy, Russia
kmim@volgatech.net

Using methods of science of natural history while analysing ceramic material of Vyozihi remainings

When annual archaeological investigations began to be held and, as a result, new data began to appear, the real necessity to re-examine, corroborate and specify Kostroma ceramic complex existing classification matured. For doing so, by means of analysis with technical and technological method, a series of ceramic material (vessels of VIII, X (X', X''), XI Kostroma pottery ceramics types) brought into correlation with the period of occurrence of the 6—8 building levels of Vyozihi remainings (15th—17th centuries), have been processed. Here, technological features were determined: level of throwing wheel functions development, stuffing type, programme and construction of hollow body, earthenware additional surfacing ways. For analysis of the clayey feedstock, of natural and artificial admixtures, natural-scientific methods – firing in muffler, binocular microscopy method, X-ray fluorescence analysis, macroscopic analysis – have been used. Results of the said analysis supplement each

other and confirm the obtained conclusions: what was the potters' assortment base, was kitchen pots, large earthenware pots, basins, lids; these are the 15th—17th standard ceramics which was characteristic for towns all over Russia. At that time, pottery in Vyozihi place was already an artisan production. As a results of the ceramic material analysis held by means of technical and technological methods and also methods of science of natural history, we have obtained more detailed information about technological peculiarities of pottery production in the place of Vyozihi in the 15th—17th centuries.

Keywords: Vyozihi remains, ceramic material, classification scheme, technical and technological method, firing in muffler, binocular microscopy method, X-ray fluorescence analysis, macroscopic analysis.

Anatoliy A. Mayorov
Oryol State Institute of Culture
aamayorov@rambler.ru

On the issue of localisation of annalistic Dedoslavl

During the 19th—20th centuries, in the Russian historical literature, there was a tradition to locate the chronicle Dedoslavl near modern village of Dedilovo of Tula Region and defining it as a contender for the performance of functions of the “capital” of the Land of the Vyatichi. The importance of addressing the issue of finding a real political and religious centre of Vyatichi ethno-political formation caused by the necessity to research historical and geographical reasons for the formation and continued existence. Because of the likelihood of false localisation, several venerable scientists have come to the hasty and misleading conclusions. Methods used in the study were not complete and evidence-based. An objective analysis of the currently available sources, chronicles and archaeological data show no clear and convincing evidence of this hypothesis, except for the consonance of place names. A number of archaeological sites are located far from the modern Dedilovo, but have a much more serious reasons for their localisation as the chronicle Dedoslavl. The issue of search and the establishment of a real political and Vyatichi's religious centre needs a new elaboration on the basis of objective archaeological data.

Keywords: Dedoslavl, localisation, Vyatichi, Verkhovo (the Upper Oka) region.

Vadim Ye. Fedotov
Saint Petersburg State University
vadymfedotov@mail.ru

Kyiv Mohyla Academy after Peter Mogila

The article is devoted to development of Kyiv Mohyla Academy. The first success of the educational institution was connected with the name of Kievan metropolitan Peter Mogila, who founded this institution and raised the educational level to such an extent that it held its own with the leading Western educational institutions. After the Metropolitan's death, the

Collegium continued flourishing and reached the outstanding success both in the Ukraine and all over the Russian Empire of that time, and in Europe as well. The Academy, already since the time of Peter Mogila, has copied the very best from the Western-European schools in terms of education and science. Scientists, the statesmen-to-be were its inmates. Kyiv Mohyla Academy had such graduates as numerous educated hierarchs: bishops, metropolitans, archimandrites, spiritual writers. Among them, there were some who deserved recognition as Orthodox Church saints after their death by their saintly life, spirituality, educators' activity.

Keywords: Peter Mogila, Kyiv Mohyla Academy, Kyiv Mohyla Collegium, education, science, culture.

Vladimir V. Menshchikov

*Kurgan State University
vmen1@yandex.ru*

Ol'ga V. Tetyuyeva

*Kurgan Branch of State University of the Communication Lines
of the Urals
tetyeva_1009@mail.ru*

The influence of exiled Decembrists on the social and cultural medium of the City of Kurgan

This article is devoted to the complex analysis of a city environment as the social and cultural area (the City Kurgan is our example). As the research task, the authors determined the attempt to estimate the influence of the exiled Decembrists on the life of Kurgan. A special attention was paid to the relations of the exiled Kurgan Decembrists with local inhabitants, with the representatives of intelligentsia and administration in the social and cultural medium of Kurgan. The authors give the general characteristics of the city environment of Kurgan and also the main areas of activity of Decembrists in Kurgan were: agricultural, medical, cultural, economical and also the development of enlightenment. Great attention is paid to the studying of Yelizaveta Naryshkina's letters addressed to her mother Anna Konovnitsyna, which were written by her during all years of staying in Siberia. The idea is based that the letters as a historical source are subjective. In her letters, she writes about fairs, holidays, about temporal Kurgan society, meetings at their house with the other Decembrists. Due to the letters of Yelizaveta Naryshkina, one can see not only everyday life of the exiled Decembrists, but the life of the provincial town itself. The authors try to trace the process of the Decembrists' influence exciled in Kurgan on provincial life of Kurgan. On the basis of analysis of historical-graphical, archived materials, the authors make a conclusion that the city environment of Kurgan at the first half of the 19th century represents still provincial life with its peculiarities and the culture of the exiled Decembrists who due to their various activities, tried to change and make the district society better. Their social and cultural influence on the life of the district town of Kurgan affected the still life of inhabitants.

Keywords: Decembrist, exile, reformatory, enlightenment, culture, Decembrists' life and activity

main directions, War of 1812 (French incursion into Russia and its repulse).

Aleksandr R. Pavlushkov

*Vologda Institute of Right and Economics
of the Russian Penitentiary Service
apavlushkov@yandex.ru*

Floating prisons for minors and the role of religion in their correction: on the question of using foreign experience in Russia

The article examines the historical reconstruction of the organisation of correctional institutions for juvenile offenders on the ships of the English fleet of the second half of the 19th—early 20th centuries. Special attention is given to the religious factor, which is revealed through the comparison of the activities of Russian and foreign prisons. Relevance of the topic is related both to insufficient knowledge of historical punitive policy of the Russian state in that period, and in finding effective ways to combat juvenile delinquency, which makes the modern state to refer to foreign and domestic historical experience of correctional institutions. In the first part the article, the author analyses the social and political causes of attention of the prison authorities of Russia to borstal prison experiment of the second half of the 19th century. The conclusion of the law-governed decisions of the Chief of the Russian prison administration was to send a special delegation to England. The second part explores the process and the content of the organisation of the floating prisons for juvenile offenders. The difference in approach to the correction of criminals was excellent vision of the role of the church which caused the failure of the General Prison Administration to introduce the British educative techniques in the Russian penal practice. The author not only compares the nature and the content of the organisation of correction in Russia and England, but also concludes the impossibility of a complete drawing of local prison practices due to a deep internal reasons which related primarily to differences in values of Orthodoxy and Protestantism. Foreign correctional techniques were used locally and selectively and had to take into account Russian national and religious context.

Keywords: foreign penal experience, ships for juvenile offenders, religious education, church, reformatories, borstal school experiment, approaches to remedial of criminals, prisons.

Svetlana V. Kasatkina

*Shuya branch of Ivanovo State University,
town of Shuya, Ivanovo Region
kasatkinas68@mail.ru*

Role of the nobility in appearance of public libraries in the second half of the 19th — the 20th century (on the example of the Kostroma and Vladimir provinces)

This article explores the creation of public libraries of the nobility in Kostroma and partly Vladimir provinces in the second half of 19th — early 20th centuries. The necessity and regularity of the appearance of these public institutions is in connection with the transition

to capitalist production and the requirement of knowledge in different fields of life. Who were the initiators of visiting public libraries, were primarily educated landowners (Andrey Chikhachyov, Fyodor Gribunin, Mikhail Polivanov, Vyacheslav Abramov, Pyotr Kalachov, Nikolay Ruzskiy, Anatoliy Kulomzin, as well as the noble families: the Katenins, the Myagkovs, the Pereleshins, the Greks), who were themselves supporters of the idea of educating the people. What was at the heart of public libraries, there often were their private book collections. The article examines the various forms of public libraries which are based in the rural churches, at schools, at the local district council, in the estates of the nobility, in the people's homes. Questions of which was the libraries' first book is solved so: it usually comes from the private book collections of libraries organisers – the nobility, also as donations from well-known state and public figures, writers and publishers. In addition to the creators of libraries of books funds are allocated (bequeathed part of the name), of the library contain. What is noted, is the role of public libraries in raising the general cultural level of the great mass of peasants and familiarising them with the different segments of the population register. The scientific revolution introduced previously unknown sources of memories of Kineshma zemstvo activist Anatoliy Kulomzin.

Keywords: Kostroma Province, Vladimir Province, public library, noblemen, private book collections, libraries' acquisition, contribution, cultural level of population.

Ol'ga A. Ivanova

*Pushkin State University of Leningrad Region,
City of Saint Petersburg
ivanova.olga.al@mail.ru*

Support of widows' children as a form of public charity in Russia in the 19th century

This article deals with measures of supporting widows' children under the conditions of the Widows' Houses in Saint Petersburg and Moscow. The aim and the circumstances of accepting sons and daughters of widow mothers and their living in special institutions are characterised in the article. The article pays closer attention to life of the orphanage for the children of the nobels (surveying school named after Maria Feodorovna, Empress consort of All the Russias) in the Widows' House in Saint Petersburg. It was founded specially for orphans. In the school, the boys at the age of 8—16 were provided with accommodation, education and upbringing. The author places greater focus on similarities and differences of this education institution with other boarding schools, causes of its opening and closure, the role of Nicholas I in destiny of orphanage named after Maria Feodorovna, Empress consort of All the Russias. An additional point is that the methods and educational process are examined in the article. The author concludes that this education institution contemplating to give children the religious upbringing, broad education and teaching them sur-

veying profession missed its targets.

Keywords: charity, orphans, house of widows (Saint Petersburg and Moscow), orphan department (surveying school) n.a. Maria Feodorovna, Empress consort of All the Russias.

Kayrat K. Shurbayev

*City of Orenburg
proffesor07@mail.ru*

Conduct of the 7th partial mobilisation in Orenburg Land's territory during 1904—1905 Russian-Japanese War

After Battle of Liaoyang and the Battle of the Shaho during 1904—05 Russian-Japanese War a manning deficiency appeared in Manchurian army, which made the General Headquarters to conduct the 7th partial mobilisation, in the course of which, it was planned to mobilise 250,000 people, out of which, 100,000 would be sent to the Russian Far East and the rest, for recruitment for the 73 reserve battalions, formed in the European Russia aiming at preparation and training of the reserve. Out of the three reserve battalions, formed in the territory of Orenburg local brigade (in Zlatoust, Ufa, Orenburg), the article's main attention has been paid to the 224th reserve battalion which was formed in Orenburg (3,840 people). The 224th battalion was planned to be remanned with the fighters born in Ufa and Saratov Provinces. The officers came from the reserve from the regiments which had been formed on the basis of the 78th infantry division (the 310th Sterlitamak and the 312th the Berezina infantry regiments), as well as the seven who were from the Absheron infantry regiment. However, when the 7th partial mobilisation started in Orenburg, Major-General Cherevko, the head of Orenburg local brigade, received false data on the number of officers and soldiers where, instead of the reserve from Saratov Province and partly from Ufa Province (Birsk district), that were soldiers from Orenburg district who were subject to mobilisation (2,044 people). The 224th reserve battalion's formation process in the period of the 7th partial mobilisation has been shown in the present work as well as involving reserve soldiery born in Orenburg Province for those goals. The article broadens the base of sources and methodology at research of participation of Orenburgians 1904—05 Russian-Japanese War.

Keywords: 1904—05 Russian-Japanese War, partial mobilisation, reserve battalion, soldiery army ranks, Ufa Province, Orenburg Land.

Anna Ye. Kraynova

*Bashkir State University, City of Ufa,
Bashkortostan autonomy, Russia
kolyadushka@mail.ru*

Pyotr Stolypin's agrarian reforms' second stage conduction peculiarities in terms of the Urals (1911—1916)

Pyotr Stolypin agrarian reforms' second stage conduction peculiarities in terms of the Urals (1911—1916) are examined in the article. The findings of the first stage of agricultural reform in the first quarter of

the 20th century (1906—1910) are summarised and made, legislation disadvantages (laws as of 1904 and 1909) are analysed. Legislation acts concerning the peasantry, which were adopted in 1910 and 1911, are discussed in detail; their characteristics and the main differences from the laws, which were adopted at the first stage of Pyotr Stolypin's agrarian reforms, are disclosed. The results of the second phase of the reform are summed up. Facts for enhancement of resettlement movement over the Urals among the peasants are adduced, the main accent is on the fact that a significant portion of colonist peasants, having faced the difficulties in the process of moving to a new place of residence, preferred staying on the territory of Bashkortostan, rather than resettlement to Siberia. This was due primarily to the relatively low price of land in Orenburg and Ufa Provinces. Also, the passage of memories of the participant of relocation from Poltava Province, Pyotr Petrovich Kolyada, to the territory of the present Kuyrgazinsky district of Bashkortostan autonomy of Russia is given in the article. Conclusions that, despite a number of shortcomings, Pyotr Stolypin's agrarian reforms was the most important step of the government of Tsarist Russia in the development of agriculture after serfdom abolition, are made at the end of the article. As a result of the activities, a significant part of the peasantry was able to improve financial position, having moved to a new residence.

Keywords: Pyotr Stolypin's agrarian reforms, Russia peasant colonists, little-scale farming, population shift, Russian commune (frank-pledge) abolition.

Natal'ya S. Mayorova
Nekrasov Kostroma State University
natalyamaiorova@yandex.ru

Unsealing of hallows of Sergius of Radonezh and campaign of hallows' liquidation in all-Russia scale

The article is dedicated to one of the elements of anti-religious policy of the Soviet power – the campaign of unsealing of hallows of the most worshiped saints of the Russian church. The authorities pinned great hopes on the campaign. It was to be something that would expose the “centuries-old equivocation” of believers by the priests concerning the allegedly “imperishable” hallows phenomenon, on the one hand; and would deliver a dramatic blow against the prestige of the Church and clericalism, on the other hand; so that an eventual break-up of religion in the Soviet Russia will be predetermined. The campaign of unsealing of hallows was considered to be a barefaced intervention in the Church affairs, notwithstanding the declared principles of the Decree on Freedom of Conscience, Church and Religious Societies and non-interference of the state in the religious affairs of the Church. Attempts of the head of the Russian Orthodox Church to preach reason and frugality of the statesmen were not crowned with success. Patriarch Tikhon of Moscow rated the hallows unsealing campaign as personal injury of the believers by means of violating

religious feeling. The campaign's success was doubtful, if any. Pilgrims and palmers came in an endless stream as there were many who were eager to bow to relics perhaps for the last time. At that political conjuncture, hallows were being shelved in museums so that anyone could gape and perhaps mock at them; precious shrines were being dispossessed only to be sold for a song abroad, churches and monasteries were being closed.

Keywords: Russian Orthodox Church, unsealing of hallows, Sergius of Radonezh, Trinity Lavra of St. Sergius, Patriarch Tikhon of Moscow, Soviet anti-religious propaganda, People's Commissariat for Justice, Decree on Freedom of Conscience, Church and Religious Societies.

Aleksandr S. Knyazev
Nekrasov Kostroma State University
alexlord09@mail.ru

Ivanovo-Voznesensk provincial archival bureau of 1918—1920: the question of the establishment and activities

The article examines the processes of the organisation and functioning of Ivanovo-Voznesensk provincial archival bureau in the period from 1918 to 1920, its creation and operation are one of the many fragments of the centralised archive system's history after the October Revolution. The Russian Empire archival reform failed, but the new state had to do it. The newly formed (at that time) Ivanovo-Voznesensk Region had to do it as well. The formation of the provincial archival bureau (whose objectives were archives identification, preservation and centralisation) had to be started in the ambience of lack of any conditions (even lack of local history societies and historical commissions). The general condition of the region, the attitude of local authorities to the documentary collections, lack of finance, logistics, personnel, and the lack of suitable facilities – all that made the creation of offices and archival work on the identification and preservation of archives extremely difficult. Despite a number of negative factors, efforts to create a centralised archives system, made by the State and by individual enthusiasts, have had some success. However, it revealed a huge amount of organisational problems, mainly related to the overall political and economic situation in Russia in 1918—1920.

Keywords: archives, reform, centralisation, provincial archival bureau, the Main Archive Office, Ivanovo region State archive.

Sergey A. Zarubin
Lobachevsky Nizhny Novgorod State University
of the Russian Nation
zarubinsergey@gmail.com

Juan Perón's doctrine of the Third Position in Argentine's foreign policy in 1946—1955

The article deals with the doctrine of the Third Position drawn by Juan Domingo Perón between 1946 and 1955 and its influence on Argentine's foreign policy in that period. The author investigates this doctrine

as a political, ideological, and philosophical conception which defined the main directions of internal and external policies carried out by Juan Perón during his two presidential terms. The origin and evolution of political and philosophical ideas of Juan Perón which underlay the doctrine of the Third Position are also analysed in the article. Moreover, the author points out the main characteristics of this doctrine and makes an analysis of correspondence between the main directions of Argentina's foreign policy and Third Position of Juan Perón. The major achievements of Argentinean diplomacy are also mentioned in the article. Eventually, the author comes to the conclusion that Perón's doctrine of the Third Position had a profound influence on Argentina's foreign policy and determined its main objectives. What's more, the author asserts that the ideas of Perónism were popular in other countries of Latin America and originated a powerful anti-imperialist movement in this region. It is necessary to underline that there is also an analysis of disadvantages of the doctrine of the Third Position.

Keywords: Argentine foreign policy, ideology, Perónism, Justicialism, integration processes in Latin America, period after World War II.

Dmitriy I. Sazonov

*Churchwide postgraduate and doctoral studies
of Saints Cyril and Methodius (Moscow)
sazonow63@mail.ru*

The semantic content of the parish administrative system in 1961 and its modification in 1988

The path from the degradation of parish management system, which became the cause of changes in church law for the parish community, which was adopted at the Council of Bishops in 1961, to the restoration of the canonical system adopted in the new Constitution of the Russian Orthodox Church in 1988 can be traced in the article. It was shown that it was the state which was the initiator of changes in non-canonical parish community, and that was, in the author's opinion, the anti-religious policy aiming at ousting the Church from the Society, which was carried out by Soviet power. The consequences were not slow in coming: many churches, some of which had been previously registered as monuments of architecture, were closed and, according to some church hierarchy and believers, it was a barbaric destruction; spiritual and moral state of the Russian countryside deteriorated, although it was, according to the same hierarchy and believers, already in poor condition; the age-old Russian way of life has changed radically. Contrary to all, the Church in these conditions not only managed to survive but also was developing. The time has come when the Communist system ceased to exist, which meant the beginning of the reconstruction and rehabilitation of the destroyed Orthodox shrines and parish community.

Keywords: parish, senior priest of church, administrative system, Soviet Communist Party, Church, faith.

Anton V. Luchnikov
*Chernyshevsky Saratov State University
aluchnikov@mail.ru*

Vladimir V. Khasin
*Chernyshevsky Saratov State University
hasin1@rambler.ru*

Identification of the Soviet Germans in the “historic homeland” (FRG and the Volga region): mythologising of ethnic construct in the 1980s—early 1990s

The phenomenon of Soviet Germans in the turn of 1980s—90s is a multifaceted national construct that needs internal differentiation. The Soviet Germans saw themselves as part of a two-state institutional location: West Germany and the former Autonomous Republic of the Volga Germans. Faces of the construct disclosed in the four perspectives: identity, public perception of their historic homeland (Federal Republic of Germany and the German Volga Republic), as well as perception within the framework of evolving socio-political images and analogies. It is necessary to state that the ethnicity of the Soviet Germans was the only form of reception of the imaginary construct of the various social, cultural and ethnic groups. Their identity was also very mobile. The boundary of ethnicity varied depending on the internal and external factors, political conjuncture fluctuations. This was accompanied by the erosion of classical ethnic determinants: linguistic, socio-cultural, geographical and even phenotypic (as a result of mixed marriages). Ethnic Myth correlated exclusively with external determinants which shaped the various borders of ethnicity. The Russian Germans are a good example as the constructivist theories of the formation of ethnicity and applied approaches instrumentalism in a complex system of political processes in the late Soviet period.

Keywords: ethnicity, Soviet Germans, international relations, repatriation, diasporas, reception, Perestroika.

Gleb A. Dovgilenko
*Saint Petersburg State University
dovgilenko.ur@gmail.com*

British-German opposing views in the context of the European Union construction (1992—1997)

The topic of this article is devoted to the tacit conflict between Great Britain and Germany in matters relating to building the future of the European Union. Germany was the strongest economy in Europe and the most important player in the process of European construction, while Germany's desire to centralise the European Community was hampered by opposition from the UK, who considered it to be a threat to its sovereignty. In the analysed period, John Major's government was in the UK in power. The Prime Minister publicly stated his desire to make the UK the “Heart of Europe”. From the beginning, John Major took a pro-European course, by signing Maastricht Treaty. However, the split within the Conservative Party caused, due to the conflict between eurosceptics and europhiles, John Major was forced to adjust his foreign policy and rhetoric in relation to the construction of

Europe. The article discusses the main issues of the British-German relations in 1992—1997 of, while in power, the Conservative government of John Major. In his study, the author analyses the differences that have arisen between the United Kingdom and Germany to create the basic institutions of the European Union. The author analyses in detail the position of Germany and the UK about the future of the European Union.

Keywords: John Major, Britain, European integration, Helmut Kohl, Germany, European Community, Maastricht Treaty.

SCIENCE OF LITERATURE

Anna V. Toporova

Gorky Institute of World Literature, City of Moscow
anna.toporova@gmail.com

The theme of repentance among Medieval Italian authors: life and literature

In the present article, we analyse the different ways of treating the theme of repentance in medieval Italian literature. We first study the genre of the sermon, which stands at the periphery of the literary space; yet, is nevertheless very important for understanding the medieval notion of repentance. The coexistence of two aspects (theological and personal) gives a perspective to the development of this theme in strictly literary works. Using the example of the religious poetry of Jacopone da Todi and Guittone d'Arezzo, "The Divine Comedy" by Dante Alighieri, and Jacopo Passavanti's treatise "The Mirror of True Penitence", we show how the modality of the theme of repentance has been changed in Medieval Italian literature. For Jacopone da Todi, there is no separation between life and literature. His poems serve a means of repentance, contrition and a change of life. For Guittone d'Arezzo, life and literature are separate yet follow parallel paths. For Dante, there is an evident literary and theological modality in depicting repentance that is in keeping with the genre of his work, which is an example of the medieval *summa*. Passavanti's aim is to limit oneself to a purely scholarly presentation of the theme, as befits the theological treatise of that author and preachers' manual "The Mirror of True Penitence". Thus, personal, confessional and biographical elements give way to literary, scholarly and educational aspects. The immediate experience of repentance is replaced by its literary description.

Keywords: theme of repentance, genre of sermon, Italian religious literature, medieval literature, "The Divine Comedy" by Dante Alighieri.

Alla P. Sklizkova

The Stoletovs Vladimir State University
burelomy@list.ru

Symbolic meaning of a dance in Gerhart Hauptmann's play "And Pippa Dances"

There is hardly a play in the world literature where a symbolic meaning of a plot can play such an important particular role as in Gerhart Hauptmann's drama "And Pippa Dances". Dance is a peculiar way of game and to which there are possibilities of understanding an inner point of the world and of a man, the way as

Hauptmann presents. So dance makes up an inner plot of the whole play. There are two dances in this drama revealing Hauptmann's idea. The first is performed by the young beautiful girl Pippa and the ugly Old Hunn whom Pippa is connected with and entirely depends upon. The first dance, as Hauptmann thinks, brings joy, lightness, hilarity, frankness, spontaneity, like a game itself. The second dance, on the contrary, gives an impression of heart-pain, despair, suffering. It is quite gloomy, inconsolable. But while reading the play, it is getting clear that the existence of both dances is not true. The fact is that there is the third chief dance, the dance which will never come to an end, which will last forever, for it is under the power of rhythm and smooth motion of the universal mimesis. Pippa had to die, as Old Hunn supposed, to have gone into everlasting darkness of death. She does not die, she gets rid of Old Hunn's power. Since that time, she has been dancing alone shining and sparkling in her companion's Michael Hellriegel and blind eyes are the symbol of everlasting life. She has got new existence.

Keywords: dance, play, game, energy, modernism, invitation.

Kirill A. Chekalov

Gorky Institute of World Literature, City of Moscow
ktchekalov@mail.ru

Doctor Alexis Carrel and the "sculptors of human flesh" in the works of Gaston Leroux

The French surgeon and Nobel laureate in the field of medicine and physiology, Dr. Alexis Carrel (1873—1944) became quite famous in the early 20th century with his human transplant operations. The article deals with the influence that Carrel's experiments have had on the French mass literature of the, that was closely tied to burning social, political and scientific topics, widely presented in the media of the period. The following texts deal with: shocking novels of the most acclaimed author of pulp fiction of the early 20th century, Gaston Leroux, namely, the first two parts of the novellistic cycle "Chéri Bibi" (1913), the novel "The Man who Came Back from the Dead" (1916), and the two-part novel "The Kiss That Killed" and "The Machine to Kill" (1923). Gustave Le Rouge ("The Mysterious Doctor Cornelius", 1911—1912) can be safely called a pioneer of such a theme as he began to use those motives before Carrel came into the light. It is shown that the human organs' transplant theme is regarded by the writers through the lens of persisting literary topoi (homunculus, vampire, crazy scientist etc.) as well as taking into account an apology of rational scientific knowledge, gradually supplanting occult type of interpretation of the problem of the world beyond. This process was characteristic of the said period. The shocking film "Eyes Without a Face" by Georges Franju (1959) which is closely tied to the Belle Époque poetics, is also taken into consideration.

Keywords: Gaston Leroux, novel, newspaper, mass literature, Belle Époque, transplantation, aesthetic medicine, reincarnation, resurrection, android.

Yuriy V. Lebedev
Nekrasov Kostroma State University
y-v-lebedev@ya.ru

**On religious motifs
in “War and Peace” by Leo Tolstoy**

In his very last works, Leo Tolstoy, who had embarked on a ruthless polemics with the official Church in his religious and philosophical treatises, denied the divine origin of Jesus Christ, doubted the immortality of the human soul, arbitrarily removed from the four Gospels only the Savior’s commandments, at that exposing his own arbitrary interpretation about them (in fact, himself excommunicated, and the excommunication by the Most Holy Synod in 1901 only confirmed the fact that had already occurred), but notwithstanding the aforesaid, as an artist, he has not ceased to love life with high spiritual love. And when he perceived the world through the eyes of an artist who was in love with life, the thoughts of many religious involuntarily were retreating or were being questioned. Nikolay Strakhov drew attention to this feature of the creative work of Leo Tolstoy. Christian motifs in the light of evolution of the character of Prince Andrei Nikolayevich Bolkonsky, one of the central characters of “War and Peace” epic novel, depicted by Leo Tolstoy, have been disclosed in the article.

Keywords: cataphatic God perception, Christian pantheism, protagonist’s spiritual Odyssey, Russian national relics, Christian love.

Nikolay V. Kapustin
Ivanovo State University
nkapustin@mail.ru

**Gender aspect in Alexander Ostrovsky’s
creative work:
the comedy “Wolves and Sheep”**

The article is an attempt to research Alexander Ostrovsky’s dramas in gender aspect and the comedy “Wolves and Sheep” (1875) in particular. The singularity of this play lies in a new approach to the common perception of gender roles, where “the wolfish” correlate with the masculine nature and “the sheepish” characterise a feminine nature. Paradoxically in a way, in the “negative anthropology” style (partially determined by the genre) Alexander Ostrovsky signifies gender equality of his characters. This equality is mainly based not on the laws of the comedy genre itself but on the gender, human peculiarities common both for females and males. At the same time, the playwright pays attention to the peculiarities of the social gender and the conventions (often stereotyped) that determine these peculiarities, – in fact, to what will be later called gender. But it is firstly the equality of heroes and heroines that makes the comedy “Wolves and Sheep” specific. Alexander Ostrovsky shows that his characters may equally possess characteristics of “wolves” as well as “sheep”, regardless of their biological sex.

Keywords: Alexander Ostrovsky, comedy, gender, gender equility, male, female, “wolves”, “sheep”.

Nina L. Yermolayeva
Ivanovo State University
ninaermolaeva1@yandex.ru

**Russian literary criticism of the mid 19th century
on the folk culture and the culture of the nobility
in the play “Stay in Your Own Sled”
by Alexander Ostrovsky**

The article deals with a number of critical comments of the 1850s—early 1860s on the first staged play by Alexander Ostrovsky “Stay in Your Own Sled” the first nights of which won the triumph of the public in both Moscow and Saint Petersburg arousing great interest among the critics. The playwright’s interest and sympathy for Russian patriarchal world and folk culture, his preference for the latter over that of a half-educated nobility led to a series of pointed critical comments from ‘Westernisers’ as well as of the proponents of women’s emancipation – Pyotr Kudryavtsev, Nikolay Nazarov, Nikolay Pavlov, Nikolay Chernyshevsky etc. accusing the playwright of the support to backwardness and stagnation. The view of the playwright as organic and objective one was protected by Apollon Grigoryev and Pavel Annenkov as well as other critics who believed that the sympathy for folk culture in the plays did not contradict with the regard to education and the culture of the nobility. Unlike the radicals, critics of aesthetic and organic trend were able to evaluate the position of Alexander Ostrovsky most adequately.

Keywords: play “Stay in Your Own Sled”, folk culture and culture of nobility, Slavophiles and Westernisers, aesthetics, radical and organic criticism of 1850s—early 1860s.

Nataliya K. Il’ina
Nekrasov Kostroma State University
nk_ilina@mail.ru

**Rhythmics of speech of actors as heroes
performing plays by Alexander Ostrovsky**

The article touches upon some general rhythmic peculiarities of Alexander Ostrovsky’s plays, such as the problems of metric chains in oral and dramatic speech, as well as specific stressed (trochaic) beginnings in oral speech and folklore which are also typical of personages’ speech in plays. Along with these characteristics of prose rhythm, the article examines Galina Ivanova-Luk’yanova method of determining prose rhythm by means of three rhythm-forming units: stressed syllables, syntagmatic bounds and intonemes. The cues of 4 personages in two Alexander Ostrovsky’s plays “The Forest” and “Innocent as Charged” were analysed. The analysis of Gennadi Neschastlivtsev’s and Grigory Neznamov’s cues, on the one hand, and Arcady Schastlivtsev’s and Shmaga’s cues, on the other hand, shows that the metric degree of the tragic heroes’ speech is higher than that of the comic ones. According to Galina Ivanova-Luk’yanova method, three rhythmic characteristics (syllabic, syntagmatic and intonational) are inherent in Alexander Ostrovsky’s heroes: 1) syllabic rhythmic characteristics are based on regular interstressed intervals and avoid both zero

and too long intervals (up to 4 and more unstressed syllables); 2) nearly ideal syntagmatic rhythmic characteristics are typical of most of Alexander Ostrovsky personages' speech in which contrasting syntagmes of more than 2 times are rare; 3) intonational rhythmic characteristics also reveal few deviations from the absolute rhythm which consists in the wave of rising and falling intonemes.

Keywords: prose rhythm, rhythmic characteristics, Galina Ivanova-Luk'yanova method, stressed syllables, syntagmes, intonemes.

Vladimir V. Tikhomirov
Nekrasov Kostroma State University
nov6409@kmtn.ru

History of a friendship (relations of Mikhail Saltykov-Shchedrin and Pavel Annenkov according to pen written sources)

There is an opinion about the ideological confrontation of various literary groups – carriers of different ideas about the nature and function of art works – in Russia in the second half of the 19th century. Conservatives, Liberals and Democrats in the Russian literary process are traditionally called such ideological opposition groups. In reality, however, things were more complicated. The relationship of Mikhail Saltykov-Shchedrin and Pavel Annenkov – the writers who were far from being supporters of each other in the ideological and aesthetic terms – meant the ability to demonstrate understanding and respect of sincerely devoted to Russian literature satirist and critic – supporter of the aesthetic method. Long-term personal friendships, correspondence, critical analysis of the works of Mikhail Saltykov-Shchedrin by Pavel Annenkov show the process of gradually more and more profound comprehension by the astute critic of not only the public, but also the artistic merits of satire by Mikhail Saltykov-Shchedrin, of high moral principles of literary position of Mikhail Saltykov-Shchedrin. Personal relationships of writers, including of those who held different views are interesting and revealing fact of literary everyday life, which has affected the whole of the Russian literary process.

Keywords: writer's social and aesthetic position, personal relations significance for literary position formation, literary everyday life as literary process reflection.

Anna N. Larionova
Cherepovets State University, City of Cherepovets, Vologda Region
larionova.ann@bk.ru

The cultural space as a historical and literary category (on the example of autobiographical Apollon Grigoryev's prose)

The term "cultural space" is often met both in historical-literary works and in the investigations of science of culture. However, it has not been explained fully and on the whole. In the present article, there is speech about specifics of the said term, its limits as a historical-literary notion are determined. The cultural space reveals itself as a kind of material and spiritual

reality, which carries a substantial, creativity, and is the seat of a set of objects (phenomena of culture), interacting with each other. As a conceptual space, cultural space can be described in terms of semantic, temporal characteristics, etc. Cultural Space can be understood as a value in a certain time and spatial parameters. It has a certain emotional and intellectual content, implies a kind of spiritual education, but does not exclude it from the perspective of materialisation of the Incarnation in certain values. What will be considered in the article, will be cultural space created in an artistic work, on the example of autobiographical Apollon Grigoryev's prose. The works are: "Man of the Future", "Me Making Acquaintance of Vitalin", "Ophelia".

Keywords: Apollon Grigoryev, autobiographical hero, Arseniy Vitalin, cultural space, historical and literary category, artistic image, romantic hero.

Anna A. Fedotova
Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
gry_anna@mail.ru

The antique quotes in Nikolai Leskov's story "The March Hare"

The article raises the topical problem, which is to analyse Nikolai Leskov's last works poetics in terms of intertextuality. One of the last Nikolai Leskov's story "The March Hare" is discussed as a complex artistic unity, semantic and style features of which are determined by the author's purpose to interpret some antique texts. The author finds out the new pretexts of Nikolai Leskov's story – Seneca's philosophical treatise "De Ira" and "The Natural History" by Pliny the Elder. It is proved, that the antique quotes help Nikolai Leskov to create the comic effect. Nikolai Leskov maximally sharpens the contrast between his story and its pretexts: on the language level, thanks to the introduction of colloquial (dialectal and colloquial) vocabulary and syntax; on the semantic level, thanks to the introduction of the corporal images. The opposition between the two points of view helps to demonstrate the narrator's unreliability. The story's acuity is also connected with its main hero, who represents the upper class of the clergy.

Keywords: 19th century Russian literature, Nikolai Leskov, "The March Hare", intertextuality, comic, antique quotes, irony.

Natal'ya V. Nalegach
Kemerovo State University
nalegach@list.ru

The poetics of the ekphrasis in Innokenty Annensky's poems "To the portrait..."

The article is devoted to Innokenty Annensky's portrait poems such as "To the Portrait", "To Dostoevsky's portrait", "To Alexander Alexandrovich Blok's Portrait", "To My Portrait" and "To Innokenty Annensky's Portrait by Anton Kurbatov". All these poems are united by the common type of the title that points at their genre task – to be lyric commentary to the portrait that as a result, actualises the call of the

author to the ekphrasis in their poetics. For all those three poems, there is the lyric experience of the other's image and the next two poems give the possibility to see different variants of the development of the form of lyric self-portrait. Special attention is devoted to the development of the theme of a poet and poetry as two of the poems are devoted to the images of the artists of the word to Fyodor Dostoyevsky and Alexander Blok that are on contrast opposed by themselves. Both self-portraits take into the consideration the poetic component of the lyric hero. The key to understanding the poem "To the Portrait" turns out the theme of creative work as well which is developed by the motive of the complimentary perception thanks to which, in this poem, through the experience of the portrait of the other person, the features of the self-portrait are displayed. In the process of the analysis of the poetics of these poems, the interaction of the visual and acoustic perceptions of the portrait image, that causes both the type of pathos, are revealed and are very often one of the forms of the author's assessment. What is revealed, are rhythmical, imaginable, motive and subject call-ups allow affirming the presence of the sense and structure correlations between these two poems; those correlations are typical for an uncollected lyric cycle.

Keywords: ekphrasis, poetic portrait, Innokenty Annensky, portrait poems, creative work topics, lyrics.

Vadim A. Smirnov
Ivanovo State University
smirnovva1@yandex.ru

Personality cosmisation in Ivan Bunin's novel "The Life of Arseniev"

The article is devoted to the archetype of the "eternal feminine", modifications in the literature of the 20th century. "The points of intersection" with the poetics of Romanticism, neo-romanticists, symbolists are very noticeable in the novel. This problem was posed as early as in the works of the German Romantics, Goethe, and was later developed by Alexander Pushkin, Mikhail Lermontov, Ivan Turgenev, Ivan Bunin and, in fact, it refers to the ideas of "Russian Eros" which were claimed in the 19th century philosophy and then transited into Russian philosophical "Renaissance". Cosmic model of a woman's love is tangibly manifested in the novel "The Life of Arseniev". Carefully prescribed home background cannot overshadow the idea of knightly ministrations to Beautiful Lady, in which Ivan Bunin is consonant with the Symbolists, who he disliked so much. Of course, the creative intention of the century, the search for Harmony, ways of avoiding deadlocks of individual consciousness manifest themselves here as well. The dispute – dialogue with neo-romanticism and the Symbolists, drawing on the folk tradition (tales, lyrical songs) – gave positive results.

Keywords: archetype, eternal femininity, Univer-sum.

Ol'ga Ye. Reinbakh
Shuya branch of Ivanovo State University,
town of Shuya, Ivanovo Region
oreinhah@list.ru

Manuscript "The Horseshoe Finder" by Osip Mandelstam. Particularities of the author's working on free verses creation

Traditional forms of Russian versification are usual for Osip Mandelstam. That is why his work "The Horseshoe Finder" stands out by the absence of regular metre, strophe division and verbal rhythms. The "pindaric fragment" of the manuscript shows the particular approach to this very untypical poem. The manuscript demonstrates only the first layers of the author's working on the text. At that point, "The Horseshoe Finder" looks like a prose poem. Later in subsequent sources, it obtains formal signs of classic poetic diction – the division into verses and strophes appears. Typographic mistakes, carelessness of a copyist or other reasons which could corrupt the "proper" text were not the cause of converting "Pindaric fragment" into "free verse". The secondary poetic signs are caught in the text due to the author's will. The manuscript itself already contains features of poetic language. These features could be found in the author's remarks which were brought into the text during creation. This article describes the "Pindaric fragment" manuscript, waves and flows of poetic thoughts which show its initial attitude to poetry in the narrowest sense.

Keywords: Osip Mandelstam, manuscript, "free verses", rhythm, strophe, verse, poetic pause.

Ol'ga A. Grimova
The Kuban State University
astra_vesperia@mail.ru

"Intrigue of word" in Mikhail Shishkin's novel "The Taking of Izmail"

The article analyses narrative intrigue in Mikhail Shishkin's novel "The Taking of Izmail". The reader is interested not only in action itself, but also in events happening at the level of presentation of a narration. The world is considered in the novel to be a sacral value, the author absolutises its role. The narrative structure of the text is unusual. Its syntagmatic structure is organised by three stories any of which is not brought to a denouement. Syntagmatic "freedom" is counter-balanced by strengthening of paradigmatic orderliness. There are several prevailing metaphors connected with each other and undergoing a number of transformations: "life as a fortress" – "life as a circus" – "life as a sphinx" – "life as a prison". There are also prevailing names and situations uniting the stories which don't have plot crossings. In general, who is the ideal recipient of this text, is the one who is able to see invariant in a changeable, chaotic stream. All stories significant for the novel are organised by the cyclic scheme "loss-search-finding". However, if the plot focuses the reader's attention rather on the first and the second points, forcing to read "The Taking of Izmail" as the novel

about constant meetings with a non-existence, thanks to the intrigue development within the presentation of narration, the analysed text has an opportunity to be read as the message on possibility of completion of losses, on possibility of revival.

Keyword: Mikhail Shishkin, narrative intrigue, narrator, narration presentation, reader, reception.

Nellya Ye. Levitskaya
Vernadsky Crimean University

**Imaginative author level of world picture
of discourse in the landscape lyrics
by Oleg Chukhontsev**

The article deals with the lyrics by Oleg Chukhontsev of the 1990s—early 2000s. Landscape as the discourse of poetry explication picture world of the author is chosen as a subject of the study. The study of figurative sphere of worldview is possible to follow in the work of the author's consciousness to transform the literal sense of nominations of natural realities. It was found that a change in the primary natural values of nominations which increases the distance between nature in its natural manifestation and lyrical subject. Trails and stylistic figures still retain the natural model relationships of metonymisation through metaphorisation and original meaning, but the main role in the poetic language of Oleg Chukhontsev performs mythological word, supplemented by folk meanings and transformed into the mythical and the poetic.

Keywords: poetry, lyrics, author's world picture, landscape discourse, artistic languages, shaped function of natural nominations, mythological word.

SCIENCE OF LANGUAGE

Yelena V. Yakovleva

Institute of foreign languages PFUR, City of Moscow
elx@mail.ru

Ruben V. Agadzhanyan

Moscow Institute of Linguistics
ce3ar2006@yandex.ru

**Linguistic conformism as a stylistic device:
characterising the pattern**

Authentic texts of different discourse characteristics form the core of modern didactic materials. They reveal their cross-cultural potential and interdisciplinary profile. However, the stylistic analysis of the latter testifies to a number of features present in all the materials. In their turn they allow for the hypothesis, that the most powerful of the texts in question are endowed with the so-called suggestive impact features. Are we justified in saying the authors are following a certain objectively existing pattern? Is this pattern the same for didactic, publicistic or fictive texts? Questions are more than answers here. The authors of the publication are trying to share the results of their experimental experience with the textual materials at hand. The pattern described is given a working title of linguistic conformism and makes full use of psycholinguistic experimental research in the field.

Keywords: stylistic analysis, psycho-linguistic situation, linguistic suggestion, impact, perception,

textual analysis, discourse, pragmatic-linguistic peculiarities.

Natal'ya S. Gromova

The Ural Institute of Commerce and Law, City of Yekaterinburg
gromovans@mail.ru

**Specifics of interpretation
of multicomponent creolised text**

The article discusses the existence features of a creolised text not only as non-homogeneous text, but also as a phenomenon unique in its nature. Creolised texts differ not only in the unity of elements of different semiotic systems, which constitute them, but also on the number of components: single component and multicomponent. Multicomponent creolised text, consisting of several units, relatively independent, but united by a common theme, concept and the logical relationship shipped in the discourse, is a specific type. The understanding of such text depends on the interpretation of all its components, understood as immanent and having a significant impact on the perception of the text as a holistic phenomenon. The article examines characteristics of multi-component creolised text and analysis of various types of texts (books, movies, pictures). It studies the aspects of creating integrated text in terms of modern technologies and problems of interpretation in connection with the non-simultaneous occurrence of the components. The article also defines the conditionality of interpretation of multicomponent creolised text by a number of components and the understanding the recipient of these components as structural units. It defines the role of the interpreter in the process of understanding text as an integral one.

Keywords: creolised text, text interpretation, multicomponent creolised text, semantic perception, integral text.

Lyudmila A. Devel'

Saint Petersburg Institute of Culture
miladevel@gmail.com

**Heritage lexicography as supporting tool for the
international cooperation (conservation)**

Lexicographic support plays educational, standardising and prescriptive role identifying the key concepts application, making the terminology free of ambiguity. English-Native language glossary is a heritage lexicography tool to support the cooperation and integration of professional community. The bilingual glossary introduction into the body of the International Council on Monuments and Sites (ICOMOS documents) has been proved to be a viable format of heritage lexicography. The glossary is supposed to be based on the original text of the official document and its translation approved by experts, to include English transcriptions and stress marks in Russian for speakers of Russian as a Foreign Language. The availability of monolingual parts in the structure of such glossaries helps deeper understanding of the terminology and the contexts in the source and target languages. The case example of the glossary of 10 terms to the latest published ICOMOS document (Madrid document 2011)

can be implemented for ICOMOS sites, professional communities and in educational institutions.

Keywords: lexicography, English-Native language, glossary, ICOMOS, heritage, conservation.

Alla V. Velichko
Lomonosov Moscow State University
all_velichko@mail.ru

Phraseologised sentences. Textual analysis

The article is devoted to a text as a linguistic entity and certain aspects of its research. It focuses on the analysis of the interaction of text sentences that are included in it, and attention is paid to communication proposals in the text. This issue is discussed in relation to the sentences of phraseologised structure (PS). The interaction of PS with other sentences in the framework of the text is under consideration. PS are designed to perform of the factual (contact) function in the process of communication. PS are a response to a message, so the PS sentences are closely related to the text and other sentences, which form the text. The analysis shows multifaceted and reciprocal nature of this relationship. PS are due to the value and meaning of the content of the preceding sentence, and at the same time the motive for the continuation of the speech, for the development or completion of semantic fragment. Analysis of the functioning of PS in the text indicates that the text reflects the semantic and structural and communication capabilities of PS. On the other hand, the use of PS in the communication process influences the construction of communicative text determines its semantic structure as PS sentences are linked to the previous one as well, and to the following sentences, and so they are an important link in the construction of a text as an integral unit. Thus, the inclusion of a text analysis reveals patterns of PS in the communication process.

Keywords: text, communicative unit, phraseologised structure sentences, sentence interaction.

Aleksandra V. Zvyagintseva
Moscow State Pedagogic University
sashulik82@list.ru

Intonation as a marker of word associations of the information structure of the text (paradigmatic and syntagmatic levels)

The article is devoted to the study of the information structure of the spoken text. Taking into consideration researches from linguistics, psycholinguistics, cognitive psychology, cognitive linguistics, we analyse discourse intonation and identify the role of intonation in reflecting mental units of some cognitive space that form the information structure of the text. The thematic structure of the future utterance is based on associative relations between lexical units. These units are organised in a hierarchical way. During the pronunciation of the text this type of relationship between the elements of an associative field both on paradigmatic and syntagmatic levels of the utterance can be considered through the category of tone. Study of intonation is very important for the analysis of the in-

formation structure of the text. The content of the text conveys some real situation. In this case intonation together with other language means serves to express the information structure of the text. The article also deals with linguistic and cognitive factors, that determine the intonation structure of the text, and concludes that intonation can show the links between mental units in the cognitive space of speakers.

Keywords: text, intonation, category of tone, associative field of word, paradigmatic Vs. syntagmatic relations.

Lidiya V. Kishalova
Ufa State Aviation Technical University, City of Ufa,
Bashkortostan autonomy, Russia
kishalov@ufanet.ru

Text size selection influence on basic syllable-accent overrhythm calculation results of prose

The article discusses possible lines of investigation in the context of which the decoding process of the language model suggestive potential is a success. It deals with the prosaic text rhythm which is considered to be a tool of the suggestive potential text analysis. It also considers the rhythmic unit hierarchy of prose analysis. This research is devoted to experimental determination of minimal text size, which is necessary for prose mean-square deviation analysis. Syllable-accent prose overrhythm is created by stressed and unstressed syllables interchange within rhythmic group. Approaches to analysis of extract at sentence and text levels are used. Analysis of prose extracts at text level is carried out by means of developed computer programme "PULSE". It is noted the importance of taking into account of all unstressed syllables normal coefficient when analysing rhythmic prose structure. The dependence of index error of mean-square deviation upon prose excerpt size is revealed. According to calculation results a computational error of index by the text size about 70—80 sentences in approach to analysis of prose extract at text and sentence levels is insignificant and amounts to about 1%. This research results will provide a basis for further work upon syllable-accent overrhythm characteristic properties determination of different genre texts. It is necessary to take into account these properties by prose text creation for quality improvement of its perception and comprehension.

Keywords: syllable-accent overrhythm, prose mean-square deviation analysis, rhythmic structure of prose, units of analysis, decoding, suggestive potential, automated analysis of texts, text size selection.

Nikolay Yu. Bazhenov
Samara State Aerospace University
nikolay-ssu@yandex.ru

Zoomorphic images, modelling speech, in Russian patois

The article aims to provide semantic analysis of patois names and reveal the main components of metaphoric comprehension. Zoomorphic metaphor as one of the paths of conceptualisation makes the objective of the research. Zoomorphic metaphor arises from figura-

tive association of speaking man with an animal. The association can be brought to light in names denoting animal's sounds or behaviour in direct meaning and man's speech in figurative meaning. The empirical base of the research is made up of dialect words and phrasemes collected from dialect dictionaries. Generally, the metaphoric images of the particular animals reflect the complex characteristic of speech. The special attention is paid to semantic analysis of names designated the particular items of denotation as acoustic (intonation features, volume, speed and audibility of utterance), conceptual, communicative and pragmatic (truthfulness, intelligibility, expression of emotions and appreciation). The investigation discovers unity of main components of metaphoric conceptualisation and language units expressing them. The most part of lexemes and phrasemes which are examined in the article shows a negative appreciation of speech behaviour.

Keywords: Russian language, Russian folk patois, dialect vocabulary, semantics, metaphor, speech, nomination.

Kseniya S. Kryukova
Nekrasov Kostroma State University
krukovaksenia@gmail.com

Features of transformations of proverbs with opposition in structure (on the material of the proverb there would be no happiness but unhappiness helped)

Many Russian proverbs have in their structure external and internal opposition, which in most cases is expressed by the lexical oppositions, which are a pair of component-antonyms. With the transformation of the proverb, built on the principle opposition in organisation of semantic and formal plans, in most cases, remain enclosed in a language version of proverbs contrast, but in atypical contexts proverbs, due to structural and semantic transformations, losing both external and internal opposition. For example, the proverb "не было бы счастья, да несчастье помогло" ("every cloud has a silver lining"), having in its structure oppositive components "счастье" (happiness), "несчастье" (unhappiness), forming the total value of the proverbs, possible structural and semantic transformation of proverbs with opposition in structure. Due to the opposing components, the proverb formed a large number of transforms. Often, these transforms of proverb due to certain changes may acquire as additional shades of meaning and a whole new meaning. This oppositive character of proverbs is usually retained. In some cases, transforms lose both external and internal opposition of key components. Research proverb "не было бы счастья, да несчастье помогло" and its transforms reveals characteristics change proverbs, as well as conditionality of semantic transformations specifics of their semantics and structure.

Keywords: occasional phraseology, Russian proverbs, occasional transformations, structural and semantic transformations.

Zemfira T. Azizova
Nekrasov Kostroma State University
zema-abdul@mail.ru

Linguistic means of representation of linguistic information in the historical novel by Vasily Yan "Genghis Khan"

Presents theme focused on linguoculturological aspect of research. The object of analysis is a historical novel. In the work are determined by the linguistic means of representation of linguistic information. Linguo-cultural information presented in the text through linguistic units (linguocultural) of different levels that are toponyms and anthroponyms, aphorisms, text dominants. Study of text units is correlated with the principles of discourse analysis addresses the cultural-historical aspect, explains and decodes the linguistic terms. The studied problem is urgent, as related to issues of cultural linguistics and philological analysis of the text. Artwork from this point of view reflects the cultural and national characteristics of people. Information as a basic category of the text is different in its significance. In the text of the historical novel she has linguo-cultural hue, manifesting itself in various elements of the text. To create a vivid picture of the life and living of the peoples of Central Asia Vasily Yan uses the tokens, national nominating, theologism, customs, traditions, rituals and ceremonies, etc. All these nominations are submitted in the form of cultural linguistics units, belong to different types of textual information: substantive, factual, informative, conceptual and content-undertextual. One of the most frequently used by the author of the language means of representation of linguistic information is the use of aphorisms, which occupy the strong position of the text. Aphorisms express content-conceptual and substantive, factual information in a historical novel. The study of the textual information in the historical novel with linguistic and cultural point of view allows you to explore the history and culture of the Central Asian States, to understand the peculiarities of their national mentality.

Keywords: information, linguocultural sign, toponym, anthroponym, aphorism, theologism.

Tat'yana V. Malinskaya
State University of Moscow Region
htgytdf@yandex.ru

Linguistic personality and temporal language code (on material of works by I.A. Bunin)

This article is devoted to consideration of the concept of linguistic identity in connection with temporal language code. Mapped to the concept of personality from the point of view of psychology, everyday representation and linguistics. For a language personality has a dominant value of the human intellect, mental capacity. The paper presents three levels of linguistic identity (Yuriy Karaulov): verbal-semantic, cognitive, pragmatic, or motivated and three groups of language behavior (Vladimir Gak): non-verbal elements of behaviour and reactions, verbal reactions in concrete cultural spheres and conditions, general trends of ver-

bal behaviour. Linguistic personality is described not as a static but as a constantly developing unit, which is progressing along with society, humanity, culture. Time is the most important factor in the formation of linguistic identity. Time is reflected in the language as a temporal code (Yelena Shirokova), which are subcodes: ontological-time representation of a person, chronometrical-chronological sequence of events, the metalinguistic-time terminology in science and subjective – personal psychological time. Used narrow meaning of the code in which language is not identified with the code, but is considered as a system of codes. In this article the ontological temporal subcodes presented in connection with metaphorisation time, chronometric temporal subcodes are described from the point of view of dividing the interim flow and allocation of species such as the chronographia, chronometry and chronology; metalinguistic temporal codes involves extensive terminological component, and the psychological (subjective) temporal codes fully comparable with the psychological perception of themselves in time and time in connection with its own changes. These subcodes analysed in the examples taken from the works by Ivan Bunin, which leads to the understanding of the writer's perception of time.

Keywords: language identity, language picture of world, verbal-semantic level, cognitive level, pragmatic level, linguistic behaviour, temporal language code, ontological temporal subcode, chronometrical temporal subcode, metalinguistic temporal subcode, subjective temporal subcode.

Ol'ga S. Yegorova

*Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
inyaz-egorova@yandex.ru*

Communicative and syntactic organization of the French sentence: a diachronic aspect

The article is devoted to the study of the patterns of formation of the sentence in accordance with its communicative (actual) division being the most important aspect that determines not only the semantic but also the formal organisation of any statement. Classification of communicative-syntactic types of the sentence, reflecting the peculiarities of the interaction of communicative (theme-rheme) structure and syntactic structure is proposed. In constructing communicative and syntactic typology of the sentence such characteristics as actual (theme-rheme) division, general communicative focus and a linear sentence structure as well as the formal parameters of theme-rheme composition are taken into consideration. Based on the given characteristics there are the following types: three common-informative types (with zero theme, prepositional theme, postpositional theme) and six particular-informative types (subject, predicate, object, circonstancie, predicate-object, predicate-circonstancie). A comparative analysis of the communicative-syntactic types of the sentence, the most typical for the French language of the 16th and the 20th centuries is done. It is concluded

that even in the 16th century the structure of the sentence in accordance with its communicative (actual) division followed largely the same patterns as in modern French.

Keywords: communicative (actual) division, theme-rheme structure, syntactic structure, communicative-syntactic types of sentence, common-informative types, particular-informative types.

Mariya S. Gallyamova

*Nosov Magnitogorsk State Technical University,
City of Magnitogorsk, Chelyabinsk Region
maria_gallyamova@mail.ru*

Nataliya V. Klenovaya

*Nosov Magnitogorsk State Technical University,
City of Magnitogorsk, Chelyabinsk Region
nataklen@list.ru*

Translation techniques while dealing with abbreviations within business correspondence translation

The article dwells upon peculiarities of abbreviations while working with business correspondence. Abbreviations in business letters are actively used due to peculiarities of business correspondence requiring laconic language means. The main concepts of business correspondence (namely, laconic, clear, non-ambiguous language of business information as well as sufficient information capability) directly correspond to abbreviations wide use. Besides, a great number of terms and complex word combinations characteristic of a business letter result in wider abbreviations use here than in any other sphere. The point is that it can be reasonable and efficient to apply an abbreviation containing sufficient information data in order to provide an interlocutor with necessary knowledge without much effort and time. In this case, a translator faces a difficult task of rendering this or that abbreviation from one language into another. It is also vital to provide a recipient with full and correct information concerning any background knowledge behind it. The translation techniques under analysis show the most frequently used methods of dealing with abbreviations within a business letter. Transcription, transliteration, analogue, loan translation have both bright advantages and certain disadvantages made clear by the examples presented by the authors. The most widely used translation techniques turn out to be the methods of analogue, transcription, transliteration and loan translation; while the method of description appears to be less appropriate in process of translating abbreviations within a business letter.

Keywords: business letter, abbreviation, background knowledge, translation methods, transcription, transliteration, loan translation, analogue.

Mariya V. Konstantinova

*Nekrasov Kostroma State University
maria4istova@live.ru*

“Americanization” of European languages as the threat of losing identity (on the example of modern Russian and French languages)

The aim of this article is the study of the influence that American culture and English language exercise

over European languages, namely over Russian and French languages. Any language is a reflection of the national identity as well as it is the most dangerous sphere of influence on that identity. The author analyses economical, political and linguistical reasons and ways of how Americanisms appear in the language. The author examines the current state of the problem and studies the subject in synchronic and diachronic aspects. Most attention is paid to the analyse of Americanisms in Russian and French youth magazines. The author evaluates the necessity of using Americanisms: from more accurate meaning that a foreign word gives up to the neglect or special suppression of the native language. This article does not doubt the necessity of mastering English as the instrument of international communication and of studying English-speaking countries' cultures.

Keywords: national identity, "americanization", Americanisms, English language, text, language of Russian press, language of French press.

Yelena Yu. Shcherbatykh
Ushinsky Yaroslavl State University
el.ryabinina@yandex.ru

**Means of modifying evaluation
and their realisation in the journalist's
utterances-interactions (on the material
of modern British interviews)**

The article is devoted to the consideration of the special type of evaluative constructions in modern interviews – constructions modifying expressed evaluation. Unlike constructions stimulating and expressing evaluation, the constructions under study are mainly used in the journalist's utterances-interactions. Utterances-interactions represent a special type of the journalist's utterances, which actualise both reacting and stimulating potential. According to the essence of evaluation change, utterances-interactions modifying evaluation can be divided into three groups: utterances that summarise given evaluation, utterances that express surprise and doubt about given evaluation, utterances that express contradiction and disagreement with given evaluation. On the language level utterances of each group are characterised by certain semantic and structural features, determined by the current communicative intentions of the speaker. The utterances of the first group are characterised by the use of questions with direct word order, which actualise the strategies of suggestion and anticipation. Such utterances provide adequate interpretation of expressed evaluation in the mass recipient's perception. Interrogative utterances of the second group as a rule contain negation which makes the utterance sound more expressive. Based on the juxtaposition of individual and generally acknowledged evaluation, they actualise the strategy of manipulation. The utterances of the third group are mainly structured as declarative sentences and are used in order to enforce the opposite evaluation on the speaker. A lot of utterances modifying evaluation are not completed semantically, structurally and (or) in-

tonationally, which allows referring them to specific units of dialogic speech – incomplete utterances.

Keywords: evaluation, interview, utterances-interactions, constructions modifying evaluation, journalist's communicative intentions, questions with direct word-order, questions with negation, incomplete utterances.

Vera G. Pertseva
Ivanovo State University
vera.perczewa@yandex.ru

**The dictionaries of politicians' language
in the context of English lexicography**

The article describes the role of dictionaries of politicians' language in author lexicography which studies the dictionaries devoted to famous people. The author of the research work regards the dictionaries of politicians' language in connection with the conception of the language personality and points out that the high degree of ideologisation and politicisation of the society is the reason of linguists' deep interest in dictionaries of this type. Special attention is paid to the dictionaries which register quotations of famous political figures because a quotation is a precedent utterance having become a part of linguocultural space of a speech community. The author traces the history of dictionaries of politicians' quotations from the first concordances to the literary works of the great English writers up to modern times revealing in detail the stages of evolution of a quotation from the illustrative example up to the independent unit of lexicographic description. The article underlines such functions of a dictionary of politician's quotations as reference, didactic, mnemonic, cultural and communicative ones. The author reveals the connection of the peculiarities of the dictionaries of such a type with the modern lexicographic trends: the anthropocentric orientation, the change of a user's profile and the transformation of the science of dictionary-making into the reference science which is focused on the user's perspective.

Keywords: author lexicography, dictionary, quotation, politician, concordance, glossary, language personality conception, user's profile, reference science, cultural heritage lexicography.

Ol'ga V. Kosonogova
Southern University of the Russian Federation,
City of Rostov-on-Don, Russia
olgakosonogova@yandex.ru

**Informal names of legislative, executive
and judicial branches of power
in Anglo-American systems of law**

The article describes the examples of replacing of official names of legislative, executive and judicial branches of power by informal names in Legal English. The informal names are expressed by discourse-conditioned proper names which have lingual and cultural specific features, national and historical colour and are discourse markers which attribute a text to English discourse of law. The method of discourse analysis applied in the course of investigation makes

it possible to systematise the legal proper name-based terms, a great number of which is conditioned by the nature of precedent law, and to analyse their word formation models and functions in the discourse of law. The informal names form the special group of lexical units expressed by proper names. The research shows that lexical units which can replace the official names, terminoids, and proper name-based terms should be deeply analysed from the point of view of their origin, formal structure, their meanings and also functional features.

Keywords: discourse of law, Legal English, legal proper name-based terms, lexical units.

Aleksey N. Koptsov
Moscow Pedagogic State University
alexeykoptsov1991@mail.ru

Language eclecticism as a feature marking the modern genre of “Russian Chanson” as reflected in the creative song poetics of Elena Vaenga

This study discusses the features of lexical and phraseological organisation detected in the poetic texts of Elena Vaenga, singer-songwriter, representing the contemporary genre of “Russian Chanson”. The research is aimed at the analysis of both linguistic and aesthetic characteristics of Elena Vaenga’s song texts with a focus upon stylistically relevant lexical and phraseological units, their invariants and variations. The research is based on the hypothesis that the language of “Russian Chanson” is marked with eclecticism and stylistic diversity having the author’s strongly pronounced features forming her specific idiosyncrasy in song poetics.

Keywords: genre, song poetics, chanson, “Russian Chanson”, linguistic eclecticism, synthesis, lexical unit, idiom, occasional phraseological unit, phraseological transformation / variation.

JURAL SCIENCES

Vladimir Yu. Stel'makh
The Urals Law Institute of the MIA of Russia, City of Yekaterinburg
vstelmah@mail.ru

Some procedural aspects of the interaction between the investigator and expert in the appointment and manufacture of judicial examination

The article analyses the current procedural aspects of the interaction between the investigator and expert in the forensic examination of criminal cases. The author summarises the situation in which the expert has the right to refuse to carry out the examination entrusted to him. Provided 3 types of these situations: 1) when the examination is impossible in principle (in the absence of research methods at the present stage of development of scientific and technological progress, if necessary, the use of life-threatening and health expert techniques, the provision of destroyed and unusable for research facilities etc); 2) when the examination could not be carried out in a particular

expert institution (in the absence of an expert in it the necessary expertise or special equipment); 3) code examination is unacceptable to entrust a particular expert (if there are grounds for his removal, or if he has no sufficient knowledge for the study). Procedure details the procedure for failure from the expert examination. Also in the paper the right expert to be present during the expert examination and statutory limitations of the law (in particular, the ban on the investigator to be present at the meeting of experts of findings). In addition, the article examines the envisaged bylaws expert action algorithms with material failure, given to him by the investigator. Russian Ministry of Internal Affairs analysed the orders requiring the investigator when you receive it small number of submissions to notify the investigator and declare the request for replenishment of materials. The paper addresses the issue of the allocation of all expert divisions into an independent agency. The author believes that the expert’s independence can be achieved under the current organisational structure of law enforcement.

Keywords: criminal procedure, preliminary investigation, investigative actions, appointment and manufacture of judicial examination, presence of inspector at examination, expert waiver of examination, filling materials submitted for examination.

Sergey V. Smirnov
Nekrasov Kostroma State University
sergey-1977-04@yandex.ru

Problems of legal regulation of the organisation of municipal power in the present stage of the reform of local self-government in Russia

The author in the article examines the problems of the organisation of the municipal authorities in regions of Russia. In 2014, the regions were given the right together with the municipalities themselves to determine the optimal model of local self-government and to consolidate them in the law. In most regions opted for a rigid unification, when all municipalities or to a certain type of installed only possible form of government. But it is impossible to argue that the choice is not everywhere. In Kostroma Region governor and deputies deem it necessary and essential to take into account past experience and to consolidate the regional law for municipalities those forms of organisation of power, for which they consider themselves to be effective and optimal. In his article, the author argues that is currently being finalised ten-year stage of the reform of local government. This stage is characterised by carrying out a lot of experiments, which aim to find the most correct and effective forms of cooperation between authorities at all levels.

Keywords: local government, organisation of municipal government, head of municipality, head of local administration, subject of Russian Federation, municipality, representative council.

Tahir I. Nigmatzyanov
Nekrasov Kostroma State University
 tin962@mail.ru

**Kostroma municipal elections
 on the single voting day September, 13, 2015:
 electoral system and electoral process**

The article is devoted to the study of the electoral system and the electoral process on a municipal level. The article characterises municipal elections as the most effective form of the local government exercised by the citizens. It enumerates democratic principles of the electoral process. The author studies how electoral system and electoral process were actualised in Kostroma during the elections to municipal Duma on September, 13, 2015. The author compares and analyses statutory legal acts of the elections on federal, regional and municipal levels. The article generalises the functioning of two electoral systems – majority system (single candidate district voting) and proportional election system (single municipal district voting) and proves that any mixed electoral system is impossible. The author describes the stages of electoral process – from the decision of holding municipal Duma elections to the summation of the Election committee results of September, 18. Special attention is paid to the role of electoral associations – regional offices and political parties' organisations. The author also describes the Hare quota and shows the relative effectiveness of present electoral system. The article ends with some proposals to improve the municipal election campaign.

Keywords: single voting day, elections, electoral systems, electoral process, Kostroma Election committee, Kostroma Duma, Hare quota, political parties, single candidate district, single municipal district.

Sergey I. Sayenko
Didorenko Lugansk Academy of Internal Affairs
 sergeisaenko@rambler.ru

**The development of conceptual-categorical
 apparatus of the theory norms
 of administrative law in the Russian Empire**

The article proves the thesis that the concept of rules of administrative law is not frozen in the development of the phenomenon. This is due to the fact that this concept contains within itself the possibility of further improvement of terminological expressions, the content, and the legislative consolidation. Also, attention is drawn to the fact that the Russian Empire was dominated by two basic approaches to development of administrative law. Adherents of the first approach, called a deep study of administrative law dogmas and conduct detailed studies of the administrative and regulatory support of public life. Adherents of the second approach suggested to study also expose policy of administrative law, which has as its object the study of the problem of administrative law and the means of achieving them. The work carried out an analysis of thinkers' scientific development thinkers who during the period of Tsarist Russia recognised the adminis-

trative law as an independent legal industry and science. It is proved that in their works they indicated the importance of a case study of the theory of norms of administrative law. To the merits of scientists of the Russian Empire also included the development of new administrative-legal science terminology, and the integration of content of various scientific concepts.

Keywords: administrative law, police law, rule, administrative science, Russian Empire, notion, dogma, politics of law.

Yelena B. Serova
*St. Petersburg Law Institute (branch) of Academy
 of General Prosecutor's office of the Russian Federation*
 serowa@yandex.ru

Sergey V. Dushkin
*The Academy of the General Prosecutor's office
 of the Russian Federation*
 dushkin-sv@yandex.ru

**The organisation of Prosecutor's supervision
 over the legality of the inquiry and preliminary
 investigation in criminal cases involving drug
 trafficking**

The article concerns topical problems of organisation of activity of the Prosecutor's supervising the legality of the inquiry and preliminary investigation on criminal cases about drug trafficking, the Prosecutor's office of the district link and office of public Prosecutor of the Russian Federation. The authors draw attention to the organisation of supervision of observance of laws in the resolution of statements (messages) about the crime in the sphere of drug trafficking, the implementation of operative-search activity in cases of crimes of analysed species, with the implementation of the procedural activities of the investigator at various stages of investigation of crimes in sphere of drug trafficking. Draws attention to common problems and shortcomings in the activities of the authorities conducting the preliminary investigation and the bodies performing operatively-search activity. Discusses the features of records management in the implementation of prosecutorial supervision over the legality of the inquiry and preliminary investigation on affairs about the crimes connected with a drug trafficking. Proposed a set of practical recommendations on increase of efficiency of activity of the Prosecutor at various stages of the criminal process with reference to current legislation and departmental normative acts. In addition, the authors note that the Prosecutor cannot be limited to the current supervision of investigation of separate crimes in the sphere of drug trafficking. There need systematic syntheses of judicial-investigatory and public Prosecutor's supervision practice in cases of drug trafficking.

Keywords: Prosecutor, Prosecutor's supervision, drug trafficking, preliminary investigation, inquiry, operational-investigative activity, crimes in sphere of drug trafficking.

Ol'ga N. Artyushina
Nekrasov Kostroma State University
peoln@yandex.ru

Selected questions concerning the activities of legal clinical education in Russia

Based on studies and analysing the legal frameworks for the operations of legal aid offices and their implementation, the article considers the meaning of the legal clinical education as a basis for the formation of the prospective lawyers. Every year the number of legal aid offices increases with the help of legal clinics activities. While, operating environment of clinics, quality of the consultations, interest of higher education institutions management leadership in ensuring necessary conditions to achieve the common meaningful direction goals are various. Today it is impossible to overstate the importance of the work in legal clinic for prospective lawyers. While some problems with implementation of legal education purposes are still exist.

Keywords: legal clinic, free help, practice, consultation, education.

Andrey M. Shirokov
Court of Kostroma Region
ashirokov44@mail.ru

On the issue of development of provision of criminal prosecution carried out by an attorney concerning cases of infliction of property damage under false pretence and misuse of confidence in the scope of housing and communal services

Significance of capable use of criminalistics in practice by an attorney concerning cases of infliction of property damage under false pretence and misuse of confidence in the scope of housing and communal services is revealed in the article. Forensic technique has a calling for development of efficient modes of counteraction against crime, methods of averting and investigation of criminal encroachments, including these of a particular type. An attorney as a party to criminal proceedings in its professional activity has to side with one of the system of scientific forensic recommendations based on well-tried methods of clearance, investigation and averting of crimes. Thanks to significant experience in appreciation of forensic essence of (wrongful) acts in the scope of housing and communal services, to predictive power concerning further development of investigation situation, to judicial and investigative precedents' data it disposes of, as well as thanks to extensive knowledge of proof efficiency, an attorney is able to significantly contribute to accusational activities based on principles of legality. Using knowledge of criminalistics in the scope of war on crime in housing and communal services, an attorney is able to effectively utilise the procedural toolkit given to it by law; is able to rule out formalist approach in exercising its powers; is able to finish up with requisite consolidation of law and order in the legal relations at hand. Special attention should be paid to development of forensic provision of criminal prosecution carried out by an attorney in order to reach the specified aim.

Keywords: housing and communal services, forensic provision, attorney, infliction of property damage under false pretence and misuse of confidence.

Anastasiya V. Shatskaya
Nekrasov Kostroma State University
urist@sv-en.ru

Audio recording as a security element of the observance of reasonable time in the district courts

This article describes methods for improving mechanism of provision a reasonable time of legal proceedings in a district court through the introduction of system of audio recording. The analysis of regulations governing the Institute of audio recording, practices of audio recording in arbitration courts, as well as in a separate "pilot" courts of General jurisdiction have the main advantages and disadvantages that may impact on the positive result of the implementation of the innovation system logging and ensure a reasonable duration of the proceedings in the district courts. Emphasised that in the future the audio recording should completely replace the paper and thereby to ensure greater accuracy of fixation of the arguments of the parties and examining the evidence in cases, ensure due process and to improve the robustness of the behaviour of the participants. The author comes to the conclusion that, despite some difficulties, the introduction of audio recording as a concomitant component of the mechanism to ensure a reasonable time frame seems quite promising and, of course, important and reasonable step in the development and improvement of justice in the Russian Federation as a whole.

Keywords: audio recording, reasonable time, organisational-and-legal mechanism, legal procedure, district court, judicial reform.

Vasily V. Glushkov
Court of Sverdlov District of the City of Kostroma
vasilkoff.vasilij2016@yandex.ru

Will the court reform go further in Russia

Taking into account the expected changes that are conceptually laid the foundation of the federal target programme in regulations "Development of the judicial system of the Russian Federation for 2013-2020", namely the structural reform of the judicial system, which were introduced in the Constitution of the Russian Federation, changes are not anticipated, were unexpected for law public, for scholars and for practitioners, as well as for the judicial system itself. The point of view of the reasons for such a major change in the judiciary are invited to the discussion in the article, as well as the question of whether the said Federal Constitutional Law is final in a stage of higher courts Judicial Reform of Russia or it is one of the stages of change in the judicial system issue.

Keywords: judicial system, Supreme Court of Russian Federation, Supreme Court of Arbitration of Russian Federation, administrative agencies, regular courts, arbitrages.

Ol'ga V. Ivanova
Nekrasov Kostroma State University
olgaivanova21101993@mail.ru
Lyudmila A. Siverskaya
Nekrasov Kostroma State University
lsiverskaya@yandex.ru

**The evolution of scientific views on
the development of the principle of reasonable
time of criminal proceedings**

In this article, the authors examine the relatively new criminal procedure legislation of the Russian Federation legal Institute of a "reasonable term of criminal legal proceedings". The analysis of the sources published in different periods of history of the Russian state, the collection of laws introduced by Ivan III in 1497, the legal code promulgated in 1649 by the assembly of the land under Alexis of Russia, the Brief image of processes or judicial litigation-of 1715, code of laws of 1832, criminal and criminal-procedural codes of 1923 and 1960. Studied opinions of scholars average about the evolution of this principle. Based on the research the authors conclude that the norms of the first monuments of Russian law contained provisions on the observance of terms of consideration of specific cases, thereby suppressing the facts of red tape and unnecessary delays in the process. Discusses the circumstances that prompted lawmakers in 2010 to amend the existing criminal procedure code of the Russian Federation about reasonable term of criminal proceedings, as the principle, analyses positions of scientists-average in scientific discussions about the place of this Institute in the criminal process, express their own judgments.

Keywords: principle of reasonable time of criminal proceedings, criminal process, violation of citizens' rights to trial within a reasonable period of time, fulfilment of international obligations.

Tat'yana S. Kovalenko
Didorenko Lugansk Academy of Internal Affairs
kovalenkots@mail.ru

The historical genesis of judicial power

The article addresses the issues associated with the formation of the judiciary power in Russia. It was studied normative and the legislative acts of the base of which was approved the concept of judicial reform. It was described this legal institution on the main stages of the justice in Russia. Identify problem points functioning of the institution of judicial power in the modern period, which should be taken into account in its further development. Among them, the author highlights the need to enhance the authority of the judiciary, the ability to seek recognition and voluntary execution of court decisions, the formation of a system of social and financial guarantees for carriers of the judiciary, which gave rise to their moral need to act according to moral norms and the letter of the law, the organisation of such an interaction vessels and of contributing to the realisation of justice, in which will be fully working system of cheques and balances, and others.

Keywords: judicial reform, court, justice, judiciary, legal proceedings, judicial system.

Sergey P. Zhdanov
Russian State Agrarian University – Timiryazev Moscow
Agricultural Academy
zhdanov120009@yandex.ru
Natal'ya V. Kuznetsova
Russian State Social University,
branch in the City of Lyubertsy, Moscow Region
natalya4930@mail.ru

On the question of lobbying and lobbying activities

The article analyses Russian and foreign institutions and technologies of political lobbying; examines the legal and political practices of lobbying in Russia; analyses the characteristics of foreign lobbying. Discusses the subjects of lobbying activities in Russia and abroad; reveals mechanism of political lobbying through the prism of the activities of interest groups. The necessity of legal regulation and control by the state lobbying activities in Russia as illegal lobbying of bypassing laws and moral point of view is corruption; it also shows the corruption perception Index across regions, among which the most impressive in the African continent and the countries of the former Soviet Union.

Keywords: lobby groups, corruption, lobbying, lobbying activity, model of lobbying, political lobbying, legal lobbying.

Viktor G. Bespalko
Russian Customs Academy, City of Moscow
viktor_bespalko@mail.ru

The talion law in old Testament criminal law

In article on the basis of the content of the Pentateuch explores the various manifestations of the ancient principle of talion in mosaic criminal law and reveals its significance as the expression of a peculiar Oriental ideas of justice punishment for the crime. The author shows how the religious doctrine of prophet Moses influenced the interpretation of the meaning of talion in the old Testament law and resulted in qualitative degeneration. In addition, the article attempts to reveal profound legal and religious-moral meaning implied by prophet Moses in the formula of talion, which have reached us from ancient times (13th century bc), and gained worldwide fame. The article presents the perspective of other Russian and foreign experts in the field of exegesis of the old Testament and the history of law and state on the importance of the principle of talion for the development of Jewish and Christian legal culture, further approved and legally establish the idea of fairness as a fundamental principle of modern criminal law. In the context of comparative legal studies of the ot talion formula are compared with the relevant provisions of other sources of ancient Oriental and medieval Russian law. At the end of the article the author's conclusions about the importance of the principle of talion as a reflection of ancient Jewish notions of justice in determining the nature and limits of punishability of crimes in criminal law of Moses.

Keywords: history of criminal law, biblical legal history, criminal law of old Testament, books of Mo-

ses' criminal law, ancient criminal law, principles of criminal law, law of talion, principle of justice, punishment, religion and law.

Boris Ye. Roshchin
Nekrasov Kostroma State University
pravoborise@mail.ru

Development of the legislation on social protection of the Russian workers in 1918

The article is devoted to consideration of legal aspect of the social policy of Bolsheviks pursued in the first year of formation of the socialist state. The main goal of the work is: analysis of features of formation and development of system of legal support of social protection of the Russian workers; identification of the main problems connected with legal support of processes of social insurance and social security; generalisation of results social and legal functions of the state, during the considered period; a formulation of the corresponding conclusions on a subject.

Key standard-legal acts adopted by the Bolshevik power in the specified period are analysed by the author. The most important legal standards, according to the author, are: the decree "On Insurance Council"; the decree "On Insurance on an Illness Case"; statute "On Insurance on an Unemployment Case". The author pays the main attention to a general characteristic of the "Decree on the Social Security of Working People" (as of 10/31/1918) which visually reflected ideological installations and political intentions of the Soviet power in the sphere of social protection of workers, and also defined character and the main directions of development of social security during the Soviet period. The corresponding views of theorists and practitioners of the Bolshevism of a form of the organisation of system of social protection of the Russian workers in the conditions of formation new "socioeconomic formation" are also given in the article. As a result of the analysis the above legal acts and studying of the corresponding works, the author comes to a conclusion that within the first year of formation of "dictatorship of the proletariat" the new power carried out active and quite consecutive functions in the sphere of legal support of social protection of workers that quite logically conformed to objective realities and ideological requirements. However, a row standard-legal acts of the social sphere had an obvious shade of populism.

Keywords: principles of working insurance program, social insurance, insurance on illness case, insurance on unemployment case, social security, financing of social security, provision of pensions.

UNIVERSITY SCIENTIFIC LIFE

Sergey M. Usmanov
Ivanovo State University
ilapsi@yandex.ru

An intelligent person and the authorities: Mikhail Pogodin and Emperor Nicholas I on the eve of the Crimean War

The relationship of the famous Russian historian, publicist and public figure of the mid 19th century Mikhail Pogodin and Emperor Nicholas I before the Crimean War is discussed in the article. The author analyses the "political letters" of Mikhail Pogodin and highlights their main points. The article analyses the understanding of European reality by Mikhail Pogodin. Special attention is paid to comments to the Sovereign, which he was gave with the proposals of Mikhail Pogodin to change Russia, proposal to change the Russia's foreign policy. The relevant considerations were submitted by the Emperor to Mikhail Pogodin. The author argues against other interpreters of Pogodin creativity and gives its own assessment of the proposals of thinker. The article highlights the differences in the attitude of the intelligentsia and the Autocrat, and the difference in their specific political assessments of Russia's position in the world in the mid-19th century.

Keywords: Mikhail Pogodin, Emperor Nicholas I, Russia's foreign policy, Crimean War, intelligentsia, political power.

Irina A. Yedoshina
Nekrasov Kostroma State University
tettixgreek@yandex.ru

Russian lives: Mikhail Pogodin (1800—1875) and Mikhail Katkov (1817—1887)

On the basis of traditions established in Plutarch's "Lives", the article compares two key figures of Russian history and Russian literature – Mikhail Pogodin and Mikhail Katkov. The author draws attention to the fact that history is not limited to a range of dates, for each of which there are implicit and explicit meanings, unique physics and metaphysics of being. The work emphasises the importance of personal aspect in understanding of the events, it also reveals the reasons for which Mikhail Pogodin and Mikhail Katkov turned out to be exiles from Russian culture. The comparison is based on biographical data of Mikhail Pogodin and Mikhail Katkov. It appears that the portrait of Mikhail Pogodin was painted by Vasily Perov, who, first and foremost, was guided by his own ideological predilections, and no artist agreed to paint the portrait of Mikhail Katkov, hard as Pavel Tretyakov tried, the reasons for this are explained. The author emphasises the difference in their family background (Mikhail Pogodin – of predial serf origin, Mikhail Katkov – of the

noble origin); in age (Mikhail Katkov studies under Mikhail Pogodin at the University); in understanding the conditions of marriage (for Mikhail Pogodin, it's a love match, for Mikhail Katkov – it is a rational match, although in both cases many children are born; in the understanding of aims of social activity (compared with Mikhail Katkov, Mikhail Pogodin was more liberal-minded). The article also traces the characteristics that both Mikhail Pogodin and Mikhail Katkov share: interest in the “marginal” issues (the Polish and the Baltic provinces); sincere love of the country; denial of the revolutionary path of social development; possession of artistic gift; having a good command of journalistic genres; a keen interest in history, journalism and teaching.

Keywords: Russian history, Russian literature, comparison, biography, journalism, publicism, Pogodin, Katkov.

Ol'ga B. Pankratova

*Nekrasov Kostroma State University
pankratova_olga@ksu.edu.ru*

Aleksandr A. Turygin

*Nekrasov Kostroma State University
aturigin@mail.ru*

Mikhail Pogodin in memoirs of contemporaries and historical researches

In the article it is about life and activity of the historian, the publicist, the collector of ancient historical documents Mikhail Pogodin. The accent is put on research of the source study and historiographic traditions connected with studying of life and Mikhail Pogodin's creativity. As sources memories of contemporaries of Mikhail Pogodin, and also works of the historian written on the different historical eras containing estimates (different) roles and values of activity of Mikhail Pogodin as the historian, the publicist, the collector of ancient documents are used. The historiography review contains the analysis of participation of Mikhail Pogodin in public historical discussions of the 19th century; its position in relation to the movement of Slavophiles is considered. Authors of article adhere to the point of view that Mikhail Pogodin was not a Slavophile in that sense which traditionally contacted the use of the word “Slavophile”. Mikhail Pogodin was not fond of geopolitical designs of borders of the empire that occupied Slavophiles, and sought to understand originality and specifics of historical development of Russia. The points of view of the historian, political scientist and linguist on various aspects of activity are given in the article; the assessment is given to his participation in public discussions on problems of an origin of Russia (“Normanism theory”), Peter I transformations and serf reform of 1861.

Keywords: memoirs, historical sources, historiography, Slavophiles, archaeographical commission, public discussions of first half of 19th century, Moscow University, professor, biography.

Aleksandr V. Pavlov

*Nekrasov Kostroma State University
av-pavlov@list.ru*

On the issue of the “young eds” of “The Muscovite”

“Erudite-literary” magazine “The Muscovite” was founded by a professor of history, Mikhail Pogodin in 1841. The most fruitful period for the magazine began when Mikhail Pogodin handed editorial rights young writers Alexander Ostrovsky, Terty Filippov, Yevgeniy Edel'son. Later they were joined by Apollon Grigoryev, Nikolai Berg, Boris Almazov, Lev Mei and others. They were called – “young editors” of “The Muscovite”. Among the members of the editorial board were playwrights, poets, novelists, critics. Some had experience of editorial work, but “The Muscovite” all set out to create a new journal ideological-aesthetical directions. At the core of their passion for creative work lay folk art. They sought to deeply explore the life of the people in its modern manifestations. Problem of science of folk has become one of the most important in their work. It identified new ways in drama Alexander Ostrovsky criticism of Apollon Grigoryev, poetry Lev Mei. Creative Cooperation of “young version” proved to be successful in the sense that it reached out to dozens of progressive-minded young people who are imbued with the idea of people's dream and find their way in the literature. By “The Muscovite” pulled as well already well-known people. Meetings were regulars: actor Prov Sadovsky, the artist Pyotr Boklevskiy, sculptor and writer Nikolay Ramazanov. The undoubted leader in this community has been Alexander Ostrovsky. “Young revision” Alexander Ostrovsky grew into a circle, which some participants were later called literary school. However, researchers who apply to the study of the history and aesthetics of “young editorial staff” “The Muscovite” often forget it, relying only on a few names. Looking for other approaches to create a complete picture of this extraordinary literary phenomenon.

Keywords: Mikhail Pogodin, “younger eds”, circle of Alexander Ostrovsky, science of folk, Westernisers, Slavophiles.

Larisa I. Sizintseva

*Kostroma State Technological University
sizpost@yandex.ru*

“Travel notes” by Mikhail Pogodin about Kostroma Province

The article about Mikhail Pogodin deals with travel notes published in 1841 in the literary magazine “The Muscovite”. The review is done in the context of the literary genre of travelogue that was widely practiced in the 19th century. Pogodin's journey is viewed as a way of personal identity formation. An important issue was a comparison between the West (as something Other) and Russia, a capital and a province, cities and remote villages. The very first editions of Pogodin's magazine were devoted to his travel notes made in

SUMMARY

Paris. Later he presented notes about his journey to the Russian North through Nizhny Novgorod, Kostroma and Vologda. There is a part of “Notes” dedicated to the journey across Kostroma Province. The author was interested in daily reality of passers-by, their problems and conversations. At the first opportunity he visited educational institutions, that became a reason for reflection of how and what to teach (both teachers and

pupils). He noticed things representing past and also searched for people collecting antiquities. All that may be used in studying of following history branches as Alltagsgeschichte, microhistory, personal history, oral history, memory studying etc.

Keywords: travelogue, sources of personal origin, everyday life history of Kostroma Province, Mikhail Pogodin, literary magazine “The Muscovite”.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

1. Статьи направляются в редакцию **только в электронном виде**. Электронный вариант статьи представляется вложением в электронное письмо.

Помимо статьи авторы (в этом же письме) отправляют **отсканированный вариант рецензии** на статью специалиста соответствующей отрасли наук с подписью и с печатью (рецензии не требуются для докторов наук)

2. Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе **Microsoft Word** и сохраняется в формате, **полностью совместимом с Word 97–2003**. Если в статье присутствует большое количество символов, иностранные слова, надстрочные и подстрочные знаки, помимо электронного варианта статьи в текстовом редакторе **Microsoft Word**, в редакцию необходимо предоставить электронный вариант статьи, сохраненный в формате **PDF**. В качестве имени файла указывается фамилия, имя и отчество автора русскими буквами (например: Иванов Иван Иванович.doc).

3. Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат – А4; поля – по 2,5 см со всех сторон; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 14; межстрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1,25 см.

4. Максимальный объем текста статьи с аннотацией, ключевыми словами и библиографическим списком – не более 14 страниц машинописного текста.

5. Аннотация к статье должна быть объемом 150–200 слов. Количество ключевых слов – от 7 до 10.

6. **Ф.И.О. автора, название учебного заведения, организации (место учебы, работы), название статьи, аннотация должны быть переведены на английский язык.**

7. Библиографический список должен быть представлен **в алфавитном порядке**. Ссылки в тексте статьи оформляются **квадратными скобками** с указанием порядкового номера издания по библиографическому списку и страниц. Например: [9, с. 256], [2, т. 5, с. 25–26].

Библиографический список должен содержать не более 15 источников.

8. Единицы измерения приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).

9. Рисунки, схемы, диаграммы.

В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретный рисунок, например (рис. 2).

Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах jpg, tif, (Grayscale – оттенки серого, разрешение – не менее 300 dpi).

10. Таблицы. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word, располагаться в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например (табл. 2). Структура таблицы должна быть ясной и четкой, каждое значение должно находиться в отдельной строке (ячейке таблицы). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. (В таблицах возможно использование более маленького кегля, но не менее 10).

11. Формулы выполняются только в редакторе **MS Equation**.

12. Десятичные дроби имеют в виде разделительного знака запятую (0,78), а при перечислении десятичных дробей каждая из них отделяется от другой точкой с запятой (0,12; 0, 087).

ПОСТРОЕНИЕ СТАТЬИ

Каждый новый пункт не нужно нумеровать, но порядок размещения материала должен соответствовать представленному ниже списку.

1. Отрасль наук и специальность.
2. Индекс УДК (присваивается в библиотеке по названию статьи и ключевым словам).
3. Фамилия, имя, отчество автора (полностью).
4. Ученая степень и ученое звание.
5. Полное название организации, город, страна (в именительном падеже) – место работы или учебы автора.
6. Адрес электронной почты для каждого автора.
7. Почтовый адрес с индексом (для последующей отправки журнала) и контактный телефон.

8. Название статьи (сокращения в названии недопустимы).
9. Аннотация, представляющая краткое содержание статьи, описание основных результатов (150–200 слов).
10. Ключевые слова (7–10 слов или словосочетаний, несущих в тексте основную смысловую нагрузку).
11. Ф.И.О. автора, название учебного заведения, организации (место учебы, работы), название статьи, аннотация и ключевые слова на английском языке.
12. Текст статьи.
13. Библиографический список (указывается в алфавитном порядке, нумеруется).

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 821.161.1.09

Коптелова Наталия Геннадьевна

доктор филологических наук, профессор

Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова, г. Кострома, профессор кафедры литературы

kng@mail.ru

Адрес: индекс, Город, Улица, дом, квартира. Телефоны: домашний; мобильный.

Эволюция оценок духовных исканий Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского в критике Д.С. Мережковского 1906–1908 годов

В статье рассматривается роль идеи «религиозной общности» в эволюции оценок духовных исканий Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского в критике Д.С. Мережковского 1906–1908 годов...

Ключевые слова: эволюция, религиозная общность, литературная критика, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, новое христианство.

Текст статьи.

Библиографический список.

Nataliya G. Koptelova

Nekrasov Kostroma State University

kng@mail.ru

The evolution of assessments of spiritual searching of Leo Tolstoy and Fyodor Dostoyevsky in the criticism by Dmitry Merezhkovsky in 1906–1908

The article examines the role of the idea of “religious community” in the evolution of the estimates of spiritual quest of Leo Tolstoy’s and Fyodor Dostoyevsky’s criticism of Dmitry Merezhkovsky in 1906–1908...

Keywords: evolution, religious community, literary criticism, Leo Tolstoy, Fyodor Dostoyevsky, new Christianity.

ОФОРМЛЕНИЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СПИСКА

Моноиздания

Если авторов не более трех, то указывают всех.

Фамилия автора, инициалы. Название издания / информация о переводе и редакторе, если они есть. – Место издания: Издательство (издающая организация), год выхода издания в свет. – Количество страниц.

Например:

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М.: Наука, 1976. – 383 с.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Рус. яз., 1983. – 269 с.

Если у издания четыре автора, то все их инициалы и фамилии приводят после косой черты. Если авторов пять и более, то указывают фамилии первых трех с добавлением «и др.»

Например:

Лингвистическое обеспечение в системе автоматического перевода третьего поколения / Ю.Д. Апресян, И.М. Богуславский, Л.Л. Иомдин и др. – М.: Наука, 1978. – 38 с.

Многотомное издание

Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: в 14 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1937–1952.

(Если в библиографическом списке Вы указываете многотомное издание, в тексте статьи в квадратных скобках необходимо приводить не только порядковый номер источника в списке и страницу, но и *том*: [4, т. 9, с. 324]).

Один том из многотомного издания

Блонский П.П. Избранные психологические и педагогические произведения: в 2 т. – М.: Педагогика, 1979. – Т. 2. – 399 с.

Сборники

Название сборника / сведения о составителях; редакторах и т.п.: вид издания. – Место издания: Издательство, год выхода в свет. – Количество страниц.

Например:

Методологические проблемы современной науки / сост. А.Т. Москаленко; ред. А.И. Иванов. – М.: Политиздат, 1979. – 295 с.

Статьи из сборников

Фамилия и инициалы автора. Название статьи // Название сборника статей. – Место издания, год издания. – Страницы начала и конца статьи.

Например:

Чайкина Ю.И. Вопросы истории лексики Белозерья // Очерки по лексике севернорусских говоров. – Вологда: Вологод. гос. пед. ин-т, 1975. – С. 3–187.

Статьи из журналов

Фамилия и инициалы автора. Название статьи // Название журнала. – Год издания. – Номер тома. – Номер выпуска. – Страницы начала и конца статьи.

Например:

Формановская Н.И. Размышления о единицах общения // Русский язык за рубежом. – 2001. – № 1. – С. 56–63.

Статьи из газет

Райцын Н.С. В окопах торговых войн // Деловой мир. – 1993. – 7 окт.

Справочные издания, энциклопедии, словари

Словарь иностранных слов. – 11-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1984. – 608 с.

Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина; Институт научн. информации по общественным наукам РАН. – М.: НПК «Интелвак», 2003. – 1600 стб.

Статьи из энциклопедий, словарей

Фамилия и инициалы автора. Название главы, статьи (или другой составной части издания) // Название издания. – Место издания: издательство, год издания. – Том. – Страницы начала и конца главы, статьи.

Например:

Телия В.Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 336–337.

Диссертации

Персианова Н.А. Особенности творческого решения педагогических задач при обучении русскому языку студентов-иностранцев: дис. ... канд. педагог. наук. – Л., 1971. – 267 с.

Авторефераты диссертаций

Воротников Ю.Л. Категория меры признака в смысловом строе русского языка: автореф. дис. ... д-ра филолог. наук. – М., 2000. – 43 с.

Материалы из сети Интернет

Автор. Название материала (учебника, статьи и т.п.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sth.com/article.html> (дата обращения: 24.02.2012).

Например:

Массовое политическое участие в России: только выборы или что-то еще? // ВЦИОМ: Пресс-выпуск № 1728. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111514> (дата обращения: 11.03.2013).

Архивные материалы

Записки о чумном бунте. Автограф // РО ИРЛИ. – Ф. 265. – Оп. 2. – Д. 1195. – Л. 7–10.

РГАЛИ. – Ф. 26. – Оп. 8. – Д. 231. – Л. 8.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК

**Костромского государственного
университета имени Н.А. Некрасова**

2016 – Т. 22 – № 2

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Костромской государственной университет имени Н. А. Некрасова»

Главный редактор

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе КГУ им. Н.А. Некрасова

Компьютерная верстка

А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-56159 от 15 ноября 2013 г.

Подписано в печать 07.04.2016.
Дата выхода в свет 31.05.2016.
Формат 60×90 1/8. Усл. печ. л. 41,5.
Уч.-изд. 43,2 л.
Тираж 500 экз.
Изд. № 122.

Подписной индекс: **18902**
Адрес редакции, адрес издательства, адрес типографии:
156961, г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.
Телефон: **(4942) 39-16-56**, факс: **(4942) 31-13-22**,
E-mail: vestnik@ksu.edu.ru

Цена свободная
При перепечатке ссылка обязательна